

Годъ XII-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

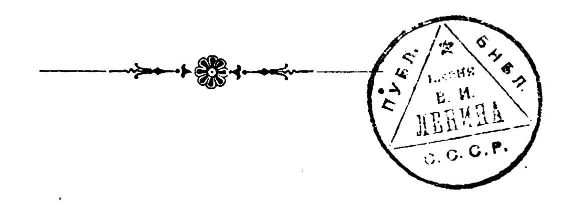
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1903 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

Дозволено цензурою 26-го февраля 1903 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Памяти Александры Аркадьевны Давыдовой.

(Замѣтки и наблюденія).

I.

> Quand on développe une carte de Russie, il semble qu'on voie pendre au bas de l'immense empire un petit médaillon a peine rattaché par un fil: fragment des monts d'Asie Mineure soudé par une fantaisie de la nature á la steppe russe et qu'il sied bien à celle ci de porter comme un bijou. C'en est un, ciselé á ravir, tout doré de soleil, enfermé dans son écrin de mer bleu.
>
> *V-te E. M. de-Vogüé.*

Извѣстный своимъ знаніемъ Россіи, виконтъ де-Вогюе сравниваетъ Крымъ съ драгоцѣннымъ медальономъ, игрою природы припаяннымъ къ русскимъ степямъ. Сравненіе, можетъ быть, и не особенно удачное, но оно передаетъ восхищеніе автора.

Для людей, которые знаютъ Крымъ, въ этомъ восхищеніи нѣтъ преувеличенія. Главное, что поражаетъ—это полнота впечатлѣнія красоты. Здѣсь красиво все: горы и море, новая для сѣверныхъ жителей почти тропическая растительность, красивы деревья и цвѣты, красивы морскія чайки и крымскія лошади, красивы, наконецъ, люди—жители этой мѣстности.

Сравненіе съ Швейцаріей невольно приходитъ на умъ. Типичный швейцарецъ въ широкополой соломенной шляпѣ, согнувшійся подъ неизмѣнной высокой корзиной—haute—на круглой спинѣ, съ широкими и плоскими руками и ногами, среди своей великолѣпной природы не отличается красотою и живописностью. Широкими, рабочими руками онъ выстраиваетъ себѣ свои chalets—нарядные швейцарскіе домики съ рѣзными балконами. Внутри этихъ домиковъ у простыхъ земледѣльцевъ, кромѣ жилыхъ, есть еще непремѣнно и чистыя комнаты—настоящія гостиныя съ мягкою мебелью, съ швейцарскими рѣзными часиками на каминѣ и зелеными рѣшетчатыми ставнями у оконъ.

Крымскіе татары до сихъ поръ живутъ въ сакляхъ съ земляным поломъ, прилѣпленныхъ къ скаламъ, какъ ласточкины гнѣзда. Они лѣнивы и бѣдны, безпечны и красивы. Ничего типично татарскаго нѣтъ въ ихъ лицахъ. Небольшой ростъ, но стройное, необыкновенно пропор-

ціональное сложеніе, черты тонкія, правильныя, скорѣе итальянскаго типа. Они считаются потомками генуэзцевъ, принявшихъ магометанство.

Никакія гостиныя не нужны имъ въ ихъ безпечной и несложной жизни. Она проходитъ вся на волѣ, на лошади, подъ открытымъ небомъ. На улицѣ подъ деревомъ, подъ навѣсомъ сакли они жарятъ баранину и готовятъ свой шашлыкъ. На улицахъ женщины кормятъ дѣтей и стираютъ бѣлье. Онѣ ходятъ за водой, покрывшись узорчатыми чадрами, и, по своему, очень заботятся о своей красотѣ. До сихъ поръ есть мѣстности, гдѣ онѣ красятъ себѣ волосы и ногти.

Черноглазая татарская дѣвочка—настоящая восточная дѣвочка—стоитъ тихо, долго, не шевелясь у каменнаго забора, и смотритъ передъ собой. Въ рукахъ у нея похожій на кофейникъ мѣдный кувшинъ. Она полуодѣта, въ одной длинной рубахѣ, опоясанной платкомъ, но волосы выкрашены темно-малиновой краской и старательно заплетены въ безчисленныя косички. На головѣ нѣтъ шляпы, нѣтъ даже и чадры, а цвѣтъ лица ея напоминаетъ арабскіе персики.

Солнце яркое, жгучее, южное солнце не безпокоитъ здѣсь никого; отъ него не прячутся и не закрываются ставнями и широкополыми шляпами. Татары спокойно подставляютъ подъ его лучи головы въ барашковыхъ, круглыхъ шапкахъ, и оно золотитъ ихъ лица бронзовымъ, чудеснымъ загаромъ, какимъ загораютъ только совершенно здоровые люди.

А они здоровы. Надо полагать, что они совершенно здоровы. Контрастъ свѣжихъ, загорѣлыхъ лицъ представляется особенно рѣзкимъ здѣсь, рядомъ съ истощенными, блѣдными лицами пріѣзжихъ больныхъ, ибо «южный берегъ Крыма, это прежде всего сплошной курортъ, частью уже уготованный, частью еще имѣющій быть уготованнымъ», какъ говорится о немъ въ одномъ изъ путеводителей.

Со времени удешевленія проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ число пріѣзжахъ въ Крыму увеличивается съ каждымъ годомъ. Мѣсяцы подрядъ продолжается усиленное движеніе. Съ сѣвера на югъ какъ бы несется какой-то людской потокъ, какая-то человѣческая лавина, для которой не хватаетъ мѣстъ въ поѣздахъ, не хватаетъ квартиръ на мѣстѣ.

Съ утра до ночи впродолженіе сезона, въ мѣстахъ, назначенныхъ для прогулокъ, по всему южному берегу, толчется, двигается, пьетъ воды, ѣстъ виноградъ пестрая, разнокалиберная толпа, и даже эта сборная, пріѣзжая публика здѣсь у моря, подъ этиимъ солнцемъ, живописнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь на Невскомъ или на бульварахъ въ большихъ городахъ. Живописность придаютъ ей свѣтлые тоны костюмовъ женщинъ и мужчинъ, цвѣтные зонтики, цвѣты на шляпахъ и корзины съ виноградомъ, цвѣты и виноградныя вѣтки въ рукахъ.

Осенніе сезонные посѣтители въ сущности не больные люди. Пріѣзжаютъ они не столько лечиться, сколько, главнымъ образомъ, отдохнуть, развлечься, освѣжиться.

Ялтинскіе педагоги, какъ слышно, жалуются на слабые успѣхи своихъ учениковъ. Въ Ялтѣ, должно быть, учиться труднѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Ученикамъ такъ же трудно сосредоточиться и заниматься ученіемъ, какъ бываетъ трудно дѣтямъ, когда въ домѣ есть гости. Въ маленькой, тѣсной Ялтѣ гости не переводятся. Какъ всякіе гости, они вносятъ съ собой повышенную, праздничную, возбуждающую атмосферу, неблагопріятную въ педагогическомъ отношеніи и которой трудно противустоять. Ни въ какомъ губернскомъ городѣ, не говоря уже объ уѣздныхъ, ни въ какой Тулѣ или Калугѣ не бываетъ подобнаго оживленія. Съ утра ялтинскіе нарядные извозчики, въ колясках съ свѣтлыми зонтиками, съ колыхающейся на ѣздѣ бахромой, мчатся по всѣмъ направленіямъ: къ Ливадійскому мосту въ сторону Алупки, Ореанды, черезъ весь городъ къ Массандрѣ, Гурзуфу, Никитскому саду... Другъ за другомъ проносятся по набережной кавалькады на красивыхъ крымскихъ лошадкахъ съ проводниками татарами въ расшитыхъ золотомъ курткахъ. Въ городскомъ саду играетъ музыка. На пристани у мола ревутъ и свистятъ пароходы.

Все это продолжается до окончанія сезона въ октябрѣ. А затѣмъ нарядную осеннюю публику увозятъ обратно на сѣверъ поѣзда и пароходы, кавалькады и катанія прекращаются, и на смѣну уѣхавшимъ, съ каждымъ днемъ прибавляясь, появляются новые посѣтители.

Гдѣ они были раньше во время сезона, трудно сказать, но ихъ не было видно. Люди, посѣщавшіе Ялту только осенью, не могутъ себѣ составить понятія о Ялтѣ зимой или весной. Людямъ нервнымъ и мнительнымъ не слѣдуетъ въ это время пріѣзжать въ Крымъ. Впечатлѣнія, которыя имъ придется испытать, не будутъ способствовать укрѣпленію нервной системы. Лица, которыя они будутъ встрѣчать на прогулкахъ, въ скверѣ, на набережной, будутъ преслѣдовать ихъ по возвращеніи домой, будутъ сниться ночью и мѣшать спать по ночамъ

II.

Любопытно бы знать, почему никакая другая болѣзнь не играетъ той роли въ литературѣ, въ беллетристикѣ, какъ именно чахотка? Извѣстно, что это самая романическая, по старымъ представленіямъ — самая поэтическая болѣзнь. Если герой или героиня какого-нибудь романа или повѣсти, въ особенности прежняго времени, заболѣвали, заранѣе можно было сказать, что болѣзнь эта будетъ въ большинствѣ случаевъ чахотка. И для нея оказалось мало одной литературы; она перебралась также и на сцену—въ драму и даже въ оперу. Травіаты и Маргариты Готье умираютъ на подмосткахъ, прижимая платокъ къ губамъ и руки къ груди, чтобы заглушить приличный и трогательный для зрителей кашель.

Къ сожалѣнію, чахотка въ беллетристикѣ и на сценѣ и чахотка въ

*

жизни имѣютъ мало общаго между собой. Среди болѣзней, удручающихъ страдающее человѣчество, по жестокости страданій и длительности теченія, чахотка занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ симптомахъ ея нѣтъ ровно ничего поэтическаго, а современное ученіе о ея заразительности дѣлаетъ ее еще болѣе тяжкой для самого больного и для окружающихъ его людей.

Утро—съ одиннадцати и до трехъ часовъ дня—самое оживленное время въ Ялтѣ зимой. Всѣ скамейки на солнышкѣ въ Александровскомъ скверѣ заняты. Послѣ нѣсколькихъ дней и нѣсколькихъ встрѣчъ всѣ уже узнаютъ другъ друга. Новое лицо тотчасъ же обращаетъ на себя вниманіе, а отсутствіе кого-нибудь изъ привычныхъ посѣтителей возбуждаетъ вопросъ: что съ нимъ? Не хуже ли? Не слегъ ли въ постель?

Увы! Вопросы и разговоры сводятся теперь къ одному: стало лучше, или стало хуже? Прибавилось или убавилось въ вѣсѣ? Было или нѣтъ кровохарканіе?

Вотъ идетъ, сгорбившись, засунувъ руки въ карманы толстаго, ватнаго, студенческаго пальто, юноша-студентъ. Несмотря на согнутую спину, все еще видна могучая фигура, и только лицо выдаетъ настоящее положеніе дѣла. Лицо совсѣмъ еще молодое, еще не похудѣвшее, безъ театральныхъ красныхъ пятенъ на щекахъ, а какое-то тускло, ровно-сѣрое и съ такимъ выраженіемъ, точно человѣку все время холодно, несмотря на теплое солнце и на теплое пальто.

Вотъ барышня сидитъ на зеленой скамейкѣ съ облѣзшей краской. На ней все черное съ головы до ногъ. Она не въ траурѣ. Черный цвѣтъ нуженъ, чтобы поглощать солнечные лучи, но уже никакіе лучи не заставятъ загорѣть ея блѣдныя щеки, такія блѣдныя, что при встрѣчѣ съ нею прохожіе невольно отворачиваютъ головы, стараясь смотрѣть мимо и не выдать своего впечатлѣнія. Вотъ везутъ въ креслѣ старую женщину...

Помнится, въ дѣтствѣ, въ деревнѣ въ сѣнокосъ, жаль бывало смотрѣть, когда косили луга, и падали подъ косой такія красивыя, въ полномъ расцвѣтѣ луговыя травы и цвѣты. Но если не скосить во время и оставить траву, то изъ самыхъ красивыхъ цвѣтовъ получаются къ осени безобразныя, сухія и растрепанныя, мертвыя былинки. Ихъ треплетъ и обламываетъ вѣтеръ, на нихъ осѣдаетъ пыль... Кому ни приходилось видѣть больныхъ животныхъ съ взъерошенною шерстью, слезящимися глазами, съ печальнымъ и покорнымъ выраженіемъ?..

Сухую траву обломаютъ и вытопчутъ; ее развѣетъ по вѣтру. Больныхъ животныхъ не оставятъ долго болѣть: ихъ убиваютъ, или они выздоравливаютъ. Но, Боже, во что обращается существо, созданное по образу и подобію Божію, бѣдное человѣческое существо, когда-то, можетъ быть, полное здоровья и силы, изящества и граціи, полное душевной прелести!

Страшное кресло со старухой не долго появляется на набережной. Потомъ больную видятъ рѣже и только издали—въ коляскѣ на улицахъ. Потомъ ее никто уже не видитъ. Она исчезаетъ, и никто не интересуется узнать: надолго ли, навсегда ли? Всѣ довольны, что исчезъ страшный призракъ, memento mori. Здѣсь не нуждаются въ этихъ напоминаніяхъ.

Старыхъ людей, впрочемъ, сравнительно немного въ Ялтѣ зимой. Молодежи больше. Студенческія пальто то и дѣло встрѣчаются на улицахъ, и самое присутствіе ихъ въ учебное, занятое время показываетъ, зачѣмъ они здѣсь. Ихъ высылаютъ съ сѣвера, изъ столицъ и большихъ городовъ. Часто съ огромными лишеніями, на послѣднія деньги, часто на чужія, занятыя деньги, на пожертвованія благотворительныхъ обществъ они добираются до Ялты съ надеждой выздоровѣть, избавиться отъ страшной болѣзни, наверстать вмѣстѣ съ здоровьемъ и все другое потерянное...

Что же находятъ они здѣсь?

III.

Если спросить Ялтинскаго жителя-домовладѣльца, который наживаетъ деньги, отдавая въ наемъ комнаты и квартиры, кого онъ при этомъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду, онъ, не задумаясь ни минуты, укажетъ, разумѣется, на сезонныхъ, осеннихъ посѣтителей. Сезонъ для него все. Сезонъ важнѣе всего остального года. Въ два мѣсяца, назначая бѣшеныя цѣны, онъ наживаетъ больше, чѣмъ въ другіе десять. Ялта, по его глубокому убѣжденію, и весь Крымъ существуютъ ради этой пестрой, швыряющей деньги, праздной и желающей веселиться публики. Эта публика невзыскательна; она пріѣзжаетъ на короткое время и довольствуется примитивными удобствами. Но эта публика мнительна и нервна. Эта публика легкомысленна и безжалостна. Она боится и избѣгаетъ чахоточныхъ больныхъ, и больнымъ людямъ не находится мѣста рядомъ со здоровыми.

Какъ это ни удивительно, но именно здѣсь, въ Крыму, лечебная репутація котораго создалась, благодаря случаямъ излеченія чахотки, избѣгаютъ чахоточныхъ больныхъ, обставляя помѣщеніе ихъ всевозможными затрудненіями, для многихъ почти непреодолимыми.

Тамъ, на сѣверѣ, въ одномъ изъ большихъ, нездоровыхъ городовъ заболѣваетъ несчастный человѣкъ. При современномъ состояніи медицины ему не приходится долго оставаться въ невѣдѣніи относительно своей участи. Къ его услугамъ наука, бактеріологическіе кабинеты. Въ одинъ-два дня, за какіе-нибудь три-четыре рубля и дешевле—со скидкою для студентовъ—производится анализъ, изслѣдованіе мокроты.

На большомъ листѣ отличной почтовой бумаги съ печатнымъ за-

головкомъ, съ точнѣйшимъ обозначеніемъ часовъ и минутъ поступленія матеріала для анализа, новѣйшимъ способомъ—Ремингтономъ, напечатанными буквами стоитъ его приговоръ.

Вотъ онъ: бацилы найдены. Кончено. Все кончено. Чахотка.

Холодный потъ проступаетъ по всему тѣлу. Не хватаетъ воздуху. Развернутый листъ съ печатными лиловыми буквами лежитъ передъ глазами и не оставляетъ сомнѣнія. Бацилы найдены. Найдены...

Пораженная мысль долго бьется въ заколдованномъ кругу нѣсколькихъ простыхъ, ставшихъ вдругъ роковыми словъ. Сколько разъ приходилось читать ихъ въ газетахъ, въ лекціяхъ. Въ одну минуту, разомъ вырастаетъ ихъ значеніе и заслоняетъ собою все.

Бацилы найдены... Но... Но количество должно быть незначительно. Поражены вѣдь только верхушки легкихъ, по словамъ доктора. Процессъ еще въ началѣ. Если захватить во-время, не все еще потеряно. Слава Богу, тамъ, далеко есть мѣсто, благословенный уголокъ, куда можно убѣжать отъ надвигающейся грозы, получить облегченіе и—кто знаетъ! Крымъ чудеса дѣлаетъ—получить, можетъ быть, и выздоровленіе. У всѣхъ на памяти примѣры и случаи: тотъ, другой выздоровѣлъ, третій и сейчасъ живетъ въ Ялтѣ, работаетъ, опять чувствуетъ себя человѣкомъ. Трудно попасть, доѣхать туда, денегъ много нужно... Но чего не сдѣлаетъ человѣкъ, подгоняемый опасностью и отчаяніемъ!

Деньги найдены. Возвратить можно будетъ впослѣдствіи, по выздоровленіи. Утомительный, въ тѣсномъ вагонѣ, въ пассажирскомъ поѣздѣ, съ соблюденіемъ всевозможной экономіи, путь совершенъ. Два дня и двѣ ночи по желѣзной дорогѣ, полъ-дня на пароходѣ, все безъ остановокъ, потому что остановки стоятъ дорого,—вотъ, наконецъ, и она—земля обѣтованная, Ялта.

За время путешествія, болѣзнь будто разомъ дѣлаетъ успѣхи: отъ усталости дрожатъ и едва держатъ ноги, возобновилась боль въ боку, голосъ пропалъ, и мучительный кашель не даетъ сказать сряду двухъ словъ. Зато теперь близокъ отдыхъ: послѣ снѣга и холода,—тепло и солнце, послѣ дорожныхъ неудобствъ—самоваръ и чистая постель. Одна мысль объ этомъ придаетъ бодрости.

Извозчикъ везетъ съ парохода и привозитъ въ гостинницы, въ меблированныя комнаты, въ частныя помѣщенія... Происходитъ нѣчто невѣроятное и необъяснимое: *не принимаютъ*. За что? Почему? Усталаго, больного путешественника здѣсь, въ курортѣ, въ лечебномъ городѣ, не принимаютъ! Нигдѣ не принимаютъ! Отказы даются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: занято, комнатъ нѣтъ, комнаты передѣлываются, комнаты сданы заранѣе, и ждутъ пріѣзжихъ каждый часъ.

Но что же это значитъ наконецъ? При приближеніи экипажа, выбѣгаетъ на подъѣздъ прислуга, помогаетъ выйти съ предупредительною вѣжливостью, затѣмъ проходитъ минута замѣшательства, затѣмъ вы-

зывается и выходитъ хозяинъ или управляющій, оглядываетъ съ ногъ до головы претендента на комнату и сразу все измѣняется. Вмѣсто любезнаго пріема холодный и рѣшительный отказъ.

— Нѣтъ комнаты, къ сожалѣнію. Занято.

— Какъ занято! На доскѣ съ фамиліями половина нумеровъ пустые.

— Да, но... всѣ заранѣе расписаны. Пріѣзжихъ ждутъ къ вечеру. Графъ N. съ супругою, княгиня Т. съ дочерью.

Спорить не приходится, да и силъ нѣтъ, и голоса нѣтъ для спора. Но то же самое повторяется въ другомъ, въ третьемъ мѣстѣ, въ десяти мѣстахъ...

Извозчикъ везетъ, теряетъ терпѣніе и оглядывается на сѣдока, въ полуобморочномъ состояніи, неловко и криво уже не сидящаго, а лежащаго въ экипажѣ. Что какъ умретъ дорогою! Куда его дѣвать?

Говорятъ, были случаи смерти на извозчикѣ. Эти случаи разсказываются здѣсь, не вызывая ничьего удивленія. Объ нихъ пишутъ въ мѣстныхъ газетахъ; они доходятъ до столичныхъ газетъ. Существуетъ цѣлая серія этихъ разсказовъ—печальная лѣтопись людской корысти и безсердечія. Но напишутъ, поговорятъ и перестаютъ говорить, и затѣмъ все остается попрежнему, и спеціальныя учрежденія—санаторіи—въ своихъ публикаціяхъ прибавляютъ успокоительныя для публики заявленія: *тяжело больные не принимаются.*

Исключеніе составляетъ Яузларъ — санаторій для чахоточныхъ, въ который принимаютъ больныхъ въ какой бы ни было стадіи развитія болѣзни. Но что можетъ значить санаторій на сорокъ - пятьдесятъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, одинъ на цѣлую Россію?

Комнаты въ Яузларѣ всегда заняты, на нихъ заранѣе записываются и ждутъ очереди. Получить же вообще тяжело больному за недорогую цѣну хорошую комнату въ Ялтѣ почти такъ же трудно, какъ выиграть въ лотерею. За то сколько нибудь покладистые и сговорчивые хозяева дѣлаются сразу извѣстными въ знакомыхъ кружкахъ. Въ гостепріимномъ домѣ другъ за другомъ быстро подбирается цѣлая лечащаяся колонія. Посреди больныхъ находятся здоровые, которые пріѣхали ухаживать за своими близкими...

Въ нѣсколько дней на Ялтинской дачѣ съ балконами и кипарисами создается обстановка и атмосфера, напоминающая студенческія квартиры гдѣ нибудь въ Бронныхъ въ Москвѣ или на Васильевскомъ въ Петербургѣ.

IV.

Маленькая комната въ одно окно съ ситцевой занавѣской. У стѣны столъ и два стула, у другой—кровать. Въ углу, старательно увернутый старыми газетами, виситъ на стѣнѣ студенческій, форменный сюртукъ

На столѣ горка книгъ; между медицинскими учебниками—стихотворенія Некрасова и толстый, истрепанный томъ—«Капиталъ» Маркса.

Хозяинъ комнаты въ старенькой, порыжѣлой тужуркѣ лежитъ на кровати поверхъ одѣяла; ноги у него укутаны пледомъ. Онъ лежитъ безпокойно, понемногу развертываетъ пледъ и подтягиваетъ его выше къ самому лицу.

На столѣ съ книгами, повернувшись спиною къ кровати, осторожно хозяйничаетъ, перестанавливаетъ пузырьки съ лекарствами, посуду, лампу барышня въ розовой кофточкѣ. По фигурѣ ей можно дать четырнадцать—пятнадцать лѣтъ. Такія фигуры бываютъ у дѣвочекъ подростковъ, когда онѣ плохо ростутъ. Двѣ совершенно плоскія дощечки спереди и сзади обрисовываются подъ розовою кофточкой на такомъ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, что какъ-то трудно представить себѣ, какимъ образомъ помѣщаются между ними сердце, легкіе и другіе органы, необходимые для жизни. Барышня—институтка, кончила курсъ, ей уже восемнадцать лѣтъ, но лицо у нея ребячье, наивное, кругловатое, съ мягкими, неправильными чертами. Темные, съ большими кругами подъ ними, глаза смотрятъ совсѣмъ по-дѣтски, попеременно съ робѣющимъ и упрямымъ выраженіемъ.

Больному она чужая, такая же, какъ онъ, одинокая пріѣзжая въ Ялту по случаю болѣзни—легочнаго процесса. Оба встрѣтились случайно, познакомились и стали видаться. Сперва онъ приходилъ къ ней въ ея комнату на другой дачѣ, разговаривалъ съ нею, оставался пить чай, потѣшался надъ институтскою наивностью, носилъ книжки и «развивалъ» по послѣднему фасону, только что привезенному изъ Москвы. Потомъ ему стало худо, онъ слегъ. Она стала приходить къ нему и ухаживать за нимъ.

Больной неосторожно потянулъ пледъ и открылъ ноги, худыя и длинныя, въ желтыхъ татарскихъ туфляхъ.

Барышня съ живостью повернулась отъ стола.

— Ну вотъ видите! Я же говорила, что лучше было не одѣваться, а лечь, какъ слѣдуетъ, подъ одѣяло. Что, васъ знобитъ?

— Не знобитъ. Просто должно быть озябъ, когда выходилъ давеча.

— Иванъ Григорьевичъ! Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое! Такъ нельзя! Раздѣньтесь и лягте хоть теперь.

— А, да что! Ерунда все. Сегодня не должно быть повышенія. Да я ужъ вамъ говорю. Я себѣ вчера хины здоровую дозу закатилъ.

— Вамъ Михаилъ Семеновичъ прописалъ?

— Непремѣнно вашъ Михаилъ Семеновичъ! Точно я не знаю самъ лучше его.

— Онъ вамъ запретилъ выходить.

— Онъ бы мнѣ еще дышать запретилъ. Ну да все равно. Дайте пожалуйста, градусникъ.

Больной нетерпѣливымъ движеніемъ спускаетъ ноги съ кровати, но тотчасъ же ложится опять, кутается въ пледъ и ставитъ градусникъ.

— Кой чортъ! Повысилась! Гдѣ же бы я это могъ простудиться? Или это желудочное? Навѣрное оттого, что желудокъ плохъ. И все это ихъ подлыя щи... съ томатами. Послушайте, Синичка, пожалуйста, нельзя ли чтобы не было ихъ больше, этихъ томатовъ.

— Не будетъ, Иванъ Григорьевичъ.

Больной закрываетъ глаза.

Маленькая фигура въ розовой кофточкѣ осторожно двигается по комнатѣ, останавливается и смотритъ на лицо съ закрытыми глазами. Ей тоже хочется вѣрить, что во всемъ виноваты щи съ томатами.

Съ поразительной изобрѣтательностью больной каждый день самъ подъискиваетъ случайныя причины ухудшенія своей болѣзни, повышенія температуры. Она старательно поддерживаетъ его во всѣхъ предположеніяхъ, но сомнѣнія и тревога все сильнѣе овладѣваютъ ею самой, и все удивительнѣе кажется: какъ можетъ онъ—«Ваничка» (про себя она уже иногда называетъ его такъ), такой умный и серіозный (умнѣе и серіознѣе она никого не видала въ институтѣ) и притомъ же медикъ на третьемъ курсѣ, позволять такъ обманывать себя, такъ легко обманываться самъ.

«Щи... томаты... Не съѣлъ вчера и двухъ ложекъ. Докторъ говоритъ—плохо, совсѣмъ плохо. Да и не нужно говорить. Хорошо, что хозяйка унесла зеркало... А къ вечеру навѣрное опять дойдетъ до сорока».

Больной тяжело поворачивается на постели длиннымъ, громоздкимъ, исхудалымъ тѣломъ.

— Надежду Александровну видѣли?

— Нѣтъ. Вѣрно все съ жиденкомъ своимъ возится.

— Опять «жиденокъ»! Ахъ вы институтка! Націоналистка!

— Да вообразите, оказывается крещеный онъ. Я и не знала.

— Да вамъ зачѣмъ это нужно знать? Что вамъ за дѣло?—сурово допрашиваетъ студентъ и прибавляетъ съ безпокойствомъ: — Развѣ Боркину хуже?

Больные съ величайшимъ вниманіемъ слѣдятъ за здоровьемъ другъ друга, и каждое ухудшеніе у одного вызываетъ тревогу и опасенія у всѣхъ другихъ.

Боркинъ—больной бѣднякъ-студентъ, еврей, заброшенный и совершенно одинокій,—помѣщается въ верхнемъ этажѣ той же дачи. Его навѣщаютъ изъ состраданія другіе квартиранты, заходятъ барышни, между прочимъ молодая фельдшерица Надежда Александровна.

По корридору раздаются знакомые, быстрые шаги. Больной съ живостью поворачиваетъ голову.

— Надежда Александровна?

— Я.

Въ комнату входитъ молодая, небольшого роста, бѣлокурая женщина съ блѣднымъ лицомъ. На первый взглядъ это самое обыкновенное лицо, такое лицо, мимо котораго можно пройти десять разъ и не замѣтить его. При внимательномъ взглядѣ поражаетъ его выраженіе: серіозное, трогательное, прекрасное. Сѣрые глаза тоже обыкновенные, небольшіе, смотрятъ такъ, какъ будто всматриваются въ человѣка, всматриваются затѣмъ, чтобы понять: не нужно ли помочь, утѣшить, ободрить, защитить? Она сама—тщедушная, слабая и худая, у нея у самой легочный давнишній процессъ, но все это ничего не значитъ. Ея мѣсто тамъ, гдѣ есть страданіе, несчастье, боль, и такъ или иначе, а она попадаетъ на свое мѣсто.

Она легкими шагами, на ходу сбрасывая кофточку, подходитъ къ кровати.

— Ну что, Синичка, какъ мы сегодни? Неважно, а? Да ужъ вижу, вижу. Нечего и говорить. Погода нынче дрянь, вотъ что имѣйте въ виду, Иванъ Григорьевичъ.

— Развѣ нехорошо? А изъ окна какъ будто бы ничего. Вонъ солнце...

— Такъ что-жъ, что солнце? Вѣтеръ сѣверный, хуже холода. Навѣрное сегодня повышена температура у половины Ялты. У васъ сколько?

— Ну, не бѣда. У насъ съ Соней будетъ столько же къ вечеру. И аппетитъ, разумѣется, плохой? Еще бы безъ воздуха!

Больной повернулъ голову на худой, длинной шеѣ и слушаетъ внимательно. Найдена вполнѣ естественная причина ухудшенія его состоянія. Это дѣйствуетъ на него успокоительно. Щи съ томатами также приняты во вниманіе. Относительно ихъ вліянія начинается самый оживленный обмѣнъ мыслей, во время котораго Соня Синицкая тихо и покорно выходитъ изъ комнаты.

Студентъ не любитъ, когда она присутствуетъ при подобныхъ разговорахъ. Зато, по уходѣ ея онъ, видимо, совершенно забываетъ, что находится въ присутствіи другой, также еще молодой, посторонней, миловидной женщины. Для него она давно уже не женщина. Кто она—онъ про себя еще не умѣетъ. опредѣлить. Какъ медику-студенту, ему приходилось сталкиваться въ Москвѣ съ фельдшерицами, которыя ходятъ на курсы, дежурятъ въ больницахъ, продаютъ билеты на благотворительные концерты и танцуютъ на благотворительныхъ вечерахъ, но такихъ между ними онъ не встрѣчалъ. Въ сущности лечитъ его не докторъ, а она—фельдшерица Надежда Александровна.

Докторъ пріѣзжаетъ на пять минутъ, добродушно хлопаетъ его по плечу, называетъ collega и не беретъ денегъ; но у доктора занятія и визиты, докторъ не имѣетъ времени и торопится всегда, а она не торопится. Спокойно и обстоятельно она добивается уясненія мельчайшихъ, по ея мнѣнію необходимыхъ подробностей и затѣмъ постановляетъ свое заключеніе.

— Ну, что говорить! Томаты сами по себѣ, но, разумѣется, и все другое не такъ. Гдѣ же вамъ теперь, пока вы въ этомъ состояніи, выходить изъ комнаты! Все что нужно слѣдуетъ пристроить тутъ же подлѣ васъ. Да не волнуйтесь, пожалуйста, — по своему понявъ его взглядъ, прибавляетъ она. Покупать не придется ничего. Я устрою все такъ, какъ дѣлала тамъ, у себя въ больницѣ. Тамъ вѣдь негдѣ было покупать, да и не на что. Ну и приходилось выѣзжать на выдумкѣ, по пословицѣ, знаете: голь на выдумки... Ухитримся и теперь.

Она окидываетъ взглядомъ маленькую комнату.

Больной слѣдитъ за нею съ выжидающимъ и безпокойнымъ выраженіемъ. Онъ и догадывается, и боится, и не можетъ допустить мысли.

— Вамъ что собственно нужно, Надежда Александровна?

— Ничего. Нужно, чтобы вы лежали смирно и не шевелились. Я сама разыщу все, что требуется. Табуретка есть. Полотенце найдется лишнее? Ну, пойду у Сони спрошу.

Неуловимое выраженіе проходитъ по лицу студента. Надежда Александровна тотчасъ же перебиваетъ самое себя.

— А впрочемъ не къ чему ее сюда путать. Гдѣ ей бѣдненькой! Слаба, какъ муха, да и не приходилось никогда. Такъ вы ужъ пожалуйста позвольте мнѣ самой похозяйничать у васъ въ чемоданѣ. Гдѣ? Подъ кроватью? Отлично. Сейчасъ достанемъ.

Она становится на колѣни на соломенный коврикъ, и вмѣстѣ съ нею невольнымъ движеніемъ больной наклоняется, чтобы помочь выдвинуть чемоданъ изъ-подъ кровати, но тотчасъ же откидывается назадъ, на подушки, съ сильнымъ приступомъ кашля. Глаза принимаютъ сразу испуганное, растерянное выраженіе; оно не проходитъ до послѣдняго откашливанья, послѣ котораго, убѣдившись что крови нѣтъ, больной затихаетъ и успокаивается.

— Не гожусь на исполненіе кавалерскихъ обязанностей. Ни на что уже не гожусь. Дрянь дѣло,—говоритъ онъ, передохнувъ, слѣдя внимательными глазами за выраженіемъ ея лица.

Надежда Александровна спокойно отираетъ концомъ вынутаго изъ чемодана чистаго полотенца блѣдный, взмокнувшій лобъ и возвращается къ своимъ приготовленіямъ.

— Отличныя полотенца у васъ, Иванъ Григорьевичъ! Вонъ какія длинныя! Сейчасъ видно, что деревенскія.

— Да, это изъ деревни мать прислала.

— Вотъ и кстати, пригодились. Ну что, отдохнули? Вамъ удобнѣе будетъ облокотиться на подушки, а на руки можете положить голову. Вода есть въ самоварѣ?

— Какъ, развѣ вы думаете сейчасъ?

— Да зачѣмъ же откладывать?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Бога ради нѣтъ!

Онъ краснѣетъ багрово, съ видомъ звѣря, котораго собираются травить.

— Нѣтъ! Что хотите, я не могу позволить этого. Не настолько я еще слабъ.

— Да я-то не сильна. Если вы черезчуръ ослабѣете, будетъ слишкомъ тяжело мнѣ. Одному вамъ не справиться. Вы увидите, сейчасъ будетъ облегченіе. Полноте, Иванъ Григорьевичъ,—продолжаетъ она тихо, измѣнившимся голосомъ.—Не добавляйте себѣ мученій. Довольно ихъ и безъ того. Я помогаю Боркину каждый день, а вѣдь вы, будущій медикъ, должны смотрѣть на вещи просто.

Онъ смотритъ на нее долгимъ, взволнованнымъ, удивленнымъ взглядомъ, какъ бы стараясь понять: что это такое? Въ самомъ дѣлѣ, что онъ для нея? Что заставляетъ ее, молодую, счастливую, какъ извѣстно ему, въ своей личной жизни, не нуждающуюся со времени замужества въ заработкѣ, оказывать услуги, исполнять которыя тяготится за деньги прислуга, русскіе мужики дворники на ялтинской дачѣ? Все его мужское естество молодого, еще только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здороваго мужчины возмущается каждый разъ при малѣйшемъ намекѣ на его физическую слабость, а здѣсь она—эта слабая, маленькая женщина—смотритъ на него, губы у нея складываются такъ, какъ будто бы она хочетъ обратиться къ нему, какъ говорятъ съ совсѣмъ крошечными дѣтьми! «Ну будь же паюшка! Ну, агунюшки»!

И онъ покорно, шатаясь отъ слабости, поднимается, исполняетъ всѣ ея предписанія, и вмѣстѣ съ чувствомъ облегченія послѣ мучительной процедуры, которая была бы невыносима ему въ присутствіи родной матери, чувство глубокой благодарности и глубокаго недоумѣнія овладѣваютъ имъ.

Что это такое? Что она за человѣкъ?

Вотъ онъ лежитъ теперь уже подъ одѣяломъ, убранный, переодѣтый въ мягкую, фланелевую рубашку, на своихъ жесткихъ, высоко-взбитыхъ деревенскихъ подушкахъ, а она двигается по комнатѣ, открываетъ окно, приноситъ и уноситъ посуду, полотенца... Главное это простота, та простота, съ которою передаютъ стаканъ чаю, такъ какъ будто бы ей самой это не стоило ровно ничего. А между тѣмъ и это невѣрно. Она сама больная, слабая, устала, навѣрное, отъ возни. Видно по лицу. Дыханіе стало короткое, ускоренное.

— Надежда Александровна!

— Что? Неловко что-нибудь? Сію минуту.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не то. А я хотѣлъ васъ спросить: отчего вы... такая?

— Какая, Иванъ Григорьевичъ?

— Ну, вы понимаете меня. Я смотрю на васъ и думаю: вѣдь вы unicum. Другой такой, какъ вы, я не видалъ.

— Много вы видѣли!

Она засмѣялась и обернулась къ нему лицомъ. Въ рукахъ у нея кружка и градусникъ. Она обтираетъ ихъ длиннымъ, деревенскимъ полотенцемъ. Солнце освѣтило ее всю изъ окна. Щеки у нея худыя и желтыя; руки небольшія, красныя отъ воды.

Больной осторожно остановилъ ее за руку.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вамъ нужно то, что вы дѣлаете? Возиться со мною, съ Боркинымъ?—упрямо, глядя блестящими глазами, настаивалъ онъ.

— Вотъ, ей-Богу! никогда себя объ этомъ не спрашивала. Зачѣмъ!.. Только вѣдь если надъ каждымъ шагомъ задумываться и спрашивать и одергивать себя, такъ вѣдь, Иванъ Григорьевичъ, тогда съ мѣста сдвинуться нельзя.

Она оправила мимоходомъ салфетку на столикѣ и подвинула плевательницу.

— А мнѣ, между прочимъ, какъ разъ двигаться-то и пора. У меня тамъ на набережной «черненькая барышня» сидитъ, на солнышкѣ грѣется и ждетъ меня. Я вамъ сейчасъ Соню позову.

Студентъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, послушайте, не зовите. Мнѣ тутъ нужно бы одинъ вопросъ обмозговать, а лабораторія моя совсѣмъ того... что то сегодня плоха. Лучше побыть одному. Кстати она ночь не спала, возилась со мной.

— Такъ я пойду ей скажу. «Неизвѣстно еще, какая будетъ сегодня ночь» хотѣла сказать Надежда Александровна и не сказала, взглянувъ на его лицо.

Больной стиснулъ ея руку и отвернулся лицомъ къ стѣнѣ.

IV.

Вопросъ, который предстояло «обмозговать», касался все того же: непримиримаго противорѣчія предшествовавшей жизни, твердыхъ, какъ ему казалось, установившихся убѣжденій и новыхъ впечатлѣній послѣдняго времени, которыя надвинулись на него здѣсь, въ Ялтѣ, со времени его болѣзни.

Заболѣлъ онъ неожиданно и, по его собственному выраженію, «безсмысленно-нелѣпо». Съ дѣтства онъ помнилъ себя совершенно здоровымъ, съ крѣпкимъ, все выносящимъ организмомъ. Четырнадцати лѣтъ онъ поссорился съ отцомъ, ушелъ изъ дому и съ того времени не былъ обязанъ никому, кромѣ самого себя. Въ послѣднемъ классѣ гимназіи прибавилась новая забота. Отецъ бросилъ мать и пять человѣкъ дѣтей. Иванъ Григорьевичъ былъ старшій въ семьѣ. Мать стала давать уроки и жить уроками въ глухомъ, провинціальномъ городкѣ, прокармливая себя и троихъ младшихъ дочерей, а двухъ мальчиковъ прислала на попеченіе старшаго сына въ Москву.

Съ этого времени измѣнилась вся его жизнь. Два запущенныхъ,

невоспитанныхъ, какъ два дикихъ звѣрька, мальчугана не только брали всѣ его излишнія деньги (онъ и раньше посылалъ все, что могъ удѣлить, семьѣ), но они теперь, кромѣ денегъ, взяли каждую минуту его свободнаго времени, заняли половину тѣсной студенческой комнаты, потребовали на себя огромнаго количества незнакомыхъ ему, несвойственныхъ, по самому его характеру, попеченій и заботъ. И хотя бы была возможность добиться чего-нибудь, довести дѣло до конца. Но два первые же года чрезмѣрнаго напряженія оказали свое вліяніе. Здоровье было подорвано, силъ не хватило. Влетѣла ли шальная бацилла, сказалась ли плохая наслѣдственность, но лѣтомъ, на урокѣ, въ прекрасной русской усадьбѣ онъ въ первый разъ почувствовалъ угрожающіе признаки страшной болѣзни. Окружающіе здоровые люди, какъ водится у здоровыхъ людей, приписали все дѣло его мнительности, а по возвращеніи въ Москву, въ анализѣ были найдены бациллы, и знакомый профессоръ послалъ его въ Ялту, пригрозивъ печальными послѣдствіями въ случаѣ малѣйшаго промедленія.

Было поздно, очевидно, и безъ того. Промедлить пришлось, пока устраивались дѣла. Ялтинскій докторъ по пріѣздѣ ничѣмъ не грозилъ, велѣлъ приходить къ себѣ каждую недѣлю и прописалъ лекарство. Къ удивленію, пользы ни лекарство, ни воздухъ, ни перемѣна обстановки не приносили никакой. Правда, обстановка была въ сущности не лучше, а первое время даже значительно хуже, нежели была въ Москвѣ. Квартирныя мытарства пришлось переживать въ полной мѣрѣ съ первой минуты въѣзда въ Ялту; пришлось жить мѣсяцъ въ сырой комнатѣ безъ печи. Больной студентъ съ тощимъ чемоданомъ въ рукахъ даже и въ зимній сезонъ не возбуждалъ ни въ комъ желанія отвести ему помѣщеніе хотя бы и въ пустующихъ квартирахъ. Опытный глазъ ялтинскихъ домовладѣльцевъ сразу оцѣнивалъ невыгодность подобнаго жильца и предрекалъ его судьбу. Годъ протянетъ, много полтора; не осенью, такъ весною конецъ. Хорошихъ жильцовъ распугаетъ, а у самого, Богъ знаетъ, будетъ ли еще чѣмъ заплатить за комнату.

Сравнительно сносное помѣщеніе было найдено много позднѣе съ помощью барышенъ. Онъ познакомился съ ними въ библіотекѣ на набережной.

Барышенъ въ шапочкахъ, въ короткихъ и длинныхъ кофточкахъ, съ книгами подъ мышкою, стриженныхъ и нестриженныхъ, былъ и здѣсь цѣлый рой, не хуже, чѣмъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Были такія, которыя лечились, и другія, которыя не лечились, а просто жили, сидѣли въ скверѣ у моря и въ библіотекѣ, гуляли подъ руку по набережной по двое, по трое, безъ старшихъ и жили въ семьяхъ или одиноко въ меблированныхъ комнатахъ.

Соня Синицкая среди нихъ, съ ея дѣтскимъ лицомъ и большими вѣчно удивленными, внимательными глазами, заинтересовала его.

Она была сирота, воспитанница какихъ-то богатыхъ людей, кото-

рые отдали ее съ семи лѣтъ въ институтъ, аккуратно вносили деньги за ея содержаніе и обученіе и затѣмъ ничего болѣе не желали знать, не интересовались ею и не заботились о ней. Десять лѣтъ маленькая воспитанница провела безвыѣздно въ институтѣ, ни разу не видавъ другого города, другой обстановки, хотя бы просто семейной обстановки какой-нибудь знакомой семьи. По окончаніи институтскаго курса тою же весною врачи нашли у нея чахотку. Институтской классной дамѣ была вручена опекуномъ необходимая сумма денегъ на поѣздку въ Ялту. Классная дама привезла ее, пріискала квартиру и уѣхала назадъ. Въ Ялтѣ больная воспитанница стала получать по сто рублей въ мѣсяцъ. Они аккуратно высылались ей каждое первое число. Кто ихъ высылалъ, она сама хорошенько не знала. Такъ же, какъ и въ институтѣ, не было ни одного существа, которое интересовалось бы ею, ея душевною жизнью и ея судьбою.

Первый человѣкъ, который выказалъ ей этотъ интересъ, была фельдшерица Надежда Александровна.

Больная, безпріютная дѣвочка привязалась къ ней съ обожаніемъ, съ горячимъ преклоненіемъ передъ ея дѣятельностью, которой она всячески стремилась подражать. Но все вскорѣ приняло для нея другой оборотъ. Она встрѣтилась съ Иваномъ Григорьевичемъ и съ первой же минуты полюбила его.

Надежда Александровна покровительствовала этой любви. Она совѣтовала написать все откровенно опекунамъ и просить позволенія на бракъ.

Письмо было послано, но позволенія не послѣдовало. Отвѣтъ пришелъ съ рѣшительною угрозою отнять навсегда содержаніе, въ случаѣ брака воспитанницы со студентомъ, навѣрное «голоштанникомъ» и ищущимъ только ея состоянія.

Иванъ Григорьевичъ непремѣнно пожелалъ прочитать письмо самъ и рѣшилъ тотчасъ же отстраниться, отойти, какъ можно дальше, уйти совсѣмъ.

Отчаяніе ни въ чемъ неповинной дѣвочки и вмѣшательство Надежды Александровны заставили его перемѣнить рѣшеніе. Вскорѣ наступило ухудшеніе въ его болѣзни, онъ слегъ. О свадьбѣ не говорили. Все въ ихъ отношеніяхъ осталось безъ перемѣны.

VI.

Зима въ Крыму не отличается вообще ровностью и мягкостью лечебныхъ городовъ Ривьеры или такихъ уголковъ, какъ Нерви, напримѣръ, защищенныхъ отъ вѣтровъ въ глубинѣ заливовъ Средиземнаго моря.

Случается, что бываютъ теплыя зимы, безъ снѣга, когда въ январѣ цвѣтутъ розы, и дамы гуляютъ въ однихъ платьяхъ. А бываетъ и такъ,

что снѣгъ ложится и лежитъ по нѣсколько дней, температура падаетъ, и холодные вѣтры выдуваютъ послѣднее тепло изъ плохо, по южному выстроенныхъ дачъ.

За послѣднее время, однако, замѣчается рѣшительный прогрессъ въ постройкѣ жилищъ. Въ Ялтѣ выстроено много новыхъ домовъ европейской архитектуры, со всѣми удобствами и усовершенствованіями. Рѣзкія колебанія температуры, разумѣется, вредно отражаются на здоровьѣ больныхъ, но въ общемъ продолжительное пребываніе на южномъ берегу оказываетъ всегда хорошее вліяніе. Случаи замедленія уже начавшагося болѣзненнаго процесса, а также и случаи полнаго выздоровленія, если болѣзнь была захвачена вó-время, у всѣхъ на виду и не нуждаются въ подтвержденіяхъ.

Мартъ, вѣтренный и холодный въ тотъ годъ, приходилъ къ концу. Южная весна налетѣла разомъ, безъ бѣлыхъ ночей, безъ длинныхъ сумерокъ. Все росло, вылѣзало, выпирало изъ влажной, потемнѣвшей земли. Все развертывалось, розовѣло и благоухало вокругъ.

Обезсиленные болѣзнью, ослабѣвшіе люди поддавались этому, въ самомъ воздухѣ разлитому напряженію отдохнувшей за зиму силы, накопившейся, готовой вспыхнуть энергіи и страсти. Вмѣстѣ съ птицами хотѣлось летѣть куда-нибудь, хотѣлось старое, прежнее, больное съумѣть отряхнуть съ себя и начать новую, прекрасную и счастливую жизнь, какъ начинало ее все вокругъ: розовыя миндальныя деревья; вылѣзавшіе изъ земли, опушенные сѣрымъ, нѣжнымъ пушкомъ, лиловые крокусы; съеженныя гусиныя лапки каштановыхъ листьевъ и прозрачные, трепещущіе листики бѣлой и желтой акаціи.

Послѣ зимняго затишья, опять появились на набережной красавцы проводники татары, по распоряженію начальства уже въ пиджакахъ, вмѣсто прежнихъ расшитыхъ куртокъ. Опять побросали книжки и стали гулять по тротуарамъ ялтинскіе гимназисты, и влюбленныя парочки позднѣе засиживались на скамейкахъ на берегу.

На скромной дачѣ, почти сплошь занятой лечащеюся молодою колоніей, уже нѣсколько дней замѣтно было необычное, безпокойное оживленіе. У всѣхъ комнатъ двери были отворены. Изъ нихъ выглядывали и выходили люди съ озабоченными лицами.

Поразительная новость успѣла облетѣть весь домъ.

Хозяйка просила очистить комнаты. Къ сезону она собиралась перестраивать дачу. Сроку дана была недѣля. Уже наняты были русскіе плотники и турки рабочіе для земляныхъ работъ.

— И никого не нанимала навѣрное: ни турокъ, ни плотниковъ. Вретъ, какъ чортъ!

Голосъ Синицкой, глухой, торопливый и захлебывающійся, раздавался съ самыми энергическими интонаціями и выраженіями.

— Чортъ ее возьми совсѣмъ и съ ея стройкой! Вретъ или правду говоритъ, разъ что нужно уходить, это безразлично. Но какъ вообще

быть, вотъ вопросъ? Кто насъ теперь пуститъ такихъ?—говорила Соня съ задорною и въ то же время грустною нотой, пожимая худенькими плечами въ розовой кофточкѣ.

Главная задача была въ томъ, чтобы перевезти и устроить слабыхъ больныхъ. Ихъ было четверо: два студента—Иванъ Григорьевичъ и еврей Боркинъ, больная учительница съ горловою чахоткой и «барыня съ ногой», т.-е. съ туберкулезомъ въ костяхъ ноги. У всѣхъ четверыхъ было мало денегъ, всѣ чувствовали себя хуже съ наступленіемъ весны и не вставали съ постелей. Ни у кого не хватало духу объявить имъ о хозяйскомъ рѣшеніи, не пріискавъ заранѣе помѣщенія. Но поиски были напрасны. Вездѣ, по обыкновенію, отказывали, чуть только заходилъ разговоръ о тяжело больныхъ, и совѣтовали дождаться конца на старомъ мѣстѣ. Ждать было тоже нельзя. Хозяйка присылала напомнить о срокѣ и торопила съ отъѣздомъ.

— Гонятъ! Да неужели? Опять!—говорилъ Иванъ Григорьевичъ, дергая худою шеей въ смятомъ воротничкѣ, видимо пересиливая себя, чтобы не показать малодушія.—Вѣдь это выходитъ... Позвольте, за пять мѣсяцевъ три раза. Это четвертый. И куда же теперь? Куда? Главное подлость—съ мѣста сдвинуться не могу. Что-жъ, Надежда Александровна, переѣзжайте вы. Бросьте меня. Пусть, какъ хотятъ. Пусть выкидываютъ... ну на улицу, ну за окошко...

Соня сидѣла тутъ же на подоконникѣ и, какъ всегда, доставляла себѣ всѣ тѣ удовольствія, которыхъ, по ея словамъ, была лишена за десять лѣтъ своего пребыванія въ институтѣ. Она болтала ногами, бранилась громко и поминала чорта.

— Нѣтъ, вѣдь въ самомъ дѣлѣ, чортъ знаетъ, что такое! А, говорятъ, никакой и перестройки-то не будетъ. Просто хотятъ очистить квартиру отъ больныхъ къ сезону. Точно отъ таракановъ... Черти!

Энергическое лицо маленькой фельдшерицы выражало спокойную рѣшительность. Передъ нею было нѣчто странное и нелѣпое съ ея точки зрѣнія. Были помѣщенія, предназначавшіяся для больныхъ людей; были больные люди, которые нуждались въ помѣщеніи; были на этотъ разъ даже и деньги для того, чтобы нанять помѣщеніе, но нанять было нельзя. Больнымъ, отъ которыхъ съ огромнымъ трудомъ и нѣжною заботливостью отстраняли поводы къ безпокойству, приходилось въ глаза сказать, что не только ихъ гнали съ мѣста, но что для нихъ не находилось мѣста нигдѣ въ цѣломъ городѣ.

Сказать этого, очевидно, было нельзя, и Надежда Александровна не говорила. Она рѣшила про себя отстаивать положеніе до послѣдней возможности, какъ отстаиваютъ осажденную крѣпость. Рядомъ по корридору могли выносить и перевозить вещи, корзины и чемоданы, могли хлопать дверями и суетиться, переставанливать и уносить мебель,—въ маленькой комнатѣ съ ситцевою занавѣской все должно было

оставаться неприкосновеннымъ до послѣдней минуты, до тѣхъ поръ, пока придется сдаваться. Какъ?.. это было уже не ея дѣло, а дѣло людей, которые найдутъ для себя возможнымъ потребовать этой сдачи.

Она отпустила Соню подышать воздухомъ, давъ ей кстати адресы квартиръ, которыя не успѣла осмотрѣть, а сама помѣстилась съ работой въ рукахъ совершенно такъ, какъ дѣлала это каждый день.

— Не стоитъ толковать и мучиться, Иванъ Григорьевичъ,—сказала она, спокойно устраиваясь въ ногахъ кровати и ставя ноги на чемоданъ, чтобы удобнѣе разложить на колѣняхъ работу—длинный, фланелевый бинтъ, который отрѣзала ножницами отъ большого куска.

— Уладится какъ-нибудь. Не выкинутъ же, въ самомъ дѣлѣ, за окно. Вы не думайте,—прибавила она, осторожно дѣйствуя ножницами и изъ-за бинта заглядывая на него.—Говорить вамъ тоже не нужно, а помолчите.

Больной мрачно покачалъ головой.

— Говорить или молчать, думать или не думать, все одно лежишь, какъ бревно. Не поможешь... А вотъ я на васъ смотрю, дорого вамъ обойдется эта музыка—нашъ переѣздъ.

— А что?

— Да вотъ бѣгаете по квартирамъ, со всѣми возитесь, а посмотрите, на кого сами похожи стали!

Надежда Александровна вмѣсто швейной подушечки приколола отрѣзанный бинтъ къ колѣнкѣ, обтянутой сѣрою, шерстяною юбкой, и посмотрѣла себѣ на руки.

— Что-жъ, я, кажется, ничего, какъ всегда.

— И всегда-то видъ былъ неважный...

Она улыбнулась.

— Ну, положимъ, вы меня раньше не знали, какая я была. Я вѣдь здоровенная была. Совсѣмъ здоровая,—прибавила она съ удареніемъ.— Вся моя болѣзнь послѣ одного случая началась. Былъ одинъ такой случай.

— Вы никогда не говорили.

— Да это цѣлая исторія.

Больной съ усталымъ видомъ приподнялся на подушкахъ и закрылъ глаза.

— У всякаго своя исторія...

— Да. Жаль, исторія невеселая,—сказала Надежда Александровна. А все таки читать вамъ больше нельзя, пожалуй вы послушаете, а я разскажу.

Она вдругъ замолчала и прислушалась.

По корридору раздался громкій стукъ, должно быть упалъ какой-то тяжелый предметъ. Что-то громоздкое сдвинули съ трудомъ и съ визгомъ покатили на колесахъ. Затопали шаги, и сильно хлопнула дверь.

— Опять? Переѣзжаютъ?—съ тревогой спросилъ больной.

— Да, это изъ 15-го. Они давно собирались. Сейчасъ перестанутъ стучать. Ну такъ вотъ... Исторія, право же, любопытная. Кое-что вы уже знаете,—начала она, откашливаясь и осторожно проведя платкомъ по губамъ.—Росла я, какъ вы знаете, также, какъ и Соня наша, сиротой. Работать пришлось начать рано. Прямо со скамейки, съ курсовъ, пришлось ѣхать на фабрику фельдшерицей... одной...

— Отлично! Сразу на дѣло,—не открывая глазъ, замѣтилъ больной.

— Да, я была довольна,—продолжала Надежда Александровна Мѣсто попалось недурное, самостоятельное. Хозяева не жили на фабрикѣ, а только пріѣзжали по нѣсколько разъ въ годъ. Жить было можно, хотя глушь, кругомъ ни души, общества никакого. Но дѣла было такъ много, что некогда было и пользоваться обществомъ. Мѣстность была нездоровая, рабочіе болѣли лихорадками. Хины, салицилки приходилось изводить множество, а доставлялось намъ все изъ аптекарскаго магазина, отъ аптекаря въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Послѣ московскихъ складовъ и аптекъ, приглядѣвшись къ хорошему, я тогда же, съ первыхъ дней увидѣла, что дѣло у насъ поставлено нехорошо, и въ аптеку намъ доставляютъ негодный матеріалъ,—тихимъ голосомъ, спокойно, какъ сказку, разсказывала Надежда Александровна, подшивая прозрачною, желтою клеенкой длинный фланелевый бинтъ и осторожно, чтобы не потревожить больнаго, расправляя его ловкими пальцами поверхъ одѣяла на краю матраца.—Видите, какая для васъ клеенка чудесная! А вотъ намъ бывало пришлютъ такую, что въ рукахъ липнетъ, какъ липкій пластырь, и разлѣзается, чуть дотронешься до нея иглой. Ну и все другое въ томъ же родѣ: хининъ съ мѣломъ подмѣшанный, травы давнишнія, заплесневѣлыя, словомъ все самое плохое, послѣдній сортъ. Разумѣется, раньше всего другого я пробовала сама поговорить съ аптекаремъ, нашимъ поставщикомъ. И совсѣмъ по виду былъ недурной, любезный такой человѣкъ.

Она выпустила на минуту шитье и задумалась.

— Нѣмецъ или полякъ?

— Нѣтъ, русскій, чистѣйшій русскій, въ поддевкѣ даже иногда къ намъ пріѣзжалъ. Голубоглазый такой и на видъ добродушный. Только торопливость въ немъ была особенная, точно онъ какъ можно скорѣй нажиться хотѣлъ. И наживался навѣрное. Раньше молчали и брали у него, что пришлетъ, а тутъ я пріѣхала и не стала брать.

— Ну, а докторъ то чего же смотрѣлъ. Докторъ то у васъ тамъ былъ?—спросилъ больной.

— Былъ. Его роль удивляла меня болѣе всего. Сперва то мнѣ и въ голову не приходило, что онъ не могъ не знать положенія дѣла. Онъ хоть и не жилъ у насъ на фабрикѣ, а все же наѣзжалъ, когда вызовешь его, бывало, раза два, три и больше въ мѣсяцъ. Мои жалобы на лекарства онъ выслушивалъ всегда какъ то особенно сдержанно.

Смотрю, бывало, на его лицо и не пойму, что у него на умѣ. Даже досада возьметъ. Я вѣдь тогда не такая, какъ теперь была. Что-нибудь не такъ, разсержусь, такъ не то, что съ докторами или аптекарями, а хоть съ кѣмъ угодно готова воевать. А онъ—докторъ—все только бывало успокоиваетъ меня, все совѣтуетъ быть посдержаннѣе, не кипятиться понапрасну. Но не могла же я своими руками отравлять своихъ больныхъ. И вотъ, такъ какъ я не могла, то отравили меня...

Студентъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— То-есть, какъ же это отравили?

— А такъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ—сулемы всыпали, подмѣшали въ хининъ.

— Что за ерунда! Не можетъ быть. Нечаянно какъ-нибудь, по ошибкѣ?

— Не думаю. Да, вотъ, не перебивайте, слушайте до конца. Годъ цѣлый билась я тогда, воевала въ одиночку, все надѣялась добиться своего и наконецъ потеряла терпѣніе. Докторъ былъ, ясное дѣло, не на моей сторонѣ. Выходило какъ будто бы, что и я съ ними заодно...

Она остановилась, ожидая подтвержденія.

— Разумѣется, могли подумать.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! Я и рѣшилась тогда на крайнее средство, обратилась съ жалобой къ самому фабриканту-хозяину. Дождалась его разъ на лѣстницѣ, провела за руку въ аптеку, показала испорченныя лекарства. Разсердился, сразу подѣйствовало. Сдѣланъ былъ строгій выговоръ, при мнѣ пригрозили, что прикажутъ брать матеріалъ въ другомъ мѣстѣ, будутъ выписывать изъ складовъ, прямо изъ Москвы. А надо вамъ сказать, что, несмотря на лихорадочную мѣстность, я держалась почему-то и не болѣла лихорадкою, а тутъ вдругъ вскорѣ случилось, и захворала. Ну, не доктора же было выписывать! Сидѣлка побѣжала въ аптеку и принесла мнѣ порошокъ хинина, который изъ рукъ въ руки далъ ей аптекарь самъ. Онъ случился тутъ какъ разъ въ этотъ самый день. Я порошокъ приняла, да и вотъ, теперь три года прошло, а я до сихъ поръ не могу вполнѣ оправиться отъ этого пріема.

— Что за гнусность!—горячо отозвался больной.—И главное... главное такъ просто все!

— Да именно просто. До ужаса просто.

— Ну и что же, было этому мерзавцу что-нибудь за это? Уличили вы его? Судили его?

— Ничего не было. Все осталось неизвѣстнымъ никому, точно и не случилось ничего.

Больной разомъ приподнялся на постели. Онъ покраснѣлъ синеватымъ, густымъ румянцемъ, который сейчасъ же исчезъ, и послѣ котораго щеки стали еще блѣднѣе.

— Вотъ онѣ женщины! Всегда такъ! Что же вы простили? Вы

того не берете въ разсчетъ, что вы права не имѣли прощать, что своею слабостью...

— Въ другой разъ буду вамъ сказки разсказывать, Иванъ Григорьевичъ,—съ неудовольствіемъ замѣтила Надежда Александровна.— Нервы у васъ сегодня негодятся никуда. Поднимитесь, подушку сбили всю. Дайте поправлю. Вотъ такъ... Не недостатокъ гражданскаго мужества, а такъ сложились дѣла,—видимо сама увлекаясь воспоминаніями, продолжала она.—Подумайте, вѣдь я замертво лежала... долго что-то, не помню, нѣсколько мѣсяцевъ. Нашлись добрые люди, пріятельница пріѣхала за мной. Въ то время мысль объ отравѣ никому не приходила и на умъ. Лечили меня усердно и добросовѣстно, поставили на ноги и выпроводили при первой возможности, послали весной на кумысъ, да еще и денегъ на дорогу дали. Кого тутъ было судить, ну? Кому жаловаться? Вѣдь это только потомъ, когда я выздоровѣла и мы вспоминали, какъ я заболѣла, какъ и чѣмъ лечили, и вообще разныя тамъ мелкія подробности и черточки, кѣмъ и какъ былъ данъ этотъ единственный порошокъ,—пришлось остановиться на мысли объ отравѣ. Ну и что же дальше? Возвращаться на фабрику, судиться, уличать? Да у меня копейки лишней на проѣздъ не было. И гдѣ же доказательства? Вѣдь этакъ, пожалуй, меня же самое могли притянуть за клевету...

Она наклонила голову и уже не шила, а только прокалывала невздѣтою иглой бѣлый кусочекъ фланели, оставшійся отъ готоваго бинта.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

Больной нетерпѣливо кашлялъ сухимъ и короткимъ кашлемъ, видимо собираясь возражать.

— Характерная женская безпомощность. Заступиться за васъ было некому,—замѣтилъ онъ.—Мужа вашего вы встрѣтили позднѣй?

— О да, гораздо позднѣй. Вы мнѣ давеча напомнили его, когда вскочили и сжали кулаки. Онъ тоже, бывало, кипятился первое время, а я успокоилась давно. Жаль, здоровья нельзя прежняго вернуть, силы нѣтъ. Бывало я въ своей больничкѣ бабу больную одна могла поднимать, повернуть. Теперь не могу. Помните съ вами давеча?

— Со мной! Позвольте, да вѣдь во мнѣ пять пудовъ... недавно было,—прибавилъ онъ и тотчасъ же густо покраснѣлъ.—Да вотъ въ томъ-то и дѣло, годъ тому назадъ не меня поворачивали, а я самъ въ клиникѣ...

Онъ вдругъ замолчалъ, протянулъ руку, взялъ съ одѣяла лежавшую на краю кровати толстую переплетеную книгу и съ видимымъ и неловкимъ усиліемъ, высоко поднявъ локоть, переложилъ ее на свободное мѣсто на столѣ.

— Не принимается почему-то въ разсчетъ, что все можетъ... для каждаго можетъ измѣниться каждый день, — вдругъ упавшимъ голо-

сомъ прибавилъ онъ и снова замолчалъ.—Такъ и ваша исторія. Ошибка или подлый умыселъ, но вотъ вчерашній сильный человѣкъ лежитъ растоптанный, какъ жалкій червякъ. Роли перемѣнились. Не всѣ выздоравливаютъ. Падающаго остается толкнуть. Такъ оно и будетъ, разумѣется, безъ сомнѣнія. Такъ оно и должно...

Ножницы съ рѣзкимъ звукомъ упали на полъ. Мягко скатился съ колѣнъ и развернулся свернутый въ трубочку готовый бинтъ.

— Иванъ Григорьевичъ, голубчикъ, Ничего, ничего! Не пугайтесь! Пройдетъ, сейчасъ все пройдетъ.

Глаза больного съ выраженіемъ ужаса остановились на одной точкѣ. Рука крѣпко схватилась за протянутую ему руку, и онъ безпомощно припалъ къ ней головой. Ротъ былъ полуоткрытъ. Изъ него медленно текла тягучая, темная, струя.

VII.

„Двѣ вещи наполняютъ душу всегда новымъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, которыя поднимаются тѣмъ выше, чѣмъ чаще и настойчивѣй занимается ими наше размышленіе — это звѣздное небо надъ нами и моральный законъ внутри насъ“.

Кантъ.

Больные, которые пріѣзжаютъ въ Крымъ на весенній сезонъ въ мартѣ, почти всегда негодуютъ и бываютъ недовольны погодой, такъ какъ будто бы кто-нибудь навѣрное обѣщалъ имъ лѣтнее тепло и затѣмъ не сдержалъ обѣщанія. Между тѣмъ стоило бы посмотрѣть въ любомъ путеводителѣ, вездѣ мартъ мѣсяцъ по числу бурь, послѣ января, считается въ Крыму наиболѣе дурнымъ. Но въ путеводители почему-то не заглядываютъ, на погоду всѣ жалуются, а въ мартѣ все же обыкновенно начинается въ Ялтѣ весенній пріѣздъ.

Присмирѣвшіе за зиму домовладѣльцы оживляются. Въ гостинницахъ топятъ печи и освѣжаютъ комнаты. На набережной появляются новыя лица.

Особенно много народу съѣзжается къ празднику, провести двѣ свободныя недѣли—Страстную и Святую—въ Ялтѣ, отдохнуть отъ столичной жизни, отъ занятій и праздничныхъ визитовъ.

На маленькой дачѣ съ двумя кипарисами настали печальныя времена. Больные, одни за другими выѣзжали изъ дома. Въ опустѣломъ верхнемъ этажѣ оставалась фельдшерица Надежда Александровна и учительница безъ голоса, да больной студентъ, давно приговоренный всѣми,—хозяевами, сосѣдями и докторами—и упорно не исполнявшій ничьихъ предсказаній.

Назначенный крайній срокъ для очищенія квартиры миновалъ, а въ положеніи больнаго не произошло перемѣны. Въ отвѣтъ на вопросы окружающихъ, доктора все также говорили объ агоніи и несо-

мнѣнной близости конца, пожимали плечами и удивлялись живучести организма.

Хозяйка—молодая и элегантная дама въ шляпкѣ съ букетомъ бѣлой акаціи, въ новыхъ весеннихъ туалетахъ, прибѣгала по нѣсколько разъ въ день, приходила въ отчаяніе и съ негодованіемъ говорила о конечномъ своемъ разореніи, если «это, продлится еще хоть нѣсколько дней».

«Это» продолжалось день за днемъ, недѣля за недѣлей, повидимому грозило окончательно испортить весенній сезонъ и захватить наступавшіе праздники.

Больной переживалъ мучительные ночи и дни. Онъ страдалъ и тяготился своими страданіями, но затѣмъ неожиданно опять пріободрялся духомъ, начиналъ вѣрить въ облегченіе болѣзни, въ переселеніе на другое мѣсто, переѣздъ въ деревню и даже возможность нѣсколькихъ лѣтъ жизни впереди.

Онъ вдругъ проснулся среди ночи. Комната была освѣщена. Горѣла лампа, загороженная, поставленною стоймя, раскрытою книгой. Въ креслѣ на колесахъ, припавъ къ клеенчатой, темной ручкѣ блѣдною щекой, лежала маленькая въ розовой кофточкѣ, свернувшаяся фигура. Слышно было сонное, тихое дыханіе.

Больной уперся обѣими руками въ матрацъ и приподнялся на подушкахъ. Какъ это случалось иногда, отъ сильнаго движенія что-то будто передвинулось внутри, въ груди, и дышать стало вдругъ легче. Во весь день не было такъ легко.

Онъ протянулъ было руку и хотѣлъ придвинуть лампу, чтобы начать читать, но раздумалъ и не сталъ передвигать. Не стоило того. За послѣднее время не было книгъ, которыя возбуждали бы въ немъ интересъ или удовольствіе. Для серіознаго чтенія онъ былъ слишкомъ слабъ, скоро утомлялась и отказывалась служить голова, а легкое чтеніе, романы, онъ и раньше не любилъ. Теперь же они возбуждали въ немъ чувство злобы и безплоднаго раздраженія. Во всѣхъ нихъ было одно: изображеніе жизни, а для чего ему могло быть нужно изображеніе чужой жизни теперь, когда онъ чувствовалъ—собственная жизнь медленно, но непрерывно, день за днемъ уходила изъ него.

Не разъ въ ночные, томительные часы, когда не было сна, ему приходило на умъ любопытное соображеніе относительно того, что могло оставаться нужно человѣку, доведенному до послѣдняго предѣла, во всякомъ положеніи. По счастію оставалось нужно немногое. И это немногое было не въ книгахъ... Вспоминались иногда раньше читанныя книги, какія были въ ходу, о которыхъ спорили и толковали въ кружкахъ на курсѣ...

Содержаніе этихъ книгъ за послѣдніе годы сводилось почти сплошь къ вопросамъ экономическимъ. Рядомъ стояли русскіе переводы нѣмецкихъ статей извѣстнаго нѣмецкаго философа. Если прибавить къ

этому журналистику, статьи, подписанныя популярными именами въ журналахъ съ опредѣленнымъ направленіемъ, то на лицо былъ весь запасъ духовной пищи средняго человѣка, представителя той молодежи, къ которой еще такъ недавно принадлежалъ онъ самъ.

И все это было очень нужно и казалось очень важно, интересно и даже было обязательно знать тогда, и ничего этого не было нужно теперь. Тогда, недавно, полтора года тому назадъ, въ Москвѣ, гдѣ нибудь въ «Гиршахъ», въ тѣсной, набитой народомъ комнатѣ, голубой отъ табачнаго дыма, и онъ вмѣстѣ съ другими еще могъ сидѣть, слушать и спорить самъ, и говорить, но главное—могъ дышать. Одинъ глотокъ того воздуха, навѣрное, задушилъ бы его теперь.

Воспоминаніе было до того живо, что онъ тутъ же закашлялся и, какъ всегда, испугался приступа кашля. Но все обошлось. Фигура на креслѣ подняла было голову и тотчасъ же закрыла глаза. Видно сонъ сильно клонилъ ее. А ему не хотѣлось спать. Воспоминанія и мысли пошли опять своимъ чередомъ.

Философія нѣмецкаго философа въ свое время сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. На глазахъ его вліяніе ея увеличивалось съ того времени, въ особенности какъ появились переводы, такъ какъ немногіе могли одолѣвать трудности подлинника. Пользуясь противорѣчіями и непослѣдовательностью отдѣльныхъ положеній, каждый бралъ, что было себѣ по душѣ, пуская въ ходъ эффектныя выраженія, полюбившіяся, ставшія модными слова, не заботясь о конечныхъ выводахъ. Но для него лично не было противорѣчій. Каждое изъ основныхъ положеній приходилось ему по душѣ и по плечу, какъ приходится на заказъ сдѣланное, ловко сшитое платье.

Начало высокомѣрнаго отношенія къ людямъ зародилось въ немъ самомъ давно, много ранѣе увлеченія его Ницше, съ того времени, когда четырнадцатилѣтнимъ мальчуганомъ онъ почувствовалъ себя беззащитнымъ и одинокимъ въ чужомъ городѣ, въ цѣломъ огромномъ мірѣ и съумѣлъ не потеряться въ немъ, пережить тяжелое время и безъ всякой помощи, самостоятельно выйти на дорогу и встать на свои ноги.

Всѣхъ, въ комъ онъ не чувствовалъ способности и силы сдѣлать то же, онъ презиралъ. Каждаго, кого ему случилось бы встрѣтить на своей дорогѣ, онъ считалъ себя въ правѣ столкнуть съ нея, будь это женщина или мужчина, товарищъ или близкій человѣкъ. Ближе всѣхъ каждому человѣку долженъ быть онъ самъ. Жить значило прежде всего, проявлять собственную личность во всемъ разнообразіи и полнотѣ ея оригинальныхъ, ей одной присущихъ свойствъ. Проявленіе это само по себѣ достаточная цѣль жизни. Остальное все старый бредъ, отсталые пережитки, которыми живутъ люди по недомыслію и умственной лѣности, живутъ потому, что боятся рѣшительныхъ выводовъ, не смѣютъ заглянуть въ глубину, до конца.

Больной закинулъ руки за голову, схватился за перекладину кровати и передвинулся съ такою силой, которой нельзя было ожидать въ немъ при его худобѣ. Потомъ онъ опустилъ руки и крѣпко сжалъ ихъ худыми, горячими пальцами.

Какъ могло случиться, что онъ, который давно не боялся ничего и твердо вѣрилъ въ свою способность устроить согласно теоретическимъ выводамъ собственную жизнь, какъ могъ онъ попасть въ это положеніе, своими руками вырыть себѣ яму, изъ которой некуда было убѣжать?

Исторія была самая обыкновенная, такая, какія случаются съ обыкновенными людьми каждый день.

Ему вдругъ представились два лица, двѣ круглыя, стриженныя головы, поразительно похожія на его собственную, съ торчащими ушами, съ пугливымъ и въ то же время плутоватымъ выраженіемъ въ смотрящихъ исподлобья, потупленныхъ дѣтскихъ глазахъ. Воображеніе представляло обоихъ мальчиковъ-братьевъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ въ одно прекрасное утро оба неожиданно появились въ студенческой тѣсной комнатѣ, тамъ, на Дѣвичьемъ полѣ въ Москвѣ.

Онъ видѣлъ ихъ передъ собою, какъ живыхъ.

Оба взошли и стояли передъ нимъ смущенные, какъ передъ чужимъ человѣкомъ.

Старшій, по знакомой привычкѣ, мялъ и крутилъ пальцами ухо; младшій безпокойно гримасничалъ, видимо затрудняясь и не имѣя при себѣ платка. Оба имѣли запущенный, заброшенный, жалкій видъ, но жалость молчала въ его сердцѣ.

Усиліемъ воли онъ побѣдилъ, захватившее духъ, волненіе—ему тотчасъ же стало ясно, съ какою цѣлью они могли появиться у него—и почти спокойно заговорилъ съ ними, усадилъ обоихъ мальчугановъ и, видя затруднительное положеніе младшаго, досталъ и подалъ ему платокъ... Все это было такъ, но затѣмъ что же мѣшало ему сразу сообразить положеніе вещей, тотчасъ выпроводить ихъ, вернуть обратно туда, откуда они пришли?

Люди придумали трогательныя, въ сущности вздорныя и пошлыя выраженія, давно потерявшія всякій смыслъ: семейныя привязанности, обязанности къ семьѣ, долгъ... Нѣтъ долга. Кто смѣлъ взять на себя наложить его на свободный духъ! Фикція все, предразсудокъ. Старыя, какъ трухлявое дерево вывѣтрившіяся слова. Одно есть несомнѣнное и реальное—жизнь, сама жизнь. Гдѣ она? Лови воздухъ, пустое пространство передъ собою... Странный звукъ—не то подавленный вздохъ, не то стонъ—раздался въ глубокой тишинѣ комнаты.

Въ послѣднемъ актѣ «Потонувшаго колокола» у Гауптмана ему пришлось видѣть на сценѣ двухъ мальчиковъ въ бѣлыхъ рубашечкахъ, въ эффектной обстановкѣ, блѣдныхъ какъ призраки, съ кувшиномъ слезъ погибшей матери... Но погибшій на этотъ разъ не кто иной, а онъ самъ. Никто не погибалъ изъ-за него. Слюнявый мальчишка

въ сѣрой курткѣ съ облупленнымъ поясомъ опрокинулъ его теорію. Все произошло будто само собой, просто, совсѣмъ просто. Случилось то самое, что случается каждый день на улицѣ съ лошадью, которая везетъ непосильно тяжелый возъ. Потянулись дни, мѣсяцы, три года каторжнаго труда, житье впроголодь, бѣганье по урокамъ, хожденіе въ чужомъ, не сходящемся на груди, накинутомъ на плечи, пальто. Того, что хватало на одного, не могло хватить на троихъ... Болѣзнь положила конецъ всему. Тѣло не выдержало. Не выдержало оно, положимъ и у того, у самого автора, прославленнаго философа, столько разъ воспѣтое, возвеличенное имъ тѣло... «Прекрасное тѣло... Могучее, бодрое тѣло, побѣдоносное... Правду говоритъ здоровое тѣло... Оно говоритъ о смыслѣ земного существованія...»

— Но гдѣ же смыслъ? Въ чемъ этотъ смыслъ?—пересохшими губами повторялъ онъ, придерживаясь на обѣихъ рукахъ, поворачивая на жесткомъ матрацѣ свое горячее сквозь бѣлье и простыню, въ каждомъ суставѣ болѣвшее тѣло.

— Въ чемъ онъ, этотъ проклятый смыслъ?

Всю жизнь биться, пробиваться впередъ, страстно искать смысла, страстно хотѣть жизни, счастья, хотѣть всего... И въ двадцать три года не найти ничего и умирать въ этомъ городѣ смерти, издыхать здѣсь, на этомъ матрацѣ, подъ этой лампой, въ опостылѣвшей комнатѣ, изъ которой готовы вышвырнуть его... какъ негодную ветошь, какъ падаль, которая заражаетъ воздухъ и мѣшаетъ жить живымъ.

Хрипящіе, сиплые звуки послышались опять и тотчасъ же смолкли. Онъ оглянулся на кресло, поднялъ горячую, костлявую руку и провелъ себя по волосамъ.

Голова была тяжела. Спутанныя, кудрявыя космы падали на лобъ и въ глаза, и ему трудно было откинуть ихъ дрожащей, безсильной рукой.

Когда-то, послѣ перваго чтенія Ницше, онъ былъ доволенъ тѣмъ, что у него были бѣлокурые волосы. «Бѣлокурое, великолѣпное животное...» Выраженіе это нравилось ему. Оно заставило его чуть ли не въ первый разъ обратить вниманіе на свою наружность, и, случалось, онъ ловилъ себя на томъ, что сдѣлалъ привычку встряхивать своей гривой и любилъ замѣчать, что на нее обращаютъ вниманіе женщины.

Онъ и вообще имѣлъ успѣхъ у женщинъ, хотя никогда не добивался успѣха и не придавалъ ему значенія. Женщины въ его жизни не играли никакой роли. Онъ чуждался и избѣгалъ ихъ, и только за послѣднее время уже здѣсь въ Ялтѣ завязались съ ними поневолѣ болѣе близкія отношенія. Фельдшерица Надежда Александровна осталась для него попрежнему исключительнымъ, не имѣвшимъ пола существомъ, но, къ собственному удивленію, въ маленькой, болѣзненной, невзрачной институткѣ онъ въ первый разъ почувствовалъ женщину.

Было ли это вліяніе ея чувства, которое невольно вызывало взаим-

ность, сознаніе того, что онъ любимъ ею, но его волновало и странно раздражающимъ образомъ дѣйствовало на него ея присутствіе, та близость, которая невольно устанавливается въ отношеніяхъ съ больнымъ. Это не мѣшало ему избѣгать всякаго внѣшняго выраженія чувства и напротивъ относиться къ своей добровольной сидѣлкѣ съ особенною, умышленной суровостью и даже придирчивостью, съ какой иногда братья относятся къ балующимъ ихъ сестрамъ.

Его раздражала въ ней институтская наивность и неумѣлость вмѣстѣ съ безтолковымъ стараніемъ освободиться отъ всѣхъ прежнихъ институтскихъ вліяній и привычекъ. Ради этого она напускала на себя умышленную рѣзкость и призывала чорта, но не умѣла закрыть форточки, долго не могла научиться сварить кофе или яйцо. И въ то же время, когда послѣ рѣзкаго замѣчанія съ его стороны она подходила къ постели и наклоняла къ нему съ виноватымъ выраженіемъ порозовѣвшее отъ смущенія лицо, онъ съ трудомъ удерживался отъ желанія сжать въ объятіяхъ ея хрупкое, маленькое тѣло съ грудью-дощечкой, съ неумѣлыми, слабыми руками и цѣловать эти руки, цѣловать рѣзко обрисованный на блѣдномъ лицѣ, свѣжій и красный ротъ.

Желанія эти онъ неизмѣнно обуздывалъ. Съ ухудшеніемъ болѣзни они рѣже просыпались въ немъ, все чаще смѣняясь сознаніемъ безнадежности своего положенія. Неуловимый оттѣнокъ въ отношеніи къ нему докторовъ и окружающихъ поддерживалъ въ немъ это сознаніе, но остановиться на немъ онъ не могъ. Было страшно, слишкомъ страшно, несмотря ни на что, даже на всѣ страданія.

Жить во чтобы то ни стало, жить больнымъ, прикованнымъ къ постели, но только бы жить, чтобы видѣть поутру косой и ослѣпительно-яркій лучъ солнца, пробивающійся въ незавѣшенное пространство между косякомъ окна и коленкоровою занавѣской... Чтобы видѣть блѣдное лицо съ краснымъ ртомъ и большими, удивленными глазами... Чтобы больными легкими съ блаженнымъ, щекочущимъ ощущеніемъ вдыхать доносящіяся изъ окна струи воздуха, напоеннаго запахомъ моря и водорослей.

Онъ повернулъ голову и по привычкѣ вытянулъ шею по направленію къ окну, но освѣжающей струи не было. Окно было заперто. Въ комнатѣ пахло лампой и лекарствами. Ему вспомнился захолустный городокъ, убогая обстановка и тѣсная квартира матери. Тамъ также почему-то всегда пахло аптекой и лампами.

Въ воспоминаніи потянулся безконечный рядъ квартиръ, комнатъ, коморокъ, угловъ въ коморкахъ, смрадныхъ и душныхъ, безъ свѣта и воздуха, и вдругъ, страннымъ скачкомъ воображенія, представилось высокое, просторное, открытое на высотѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ мѣсто за старымъ соборомъ—новое ялтинское кладбище.

Оно расположено на горѣ надъ моремъ, на сѣрыхъ, голыхъ скалахъ. Кругомъ почти нѣтъ растительности, но въ различныхъ направ-

леніяхъ по кладбищу распланированы узкія, новыя аллеи, обсаженныя молодыми кипарисами. Съ высоты открывается видъ на море. Ширина, даль, безконечный горизонтъ и просторъ, и воздуху, воздуху въ волю для всѣхъ.

Въ первое время по пріѣздѣ они приходили съ Соней гулять на кладбищѣ. Она была довольна, смѣялась и говорила, что кипарисы— невысокіе и тоненькіе—напоминали ей мальчиковъ-гимназистовъ. Вѣтеръ дулъ на вершинѣ, шаловливо пригибалъ и раскачивалъ темные, тоненькіе стволы. А подъ ними, подъ сѣрыми камнями съ надписями...

Странные, отрывистые, сиплые звуки послышались въ комнатѣ и не смолкали.

Спящая фигура встрепенулась, вздохнула и сѣла прямѣе въ креслѣ. Прислушавшись съ минуту, Соня спустила ноги и, неслышно ступая въ мягкихъ татарскихъ туфляхъ, подошла къ кровати.

— Иванъ Григорьевичъ, не спите? Ваничка, что вы? Господи, что же это?

Больной лежалъ на боку, прикрывъ лицо руками. Пальцы его вздрагивали. Короткія всхлипыванія безъ слезъ перебивались продолжительнымъ и громкимъ клокотаніемъ въ груди.

Соня испуганно оглянулась. Слезы тотчасъ же навернулись у нея на глазахъ. Она опустилась на колѣни и попробовала отнять руку.

Рука была горяча, какъ огонь, и не поддавалась, но черезъ минуту больной отвернулся, откинулъ волосы и самъ, безъ помощи, приподнялся на подушкахъ.

— Ну что? Ничего. Голова болѣла. Ерунда все. Скоро кончится. А впрочемъ... который часъ?

VIII.

Не вставая съ колѣнъ, она взглянула на часы и удивилась сама.

Былъ всего двѣнадцатый часъ. Вся ночь была еще впереди, а ей казалось, будто она долго спала. Страшно было подумать, какъ много времени еще должно было пройти, прежде чѣмъ станетъ свѣтло, проснутся люди, можно будетъ позвать кого-нибудь, послать за докторомъ.

Лицо больного пугало ее. Оно было блѣдно, несмотря на жаръ. Огромные, обведенные синевою, глаза смотрѣли съ бодрымъ, отчаяннымъ возбужденіемъ.

Иванъ Григорьевичъ протянулъ руку и осторожно дотронулся до плеча дѣвушки, все попрежнему продолжавшей стоять на колѣняхъ передъ постелью.

— Что же вы такъ стоите, Соня? Ну что, испугалась, дурочка? Полно, полно, не нужно плакать. Дайте скорѣй лекарство, а потомъ можете... идите себѣ. Мнѣ ничего. Постарайтесь заснуть.

Соня вытерла глаза и подошла къ столу.

Коллекція пузырьковъ съ бѣлыми и желтыми рецептами была аккуратно разставлена, но она остановилась въ смущеніи.

Только что въ этотъ самый вечеръ на вопросъ, что принимать больному, часто спорившему изъ-за назначаемыхъ средствъ, докторъ разрѣшилъ давать, что захочетъ онъ самъ. Тогда, въ первую минуту, это показалось ей возможно и легко, но теперь она не знала, что сказать и какъ начать примѣнять это новое предписаніе.

Больной повернулъ голову и внимательно слѣдилъ за ея движеніями.

— Соня, что же вы?

— Хотите брому, Иванъ Григорьевичъ?

— Да что полагается? Который часъ? Вѣдь кажется... Развѣ нѣтъ дигиталису?

— Есть, какъ же, я заказывала. Дворникъ принесъ давеча.

Она подошла съ пузырькомъ и съ мѣрнымъ, маленькимъ стаканчикомъ въ рукахъ, но больной остановилъ ее за руку и, притянувъ, заглянулъ ближе въ лицо.

— Эхъ, Синичка! Притворяться не умѣете. Вѣрно докторъ сказалъ: давайте, что вздумаетъ. Толку все одно не будетъ никакого, а только бы не блажилъ. Ну что, угадалъ? Вѣрно говорю? Что захочу, то и могу принимать. Ну, такъ вотъ же, что я вамъ скажу...

Онъ вдругъ выпустилъ руку и слегка оттолкнулъ ее отъ себя.

— Вотъ, что я хочу сказать... Они позволяютъ все, а я не хочу ничего. Да! Понимаете ли, и не только принимать не хочу, но вообще... Не хо-чу! Основной тезисъ индивидуализма, какъ вы знаете. Не знаете? Непонятно, Синичка бѣдная? Ну, что дѣлать! Дѣлать теперь нечего. Не могу пускаться въ объясненія. Послѣ когда-нибудь, а теперь не хочу и баста. Моя воля, понимаете ли вы? И ничьей не можетъ быть другой!

Онъ говорилъ съ несвойственною ему, протяжною манерой и шепталъ а затѣмъ возвышалъ голосъ такъ, что могло быть слышно въ другой комнатѣ.

Соня давно отнесла пузырекъ и стояла передъ кроватью, опустивъ руки, ошеломленная и испуганная. Въ голосѣ и манерѣ говорить больного была такая сила убѣдительности, что слова, непонятныя ей сами по себѣ, не казались лишенными смысла, и она не знала, былъ ли это бредъ или только сильное возбужденіе.

Она пробовала отвѣчать ему, вставлять свои возраженія.

Иванъ Григорьевичъ не слушалъ ихъ. Яснымъ и убѣдительнымъ, то и дѣло срывающимся голосомъ онъ продолжалъ говорить, не останавливаясь, не глядя на нее, какъ бы излагая мысли другому, невидимому собесѣднику.

— Боленъ, безнадеженъ, ну что же изъ того?—говорилъ онъ,

потрясая обѣими руками, казавшимися огромными, въ длинныхъ рукавахъ фланелевой, темной рубахи.—Знаю, что боленъ, но болѣзнь... она не вытрясла же изъ меня моего содержанія, какъ вытрясаютъ труху изъ сѣннаго мѣшка. А, какъ они думаютъ?

— Мое *я*... оно предполагало наполнить собою вселенную, а они захотѣли упрятать его въ скорлупку грецкаго орѣха... И даже не грецкаго, а обыкновеннаго, русскаго лѣсного орѣшка... Такъ вотъ видите ли, какое же могло произойти соглашеніе?—задумчиво прибавилъ онъ и помолчалъ съ минуту.—А орѣшками воспользуются потомъ мальчики въ сѣрыхъ курточкахъ. Знаю, знаю! И это будетъ тогда же зарегистровано и причтено къ циклу такъ называемыхъ добродѣтелей. Вы думаете не допустить? Я самъ прежде думалъ. Теперь не думаю.

— Ваничка!

Сомнѣваться больше нельзя было. Соня окинула взглядомъ комнату, посмотрѣла на окна.

Въ бѣломъ переплетѣ рамы отчетливо темнѣли незавѣшанныя стекла. Они казались совсѣмъ черными.

До утра было далеко. Позвать было некого. Она была одна.

Безумный, дѣтскій страхъ напалъ на нее. Ей захотѣлось вдругъ убѣжать, зарыться съ головою въ подушки въ своей кровати, въ своей комнатѣ. Почему нельзя было этого сдѣлать? Кто онъ былъ для нея этотъ огромный, чужой человѣкъ съ безумными глазами, больной, жалкій и страшный. Зачѣмъ она была здѣсь? Никого не было другого, а почему то была она одна.

— Иванъ Григорьевичъ!—позвала она, опуская голову, чтобы не видѣть страшнаго, чужого лица.—Господи, что же это!

Больной вдругъ замолчалъ. Онъ присѣлъ на постели, приподнявшись на локтѣ и тяжело дышалъ. Блестящіе, съ расширенными зрачками глаза съ выраженіемъ ужаса всматривались во что-то передъ собою. Губы шевелились безъ звука. Онъ протянулъ впередъ руку, какъ бы защищаясь и слабымъ, безпомощнымъ движеніемъ, поразительно жалкимъ при его большомъ ростѣ, прижался къ подушкамъ.

«Смерть... Это онъ ее видитъ... Это смерть!» мелькнуло разомъ въ головѣ Сони.

Замирая отъ ужаса и дрожа всѣмъ тѣломъ—она сползла со стула прямо на колѣни, на соломенный коврикъ передъ кроватью и, повернувъ голову, старалась уловить направленіе взгляда больного.

Онъ смотрѣлъ поверхъ ея головы, въ дальній уголъ комнаты, слабо освѣщенный загороженною лампой.

Однимъ быстрымъ движеніемъ, не вставая съ колѣнъ, Соня опрокинула книгу, служившую ширмой.

Раздался короткій, шлепающій звукъ. Книга упала. Свѣтъ свободно разлился по комнатѣ.

На стѣнѣ въ углу подлѣ двери длинный и узкій предметъ неопредѣленно выдѣлялся на фонѣ обоевъ.

— Что?... Тамъ... тамъ...—проговорилъ наконецъ больной, протягивая руку и все попрежнему не отводя испуганныхъ глазъ.

Соня глубоко перевела дыханіе.

Ей то же не сразу удалось отвѣтить, но стало уже не такъ страшно. Она ободрилась и оправилась.

— Ваничка, да вѣдь это... сюртукъ. Вашъ сюртукъ студенческій. Ну да, разумѣется! Чистили поутру и перевѣсили сюда. Мы закрыли газетами... отъ пыли. Вѣдь будетъ нуженъ вамъ. Богъ дастъ, скоро надѣнете.

Глаза медленно перевелись съ бѣлаго предмета въ углу и остановились на лицѣ дѣвушки.

— Сюртукъ?.. Что-жъ, возможно. Ну, а ты кто?

Она отклонилась такъ, чтобы свѣтъ лампы упалъ на нее и подняла голову.

Больной повторилъ вопросъ.

— Ты кто?

— Я... Соня.

— Ну, а я же кто?

— Ваничка, что ты! Ну что ты спрашиваешь? Ахъ Боже мой!— воскликнула она, неожиданно для самой себя переходя на *ты* въ порывѣ нестерпимой тоски и жалости къ этимъ почти безумнымъ, горящимъ глазамъ, смотрѣвшимъ на нее все съ тѣмъ же не сознающимъ выраженіемъ.

— Ну да, я спрашиваю: кто я?

— Ты... студентъ.

— А, студентъ! Да, вотъ оно что! Студентъ!.. Теперь значитъ вѣчный студентъ. Кончено!

Онъ засмѣялся рѣзко и забарабанилъ по столу, на которомъ зазвенѣли пузырьки съ лекарствами.

— Скажите имъ, что я князь. Такъ, неважный, татарскій князекъ. И обрѣю голову. То, все прежнее—баста! Понимаете, не имѣетъ значенія для даннаго положенія. Сѣрыя курточки... Бѣлокурыя животныя... Все къ чорту! Къ чорту! Не моя же вина, если въ этомъ городѣ цирульника предпочитаютъ профессору философіи...

Короткая весенняя ночь казалась безконечною.

Соня тихо плакала, не вставая съ колѣнъ, опустивъ голову на край матраца.

Больной не замѣчалъ ея слезъ. Повторяя одно и то же слово и жалуясь на духоту, онъ требовалъ теперь открыть окно, желалъ непремѣнно встать и идти къ окну.

Соня боялась послушаться и не соглашалась. Онъ настаивалъ. Мнѣніе доктора относительно лекарствъ и того, что уже ничто не могло

принести ни пользы ни вреда, пришло ей въ голову, и, чтобы не слышать однообразной, жалобно повторяющейся просьбы, она встала и откыла окно.

IX.

Былъ второй часъ. Еще не свѣтало. Теплый и влажный воздухъ казался неподвижнымъ.

Дача помѣщалась высоко, почти въ концѣ новой, недавно отстроенной части Ялты. Кругомъ разстилался далекій видъ на море и горы, и часть города съ безлюдными въ эту пору ночи, пустыми улицами.

Было тихо.

Вѣтка дерева съ зелеными листьями и полураспустившимися, крупными, свѣтлыми цвѣтами слабо трепетала у стѣны съ одной стороны окна. Отъ цвѣтовъ шелъ крѣпкій ароматъ и наполнилъ собою комнату.

Соня почти безъ усилія передвинула кровать на колесахъ головою къ окну, невольно соображая, какъ еще недавно у нея не хватило бы силъ сдвинуть ее, и какъ исхудало теперь это, обрисовывавшееся подъ одѣяломъ, непомѣрно длинное отъ худобы, неподвижное тѣло.

Послѣ слезъ она была рада воздуху и помѣстилась сама рядомъ на стулѣ въ узкомъ пространствѣ между придвинутою кроватью и подоконникомъ.

Больной часто и жадно дышалъ. Опершись локтемъ въ подушку и повернувшись лицомъ, онъ внимательно всматривался въ темное пространство, медленно свѣтлѣвшее за окномъ.

— Синичка, который часъ?

Соня быстро повернула голову. По тону вопроса, по звуку голоса она тотчасъ же поняла, что сознаніе вернулось вполнѣ.

— Скоро два часа, Иванъ Григорьевичъ. Скоро будетъ свѣтло.

— Скоро? Это хорошо. А чѣмъ это пахнетъ такъ?

— Не знаю. Должно быть, цвѣты.

Она перевѣсилась за окно и сорвала съ дерева небольшую вѣтку.

— Да, это цвѣты. Это павлонія. Видите, точно наши лиловые колокольчики,—объясняла она, протягивая ему вѣтку.—Хорошо пахнетъ. Понюхайте.

Больной покачалъ головой и отстранилъ вѣтку.

— Нѣтъ не надо. Павлонія... Ахъ, снѣжку бы теперь, снѣжку!

— Компрессъ можетъ быть положеть? Голова болитъ?

— Нѣтъ, Синичка, голова не болитъ. А если бы вмѣсто этой павлоніи... Не въ томъ дѣло... Тоска, Синичка, тоска! Хотѣлось бы теперь, чтобы снѣгъ былъ, морозъ. Знаете, какъ бываетъ у насъ тамъ въ Москвѣ... Морозный день, яркій, духъ захватываетъ... Одинъ бы разъ только глотнуть его, воздуху этого, всего грудью...

Онъ вздохнулъ, но тотчасъ же закашлялся и замолчалъ.

— Теперь у насъ еще тамъ морозъ...

— Здѣсь лучше, Ваничка. Тепло здѣсь, цвѣты, вотъ, видите распустились. Мы бы тамъ съ вами не могли дышать.

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Не могли бы. Это вѣрно. И никогда уже не будемъ. Никогда. Но какже вы не понимаете? Забыть *то* все же нельзя. Я его сейчасъ вотъ сквозь вашу павлонію, я его слышу—воздухъ клиники. По коридору въ палаты... ординаторы въ бѣлыхъ халатахъ, лекціи... Ахъ этотъ городъ смерти, городъ смерти! Не вырваться изъ него, не убѣжать никуда.

Соня подняла налитые слезами глаза.

Теперь, когда онъ пришелъ въ себя и могъ слышать, и могъ ее понимать, она страстно хотѣла найти слова утѣшенія для него и не находила ихъ. Мысль, которая служила утѣшеніемъ для нея самой, убѣжденіе въ томъ, что разлука, когда она случится, будетъ недолга, что и она скоро послѣдуетъ за нимъ, куда... она не знала—туда, вѣроятно, къ тѣмъ большимъ, прекраснымъ звѣздамъ, которыя смотрѣли на нихъ изъ окна,—эта мысль не могла служить утѣшеніемъ для него. Ему нужно было не то. Ему нужна была жизнь не будущая, неизвѣстная, а здѣшняя, простая, понятная, живая жизнь—съ Москвой, съ клиникой, съ ординаторами въ бѣлыхъ халатахъ и клиническимъ запахомъ въ палатахъ и корридорахъ; нужно было возвращеніе къ тому, къ чему вернуться—она знала это—было уже нельзя. Ничто не могло помирить его съ этой невозможностью. Красота волшебной страны, которая поразила ее, не видавшую ничего, кромѣ институтскаго сада и Московскихъ окрестностей, какъ будто бы не существовала для него.

Первое время по пріѣздѣ, пока были силы, онъ сдѣлалъ нѣсколько путешествій въ ближайшія мѣста, чтобы познакомиться съ природой Крыма, внимательно осмотрѣлъ, что было можно и даже собралъ небольшія коллекціи; но, исполнивъ это, онъ уже мало интересовался окружающимъ, тяготился жарой и находилъ, что на сѣверѣ лучше условія жизни, которыя для культурнаго человѣка имѣютъ болѣе значенія, нежели красоты природы, какія нибудь диковинные виды, деревья и цвѣты.

— А звѣзды здѣсь такія же, Ваничка, все тѣ же, какъ и въ Москвѣ,—сказала вдругъ Соня, отвѣчая на собственную мысль, припавъ грудью къ подъоконнику и загнувъ голову, чтобы дальше видѣть пространство неба, открывавшееся изъ окна.

— Видите, вонъ Большая Медвѣдица... А вонъ хорошенькая, яркая звѣздочка маленькая! Мы ее всегда видѣли изъ окна у насъ къ классѣ въ институтѣ. Навѣрное! Я ее узнала. Какъ она называется?

Онъ нехотя повернулъ голову.

— Не знаю. Вообще не знаю названія звѣздъ.

Но она продолжала разглядывать и восхищаться.

— Какія онѣ сегодня яркія! Ахъ, какія хорошія! А знаете, меня недавно спрашивала про звѣзды здѣшняя горничная дѣвушка, и я ей совсѣмъ ничего не съумѣла объяснить.

— Ну и что же?

— Ну, а она думаетъ, что звѣзды это свѣтильники въ рукахъ у ангеловъ, и они зажигаютъ ихъ для насъ, для людей то-есть, чтобы свѣтить по ночамъ.

— Что за ерунда!

— Ну, разумѣется,—тотчасъ же согласилась она.—Но знаете, хоть и вздоръ, а я не стала ее разувѣрять. Зачѣмъ? Страшно жить, когда подумаешь, что никому до тебя дѣла нѣтъ. Здѣсь никому дѣла нѣтъ на землѣ и тамъ...

Она подняла глаза вверхъ.

— Люди... такъ... совсѣмъ одни... Страшно, Ваничка.

Ему тоже было страшно, но онъ промолчалъ.

Соня продолжала говорить.

— Отчего мы одни? Отчего? Развѣ мы виноваты? Вы что думаете?

Онъ думалъ, что у него въ прежнее время нашлись бы, пожалуй, объясненія, готовыя тирады изъ Заратустры «объ одиночествѣ», но теперь вдругъ показалось, что онѣ не объясняютъ ничего, и не было охоты не только объяснять, но и вспомнить ихъ самому.

Соня прижалась подбородкомъ къ рѣшетчатой спинкѣ кровати рядомъ съ подушками, на которыхъ выдѣлялось блѣдное лицо въ тѣни спутанныхъ, отросшихъ за болѣзнь, потемнѣвшихъ волосъ.

Всякое чувство страха и отчужденія теперь совершенно прошло у нея. Было даже непонятно, какъ могло оно явиться часъ тому назадъ. Этотъ жалкій, недвижимый человѣкъ на постели подъ вязанымъ, полосатымъ одѣяломъ былъ единственный близкій ей человѣкъ. За дверями комнаты, тамъ за окномъ начинался чужой, незнакомый, огромный міръ, такой необходимый ему, и который внушалъ ей одинъ непобѣдимый страхъ. Только здѣсь, около этой постели, въ этой комнатѣ она была у себя, дома, и чувствовала себя на своемъ мѣстѣ.

Она робко перевела глаза, просунула руку подъ рѣшетку кровати и опустила ее на подушку.

Больной замѣтилъ движеніе, прикрылъ и стиснулъ маленькую руку большою, горячею рукой.

— Что, Синичка?

— Ничего, Ваничка. Хорошо. Тихо какъ...

Оба замолчали.

Въ комнатѣ слышно было прерываемое откашливаніемъ, несвободное дыханіе, да шелестъ вѣтки объ открытую раму окна.

Темнота за окномъ расходилась и таяла, казалось, съ каждою проходившею минутой. Сперва обрисовались близкіе предметы, контуры строеній и деревьевъ внизу подъ окнами и по сторонамъ. Подъ

еще разыграла. «Что, молъ, это такое? Откуда этотъ платокъ?..» Вотъ какъ бы я поступила... Что бы она сказала тогда?.. Эхъ, маменька!.. И какой прекрасный былъ случай.

— Да, вотъ, поди-жъ ты! У самой на языкѣ вѣдь вертѣлось...

— Почему-жъ ничего не сказали?

Авдотья Макаровна скорбно понурилась и, помолчавши немного, тихо призналась:

— *Боюсь я ее...*

— Какой вздоръ! Отчего?

— Не знаю сама... И вотъ даже объяснить себѣ не могу.. И даже когда говорю-то я съ ней, такъ все про себя опасаюсь, какъ бы не ляпнуть такого, что ей не понравится...

— Хм... Вы ужасно странная, маменька... Совсѣмъ даже мнѣ непонятно.

— Эхъ-хе-хе... Знаю, что тебѣ непонятно... — прошептала Авдотья Макаровна и низко понурила голову.

— Вы—мать! Сами же вы безпрестанно о томъ повторяете!— продолжала, назидательнымъ тономъ, молодая дѣвица.—И вдругъ вы боитесь! Кого? Своей собственной дочери!.. Ей-Богу смѣшно!

— Больно ужъ какая-то она стала мудреная... — прошептала Авдотья Макаровна, все такъ же скорбно понурившись.

— Знаете вы, почему она можетъ молчать?—воскликнула, воодушевляясь собственною своею догадкою, Вѣра.—Хотите, скажу, почему?.. Очень просто! Вы сами съ нею молчите, не спрашиваете—значитъ, для васъ все равно... Съ какой же стати ей первой о томъ заговаривать?.. Поняли? Развѣ неправда?

— И то можетъ быть... Все можетъ быть...—молвила покорно старушка.

— Ага! Согласились! То-то и есть!—воскликнула торжествующе Вѣра.—На вашемъ бы мѣстѣ, я взяла бы да и завела сама разговоръ... Даже сегодня! Ей-Богу!

— Боюсь... Говорю тебѣ, что боюсь...—повторила опять удрученно Авдотья Макаровна, и на лицѣ у нея выступило даже что-то страдальческое.

Вѣра только пренебрежительно пожала плечами.

— Хорошо ты вотъ такъ разсуждаешь,—начала опять, немного погодя, Авдотья Макаровна.—Ты на это проворная... А вмѣсто того, взять бы да и помочь тебѣ матери... Заговори-ка сама!

— А что-жъ? Не заговорю, полагаете?

— Да и заговори, въ самомъ дѣлѣ. Большое тебѣ спасибо скажу.

— И заговорю. Вотъ увидите.

— И заговори. Я прошу тебя очень сурьезно... Тебѣ это даже

ловчѣе, чѣмъ мнѣ. Вмѣстѣ вы спите, по ночамъ межъ собой разговариваете... Какъ нибудь-бы взяла да спросила... Въ самомъ дѣлѣ, Вѣрушка, а? Я даже очень тебя объ этомъ прошу. Умоляю!

— Что-жъ, это можно,—согласилась молодая дѣвица.

— Такъ сдѣлаешь? А?... Ну, вотъ, и спасибо! Дай-ка я тебя поцѣлую.

— Вотъ еще нѣжности.. —пробормотала съ усмѣшкою Вѣра, однако все-таки встала и, обойдя вокругъ столъ, приблизилась къ матери, которая ее обняла и съ чувствомъ чмокнула въ губы,

Въ лавочкѣ зазвенѣлъ колокольчикъ... Вѣра вырвалась изъ материнскихъ объятій и устремилась-было къ прилавку, но остановилась въ дверяхъ и объявила, оглянувшись на Авдотью Макаровну:

— Глаша...

Когда, чрезъ минуту, вернувшаяся съ прогулки Глафира, вся румяная и возбужденная, появилась въ столовой, старушки тамъ уже не было, а на мѣстѣ ея, на диванѣ, сидѣла сестра, пристально уткнувъ носъ въ книгу...

XVI.

Теперь Глафира стала дѣлать ежедневныя прогулки на воздухѣ. При этомъ она старалась всегда соединить ихъ съ какой нибудь цѣлью, въ видѣ, напр., необходимой покупки для дома, а чаще всего обмѣна въ библіотекѣ книжекъ для Вѣры.

Сама она давно уже бросила чтеніе. Вмѣсто того въ ней обнаружилась постоянная наклонность, что-нибудь дѣлать. День ея начинался съ того, что, тотчасъ послѣ кофея, она сама перемывала и убирала въ шкафчикъ посуду, устранивъ совершенно отъ этого дѣла Авдотью Макаровну, потомъ перебирала и перетирала всѣ вещи въ квартирѣ и чистила канареечью клѣтку. Кромѣ того она собственнолично кормила Матроса, который, вслѣдствіе рачительнаго за нимъ ухода хозяйки, опять сталъ жирѣть невозможнѣйшимъ образомъ. Послѣ того какъ всѣ эти дѣла были исполнены, она садилась къ столу на диванъ со своею швейной подушечкой и принималась что нибудь чинить или штопать. Она пересмотрѣла все имѣвшееся въ квартирѣ бѣлье и носильное платье старухи и Вѣры и отложила тѣ вещи, которыя требовали какой либо починки. Какъ-то мелькнуло въ ней было намѣреніе заняться заказами по бѣлошвейной работѣ, но въ глафириной памяти еще живы были жестокія слова ея матери, сказанныя въ несчастный тотъ вечеръ, который Глафира не забудетъ до гроба, по поводу измучившаго яко бы Авдотью Макаровну стучанья швейной машины, и она выкинула изъ головы эту неудачную мысль. Тутъ

же она вспомнила кстати и объ этой самой швейной машинѣ, взятой тогда на прокатъ и нынѣ праздно стоявшей въ углу спальни, подъ накрывавшей ее отъ пыли салфеткой... Глафира въ тотъ же день, послѣ обѣда, ни мало не медля, отвезла обратно ее на извозчикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она навѣстила свою знакомую—толстую нѣмку съ пунцовымъ лицомъ, хозяйку бѣлошвейной, ту самую, которая доставила тогда ей работу, съ просьбой порекомендовать ее куда либо въ качествѣ приходящей постоянной швеи. Та это ей обѣщала. Было условлено, что она извѣститъ немедля Глафиру, какъ только найдется что нибудь подходящее, но это всетаки не мѣшало ей безпрестанно ходить и справляться, что также служило одною изъ цѣлей прогулокъ.

Памятуя о данномъ ею матери обѣщаніи, Вѣра въ концѣ того же самаго дня, когда произошелъ между ней и старушкой вышеизложенный разговоръ о черномъ незнакомцѣ и о всемъ прочемъ, что казалось таинственнымъ въ поведеніи Глафиры, рѣшилась вызвать сестру на откровенную исповѣдь.

Это произошло, когда онѣ обѣ раздѣлись и улеглись чтобы спать.

Сперва нѣсколько времени онѣ лежали въ молчаніи: Глафира на спинѣ, вытянувшись всею фигурой и устремивъ открытые глаза въ потолокъ, Вѣра—повернувшись лицомъ къ свѣчному огарку на стулѣ, приставленномъ къ изголовью постели, и держа въ рукахъ раскрытую книжку. Она достала ее и раскрыла, повинуясь усвоенной машинально привычкѣ, хотя мысли ея далеки были отъ чтенія, въ виду предстоявшей предъ ней перспективы бесѣды съ сестрою.

Приходилось сознаться, что это было совсѣмъ не такъ просто, какъ сначала ей думалось. Теперь молодая дѣвица уже прямо раскаивалась, что давеча такъ расхрабрилась .. Пока еще это было удалено отъ настоящей минуты промежуткомъ цѣлаго дня, оно не казалось отнюдь такимъ затруднительнымъ. Взять да спросить—великая важность!.. Но теперь, когда эта рѣшительная минута наконецъ подошла и глядѣла прямо въ глаза, передъ Вѣрой возникъ вдругъ непредвидѣнный раньше вопросъ: «Какъ начать?..» Въ этомъ-то самомъ и была главная штука! Вѣдь не брякнуть же прямо: «Скажи мнѣ, гдѣ ты ночевала тогда?..» «Тогда»... вотъ оно, это главное, самое опасное слово: «тогда»! Оно обозначаетъ тотъ несчастный, памятный вечеръ, о которомъ всѣ какъ-бы условились между собою безмолвнымъ соглашеніемъ забыть навсегда... И вотъ вдругъ приходится завести о немъ разговоръ! Непремѣнно, какъ же иначе? Развѣ возможно его обойти? Вѣдь съ него-то все началось...

«Господи, и чего бы стоило Глашѣ самой сказать этакое, что

нибудь подходящее... такъ, что нибудь... пустякъ какой нибудь вспомнить!»—взывала мысленно Вѣра.—«Нѣтъ, вѣдь вотъ лежитъ и молчитъ, какъ всегда...»

Она все время держала передъ собой раскрытую книжку, глядя безсмысленно въ печатныя строчки и не понимая въ нихъ ни единаго слова, терзаясь все тѣмъ-же самымъ неотвязнымъ вопросомъ: «Какъ же начать?...»

«Кажется, она ужъ заснула»,—подумала она среди тишины про Глафиру.

Но та, какъ-бы въ отвѣтъ, кашлянула и сдѣлала тѣломъ движеніе, отчего кровать слегка скрипнула...

Вѣра подавила въ себѣ тяжкій вздохъ.

«Или ужъ не отложить-ли до завтра?»—мелькнулъ успокоительный вопросъ въ ея головѣ... Но тутъ ей вспомнилось, какъ мать во весь сегодняшній вечеръ то и дѣло подмигивала ей на Глафиру съ таинственнымъ видомъ, который долженъ былъ означать: помни, что ты мнѣ обѣщала...

«Ну, наплевать! Совру, что Глаша какъ только легла, такъ сейчасъ и заснула. Какъ же могла я успѣть?»—подумала Вѣра.

Но ей тотчасъ же представилось, какъ мать затѣетъ по этому поводу новый разговоръ, опять станетъ ныть, опять будетъ ее изводить, какъ сегодня, когда Глафиры не было дома...

«Нѣтъ, ужъ отъ этого никакъ не отвертишься!» — мысленно рѣшила со вздохомъ молодая дѣвица.

— О чемъ ты вздыхаешь?—вдругъ среди тишины раздался съ постели голосъ сестры.

Это было такъ неожиданно, что Вѣра даже вздрогнула всѣмъ тѣломъ, какъ бываетъ съ человѣкомъ, который былъ весь углубленъ въ преступные замыслы, и вдругъ ему показали, что это замѣчено... Она совсѣмъ растерялась и нашлась лишь пролепетать, придавъ невинный тонъ голосу:

— Такъ... ничего...

Глафира, повидимому удовлетворенная этимъ отвѣтомъ, зѣвнула.

«Вотъ сейчасъ и заснетъ...»—мучилась Вѣра.—«И зачѣмъ я такъ ей отвѣтила?.. Вѣдь отличный былъ случай, благо она сама начала... Тутъ бы мнѣ сейчасъ и сказать... Дура я, ужасная дура»!

А драгоцѣнныя минуты летѣли...

«Ну, была не была!»—рѣшила вдругъ Вѣра и, не давая себѣ дальше раздумывать, поднялась съ изголовья и, сѣвъ на постели, произнесла неестественно громкимъ голосомъ:

— Глаша!

Очевидно, это воззваніе показалось Глафирѣ совсѣмъ неожиданнымъ. Она повернула голову къ Вѣрѣ и торопливо спросила:

— Что такое?

— Мнѣ хотѣлось бы узнать у тебя... Ты на меня не будешь сердиться?..

— За что?

— Ради Бога, умоляю тебя, не сердись!.. Честное и благородное слово, мнѣ ужасно тяжело говорить... Ей-Богу, не знаю, какъ тебѣ это покажется... Главное, пожалуйста ты не сердись...

Вѣра чувствовала, что запутывается все больше и больше. Глафира, напоминая собой хладнокровнаго зрителя, который видитъ, какъ безсильно барахтается утопающій въ двухъ шагахъ отъ него человѣкъ, и не обнаруживаетъ ни малѣйшей попытки протянуть ему руку помощи, молча ждала, что сестра скажетъ ей дальше...

Вѣра скрѣпилась и продолжала нерѣшительно, робко, стараясь не глядѣть на Глафиру:

— Видишь ли, о чемъ мнѣ бы хотѣлось спросить тебя... *Гдѣ ты тогда ночевала?*—бухнула вдругъ она совсѣмъ для себя самой неожиданно тотъ самый вопросъ, который именно и представлялся опаснымъ... Какъ только онъ сорвался у нея съ языка, Вѣра почувствовала, что вокругъ нея словно все провалилось.

— А-а... вотъ оно что...—медленно протянула Глафира вполголоса и, подождавъ съ полъ-минуты, спросила, какъ бы нарочно поддразнивая.

— Это когда же?...

— Господи!.. Ну, тогда... вотъ въ тотъ вечеръ... послѣ того какъ ты еще съ маменькой... (у нея чуть не соскочило опять съ языка: «поругалась»). Да ты же вѣдь знаешь... ты это только нарочно... — лепетала, чуть не плача отъ стыда и отчаянія, несчастная молодая дѣвица. Она чувствовала, что Глафира безжалостно наслаждается затруднительнымъ ея положеніемъ, ибо вопросъ дѣйствительно глупъ, грубъ, даже обиденъ, и совсѣмъ не такъ было нужно спросить. Она готова была молить у Глафиры прощенія, сознавала необходимость какъ-нибудь ее смягчить и умилостивить. Она продолжала:

— Маменьку это ужасно потомъ убивало... И потомъ, когда ты больная въ горячкѣ лежала, она совсѣмъ умирала отъ страха... Совсѣмъ тогда извелась... Она вѣдь тебя очень любитъ... Даже меня такъ не любитъ... Она вѣдь только молчитъ, а постоянно все мучится!—закончила отчаянно Вѣра.

— Хм... Скажи мнѣ, пожалуйста, вотъ что...—медленно, какъ бы раздумывая, заговорила Глафира.—Вотъ то, о чемъ ты меня стала разспрашивать... почему ты затѣяла?.. Тебѣ самой хочется знать, или маменька тебя подучила?..

— Господи, Глаша, какъ ты не можешь понять!.. Вѣдь я сестра тебѣ, кажется? Какъ же мнѣ не хотѣлось бы знать...

Вдругъ Глафира, чего ужъ совсѣмъ отъ нея не ожидала сестра, разсмѣялась самымъ добродушнѣйшимъ образомъ и, глядя на нее съ широкой улыбкой, воскликнула:

— Да полно ужъ врать-то тебѣ! Скажи лучше правду: маменька тебя подучила? Вѣдь такъ?

Вѣра молчала въ смущеніи.

— Да ну, признавайся! Маменька? Да?

— Маменька...—пролепетала чуть слышно молодая дѣвица.

— Когда? Сегодня, когда я уходила?

— Да... когда ты уходила... — покаялась Вѣра и продолжала съ большою горячностью:—она сама все боится спросить у тебя.. Ей-Богу, мнѣ ее жалко... Ты вотъ не знаешь, а я вижу отлично, какъ она о тебѣ безпокоится...

— Почему же она обо мнѣ безпокоится?

— Да такъ, вообще... Ей все кажется, что у тебя что-то есть на душѣ... Ужасно, ужасно она о тебѣ безпокоится!

— Напрасно она обо мнѣ безпокоится,—сурово сказала Глафира, словно отрѣзала, и прибавила совсѣмъ неожиданно: — Ну, однако пора же и спать! Спокойной ночи. Прощай.

И, съ этимъ, она повернулась спиною къ сестрѣ и круто затихла.

«Вотъ тебѣ на!»—воскликнула про себя озадаченная такимъ внезапнымъ исходомъ бесѣды молодая дѣвица.—«Изъ-за чего же я столько мучилась?»

Она сознавала, что сыграла совсѣмъ глупую роль, и опять улеглась на подушки, чрезвычайно разстроенная. Вышло все только на одну потѣху Глафиры... Она злилась на себя, на сестру и на мать... На мать больше всего. Если бы не она, со своими разговорами давешними, ничего бы этого не было.

«Ну, ужъ сами теперь, милая маменька, извольте расхлебывать, а я слуга вамъ покорная!»—шептала съ досадою Вѣра. «А та тоже, лежитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало... Словно ей и горюшка мало!» думала она затѣмъ про Глафиру, которая стала легонько похрапывать.—«Ишь, уже спитъ... Что ей за дѣло?.. Посмѣялась, и рада... Одна я только въ дурахъ!»

Вѣра съ бѣшенствомъ захлопнула книжку, изъ которой такъ и не привелось ей прочесть ни строки, затушила свѣчку, успѣвшую уже почти совсѣмъ догорѣть, и, свернувшись по обыкновенію калачикомъ, стала усиленно призывать къ себѣ утѣшительный сонъ.

Но еще не скоро удалось ей уснуть. Ужъ очень она была сегодня разстроена.

Слѣдующее утро началось, какъ всегда. Глафира ничѣмъ не показывала въ своемъ обращеніи, что помнитъ о вчерашнемъ ночномъ разговорѣ. Но Вѣра ничего не забыла, и ночь не изгладила дурныхъ ея впечатлѣній, съ коими привелось ей уснуть. Она сидѣла за кофеемъ сильно не въ духѣ и избѣгала встрѣчаться глазами съ Глафирой.

Совершивъ утреннія свои обязанности, т.-е. убравъ все въ квартирѣ, накормивъ Матроса и вычистивъ канареечью клѣтку, Глафира обратилась съ вопросомъ къ сестрѣ:

— Тебѣ нужно мѣнять что-нибудь въ библіотекѣ?

— Есть одна книжка,—отвѣтила та, смотря въ сторону.

— Давай, перемѣню. Кстати я буду тамъ близко.

Вѣра молча принесла и положила книжку на столъ.

— Что же взять?

Вѣра выписала на бумажкѣ два-три заглавія и протянула къ Глафирѣ.

Та скоро собралась и ушла.

Лишь только прозвенѣлъ за ней колокольчикъ, Вѣра передала немедленно матери вчерашній разговоръ свой съ сестрою. Она изложила его, не пропустивъ ничего, только умолчала о томъ, что выдала головою Авдотью Макаровну, признавшись, что разговоръ этотъ самый затѣянъ по ея настоянію. Зато съ особенной яркостью подчеркнула собственныя свои слова о мученіяхъ Авдотьи Макаровны во время болѣзни Глафиры и о томъ, какъ ужасно она безпокоится въ настоящее время, что та не хочетъ быть съ ней откровенной.

Старушка слушала жадно, заставляя иное себѣ повторять, и напослѣдокъ спросила:

— Такъ и сказала: «Напрасно, молъ, она обо мнѣ безпокоится?»

— Такъ и сказала,—подтвердила молодая дѣвица.—Ну, а теперь, маменька, какъ себѣ тамъ хотите! Я свое дѣло сдѣлала. Будетъ съ меня! Видно, ее ничѣмъ не проймешь.

— Что, правду я тебѣ говорила?

— Много она о себѣ думаетъ, вотъ что!—воскликнула съ горячностью Вѣра.—Ужасно она меня вчера обозлила! И вы, маменька, пожалуйста, ужъ больше меня не просите... Слышите?.. Богъ съ ней! Наплевать, да и кончено.

— Ну, такъ и быть тому значитъ,—уныло заключила Авдотья Макаровна.

Повинуясь все тому же, проникавшему теперь ее настроенію не сидѣть праздно на мѣстѣ, но отыскивать всюду занятія, Глафира стала появляться попрежнему опять за прилавкомъ. Она съ удовольствіемъ увидѣла вновь знакомыя лица постоянныхъ кліентовъ табачной, какъ, напр., того чиновника съ бритымъ ли-

— Какія онѣ сегодня яркія! Ахъ, какія хорошія! А знаете, меня недавно спрашивала про звѣзды здѣшняя горничная дѣвушка, и я ей совсѣмъ ничего не съумѣла объяснить.

— Ну и что же?

— Ну, а она думаетъ, что звѣзды это свѣтильники въ рукахъ у ангеловъ, и они зажигаютъ ихъ для насъ, для людей то-есть, чтобы свѣтить по ночамъ.

— Что за ерунда!

— Ну, разумѣется,—тотчасъ же согласилась она.—Но знаете, хоть и вздоръ, а я не стала ее разувѣрять. Зачѣмъ? Страшно жить, когда подумаешь, что никому до тебя дѣла нѣтъ. Здѣсь никому дѣла нѣтъ на землѣ и тамъ...

Она подняла глаза вверхъ.

— Люди... такъ... совсѣмъ одни... Страшно, Ваничка.

Ему тоже было страшно, но онъ промолчалъ.

Соня продолжала говорить.

— Отчего мы одни? Отчего? Развѣ мы виноваты? Вы что думаете?

Онъ думалъ, что у него въ прежнее время нашлись бы, пожалуй, объясненія, готовыя тирады изъ Заратустры «объ одиночествѣ», но теперь вдругъ показалось, что онѣ не объясняютъ ничего, и не было охоты не только объяснять, но и вспомнить ихъ самому.

Соня прижалась подбородкомъ къ рѣшетчатой спинкѣ кровати рядомъ съ подушками, на которыхъ выдѣлялось блѣдное лицо въ тѣни спутанныхъ, отросшихъ за болѣзнь, потемнѣвшихъ волосъ.

Всякое чувство страха и отчужденія теперь совершенно прошло у нея. Было даже непонятно, какъ могло оно явиться часъ тому назадъ. Этотъ жалкій, недвижимый человѣкъ на постели подъ вязанымъ, полосатымъ одѣяломъ былъ единственный близкій ей человѣкъ. За дверями комнаты, тамъ за окномъ начинался чужой, незнакомый, огромный міръ, такой необходимый ему, и который внушалъ ей одинъ непобѣдимый страхъ. Только здѣсь, около этой постели, въ этой комнатѣ она была у себя, дома, и чувствовала себя на своемъ мѣстѣ.

Она робко перевела глаза, просунула руку подъ рѣшетку кровати и опустила ее на подушку.

Больной замѣтилъ движеніе, прикрылъ и стиснулъ маленькую руку большою, горячею рукой.

— Что, Синичка?

— Ничего, Ваничка. Хорошо. Тихо какъ...

Оба замолчали.

Въ комнатѣ слышно было прерываемое откашливаніемъ, несвободное дыханіе, да шелестъ вѣтки объ открытую раму окна.

Темнота за окномъ расходилась и таяла, казалось, съ каждою проходившею минутой. Сперва обрисовались близкіе предметы, контуры строеній и деревьевъ внизу подъ окнами и по сторонамъ. Подъ

еще разыграла. «Что, молъ, это такое? Откуда этотъ платокъ?..» Вотъ какъ бы я поступила... Что бы она сказала тогда?.. Эхъ, маменька!.. И какой прекрасный былъ случай.

— Да, вотъ, поди-жъ ты! У самой на языкѣ вѣдь вертѣлось...

— Почему-жъ ничего не сказали?

Авдотья Макаровна скорбно понурилась и, помолчавши немного, тихо призналась:

— *Боюсь я ее...*

— Какой вздоръ! Отчего?

— Не знаю сама... И вотъ даже объяснить себѣ не могу.. И даже когда говорю-то я съ ней, такъ все про себя опасаюсь, какъ бы не ляпнуть такого, что ей не понравится...

— Хм... Вы ужасно странная, маменька... Совсѣмъ даже мнѣ непонятно.

— Эхъ-хе-хе... Знаю, что тебѣ непонятно... — прошептала Авдотья Макаровна и низко понурила голову.

— Вы—мать! Сами же вы безпрестанно о томъ повторяете!— продолжала, назидательнымъ тономъ, молодая дѣвица.—И вдругъ вы боитесь! Кого? Своей собственной дочери!.. Ей-Богу смѣшно!

— Больно ужъ какая-то она стала мудреная... — прошептала Авдотья Макаровна, все такъ же скорбно понурившись.

— Знаете вы, почему она можетъ молчать?—воскликнула, воодушевляясь собственною своею догадкою, Вѣра.—Хотите, скажу, почему?.. Очень просто! Вы сами съ нею молчите, не спрашиваете—значитъ, для васъ все равно... Съ какой же стати ей первой о томъ заговаривать?.. Поняли? Развѣ неправда?

— И то можетъ быть... Все можетъ быть...—молвила покорно старушка.

— Ага! Согласились! То-то и есть!—воскликнула торжествующе Вѣра.—На вашемъ бы мѣстѣ, я взяла бы да и завела сама разговоръ... Даже сегодня! Ей-Богу!

— Боюсь... Говорю тебѣ, что боюсь...—повторила опять удрученно Авдотья Макаровна, и на лицѣ у нея выступило даже что-то страдальческое.

Вѣра только пренебрежительно пожала плечами.

— Хорошо ты вотъ такъ разсуждаешь,—начала опять, немного погодя, Авдотья Макаровна.—Ты на это проворная... А вмѣсто того, взять бы да и помочь тебѣ матери... Заговори-ка сама!

— А что-жъ? Не заговорю, полагаете?

— Да и заговори, въ самомъ дѣлѣ. Большое тебѣ спасибо скажу.

— И заговорю. Вотъ увидите.

— И заговори. Я прошу тебя очень сурьезно... Тебѣ это даже

ловчѣе, чѣмъ мнѣ. Вмѣстѣ вы спите, по ночамъ межъ собой разговариваете... Какъ нибудь-бы взяла да спросила... Въ самомъ дѣлѣ, Вѣрушка, а? Я даже очень тебя объ этомъ прошу. Умоляю!

— Что-жъ, это можно,—согласилась молодая дѣвица.

— Такъ сдѣлаешь? А?... Ну, вотъ, и спасибо! Дай-ка я тебя поцѣлую.

— Вотъ еще нѣжности.. —пробормотала съ усмѣшкою Вѣра, однако все-таки встала и, обойдя вокругъ столъ, приблизилась къ матери, которая ее обняла и съ чувствомъ чмокнула въ губы,

Въ лавочкѣ зазвенѣлъ колокольчикъ... Вѣра вырвалась изъ материнскихъ объятій и устремилась-было къ прилавку, но остановилась въ дверяхъ и объявила, оглянувшись на Авдотью Макаровну:

— Глаша...

Когда, чрезъ минуту, вернувшаяся съ прогулки Глафира, вся румяная и возбужденная, появилась въ столовой, старушки тамъ уже не было, а на мѣстѣ ея, на диванѣ, сидѣла сестра, пристально уткнувъ носъ въ книгу...

XVI.

Теперь Глафира стала дѣлать ежедневныя прогулки на воздухѣ. При этомъ она старалась всегда соединить ихъ съ какой нибудь цѣлью, въ видѣ, напр., необходимой покупки для дома, а чаще всего обмѣна въ библіотекѣ книжекъ для Вѣры.

Сама она давно уже бросила чтеніе. Вмѣсто того въ ней обнаружилась постоянная наклонность, что-нибудь дѣлать. День ея начинался съ того, что, тотчасъ послѣ кофея, она сама перемывала и убирала въ шкафчикъ посуду, устранивъ совершенно отъ этого дѣла Авдотью Макаровну, потомъ перебирала и перетирала всѣ вещи въ квартирѣ и чистила канареечью клѣтку. Кромѣ того она собственнолично кормила Матроса, который, вслѣдствіе рачительнаго за нимъ ухода хозяйки, опять сталъ жирѣть невозможнѣйшимъ образомъ. Послѣ того какъ всѣ эти дѣла были исполнены, она садилась къ столу на диванъ со своею швейной подушечкой и принималась что нибудь чинить или штопать. Она пересмотрѣла все имѣвшееся въ квартирѣ бѣлье и носильное платье старухи и Вѣры и отложила тѣ вещи, которыя требовали какой либо починки. Какъ-то мелькнуло въ ней было намѣреніе заняться заказами по бѣлошвейной работѣ, но въ глафириной памяти еще живы были жестокія слова ея матери, сказанныя въ несчастный тотъ вечеръ, который Глафира не забудетъ до гроба, по поводу измучившаго яко бы Авдотью Макаровну стучанья швейной машины, и она выкинула изъ головы эту неудачную мысль. Тутъ

же она вспомнила кстати и объ этой самой швейной машинѣ, взятой тогда на прокатъ и нынѣ праздно стоявшей въ углу спальни, подъ накрывавшей ее отъ пыли салфеткой... Глафира въ тотъ же день, послѣ обѣда, ни мало не медля, отвезла обратно ее на извозчикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она навѣстила свою знакомую—толстую нѣмку съ пунцовымъ лицомъ, хозяйку бѣлошвейной, ту самую, которая доставила тогда ей работу, съ просьбой порекомендовать ее куда либо въ качествѣ приходящей постоянной швеи. Та это ей обѣщала. Было условлено, что она извѣститъ немедля Глафиру, какъ только найдется что нибудь подходящее, но это всетаки не мѣшало ей безпрестанно ходить и справляться, что также служило одною изъ цѣлей прогулокъ.

Памятуя о данномъ ею матери обѣщаніи, Вѣра въ концѣ того же самаго дня, когда произошелъ между ней и старушкой вышеизложенный разговоръ о черномъ незнакомцѣ и о всемъ прочемъ, что казалось таинственнымъ въ поведеніи Глафиры, рѣшилась вызвать сестру на откровенную исповѣдь.

Это произошло, когда онѣ обѣ раздѣлись и улеглись чтобы спать.

Сперва нѣсколько времени онѣ лежали въ молчаніи: Глафира на спинѣ, вытянувшись всею фигурой и устремивъ открытые глаза въ потолокъ, Вѣра—повернувшись лицомъ къ свѣчному огарку на стулѣ, приставленномъ къ изголовью постели, и держа въ рукахъ раскрытую книжку. Она достала ее и раскрыла, повинуясь усвоенной машинально привычкѣ, хотя мысли ея далеки были отъ чтенія, въ виду предстоявшей предъ ней перспективы бесѣды съ сестрою.

Приходилось сознаться, что это было совсѣмъ не такъ просто, какъ сначала ей думалось. Теперь молодая дѣвица уже прямо раскаивалась, что давеча такъ расхрабрилась .. Пока еще это было удалено отъ настоящей минуты промежуткомъ цѣлаго дня, оно не казалось отнюдь такимъ затруднительнымъ. Взять да спросить—великая важность!.. Но теперь, когда эта рѣшительная минута наконецъ подошла и глядѣла прямо въ глаза, передъ Вѣрой возникъ вдругъ непредвидѣнный раньше вопросъ: «Какъ начать?..» Въ этомъ-то самомъ и была главная штука! Вѣдь не брякнуть же прямо: «Скажи мнѣ, гдѣ ты ночевала тогда?..» «Тогда»... вотъ оно, это главное, самое опасное слово: «тогда»! Оно обозначаетъ тотъ несчастный, памятный вечеръ, о которомъ всѣ какъ-бы условились между собою безмолвнымъ соглашеніемъ забыть навсегда... И вотъ вдругъ приходится завести о немъ разговоръ! Непремѣнно, какъ же иначе? Развѣ возможно его обойти? Вѣдь съ него-то все началось...

«Господи, и чего бы стоило Глашѣ самой сказать этакое, что

нибудь подходящее... такъ, что нибудь... пустякъ какой нибудь вспомнить!»—взывала мысленно Вѣра.—«Нѣтъ, вѣдь вотъ лежитъ и молчитъ, какъ всегда...»

Она все время держала передъ собой раскрытую книжку, глядя безсмысленно въ печатныя строчки и не понимая въ нихъ ни единаго слова, терзаясь все тѣмъ-же самымъ неотвязнымъ вопросомъ: «Какъ же начать?...»

«Кажется, она ужъ заснула»,—подумала она среди тишины про Глафиру.

Но та, какъ-бы въ отвѣтъ, кашлянула и сдѣлала тѣломъ движеніе, отчего кровать слегка скрипнула...

Вѣра подавила въ себѣ тяжкій вздохъ.

«Или ужъ не отложить-ли до завтра?»—мелькнулъ успокоительный вопросъ въ ея головѣ... Но тутъ ей вспомнилось, какъ мать во весь сегодняшній вечеръ то и дѣло подмигивала ей на Глафиру съ таинственнымъ видомъ, который долженъ былъ означать: помни, что ты мнѣ обѣщала...

«Ну, наплевать! Совру, что Глаша какъ только легла, такъ сейчасъ и заснула. Какъ же могла я успѣть?»—подумала Вѣра.

Но ей тотчасъ же представилось, какъ мать затѣетъ по этому поводу новый разговоръ, опять станетъ ныть, опять будетъ ее изводить, какъ сегодня, когда Глафиры не было дома...

«Нѣтъ, ужъ отъ этого никакъ не отвертишься!» — мысленно рѣшила со вздохомъ молодая дѣвица.

— О чемъ ты вздыхаешь?—вдругъ среди тишины раздался съ постели голосъ сестры.

Это было такъ неожиданно, что Вѣра даже вздрогнула всѣмъ тѣломъ, какъ бываетъ съ человѣкомъ, который былъ весь углубленъ въ преступные замыслы, и вдругъ ему показали, что это замѣчено... Она совсѣмъ растерялась и нашлась лишь пролепетать, придавъ невинный тонъ голосу:

— Такъ... ничего...

Глафира, повидимому удовлетворенная этимъ отвѣтомъ, зѣвнула.

«Вотъ сейчасъ и заснетъ...»—мучилась Вѣра.—«И зачѣмъ я такъ ей отвѣтила?.. Вѣдь отличный былъ случай, благо она сама начала... Тутъ бы мнѣ сейчасъ и сказать... Дура я, ужасная дура»!

А драгоцѣнныя минуты летѣли...

«Ну, была не была!»—рѣшила вдругъ Вѣра и, не давая себѣ дальше раздумывать, поднялась съ изголовья и, сѣвъ на постели, произнесла неестественно громкимъ голосомъ:

— Глаша!

Очевидно, это воззваніе показалось Глафирѣ совсѣмъ неожиданнымъ. Она повернула голову къ Вѣрѣ и торопливо спросила:

— Что такое?

— Мнѣ хотѣлось бы узнать у тебя... Ты на меня не будешь сердиться?..

— За что?

— Ради Бога, умоляю тебя, не сердись!.. Честное и благородное слово, мнѣ ужасно тяжело говорить... Ей-Богу, не знаю, какъ тебѣ это покажется... Главное, пожалуйста ты не сердись...

Вѣра чувствовала, что запутывается все больше и больше. Глафира, напоминая собой хладнокровнаго зрителя, который видитъ, какъ безсильно барахтается утопающій въ двухъ шагахъ отъ него человѣкъ, и не обнаруживаетъ ни малѣйшей попытки протянуть ему руку помощи, молча ждала, что сестра скажетъ ей дальше...

Вѣра скрѣпилась и продолжала нерѣшительно, робко, стараясь не глядѣть на Глафиру:

— Видишь ли, о чемъ мнѣ бы хотѣлось спросить тебя... *Гдѣ ты тогда ночевала*?—бухнула вдругъ она совсѣмъ для себя самой неожиданно тотъ самый вопросъ, который именно и представлялся опаснымъ... Какъ только онъ сорвался у нея съ языка, Вѣра почувствовала, что вокругъ нея словно все провалилось.

— А-а... вотъ оно что...—медленно протянула Глафира вполголоса и, подождавъ съ полъ-минуты, спросила, какъ бы нарочно поддразнивая.

— Это когда же?...

— Господи!.. Ну, тогда... вотъ въ тотъ вечеръ... послѣ того какъ ты еще съ маменькой... (у нея чуть не соскочило опять съ языка: «поругалась»). Да ты же вѣдь знаешь... ты это только нарочно... — лепетала, чуть не плача отъ стыда и отчаянія, несчастная молодая дѣвица. Она чувствовала, что Глафира безжалостно наслаждается затруднительнымъ ея положеніемъ, ибо вопросъ дѣйствительно глупъ, грубъ, даже обиденъ, и совсѣмъ не такъ было нужно спросить. Она готова была молить у Глафиры прощенія, сознавала необходимость какъ-нибудь ее смягчить и умилостивить. Она продолжала:

— Маменьку это ужасно потомъ убивало... И потомъ, когда ты больная въ горячкѣ лежала, она совсѣмъ умирала отъ страха... Совсѣмъ тогда извелась... Она вѣдь тебя очень любитъ... Даже меня такъ не любитъ... Она вѣдь только молчитъ, а постоянно все мучится!—закончила отчаянно Вѣра.

— Хм... Скажи мнѣ, пожалуйста, вотъ что...—медленно, какъ бы раздумывая, заговорила Глафира.—Вотъ то, о чемъ ты меня стала разспрашивать... почему ты затѣяла?.. Тебѣ самой хочется знать, или маменька тебя подучила?..

— Господи, Глаша, какъ ты не можешь понять!.. Вѣдь я сестра тебѣ, кажется? Какъ же мнѣ не хотѣлось бы знать...

Вдругъ Глафира, чего ужъ совсѣмъ отъ нея не ожидала сестра, разсмѣялась самымъ добродушнѣйшимъ образомъ и, глядя на нее съ широкой улыбкой, воскликнула:

— Да полно ужъ врать-то тебѣ! Скажи лучше правду: маменька тебя подучила? Вѣдь такъ?

Вѣра молчала въ смущеніи.

— Да ну, признавайся! Маменька? Да?

— Маменька...—пролепетала чуть слышно молодая дѣвица.

— Когда? Сегодня, когда я уходила?

— Да... когда ты уходила... — покаялась Вѣра и продолжала съ большою горячностью:—она сама все боится спросить у тебя... Ей-Богу, мнѣ ее жалко... Ты вотъ не знаешь, а я вижу отлично, какъ она о тебѣ безпокоится...

— Почему же она обо мнѣ безпокоится?

— Да такъ, вообще... Ей все кажется, что у тебя что-то есть на душѣ... Ужасно, ужасно она о тебѣ безпокоится!

— Напрасно она обо мнѣ безпокоится,—сурово сказала Глафира, словно отрѣзала, и прибавила совсѣмъ неожиданно: — Ну, однако пора же и спать! Спокойной ночи. Прощай.

И, съ этимъ, она повернулась спиною къ сестрѣ и круто затихла.

«Вотъ тебѣ на!»—воскликнула про себя озадаченная такимъ внезапнымъ исходомъ бесѣды молодая дѣвица.—«Изъ-за чего же я столько мучилась?»

Она сознавала, что сыграла совсѣмъ глупую роль, и опять улеглась на подушки, чрезвычайно разстроенная. Вышло все только на одну потѣху Глафиры... Она злилась на себя, на сестру и на мать... На мать больше всего. Если бы не она, со своими разговорами давешними, ничего бы этого не было.

«Ну, ужъ сами теперь, милая маменька, извольте расхлебывать, а я слуга вамъ покорная!»—шептала съ досадою Вѣра. «А та тоже, лежитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало... Словно ей и горюшка мало!» думала она затѣмъ про Глафиру, которая стала легонько похрапывать.—«Ишь, уже спитъ... Что ей за дѣло?.. Посмѣялась, и рада... Одна я только въ дурахъ!»

Вѣра съ бѣшенствомъ захлопнула книжку, изъ которой такъ и не привелось ей прочесть ни строки, затушила свѣчку, успѣвшую уже почти совсѣмъ догорѣть, и, свернувшись по обыкновенію калачикомъ, стала усиленно призывать къ себѣ утѣшительный сонъ.

Но еще не скоро удалось ей уснуть. Ужъ очень она была сегодня разстроена.

Слѣдующее утро началось, какъ всегда. Глафира ничѣмъ не показывала въ своемъ обращеніи, что помнитъ о вчерашнемъ ночномъ разговорѣ. Но Вѣра ничего не забыла, и ночь не изгладила дурныхъ ея впечатлѣній, съ коими привелось ей уснуть. Она сидѣла за кофеемъ сильно не въ духѣ и избѣгала встрѣчаться глазами съ Глафирой.

Совершивъ утреннія свои обязанности, т.-е. убравъ все въ квартирѣ, накормивъ Матроса и вычистивъ канареечью клѣтку, Глафира обратилась съ вопросомъ къ сестрѣ:

— Тебѣ нужно мѣнять что-нибудь въ библіотекѣ?

— Есть одна книжка,—отвѣтила та, смотря въ сторону.

— Давай, перемѣню. Кстати я буду тамъ близко.

Вѣра молча принесла и положила книжку на столъ.

— Что же взять?

Вѣра выписала на бумажкѣ два-три заглавія и протянула къ Глафирѣ.

Та скоро собралась и ушла.

Лишь только прозвенѣлъ за ней колокольчикъ, Вѣра передала немедленно матери вчерашній разговоръ свой съ сестрою. Она изложила его, не пропустивъ ничего, только умолчала о томъ, что выдала головою Авдотью Макаровну, признавшись, что разговоръ этотъ самый затѣянъ по ея настоянію. Зато съ особенной яркостью подчеркнула собственныя свои слова о мученіяхъ Авдотьи Макаровны во время болѣзни Глафиры и о томъ, какъ ужасно она безпокоится въ настоящее время, что та не хочетъ быть съ ней откровенной.

Старушка слушала жадно, заставляя иное себѣ повторять, и напослѣдокъ спросила:

— Такъ и сказала: «Напрасно, молъ, она обо мнѣ безпокоится?»

— Такъ и сказала,—подтвердила молодая дѣвица.—Ну, а теперь, маменька, какъ себѣ тамъ хотите! Я свое дѣло сдѣлала. Будетъ съ меня! Видно, ее ничѣмъ не проймешь.

— Что, правду я тебѣ говорила?

— Много она о себѣ думаетъ, вотъ что!—воскликнула съ горячностью Вѣра.—Ужасно она меня вчера обозлила! И вы, маменька, пожалуйста, ужъ больше меня не просите... Слышите?.. Богъ съ ней! Наплевать, да и кончено.

— Ну, такъ и быть тому значитъ,—уныло заключила Авдотья Макаровна.

Повинуясь все тому же, проникавшему теперь ее настроенію не сидѣть праздно на мѣстѣ, но отыскивать всюду занятія, Глафира стала появляться попрежнему опять за прилавкомъ. Она съ удовольствіемъ увидѣла вновь знакомыя лица постоянныхъ кліентовъ табачной, какъ, напр., того чиновника съ бритымъ ли-

цомъ, заходившаго издавна сюда покупать нюхательный бергамотный табакъ и справлявшагося о ней во время болѣзни. Онъ всегда былъ съ ней молчаливъ и даже застѣнчивъ, и теперь, увидѣвъ Глафиру впервые по ея выздоровленіи, тоже не сказалъ ничего, но, когда она вышла къ нему за прилавокъ, на бритомъ лицѣ его выразилось чувство пріятной неожиданности, и Глафира съ удовольствіемъ отмѣтила это въ сердцѣ своемъ.. Видѣла она и того самаго «фертика», повадившагося ходить сюда ежедневно за десяткомъ Лаферма и смущавшаго своими безстыдными взорами Вѣру. Несмотря даже на то, что, какъ нарочно, ему теперь приходилось имѣть дѣло исключительно только съ Глафирой, и судьба не поблагопріятствовала ни разу ему попасть сюда, когда она находилась въ отсутствіи, онъ продолжалъ неизмѣнно ежедневныя свои посѣщенія для покупки Лаферма, очевидно въ постоянномъ разсчетѣ увидѣть, наконецъ, вмѣсто нея попрежнему молодую дѣвицу, судя потому, какъ онъ разочарованно таращилъ глаза при видѣ Глафиры. Все это очень ее забавляло.

Вообще теперь, въ новомъ ея состояніи, наступившемъ послѣ болѣни, возобновленіе прежнихъ ея отношеній къ посѣщавшей лавочку публикѣ открывало предъ нею новый, небывалый до того интересъ. Были ли въ числѣ таковыхъ посѣтителей прежнія, знакомыя лица, или впервые они здѣсь появлялись, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ никогда уже больше не бывать въ этой табачной,—во всѣхъ нихъ она подмѣчала одинъ общій оттѣнокъ, съ которымъ каждый къ ней обращался, подтверждая еще лишній разъ, что зеркало сказало ей правду, когда въ немъ она впервые увидѣла свое помолодѣвшее по выздоровленіи отъ болѣзни лицо и свою, украсившуюся мелкими кудряшками голову...

Нужно упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое было неукоснительно отмѣчено Авдотьей Макаровной и истолковано ею въ качествѣ еще одного яркаго признака, что Глафира отъ нея отдаляется.

Помимо того, что она всегда, когда была дома, не пропускала ни единаго случая, когда раздавался звонокъ, чтобы выйти самой за прилавокъ, она вдобавокъ усвоила себѣ, какъ бы въ обычай, проводить тамъ въ одиночествѣ полтора-два часа, остававшіеся послѣ вечерняго чая и ужина до узаконеннаго времени сна и еще недавно до того посвящавшіеся мирной домашней бесѣдѣ, а не то игрѣ въ мельники или въ зѣваки... При этомъ она забирала съ собой какую-нибудь работу и сидѣла съ нею на стулѣ, мелькая иголкой, при свѣтѣ падавшихъ на нее сверху лучей отъ подвѣшенной къ потолку надъ прилавкомъ лампы съ широкимъ жестянымъ абажуромъ, и думая свои отдѣльныя, сокровенныя думы...

XVII.

На улицѣ ложились сѣрыя сумерки и кое-гдѣ зажигались уже фонари. Въ табачной становилось темно, и Глафира собиралась зажечь надъ прилавкомъ висячую лампу.

Она только что подставила стулъ и собиралась встать на него, какъ надъ дверью задребезжалъ колокольчикъ, и въ табачную быстро юркнула и подлетѣла къ прилавку женская фигура въ платкѣ, накинутомъ на голову и замѣняющемъ у петербургской прислуги и головной уборъ, и верхнее платье, когда ей нужно отлучиться куда-нибудь недалеко: Глафира узнала въ ней горничную нѣкихъ, проживавшихъ въ томъ же домѣ господъ, забѣгавшую часто въ табачную за покупкой какой-нибудь мелочи. Глафира знала ее подъ именемъ Аннушки и имѣла понятіе, какъ объ отчаянной сплетницѣ.

Одновременно съ этой особой, не давъ даже ей затворить дверь за собою, въ лавочкѣ также появился мужчина и, выжидая своей очереди, остановился немного поодаль.

— Картъ! Четыре колоды!—заявила задыхающимся голосомъ Аннушка, словно она бѣжала сюда во весь духъ и каждая минута для нея драгоцѣнна.—Полныхъ! Съ двойками, съ тройками!.. Ой!

— Что ты, Аннушка, въ такихъ хлопотахъ?—спросила Глафира, доставая изъ ящика карты.

— Гости сегодня у нашихъ чертей. Именины самой-то... Совсѣмъ сбилась съ ногъ! За одинъ разъ-то не купятъ, что слѣдуетъ, вотъ и мечись, какъ собака!.. Еще въ погребъ нужно бѣжать: не того вина, вишь, прислали!

— Не нужно мѣлковъ?—спросила Глафира.

— Мѣлковъ?.. Про мѣлки ничего мнѣ не сказано... Значитъ, не нужно, а не то, можетъ, забыли... Вѣдь они у меня безголовые!.. Знать, придется опять у васъ побывать. Охъ, бѣда съ ними чистая!

Пока Глафира, получивъ отъ Аннушки деньги и напрягая почти въ полныхъ потемкахъ глаза, отсчитывала, сколько слѣдуетъ сдачи, та не переставала болтать, изливая негодованіе свое на хозяевъ по поводу затѣяннаго имениннаго вечера, къ коему Аннушка относилась съ большимъ порицаніемъ, такъ какъ «сами» въ долгу, какъ въ шелку, и въ мясной, и въ лабазѣ имъ уже больше не вѣрятъ, приказчики всѣ ноги себѣ оттоптали, ходивши за деньгами, сама она, Аннушка, третій ужъ мѣсяцъ копейки не видѣла изъ своего зажитого, а кухарка вотъ хочетъ на-дняхъ подать къ мировому...

Пока болтливая покупательница все это выкладывала, пришедшій вслѣдъ за ней господинъ терпѣливо стоялъ въ отдаленіи, повернувшись спиною къ прилавку и какъ бы съ интересомъ разсматривая таращившаго на него изъ полумрака фарфоровые глаза свои картоннаго мальчика.

— Вамъ что угодно?—громко къ нему обратилась Глафира, чтобы отвязаться отъ Аннушки.

Та, прошептавъ: «ой, заболталась тутъ съ вами!»—бросилась къ выходу, а господинъ обернулся къ Глафирѣ и, выждавъ, когда дверь за Аннушкой хлопнула, приблизился медленными шагами къ прилавку.

— Извините, я зажгу сперва лампу. Здѣсь ничего не видать,— сказала Глафира, намѣреваясь было опять подняться на стулъ, но господинъ вдругъ прошепталъ торопливо и даже какъ будто съ испугомъ:

— Погодите, не нужно огня...

Онъ стоялъ теперь совсѣмъ близко, отдѣляемый отъ Глафиры только прилавкомъ, спиною къ окошку, и не сводилъ съ нее пристальныхъ глазъ, какъ бы изучая черты ея при послѣднихъ тусклыхъ лучахъ умиравшаго на улицахъ осенняго дня...

Глафира сразу какъ-бы вся оцѣпенѣла на мѣстѣ... Не то какой-то смутный испугъ, не то совершенно иное, неизъяснимое, но властное чувство охватило ее, какъ волною, и парализовало ея мысли и волю... Она стояла, не въ силахъ произнести ни единаго слова, и только тупо смотрѣла на рисовавшуюся предъ нею густымъ силуэтомъ на сѣромъ квадратѣ окошка мужскую фигуру въ цилиндрѣ...

— Узнаете?—совсѣмъ тихо, почти слабымъ шопотомъ, спросилъ незнакомецъ Глафиру...

О, конечно, она узнала его, узнала въ одно мгновеніе ока, какъ только онъ произнесъ первое слово! Но она продолжала еще пребывать въ полномъ оцѣпенѣніи мысли и воли, все стоя на мѣстѣ, какъ околдованная, словно не вѣря свершенію воочію того, что существовало раньше въ ея представленіи въ видѣ какой-то смутной, фантастической грезы... Но она всегда вѣдь вѣрила, знала, что это рано или поздно случится, этому посвящены были ея тайныя, одинокія думы, но ей постоянно казалось, что это должно произойти какъ-то иначе, особенно... И вдругъ оно вотъ случилось—такъ внезапно, такъ просто, такъ совсѣмъ, совсѣмъ для нея неожиданно, а она за минуту объ этомъ не думала и не могла приготовиться...

— Вы молчите?... Вы меня не узнали?—прошепталъ опять незнакомецъ.

Наконецъ, Глафира нашла въ себѣ силы тоже прошептать, въ свою очередь:

— Нѣтъ... я узнала...

— Вы меня не нанавидите?... Нѣтъ?..—шепталъ незнакомецъ.

— За что?

Онъ вдругъ перегнулся къ ней за прилавокъ и зашепталъ торопливо, безсвязно:

— Я знаю, что здѣсь говорить невозможно... Я вѣдь за вами слѣдилъ... Я все знаю... Мнѣ нужно вамъ много, много сказать... Это очень важно, серьезно, но должно быть не здѣсь, въ иномъ мѣстѣ... Согласны вы меня выслушать?.. Только отвѣтъ! Согласны? Согласны?

— Согласна.. —прошептата машинально Глафира.

— Это должно быть скоро, на - дняхъ... Вы вѣрите мнѣ? Вы придете ко мнѣ на свиданіе?

— Да.

— Пока я не знаю, какъ это устрою... Я извѣщу... подамъ какой-нибудь знакъ... не знаю пока .. Но вы должны ждать, быть готовой... Будете? Будете? Да?

— Да... буду ждать...

— Спасибо. Вотъ все, что мнѣ нужно пока... А теперь я уйду... Я знаю, что намъ дольше нельзя... До свиданія. Ждите.

И съ этимъ послѣднимъ, торопливо брошеннымъ словомъ стоявшая въ полумракѣ фигура отдѣлилась вдругъ отъ прилавка, мелькнула мимо Глафиры, обрисовалась у выхода, гдѣ зазвенѣлъ колокольчикъ, а затѣмъ дверь растворилась и хлопнула, и Глафира осталась одна...

Произошло все это быстро, стремительно, на пространствѣ короткихъ минутъ... Глафира даже не успѣла опомниться, собраться съ мыслями... Этотъ полумракъ, этотъ загадочный шопотъ, эта едва различимая, какъ бы призрачная, внезапно предъ ней появившаяся и такъ же внезапно исчезнувшая фигура мужчины, эти торопливыя, безсвязныя и странныя рѣчи—все это было похоже на сонъ... Да и Глафира чувствовала себя словно во снѣ.

Словно во снѣ, она двинулась съ мѣста, словно во снѣ, взлѣзла на стулъ и зажгла висячую лампу, соображая только одно, что давно уже слѣдовало ей это сдѣлать, но только этому все время мѣшали, потомъ спустилась со стула и оглядѣлась вокругъ... И вотъ теперь, когда исчезъ мракъ, и свѣтъ огня лампы заигралъ яснымъ бликомъ на глянцевитомъ прилавкѣ, озаряя стеклянныя дверцы шкафовъ, съ виднѣющимися тамъ табачными и папиросными пачками,—все то, что произошло сейчасъ

здѣсь, въ этомъ темномъ углу, еще болѣе походило на посѣщеніе призрака!..

Она вышла въ столовую и какъ бы окунулась уже въ дѣйствительную, настоящую жизнь.

Тамъ, на кругломъ столѣ, горѣла только что зажженная Авдотьей Макаровной лампа, и сама Авдотья Макаровна сидѣла въ уголку, на диванѣ, въ праздномъ бездѣйствіи. Она задумчиво подпирала щеку ладонью и, при входѣ Глафиры, бросила на нее безмолвный и продолжительный взглядъ... Тутъ же въ креслѣ помѣщалась и Вѣра, пригнувшись надъ книжкой, и тоже, при входѣ Глафиры, на нее посмотрѣла...

А та прошла въ спальню, легла на кровать и, подложивъ обѣ руки себѣ подъ голову, устремила неподвижные глаза въ темноту. Она какъ бы вдругъ ослабѣла всѣмъ тѣломъ, и ей хотѣлось лежать и не двигаться, и чтобы ее оставили совершенно въ покоѣ, не говорили, не глядѣли, не трогали...

Въ лавочкѣ прозвенѣлъ колокольчикъ, и она это слышала, но не сдѣлала никакого движенія...

Авдотья Макаровна, подождавъ съ полъ-минуты появленія изъ спальни Глафиры, шепнула, толкнувъ подъ локоть Вѣру:

— Выйди... Кто-то пришелъ...

Еще раза два или три послѣ того звонилъ колокольчикъ, возвѣщая приходъ покупателей, но Глафира все не появлялась изъ спальни, лежа у себя на кровати и устремивъ неподвижные глаза въ темноту, равнодушная ко всему, что происходило тамъ, за этой притворенной дверью, ибо теперь ей все это стало чужимъ и ни сколько до нея некасающимся..

XVIII.

Въ одно ноябрьское утро Петербургъ пробудился подъ густымъ снѣжнымъ покровомъ... То былъ первый снѣгъ. Онъ валилъ всю ночь напролетъ и покрылъ все, что возможно, какъ-то — крыши, подъѣзды, верхи фонарей, даже тумбы, пушистыми бѣлыми шапками. Появились и санки.

Но къ полудню образовались уже широкія лужи. Вездѣ таяло, всюду текло. Затѣмъ залетали опять бѣлыя мухи, по временамъ превращаясь въ крупныя хлопья, которыя таяли, едва коснувшись земли. Къ вечеру снѣгъ превратился въ темную жижу, безбожно расплескиваемую копытами извозчичьихъ клячъ. Когда зажглись фонари, мокрые тротуары повсюду, отражая въ себѣ огоньки, казались каналами, надъ которыми рѣяли тѣни прохожихъ.

Былъ часъ шестой вечера.

Черезъ домъ отъ табачной лавочки вдовы Хороводовой, какъ

разъ противъ оконъ аптеки, у тротуара, стоялъ порожній извозчикъ. Онъ давно ужъ стоялъ тутъ. Гнѣдая, съ отвисшимъ чуть не до земли животомъ и мокрой, взъерошенной шерстью, клячонка понуро дремала. Возница истуканомъ сидѣлъ на своемъ облучкѣ, тоже весь мокрый и тоже понурый, и созерцалъ мелькавшихъ мимо по тротуару прохожихъ. Никто его никуда не рядилъ, и самъ онъ ни разу ни къ кому не присталъ съ выраженіемъ готовности своей подвезти, ибо пребывалъ въ меланхоліи, мокнувъ съ утра на этой анаѳемской мокряди, и только подумывалъ, что хорошо бы, погодивши малое время, если такъ и не наклюнется совсѣмъ сѣдока, тронуть къ Садовой, гдѣ есть трактиръ съ дворомъ для извозчиковъ, и попарить брюхо чайкомъ.

А пока онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на прохожихъ, мелькавшихъ мимо аптеки, гдѣ на окнахъ сіяли разными цвѣтами шары, отбрасывая въ уличный мракъ яркія полосы. И извощику занятно было слѣдить, какъ каждый прохожій, поравнявшись съ окошками, становился поперемѣнно краснымъ, зеленымъ и синимъ... Но особенно его занималъ одинъ баринъ, въ высокой шляпѣ, съ большой бородой, который маячилъ предъ нимъ вотъ уже нѣсколько времени, прохаживаясь взадъ и впередъ все около этого самаго дома, то пропадая во мракѣ, то снова какъ бы выныривая въ лучахъ разноцвѣтныхъ аптечныхъ шаровъ...

«Поджидаетъ кого-то»... — мыслилъ извозчикъ про барина.— «Знать, гдѣ-нибудь тутъ зазноба по ближности есть... Мужня жена, али дѣвушка.. Къ ней-то самой, выходитъ, нельзя—вотъ по эфтому и мается, значитъ»...

Отъ времени до времени баринъ замедлялся въ движеніи, даже совсѣмъ останавливался и пристально глядѣлъ въ одну сторону, потомъ опять трогался съ мѣста и снова принимался маячить.

«Ишь, сердешный, какъ мается...» — сострадательно думалъ извозчикъ.—Тоже не легкое дѣло... Чего же, одначе, нейдетъ она, подлая?..»

Но вотъ промелькнуло навстрѣчу другъ другу нѣсколько человѣкъ пѣшеходовъ, заслонивъ собою барина въ шляпѣ, и когда они разсѣялись въ разныя стороны, извозчикъ увидѣлъ, что тотъ теперь уже не одинъ. Передъ нимъ стояла барышня въ шапочкѣ, сверхъ которой былъ повязанъ платокъ. Они держались за руки и о чемъ-то быстро-быстро между собой разговаривали... Барышня казалась объятою отблескомъ пожарнаго зарева, и лицо ея было отлично видно извозчику. Онъ нашелъ ее молодой и пригожей. Баринъ помѣщался въ тѣни, и извозчикъ разслышалъ, какъ онъ воскликнулъ, уговаривая съ усердіемъ барышню:

— Но увѣряю же васъ, что тамъ нѣтъ ничего неприличнаго!

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—такъ же громко отвѣтила барышня и даже замахала руками.

— Но вѣдь не стоять же намъ все время на улицѣ!—сказалъ опять баринъ, подаваясь въ сторонку, отчего онъ сдѣлался вдругъ весь зеленымъ, а барышня, въ свой чередъ, потемнѣла...

Дальше извозчикъ ничего не разслышалъ, но догадался, что они между собою совѣтовались... Послѣ этого они къ нему быстро приблизились, и баринъ крикнулъ:

— Извощикъ!

— Куда прикажете?—встрепенулся созерцатель.

Баринъ, не отвѣчая ему, подхватилъ подъ локоть барышню, помогъ ей влѣзть на пролетку, затѣмъ вскочилъ самъ и крикнулъ:

— Пошелъ!

— Въ которо мѣсто везти-то?—спросилъ снова извозчикъ.

— Все равно, куда знаешь... Прямо, впередъ!—приказалъ ему баринъ.

Извозчикъ подбодрилъ кляченку ударомъ кнута, и та затрусила по лужамъ.

«Баринъ хорошій, нанялъ безъ торгу»,—соображалъ извозчикъ про своего сѣдока.

Кстати тутъ ему вспомнилось, что какъ-то въ первое время, когда онъ еще только началъ ѣздить по Питеру, тоже нанялъ его, не торгуясь, одинъ стрекулистъ, и такимъ порядочнымъ господиномъ ему показался, былъ даже въ перчаткахъ, гонялъ его по городу битыхъ часа полтора, а потомъ велѣлъ остановиться у какихъ-то воротъ, слѣзъ да и спрашиваетъ: «Сколько тебѣ?» —Сами знаете, сударь, сколько возилъ васъ. Ужъ рубликъ положьте.—«Хорошо, говоритъ, подожди здѣсь немножко, я сейчасъ тебѣ вышлю»,—а самъ шмыгъ въ калитку... Ждалъ-ждалъ, стоялъ стоялъ—никто денегъ ему не выноситъ!.. Дворникъ, спасибо, уже надоумилъ.—«Ты чего здѣсь стоишь?»—Да вотъ жду, сѣдокъ выслать деньги за ѣзду обѣщался.—«Давно?»—Съ полчаса мѣста стою.—«Ну, и еще постоишь, дворъ-то вѣдь нашъ проходной...» Ахъ, будь тебѣ пусто! Такъ ему стало обидно, ажно чуть не заплакалъ!..

«Ну, этотъ-то, кажись, не такой...» — успокоилъ теперь онъ себя.—«Да и барышня съ нимъ... Поди, хорошо еще прибавитъ на чай... Передъ женскимъ-то поломъ каждый любитъ себя показать...»

И въ разсчетѣ заслужить передъ бариномъ, извозчикъ захлесталъ усиленно лошадь.

— Не гони! не гони!—закричалъ сзади баринъ.—Некуда совсѣмъ торопиться.

Лошаденка побѣжала прежней лѣнивой рысцой, а извозчикъ,

отъ нечего дѣлать, началъ прислушиваться, о чемъ разговариваютъ между собой его сѣдоки.

— Мысли о васъ не выходили изъ моей головы во все время... —толковалъ умильнымъ голосомъ баринъ. — Если бы вы знали, какъ я о васъ мучился... А вы? Что вы обо мнѣ могли думать?..

«Улещаетъ...»—сдѣлалъ мысленно свое заключенiе извозчикъ.

Отвѣтъ барышни онъ не разслышалъ, такъ какъ въ эту минуту, съ грохотомъ, просверкавъ фанарями, навстрѣчу имъ промчалась карета, обдавъ брызгами грязи.

Они проколесили до конца Большую Садовую и выѣхали на Невскiй проспектъ.

— Налѣво аль направо повертывать?—оборотился съ своего сидѣнья извозчикъ.

— Сказано тебѣ, куда хочешь!—крикнулъ съ раздраженiемъ баринъ.—Ну, хоть направо.

— На Литейную, значитъ?

— Ладно, поѣзжай на Литейную!

Извощикъ давно домекнулся, что у господина было въ мысляхъ завести куда нибудь барышню, но та упиралась, и вотъ ему приходится, вмѣсто того, разводить антимонiю...

«Строгая... Себя соблюдаетъ...»—заключилъ извозчикъ про барышню. «Ужъ нонича, значитъ, миляга, ничего тебѣ не очистится...»

Онъ шестой уже годъ ѣздилъ по Питеру, ко многому прислушался и приглядѣлся и выработалъ въ себѣ большого психолога.

На Невскомъ, среди непрерывнаго грохота колесъ экипажей и раздававшагося безпрестанно то тамъ, то здѣсь «берегись!» невозможно было разслышать ни одного слова бесѣды. На углу Владимiрской, передъ тѣмъ какъ повернуть на Литейную, пришлось задержаться изъ-за скопившагося на перекресткѣ цѣлаго каравана каретъ и извозчичьихъ пролетокъ и санокъ. Надъ этой толпой лошадей стоялъ густымъ облакомъ паръ.

— Узнаете тотъ домъ... вонъ, высокiй, насупротивъ?..—спрашивалъ свою спутницу баринъ.

— Что тамъ такое?

— Это «Москва»...

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы напомнили?!.. Я бы хотѣла забыть!—воскликнула барышня.

— Простите.

Часть экипажей освободила дорогу, и имъ удалось наконецъ переѣхать Невскiй проспектъ и повернуть на Литейную.

— Я хотѣлъ бы видѣться съ вами не тайно, не крадучись, а это возможно устроить лишь такъ, какъ я вамъ говорилъ,—услышалъ дальше извозчикъ.—Вы меня поняли, вы согласны, что иначе я поступить не могу?

— Да, я васъ понимаю.

— Вы относитесь ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ?

— Я вамъ вѣрю вполнѣ.

Справа и слѣва ихъ обгоняли другіе извощики, грохоча колесами и заглушая безпрестанно бесѣду. Ихъ возницѣ надоѣло прислушиваться, да и совсѣмъ другая мысль его занимала. Онъ думалъ, докуда ему придется возить ихъ?.. Да и чайку ужъ больно хотѣлось испить.

На перекресткѣ, между Бассейной и Симеоновской, пришлось пріостановить нѣсколько лошадь, чтобы пропустить перерѣзавшую имъ дорогу карету, и извозчикъ невольно услышалъ, какъ баринъ говорилъ, съ большимъ жаромъ:

— О, какъ я постигъ теперь вашу натуру!.. Да! выбраться изъ этого затхлаго воздуха, изъ этой пошлой, притупляющей жизни... Я понимаю, я все понимаю!.. Вы правы. Вы не можете дольше такъ жить.

Тутъ опять застучали колеса и ничего опять не было слышно.

Поровнялись съ угломъ Пантелеймоновской. Направо обрисовались сквозь вечернюю мглу словно вырѣзанныя изъ бѣлой бумаги стройныя стѣны и башенки Спаса Преображенія и исчезли позади, за угломъ.

— «Эхъ, важно-бъ теперича побаловаться чайкомъ...» — уже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ тоски, принялся опять думать извозчикъ...

Вотъ и Кирочная. Вдали замерцали красными точками фонари Литейнаго моста...

— Какъ? Уже восьмой часъ!? — раздалось сзади восклицаніе барышни.—Нѣтъ, мнѣ дольше нельзя! Мнѣ нужно домой!

— Извозчикъ! Обратно!—крикнулъ тотчасъ-же баринъ.

Тотъ попятилъ свою лошаденку и сталъ заворачивать на другую сторону улицы.

— Вы боитесь, что опоздали?—спрашивалъ баринъ.

— Я ничего не боюсь, — послѣдовалъ быстрый отвѣтъ его спутницы.—Я просто не хочу огорчать свою мать, въ это послѣднее время... Она ужъ и такъ о чемъ-то догадывается...

— Да, я васъ понимаю. Извозчикъ, живѣе!

Тотъ вытянулъ лошадь кнутомъ, и она побѣжала скорымъ аллюромъ, оступаясь и фыркая, и прядая отвислымъ своимъ животомъ, словомъ, стараясь изъ всѣхъ своихъ силъ, какъ-бы понявъ, что она слишкомъ долго ужъ пользовалась снисхожденіемъ своихъ пассажировъ.

Опять Невскій, опять Большая Садовая, потомъ поворотъ въ переулокъ, поворотъ налѣво за уголъ, въ улицу, а вонъ тамъ, вдали, знакомые разноцвѣтные шары на окнахъ аптеки...

Проѣхали мимо. Баринъ крикнулъ извозчику:

— Противъ того дома налѣво! Вонъ, гдѣ табачная... Видишь?

Тотъ сталъ поворачивать на другую сторону улицы и захлесталъ было клячонку, чтобы подъѣхать съ шикомъ къ табачной, но барышня торопливо сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно, я сойду здѣсь.

— Стой!—сказалъ баринъ.

Онъ соскочилъ ловко съ пролетки и подалъ спутницѣ руку, помогая сойти. Стоя на тротуарѣ и все продолжая держать ея руку въ своей, онъ спросилъ, на прощанье:

— Итакъ, рѣшено? Въ воскресенье?

— Да, въ воскресенье,—отвѣтила та.

— Адресъ вы помните?

— Помню.

— Я буду васъ ждать.

Онъ посмотрѣлъ на нее продолжительно... Она тоже продолжительно на него посмотрѣла... Потомъ освободила отъ него свою руку, кивнула ему головой и торопливо направилась на противоположную сторону улицы.

Баринъ смотрѣлъ ей во слѣдъ до послѣдней минуты. Онъ видѣлъ, какъ фигура ея зачернѣлась передъ входомъ въ табачную, спустилась внизъ по ступенькамъ и скрылась,—потомъ обратился къ извозчику:

— Сколько же тебѣ, братецъ, слѣдуетъ?

Тотъ, умильно снявъ шапку, отвѣтилъ:

— Да что-жъ, ваше сіятельство, вѣрно не захотите обидѣть... Для вашей милости ужъ всячески, кажись, постарался...

— Сколько же? Рубль?

— Полтора ужъ положьте... Старался!

Баринъ досталъ изъ бумажника рубль, а изъ кошелька полтинникъ серебряной мелочью и отдалъ эту сумму извозчику.

— Покорнѣйше благодарствую. Дай Богъ вамъ здоровья.

— Погоди... Не отвезешь ли меня на Петербургскую сторону?

— Далече ужъ оченно, сударь, да и лошадка устала. . Я теперь на фатеру.

— Ну, какъ знаешь,—сказалъ отрывисто баринъ и зашагалъ по тротуару въ обратную сторону. А извозчикъ хлестнулъ свою клячу и поѣхалъ къ трактирчику—попарить брюхо чайкомъ. Дорогою онъ думалъ про барина:

«Ничего, сердешный, тебѣ не очистилось... Ну, да свое ты возьмешь!»

XIX.

Въ тотъ же вечеръ, часу ужъ въ десятомъ, Иванъ Еремѣичъ вошелъ къ Самострѣлову. Онъ не посѣщалъ Емельяна Иваныча уже нѣсколько дней, и тотъ его привѣтствовалъ:

— А-а!

Гость осторожно повѣсилъ на гвоздь свое густо облѣпленное мокрымъ снѣгомъ пальто, съ котораго потекли скоро чуть не ручьи, а отъ снятыхъ калошъ образовалась даже цѣлая лужица... Видно было, что онъ былъ гдѣ-то въ дальнихъ мѣстахъ.

Поздоровавшись молча съ хозяиномъ, онъ прикоснулся къ стоявшему передъ нимъ самовару.

— Э, совсѣмъ уже холодный!

— Подогрѣть?—спросилъ Самострѣловъ.

— Да, и завари свѣжей травки. Я буду пить чай.

Хозяинъ сходилъ отдать распоряженіе Ѳенѣ, и та скоро явилась и унесла самоваръ.

Иванъ Еремѣичъ присѣлъ на стулъ, потомъ всталъ, походилъ, снова присѣлъ, снова всталъ и принялся безостановочно шагать взадъ и впередъ.

Когда, минутъ черезъ десять, Ѳеня внесла и поставила кипящій во весь духъ самоваръ, и Самострѣловъ занялся завариваніемъ свѣжаго чая, Иванъ Еремѣичъ извлекъ изъ кармана пальто какой-то длинный и тяжелый предметъ, обернутый плотно бумагой. Сорвавъ и бросивъ обертку, онъ поставилъ предметъ этотъ на столъ. Оказался коньякъ. Затѣмъ, изъ другого кармана, онъ вынулъ лимонъ и положилъ его рядомъ съ бутылкой...

— Чего ты на меня уставился?—сказалъ Иванъ Еремѣичъ, на вопросительно устремленный на него взглядъ Самострѣлова.— Буду пить пуншъ.

— Что тебѣ вздумалось?

— Такъ. По случаю скверной погоды... Давай сюда штопоръ.

Хозяинъ протянулъ къ нему складной ножъ съ роговымъ черенкомъ, къ которому придѣланъ былъ штопоръ. Гость вытащилъ пробку, отрѣзалъ отъ лимона нѣсколько ломтиковъ, одинъ изъ нихъ бросилъ въ стаканъ, опустилъ туда-же три куска сахару и сказалъ, протягивая этотъ стаканъ къ Самострѣлову:

— Наливай, да неполный.

Онъ слѣдилъ, пока тотъ наливалъ, и когда пространства оставалось на палецъ, остановилъ его:

— Будетъ!

Это пространство онъ долилъ до самыхъ краевъ коньякомъ.

— А ты?—спросилъ онъ хозяина.

— Я ужъ напился.

— Значитъ, можешь пить просто коньякъ.

— Охъ, Боже мой, Боже мой!..—простоналъ Самострѣловъ.

— Вели подать рюмку. Вѣдь у тебя не имѣется?

— Была тамъ, кажется, гдѣ-то, одна... Охъ, Боже мой, Боже мой...

— Не скули. Терпѣть не могу!.. Гдѣ-жъ твоя рюмка? Въ шкафу? Или въ комодѣ

— Въ комодѣ...—со вздохомъ произнесъ Самострѣловъ.

— Нашелъ тоже мѣсто!

Иванъ Еремѣичъ, не дожидаясь, когда тотъ соберется встать съ кресла, самъ подскочилъ живо къ комоду, выдвинулъ изъ него верхній ящикъ (куда хозяинъ пряталъ сахаръ, чай и табакъ, и гдѣ лежали его зимняя шапка, какія-то пожелтѣлыя рукописи, разбитая лампа, три крахмальныхъ рубашки, бѣлая пикейная жилетка, старый кофейникъ со сломанной ручкой, пачка стеариновыхъ свѣчекъ въ синей бумагѣ и еще нѣсколько разнородныхъ предметовъ), нащупалъ среди всего этого хлама большую граненую старинную рюмку, поставилъ передъ Емельяномъ Иванычемъ и налилъ ее коньякомъ.

Самъ же онъ принялся за пуншъ. Выпивъ въ нѣсколько быстрыхъ пріемовъ первый стаканъ, онъ самъ налилъ второй, на этотъ разъ уже всего на три четверти, остальное пространство дополнилъ содержимымъ бутылки, сдѣлалъ широкій глотокъ, почти въ полстакана, и затѣмъ заявилъ, что начинаетъ, кажется, наконецъ, согрѣваться...

— Я вѣдь изъ дому съ утра... Даже и не обѣдалъ сегодня,—пояснилъ Иванъ Еремѣичъ.

Сомострѣловъ пытливо и продолжительно на него посмотрѣлъ... Иванъ Еремѣичъ скользнулъ взоромъ въ сторону и принялся прихлебывать пуншъ.

Хозяинъ хорошо понималъ, что гость явился къ нему совсѣмъ не затѣмъ, чтобы только пить пуншъ. Ужъ съ самаго начала, какъ онъ только пришелъ, по безпокойному его поведенію, Емельянъ Иванычъ возымѣлъ подозрѣніе, что пріятель его находится въ «градусѣ». Его заявленіе, что онъ съ утра не былъ дома, тоже должно было быть знаменательнымъ. Наконецъ, самая идея пить пуншъ, несмотря на то, что этому было дано объясненіе въ смыслѣ предохранительнаго средства противъ простуды, имѣла сама по себѣ большое значеніе. Все это привело Самострѣлова къ ожиданію какихъ-то важныхъ признаній.

Какъ всегда въ этихъ случаяхъ, не ускоряя момента ихъ наступленія, онъ поддерживалъ терпѣливо бесѣду въ томъ безраз-

личномъ ея направленіи, каковое обыкновенно служитъ прелюдіей къ главной и особенной темѣ, требующей спеціальнаго для того настроенія и подходящей минуты. Поговорили о скверной погодѣ, Самострѣловъ спросилъ гостя о его домашнихъ дѣлахъ, о здоровьи Анны Егоровны и новорожденнаго сына, даже полюбопытствовалъ знать о новомъ членѣ семьи—дѣвчонкѣ Марѳушкѣ, нанятой въ няньки, о томъ, какъ она служитъ, довольны ли ею...

— Живетъ, ничего,—вяло отвѣтилъ на это, какъ и на всѣ заданные раньше вопросы, Иванъ Еремѣичъ.—Ну ее, къ чорту!

— А что?—переспросилъ Самострѣловъ.

— Дрянь. Днемъ, какъ угорѣлая мечется, а ночью коломъ не подымешь. Дрыхнетъ, какъ мертвая!..—Словомъ, все скверно!—прибавилъ онъ совсѣмъ неожиданно.

— Что-жъ скверно-то именно?—задалъ вопросъ Самострѣловъ.

— Все скверно, все!—воскликнулъ, вскакивая съ мѣста, Иванъ Еремѣичъ. Онъ взволнованно прошелся взадъ и впередъ, опять опустился на стулъ и, выхлебнувъ остававшійся пуншъ, придвинулъ опорожненный стаканъ къ Самострѣлову, молвивъ: —Налей.

То былъ уже пятый стаканъ, сдобренный, какъ и всѣ предыдущіе, обильнымъ добавленіемъ къ нему коньяку.

Нѣсколько времени Иванъ Еремѣичъ пристально, въ мрачномъ молчаніи, созерцалъ этотъ стаканъ, потомъ вдругъ ударилъ въ столъ кулакомъ и воскликнулъ:

— Всему конецъ и шабашъ! Новая эра!

Онъ былъ уже красенъ, и глаза его влажно блестѣли... Долго готовившаяся, необходимая для признаній минута настала.

— Знаешь ли ты, съ кѣмъ былъ я сейчасъ... т.-е. не сейчасъ, а недавно?.. Ну, какъ бы ты думалъ?..

Иванъ Еремѣичъ продолжительно, молча, посмотрѣлъ на хозяина, какъ бы подготовляя эффектъ, и отвѣтилъ:

— Съ нею, съ Глафирой!.. У меня было съ нею свиданіе и большой разговоръ... Ну, и... и... и все кончено, и корабли сожжены, и начинается новая жизнь... Что? Поражонъ?

Самострѣловъ молчалъ и только глядѣлъ во всѣ глаза на пріятеля.

— Ага! Я зналъ, чѣмъ тебя можно пронять!—продолжалъ торжествующе Иванъ Еремѣичъ.—Ха-ха! Погоди, не такъ глаза еще вытаращишь... Въ лоскъ тебя уложу... Стой, насъ никто не услышитъ?—перебилъ онъ самъ свою рѣчь, переходя въ опасливый шопотъ, и оглянулся на дверь.

— Кто же можетъ услышать? Никто не услышитъ,—отрицательно мотнулъ головой Самострѣловъ.

— Ну, а твоя хозяйка Роскошникова... или Ѳенька... Онѣ не

могутъ подслушать? — продолжалъ тѣмъ же шопотомъ Иванъ Еремѣичъ.

— Вотъ еще! Зачѣмъ онѣ станутъ подслушивать?—возразилъ Самострѣловъ.

— Нѣтъ, погоди... Все-таки нужно принять мѣры...

Иванъ Еремѣичъ тихо снялся со стула, на цыпочкахъ приблизился къ двери, отворилъ ее, заглянулъ въ темныя сѣни, постоялъ немного, прислушиваясь, и, повидимому, совсѣмъ успокоившись, притворилъ опять дверь, замкнувъ ее дважды на ключъ. Затѣмъ, вернувшись на мѣсто, онъ пояснилъ слѣдившему за нимъ въ безмолвномъ ожиданіи Самострѣлову:

— То, что сейчасъ ты услышишь, составляетъ глубокую тайну... Понимаешь ты это?.. Никто знать не долженъ... И ты обязанъ свято хранить... Знаешь, что хочу тебѣ я открыть?..

Иванъ Еремѣичъ съ полминуты пристально смотрѣлъ на хозяина и потомъ произнесъ, наклонившись къ нему черезъ столъ, таинственнымъ голосомъ:

— Я влюбленъ.

— Что? Какъ ты сказалъ?—переспросилъ Самострѣловъ, какъ человѣкъ, полагающій, что онъ не разслышалъ.

Иванъ Еремѣичъ повторилъ ясно, отчетливо, раздѣляя слоги:

— *Я... влюб-ленъ...* Ага! вотъ когда настоящимъ образомъ я тебя ошарашилъ!.. Что? Правда?

— Да... признаюсь...—произнесъ хозяинъ въ раздумьи.

— А главное, чего ты не знаешь, это того, что вмѣсто меня передъ тобой сидитъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ. Вотъ чего ты не знаешь!

Иванъ Еремѣичъ допилъ стаканъ и, подвинувъ его къ Самострѣлову, молвилъ:

— Налей.

Емельянъ Иванычъ немедленно это исполнилъ, оставивъ попрежнему часть стакана недолитымъ, а Иванъ Еремѣичъ дополнилъ его коньякомъ и сказалъ:

— Ну, а теперь узнай все... Помнишь, что я тебѣ говорилъ про Глафиру?

— Помню,—отвѣчалъ Самострѣловъ.

— Все помнишь?

— Помню, что ты мнѣ разсказывалъ...

— Что я тебѣ говорилъ про наружность Глафиры?

— Говорилъ, что она не красива,—отвѣчалъ Самострѣловъ.

— Я ошибался. Она прелестна, оказывается! Я былъ пораженъ!

Иванъ Еремѣичъ разсказалъ Емельяну Иванычу, какъ онъ въ это послѣднее время ѣздилъ по вечерамъ съ Петербургской, един-

ственно только за тѣмъ, чтобы прохаживаться мимо табачной, подкарауливая появленіе за прилавкамъ Глафиры, и какъ въ первый разъ онъ едва повѣрилъ глазамъ: до такой степени не соотвѣтствовало съ дѣйствительностью то, что онъ себѣ представлялъ о Глафирѣ... Съ этого времени онъ не переставалъ о ней думать. Она заполонила всѣ его мысли. Тогда онъ постигъ, что съ нимъ совершается что-то особенное, и онъ надъ этимъ не властенъ, ибо надъ нимъ тяготѣетъ судьба...

— Да, это роковая судьба!—съ силой повторилъ Иванъ Еремѣичъ.

Затѣмъ разсказалъ, какъ долго онъ собирался съ нею увидѣться, блуждая около лавочки и надѣясь подкараулить когда нибудь ея выходъ на улицу, ибо нужно было соблюсти осторожность, какъ тогда же онъ думалъ написать ей письмо, но его остановила отъ этого мысль, что оно можетъ попасться въ постороннія руки. Еще разсказалъ Иванъ Еремѣичъ, какъ рѣшился онъ наконецъ войти въ лавочку, вслѣдъ за одной покупательницей, воспользовавшись сумерками, когда неожиданное его появленіе не могло встревожить Глафиру, въ случаѣ если бы она его сразу узнала. И она дѣйствительно узнала его, когда онъ подошелъ и напомнилъ ей о себѣ. Разговоръ между ними былъ очень коротокъ, ибо каждую минуту могли ихъ накрыть, но онъ добился того, что только и требовалось: она согласилась имѣть съ нимъ свиданіе. На другой день, у себя въ конторѣ, онъ написалъ ей письмо, которое по окончаніи занятій, самъ лично отвезъ и вручилъ ей. На этотъ разъ онъ вошелъ, уже ничего не боясь, прямо въ табачную, и она сейчасъ же къ нему появилась, ибо она выходитъ всегда сама къ покупателямъ. Въ этомъ письмѣ было сказано, что тогда-то, въ такомъ-то часу, онъ будетъ ее ждать, на такомъ-то мѣстѣ, на улицѣ, а затѣмъ они куда нибудь вмѣстѣ поѣдутъ, гдѣ онъ будетъ имѣть съ ней большой разговоръ. Въ краткихъ словахъ онъ выразилъ въ этомъ письмѣ, какія чувства питаетъ онъ къ ней, и такимъ образомъ до значительной степени ее подготовилъ... Сегодня состоялось свиданіе. Онъ предлагалъ ей поѣхать въ отдѣльный кабинетъ какого нибудь ресторана, но она воспротивилась этому. Вмѣсто того онъ нанялъ извозчика, который и возилъ ихъ по улицамъ, покуда они объяснялись...

— Ну, и все кончено!—прибавилъ разсказчикъ.—Я уже нанялъ ей комнату, въ воскресенье она туда переѣдетъ, и для меня начнется новая жизнь... Что? Каково? Ожидалъ отъ меня?

Емельянъ Иванычъ сидѣлъ истуканомъ, созерцая пристально лампу.

— Нѣтъ, ты скажи: ожидалъ?—приставалъ къ нему Иванъ Еремѣичъ.

Самострѣловъ испустилъ медленный вздохъ, по прежнему не отвѣчая ни слова, изъ чего пріятель его могъ заключить, что эффектъ произведенъ былъ достаточный...

— Ну, и что-жъ... Скоро она согласилась?—задалъ, немного погодя, вопросъ Самострѣловъ.

— Съ перваго слова. Она тоже думала обо мнѣ постоянно.

— И знаетъ, что ты имѣешь большое семейство?—спросилъ опять Самострѣловъ.

Иванъ Еремѣичъ порылся въ жилетномъ карманѣ, досталъ что-то оттуда и, держа это въ рукѣ, другую руку протянулъ къ глазамъ Самострѣлова.

— Видишь?—спросилъ онъ, все держа передъ нимъ эту руку.— Нѣтъ вѣдь кольца?

— Не видать,—согласился съ нимъ Самострѣловъ.

— И она тоже его не видала,—сказалъ Иванъ Еремѣичъ.— А теперь вотъ мы его опять и надѣнемъ... Хе-хе!—прибавилъ онъ и надвинулъ на палецъ вынутое изъ жилетнаго кармана кольцо...

— Гм... Значитъ, ты ее обманулъ?

— Обманулъ! Все ложь и обманъ!.. Она совсѣмъ одурачена!— подтвердилъ мрачно Иванъ Еремѣичъ, вставая, и принялся шагать взадъ и впередъ.

Между пріятелями водворилось молчаніе. Емельянъ Иванычъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ какъ замороженный, продолжая созерцать пристально лампу... Иванъ Еремѣичъ, громко стуча каблуками, шагалъ взадъ и впередъ.

Наконецъ онъ опустился на стулъ и сказалъ:

— Что жъ ты молчишь?

Самострѣловъ не издалъ ни звука.

— Да скажи же хоть слово!

Емельянъ Иванычъ пребывалъ въ упорномъ безмолвіи.

— Ты долженъ меня обругать. Зачѣмъ ты стѣсняешься?— приставалъ къ нему Иванъ Еремѣичъ.—Я же, вѣдь, знаю, что ты меня осуждаешь... Негодяй я, по твоему?.. Еще бы! Женатъ, народилъ кучу ребятъ, и, вишь, чѣмъ занимается... Вотъ что ты про меня долженъ думать. Правду я говорю?

Самострѣловъ вздохнулъ.

— Молчишь,—значитъ, я отгадалъ. И я знаю, что многіе меня тоже осудятъ... разные тамъ добродѣтельные... Ну, и пусть! Плевать я хочу!.. Я тоже былъ добродѣтельнымъ, а теперь не желаю. Баста! Довольно съ меня добродѣтели!.. Ну ее, къ чорту! Что ты на меня такъ сейчасъ посмотрѣлъ?.. Думаешь, пьянъ?.. Да, есть немножко... Только я то же самое и трезвый скажу!.. Ты полагаешь, я объ этомъ не думалъ? Очень много думалъ, мой

ангелъ! И вотъ я рѣшилъ, что нужно плевать!.. Дѣлай все. Если нельзя обойтись безъ обмана—обманывай! Становись выше всякихъ условій! Я хочу жить... Понимаешь?.. Жить, жить я хочу!— съ силой повторилъ Иванъ Еремѣичъ и ударилъ въ столъ кулакомъ. Онъ все больше пьянѣлъ.

Затѣмъ онъ развалился на стулѣ и устремилъ тяжелый, подавляющій взглядъ на созерцавшаго попрежнему пристально лампу Емельяна Иваныча, словно изучая его грузную, неподвижно сидѣвшую въ глубокомъ креслѣ фигуру, и послѣ нѣсколькихъ безмолвныхъ минутъ таковаго своего наблюденія, заговорилъ медленнымъ голосомъ, съ паузами:

— Вотъ теперь я смотрю на тебя и думаю... Знаешь, что я сейчасъ думаю? Сказать? Не обидишься?.. Впрочемъ гдѣ тебѣ обижаться!.. Я наконецъ тебя понялъ. Прежде я называлъ тебя мертвецомъ и доказывалъ... Помнишь?.. Нѣтъ, это не то... Знаешь ты что, Емельянъ? Ты просто человѣкъ про-за-ич-ный... (на этомъ эпитетѣ языкъ оратора немного запнулся) Вотъ ты все время сидишь и молчишь... Почему?.. Потому что многое для тебя не понятно. Ты человѣкъ ординарный... ты—добродѣтельный... Ты развѣ способенъ, какъ я, подобную штуку удрать?.. Ни въ жизнь... Для этого потребпа фантазія... полетъ мысли... духовная ширь... Вотъ, кому бы быть семьяниномъ—тебѣ! Ты настоящая устрица... Честное слово!.. Взять хоть бы вотъ эту самую комнату... Я бы въ ней удавился!.. А ты вотъ живешь... какъ устрица въ раковинѣ... Именно, да!.. Почему? Потому что ты ничего не желаешь, ни къ чему не стремишься... Ты не можешь взлетѣть!.. А у меня романтизмъ! Я, братецъ, поэтъ!.. Хоть бы самая эта исторія... Въ чемъ для меня ея главная суть? Драматичность, поэзія!.. Дѣвушка бросилась въ воду... Га! Развѣ это не дорого?.. Ты пойми въ этомъ подкладку... Тамъ вотъ какому-нибудь идіоту, въ родѣ городового или дворника, какой въ этомъ событіи смыслъ? Человѣкъ хотѣлъ утопиться—происшествіе, значитъ, и потому сейчасъ протоколъ! Онъ дальше не видитъ... А я не городовой и не дворникъ. Я человѣкъ. Я душу ищу. Я вижу характеръ... Потому я постоянно и думалъ объ этой исторіи, изъ головы не могъ ее выгнать... И теперь почему эта дѣвушка меня привлекаетъ? Въ ней я вижу недюжинность, да! Натуру, стремленія... И я увѣренъ, что она меня тоже пойметъ... А что я ей навралъ про себя — дѣло неважное, нужно было соврать.. Сразу нельзя всего обнаружить... Нужно помаленечку сперва приготовить... И я приготовлю! Постепенно ее приготовлю! Она должна согласиться... Что—бракъ? Ерунда!.. Для ординарныхъ, прозаичныхъ людей это составляетъ значеніе. Бракъ—могила любви, сказалъ кто-то... Экая важная штука жениться да ребятъ наплодить... Съумѣетъ всякій

дуракъ... Свободное чувство—вотъ это другой коленкоръ! Это я понимаю. Потому—я поэтъ. Я выше надъ этимъ стою... Погоди, гдѣ мой стаканъ?.. Эге, уже пусто! Когда же я выпилъ?.. Чортъ знаетъ!.. Налей-ка еще.

— Чай ужъ холодный,—объявилъ Самострѣловъ.—Да и, признаться, гм... гм...

— Что такое «гм... гм»...?—передразнилъ его Иванъ Еремѣичъ.—Чего ты кряхтишь?

— Такъ, ничего... Охъ-хо-хо, Боже мой!

— Ты полагаешь, мнѣ довольно ужъ пить? Это, что ли, ты хочешь сказать?

— Да, оно, какъ будто... тово...—нерѣшительно молвилъ хозяинъ.—Вотъ тоже и Анна Егоровна... что она можетъ подумать?

— Гм... да... Анна Егоровна...—пробормоталъ Иванъ Еремѣичъ и погрузился въ тупую задумчивость.—Да... Ты правъ... Я передъ нею подлецъ... Ты полагаешь, самъ я не знаю, что передъ нею подлецъ?.. Цѣлый день не былъ дома... Все время обманывалъ... И еще намѣренъ обманывать... Ты думаешь, я этимъ не мучился?.. Вѣдь я и теперь этимъ мучусь! Мнѣ больно глядѣть на нее... Я вѣдь люблю ее... да!.. Теперь еще, можетъ, больше люблю... Мнѣ ее жалко! Вотъ, какъ мнѣ ее жалко!.. Голубушка.. бѣдная... Двадцать лѣтъ вѣдь я съ нею... Сколько заботъ... И радость, и горе... Двадцать лѣтъ! Двадцать лѣтъ!.. Понимаешь это ты, Емельянъ?.. Нѣтъ, этого ты опять не поймешь. Ты не жилъ въ моей шкурѣ... Ты—устрица... весь вѣкъ въ своей раковинѣ... А я не могу! Что-жъ дѣлать, если я не могу?.. Чѣмъ же я... виноватъ... что мнѣ... хочется... жить?!

Послѣднія слова Иванъ Еремѣичъ произнесъ среди всхлипываній и затѣмъ пролилъ обильныя слезы...

— Ну, ладно, къ чертямъ!—сказалъ, наконецъ, онъ совсѣмъ другимъ тономъ и отеръ глаза кулакомъ.—Вижу, я пьянъ... Вѣдь я еще по дорогѣ къ тебѣ хватилъ... Довольно... Пора на лоно семьи... А это къ чертямъ!

Иванъ Еремѣичъ всталъ и качнулся.

— Да, пьянъ... форменно пьянъ...—подтвердилъ онъ еще разъ, направляясь къ углу, гдѣ висѣло его верхнее платье.—А это— къ чер-ртямъ!

При помощи Емельяна Иваныча, онъ облекся въ пальто, нахлобучилъ на голову шляпу и, танцуя передъ своими калошами, въ которыя было нужно попасть, говорилъ въ то же время хозяину, поддерживавшему его сбоку одною рукою, такъ какъ въ другой была лампа:

— Ты теперь знаешь все... Передъ тобой раскрыта душа... А только опять тебѣ повторяю: ты не можешь проникнуть во все...

слиться нутромъ... Ужъ на этомъ ты не прогнѣвайся... Ты вотъ со мной даже рюмки не выпилъ..

Напослѣдокъ попавъ благополучно въ калоши, Иванъ Еремѣичъ закончилъ:

— Ты про-за-и-ченъ... Прощай!

— Прощай,—какъ эхо, повторилъ за нимъ Семострѣловъ.

Онъ отворилъ передъ пріятелемъ дверь, провелъ его черезъ сѣни, освѣщая путь лампой, спустился затѣмъ вслѣдъ за нимъ внизъ по лѣстницѣ, до самаго выхода, и еще свѣтилъ ему издали, направивъ лучъ лампы въ темень дворъ, пока гость добирался до подъѣзда квартиры... Дождавшись, когда Иванъ Еремѣичъ, наконецъ, позвонился, Самострѣловъ вернулся къ себѣ. Поставивъ лампу на старое мѣсто, онъ погрузился медленно въ кресло.

Коньяку оставалось почти полбутылки... Налитая передъ Емельяномъ Иванычемъ рюмкой стояла нетронутой...

Онъ оглядѣлся по комнатѣ, посмотрѣлъ на углы ея, повитые сумракомъ, на ея сѣрыя, закоптѣлыя стѣны, на низенькій ея потолокъ, скошенный по бокамъ, какъ крышка у гроба, испустилъ тяжкій вздохъ и проговорилъ самъ себѣ:

— Устрица... н-да...

Онъ взялся за рюмку и опрокинулъ ее себѣ въ ротъ.

Закусивъ ее кусочкомъ лимона, онъ вслѣдъ затѣмъ налилъ вторую, выпилъ также и эту, послѣ того налилъ третью, протянулъ было руку, но на полдорогѣ принялъ ее назадъ и опять проговорилъ самъ себѣ:

— Н-да... про-за-и-ченъ...

И вдругъ какъ бы закоченѣлъ надъ этой невыпитой рюмкой въ глубокой задумчивости.

XX.

Вернувшись домой, послѣ прогулки своей на извозчикѣ, Глафира застала мать и сестру сидѣвшими тихо вокругъ самовара. Снявъ верхнее платье и переоблачившись въ домашнюю блузу, Глафира присѣла къ столу и попросила, чтобъ ей налили чаю.

Передъ Вѣрой лежала, какъ водится, раскрытая какая-то книжка, но обороченная вверхъ корешкомъ, которую, при входѣ Глафиры, молодая дѣвица перевернула какъ слѣдуетъ и, ни мало не медля, въ нее углубилась. Это движеніе, а также и то обстоятельство, что щеки младшей сестры были покрыты необычнымъ румянцемъ, въ чертахъ же самой Авдотьи Макаровны еще не исчезли слѣды возбужденія, все это навело Глафиру на мысль, что обѣ онѣ были заняты какой-то оживленной бесѣдой, которую поспѣшили прервать... Очевидно, бесѣда касалась ее... Это было особенно ясно еще

изъ того, что та и другая, помимо того, что погрузились въ молчаніе, какъ будто нарочно избѣгали встрѣтиться взглядомъ съ Глафирой—обыкновенный пріемъ, употребляемый иногда собесѣдниками при появленіи лица, которое только что владѣло ихъ думами, и которому они хотятъ показать нарочито, что присутствіе его въ ихъ компаніи совершенно для нихъ безразлично.

Во всякое другое время это непріятно подѣйствовало бы на старшую дочь Авдотьи Макаровны, но теперь она была въ такомъ настроеніи, что ей не хотѣлось останавливать на этомъ вниманіе. Для нея даже было и кстати, что мать и сестра не обращаются къ ней ни съ какими вопросами, стараются даже за ней не слѣдить, ибо она ощущала, что ея щеки пылаютъ, что сердце ея бьется полнымъ и быстрымъ-быстрымъ біеніемъ, и что достаточно завести съ ней сейчасъ какой-нибудь разговоръ, чтобы она тономъ отвѣта или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ могла выдать необычное свое состояніе...

Наконецъ, Авдотья Макаровна допила свою послѣднюю чашку и, спросивъ, не хотятъ ли онѣ еще чаю, причемъ та и другая отвѣтили ей отрицательно, сказала съ зѣвотой:

— Охъ, кажется я скоро лягу. Что-то дремится все... Отъ погоды, что ли, не знаю.. До запора-то посидитъ въ лавочкѣ изъ васъ кто-нибудь? Можетъ, ты, Глаша?—прибавила она, взглянувъ наконецъ, въ первый разъ на старшую дочь.

— Хорошо, посижу,—отвѣтила тихо Глафира.

Старушка перемыла и спрятала въ шкафчикъ посуду, а затѣмъ стала готовить себѣ на диванѣ постель. Вѣра засвѣтила свѣчу и, съ книжкой подъ мышкой, направилась въ спальню, между тѣмъ какъ Глафира не трогалась съ кресла и съ какой-то странной задумчивостью смотрѣла на мать, которая, стоя къ ней задомъ, взбивала подушки.

— Маменька...—вдругъ заговорила Глафира.

Это неожиданное обращеніе къ Авдотьѣ Макаровнѣ дочери, послѣ ея упорнаго молчанія въ теченіе вечера, вдобавокъ еще произнесенное какимъ-то страннымъ, особеннымъ голосомъ, заставило старушку въ ту же секунду къ ней обернуться, съ ощущеніемъ въ родѣ испуга.

— Мнѣ нужно вамъ сказать кое-что...—продолжала Глафира, глядя неподвижнымъ взоромъ на мать.

— Что такое?—тревожнымъ шопотомъ воскликнула Авдотья Макаровна, и, какъ стало съ нею въ послѣднее время, при всякой готовящейся ей неожиданности, почувствовала слабость въ ногахъ, заставившую ее сѣсть на диванъ.

— Новость вамъ объявлю...—сказала дальше Глафира и сдѣлала при этомъ усмѣшку, къ которой мы иногда прибѣгаемъ, когда

хотимъ подсластить свою рѣчь, долженствующую причинить огорченіе слушателю.—Я переѣзжаю отъ васъ.

Глафира потупилась. Авдотья Макаровна открыла сперва было ротъ, какъ-бы готовясь издать восклицаніе, но не произнесла ни единаго звука и только уставила на нее растерянный взглядъ. Вѣра, уже совсѣмъ было ушедшая въ спальню, вернулась къ дверямъ и смотрѣла оттуда во всѣ глаза на сестру... Очевидно, на нее, какъ и на мать, объявленная Глафирою новость подѣйствовала ошеломляющимъ образомъ.

Протекло двѣ-три минуты въ томительно-жуткомъ безмолвіи. Глафира сидѣла потупившись. Старушка тоже смотрѣла пристально въ землю, какъ бы стараясь и не будучи въ состояніи собраться съ мыслями. Вѣра, стоя въ дверяхъ, со свѣчею въ рукѣ, глядѣла на ту и другую... Словно каждая изъ нихъ боялась нарушить тишину, въ которой, казалось, должно вотъ-вотъ сейчасъ же случиться что-нибудь неожиданное...

Но ровно ничего не случилось. Разрѣшилось все это тѣмъ, что Авдотья Макаровна вдругъ поднялась поспѣшно съ дивана, раскашлялась и, повернувшись попрежнему задомъ къ Глафирѣ, вновь принялась взбивать усердно подушки.

— Что же вы на это, маменька, скажете?—нарушила наконецъ, молчаніе Глафира, дождавшись, когда кашель Авдотьи Макаровны немного унялся.

— Что же сказать мнѣ?.. Какъ знаешь... — начала было, все стоя къ дочери задомъ, старушка, но тутъ ея кашель разразился опять, еще съ большею силой, и она, схватившись за грудь, среди промежутковъ этого кашля, докончила:—конечно, тебѣ... кха-кха!.. лучше знать, что слѣдуетъ дѣлать, потому... кха-кха!.. что-жъ я могу? Тебѣ жить еще долго, а я... кха - кха! (охъ, этотъ кашель проклятый!) въ гробъ ужъ гляжу!..

Тутъ Авдотья Макаровна какъ бы совсѣмъ задохнулась и, въ изнеможеніи упавъ на диванъ, еще нѣсколько времени кашляла, одною рукою схватившись за грудь, а другою безсильно мотая по воздуху. Наконецъ, когда кашель совсѣмъ унялся, она перевела съ усиліемъ духъ и простонала разслабленнымъ голосомъ:

— Куда-жъ ты... (охъ, Господи, совсѣмъ этотъ кашель замучилъ...) куда-жъ думаешь ты переѣхать?

— На Невскій. На углу Караванной.

— Что-жъ, отъ жильцовъ сняла комнату?

— Нѣтъ, въ меблированныхъ.

— То-есть, въ номерахъ, это значитъ?...

— Да, въ номерахъ.

Авдотья Макаровна краешкомъ глаза взглянула на дочь, потупилась въ полъ, снова взглянула и снова потупилась, какъ бы

испытывая жестокую борьбу между страстнымъ желаніемъ задать какой-то вопросъ и боязнью произнести его вслухъ... Она кончила тѣмъ, что подавила въ себѣ тяжкій вздохъ и, вмѣсто того, что хотѣлось, спросила другое:

— Когда же ты переѣдешь?

— Въ воскресенье.

— У насъ какой день сегодня? Пятница?

— Пятница.

— Это послѣзавтра, выходитъ?

— Да, послѣзавтра...

Авдотья Макаровна опять помолчала, съ выраженіемъ той же внутренней жестокой борьбы, но такъ и не выговорила этого, нудившаго ея душу вопроса, а только облегчила себя попрежнему подавленнымъ вздохомъ, встала съ дивана и принялась заканчивать устройство постели. Больше уже она не задавала никакихъ вопросовъ Глафирѣ, какъ бы исключительно только желая раздѣться и лечь...

Глафира тоже поднялась, въ свою очередь, обошла край стола, и, приблизившись къ матери, молвила ей:

— Я вижу, маменька, что вы огорчились...

— Чего-же мнѣ огорчаться?.. Даже совсѣмъ и не думала,— отрицательно помотала головою старушка.

— Хорошо, если бы такъ... Потому что, право же, нечего вамъ огорчаться... Я знаю навѣрное, что изъ этого выйдетъ только хорошее...

— А коли хорошее, такъ о чемъ же тутъ толковать?.. Значитъ и, слава Богу, отлично... И переѣзжай себѣ, съ Богомъ. Тебѣ это виднѣе, что и какъ лучше... Ты меня моложе, умнѣе... Охъ-хо-хѳ!

— Вотъ видите, маменька, какимъ тономъ вы говорите... Вы только не хотите сознаться, что на меня разсердились... Но, право же, готова сейчасъ побожиться, что если вы захотите меня хорошенечко выслушать..

Глафира, начавшая было говорить возбужденно, сдѣлала тутъ короткую паузу, какъ бы собираясь приводитъ доказательства, но повидимому, перемѣнивъ тотчасъ же намѣреніе, закончила съ совсѣмъ инымъ выраженіемъ:

— Впрочемъ, сегодня ужъ что-жъ.. Поздно сейчасъ, да и спать вы хотите... Завтра я вамъ объясню все какъ слѣдуетъ.

— Что ужъ тутъ объяснять... Нечего тутъ объяснять...—прошептала Авдотья Макаровна и, стоя у изголовья постели, повернулась лицомъ къ тому углу комнаты, гдѣ помѣщались иконы, съ видомъ готовой приняться за рядъ своихъ обычныхъ вечернихъ молитвъ.

— Покойной вамъ ночи,—сказала Глафира.

— Покойной ночи,—отвѣтила Авдотья Макаровна и, устремивъ глаза въ уголъ, сдѣлала крестное знаменіе, а затѣмъ медленно, истово начала свой молитвенный шопотъ:—«Богородице-Дѣво, радуйся. Благословенна Ты въ женахъ...»

Глафира вышла изъ комнаты въ спальню, гдѣ Вѣра уже лежала раздѣтая, держа передъ собою раскрытую книжку. Глафира достала какую-то начатую ею работу, безшумно прикасаясь къ полу подошвами, чтобы не помѣшать молящейся матери, прошла мимо, въ табачную и усѣлась тамъ за прилавокъ.

Она шила и думала... О чемъ—это трудно бы было сказать. Мысли ея медленно плыли, цѣпляясь одна за другую. Ей представлялось, какъ подъ нею стучатъ колеса извозчьихъ дрожекъ, припоминались рѣчи сидящаго рядомъ съ ней спутника... Всплывало въ туманѣ растерянное лицо Авдотьи Макаровны, вдругъ разражавшейся отчаяннымъ кашлемъ... Она вѣдь это не даромъ раскашлялась,—соображала Глафира,—въ ней что-то уже подымалось и непремѣнно бы вырвалось, если бы не кашель... Потомъ вспомнилось Глафирѣ, какъ воображала она себѣ совершенно другое при размышленіяхъ о будущемъ своемъ объясненіи съ матерью и о томъ, какъ приметъ старуха извѣстіе о ея переѣздѣ. Воображалась тяжелая сцена, укоры, даже и слезы... Вышло совершенно не такъ—вполнѣ просто и мирно... Но что старуха огорчена—несомнѣнно. «Бѣдная маменька, ужасно жалко ее... Но что же мнѣ дѣлать?»—думала дальше Глафира, взмахивая рукою съ иголкой и, все замедляя и замедляя движеніе, потомъ уронила на шитье эту руку и застыла задумчивымъ взоромъ на стеклянныхъ шкапахъ съ табачными и папиросными пачками... Вотъ лампа горитъ надъ ея головою... Вотъ она сидитъ здѣсь, одна-одинёхонька... И завтра будетъ такъ же сидѣть—въ послѣдній уже разъ... *Въ послѣдній разъ!..* Какъ странно это представить... Какъ странно тоже представить, что ея здѣсь больше не будетъ... И такъ же, попрежнему, будетъ горѣть эта лампа... А потомъ? Что настанетъ потомъ?.. Но тутъ теченіе глафириныхъ мыслей встрѣчаетъ какъ бы преграду, и думы ея возвращаются къ старому... Опять стучатъ подъ нею колеса, раздается лѣнивый топотъ копытъ извозчичьей клячи, разбрызгивающей грязныя лужи, вокругъ все мокро и противно блеститъ въ свѣтѣ газа, а предъ глазами мелькаютъ вывѣски, экипажи, прохожіе... Съ лошадиныхъ спинъ валитъ паръ... «Я понимаю, я все понимаю. Вы не можете дольше такъ жить», говоритъ ея спутникъ...

Ничто не мѣшало глафиринымъ думамъ. Ни разу не зазвенѣлъ колокольчикъ въ табачной. Она сидѣла и шила, дѣлая мѣрные взмахи рукою съ иголкой и забывъ совершенно о времени. Только

когда въ столовой принялись бить стѣнные часы, она услышала это и машинально сосчитала удары. Било двѣнадцать. Она просидѣла цѣлый часъ лишній.

Глафира встала со стула и, выйдя изъ-за прилавка, замкнула два раза на ключъ и, вдобавокъ еще, на крючокъ наружную дверь изъ табачной, что выходила на улицу, а вторую дверь, которая отворялась во внутрь, прикрыла тяжелымъ желѣзнымъ болтомъ. Потомъ она погасила висячую лампу и, осторожно ощупываясь въ объявшемъ ее непроницаемомъ мракѣ столовой, гдѣ спала Авдотья Макаровна, дабы на что-нибудь не наткнуться и не загремѣть, безшумно направилась въ спальню, руководимая узенькой полоскою свѣта, сквозившей подъ дверью. Она тихонько открыла ее и, выйдя, снова тщательно и осторожно за собой затворила.

Взглядъ ее упалъ на сестру. Вѣра лежала въ глубокой задумчивости, облокотившись обнаженной рукой о подушку и прислонившись къ этой рукѣ головою. Она смотрѣла пристально въ стѣну. Раскрытая книжка небрежно валялась поверхъ одѣяла. При входѣ Глафиры, молодая дѣвица на мгновеніе повернула къ ней голову и снова уставилась въ стѣну.

Глафира положила на старое мѣсто работу, немного покрестилась на образъ и принялась раздѣваться. Оставшись въ одной лишь рубашкѣ, она присѣла къ себѣ на постель и, снимая ботинку съ ноги, спросила шопотомъ Вѣру:

— Не спится?

— Да, что-то не хочется,—чуть слышно отвѣтила та.—А маменька спитъ?

— Не знаю. Должно быть. У ней совсѣмъ тихо... А что?

— Такъ... Ничего...

Вѣра испустила глубокій, трепещущій вздохъ, потомъ, притянувъ съ себѣ книжку, закрыла ее и положила на стулъ, рядомъ съ подсвѣчникомъ. При этомъ движеніи лицо ея повернулось къ огню. Глафира, уже снявшая другую ботинку и схватившаяся было рукой за чулокъ, собираясь стащить его прочь, взглянула въ это время на Вѣру, которая, щурясь какъ бы отъ свѣчки, оправляла подушки, и спросила ее:

— Отчего у тебя глаза красные?..

Вѣра отвернулась къ стѣнѣ и молчала.

Глафира привстала съ постели и, стоя въ чулкахъ и рубашкѣ, наклонилась надъ младшей сестрою.

— И щеки мокры...— сдѣлала она еще наблюденіе.—Ты плакала, видно?

Молодая дѣвица, все еще отвернувшись къ стѣнѣ, выдернула изъ-подъ подушки платокъ и стала сморкаться...

— Плакала? А?—приставала Глафира.

Вѣра отвѣтила глухо, въ подушку:

— Ну, да, плакала. А тебѣ что за дѣло? Отвяжись отъ меня!

И, подавляя желаніе всхлипнуть, она опять энергически высморкалась, проведя украдкой платкомъ по глазамъ.

— Это еще что за новости? Чего тебѣ вздумалось?

— Отстань, — отвѣтила шопотомъ Вѣра, зарываясь лицомъ глубже въ подушки.

— Нѣтъ, не отстану, —возразила Глафира, присаживаясь къ ней на постель. Она ухватила сестру за плечо и, тормоша ее, повторила настойчиво:—да ну, говори же, чего ты ревѣла? Вѣдь. все равно, не отстану.

Она дожидалась отвѣта. Вѣра все-таки его не давала, продолжая лежать, уткнувшись ничкомъ, потомъ ея затылокъ и плечи задергались, и изъ подушки глухо раздалось, среди всхлипываній:

— Мнѣ жалко... что ты... уѣзжаешь... Ну и все. Теперь убирайся.

— Фу, какая ты глупая! Да куда же я уѣзжаю?

— Ну, не уѣзжаешь, все равно, будешь не съ нами.

— Нашла о чемъ горевать. Много отъ меня вамъ было веселья...

— Не веселье, а вотъ что я тебѣ скажу...—вдругъ вскинулась Вѣра и, обернувъ на сестру свое мокрое отъ слезъ и измятое отъ пребыванія въ подушкахъ лицо съ опухнувшимъ носомъ, закончила съ силой:—про тебя маменька правду сказала!

— Что такое сказала? Когда?

— Давеча. Когда тебя не было дома.

— Ага... Такъ я и знала, что про меня вы судачили... Ну. что же она такое сказала?

— То, что ты терпѣть насъ не можешь! Я еще за тебя заступилась, и мы съ нею разспорились... А теперь я вижу сама.

Вѣра отерла съ глазъ своихъ слезы и, повернувшись на спину, уставилась сухимъ и даже какимъ-то непріязненнымъ взоромъ, мимо Глафиры, въ противоположную стѣну, какъ бы рѣшивъ про себя, что, дѣйствительно, не стоило плакать.

Пролетѣла минута напряженнаго, гробового безмолвія... Глафира сидѣла, низко понуривши голову. Молодая дѣвица продолжала созерцать пристально стѣну и потому не видала, какъ выраженіе подавленной боли выступило на лицѣ старшей сестры, послѣ произнесенныхъ Вѣрою словъ... Наконецъ, Глафира тихо спросила:

— Ты и въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь?

— А то какъ же иначе?—снова вскинулась молодая дѣвица.— Конечно, терпѣть насъ не можешь!

— Тсс... не кричи, маменьку разбудишь еще,—шопотомъ ее

остановила Глафира и прибавила, въ отвѣтъ на ея замѣчаніе: какъ не стыдно тебѣ повторять такой вздоръ!

— А тебѣ самой-то не стыдно?—горячо зашептала сестра.— Не стыдно тебѣ съ нами такъ дѣлать? Не жаль тебѣ маменьку? Очень хорошо это съ твоей стороны! Сердись, не сердись, а я говорю тебѣ напрямки. Ты о себѣ только думаешь. Маменька правду сказала... Господи! и безъ того-то тоска, а ужъ теперь я и не знаю, что будетъ! — закончила вдругъ взрывомъ отчаянія молодая дѣвица и бросилась снова ничкомъ, удерживая готовыя разразиться рыданія.

— Перестань, полно ревѣть,—сурово ее остановила Глафира, ухвативъ за плечо.—Ей-Богу, точно ты маленькая. Пора тебѣ быть поумнѣе. Маменька старый уже человѣкъ, ей простительно говорить такія нелѣпости, а ты, какъ попугай, ихъ повторяешь...

— Ну, и ладно, пусть я попугай, а все-таки съ твоей стороны это свинство.

— Да почему же, скажи, ради Бога?

— Я уже сказала.

— То-есть, что безъ меня будетъ скучно?

— Конечно. И безъ того живешь, какъ въ тюрьмѣ, Божьяго свѣта не видишь!

— Развѣ я этого тоже не чувствую?

— Вижу, что чувствуешь, потому и сбѣжать отъ насъ собираешься...

— А лучше бы было, если бы я оставалась?

— Лучше, въ тысячу разъ!

— Почему, интересно...

— Вмѣстѣ гораздо легче терпѣть.

— Ну, а какъ ты думаешь, долго такъ можно терпѣть?— спросила Глафира.

Вѣра молчала.

— А что же дальше, потомъ?—задала Глафира новый вопросъ.

— Ну, что же потомъ... Почемъ же я знаю?..—откликнулась нерѣшительно Вѣра.—Что-нибудь можетъ случиться...

— Что же именно можетъ случиться?

— Бываетъ мало ли что... Почемъ же я знаю?

— Ха! Ты видно разсчитываешь, что съ неба что-нибудь свалится? Успокойся, голубушка, ничего оттуда не свалится! Коли самъ себѣ не поможешь, ничего для себя не придумаешь, такъ ничего у тебя и не будетъ. Знай только жди да терпи... Ну, а я перестала ужъ ждать, да и терпѣть тоже мнѣ надоѣло! Теперь поняла?—заключила Глафира.

Вѣра молчала, чувствуя себя, очевидно, подавленною мудрыми рѣчами сестры и не находя въ своей головѣ никакихъ возраже-

ній. Однако, по задумчивому и сосредоточенному ея выраженію можно было сдѣлать догадку, что сестра еще не окончательно ее убѣдила, и что въ ней ворошится какой-то вопросъ, для котораго она не можетъ пока прибрать надлежащую форму...

— Ну чтожъ, ты и теперь будешь спорить? Скажешь опять, что я потому хочу переѣхать, что васъ ненавижу?—подождавъ немного отвѣта, спросила Глафира.

— Нѣтъ, что-жъ... Это, конечно, все правда...—возразила съ запинкой молодая дѣвица.—Только видишь ли... Какъ бы это сказать?.. Почему у тебя такъ это вдругъ?.. Конечно, каждый человѣкъ долженъ самъ себѣ помогать... то-есть что-нибудь дѣлать... Ну, отыскивать, что ли, тамъ что-нибудь для себя... придумывать, что ли... Вѣдь такъ?.. Ну, а ты-то сама что же такое придумала?

Послѣдняя фраза, на которую, наконецъ, набрела молодая дѣвица, выражала собою тотъ самый вопросъ, форма котораго сразу ей не давалась.

Если бы у Вѣры было намѣреніе, въ свою очередь, поставить Глафиру втупикъ, и если бы она обладала на сколько-нибудь проницательностью, то теперь могла бы похвастаться, что исполнила это съ успѣхомъ. Не отвѣтивъ ни слова, та поднялась съ постели сестры и, пересѣвъ на свою, стащила и сбросила на полъ чулки, потомъ улеглась и молвила только вполголоса:

— Долго разсказывать...

Между сестрами круто установилось молчаніе. Обѣ тихо лежали, каждая у себя на постели, и думали свою отдѣльную думу. Вѣра размышляла о томъ, что могла бы разсказать ей Глафира, и ей было обидно и горько, что та до самаго конца не хочетъ довѣриться. Нѣтъ, что тамъ она себѣ ни толкуй, а маменька правду сказала, что Глафира имъ стала въ родѣ чужой... Ну, и Богъ съ ней совсѣмъ, коли такъ!

И, какъ бы въ отвѣтъ на эти размышленія Вѣры, Глафира заговорила опять, медленнымъ шопотомъ:

— Ну, что бы тамъ ни было, а вы съ маменькой, пожалуйста не забирайте себѣ въ голову глупостей... Я васъ обѣихъ люблю, даже теперь еще больше, если хочешь ты знать...

Послѣднія слова вышли у Глафиры съ очевиднымъ усиліемъ, которое она произвела надъ собою, перемогая въ горлѣ какую-то спазму... Вѣра не могла видѣть, лежа, лица ея, такъ какъ ихъ раздѣлялъ поставленный между кроватями стулъ, гдѣ находилась свѣча и висѣло перекинутое черезъ спинку его и замѣнявшее экранъ полотенце, но она была увѣрена, что могла бы замѣтить на глазахъ глафириныхъ слезы, тѣмъ болѣе, что та сдѣлала тутъ же короткую паузу, какъ бы не давая себѣ воли расчувство-

ваться, послѣ чего продолжала, съ совсѣмъ другимъ выраженіемъ:

— Впрочемъ, думайте себѣ пока что хотите, а я уже это рѣшила—и кончено! Нельзя безъ свѣжаго воздуха жить, а здѣсь его нѣтъ,—ну, значитъ, и нужно что-нибудь дѣлать... Конечно, если бы маменька была помоложе...

Глафира внезапно примолкла, встала съ постели, босикомъ приблизилась къ двери, немного раскрыла ее, съ подозрительностью, и какъ бы застыла, прислушиваясь... Вѣра слѣдила за нею глазами... Постоявъ съ полминуты у двери, Глафира снова закрыла ее, подошла къ постели сестры и присѣла, какъ давеча, на то же самое мѣсто, въ ногахъ.

— Зачѣмъ ты вставала?—спросила шопотомъ Вѣра.

— Мнѣ почудилось, диванъ будто скрипнулъ, и подумала, маменька встала... Нѣтъ, ничего, спитъ преспокойно, даже похрапываетъ...—такимъ же шопотомъ объяснила Глафира.

Она помолчала, устремивъ задумчивый взглядъ на подсвѣчникъ съ догоравшимъ огаркомъ, и заговорила опять, прежнимъ медленнымъ шопотомъ:

— Я про нее сейчасъ думала... Давеча она ужасно на меня разобидѣлась... Положимъ, я раньше ужъ знала, что такъ это будетъ. Вотъ тоже и ты на меня обозлилась... А отчего вы не хотите просто понять, что мнѣ надоѣло сидѣть у нея вѣчно на шеѣ, и я задумала наконецъ по своему жить?.. И будетъ всѣмъ лучше, повѣрь! Посмотри хотя бы на себя. Ты молода, а какова твоя жизнь? Книжки да лавочка—вотъ и все, только ты это и знаешь. И вѣдь такъ каждый день, каждый день — только подумай! Кто бываетъ у насъ? У кого мы бываемъ? Та-же тюрьма, ты же сама говоришь... И впереди ничего, никакой чортъ не придетъ и не выручитъ... Маменькина пѣсня ужъ спѣта, а твоя жизнь еще начинается только. Впередъ глядѣть нужно. Устраивать нужно себя! Зачѣмъ-же гибнуть задаромъ? Нужно по новому жить! И я дѣлаю все, что смогу... Людей искать нужно, затѣвать что-нибудь... Вотъ я теперь буду жить отдѣльно отъ васъ... У тебя будетъ хоть мѣсто, куда ты можешь придти... Посидимъ, потолкуемъ... Людей новыхъ увидимъ... Будутъ они, погоди!.. Все будетъ, все!.. Что, хорошо вѣдь, Вѣрочка, а?.. Дай срокъ, погоди, еще поживемъ мы съ тобой, поживемъ!..

Глафира какъ бы бросала на воздухъ всѣ эти отдѣльныя фразы, прерывая ихъ короткими паузами и устремивъ взоръ не на слушательницу, а куда-то мимо нея, въ какое-то, видимое одной ей, Глафирѣ, пространство, и какъ бы говоря сама для себя. Послѣднія слова свои она произнесла совсѣмъ тихимъ, мечтательнымъ шопотомъ, съ неподвижными и открытыми широко глазами, какъ

бы созерцая какія-то открывавшіяся передъ ней одной перспективы...

Вѣра слушала ее, не шелохнувшись и ловя каждое слово Глафиры. Когда та замолчала, Вѣра тоже зацѣпенѣла въ безмолвіи, не сводя глазъ съ своей старшей сестры, вся подъ вліяніемъ нѣкоего охватывавшаго ее обаянія, которое на нее испускала эта сидѣвшая на ея постели фигура, словно то была какая-то новая, раньше ей совсѣмъ незнакомая и только теперь открывавшаяся пониманію юной дѣвицы Глафира... Вѣра смотрѣла на эту овальную, съ мелкими кудряшками, голову, на рѣзкій и правильный профиль, на полную, длинную шею, которая переходила мягкою линіей въ голое, бѣлое, словно наливное плечо, выступавшее изъ скатившагося почти до локтя ворота полотнянной сорочки... Нѣтъ, никогда еще Вѣра ее такою не видѣла, никогда отъ нея такихъ рѣчей не слыхала... И—странное дѣло,—въ тоже самое время, Глафира ей стала какъ-то понятнѣе, ближе, какъ бы роднѣе...

А что если вотъ сейчасъ, осторожно, но быстро, не давая ей заговорить о другомъ, благо подошла теперь такая минута, огорошить ее вопросомъ *о томъ*?..—шевельнулась отважная мысль въ головѣ юной дѣвицы...

Но только что она собралась было съ духомъ, какъ въ подсвѣчникѣ вдругъ запылало съ шипѣньемъ и трескомъ, длинное пламя. По стѣнамъ заплясали черныя тѣни. Огарокъ догорѣлъ до конца и зажегъ обвертывавшую его полоску бумаги.

— Ишь, мы до чего доболтались! — встрепенувшись сказала Глафира, между тѣмъ какъ сестра ея стремительно стала тушить вырывавшееся изъ подсвѣчника съ дымомъ и копотью пламя.—Ну, ужъ теперь совсѣмъ пора спать... Фуй, какая скверная вонь!

Въ темнотѣ она добралась до своей постели и улеглась.

Но ей не спалось. Бесѣда съ сестрою разволновала Глафиру. Протянувшись во весь ростъ на спинѣ и закинувъ обѣ руки себѣ за голову, она лежала и пристально смотрѣла во маркъ, увлеченная новой, неожиданно въ ней закопошившейся мыслью.

Могла ли воображать въ своемъ простодушіи Вѣра, далекая отъ всякихъ коварныхъ мыслей, что вопросъ, который она давеча предложила сестрѣ, задастъ той такую работу? А между тѣмъ это такъ вышло въ дѣйствительности, ибо въ словахъ юной дѣвицы заключалась загвоздка, обращавшая въ пустыя слова всѣ тѣ благоразумныя рѣчи, коими ее поучала Глафира, въ родѣ такихъ непреложнѣйшихъ истинъ, что каждый долженъ помогать самъ себѣ, не сидѣть сложа руки, а искать и придумывать—загвоздка, заключавшаяся въ этомъ простѣйшемъ вопросѣ:

«Ну, а ты-то сама что же такое придумала?»

Ей на это Глафира ничего не отвѣтила. А не отвѣтила на

это она не только лишь потому, что тогда ей пришлось бы разсказать Вѣрѣ исторію той памятной ночи, которая неизвѣстна ни единой душѣ въ этомъ домѣ, но по той простой и главной причинѣ, что Глафира сама не могла бы отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ... Пока еще она его не задавала себѣ, пока еще ни разу ей не подумалось, что ждетъ ее въ будущемъ. Это новое, неизвѣстное будущее, которое существовало тамъ, гдѣ-то, за этими жалкими и унылыми стѣнами, мнилось ей въ видѣ нѣкой таинственной дали, въ видѣ какого-то особаго міра, осіяннаго загадочнымъ свѣтомъ, гдѣ все живетъ по иному, гдѣ все, все другое, не имѣющее никакого подобія съ тѣмъ, что вѣчно тутъ, вокругъ, на глазахъ, до отвращенья извѣстно, въ конецъ опостыло, измучило, даже привело когда-то Глафиру на берегъ Фонтанки...

Она умерла, ея нѣтъ, той Глафиры. Эта, теперешняя, которая носитъ то же самое имя, и которую считаютъ за прежнюю, не признаетъ себя таковою, ибо та ей совершенно чужда. Она приводитъ на память себѣ ту шалую, изступленную дуру и знаетъ, что она осталась навѣки на днѣ холодной канавы и больше никогда ужъ не вспомянется, ибо оттуда не выплыветъ... И она одна только знаетъ про то. Никто не подозрѣваетъ объ этихъ дѣлахъ, ни Вѣра, ни маменька...

Но вотъ, словно на зло, возникаетъ предъ нею картинка изъ прошлаго.

Лѣтнее утро. Она,—раздраженная, злая, поссорившаяся изъ за чего-то со своей старой матерью,—сидитъ передъ зеркаломъ, собираясь дѣлать свой туалетъ. Она распустила на своей головѣ папильотки и наклонилась, чтобы себя разсмотрѣть... Съ блестящей поверхности зеркала глядитъ на нее сухое, въ морщинахъ, лицо, съ угрюмо наморщеннымъ лбомъ и злыми глазами... Противная старая дѣвка!.. Неужели это она?.. А что если вернется когда-либо время, когда, хотя и не это но другое такое же зеркало покажетъ ей вновь то же лицо?..

«Упаси отъ этого Богъ!»—вырвалось шопотомъ вслухъ у Глафиры.

Кровать младшей сестры издала скрипъ какъ бываетъ, когда лежащій на ней человѣкъ шевельнется, и въ темнотѣ раздался удивленный вопросъ юной дѣвицы:

— Глаша, ты развѣ не спишь?

Глафира не сразу подала голосъ, повинуясь сперва побужденію прикинуться спящей, чтобы не прерывать своихъ думъ, но потомъ отвѣтила тоже вопросомъ:

— А почему ты сама-то не спишь?

— Не могу... Все эдакія разныя мысли... Знаешь ли, все, что ты говорила, во истину правда. Я теперь сама это вижу. И знаешь, что еще я тебѣ, Глаша, скажу?

Въ темнотѣ пролетѣлъ подавленный вздохъ, а затѣмъ, послѣ коротенькой паузы, Глафира услышала, съ выраженіемъ глубоко-скорбнаго чувства, признаніе юной дѣвицы:

— Я тебѣ ужасно завидую!

Глафира на это ничего не отвѣтила. Вѣра тоже не прибавила больше ни слова.

Сквозь плотно закрытую дверь изъ спальни въ столовую глухо, но совершенно отчетливо, среди гробовой тишины, зашипѣли и захрипѣли стѣнные часы, собираясь пробить... Сестры насторожились, прислушиваясь. Пробило два часа пополуночи.

XXI.

Въ воскресенье, часовъ около 3-хъ пополудни, къ подъѣзду одного изъ огромнѣйшихъ, выходящихъ фасадомъ на Невскій домовъ, облѣпленныхъ разными вывѣсками, бойко подкатила пролетка. Соскочившій съ нея Иванъ Еремѣичъ расплатился съ извозчикомъ, юркнулъ въ дверь подъѣзда и сталъ подниматься въ самый верхній этажъ.

Лѣстница кончалась довольно узкой площадкой, на которую выходили съ противоположныхъ сторонъ двѣ одна на другую похожія двери. Общее у нихъ было то, что какъ та, такъ и другая, были прикрыты на половину лишь лѣвыми створками, а правыя были распахнуты настежъ, обѣ были обиты глянцевитой черной клеенкой и на обѣихъ висѣло по одинаковой желѣзной доскѣ, съ бѣлыми литерами по синему полю: «Меблированныя комнаты».

Иванъ Еремѣичъ вошелъ въ ту дверь, что была отъ ступенекъ направо, и очутился въ длинномъ, казавшемся безъ конца коридорѣ, освѣщенномъ въ теченіе круглыхъ сутокъ простыми жестяными коптилками, ибо тамъ было темно одинаково какъ въ глухую осеннюю ночь, такъ и въ лѣтній солнечный полдень. При неровномъ, мигающемъ свѣтѣ этихъ коптилокъ можно было разсмотрѣть двойной рядъ дверей. У одной изъ нихъ Иванъ Еремѣичъ наткнулся на таинственно копошившуюся фигуру мужчины, должны быть не оріентировавшагося въ этихъ мѣстахъ посѣтителя, водившаго по поверхности двери зажженною спичкой. Изъ другой двери, насупротивъ, стремительно вылетѣла, чуть не сшибивъ Ивана Еремѣича съ ногъ, какая-то юркая особа женскаго пола и, мелькнувъ въ полумракѣ бѣлымъ передникомъ съ таковымъ же нагрудникомъ, промчалась впередъ на взывавшій откуда-то изъ нѣдръ коридора жалобный голосъ: «Аннушка! Аннушка!» на что та скороговоркой отвѣтила: «Ну, что еще вамъ?»— а затѣмъ хлопнула дверь, заглушивъ діалогъ. Иванъ Еремѣичъ

безбоязненно подвигался впередъ, какъ человѣкъ хорошо освѣдомленный съ топографіей этого мѣста, достигъ того пункта, гдѣ коридоръ дѣлалъ колѣно, и куда выходили еще двѣ пары дверей, и, поровнявшись съ послѣдней, постучалъ въ нее зонтикомъ. Разслушавъ раздавшійся за дверью отвѣтъ, онъ отворилъ ее и вошелъ.

Благодаря рѣзкому переходу изъ тьмы коридора въ эту освѣщенную большимъ окномъ комнату, Иванъ Еремѣичъ едва не споткнулся о поставленную на полу посрединѣ корзину, откуда находившаяся тутъ же Глафира вынимала и раскладывала разныя вещи. Кромѣ этой корзины, тутъ виднѣлись еще два-три узла и картонка.

— Съ новосельемъ!—раскланялся съ веселой улыбкой Иванъ Еремѣичъ, здравствуясь съ Глафирою за руку, потомъ снялъ и повѣсилъ на вѣшалку верхнее платье и нерѣшительно осмотрѣлся по комнатѣ.

— Садитесь сюда,—пригласила Глафира, толчкомъ ноги отодвигая корзину къ стѣнѣ, чтобы очистить ему дорогу къ дивану.

Иванъ Еремѣичъ усѣлся по одну его сторону, а Глафира помѣстилась съ другой стороны.

Вся имѣвшаяся въ этой комнатѣ мебель, въ видѣ этого самаго дивана, пары креселъ, стола, трехъ рѣшетчатыхъ стульевъ, комода и пр., была, что называется, сборная, вѣроятно пріобрѣтенная частью по случаю, частью на рынкѣ и представлявшая полное смѣшеніе стилей. Только что упомянутый выше диванчикъ относился къ разряду «козетокъ» и, должно быть, украшалъ когда-то гостинную какой-нибудь небогатой семьи, съ претензіей на обстановку «какъ въ благородныхъ домахъ». Это сѣдалище имѣло подобіе двухъ скрѣпленныхъ другъ съ дружкою креселъ, съ исключительнымъ назначеніемъ для бесѣды вдвоемъ, пожалуй еще «за чашкою чая», для каковой тутъ же, въ выемкѣ спинки, прилажена была и дощечка.

Помѣстившіеся здѣсь Иванъ Еремѣичъ съ Глафирой были похожи на двухъ малознакомыхъ людей: онъ—посѣтителя, явившагося съ церемоннымъ визитомъ, она—стѣсненной этимъ визитомъ, но желающей казаться любезной хозяйки. Овальный, почти вплотную придвинутый къ диванчику столъ, съ стоявшей на ней глафириной лампой, усиливалъ это внѣшнее сходство. Вдобавокъ, и гость, и хозяйка какъ бы затруднялись начать разговоръ...

То возбужденное выраженіе, съ которымъ соскочилъ Иванъ Еремѣичъ съ извозчика и мчался по лѣстницѣ вверхъ, замѣнилось видомъ не то смущенія, не то какой-то даже растерянности, какъ бываетъ съ человѣкомъ, который на что-то разсчитывалъ и

въ этомъ ошибся. Можетъ быть, онъ ждалъ какого-нибудь восклицанія, веселой улыбки привѣта, радостно протянутыхъ рукъ... Все это отсутствовало. Глафира сидѣла совершенно спокойная, смотрѣла ему серьезно въ лицо и какъ бы ждала, что будетъ онъ ей говорить.

— Вы давно здѣсь?—началъ Иванъ Еремѣичъ.

— Нѣтъ, съ полчаса,—отвѣчала Глафира.

Иванъ Еремѣичъ почему-то счелъ необходимымъ ей сообщить, въ видѣ своего извиненія, почему онъ явился только сейчасъ. Онъ разсчитывалъ, что она пріѣдетъ нѣсколько позже и найдетъ его уже здѣсь. Онъ очень жалѣетъ, что такъ это вышло.

— Пустяки,—успокоила его тотчасъ Глафила.—Не все ли равно?

— Да, но это мѣсто для васъ незнакомо... Я могъ бы васъ встрѣтить на лѣстницѣ, указать, проводить...—объяснилъ Иванъ Еремѣичъ.

— Зачѣмъ? Я и сама очень скоро нашла. Съ какой стати меня бы вы стали встрѣчать?—возразила Глафира.

Онъ про себя принужденъ былъ сознаться, что дѣйствительно ее излишне бы было встрѣчать, и она разсудила резонно. Но все-таки это было не то, совершенно не то, что ждалъ онъ услышать!

— Да, что же вы прервали работу?—спохватился вдругъ Иванъ Еремѣичъ.—Ради Бога, меня не стѣсняйтесь!

— О, я успѣю еще! Вѣдь имущества у меня очень немного.

Иванъ Еремѣичъ бѣгло взглянулъ на опустошенную наполовину корзину, содержимое которой перешло очевидно въ комодъ, судя потому, что ящики его были нѣсколько выдвинуты, на узлы, въ которыхъ вѣроятно были увязаны платья Глафиры, на ея дешевую, довольно мизерную лампу, стоявшую передъ нимъ на столѣ, и согласился, что у нея дѣйствительно немного имущества...

— Можетъ быть, я могъ бы помочь вамъ устроиться?..—началъ было Иванъ Еремѣичъ и докончилъ уже мысленно, себѣ въ назиданіе:—«Оселъ! Чортъ знаетъ, что за ахинею я только несу!»

Глафира на это ничего не отвѣтила, лишь повела глазами по комнатѣ, и молча ихъ потупила въ землю...

— А какой славный видъ у васъ изъ окна! Вы замѣтили?—внезапно вскричалъ Иванъ Еремѣичъ.

— Да, я смотрѣла. Хорошъ.

— Нѣтъ, вы теперь, вотъ теперь обратите вниманіе!—какъ бы пылалъ восхищеніемъ Иванъ Еремѣичъ, вскакивая и подбѣгая къ окну.—Нѣтъ, вы подойдите, пожалуйста, подойдите сюда!—умолялъ онъ Глафиру.

Какъ бы изъ желанія сдѣлать пріятное гостю, та встала съ мѣста и неторопливо приблизилась.

Внизъ изъ окна ничего не было видно. Оттуда лишь несся, подобно шуму морского прибоя, грохотъ ѣзды, прорѣзываемый отъ времени до времени дребезжаньемъ звонка и гудѣньемъ по рельсамъ мчащейся конки. Но зато впереди, на уровнѣ глаза, простиралось на большое пространство нѣчто въ родѣ горнаго пейзажа изъ крышъ, темнокрасныхъ и блѣднозеленыхъ, всякихъ оттѣнковъ, съ бѣлыми силуэтами трубъ, прерываясь, словно ущельями тамъ, гдѣ стѣны домовъ уходили на дно пересѣкавшихъ ихъ улицъ. Коегдѣ въ этихъ мѣстахъ виднѣлись черныя впадины оконъ какогонибудь возвышающагося надъ сосѣдями зданія. Надъ всѣмъ этимъ зловѣще клубились сѣрыя, мохнатыя тучи. Онѣ неслись такъ близко надъ крышами, что, казалось, можно было оттуда до нихъ дотянуться рукою... Налѣво рѣзко бѣлѣлась колокольня Владимірской церкви съ тускло сіявшимъ своей позолотою куполомъ... Надъ трубами ближайшаго дома грузно пролетѣла и скрылась ворона.

Иванъ Еремѣичъ разслышалъ какъ бы съ усиліемъ подавленный вздохъ стоявшей съ нимъ рядомъ Глафиры...

Онъ украдкой взглянулъ на нее. Глафира неподвижно смотрѣла впередъ, съ блѣднымъ, какъ бы омертвѣвшимъ лицомъ, повидимому, совершенно забывъ о присутствіи гостя...

«Развѣ спросить у нея: о чемъ вы вздохнули?» — мелькнуло у него въ головѣ. Но почему-то у него это не вымолвилось, и, вмѣсто того, слегка кашлянувъ, Иванъ Еремѣичъ отошелъ отъ окна и усѣлся на прежнее мѣсто.

«О чемъ она думаетъ?» — размышлялъ онъ, наблюдая обрисовывавшуюся на фонѣ окна темную фигуру Глафиры.—«Что съ ней такое? Не въ духѣ, что ли, она, или у нея такой ужъ характеръ?.. Долго ли она такъ будетъ стоять и молчать, упершись въ окошко?.. Право, оно какъ будто даже и глупо...»

— Какъ темно ужъ сдѣлалось!—послышался голосъ Глафиры, оторвавшейся, наконецъ, отъ окна.

Она стояла теперь, повернувшись къ своему гостю лицомъ, и черты ея дѣйствительно едва различались въ сгущавшихся все болѣе сумеркахъ.

— Надо бы лампу зажечь,—продолжала она, приближаясь къ столу.—А у меня совсѣмъ вонъ изъ памяти за керосиномъ послать...

— Это сейчасъ будетъ устроено,—обрадовался Иванъ Еремѣичъ.

Онъ вскочилъ и исчезъ. Розыскавъ въ корридорѣ прислугу, дѣвушку Аннушку, ту самую особу, которая давеча чуть не сшибла

Ивана Еремѣича съ ногъ, онъ поручилъ ей купить керосину, а пока заручился ея благосклоннымъ согласіемъ одолжить его для новой жилицы, въ необходимомъ на сегодняшній вечеръ количествѣ. изъ имѣвшагося въ ея собственномъ распоряженіи запаса.

Появившаяся вслѣдъ затѣмъ Аннушка заправила лампу, а Глафира зажгла ее.

При огнѣ комната получила болѣе уютный характеръ, но бесѣда отъ этого не стала живѣе. Иванъ Еремѣичъ положительно не могъ отыскать у себя въ головѣ ничего, что было бы годно послужить матеріаломъ. При всякомъ другомъ настроеніи онъ, вѣроятно спр:вился бы съ этой задачей, но теперь онъ ощущалъ себя совсѣмъ обезкураженнымъ пріемомъ Глафиры, которая со своей стороны не обнаружила ни малѣйшей попытки придти къ нему на подмогу, такъ что онъ впалъ даже въ уныніе.

Не такъ, совершенно не такъ рисовалъ онъ въ своемъ представленіи этотъ первый свой вечеръ съ Глафирой. Воображалось ему нѣчто безцеремонное, дружеское, что-то даже студенческое: кипящій на столѣ самоваръ, бумажный тюрикъ съ колотымъ сахаромъ, безпорядочно нагроможде"ная тутъ же закуска, бутылка вина... За закуской было бы послано по взаимному уговору съ хозяйкой, что же касается вина, то онъ уже загодя пріобрѣлъ его по дорогѣ сюда—портвейнъ въ два рубля—и оно у него было спрятано въ карманѣ пальто. Покупая эту бутылку, онъ воображалъ, какъ разольетъ вино по стаканамъ, чокнется съ Глафирой, поздравитъ ее съ новосельемъ и скажетъ торжественно, смотря ей въ глаза: «За свѣтлое будущее! За новое счастье!» При этомъ онъ протянетъ ей руку. Она сильно ее стиснетъ въ своей и вымолвитъ тихимъ, отъ избытка чувствъ голосомъ одно только слово: «Спасибо!» И въ этомъ словѣ будетъ сказано все.

При воспоминаніи объ этихъ мечтаніяхъ, его даже ударило въ краску, и онъ покосился украдкой на вѣшалку,—не угораздило ли его повѣсить пальто такимъ образомъ, что можно замѣтить торчащую изъ кармана покупку, и убѣдился, что пальто повѣшено подкладкой наружу. Это его успокоило, ибо при настоящемъ положеніи дѣла обнаруженіе этой бутылки представлялось ему большою нелѣпостью, равно какъ и все, что рисовалъ онъ въ мысляхъ своихъ, ѣдучи сюда на извощикѣ.

Не давая себѣ времени больше раздумывать, онъ всталъ и сказалъ:

— До свиданья.

— Вы ужъ уходите?—спросила Глафира.

Иванъ Еремѣичъ былъ бы не мало утѣшенъ, если бы въ этихъ словахъ ему удалось прочесть сожалѣніе или хотя-бы желаніе, чтобы онъ еще посидѣлъ... Но, увы, тонъ вопроса былъ удивлен-

ный—и только. При этомъ Глафира подняла глаза на него съ такимъ выраженіемъ, какое бываетъ у человѣка, который только что былъ передъ тѣмъ погруженъ въ свои мысли, и раздавшійся неожиданно звукъ посторонняго голоса заставилъ его возвратиться къ дѣйствительности. Все это успѣлъ подмѣтить Иванъ Еремѣичъ и потому твердо сказалъ:

— Да, ухожу. Я хотѣлъ заѣхать къ вамъ на минуту. Вамъ нужно разложить свои вещи, отдохнуть, собраться съ мыслями... Не до меня вамъ теперь. Правда, вѣдь? такъ?

Глафира ничего не возразила на это, протянула Ивану Еремѣичу руку и произнесла:

— До свиданья.

Стоя бокомъ къ Глафирѣ и употребляя всѣ мѣры, чтобы торчащая изъ кармана бутылка съ портвейномъ не попалась ей на глаза, Иванъ Еремѣичъ натянулъ на себя осторожно пальто и сказалъ напослѣдокъ:

— Будьте здоровы.

— Когда же опять вы пріѣдете?—спросила Глафира.

— Скоро, на-дняхъ,—отвѣтилъ Иванъ Еремѣичъ и вышелъ.

Онъ чувствовалъ себя точно оплеванный.

А Глафира, оставшись одна, глубоко вздохнула и опять принялась за раскладку вещей. Бѣлье уложено было въ комодъ, юбки и платья повѣшены въ шкафъ. Было еще нѣсколько разныхъ предметовъ, которые она взяла съ собой изъ дому,—кое-что изъ чайной посуды, а также другія мелкія вещи, въ родѣ швейной подушечки, рабочаго ящика и двѣ-три бездѣлушки по эстетической части: фарфоровая собачка съ корзинкой во рту, въ которую можно удобно прятать наперстокъ, таковой же, съ качающейся головою, китаецъ и проч. Это все разставила она на комодѣ.

Покончивъ съ уборкой, Глафира оглядѣлась по комнатѣ, прошлась по ней раза два взадъ и впередъ, потомъ опустилась на то мѣсто дивана, гдѣ съ нею бесѣдовалъ недавно предъ тѣмъ Иванъ Еремѣичъ, и, уронивъ на грудь голову, съ вытянутыми на колѣняхъ руками, какъ бы закоченѣла на нѣсколько времени въ такомъ положеніи.

Теперь, наконецъ, въ первый разъ, холодная, мрачная, до неистовой боли щемящая тоска одиночества сжала, словно тисками, сердце Глафиры.

Тихо было вокругъ, въ этой комнатѣ, тихо и тамъ, въ корридорѣ, за дверью. Словно вдругъ, сразу, все вымерло...

Только теперь вотъ, сейчасъ, когда со всѣми хлопотами было покончено и ей ничего не оставалось ужъ дѣлать, въ Глафириной памяти вновь возникло съ особенной ясностью то, что раньше минутами мелькало въ ея головѣ, пока она возилась съ уборкой

вещей, стояла и смотрѣла въ окно и когда даже усиливалась вслушаться въ рѣчи недавняго гостя. Это была происшедшая два-три часа назадъ тому, сцена прощанья.

Алексѣй выноситъ изъ квартиры ея чемоданъ. Мать виднѣется по одну сторону двери въ столовую, Вѣра стоитъ по другую. Лукерьина голова торчитъ изъ кухонной двери...

Глафира цѣлуетъ мать и сестру, киваетъ кухаркѣ и, стоя въ сѣняхъ, говоритъ имъ всѣмъ: «До свиданья».

Она обводитъ глазами всѣхъ трехъ. Всѣ три головы неподвижно смотрятъ на нее, на Глафиру. Глаза матери сухи, глаза сестры тоже сухи, и лица обѣихъ спокойны, тѣмъ выдѣланнымъ, суровымъ спокойствіемъ, какое бываетъ на физіономіяхъ людей, собравшихся на выносъ покойника.

«Прощай», произноситъ вполголоса мать.

«Прощай», повторяетъ, какъ эхо, за нею тоже вполголоса Вѣра.

«Счастливо!» прибавляетъ Лукерья.

И только всего. Больше ни слова, ни звука, никакого движенія... Глафира выходитъ.

Трясясь на извозчикѣ и усиленно развлекая вниманіе всѣми попадающимися по дорогѣ предметами, Глафира не могла отдѣлаться отъ этихъ, безпрестанно возникавшихъ въ ея представленіи лицъ старухи и Вѣры. Они ее все время преслѣдовали, все время не переставали мерещиться ей... Вотъ и теперь они опять стоятъ передъ нею... Такія же неподвижныя и сурово-спокойныя, какими смотрѣли они на нее при прощаньи, они ей говорятъ теперь то, что тогда было не сказано, но что должно было прочесть въ ихъ устремленныхъ на уходившую Глафиру глазахъ:

«Прощай, Богъ съ тобою. Мы знаемъ, что тебѣ будетъ лучше безъ насъ, и не можемъ тебя удержать. Будь счастлива, иди на просторъ, а мы останемся попрежнему здѣсь догнивать, въ нашемъ убогомъ подвалѣ. Такова уже наша судьба, потому что обѣ мы неумѣлыя, обѣ мы слабыя; значитъ, такъ и быть тому слѣдуетъ»..

— Бѣдная маменька... Бѣдная Вѣрочка...—прошептала Глафира, и на глазахъ ея выступили горячія слезы...

Она отерла ихъ, помахала платкомъ на лицо и съ напряженіемъ воли перенесла свою мысль на другіе предметы.

Въ ея воображеніи возникла фигура недавно сидѣвшаго вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ дивана гостя. Какой онъ смѣшной, съ волосатой своей головой, огромными, круглыми, какъ шары, глазами на выкатѣ и короткими ножками... Она только сегодня это все разглядѣла... Раньше онъ ей казался другимъ и былъ теперь совсѣмъ непохожъ на тотъ неуловимо-обаятельный образъ

молодого красавца ея горячечныхъ грёзъ, который стремился къ ней чрезъ разные ужасы, чтобы ввести ее въ какой-то новый, таинственный міръ.

И эта комната,—холодная, мрачная и, кажется, вдобавокъ еще, и сырая... Эта обступающая вокругъ тишина, словно нѣкое незримое глазомъ чудовище, которое цѣпенитъ и душитъ, и втягиваетъ... Хотя бы единый какой-нибудь звукъ, слово, движеніе!

О, какъ все это непохоже на то, что раньше, недавно, не дальше, какъ только вчера, рисовалось въ мысляхъ!

Сдѣлавъ надъ собою усиліе, Глафира встала съ дивана, подошла вплотную къ окну и уставилась въ уличный мракъ. Даже и крышъ, которыми заставилъ давеча ее любоваться Иванъ Еремѣичъ, теперь уже не было видно... Полная темень... Внизу гремѣлъ и кипѣлъ непрерывнымъ движеніемъ городъ. Тамъ роились, звуча, тысячи таинственныхъ человѣческихъ жизней, одинокихъ и чуждыхъ другъ дружкѣ, и, словно нѣкая щепка, влекомая волнами непрерывно текущей рѣки, понуро тряслась на извозчикѣ чернобородая фигура мужчины въ низко надвинутомъ на лобъ цилиндрѣ, подъ которымъ плелись безсвязныя мысли довольно унылаго свойства, а изъ нихъ то и дѣло выскакивалъ одинъ и тотъ же неотступный вопросъ, какъ бы въ ладъ стучавшимъ колесамъ:

«*Что-то будетъ?.. Что-то будетъ?..*»

Мих. Альбовъ.

КОНЕЦЪ.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И ДЕМОКРАТІЯ ВО ФРАНЦІИ.

(*Окончаніе* *).

IV.

Любопытно посмотрѣть, замѣчаются ли признаки такого движенія во Франціи или, точнѣе говоря, въ Парижѣ. Мы избрали Парижъ для наблюденія потому, что тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, намѣченные вопросы назрѣли и требуютъ разрѣшенія. Люди интеллигентныхъ профессій представляютъ тутъ такую численность, что можно было бы населить ими не малаго размѣра городъ. Въ Германіи производится, конечно, не меньше интеллигентовъ, но тамъ они гораздо равномѣрнѣе распредѣляются по странѣ, тогда какъ провинція во Франціи, какъ извѣстно, отдаетъ Парижу почти все, что отмѣчено хоть малѣйшими признаками даровитости, хотя въ послѣднее время уже замѣтно стало сильное децентрализаціонное движеніе, такъ называемый режіонализмъ. Здѣсь, какъ, впрочемъ, и въ остальной Европѣ, капиталъ давно захватилъ въ свои руки отношенія между интеллигенціей и публикой. Книгоиздатели, акціонерныя компаніи, владѣющія и газетами, и журналами, дирекціи театровъ, владѣльцы художественныхъ салоновъ и всякаго другого рода скупщики, посредники, эксплуататоры, поставщики держатъ интеллигентную массу на короткой цѣпи и заставляютъ всѣхъ, даже наиболѣе знаменитыхъ, пройти суровую школу пролетаріатскаго существованія. Естественно ожидать вслѣдствіе этого, что интеллигенція окажется не глупѣе рабочаго пролетаріата и будетъ стремиться соединять свои усилія въ видахъ эманципаціи отъ матеріальнаго и нравственнаго гнета.

Затѣмъ, Парижъ не безъ права пользуется славой артистическаго города. Нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ Лондона, кажется, такія неисчерпаемыя художественныя сокровища не находятся въ пользованіи всѣхъ и каждаго. Ни въ одномъ изъ національныхъ музеевъ и даже во многихъ частныхъ коллекціяхъ не взымается ни одного сантима за входъ, и никого не шокируетъ, когда бездомный оборванецъ, какихъ у насъ не пускаютъ проходить черезъ городскіе скверы, придетъ въ Лувръ погрѣться

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль. 1902 г.

около печки или посидѣть на дорогомъ диванѣ передъ Рафаэлемъ или Леонардо да Винчи. Эта истинно демократическая черта особенно бросается въ глаза послѣ германскихъ порядковъ; тамъ всѣ достопримѣчательности доступны только за извѣстную, болѣе или менѣе высокую контрибуцію, и не только лучшіе музеи, напр., въ Дрезденѣ, Мюнхенѣ *) но даже могилы предковъ императора; даже въ нѣкоторыхъ церквахъ ухитряются держать взаперти наиболѣе интересныя картины и предметы, чтобы имѣть возможность эксплуатировать благочестіе туземцевъ и любопытство иностранцевъ. Правда, и во Франціи раздаются голоса изъ очень вліятельныхъ сферъ, что пора прекратить такую расточительность относительно художественныхъ богатствъ страны и сдѣлать музеи доходными статьями, въ видахъ болѣе быстраго пополненія коллекцій **). При этомъ предвидится, что число посѣщеній въ платные дни уменьшится болѣе чѣмъ вдвое; какой контингентъ публики останется за дверью, нечего объяснять. По нашему мнѣнію, скорѣе можно было бы согласиться сократить коллекціи наполовину, лишь бы остальная половина была усвоена всѣми слоями народа. Къ счастью, эти мелко коммерческіе разсчеты до сихъ поръ остаются проектами и врядъ ли переубѣдятъ общественное мнѣніе, которое во Франціи очень дорожитъ подобнаго рода вольностями.

Но не надо даже тратить время на посѣщеніе музеевъ въ Парижѣ, чтобы удовлетворять потребность въ эстетическихъ впечатлѣніяхъ. Въ любомъ переулкѣ около набережныхъ лѣваго берега Сены или около большихъ бульваровъ въ окнахъ магазиновъ можно видѣть столько прекрасныхъ произведеній стараго и новаго искусства, сколько не увидишь ни въ одномъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ за десять лѣтъ. И это не какой-нибудь хламъ, какой наши антикваріи выдаютъ за классическія произведенія, а вещи, которыя могли бы выдержать какой угодно жюри. Здѣсь не рѣдкость увидѣть пейзажи Добиньи и Руссо (неподдѣльныхъ), Сислея, и Рафаэлли, этюды и рисунки Тройона, Розы Бонёръ, сколько картинъ неизвѣстныхъ еще художниковъ и, особенно, массу художественныхъ эстамповъ, цвѣтныхъ литографій и офортовъ, которые въ послѣднее время достигли такого изумительнаго совершенства. А сколько повсюду всякой артистической керамики, бронзы, рѣзьбы и т. п.! Непривычный человѣкъ не можетъ пройти по улицѣ, чтобы двадцать разъ не остановиться передъ всѣми этими приманками ***).

---

*) Берлинскіе музеи большею частью безплатны, но сравнительно небогаты.

**) *Charles—Maurice Couyba.* „L'Art et la Démocratie“ (1902). Эта книга по содержанію не соотвѣтствуетъ своему названію, хотя заключаетъ массу интересныхъ цифръ и фактовъ: это подробно мотивированный докладъ парламентской бюджетной коммиссіи по секціи изящныхъ искусствъ, подлежащихъ во Франціи вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Подъ демократіей здѣсь разумѣется, согласно оффиціальной фикціи, просто французское государство.

***) Парижскіе памятники, какъ это ни удивительно, поражаютъ только своею

Книжныя богатства также широко открыты для всеобщаго пользованія. Нѣсколько богатыхъ государственныхъ и городскихъ библіотекъ (св. Женевьевы, Мазарини, Арсенала и др., не говоря о національной) доступны всѣмъ и каждому и, конечно, безплатны. Но для широкихъ круговъ имѣетъ, вѣроятно, гораздо большее значеніе своеобразная форма книжной торговли. Иностранцы, не бывавшіе въ Парижѣ и платящіе полновѣснымъ рублемъ за французскія книги по номинальной цѣнѣ, нерѣдко съ добавленіемъ накладныхъ расходовъ, не знаютъ, что всѣ книги, за весьма немногими исключеніями, тотчасъ же по выходѣ появляются у букинистовъ со значительною скидкой: послѣднія новинки стоютъ 3 фр. (вмѣсто $3^{1/2}$), книга, пролежавшая годъ, стоитъ еще дешевле, а классическіе писатели и мало ходкія изданія идутъ сплошь и рядомъ по 1—$1^{1/2}$ фр. за томъ и даже дешевле. Лучшіе букинисты сосредоточены подъ арками «Одеона», а болѣе мелкіе тянутся безъ перерыва на цѣлыя версты вдоль каменныхъ парапетовъ набережныхъ. И по давнишней традиціи, каждый прохожій можетъ взять любую книгу и читать на мѣстѣ, стоя хоть два часа; затѣмъ книга спокойно ставится обратно, и прохожій идетъ своею дорогой, не считая нужнымъ даже поблагодарить торговца за одолженіе. Такимъ образомъ получается въ полномъ смыслѣ слова общедоступная народная библіотека безъ малѣйшихъ матеріальныхъ жертвъ ни съ чьей стороны.

Въ такихъ условіяхъ, казалось бы, художественное чувство народной массы должно было бы постоянно упражняться, и средній уровень интеллектуальнаго развитія долженъ былъ бы поддерживаться на значительной высотѣ. Однако всѣ литературныя и устныя свидѣтельства, какія намъ удалось собрать по этому вопросу, единогласно утверждаютъ противное. Читатели, вѣроятно, помнятъ ту страницу изъ «Assomoir», гдѣ описываются впечатлѣнія парижскихъ рабочихъ, вздумавшихъ зайти въ Лувръ: миѳологическія сцены даютъ имъ поводъ къ неприличнымъ шуткамъ, а Мона Лиза Леонардо да Винчи напоминаетъ имъ только какую-то тетку. Можно было бы думать, что это обычное у Зола стремленіе подмѣчать однѣ пошлыя черты жизни. Но вполнѣ безпристрастные наблюдатели находятъ эту сцену характерной *).

многочисленностью и отличаются, въ общемъ, самымъ прозаическимъ отпечаткомъ казенныхъ „монументовъ". Лишь весьма немногіе способны дѣйствовать воспитательнымъ образомъ на эстетичное чувство, и всѣ они весьма недавняго происхожденія: это памятникъ національной обороны 1871 г., прекрасная фигура поднимающагося для борьбы льва (le Lion de Belfort); назовемъ еще „Торжество республики" Далу съ нѣсколькими удачными народными фигурами, особенно грандіозный по замыслу и по декоративному эффекту памятникъ „Мертвымъ" Бартоломе на кладбищѣ Pére Lachaise, а также оригинальное по композиціи и богатѣйшее по колориту горельефное панно изъ маіолики Александра Шарпантье близъ церкви St. Germain des Prés.

*) *Eugène Müntz*. „L'art populaire, son état actuel, ses revendications, son avenir" („Revue des Revues", 15 мая 1899).

«Искусство въ самыхъ скромныхъ своихъ проявленіяхъ, — говоритъ одинъ изъ нихъ *),—не существуетъ болѣе для народа, который живетъ, прозябаетъ, коснѣетъ внѣ искусства, и я прибавлю, что онъ не знаетъ больше, что значатъ слова: искусство, вкусъ, красота, идеалъ».

«Очевидно,--говоритъ другой,—что если большинство ремесленниковъ не умѣютъ связать свою профессію съ эстетикой, то это происходитъ отъ того, что у нихъ нѣтъ ни знаній, ни времени ихъ пріобрѣсти. Они менѣе свободны, чѣмъ нашъ братъ, и такъ какъ у нихъ нѣтъ, въ такой степени, какъ у насъ, яснаго сознанія своего достоинства, они позволяютъ себя унижать, закрѣпощать и подчинять. Они порабощены и невѣжественны. Они живутъ, никогда не нападая на мысль, что красота могла бы исходить изъ ихъ собственныхъ рукъ. Впрочемъ, гдѣ бы они нашли досугъ это узнать?» **).

Самое вѣское свидѣтельство въ томъ же смыслѣ принадлежитъ несомнѣнно Жоресу, который ближе другихъ, конечно, знаетъ интеллектуальный уровень народныхъ массъ. «Что нужно, чтобы общественный классъ сталъ причастнымъ къ искусству?—такъ ставитъ онъ вопросъ ***).—Нужно, во-первыхъ, чтобы у него въ распоряженіи было средство для выраженія своихъ эмоцій и чувствованій. Пока у пролетаріата не будетъ достаточно времени, чтобы путемъ образованія присвоить себѣ всѣ сокровища французскаго языка, накопленныя вѣками, онъ не будетъ стоять на высотѣ искусства. Во-вторыхъ, всякій, кто радъ собственной жизни, кто не можетъ подняться надъ уровнемъ собственной работы, кто не можетъ связать ее мысленно и радостно со всею совокупностью человѣческаго прогресса, не можетъ подняться до артистической жизни. Ни деревенскій, ни фабричный рабочій не удовлетворяютъ этимъ условіямъ».

Эти категорическія заявленія, однако, кажутся намъ не вполнѣ убѣдительными. Всѣ они слишкомъ огульны и основаны или на случайныхъ, поверхностныхъ наблюденіяхъ, или на общихъ апріорныхъ соображеніяхъ. Для окончательнаго рѣшенія вопроса необходимо было бы собрать какъ можно больше фактовъ, зарегистрировать массу единичныхъ мнѣній, однимъ словомъ примѣнить строгій статистическій методъ. Разумѣется, такая работа подъ силу только тому, кто находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ народной массой, а французская интеллигенція до сихъ поръ не находится въ этомъ положеніи. Результаты такой работы могли бы быть довольно неожиданными и во всякомъ случаѣ не такими односложными. Выяснилось бы, можетъ быть, что низшіе классы въ смыслѣ запросовъ къ искусству

---

*) *Jean Lahor* (Henri Cazalis). „L'art pour le peuple à défant de l'art par le peuple„ (1902).

**) *Saint-Georges de Bouhelier*. „Discours sur les fins et les attributs de l'esthétique" („Revue Naturiste", 15 février 1901).

***) „L'art et le socialisme" („Revue Socialiste", mai 1900).

не представляютъ сплошной однородной массы, что въ ихъ средѣ есть отдѣльныя лица и группы, у которыхъ эстетическій вкусъ болѣе развитъ, чѣмъ у другихъ. Что основы эстетики въ народной средѣ иныя, чѣмъ у литераторовъ и художниковъ, что народный вкусъ не похожъ на вкусъ интеллигенціи,—это болѣе чѣмъ вѣроятно, но невѣроятно, чтобы тамъ не нашлось никакого вкуса, хотя бы дурного на нашъ взглядъ. Имѣть о немъ ясное представленіе было бы весьма важно для всякихъ практическихъ начинаній въ области пропаганды эстетическихъ впечатлѣній.

Что касается классоваго сознанія интеллигенціи и попытокъ сближенія съ демократіей, то въ этомъ смыслѣ за послѣднее десятилѣтіе имѣли мѣсто весьма любопытные признаки, и возникшее теченіе съ каждымъ годомъ растетъ, питаясь всѣми крупными явленіями общественнаго характера. Достаточно указать на внѣшній признакъ этого роста: до процесса Дрейфуса во французскомъ языкѣ не было общеупотребительнаго слова для обозначенія интеллигенціи, какъ извѣстной общественной единицы; словарь Литтре еще не знаетъ такого смысла выраженія les intellectuels, хотя нѣкоторые писатели и пробуютъ уже придавать этому слову существительное значеніе.

Въ началѣ 90-хъ годовъ на порогѣ жизни очутилась молодежь, которую уже не удовлетворялъ общественный пессимизмъ предшествовавшихъ поколѣній. Ея жизненная энергія не была подавлена трагическими событіями, деморализовавшими ихъ отцовъ и дѣдовъ. Національный разгромъ 1870—71 года сталъ для нея сказкой дѣтства и рисовался воображенію въ формѣ краснорѣчивыхъ фразъ заключительной главы школьнаго учебника исторіи. Она не пережила печальныхъ сюрпризовъ, которыми демократія оттолкнула отъ себя современниковъ наполеоновской вакханаліи. Жить день за днемъ безъ руководящаго принципа, бороться по одиночкѣ за единичные интересы представляло плохіе шансы и казалось мало заманчивымъ. Чтобы завоевать какую-нибудь роль на общественной аренѣ, необходимо было подвергнуть критикѣ установленную теорію абсентеизма и попробовать по своему перерѣшить вопросъ объ отношеніи мыслящаго индивидуума къ обществу. Первый же взглядъ убѣдилъ этихъ молодыхъ соціологовъ, что ряды обезпеченной буржуазіи стали слишкомъ тѣсны для новыхъ пришельцевъ, и что будущность ихъ класса зависитъ отъ того, съумѣютъ ли они завоевать себѣ вниманіе и симпатію нижнихъ слоевъ общества. Конечно, они не ставили свои задачи въ такой грубо матеріальной формѣ и искренно считали себя идеалистами, которые готовы самоотверженно служить идеѣ справедливости и общаго блага.

Такъ изображаетъ программу молодого поколѣнія Анри Беранже, одинъ изъ видныхъ его представителей *). Въ этой программѣ многое

*) *Henry Bérenger*. „L'aristocratie intellectuelle“, p. 1895.

нужно приписать молодости и незнанію реальныхъ условій жизни, но основная тенденція остается опредѣляющею для всѣхъ будущихъ явленій въ исторіи этого поколѣнія. Какъ во всѣхъ идеологическихъ системахъ, авторъ удѣляетъ самую красивую и благородную роль въ общественномъ концертѣ тому классу, интересы котораго онъ защищаетъ. Такъ какъ вся сила интеллигенціи заключается только въ обладаніи духовными благами, то и философскіе взгляды автора пріобрѣтаютъ характеръ чистаго идеализма. «Въ наше время уже болѣе или менѣе очевидно,—повторяетъ онъ вслѣдъ за А. Фулье («Les idées-forces»),—что реальныя явленія только символы идей и что нѣтъ ничего реальнаго, кромѣ духа, такъ какъ матерія не что иное, какъ движеніе, а движеніе—духъ». «Прекрасно доказано,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что идея болѣе сильная сила, чѣмъ фактъ, потому что она ему предшествуетъ и опредѣляетъ его». Идеи создаютъ исторію; слѣдовательно, интеллигенціи принадлежитъ главенствующая роль въ обществѣ, такъ какъ изъ всѣхъ общественныхъ классовъ она одна является представительницей идеи, а не матеріальной силы. Прежніе господствующіе классы, родовая аристократія, теократія и плутократія отжили или отживаютъ свой вѣкъ. На ихъ мѣсто идетъ новая аристократія. «Господа, эта аристократія вамъ хорошо извѣстна; вы привѣтствуете ее въ лицѣ Тэна, въ лицѣ Пастёра или Виктора Гюго,—это аристократія духа. Инстинктивно мы преклоняемся передъ нею, когда чтимъ ученаго болѣе, чѣмъ банкира, поэта болѣе, чѣмъ знатнаго вельможу, и философа болѣе, чѣмъ епископа. Относительно однихъ мы ограничиваемся оффиціальнымъ поклономъ; для другихъ мы хранимъ внутреннее уваженіе,—мы провозглашаемъ ихъ своими повелителями и руководителями. Они теперь управляютъ міромъ и при помощи науки и общественнаго мнѣнія приводятъ въ движеніе наши общества. Кто осмѣлился бы сказать, что умственная аристократія не играетъ регулирующую роль въ нашихъ демократіяхъ въ такой же мѣрѣ, какъ нервная система регулируетъ нашу тѣлесную жизнь?» Многіе осмѣливаются на это, но мы не будемъ возражать автору, а ограничимся изложеніемъ его системы.

Каковы же функціи этой аристократіи и какими средствами она должна управлять міромъ? Разбирая романъ Барреса «Врагъ законовъ», гдѣ проводится мысль, что утонченная цивилизаціей чувствительность должна сдѣлать излишними всѣ писанные законы, всякую обязательную нравственность, Беранже высказывается противъ подобной утопіи. «Никто не сможетъ пресѣчь корни ненависти и страха, ибо это корни человѣческаго сердца. Ничья власть не превратитъ въ ягнятъ и пуделей тѣхъ, которые родились поросятами и тиграми. Какъ бы ни были несправедливы наши законы, уничтожить ихъ значило бы не возвысить насъ до состоянія благодати, а погрузить насъ въ естественное

состояніе, которое ужасно (авторъ завзятый противникъ Ж.-Ж. Руссо). ...Нѣтъ, народъ—это не «тотъ, который молчитъ», не тотъ, «котораго можно связать ласками». Онъ бушуетъ и ломаетъ, какъ только его выпустить изъ клѣтки. Среди враждующихъ стай шакаловъ, гіенъ и большихъ и малыхъ хищныхъ звѣрей, составляющихъ человѣчество, законы, догмы и кодексы все-таки самые надежные валы, подъ защитой которыхъ создается избранниками истина и красота». «Нравственная аристократія, если она остается только нравственною, беззащитна,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ. Ей суждено погибнуть или быть обезчещенною злыми, если она не съумѣетъ или не захочетъ ихъ обуздать».

Наука XIX-го вѣка обнаружила, что всѣ измѣненія въ мірѣ происходятъ отъ дѣятельности безконечно малыхъ анонимныхъ силъ. Этотъ строго доказанный принципъ лежитъ и въ основѣ демократическаго строя. «Безъ сомнѣнія, современная демократія древнѣе открытія этого принципа; у нея болѣе отдаленный и жизненный (?) генезисъ. Но помимо того, что этотъ принципъ ее впервые узаконилъ, онъ сообщилъ ей неимовѣрную силу роста и распространенія. Если реальная причина всякаго великаго и плодотворнаго дѣйствія заключается въ ассоціированныхъ усиліяхъ малыхъ и ничтожныхъ міра сего, какимъ образомъ могло бы быть иначе въ организаціи человѣчества? Долой безполезныхъ героевъ, долой безсодержательныя маски! Вотъ выступаетъ, наконецъ, настоящій герой, громадная безымянная масса XIX-го вѣка, современная демократія».

Если принципъ можно считать утвердившимся, то въ дѣйствительности демократія находится еще въ самомъ началѣ длиннаго пути, который приведетъ ее къ торжеству. Она еще весьма далека отъ господства, и поэтому интеллигенція, присоединяясь къ ней, вовсе не играетъ роль паразита, подчиняющагося владыкѣ только для того, чтобы питаться его милостями и щедротами. Достоинство этого союза заключается въ томъ, что интеллигенція съ своей стороны можетъ оказать демократіи жизненную услугу, на которую ни одинъ другой классъ общества неспособенъ. Внести въ народную массу какъ можно больше знанія, открыть ей доступъ въ плодотворную сферу идей и образовъ,—вотъ истинная и настоятельная практическая задача интеллигенціи, столько же въ интересахъ народа, сколько и въ ея собственныхъ. Безъ просвѣщенія низшіе классы всегда останутся беззащитными передъ хищными вожделѣніями болѣе вооруженныхъ элементовъ. Безъ поддержки просвѣщенной демократіи интеллигенція вѣчно будетъ стоять передъ дилеммой: замкнуться въ безжизненную секту или идти на привязи за денежнымъ мѣшкомъ.

Къ этому, въ концѣ концовъ, сводится вся программа молодого поколѣнія Франціи, въ этомъ оно видитъ свое право называться умственною аристократіей. «Интеллигентная аристократія, — говоритъ

Беранже,—нуждается въ циркулирующемъ аппаратѣ, который давалъ бы ей возможность впрыскивать кровь своихъ мыслей до самыхъ крайнихъ развѣтвленій демократіи. Такимъ аппаратомъ является университетъ *), который посредствомъ трехъ степеней образованія распредѣляетъ и дѣлаетъ плодотворными идеи одинокихъ геніевъ въ средѣ зрѣлыхъ людей, юношей и дѣтей... Пусть интеллигентная аристократія примкнетъ къ университету, пусть она сохранитъ ему его основную черту—независимость по отношенію къ власти, и преобразованный ею университетъ приведетъ къ единенію Калибана и Аріеля».

Господствующіе классы во Франціи въ свое время также были весьма озабочены народнымъ образованіемъ. Новыя формы жизни, развитіе промышленности и государственности требовали въ огромномъ количествѣ ученыхъ спеціалистовъ, въ извѣстной степени образованныхъ чиновниковъ, грамотныхъ приказчиковъ и рабочихъ. И народное образованіе, созданное французскою государственною властью, было вполнѣ приспособлено къ этимъ задачамъ. Отъ народныхъ учителей до профессоровъ высшихъ наукъ всѣ были послушными, часто рабскими орудіями смѣнявшихся политическихъ режимовъ; они преподавали свои «предметы» въ строго отграниченныхъ рамкахъ по установленнымъ и регламентированнымъ до мельчайшей подробности программамъ. Того широкаго интеллектуальнаго развитія, которое ставитъ себѣ задачей германская школа, французскіе правители не цѣнили, и такимъ образомъ французская школа выпускаетъ массу ученыхъ техниковъ, но мало образованныхъ людей, милліоны толковыхъ рабочихъ, но мало людей съ культурными запросами. Противодѣйствовать этому печальному состоянію поставила себѣ цѣлью многочисленная группа молодыхъ людей, которая сумѣла привлечь на свою сторону лучшихъ людей изъ старшаго поколѣнія и достигла уже серьезныхъ результатовъ.

V.

Объ исторіи и характерѣ общественной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Западной Европѣ и Америкѣ у насъ писалось весьма много, поэтому мы лишь вкратцѣ остановимся на фактической сторонѣ этого движенія во Франціи **). Отдѣльныя попытки внѣшкольнаго обученія производились уже давно, но онѣ были разрознены и

*) Извѣстно, что подъ названіемъ „университетъ" французы подразумѣваютъ всю систему народнаго образованія отъ начальныхъ школъ до философскихъ факультетовъ.

**) Болѣе подробныя свѣдѣнія читатель можетъ найти въ книгѣ того же *Henry Bérenger*. „La conciente National", P. 1898. У него же приведена довольно обширная библіографія вопроса.

не имѣли крупныхъ результатовъ. Необходимъ былъ примѣръ Англіи, чтобы показать, какого общенароднаго значенія могутъ достигнуть усилія частныхъ лицъ и организацій. Лишь въ началѣ 90-хъ годовъ возникаетъ почти одновременно нѣсколько энергичныхъ обществъ и союзовъ въ Парижѣ и въ провинціи. Въ 1895 г. они подсчитали свои силы на конгрессѣ въ Гаврѣ, а въ слѣдующемъ году произведенное по распоряженію министра народнаго просвѣщенія оффиціальное изслѣдованіе показало уже весьма солидные фактическіе успѣхи. Одно изъ существенныхъ отличій между Англіей и Франціей заключается въ томъ, что въ Англіи, въ классической странѣ капитализма и классовой борьбы, движеніе, направленное къ повышенію умственнаго и нравственнаго уровня обездоленныхъ классовъ, получило колоссальную поддержку со стороны нѣсколькихъ денежныхъ королей,—имена Арнольда Тойнби и Квинтина Хогга пріобрѣли всемірную извѣстность, тогда какъ во Франціи «господствующіе» не принимаютъ абсолютно никакого участія въ распространеніи просвѣщенія въ народѣ, и все, что сдѣлано въ этомъ направленіи, сдѣлано всецѣло руками литераторовъ, народныхъ учителей, единичныхъ профессоровъ и университетской молодежи при совершенно ничтожной матеріальной поддержкѣ со стороны правительсвва. Это часто вызываетъ необезпеченность лучшихъ начинаній и тревожную заботу о завтрашнемъ днѣ, но зато съ полною ясностью обнаруживается органическій характеръ тяготѣнія интеллигенціи къ рабочимъ массамъ.

Какъ быстро ширится внѣшкольное образованіе во Франціи, можно видѣть изъ слѣдующихъ немногихъ цифръ: въ 1894 г. по всей Франціи читалось 9.000 вечернихъ курсовъ, отчасти общеобразовательнаго, отчасти профессіональнаго характера; въ 1895 г. число такихъ курсовъ возрасло до 17.000 при 400 тысячъ записавшихся, изъ коихъ 270 тысячъ аккуратно посѣщали занятія; въ 1898 г. было уже 24 тыс. курсовъ, при 700 тыс. записавшихся, изъ которыхъ 420 тыс. усердныхъ слушателей. Туже шло распространеніе высшихъ знаній, особенно въ Парижѣ. Правда, не было недостатка въ лекторахъ, которые бы читали связные курсы и отдѣльныя конференціи въ рабочихъ кварталахъ по окраинамъ столицы, и не могли пожаловаться на пустоту аудиторій, но контингентъ слушателей часто оказывался не тотъ, на который надѣялись организаторы: большинство составлялось изъ мелкихъ буржуа, низшихъ чиновниковъ и служащихъ. Какъ ни популярны эти курсы, они все-таки требуютъ отъ слушателей слишкомъ большого умственнаго напряженія, на которое уже неспособны рабочіе послѣ тяжелаго 10-ти-часового рабочаго дня. Нерѣдко можно наблюдать, что почтенный пожилой рабочій, явившійся съ искреннимъ желаніемъ послушать интересную лекцію на историческую или литературную тему, тщетно борется съ одолѣвающимъ его сномъ, вызывая насмѣшки и

шушуканіе окружающей желтоносой молодежи. Но руководители не обезкуражились. Какъ бы ни были скромны достигаемые результаты,— разсуждали они,—они все-таки достигаются. Нужно время, чтобы цѣлый общественный классъ воспиталъ въ себѣ умственныя привычки, любовь и интересъ къ проблемамъ, стоящимъ не въ очевидной связи съ насущными потребностями. Тутъ еще подоспѣлъ памятный общественный подъемъ, сопровождавшій процессъ Дрейфуса. Въ рядахъ интеллигенціи онъ произвелъ истинныя чудеса. Люди, которые до тѣхъ поръ считали своимъ правомъ ограничиться добросовѣстнымъ служеніемъ своей узкой профессіи, увидѣли, что общество рискуетъ рухнуть, если въ массѣ не распространено живое чувство справедливости. Эстеты чистѣйшей воды, всю жизнь брезгливо закрывавшіе глаза на волненія и интересы толпы, вдругъ точно просыпались отъ самовнушеннаго гипноза и съ ужасомъ открывали, что міръ хуже, чѣмъ они думали въ своемъ пессимизмѣ, и что никто, даже артистъ, не имѣетъ права сложить съ себя обязанность быть честнымъ человѣкомъ. Малларме, напр., который настолько презиралъ людей, что не хотѣлъ даже быть понятнымъ имъ, пережилъ настоящую душевную драму: онъ такъ принялъ къ сердцу интересы попранной справедливости, что разорвалъ со своими лучшими друзьями изъ-за разногласія по поводу «афферы». Съ другой стороны и рабочія массы увидѣли, что не онѣ однѣ являются оплотомъ прогресса и справедливости Наука, искусство, литература, которыя они привыкли считать послушными слугами буржуазной роскоши, если не цѣликомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ своихъ лучшихъ представителяхъ открыто искали съ ними союза и дружбы,—болѣе того, нерѣдко жертвовали своими матеріальными интересами ради сохраненія нравственнаго достоинства. Сближеніе обоихъ классовъ сдѣлало большой шагъ впередъ, и «народный университетъ» отъ этого сильно выигралъ. Теперь нѣтъ ни одной окраины Парижа, гдѣ бы не дѣйствовало болѣе или менѣе обширное просвѣтительное общество, состоящее изъ рабочихъ и интеллигентовъ, въ числѣ которыхъ очень часто попадаются наиболѣе уважаемыя имена французскихъ ученыхъ и писателей. Каждый день въ газетахъ можно встрѣтить объявленіе о десяткѣ лекцій, конференцій, практическихъ занятій, литературныхъ чтеній, музыкальныхъ вечеровъ; въ воскресенье устраиваются семейныя утра или поѣздки за городъ, драматическія или музыкальныя празднества. Въ средѣ интеллигенціи, конечно, осталось еще много реакціонныхъ элементовъ, которые изъ интереса или по недоумію не хотятъ разстаться съ монополіей на интеллектуальность. Такъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ пресловутый «психологъ» свѣтскихъ кокотокъ, Поль Бурже, въ своемъ послѣднемъ романѣ («L'épave») старался окарикатурить и опошлить «народные университеты», но имъ отъ этого не меньше принадлежитъ будущее. Теперь во всякомъ случаѣ, они еще

далеко не сказали своего послѣдняго слова; имъ предстоитъ не только шириться, но и совершенствоваться. Успѣхъ ихъ несомнѣнно стоитъ въ самой тѣсной связи съ улучшеніемъ матеріальнаго существованія рабочаго пролетаріата, ибо, какъ говоритъ Анатоль Франсъ, одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и талантливыхъ друзей народнаго просвѣщенія, «не похоже ли на иронію—предлагать великолѣпныя сокровища человѣческаго духа существамъ, которыхъ точатъ микробы въ подвальныхъ этажахъ, которые не спятъ иначе, какъ вдыхая тифъ и туберкулезъ? *)».

Для насъ имѣетъ спеціальный интересъ ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ смыслѣ обобществленія искусства. Художники, беллетристы и писатели, занимающіеся вопросами искусства, не могли, конечно, остаться внѣ общаго теченія, но ихъ задача гораздо труднѣе. Изложить въ популярной формѣ какой угодно научный предметъ изъ области естествознанія или обществовѣдѣнія, заставить *понять и усвоить* какую угодно отвлеченную теорію кажется несравненно возможнѣе, чѣмъ заставить *почувствовать* красоту художественнаго произведенія, внутренно возсоздать ту частицу души, которую авторъ вложилъ въ свою поэму, картину, статую. Такихъ произведеній искусства, которыя бы во всѣхъ людяхъ вызывали одно и то же чувство, какъ этого требуетъ Л. Н. Толстой, на свѣтѣ не существуетъ. Общеніе между артистомъ и слушателемъ, зрителемъ или читателемъ возможно только, если артистъ встрѣчаетъ пониманіе тѣхъ психологическихъ предпосылокъ, изъ которыхъ возникло данное произведеніе, но которыя въ немъ самомъ не выражены. Иначе говоря, между художникомъ и воспринимающимъ субъектомъ должна быть такая психологическая близость, которая достигается сходствомъ психическихъ привычекъ или воспитаніемъ воображенія воспринимающаго субъекта. Первое условіе отсутствовало, второе можетъ быть создано лишь продолжительными усиліями съ той и съ другой стороны.

Французы и въ этомъ случаѣ имѣли передъ собой примѣръ англичанъ, но примѣръ этотъ былъ скорѣе устрашающій, чѣмъ поощряющій. Джонъ Рёскинъ, а за нимъ Вильямъ Моррисъ и его друзья много раньше видѣли уже, какъ искусство мельчаетъ и сохнетъ подъ гнетущимъ покровительствомъ господствующихъ классовъ. Съ пламенною силой и паѳосомъ библейскихъ пророковъ предсказывали они гибель всей нашей цивилизаціи, если она не признаетъ, что «нѣтъ другого богатства кромѣ жизни,—жизни обнимающей всю силу любви, радости и восторга» (Рёскинъ). Эту полноту богатства, т.-е. жизни, способно

---

*) Рѣчь 17-го мая 1902 г. въ обществѣ „L'education sociale de Monmartre" на первомъ засѣданіи, разрабатывавшемъ вопросъ о дешевыхъ гигіеническихъ жилищахъ

дать только искусство, при условіи, чтобы оно не производилось немногими для немногихъ, а стало бы народнымъ, какъ въ минувшіе вѣка, чтобы каждый, даже среди тѣхъ, которыхъ «по глупости языка» принято называть «низшими классами», имѣлъ свою долю въ наслажденіи искусствомъ и участвовалъ въ созданіи его. Но какъ этого достигнуть? «Какъ дать глаза людямъ, не воспитаннымъ на искусствѣ?.. Какъ намъ вложить въ нихъ артистическую душу, безъ которой человѣкъ хуже дикаря? Да, если бы они сами потребовали отъ насъ этого! Но гдѣ и что это за силы, которыя могутъ заставить ихъ предъявить намъ такое требованіе? Гдѣ рычагъ, и гдѣ основаніе для этого? Трудные вопросы! *)». На эти вопросы они не дали удовлетворительныхъ отвѣтовъ ни теоретически, ни практически. Сказать, что для этого нужно охранять красоту природы, отказаться отъ роскоши, замѣнить машинное производство ручнымъ и сдѣлать такъ, чтобы всѣ находили наслажденіе въ самой работѣ, не значитъ разрѣшить вопросъ, потому что всѣ эти средства также трудно достижимы, какъ и самая цѣль, или, лучше сказать, совсѣмъ недостижимы, какъ основанныя исключительно на доброй волѣ. Но съ упорною вѣрою во всемогущество дѣятельной воли, какая встрѣчается только въ англо-саксонской расѣ, они не считались съ дѣйствительностью, а самоотверженно отдавали трудъ и рисковали средствами для проведенія въ жизнь своихъ заманчивыхъ утопій. Фабрикація—ручная конечно—цвѣтныхъ стеколъ, обой, мебели, посуды и всѣхъ предметовъ домашняго обихода, которую завелъ В. Моррисъ въ компаніи со своими друзьями-художниками, не пропали даромъ для англійскаго и всего европейскаго искусства. Ими былъ созданъ единственный въ XIX столѣтіи оригинальный художественный стиль, который привился во всѣхъ художественныхъ центрахъ Европы и вездѣ, кромѣ Россіи, получилъ своеобразную разработку. Но какія же были соціальныя послѣдствія этихъ опытовъ? Все осталось на старомъ мѣстѣ, ни одна фабричная труба не перестала коптить небо, искусство не проникло ни на вершокъ глубже въ народные классы, зато торговцы, наживавшіеся прежде на фабричной безвкусицѣ, теперь наживаются нисколько не хуже на изящныхъ вещицахъ «modern style». Рёскинъ и Моррисъ говорили: если переплетчикъ, положимъ, дѣлаетъ переплетъ—предметъ болѣе или менѣе всѣмъ необходимый,—то почему онъ долженъ непремѣнно обезобразить его никому ненужными сусальными украшеніями? почему не сдѣлать его совершенно простымъ и вмѣсто всѣхъ аляповатостей сдѣлать на корешкѣ отъ руки какой-нибудь самый незатѣйливый цвѣтокъ? отчего переплетъ, сдѣланный со вкусомъ, долженъ быть дороже безвкуснаго переплета, если онъ сдѣланъ изъ того же матеріала? Казалось бы, что

*) *William Morris.* „Hopes and tears for art,“ London, 1898.

дѣйствительно нѣтъ оснований. Но нашъ меркантильный вѣкъ все умѣетъ обратить въ источникъ наживы, даже отсутствіе украшеній: за самую строгую простоту въ «англійскомъ стилѣ» нужно заплатить въ нѣсколько разъ дороже, чѣмъ за ту же вещь, разукрашенную сверху донизу надоѣвшимъ стилемъ «ренессанса». Такимъ образомъ искусство В. Морриса, завоевавъ себѣ повсюду «популярность», осталось все тѣмъ же искусствомъ для немногихъ и уже начинаетъ вырождаться въ никому ненужныя бездѣлушки, украшающія камины богатыхъ людей.

Итакъ, французскіе художники должны были самостоятельно искать пути къ народному чувству. Задача, которая была трудна въ Англіи, осталась трудною и во Франціи. Движеніе еще такъ молодо, что о подсчетѣ достигнутыхъ результатовъ не можетъ быть и рѣчи, но самое разнообразіе попытокъ въ этомъ направленіи свидѣтельствуетъ объ органическомъ происхожденіи демократическаго направленія среди художниковъ. Мы выше старались показать, что это вызывается интересами самой интеллигенціи, какъ класса; положеніе это нисколько не измѣняется отъ того, что передовые люди, идущіе во главѣ движенія, искренно сознаютъ себя идеалистами, дѣйствующими исключительно изъ безкорыстныхъ побужденій человѣколюбія. Конечно, для первыхъ шаговъ и нужно много идеализма и готовности жертвовать личными интересами, но всякая классовая борьба, какъ бы матеріальна ни была ея основа, выставляетъ впередъ борцовъ, убѣжденныхъ, что они страдаютъ за идею.

Наиболѣе полно изложена идеологія демократическаго движенія среди французскихъ артистовъ въ обстоятельной статьѣ извѣстнаго писателя Камиля Моклера *). Весьма живо изобразивъ послѣдствія, которыя получились для искусства отъ воцаренія буржуазіи, авторъ прекрасно резюмируетъ положеніе артиста въ новомъ обществѣ: «Искусство стало промысломъ, а не роскошью больше, и производитель его долженъ былъ зарабатывать свою жизнь». Враждебное, или лучше бы сказать, равнодушное отношеніе буржуазіи сдѣлало изъ всякаго артиста безсознательнаго бунтовщика. Сначала интеллигенція образовала въ государствѣ изолированный классъ, отдаленный отъ народа, непримиримый съ буржуазіей. Затѣмъ постепенно начинается сближеніе умственнаго и рабочаго пролетаріата, несмотря на то, что буржуазія стала между ними и изображала народу артистовъ, какъ ремесленниковъ роскоши, прирожденныхъ аристократовъ, и обратно, представляя артистамъ народъ, какъ тупое и грубое стадо, которое видитъ въ искусствѣ только транжирство. Едва ли однако можно допустить, чтобы буржуазія была отвѣтственна за антидемократическіе взгляды интел-

---

*) *Camille Mauclair*, „L'Artiste moderne et son attitude sociologique“ („La Grande Revue“, 1902 mars et avril).

лигенціи: кто могъ помѣшать послѣдней составить себѣ самостоятельное мнѣніе на основаніи непосредственныхъ наблюденій? Но теперь уже образовалась цѣлая группа избранныхъ, которые, сохраняя свой собственный идеалъ, стараются сблизиться съ народными массами. Они готовы идти навстрѣчу подозрительности рабочей партіи, они рвутъ отношенія съ буржуазіей изъ идеи высшей справедливости. Никто изъ нихъ не пытается вульгаризировать искусства, принизить его банализаціей средствъ до уровня пониманія толпы или отказаться отъ возвышенныхъ и глубокихъ идей. Напротивъ, это буржуазія пыталась создать «искусство для сволочи» въ видѣ пошлыхъ олеографій, мелодрамъ и фельетонныхъ романовъ, соціальное же искусство не находится въ противорѣчіи съ аристократическимъ искусствомъ.

Но народъ до сихъ поръ не видитъ этихъ усилій интеллигенціи. Кто въ этомъ виноватъ? Камиль Моклеръ непремѣнно хочетъ, чтобы кто-нибудь былъ виноватъ. Онъ убѣжденъ, что предводители рабочей партіи, Гэдъ, Вальянъ, Бруссъ, могли бы и должны были бы взять на себя роль посредниковъ, но они не хотятъ этого, отговариваясь тѣмъ, что экономическая борьба поглощаетъ всѣ ихъ силы, и что объ искусствѣ можно будетъ подумать впослѣдствіи. Авторъ объясняетъ себѣ это тремя причинами: 1) марксизмъ чисто матеріалистическая теорія, и недаромъ буржуазія прозвала рабочую партію «партіей животовъ»; 2) большинство вождей этой партіи психологически весьма близки къ буржуазіи и также, какъ она, питаютъ глубокое отвращеніе къ искусству, къ артистамъ, ко всякому интеллектуальному превосходству, они боятся краснорѣчія, энтузіазма, альтруизма, у нихъ боязливый культъ *факта* и *пользы*; 3) партійное тщеславіе: они знаютъ, что интеллигенты умнѣе и талантливѣе ихъ, и боятся утратить свое главенство. Странныя разсужденія, показывающія, до какой степени французскіе интеллигенты плохо разбираются въ общественныхъ явленіяхъ! Допустимъ, что всѣ обвиненія, взводимыя авторомъ на представителей рабочей партіи, справедливы, то и тогда ихъ дурныя качества ничего не объясняютъ. Прежде всего, Гэдъ, Вальянъ и ихъ друзья стоятъ во главѣ сравнительно незначительной части пролетаріата, а самъ авторъ признаетъ, что Жоресъ, Руане, Фурньеръ, имѣющіе несравненно болѣе численныхъ приверженцевъ, цѣнятъ искусство и понимаютъ его значеніе для массъ. Отчего они не могутъ устроить сближеніе артистовъ съ рабочими? Но помимо этого, развѣ народныя массы представляютъ какую-то отгороженную со всѣхъ сторонъ державу, и Гэдъ держитъ въ карманѣ ключи отъ всѣхъ воротъ? Проникновеніе искусства въ народную среду нельзя декретировать въ партійной программѣ, оно должно говорить само за себя, и никто не можетъ ему помочь пріобрѣсти власть надъ людскими сердцами, если оно не въ силахъ этого достигнуть своимъ собственнымъ обаяніемъ.

Что касается страха конкуренціи, то едва ли кому-нибудь изъ людей, знающихъ условія общественной дѣятельности, придетъ въ голову мысль, чтобы эти художники, поэты не отъ міра сего могли захватить въ свои руки партійную власть. Ихъ задача давать народной массѣ духовную пищу, а не руководить ею въ борьбѣ за матеріальныя блага: она ужъ сама научилась отстаивать свои интересы и въ опекунахъ не нуждается.

Итакъ К. Моклеръ не видитъ другого средства для внѣдренія эстетическаго вкуса въ демократіи, кромѣ протекціи ея политическихъ вождей. Другіе разсчитываютъ на благотворительность артистовъ. «Не касаясь монументальнаго искусства (le grand art), — говоритъ проф. Мюнтцъ (въ упомянутой выше статьѣ), — я предложилъ бы нашимъ художникамъ подавать иногда милостыню обездоленнымъ судьбою». Онъ имѣетъ въ виду изданіе народныхъ картинокъ, преимущественно на патріотическіе сюжеты изъ французской исторіи. Это еще болѣе фальшивая программа дѣйствія. Раздача дешеваго супа, хотя бы съ даровымъ приложеніемъ нравоучительныхъ бесѣдъ, не излѣчиваетъ общественныхъ бѣдъ и не облагораживаетъ взаимныхъ отношеній благодѣтелей и благодѣтельствуемыхъ. Неправильность постановки вопроса заключается именно въ томъ, что «популярное» искусство отдѣляется отъ «настоящаго», какъ будто эстетическое развитіе народа желательно только въ его интересахъ, а не въ интересахъ этого самаго «монументальнаго» искусства, не только матеріальныхъ, но также, даже преимущественно нравственныхъ. Искусство, хотя бы сохраняя монументальные размѣры, вырождается въ салонную забаву. «Шедевръ,— говоритъ справедливо Жоресъ,—мельчаетъ отъ того, что имъ наслаждаются только немногіе. Великое произведеніе человѣческихъ рукъ нуждается въ томъ, чтобы все человѣчество видѣло въ немъ отраженіе своей переливчатой души».

Жанъ Лагоръ (въ этюдѣ, также упомянутомъ выше) болѣе здраво смотритъ на тотъ же предметъ. Онъ не перестаетъ повторять, что «въ нашихъ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ того, что можно было бы назвать эстетической гигіеной, мы не должны оставлять народъ въ той безобразно некрасивой обстановкѣ, которой онъ повидимому довольствуется, а вовсе не возмущается». «Мы посвященные, служители искусства, заинтересованы въ этомъ такъ же, какъ была заинтересована церковь, хранительница въ оныя времена греко-латинской цивилизаціи, крестить и просвѣщать варваровъ, затоплявшихъ античный міръ». Сравненіе было бы правильнѣе, если бы авторъ принялъ во вниманіе тѣ зародыши новой жизни, которые были внесены этими варварами въ разлагающееся античное общество. Авторъ находится подъ яснымъ вліяніемъ В. Морриса и требуетъ, чтобы вся матеріальная среда, въ которой живутъ люди, была проникнута изяществомъ. Но

англійскій реформаторъ не мирился на полумѣрахъ: искусство, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ оно должно быть, по его мнѣнію, должно производиться для народа руками народа. Ж. Лагоръ съ грустью отступаетъ отъ послѣдняго условія: онъ находитъ, что въ настоящее время народъ уже не можетъ быть производителемъ искусства. Поэтому нужно, чтобы артисты дали народу искусство, и «оно, быть можетъ, когда-нибудь обновитъ и освѣтитъ его существованіе, еще слишкомъ часто лишенное свѣта». Необходимо, чтобы искусство проникло всюду— въ школы, въ больницы, въ казармы, въ вокзалы желѣзныхъ дорогъ, словомъ всюду, гдѣ проходитъ или собирается народъ, а особенно въ жилище городского и деревенскаго рабочаго. Для этого нужно устроить магазины художественныхъ предметовъ, главнымъ образомъ прикладного искусства, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы по цѣнамъ эти издѣлія могли побѣдоносно конкурировать съ безобразной, но претенціозной базарной и фабричной дешевкой. Разумѣется, это легче сказать, чѣмъ провести въ жизнь. Для проведенія намѣченной программы авторъ предлагаетъ основать общество.

Таковы высказанныя въ литературѣ disiderata. Нѣкоторыя изъ нихъ не остались на бумагѣ, а вызываютъ болѣе или менѣе широкія и удачныя попытки. Прежде всего слѣдуетъ указать на широкое развитіе декоративнаго искусства, на которое во Франціи возлагались такія же надежды, какъ и въ Англіи. Результаты оказались подобными же. Въ среду обветшалаго музейнаго искусства художественная промышленность внесла несомнѣнное оживленіе. Послѣ солиднаго періода пропаганды и борьбы старое дѣленіе искусства на высшее и низшее было побѣждено, и даже заскорузлый въ своемъ академизмѣ салонъ Елисейскихъ полей отвелъ прикладному искусству широкое мѣсто въ своихъ залахъ. И надо сказать, что зритель, не совсѣмъ еще лишившійся чувства прекраснаго, когда онъ окончательно придетъ въ отчаяніе, пробѣгая на этой выставкѣ, какъ сквозь строй, между намыленными и напарфюмированными картинами на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, только тогда можетъ вздохнуть съ облегченнымъ сердцемъ, когда выберется, наконецъ на внутреннія галлереи, уставленныя витринами чудесныхъ издѣлій изъ самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ: здѣсь опять узнаешь, наконецъ, неподражаемый и изобрѣтательный французскій вкусъ. Въ Парижѣ существуетъ уже цѣлый музей (Galliéra) этого такъ называемаго «новаго» искусства (хотя оно старше всякаго другого), и всякій, попавшій туда, согласится, что за любую маленкую чашечку изъ стекляной массы, работы Эмилля Галле, можно отдать десятокъ «монументальныхъ» картинъ историческаго или миѳологическаго содержанія. Но если новѣйшее декоративное искусство знаменуетъ важный шагъ въ исторіи искусства, то нельзя не сознаться, что оно такъ же мало народно, какъ севрскій и саксонскій фарфоръ

XVIII-го столѣтія. Правда, французы обязаны ему прелестными монетами въ 5 и 10 сантимовъ, которыя всякій любитель медалей съ удовольствіемъ поставитъ за стекло. Молодые мечтатели надѣются, что скоро и почтовыя марки будутъ носить художественный характеръ, но отсюда еще очень далеко до воспитанія народнаго вкуса *).

Другой, болѣе прямой путь воздѣйствія испробованъ въ такъ называемомъ «вечернемъ музеѣ», прототипомъ для котораго послужилъ также лондонскій South Kensington museum. Сущность этого проекта, близко примыкающаго къ задачамъ «народныхъ университетовъ», заключается въ томъ, чтобы предложить рабочему населенію въ вечерніе часы по возможности полную систему художественнаго образованія, уроки рисованія, черченія, лѣпки, популярные курсы по исторіи искусства, руководство въ различныхъ отрасляхъ прикладного искусства, причемъ центръ тяжести всей системы долженъ заключаться въ воспитаніи глаза на спеціально подобранныхъ коллекціяхъ образцовъ и репродукцій. Въ полномъ объемѣ этотъ проектъ впрочемъ не былъ осуществленъ,—для этого, за отсутствіемъ живого спроса со стороны широкихъ массъ, необходимы были бы жертвы англійскихъ или американскихъ милліардеровъ, а во Франціи они не склонны раскошеливаться. Но все-таки то, что можно было сдѣлать безъ капитальныхъ затратъ, было сдѣлано. Соотвѣтствующіе курсы и отдѣльныя лекціи, воскресныя экскурсіи по музеямъ подъ руководствомъ художниковъ и ученыхъ, практическое рисованіе и т. п. организуется то и дѣло различными группами и обществами. Нѣкоторые находятъ даже, что всего этого дѣлается слишкомъ много. «Всѣ мы устремляемся на этого наивнаго великана съ удивленными глазами и жадными ушами, который не знаетъ хорошенько, что отъ него хотятъ, или по крайней мѣрѣ имѣетъ объ этомъ очень неопредѣленное представленіе. Онъ смущенъ, это несомнѣнно. Я думаю, онъ даже немного усталъ отъ всего того, что ему кричатъ и показываютъ съ такимъ лихорадочнымъ пыломъ и усердіемъ. Его пичкаютъ конференціями, проповѣдями, чтеніями; его берутъ за руку, его заставляютъ ходить по разнымъ очень любопытнымъ «институтамъ», гдѣ наскоро развѣшано и положено подъ стекло такъ много, такъ много всякой всячины... его уговариваютъ, катехизируютъ, ему нельзя посмотрѣть ни направо, ни налѣво, ни впередъ безъ разрѣшенія. Бога ради, оставьте его въ покоѣ. Не нужно эстетическихъ лекцій, а главное не нужно «вечернихъ музеевъ». Дайте ему даровые рисунки, образцы, практическое и техническое руководство, иногда техническія лекціи, остальное онъ найдетъ самъ» **). Это не-

*) *Marius-Ary Leblond*. „Roger Marx, l'art décoratif et sa tendance social". („La Grande France", 1902, mars).

**) *Virgile Iosz* („Européen", 15 mars 1902 .

ожиданная апострофа, быть можетъ, не лишена основанія, если энтузіасты искусства хотятъ въ одинъ-два года достичь, чтобы для ихъ аудиторіи искусство стало такимъ же центральнымъ вопросомъ жизни, и если они, не умѣя передать своего энтузіазма, дѣлаютъ его немного смѣшнымъ. Но даже допустивъ, что такіе недостатки вкрадываются въ эстетическое воспитаніе народа, какъ всякое новое дѣло, воодушевленіе и нравственный подъемъ, охватившій интеллигентныхъ художниковъ, не можетъ пропасть даромъ. Зерна будутъ брошены въ давно заглохшую почву, а жизнь уже взраститъ тѣ изъ нихъ, которыя способны жить.

Вообще жизнь не считается съ добрыми намѣреніями и распоряжается ими по-своему. Такъ, напр., произошло съ молодымъ обществомъ подъ многообѣщающимъ именемъ «Искусство для всѣхъ». Эта вывѣска ясно выражаетъ его первоначальную цѣль. Фактически оно сдѣлалось союзомъ молодыхъ художниковъ, которые рѣшили поддерживать другъ въ другѣ инстинкты общественности, а главное желаютъ пополнить свое художественное образованіе и сознательно оріентироваться во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ искусствомъ. Другое интересное молодое общество «Collége d'esthètique moderne», съ которымъ намъ удалось ближе познакомиться, ставитъ себѣ также весьма широкую программу и самыя возвышенныя и отдаленныя цѣли. Артистъ, какъ и каждый человѣкъ, долженъ исполнять свой общественный долгъ, но для этого ему нельзя ограничиться отрывочными политическими функціями—подать голосъ, записаться въ лигу, подписать протестъ: «не побочными дѣйствіями, не случайными и мимолетными манифестаціями поэтъ (въ общемъ смыслѣ) воздѣйствуетъ на современность и содѣйствуетъ соціальному прогрессу, а только своею художественною дѣятельностью... Поэтъ—скульпторъ людей». Разумѣется, авторъ этихъ словъ (М. Леблонъ) былъ бы глубоко возмущенъ, если бы кто-нибудь понялъ его въ томъ смыслѣ, что онъ навязываетъ артисту общественныя тенденціи, какъ это слово понималось у насъ въ 60-хъ годахъ. Напротивъ, художникъ призывается къ величайшей свободѣ, къ эмансипаціи отъ рабства вкусамъ ограниченнаго класса: въ полной свободѣ творчества его достоинство и его соціальная роль. «Фидій такой же законодатель, какъ Солонъ или Моисей». Наполнить красотой жизнь во всѣхъ ея закоулкахъ, освѣтить и освятить всякую людскую дѣятельность, даже самую низкую, элементомъ искусство—такова должна быть задача истиннаго художника, такова цѣль названнаго общества, по словамъ другого инициатора его (Сенъ-Жоржъ де-Буэлье). Лучшіе представители литературнаго, художественнаго и политическаго міра сочувственно вступили въ учредительный комитетъ (comité de patronage), а молодые организаторы общества горячо работаютъ для его преуспѣванія. Однако, можетъ быть, отъ слишкомъ необъятныхъ

размѣровъ поставленной задачи, не всѣ части программы могутъ одинаково успѣшно проводиться. Въ маленькой квартирѣ общества происходятъ весьма интересныя конференціи (мы не разъ уже имѣли случай ссылаться на нихъ), устраиваются небольшія, но чрезвычайно цѣнныя выставки молодыхъ, талантливыхъ артистовъ, члены имѣютъ возможность извлекать изъ общества всѣ выгоды, какія представляетъ товарищеская организація, основанная на принципѣ прогресса и совмѣстной дѣятельности. Но самая многообѣщающая сторона программы—пропаганда и распространеніе красоты въ средѣ, которая до сихъ поръ была лишена ея, практически еще почти что не затронута, конечно, потому, что это самая трудная сторона задачи. Впрочемъ, общество существуетъ еще неполныхъ два года и имѣетъ всѣ шансы развитія. Въ цѣляхъ популяризаціи искусства имѣется въ виду предпринимать спеціальныя экскурсіи въ деревни, организовать народныя празднества художественнаго характера, давать народу истинно художественныя произведенія, напр., воздвигая скульптурные фонтаны, украшая общественныя зданія и т. п.

Для полноты слѣдуетъ указать еще на попытку (кажется, единственную пока) организовать дешевую продажу художественныхъ издѣлій. Въ одномъ изъ переулковъ Латинскаго квартала пріютилась маленькая лавочка (la maison de l'effort) гдѣ за самую ничтожную цѣну (начиная отъ *одного франка*) можно пріобрѣсти литографіи Стейнлена и Анри Ривьера, керамическія издѣлія Биго, тисненныя кожаныя издѣлія Александра Шарпантье, мебель, обои изящнаго стиля и т. п. Торговля эта основана, конечно, не на коммерческомъ разсчетѣ, а на чисто идейной подкладкѣ. Это именно и заставляетъ бояться за ея будущность. Отсутствіе организаціоннаго капитала замѣтно на первый взглядъ: выборъ предметовъ чрезвычайно ограниченъ, это, очевидно, пожертвованныя авторами произведенія; при этомъ они въ большинствѣ случаевъ обладаютъ какимъ-нибудь изъяномъ, не уничтожающимъ ихъ художественнаго характера, но не позволяющимъ пустить ихъ въ обычную продажу. Впрочемъ, и это начинаніе еще слишкомъ молодо, чтобы можно было предсказать что-нибудь опредѣленное относительно его будущаго.

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ замѣтны попытки въ одномъ и томъ же направленіи. Всѣ онѣ носятъ характеръ не окрѣпшихъ еще растеній, и кто знаетъ, сколькимъ изъ нихъ суждено погибнуть или измѣнить свой основной характеръ. Но самая одновременность ихъ появленія, а также все усиливающаяся литературная кампанія въ пользу ихъ цѣлей достаточно свидѣтельствуютъ объ органическомъ ихъ происхожденіи и соотвѣтствіи ихъ запросамъ времени. Первые шаги во всѣхъ движеніяхъ были связаны съ неудачами и разочарованіями, «но нужно всегда бороться такъ, какъ будто предстоитъ побѣда,—гово

ритъ Лагоръ,—бороться упорно и не взирая ни на что, по примѣру бойцовъ Трансвааля, этихъ великолѣпныхъ учителей энергіи».

VI.

Таковы усилія французскаго общества завоевать для искусства широкую массу цѣнителей. Но самое искусство, какъ всегда, шло впереди принципіальныхъ программъ, и давно уже замѣчаются разрозненныя попытки освободиться отъ гнета узкаго круга, имѣющаго претензію быть «свѣтомъ». Первымъ бунтомъ противъ этого самодовольнаго и пошлаго властелина въ пластикѣ были рисунки Домье (1808—1879). Съ уничтожающимъ сарказмомъ выводилъ онъ къ позорному столбу глупость, лицемѣріе, жадность и самомнѣніе буржуазіи. Это болѣе, чѣмъ веселая французская насмѣшка, какъ она воплощена, напр., въ чудныхъ шаржахъ его современника Гаварни. Безпощадная ненависть Домье имѣетъ что-то мефистофельское и напоминаетъ Вольтера. Онъ не желаетъ нравиться, онъ совершенно отказался отъ технической каллиграфіи, которую такъ любила и до сихъ поръ любитъ «порядочная» публика. Его угловатые, рѣзкіе контуры, рѣшительно набросанныя свѣтовыя и тѣневыя пятна безъ смягчающихъ полутоновъ, также какъ самое содержаніе его композицій, прекрасно выражаютъ презрѣніе къ тому, что о немъ могутъ подумать.

C'est un satirique, un moqueur;
Mais l' énergie avec laquelle
Il peint le mal et sa sequelle
Prouve la beauté de son coeur *).
(Baudelaire)

За нимъ идетъ Курбе (1819—1877). Онъ также безпощаденъ въ своей сатирѣ, такъ что нѣкоторыя его картины («Retour de la conférence») не допускаются на выставку не изъ эстетическихъ соображеній, подобно многимъ другимъ его произведеніямъ, а «какъ оскорбительныя для нравственности». Но онъ уже не довольствуется сатирой на господствующіе классы, а ищетъ внѣ ихъ новаго міра. Онъ становится художникомъ народнаго горя и твердо вѣритъ въ то, что народъ его пойметъ. Ему первому принадлежитъ формула, ставшая впослѣдствіи чуть не аксіомой: «реализмъ по самому существу есть демократическое искусство». Ему мелькала мысль, которая была осуществлена не имъ, украсить общественныя зданія (вокзалы) декоративною живо-

---

*) Онъ сатирикъ и насмѣшникъ; но энергія, съ которой онъ изображаетъ зло и всѣхъ его присныхъ, доказываетъ его прекрасное сердце.

писью. Но талантъ Курбе былъ слишкомъ порывистый, невыдержанный, чтобы онъ могъ привести въ ясность свои революціонныя тенденціи. Главною цѣлью, которую онъ преслѣдовалъ, было изводить буржуазную публику и доказывать міру свою геніальность. Вслѣдствіе полнаго отсутствія внутренней дисциплины, его творчество постоянно колебалось между крайностями: рядомъ съ порывами могучей самобытности, которая впрочемъ всегда оставалась рудиментарною и неотесанною, онъ неожиданно впадалъ вдругъ въ банальнѣйшую бездарность, которая отталкиваетъ еще больше, вслѣдствіе очевидной претенціозности и самодовольства. Онъ носилъ слишкомъ неизгладимый отпечатокъ богемы, чтобы быть близкимъ народу.

Рядомъ съ нимъ и совершенно независимо отъ него развился болѣе гармоническій и не менѣе самобытный талантъ, подошедшій гораздо ближе къ идеалу художника-демократа. Мы уже не разъ упоминали о немъ: это Милле (1814—1875). Совершенная противоположность Курбе по скромности, онъ ставилъ своему творчеству гораздо болѣе высокія задачи, чѣмъ собственное тщеславіе. Въ пониманіи жизни онъ сохранялъ скорбное смиреніе крестьянина, живущаго всю жизнь подъ гнетомъ людей и стихій. «Я признаюсь вамъ,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—рискуя опять прослыть за соціалиста, что въ искусствѣ меня трогаетъ болѣе всего человѣчная сторона, и если бы я могъ дѣлать то, что нравится, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать къ этому попытку, я бы не изображалъ ничего, что не было бы результатомъ впечатлѣнія отъ живой природы, будь то пейзажъ или фигуры». Это намекъ на критиковъ, которые, стоя на точкѣ зрѣнія Курбе, причисляли и Милле къ соціалистамъ, потому что онъ былъ реалистъ въ живописи. «Мнѣ никогда не бросается въ глаза радостная сторона (природы); я не знаю, гдѣ ее искать, я ее никогда не видѣлъ. Самое радостное, что мнѣ извѣстно, это тишина, безмолвіе, которымъ такъ чудно наслаждаться въ лѣсу или въ воздѣланныхъ мѣстахъ, хотя бы они не всегда были годны для этого... Вы сидите подъ деревьями, испытывая благодушіе и покой, какой только можно испытать; но вотъ на тропинкѣ показывается жалкая фигура, нагруженная вязанкой. Всегда неожиданная и поражающая воображеніе форма этой фигуры моментально переноситъ вашу мысль къ печальному условію человѣческой жизни—усталости.

«...Въ воздѣланныхъ мѣстахъ, хотя иногда трудно воздѣлываемыхъ, вы видите, какъ какія-то фигуры копаютъ заступомъ, мотыкой. Время отъ времени вы видите, какъ одна изъ этихъ фигуръ выпрямляется и вытираетъ лобъ изнанкой ладони. Въ потѣ лица будешь ѣсть хлѣбъ твой! Это ли та веселая, шутливая работа, въ которую нѣкоторые хотѣли бы заставить насъ вѣрить? Но именно въ этомъ заключается для меня истинная человѣчность, великая поэзія». «Я не философъ,—пишетъ онъ въ другой разъ,—я не хочу подавлять скорбь, не хочу

найти формулу, которая бы дала мнѣ стоицизмъ и равнодушіе. Скорбь придаетъ, быть можетъ, артистамъ наиболѣе сильную выразительность». «Нѣкоторые говорятъ мнѣ, будто я отрицаю прелесть деревни; я вижу въ ней гораздо болѣе, чѣмъ прелести,—безконечное великолѣпіе. Не хуже ихъ я вижу цвѣточки, о которыхъ Христосъ сказалъ: «Говорю вамъ, что Соломонъ во славѣ своей не былъ одѣтъ такъ, какъ любой изъ нихъ». Я очень хорошо вижу ореолы одуванчиковъ, я вижу, какое лучезарное сіяніе разливаетъ солнце тамъ, далеко за предѣлами земли, въ облакахъ. Но отъ этого я не хуже вижу на нивѣ пашущихъ лошадей, отъ которыхъ идетъ паръ, затѣмъ въ какомъ-нибудь скалистомъ уголкѣ тяжело дышащаго человѣка; съ утра слышны были его понуканія, теперь онъ старается выпрямиться, чтобы передохнуть. Драма окутана великолѣпіемъ,—это не моя выдумка, и давно уже сложилось выраженіе: стонъ земли...» *).

Въ этихъ простыхъ и искреннихъ признаніяхъ, все сбивающихся на оправданія, весь нравственный обликъ и все искусство Милле. Французская живопись можетъ указать не мало художниковъ, которые превосходятъ его талантомъ въ области красокъ, но ни у кого, кромѣ развѣ Пювисъ-де-Шаванна, благородная душа не выражалась такъ полно въ ихъ творчествѣ, ни для кого искусство не было въ такой мѣрѣ соціальнымъ долгомъ. При этомъ онъ не пропагандистъ, не зажигатель, а только исключительно художникъ: онъ ничего не доказываетъ, ничего не требуетъ, даже никого не винитъ, а только изображаетъ, потому что чувствуетъ потребность дать пластическую форму своему чувству. И зритель тѣмъ охотнѣе заражается чувствомъ художника, что послѣдній не навязываетъ ему никакихъ выводовъ, никакихъ идейныхъ ассоціацій,—они принадлежатъ уже самому зрителю. Милле настолько человѣкъ реальной жизни, что его интересуетъ не техническая трудность передачи изображаемаго явленія, а явленіе само по себѣ, но при этомъ онъ настолько художникъ, что въ явленіи его интересуетъ больше всего его пластическая форма. Такимъ образомъ, его произведенія, если бы они были собраны въ значительномъ количествѣ въ одномъ мѣстѣ, могли бы служить прекрасной эстетической школой для демократіи. Къ сожалѣнію, такой коллекціи, доступной публикѣ, нѣтъ: большинство его картинъ и рисунковъ разбросано по одиночкѣ или небольшими группами въ частныхъ рукахъ, такъ что значеніе его для французскаго народа почти пропадаетъ.

Милле былъ самостоятеленъ и одинокъ въ своемъ пониманіи отношеній между жизнью и искусствомъ, только въ преклоненіи передъ необъятною красотою природы отчасти примыкая къ современной ему школѣ великихъ французскихъ пейзажистовъ. Но такого органическаго сліянія съ народной жизнью нельзя указать ни у предшествен-

---

*) *Alfred Sensier* „La vie et l'oeuvre de J.-F. Millet", p. 1881.

никовъ, ни у послѣдователей Милле. Достойно быть отмѣченнымъ, впрочемъ, одно исключеніе. Недавно «Collège d'esthétique moderne» собрало полсотни картинъ и пастелей мало извѣстнаго художника Константэна Леру, который какъ по образу жизни, такъ и по направленію таланта представляетъ любопытную аналогію съ Милле. Онъ не подражатель великаго учителя. Его техника вполнѣ оригинальна, выработана на изученіи природы и, надо прибавить, достигаетъ высокихъ ступеней совершенства. Но не удивительно ли видѣть французскаго художника, прирожденнаго парижанина, который, подобно Милле, задыхается въ этомъ центрѣ культуры и искусства и бѣжитъ отъ салоновъ, премій, орденовъ, интригъ, рекламъ и ресторанной жизни въ тихую, никому невѣдомую, нормандскую деревню на берегу моря? Здѣсь онъ живетъ уже много лѣтъ въ полной матеріальной и духовной близости съ трудящимся людомъ, не переставая работать надъ любимымъ искусствомъ. И оно, также какъ у Милле, отражаетъ только окружающую жизнь,—жизнь природы въ чудныхъ поэтическихъ пейзажахъ, и жизнь людей въ сценахъ труда и домашнихъ заботъ. Также какъ у Милле, у Леру нѣтъ ни тѣни сентиментальной идеализаціи, какъ въ «пейзанахъ» Грёза, никакихъ революціонныхъ угрозъ и подчеркиваній, какъ у Курбе. И кто знаетъ? Быть можетъ, онъ не одинъ; быть можетъ, по разнымъ захолустьямъ Франціи уже немало такихъ безвѣстныхъ тружениковъ, которые лучше всякихъ конференцій подготовляютъ демократизацію искусства.

Но если прирожденный демократизмъ Милле не могъ найти широкаго распространенія, то, помимо его вліянія, интересъ къ народной жизни довольно сильно чувствуется во французскомъ искусствѣ последней четверти вѣка. При этомъ художники исходили изъ совершенно другого чувства: они открыли красоту мускульной работы, какъ пластическаго мотива. Принципъ классической эстетики требовалъ свободнаго движенія безъ усилія. Эта необходимая грація понемногу привела къ тому, что пластическимъ идеаломъ, особенно въ скульптурѣ, стала танцовщица, которая при самыхъ смѣлыхъ антраша не теряетъ обворожительной улыбки. Реакція этой изнѣженности была необходима. «Сколько разъ,—говорилъ недавно умершій (въ апрѣлѣ 1902) скульпторъ Жюль Далу, — я видѣлъ лицомъ къ лицу рабочихъ въ холщевой рабочей блузѣ (bourgeron), съ засученными рукавами, съ разстегнутымъ воротомъ и разстрепанными волосами. Я не знаю ничего прекраснѣе. И я не могъ противостоять искушенію дѣлать съ нихъ наброски». Сначала всѣмъ казалось смѣшно тратить на эти неуклюжія, угловатыя фигуры драгоцѣнный мраморъ, самою природою, казалось, предназначенный для боговъ и героевъ. Теперь фигура кузнеца съ обнаженною жилистою шеей и напряженнымъ бицепсомъ рискуетъ стать въ свою очередь академическимъ образцомъ. Но на своемъ пути отъ смѣлаго новшества до шаблона это направленіе сдѣлало свое дѣло.

художникамъ открылся цѣлый міръ, богатѣйшій рудникъ художественныхъ мотивовъ и источникъ новыхъ общественныхъ настроеній. Лермитъ, Бастіенъ-Лепажъ и др. въ своихъ картинахъ обнаружили серьезныя наблюденія крестьянской психологіи, а изъ скульпторовъ Конст. Менье (бельгіецъ) всецѣло посвятилъ свое искусство драматической жизни рудокоповъ и создалъ въ этой области группы необыкновенной силы.

Еще одинъ мотивъ интереса въ низшимъ классамъ, также чисто художественнаго характера, есть любовь артистовъ къ парижской уличной жизни. Парижская «улица» дѣйствительно представляетъ нѣчто совершенно исключительное, и неудивительно, что ее воспѣвали столько поэтовъ, начиная съ В. Гюго, кончая Аристидомъ Брюаномъ, какъ воспѣваютъ свою возлюбленную. Послѣ Парижа всякая уличная толпа другого большого города кажется мертвой. Въ Берлинѣ, въ Петербургѣ люди выходятъ на улицу только за тѣмъ, чтобы попасть изъ одного дома въ другой, и всякій старается сократить этотъ досадный перерывъ въ жизни. Есть, конечно, категорія публики, которая фланируетъ по Морской отъ 3—5, но на эту публику смотрѣть скучно,— такая она сонная и безличная. Парижъ на улицѣ живетъ.

T'es dans la ru', va, t'es chez toi.

«Ты на улипѣ, стало быть дома», и это сознаніе имѣютъ люди всѣхъ ранговъ и классовъ. Никто не стѣсняется проявлять свою индивидуальность. Выпачканный штукатуръ не крадется вдоль стѣнки со сконфуженнымъ видомъ, считая себя нарушающимъ благообразіе общественнаго мѣста; любой санкюлотъ сядетъ рядомъ съ джентльменомъ въ Люксенбургскомъ саду не изъ нахальства, а съ спокойнымъ сознаніемъ своего достоинства парижскаго гражданина,—это нѣчто вродѣ civis romanus: свои наблюденія люди не прячутъ про себя, а сообщаютъ сосѣду. Когда группа студентовъ или рабочихъ запоетъ пѣсню, это никому не кажется нарушеніемъ тишины и порядка. Всякій говоритъ полнымъ голосомъ и принимаетъ ту позу, которая соотвѣтствуетъ его настроенію. Замѣчанія и остроты слышатся на каждомъ шагу. Женщины нисколько не конфузливѣе мужчинъ: онѣ идутъ свободной походкой дѣловыхъ людей и не имѣютъ вида, будто вотъ-вотъ ожидаютъ какой-нибудь непріятности; нахальное замѣчаніе или непрошенная любезность не заставитъ ихъ покраснѣть и растеряться: онѣ сумѣютъ отбрить самаго назойливаго ловеласа.

Понятно, что для наблюдательнаго художника такая толпа представляетъ калейдоскопъ картинъ. Типы, группы, движеніе, позы, комическіе и драматическіе сюжеты — все это смѣняется непрерывнымъ потокомъ. Художниковъ парижской толпы очень много. На улипѣ родился импрессіонизмъ Мане (1832—1883): какъ не сдѣлаться импрессіонистомъ, если хочешь уловить хоть частицу всѣхъ мелькающихъ передъ глазами живописныхъ мотивовъ? Здѣсь развился талантъ цѣ-

лаго ряда современныхъ художниковъ-иллюстраторовъ *). Мы укажемъ только на одного Стейнлена, швейцарца по происхожденію, давно акклиматизовавшагося въ Парижѣ. «Съ первыхъ дней, — говоритъ онъ,—меня плѣнилъ этотъ уличный міръ, рабочіе и магазинные мальчики, прачки и нищіе, публичныя женщины и жулики. Еслибы, вмѣсто того, чтобы поселиться на Монмартрѣ (одинъ изъ наиболѣе демократическихъ кварталовъ Парижа), я попалъ въ районъ большихъ бульваровъ, я можетъ быть попробовалъ бы рисовать гладкихъ буржуа, разбогатѣвшихъ выскочекъ или милліонеровъ... да и то! Богатаго неинтересно изучать. Онъ въ общемъ всюду одинъ и тотъ же—въ Парижѣ, въ Нью-Іоркѣ или въ Петербургѣ. Народъ гораздо любопытнѣе. Да къ тому же мой темпераментъ привлекалъ меня къ меньшей братіи которая меня очень интересуетъ. Замѣчали ли вы также, что въ Парижѣ, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, сохранилась традиція профессіональнаго костюма. Плотникъ всегда одѣтъ плотникомъ, его можно узнать по внѣшности, также какъ жестянника, каменьщика и другихъ»... Всѣ эти разновидности и сотни подобныхъ имъ Стейнленъ закрѣпилъ навѣки въ мастерскихъ набросках, въ которыхъ ни на грошъ нѣтъ академической гладкости и законченности, но зато жизнь такъ и бьетъ ключомъ. Онъ не старается подогнать своихъ персонажей къ формамъ античной скульптуры, онъ даже чуть-чуть стилизируетъ ординарность курносыхъ модистокъ, неуклюжесть усталыхъ рабочихъ, тупость толстыхъ завсегдатаевъ дешевыхъ ресторановъ и жалкое безобразіе сиренъ демократическихъ бульваровъ. Они носятъ на себѣ явные слѣды всѣхъ бичей соціальной жизни, но художникъ любитъ этихъ людей именно потому, что они некрасивы, измучены и жалки, а вмѣстѣ съ тѣмъ жизнерадостны, увѣрены въ себѣ и задорно бросаютъ вызовъ всѣмъ, кто бы захотѣлъ взглянуть на нихъ свысока.

Таковы элементы демократическаго искусства во Франціи, демократическаго по сюжетамъ и направленію своихъ интересовъ. Можно ли, однако сказать, что это искусство будущаго, того будущаго, когда демократія перестанетъ уже быть объектомъ этнографическаго изученія со стороны интеллигентовъ, а пріобрѣтаетъ моральную силу культурныхъ потребителей искусства? Конечно, и теперь нѣкоторые художники этого направленія, особенно писатели пользуются симпатіей извѣстной части культурныхъ массъ, но едва ли можно сомнѣваться, что послѣднія цѣнятъ въ ихъ произведеніяхъ, главнымъ образомъ, матеріальное содержаніе, а эстетическая сторона доступна только интеллигентамъ. Иначе говоря, это не народное, а народническое искусство, разсказъ

*) Такъ какъ у насъ этотъ жанръ совсѣмъ не развитъ, то мы должны предупредить читателя, что художники, о которыхъ мы говоримъ, не имѣютъ ничего общаго съ бездарными поденщиками нашихъ иллюстрированныхъ журналовъ.

о народѣ для интеллигенціи. Придетъ время, когда оно сохранитъ лишь историческій интересъ. Слѣдуетъ внимательно оглянуться, нѣтъ ли и такихъ произведеній, интересъ къ которымъ не коренился бы въ классовомъ раздѣленіи общества, нѣтъ ли художниковъ, которые говорятъ чувству всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ говорить всѣмъ, когда масса достигнетъ извѣстнаго культурнаго уровня. Намъ кажется, что такіе художники въ видѣ одинокихъ исключеній существуютъ.

Имя Пювисъ-де-Шаванна (1824—1898) намъ приходилось уже не разъ упоминать. Онъ въ своихъ картинахъ никогда не касался соціальныхъ проблемъ; персонажи его въ большинствѣ случаевъ представляютъ просто людей въ тѣхъ чертахъ, которыя общи всѣмъ классамъ и даже почти всѣмъ временамъ. Но при этомъ онъ твердо настаивалъ на соціальной роли искусства и своего искусства въ частности. Онъ мечталъ о томъ синтезѣ пластическихъ искусствъ, за который В. Моррисъ одновременно съ нимъ ратовалъ въ Англіи, который когда-то осуществляли прерафаэлиты въ Италіи, который пытался осуществить въ другой области искусствъ Р. Вагнеръ.

Въ наше время все самое лучшее по возможности сносится въ музеи, гдѣ очень удобно изучать искусство, но гдѣ оно далеко не вызываетъ всей суммы радостныхъ эмоцій, на какую оно способно. Каждое художественное произведеніе, въ которое авторъ вложилъ столько упорной внутренней работы (только о такихъ и стоитъ говорить), требуетъ отъ зрителя, чтобы онъ на время сосредоточился на немъ всецѣло, чтобы онъ хоть отчасти возсоздалъ въ своей душѣ психическій процессъ, приведшій художника къ данной формѣ. Каждый художникъ, каждая картина требуетъ извѣстнаго психическаго состоянія, и никто не въ силахъ перестраивать себя сотни и тысячи разъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Возьмемъ одинъ только примѣръ. Посѣтитель Лувра останавливается передъ знаменитой картиной Делакруа, изображающей баррикады 1830 года. Теперь, а въ особенности для иностранца, эта картина можетъ казаться нѣсколько черезчуръ эффектною съ аллегорической фигурой свободы впереди сражающихся, но не трудно себѣ представить. что въ умѣ француза передъ нею понемногу всплываютъ реминисценціи тѣхъ знаменательныхъ дней и онъ ясно представляетъ себѣ, если и не переживаетъ горячій энтузіазмъ молодежи 30-хъ годовъ, къ которой принадлежалъ Делакруа. Рядомъ съ нею (не знаемъ, умышленно ли) повѣшенъ одинъ изъ лучшихъ пейзажей Коро, весь полный жемчужнымъ воздухомъ ранняго утра и счастливымъ настроеніемъ слиянія съ природой. Какую виртуозность въ управленіи своими чувствами нужно развить въ себѣ, чтобы послѣ революціоннаго энтузіазма почувствовать поэзію тихаго уголка на берегу озера, или обратно—послѣ идилліи на лонѣ природы не почувствовать ужаса и отвращенія передъ кровавыми дѣлами рукъ человѣческихъ! И каждый по опыту знаетъ, что онъ больше всего выноситъ

изъ посѣщенія картинной галлереи тогда, когда входитъ въ нее съ спеціальною цѣлью увидѣть одну любимую картину или одного художника, который больше подходитъ къ его душевному состоянію въ данный моментъ, а посѣтитель, «осматривающій» музей, полный величайшими сокровищами искусства, скользитъ равнодушнымъ взоромъ по сотнямъ картинъ, изъ которыхъ каждая при извѣстныхъ условіяхъ могла бы дать ему часъ глубокихъ эстетическихъ эмоцій.

Другое печальное для общества послѣдствіе нынѣшней формы художественнаго производства заключается въ томъ, что произведенія искусства, картины, статуи, созданныя какъ нѣчто цѣльное и законченное въ себѣ, получаютъ слишкомъ характеръ движимости, которую всякій богатый «любитель» можетъ спрятать, иногда на цѣлые вѣка, въ свой сундукъ или въ свой кабинетъ. Такимъ образомъ большинство геніальнѣйшихъ произведеній новаго времени испытываютъ участь памятниковъ разрушенныхъ культуръ: извѣстно, что они существовали, извѣстно, что они были прекрасны, извѣстно даже какой они имѣли видъ, но они погибли отъ войны, землетрясенія или частновладѣльческихъ правъ. Ни одинъ писатель не согласился бы продать свою рукопись за какую бы то ни было цѣну, если бы ей предстояло только прибавить одинъ номеръ къ коллекціи автографовъ г. X. и У. Но художники не видятъ ничего страннаго въ томъ, чтобы рождать прекрасныхъ дѣтей и отдавать ихъ въ жерву Минотавру. Пювисъ-де-Шаваннъ, какъ и В. Моррисъ, находилъ эту роль недостойною искусства. Послѣдній предлагалъ, а первый проводилъ въ жизнь реформу, которая возвращала искусству его прежній характеръ народнаго достоянія. Единственною цѣлью живописи, по мнѣнію Пювисъ-де-Шаванна, должно быть «оживленіе стѣнъ» общественныхъ зданій. «Внѣ этого никогда не слѣдовало бы писать картинъ больше, чѣмъ въ ладонь *). Такимъ образомъ живопись, правда, должна отказаться отъ роли самодовлѣющаго искусства и тщательно согласоваться съ архитектурой, стать въ рядъ другихъ «декоративныхъ» искусствъ и входить со всѣми ими въ союзъ для удесятереннаго совмѣстнаго воздѣйствія на душу зрителя. Такой «синтезъ» пластическихъ искусствъ, знакомый всѣмъ великимъ художественнымъ эпохамъ, парализовалъ бы оба неблагопріятныхъ условія современнаго состоянія: общество не теряло бы столько источниковъ художественныхъ радостей, и каждое художественное произведеніе было бы окружено средой, которая бы не убивала, а увеличивала интенсивность его дѣйствія. Исходя изъ подобныхъ идей, Пювисъ-де-Шаванъ былъ всегда глубоко несчастливъ, когда ему приходилось писать «комнатныя» картины за отсутствіемъ заказовъ на стѣнную живопись, и съ юношескимъ пыломъ отдавался трудной и сложной работѣ, когда ему удавалось заполучить такой за-

---

*) *Marius Vachon.* „Puvis-de-Chavannes", P. 1895.

казъ. Не его вина конечно, что архитектурные памятники, которые ему приходилось декорировать, далеко не всегда имѣли достаточно художественный характеръ, что другіе художники, работавшіе рядомъ съ нимъ, совершенно не желали сообразоваться съ общимъ смысломъ художественной задачи. Самымъ разительнымъ примѣромъ такой дисгармоніи можетъ служить парижскій Пантеонъ, заключающій лучшія работы Пювисъ-де-Шаванна—циклъ картинъ изъ жизни св. Женевьевы, покровительницы Парижа. Самое зданіе, очень внушительное по размѣрамъ и довольно благопріятное въ смыслѣ освѣщенія, по архитектурному стилю представляетъ обычную всѣмъ новѣйшимъ монументальнымъ постройкамъ подражательную банальность. Имѣя вполнѣ гражданское назначеніе—служить мѣстомъ погребенія величайшихъ людей Франціи—оно почему-то имѣетъ внѣшность церкви съ крестообразнымъ планомъ. По казенному виду, его можно было бы сравнить съ храмомъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Но еще хуже, что исполненіе стѣнныхъ картинъ внутри зданія, наряду съ Пювисомъ, было поручено нѣсколькимъ академическимъ бездарностямъ, которые и оказались вполнѣ на высотѣ своей скверной репутаціи. «Плевать мнѣ на стѣну!—говорилъ одинъ изъ нихъ.—Я буду писать въ своей обычной манерѣ».—«Если онъ плюетъ на стѣну, то стѣна его выплюнетъ», возражалъ на это Пювисъ-де-Шаванъ. И дѣйствительно, въ сосѣдствѣ съ послѣднимъ, невозможно смотрѣть безъ негодованія на черныя и коричневыя дыры, которыми они расписали отведенныя имъ стѣны, на холодно театральной академизмъ ихъ композицій и на полное отсутствіе у нихъ художественныхъ идей *).

Пювисъ-де-Шаванъ выработалъ себѣ совершенно своеобразный стиль въ зависимости отъ условій и задачъ стѣнной живописи. Вниманіе зрителя не должно разбиваться мелкими деталями, поэтому композиція должна заключать возможно болѣе простыя формы, необходимыя для выраженія идеи художника. Археологическія подробности обстановки данной эпохи, характеристика каждаго лица и возможное усиленіе его экспрессіи, словомъ весь ненужный хламъ академическихъ традицій онъ изгоняетъ окончательно: все это можетъ интересовать «знатоковъ», а зритель, для котораго работалъ Пювисъ, цѣнитъ только ясность, простоту и искренность художника. То же самое въ колоритѣ: не нужно гоняться за передачей всѣхъ цвѣтовыхъ пятенъ, какъ бы они ни были интересны сами по себѣ, потому что это пестритъ и темнитъ общій тонъ; не нужно рѣзкихъ контрастовъ свѣтовъ и тѣней, которыхъ нѣтъ въ природѣ на открытомъ воздухѣ. Картина должна состоять изъ немногихъ свѣтлыхъ и гармоничныхъ цвѣтовыхъ массъ, чтобы глазъ зрителя чувствовалъ радостное успокоеніе, независимо отъ

*) Исключеніе слѣдуетъ сдѣлать для нѣсколькихъ композицій Эмбера (Imbert), которыя не рѣжутъ глазъ даже въ сравненіи съ Пювисомъ.

содержанія композиціи. Любимые цвѣта Пювиса—бѣлый, голубой, фіолетовый. Но техника Пювиса не есть результатъ умышленнаго опрощенія изъ педагогическихъ соображеній. Художникъ самъ видитъ въ природѣ ея основныя формы, ту схему линій и цвѣтовъ, на которой всѣ остальныя подробности развиваются, какъ мелкія варіаціи. Это тѣ основныя качества, которыя подмѣчаетъ въ природѣ народная психологія и выражаетъ въ неизмѣнныхъ эпитетахъ своей поэтической рѣчи. У Гомера заря всегда «розоперстая», какъ въ русской народной пѣснѣ солнце красное, мѣсяцъ ясный или серебряный, а горы синія, какъ небо и море. Чтобы видѣть предметы въ такихъ общихъ очертаніяхъ, нужно смотрѣть на нихъ съ извѣстнаго отдаленія. Также издали или съ высоты смотритъ художникъ на жизнь человѣческую. Это не значитъ, что онъ презираетъ ее, какъ другіе «олимпійцы» и «парнассцы»; напротивъ, это позволяетъ ему игнорировать все ничтожное и преходящее и видѣть только одну вѣчную поэзію жизни, изъ-за которой только и стоитъ ею дорожить. Поэзія здороваго труда на пользу семьи («Времена года» въ парижскомъ Hôtel de ville), поэзія любви къ родинѣ и сммопожертвованія за нее («Ludus pro patria» и «Карлъ Мартеллъ» въ Марселѣ), поэзія чистаго мышленія и исканія истины (живопись въ главной аудиторіи Сорбонны) и поэзія дѣятельной любви къ ближнему (циклъ св. Женевьевы въ Пантеонѣ) таковы картины, которыя Пювисъ-де-Шаванъ видитъ сквозь густой туманъ обманчивыхъ видимостей, затемняющихъ истинное содержаніе жизни человѣчества. Это тотъ идеализмъ, котораго во всѣ вѣка искали народы въ искусствѣ, т.-е. художественная форма того идеала, который грезится имъ то въ миѳологическомъ золотомъ вѣкѣ, то въ утопическихъ и манящихъ воздушныхъ замкахъ «грядущаго града». Этотъ идеализмъ открываетъ искусству Пювисъ-де-Шавана далекія перспективы истинной популярности.

Пювисъ представляетъ самое крупное, но не единственное исключеніе среди общаго уровня французскаго искусства, разсчитаннаго или на грубый вкусъ платящаго кошелька, или на платоническое сочувствіе интеллигентныхъ избранниковъ. Мы не беремъ на себя задачи указать всѣхъ артистовъ, которые перешагнули за заколдованный кругъ классовыхъ и сектантскихъ предразсудковъ. Остановимся только на одномъ, который кажется намъ заслуживающимъ исключительнаго вниманія, какъ по высотѣ своего художественнаго таланта, такъ и по соціальному значенію своего искусства. Эженъ Карьеръ (род. въ 1849 г.) также, какъ Пювисъ и всѣ величайшіе художники (Делакруа, Курбе, Милле, Роденъ и Альберъ Бенаръ) ничего не получилъ отъ своихъ учителей и всего достигъ самостоятельнымъ трудомъ; такъ же, какъ большинстно изъ нихъ, онъ нескоро дождался успѣха: фортуна, вовсе не такая слѣпая, какъ о ней кричитъ молва, дала ему съ избыткомъ время укрѣпить свой талантъ и характеръ въ долгіе тяжелые годы

безвѣстнаго существованія настоящаго интеллигентнаго пролетарія и повернулась къ нему лицомъ лишь тогда, когда онъ былъ готовымъ человѣкомъ и художникомъ, когда онъ больше не подвергался опасности пострадать отъ избытка ея любезности. А школу жизни онъ прошелъ дѣйствительно долгую и тяжелую *), и единственно, что вносило въ его темную жизнь свѣтъ и надежду,—это любовь къ искусству и примитивная поэзія семейнаго очага. Въ тотъ періодъ, когда ему не на что было нанимать натурщиковъ, онъ много разъ дѣлалъ этюды своей жены и дѣтей въ не особенно блестящемъ освѣщеніи семейной лампы. Съ тѣхъ поръ материнская и дѣтская психологія во всевозможныхъ комбинаціяхъ и группахъ осталась любимою темою его картинъ; съ тѣхъ же поръ онъ полюбилъ темные фоны маленькихъ городскихъ квартиръ, въ густой атмосферѣ которыхъ глазъ тонетъ, какъ въ коричневой водѣ пруда, и даже человѣческія фигуры на первомъ планѣ обозначаются въ видѣ блѣдныхъ пятенъ лица и рукъ безъ ясныхъ контуровъ, безъ опредѣленныхъ цвѣтовъ. Искусство Карьера составляетъ какъ разъ противоположность искусству «plein air», оно гораздо однообразнѣе его въ смыслѣ чисто техническихъ проблемъ колорита, но оно въ высокой степени человѣчно. Нѣтъ такого слоя общества, которому бы не говорили ничего сюжеты вродѣ «Матери кормящей грудью ребенка», или «Матери у постели больного ребенка», или чудной картины въ Люксенбургскомъ музеѣ подъ названіемъ «Материнство»: простота и обыденность мотива только увеличиваетъ его глубину; мать держитъ на рукахъ младшаго ребенка, раздѣвая его передъ сномъ, а другой ребенокъ, постарше, протягиваетъ свою мордочку для прощальнаго поцѣлуя, не переставая болтать. Въ выраженіи лица матери, уже не первой молодости, въ привычной ласковости ея рукъ, чуднаго очертанія, такъ мало сентиментальности и такъ много истиннаго чувства, что Рембрандтъ не постыдился бы подписать этотъ холстъ. Это, конечно, семья самого художника, но подробности обстановки такъ тонутъ въ слабо освѣщенной комнатѣ, такъ отступаютъ передъ психологическимъ моментомъ, что всякій— горожанинъ и деревенскій житель, буржуа и пролетарій съ чувствомъ умиленія можетъ видѣть въ этой картинѣ символъ дорогихъ ему существъ и знакомыхъ ему ощущеній. Но сюжеты семейной жизни не исчерпываютъ интересовъ Карьера. Онъ также глубоко интересуется внѣшнимъ міромъ, ему близка психологія народа, онъ особенно принимаетъ къ сердцу задачи народнаго искусства (онъ, между прочимъ, былъ одинъ изъ иниціаторовъ «вечернихъ музеевъ»): на этой почвѣ родилась одна изъ замѣчательнѣйшихъ картинъ новаго французскаго искусства—это «Театръ въ Бельвилѣ **)» (одно изъ предмѣстій Па-

---

*) *Gabriel Séailles*. „Eugène Carrière, l'homme et l'artiste", p. 1901.

**) Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть оригинала, который находится

рижа). Передъ зрителемъ перспектива ближайшаго къ небу яруса маленькаго народнаго театра. Огни въ залѣ притушены, что даетъ художнику поводъ къ любимымъ его блѣднымъ свѣтовымъ пятнамъ, безъ рѣзкихъ контуровъ, среди темныхъ массъ. На первомъ планѣ видны только спины и затылки, на противоположной сторонѣ лицъ уже нельзя разглядѣть, но въ этихъ спинахъ, въ перегнувшихся черезъ рампу головахъ, въ напряженныхъ позахъ, выражено полное поглощеніе аудиторіи невидимымъ дѣйствіемъ на сценѣ: навѣрное, это какая-нибудь раздирательная мелодрама или патріотически-революціонная пьеса со штурмомъ Бастиліи. Было ли бы вниманіе этой аудиторіи менѣе напряжено, если бы передъ нею былъ король Лиръ или даже царь Эдипъ?

Мы не имѣли претензіи опредѣлить тѣ черты, которыми должны обладать произведенія искусства, чтобы имѣть право назваться общенародными. Мы не могли также предначертать тѣ пункты «общественнаго договора», на которыхъ долженъ быть заключенъ будущій союзъ между интеллигенціей и работающей массой. Для перваго не собрано достаточно матеріала. Что касается второго, то намъ кажется празднымъ занятіемъ предуказывать путь, какимъ должна идти исторія. Ограничимся тѣмъ, что намъ удалось собрать нѣсколько фактовъ, указывающихъ на стремленіе, отчасти сознательное, отчасти безсознательное, къ такому сближенію, по крайней мѣрѣ со стороны интеллигенціи. Будущность этого стремленія, несомнѣнно, зависитъ отъ того, встрѣтитъ ли оно такое же стремленіе съ противоположной стороны. Едва ли можно сомнѣваться, что потребность рабочихъ массъ въ высшей интеллектуальной культурѣ не можетъ родиться съ сегодня на завтра, что для этого потребуется, можетъ быть, работа цѣлыхъ поколѣній, и успѣхъ этой работы находится въ самой тѣсной связи съ успѣхомъ борьбы низшихъ классовъ населенія за улучшеніе своего матеріальнаго и нравственнаго существованія. Пока этотъ процессъ имѣетъ шансы привести къ желательнымъ результатамъ, до тѣхъ поръ интеллигенція можетъ не отчаяваться въ своихъ надеждахъ. Но уже теперь демократическое движеніе среди интеллигенціи привело ее если еще не къ матеріальному, то, во всякомъ случаѣ, къ нравственному выигрышу. Человѣкъ, который отказался отъ смѣшной претензіи быть квинтэссенціей человѣчества, а также отъ изолированнаго положенія на безплодныхъ необитаемыхъ вершинахъ, и вошелъ въ соприкосновеніе съ громаднымъ большинствомъ ближнихъ въ цѣляхъ совмѣстнаго стремленія къ болѣе человѣческому будущему, увеличилъ этимъ объемъ своей души,—величайшая побѣда, которой можетъ достигнуть нравственная личность.

Евгеній Дегенъ.

въ частныхъ рукахъ, но качество красокъ Карьера таково, что его картины сравнительно недурно передаются фотографіею.

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Народное хозяйство въ кіевской Руси.

Хозяйствомъ, какъ извѣстно, называется совокупность способовъ. и пріемовъ, какими люди обезпечиваютъ себѣ удовлетвореніе своихъ ближайшихъ, насущныхъ потребностей, потребностей въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и т. д. Въ хозяйственной или экономической дѣятельности человѣка различаются четыре отрасли: во-первыхъ, *добывающая промышленность*, простое, почти не сопровождаемое никакими особенными усиліями освоеніе даровыхъ силъ природы; во-вторыхъ, *сельское хозяйство*, отрасль промышленности, имѣющая въ виду искусственное добываніе новыхъ продуктовъ, не доставляемыхъ непосредственно природою; въ-третьихъ, *обрабатывающая промышленность*, состоящая въ переработкѣ продуктовъ добывающей промышленности и сельскаго хозяйства въ новый видъ, удобный для удовлетворенія человѣческихъ потребностей; наконецъ, въ четвертыхъ, *торговля* или *обмѣнъ*—хозяйственная дѣятельность, состоящая въ перемѣщеніи продукта отъ производителей къ потребителямъ.

Основнымъ вопросомъ исторіи народнаго хозяйства является вопросъ о томъ, какая отрасль промышленности преобладаетъ въ данный періодъ исторической жизни народа? Этимъ вопросомъ мы должны теперь задаться по отношенію къ кіевской Руси, т.-е. къ Россіи съ VI-го по XII-ый вѣкъ включительно.

Цѣлый рядъ несомнѣнныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ-источниковъ убѣждаетъ въ томъ, что *основною отраслью производства въ кіевскій періодъ русской исторіи была добывающая промышленность въ разныхъ ея видахъ.*

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль, 1903 г.

Важнѣйшимъ изъ этихъ видовъ добывающей промышленности является *охота* или *звѣроловство* и *птицеловство*. Свидѣтельства о первостепенномъ значеніи звѣроловства дошли до насъ еще отъ VII, VIII и IX-го вѣковъ. Кій, Щекъ и Хоривъ, по преданію, занесенному въ «Начальную лѣтопись», были звѣроловами; сѣверяне платили дань хозарамъ по шкурѣ бѣлки съ дыма; Олегъ, подчинивъ въ 883 году древлянъ, положилъ на нихъ дань по черной куницѣ съ дома; по словамъ арабскаго писателя Ибнъ-Хордадбе, жившаго во второй половинѣ IX-го вѣка, русскіе вывозили изъ своей страны мѣха выдры и черныхъ лисицъ, т.-е. продукты звѣроловства. Еще болѣе многочисленныя данныя объ охотѣ сохранились отъ X-го вѣка: въ 945 году Игорь, отпуская отъ себя византійскихъ пословъ, заключившихъ съ нимъ договоръ, одарилъ ихъ тѣмъ, чѣмъ самъ былъ богатъ, главнымъ образомъ, мѣхами; то-же самое обѣщала дать въ даръ византійскому императору княгиня Ольга при своемъ крещеніи въ Константинополѣ, ей же приписывается устройство княжескихъ «ловищъ», т.-е. приспособленій для звѣроловства, въ древлянской и новгородской землѣ и «перевѣсищъ», приспособленій для птичьей охоты, по Днѣпру и Деснѣ; древляне, осажденные Ольгой въ Коростѣнѣ, предлагали ей дань «скорою», т.-е. мѣхами; по словамъ Святослава, однимъ изъ главнѣйшихъ богатствъ Руси были мѣха; разсказывая подъ 975 годомъ о происхожденіи междуусобной борьбы между сыновьями Святослава, Ярополкомъ кіевскимъ и Олегомъ древлянскимъ, нашъ начальный лѣтописецъ указываетъ, что поводомъ къ этой борьбѣ было убійство Олегомъ Люта, сына Ярополкова воеводы Свѣнельда: Лютъ охотился, «ловъ дѣялъ», «гна звѣри въ лѣсѣ», и заѣхалъ при этомъ во владѣнія Олега. Арабскіе писатели X-го в.—Ибнъ-Даста, Ибнъ-Хаукаль, Аль-Истархи—говорятъ о вывозѣ русскими мѣховъ собольихъ, горностаевыхъ, бѣличьихъ. И въ XI вѣкѣ лѣтопись придаетъ охотѣ первостепенное значеніе, смотритъ на нее не какъ на забаву, а какъ на очень серьезное занятіе: напримѣръ, въ 1088 г. отмѣчено, что Всеволодъ «ловы дѣялъ звѣриные за Вышгородомъ»; въ краткой редакціи «Русской Правды», составившейся, какъ извѣстно, именно въ XI столѣтіи, находится постановленіе о уголовной карѣ за кражу охотничьяго пса, а также ястреба и сокола,—птицъ, употреблявшихся, несомнѣнно, для птичьей охоты. Даже XII-ое столѣтіе не ознаменовалось сколько нибудь замѣтнымъ ослабленіемъ хозяйственной важности охоты въ народномъ производствѣ. Чрезвычайно характерно уже то, что Владиміръ Мономахъ, этотъ живой идеалъ древнерусскаго князя, въ своемъ знаменитомъ «Поученіи» на ряду съ военными подвигами и дѣлами управленія ставитъ свою охотничью удаль и охотничьи удачи и упоминаетъ о ловчихъ соколахъ и ястребахъ, какъ важной статьѣ княжескаго хозяйства. Еще въ концѣ XII-го столѣтія князья отправлялись на охоту надолго, съ женами и дружиной: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать разсказъ Ипатьевской лѣтописи объ охотѣ Давида

Ростиславича и Святослава Ольговича въ 1180 году. Въ пространной «Русской Правдѣ» говорится объ охотѣ на бобровъ, и назначается наказаніе за порчу «перевѣса», устроеннаго для птичьей охоты. Въ церковномъ уставѣ новгородскаго князя Всеволода 1135 года упоминается «ловъ княжъ» и сборъ доходовъ архіепископомъ съ Заволочья «сорочками», т.-е. сороками мѣховъ; въ литературномъ памятникѣ XII вѣка, вопросахъ Кирика, говорится о ловлѣ птицъ силками. Въ концѣ этого столѣтія Варлаамъ Хутынскій далъ основанному имъ въ Новгородской области монастырю «ловища гоголиныя», т.-е. гагачьи. Наконецъ, по извѣстной жалованной грамотѣ князя Ростислава Мстиславича смоленской епископіи, данной въ 1150 г., епископъ получалъ съ жителей мѣха и имѣлъ «тетеревникъ». Таковы многочисленныя и разнообразныя свидѣтельства объ охотѣ въ кіевской Руси.

Не такъ многочисленны, но также очень вѣски свидѣтельства нашихъ источниковъ о другомъ видѣ добывающей промышленности въ кіевской Руси,—*пчеловодствѣ* или, какъ оно тогда называлось, бортничествѣ. Я уже говорилъ, что Игорь и Ольга въ X-мъ вѣкѣ давали грекамъ дары тѣмъ, чѣмъ сами были богаты, прежде всего мѣхами; теперь надо прибавить, что въ числѣ этихъ даровъ, по свидѣтельству лѣтописи, былъ и воскъ, продуктъ пчеловодства. Перечисляя предметы, которыми изобиловала въ его время русская земля, Святославъ наряду съ мѣхами называетъ медъ и воскъ. Медъ какъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ русскаго вывоза упоминается арабскимъ писателемъ X-го вѣка Ибнъ-Хаукалемъ. Другой арабъ того-же столѣтія, Ибнъ-Даста прямо говоритъ, что русскіе много занимаются пчеловодствомъ. И если нельзя сказать, что къ концу изучаемаго нами періода охота сдѣлалась менѣе важною отраслью промышленности, то это-же приходится повторить и о пчеловодствѣ. Въ XII-мъ вѣкѣ князья имѣли особые погреба или «медуши» съ громадными запасами меда; въ одномъ изъ такихъ погребовъ въ Путивлѣ хранилось, напр., 500 берковцевъ, т.-е. 5000 пудовъ меду. Ростиславъ смоленскій грамотою 1150 года передалъ епископу сборъ меда и далъ ему бортника. По уставной грамотѣ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича церкви св. Ивана на Опокахъ въ Новгородѣ существовало особое товарищество купцовъ- торговцевъ воскомъ. Наконецъ, въ пространной редакціи «Русской Правды» встрѣчаемъ рядъ статей о борти, пчелахъ и медѣ: назначенъ штрафъ за срубку бортнаго дерева, за уничтоженіе знака на борти, за перепахиваніе бортной межи, наконецъ за похищеніе пчелъ и меда.

Намъ остается отмѣтить важное значеніе третьяго вида добывающей промышленности, *рыболовства*. Археологическія раскопки даютъ несомнѣнныя указанія на рыболовныя занятія народа въ видѣ остатковъ рыбьихъ костей, рыболовныхъ крючковъ, удочекъ, острогъ, грузилъ для сѣтей. По договору Игоря съ греками русскимъ разрѣшилось ловить рыбу въ устьѣ Днѣпра. Въ «Русской Правдѣ»—краткой и про-

странной—говорится о полученіи двумя должностными лицами—вирникомъ и городникомъ—въ постъ съ населенія въ видѣ корма рыбы. Въ половинѣ XII-го в. смоленскій епископъ получилъ отъ князя Ростислава рыбныя ловли въ Торопцѣ. Тогда же, наконецъ, св. Антоній Римлянинъ купилъ «рыбную ловитву» на Волховѣ, а Варлаамъ Хутынскій далъ рыбныя ловли въ основанный имъ монастырь.

Изъ другихъ видовъ добывающей промышленности встрѣчается упоминаніе лишь о *солевареніи* и то лишь въ XII вѣкѣ и притомъ на крайнемъ сѣверѣ: именно уставная грамота данная новгородскому Софійскому собору княземъ Святославомъ Ольговичемъ въ 1137 году, опредѣляетъ доходъ съ соляныхъ варницъ «на мори отъ чрена и отъ салгы по пузу» (чренъ или ценъ—сковорода, а салга—котелъ для выварки соли; пузъ—мѣшокъ соли въ 2 четверика).

Я съ намѣреніемъ остановился такъ подробно на документальномъ обоснованіи той мысли, что добывающая промышленность играла первостепенную, опредѣляющую роль въ хозяйственной жизни кіевскаго періода русской исторіи: дѣло въ томъ, что многіе изслѣдователи недостаточно высоко цѣнятъ эту роль, склонны приписывать другимъ отраслямъ производства не меньшее, иногда даже бо̀льшее значеніе.

Это довольно часто дѣлается по отношенію къ *сельскому хозяйству* и, главнымъ образомъ, къ тому его виду, который называется *земледѣліемъ*. Утверждаютъ, что восточные славяне уже въ VII и VIII вѣкахъ были совершенно земледѣльческимъ народомъ, что земледѣліе было основнымъ ихъ занятіемъ. Присмотримся внимательнѣе къ нашимъ источникамъ чтобы правильно оцѣнить это мнѣніе и составить себѣ вѣрное понятіе о предметѣ. Нѣтъ, конечно сомнѣнія, что славяне въ періодъ ихъ разселенія изъ Прикарпатскаго края—въ VI, VII и VIII вѣкахъ—знали земледѣліе: по извѣстію византійскаго писателя, императора Маврикія, у славянъ того времени было много проса и пшеницы; въ сѣверянскихъ и полянскихъ могильникахъ археологами отрыты зерна ржи, ячменя, пшеницы и гречихи, а также такое земледѣльческое орудіе, какъ серпъ. Но *существованіе* земледѣлія и его *господство*—не одно и то же, и какъ разъ приходится признать, что земледѣліе не господствовало не только въ эти столѣтія, но и позднѣе. Это явствуетъ изъ того, что, какъ мы только что видѣли, въ числѣ хозяйственныхъ благъ, составлявшихъ главное богатство Руси, ни разу не называется хлѣбъ, а упоминаются только продукты добывающей промышленности—мѣха, медъ и воскъ. Это уполномочиваетъ насъ не ставить земледѣліе въ кіевской Руси въ одинъ рядъ съ охотой и пчеловодствомъ. Въ чемъ можно быть въ этомъ отношеніи увѣреннымъ, это въ томъ, что и тогда уже русскіе не нуждались въ привозномъ хлѣбѣ, потому что имъ хватало своего. Въ самомъ дѣлѣ, въ источникахъ IX, X, XI и XII вѣковъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на земледѣльческія занятія населенія. Въ IX вѣкѣ упоминается «рало», т.-е.

плугъ, у радимичей, въ X, при Святославѣ и Владимірѣ, у вятичей; въ правленіе Ольги встрѣчаемъ извѣстіе, что древляне «дѣлали нивы своя», но въ то же время арабскій писатель Ибнъ-Даста сообщаетъ, что славяно совершенно не имѣли пашенъ; впрочемъ, эти слова надо понимать, разумѣется, въ томъ смыслѣ, что земледѣліе было второстепеннымъ занятіемъ славянъ, тѣмъ болѣе, что ниже самъ же Ибнъ-Даста прибавляетъ, что они «болѣе всего сѣютъ просо». Можно, впрочемъ, замѣтить, что XII столѣтіе—послѣдній вѣкъ изучаемаго періода—ознаменовалось значительными успѣхами земледѣлія, повысившими его экономическое значеніе. Это видно, прежде всего, изъ извѣстнаго лѣтописнаго разсказа о съѣздѣ князей у Долобскаго озера въ 1103 году: здѣсь дружина Святополка указываетъ на неудобство похода на половцевъ весной, когда смерды или крестьяне заняты полевыми работами; стало быть, земледѣліе разсматривается, какъ одно изъ обычныхъ и важныхъ занятій народа. Затѣмъ, въ лѣтописяхъ XII вѣка находимъ свидѣтельства о посѣвахъ пшеницы, овса и проса; у одного сѣверскаго князя было однажды захвачено 900 стоговъ жита. Въ «Житіи св. Ѳеодосія» упоминаются рожь, ленъ, макъ, въ «Патерикѣ Печерскомъ», т.-е. собраніи житій святыхъ подвижниковъ Кіево-Печерской лавры,—горохъ. Наконецъ, въ «Русской Правдѣ» говорится о ратайномъ (т.-е. земледѣльческомъ) старостѣ или тіунѣ, о ролейномъ закупѣ или земледѣльческомъ рабочемъ, о ролейной или пашенной межѣ, о хлѣбѣ, пшенѣ, житѣ, солодѣ, горохѣ, овсѣ, о хозяйственныхъ приспособленіяхъ, необходимыхъ для земледѣлія,—гумнѣ и ямѣ, гдѣ хранилось жито; наконецъ, о земледѣльческихъ орудіяхъ—боронѣ и плугѣ.

Не всѣ изслѣдователи придаютъ надлежащее значеніе другому виду сельскохозяйственной промышленности—*скотоводству*: нѣкоторые считаютъ его менѣе важнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Первыя дошедшія до насъ указанія на важность скотоводства у русскихъ относятся къ X вѣку: они заключаются въ свидѣтельствѣ Ибнъ-Дасты и въ лѣтописномъ извѣстіи о бывшемъ у Олега «старѣйшинѣ конюхомъ»: если были конюхи и надъ ними старшій, то были, очевидно, и большія стада. Гораздо обильнѣе данныя XI и XII вѣковъ. Особенно часты указанія на княжескія стада, иногда чрезвычайно многочисленныя: въ 1087 г. упоминаются стада Ярополка Изяславича волынскаго, въ 1145 г. конскій табунъ изъ 4.000 головъ, принадлежавшій черниговскимъ Ольговичамъ, въ 1149 г. встрѣчаемъ извѣстіе о стадѣ Изяслава Мстиславича, въ 1158 г.—Андрея Боголюбскаго, въ 1169 году—Мстислава. Но всего важнѣе въ данномъ вопросѣ «Русская Правда». Въ этомъ источникѣ упоминаются почти всѣ виды домашняго скота, извѣстные и въ настоящее время—лошади, быки, коровы, волы, телята, овцы, бараны, козы, свиньи, поросята, отмѣчается существованіе конюховъ и даже тіуновъ конюшихъ, говорится о стадѣ, наконецъ—что́ особенно—цѣнно—указаны цѣны на скотъ: переводя эти

цѣны на наши деньги, находимъ, что хорошую рабочую лошадь можно было купить въ XI и XII вѣкахъ за 14—16 рублей, вола за 7—8 рублей, корову за 5—6 руб. съ чѣмъ-нибудь; овца стоила отъ 40 до 80 коп., какъ и баранъ, и поросенокъ. Цѣны все очень низкія, что́ указываетъ на большое количество скота въ то время, т.-е. на важность скотоводства. Это и не удивительно: по своей экономической природѣ скотоводство несравненно ближе къ добывающей промышленности, чѣмъ земледѣліе, а это обстоятельство, разумѣется, содѣйствовало болѣе сильному развитію скотоводства.

Зато очень слабо развитымъ надо признать третій видъ сельскохозяйственной промышленности—*птицеводство*. Въ «Русской Правдѣ» встрѣчаются указанія на прирученныхъ и обученныхъ голубей, куръ, утокъ, гусей, журавлей, лебедей, но вся эта птица цѣнится непомѣрно дорого: голубь отъ 1 р. 25 к. до 2 р. 90 к., столько же стоила курица; утка, гусь, журавль, лебедь оцѣнивались въ 4 р. 20 к.—4 р. 80 коп. на наши деньги. Очевидно, все это было большой рѣдкостью въ хозяйственномъ обиходѣ нашихъ предковъ кіевскаго періода.

Вопреки мнѣнію многихъ археологовъ, *обрабатывающая промышленность* кіевской Руси была совершенно ничтожна сравнительно даже съ сельскимъ хозяйствомъ, не говоря уже о преобладавшей въ то время добывающей промышленности. Прежде всего надо замѣтить, что, по археологическимъ даннымъ, лишь въ курганахъ X и XI вѣковъ, не ранѣе, можно найти остатки издѣлій, которымъ можно было бы хотя бы съ нѣкоторою вѣроятностью приписать мѣстное происхожденіе: такъ въ древлянскихъ и полянскихъ могильникахъ встрѣчаются глиняныя ожерелья и сосуды, желѣзныя части плуга, серпы, косы, молоты, гвозди, ножи, замки, ключи, стрѣлы и, что главное—каменныя формы для металлическаго литья; попадаются также остатки шерстяныхъ тканей и холста. Все это, однако, не отличается особеннымъ обиліемъ, хотя и указываетъ на существованіе промысловъ гончарнаго и металлическаго, а также на производство шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій. Мы имѣемъ впрочемъ указанія на эти отрасли обрабатывающей промышленности и въ памятникахъ письменности: подъ 992 г. въ новгородской лѣтописи встрѣчается извѣстіе о гончарномъ производствѣ близъ Новгорода; о «своихъ толстинахъ», т.-е. парусахъ изъ грубаго холста, у русскихъ говоритъ «Начальная лѣтопись» въ разсказѣ о походѣ Олега на Константинополь; по «Патерику Печерскому», монахи «копытца (т.-е. чулки) плетяще и клобуки (т.-е. шапки)», а Ѳеодосій пряль волну «на сплетеніе копытцамъ»; Ибнъ-Даста сообщаетъ, что русскіе выдѣлывали стрѣлы, щиты и копья. Мало того: мы имѣемъ свѣдѣнія о производствѣ на Руси X вѣка деревянныхъ, кожаныхъ и даже золотыхъ и серебряныхъ издѣлій: такъ, по Ибнъ-Фадлану и лѣтописи, выдѣлывались деревянныя изображенія идоловъ, причемъ Перунъ былъ съ серебряной головой и золотыми усами; по словамъ византійскаго импе-

ратора Константина Багрянороднаго, выдѣлывались деревянныя лодки; подъ 992 годомъ въ начальную лѣтопись занесено преданіе о силачѣ-кожемякѣ Янѣ Усмошвецѣ; Владиміръ Святой велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки для своей дружины. Но наряду со всѣмъ этимъ есть несомнѣнные признаки слабости обрабатывающей промышленности: напр., Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что русскіе покупали такое примитивное гончарное издѣліе, какъ зеленыя бусы изъ глины, и очень дорого притомъ ихъ цѣнили; по словамъ Ибнъ-Дасты, подтверждаемымъ и археологическими данными, кромѣ стрѣлъ, щитовъ и копій все остальное оружіе было привозное; а развѣ не доказываетъ разсказъ о замѣнѣ Владиміромъ деревянныхъ ложекъ серебряными, что послѣднія были рѣдкостью даже при княжескомъ дворѣ? Можно только замѣтить то-же, что въ свое время было сказано о земледѣліи: къ концу періода, въ XII вѣкѣ, обрабатывающая промышленность сдѣлала нѣкоторые успѣхи, гораздо менѣе впрочемъ значительные, чѣмъ земледѣліе: въ XII столѣтіи новгородцы извѣстны были, какъ искусные плотники; производство лодокъ изъ дерева достигло нѣкотораго разнообразія: въ «Русской Правдѣ» различаются морская ладья, цѣнившаяся въ 24 р., набойная цѣною въ 16 руб., челнъ—около 3 руб. и стругъ, цѣнившійся въ 8 руб. на наши деньги; одинъ изъ печерскихъ подвижниковъ Исаія носилъ «свиту вотоляну», т.-е. сшитую изъ собственноручно сотканнаго холста или вотолы; по грамотѣ Ростислава 1150 года, торопчане доставляли смоленскому епископу скатерти и убрусы (платки); лѣтописи указываютъ на запасы желѣза и мѣди у князей XII вѣка и на существованіе кузнецовъ въ Кіевѣ и Курскѣ; къ XII столѣтію относится первое упоминаніе о русскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерахъ: Лазарь Богша сдѣлалъ крестъ св. Евфросиніи Полоцкой, а въ Новгородѣ въ 1200 г. названъ Страшко *серебряникъ*. Наконецъ, въ Кіевѣ найденъ драгоцѣнный кладъ, принадлежавшій, повидимому, кому-либо изъ княжеской семьи и свидѣтельствующій объ успѣхахъ золотого и серебрянаго дѣла, а также и ювелирнаго искусства: тутъ встрѣчаются діадемы, кольца, серьги и рядъ предметовъ съ изображеніями, украшенными перегородчатой эмалью. Этотъ кладъ относится къ самому концу XII вѣка.

Намъ остается теперь разсмотрѣть очень сложный вопросъ о *торговлѣ* въ кіевской Руси. Этотъ вопросъ тѣмъ сложнѣе и важнѣе, что нѣкоторые очень авторитетные изслѣдователи склонны приписывать *внѣшней* торговлѣ кіевскаго періода первостепенное значеніе. И на первый взглядъ кажется, что такое мнѣніе подтверждается нашими источниками. Въ самомъ дѣлѣ: у насъ нѣтъ недостатка въ свидѣтельствахъ о торговыхъ сношеніяхъ Руси съ азіатскимъ востокомъ, Византіей и нѣмцами, главнымъ образомъ съ островомъ Готландомъ. Торговля съ арабами и хозарами началась, несомнѣнно, еще въ VIII вѣкѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ найденные клады съ серебряными арабскими

монетами-диргемами, самыя раннія изъ которыхъ относятся къ послѣднимъ годамъ VII вѣка, не мало монетъ VIII столѣтія, но особенно много диргемовъ, чеканенныхъ въ IX и X вѣкахъ, потому что этотъ періодъ былъ временемъ наиболѣе оживленныхъ торговыхъ сношеній между Русью и азіатскимъ востокомъ. Отъ IX и X столѣтій уцѣлѣли и литературныя извѣстія объ этой торговлѣ: арабскій писатель второй половины IX вѣка Ибнъ-Хордадбе разсказываетъ, что русскіе торгуютъ съ хозарами въ ихъ столицѣ Итилѣ при устьѣ рѣки Волги, что они ѣздятъ къ юго-восточной части Каспійскаго моря, иногда доставляютъ свои товары на верблюдахъ даже въ Багдадъ. О такихъ же торговыхъ связяхъ говорятъ въ X вѣкѣ Ибнъ-Фадланъ, Аль-Масуди, Аль-Истархи и Ибнъ-Хаукаль. Но уже въ XI вѣкѣ, съ паденіемъ хозарскаго царства и торжествомъ половцевъ въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ, торговля съ арабами слабѣетъ и, наконецъ, совершенно прекращается, потому что половцы перерѣзываютъ и уничтожаютъ существовавшій раньше путь для этой торговли, такъ называемый *залозный*, т.-е., какъ обыкновенно объясняютъ, проходившій за лозами или камышами берега Днѣпра и поворачивавшій затѣмъ на востокъ.

Тотъ же Ибнъ-Хордадбе оставилъ намъ извѣстіе о торговлѣ Руси съ Византіей въ IX вѣкѣ. Наша лѣтопись подтверждаетъ это косвенно разсказомъ о походѣ на Царьградъ утвердившихся въ Кіевѣ Аскольда и Дира, которые были, по словамъ патріарха Фотія, раздражены умерщвленіемъ въ Константинополѣ своихъ соплеменниковъ. Очевидно, эти соплеменники попали въ Византію съ торговыми цѣлями. Временемъ расцвѣта торговли съ Византіей надо считать X вѣкъ, отъ котораго сохранился въ этомъ отнощеніи цѣлый рядъ извѣстій: объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ русскихъ съ греками въ X столѣтіи свидѣтельствуютъ арабъ Ибнъ-Хаукаль, наша начальная лѣтопись, сохранившая извѣстія о походахъ Олега, Игоря и Святослава и даже текстъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ этими князьями съ Византіей, наконецъ, византійскій императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи имперіей». Торговыя связи съ греками поддерживались и позднѣе, въ XI вѣкѣ, когда для защиты интересовъ русскаго купечества былъ предпринятъ походъ сыномъ Ярослава Мудраго, Владиміромъ, и въ XII столѣтіи, что доказывается уцѣлѣвшими въ нѣкоторыхъ русскихъ кладахъ византійскими монетами того времени. Въ Византію велъ такъ называемый греческій путь,—это извѣстный уже намъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное.

Наконецъ, о торговлѣ съ нѣмецкимъ западомъ, съ Ригой и главнымъ образомъ съ островомъ Готландомъ свидѣтельствуютъ клады IX, X и XI вѣковъ съ западными монетами, извѣстными въ кіевской Руси подъ именемъ шляговъ, сообщеніе Ибнъ-Фадлана въ X вѣкѣ и сохранившійся до нашего времени мирный торговый договоръ новгород-

цевъ съ о. Готландомъ, заключенный въ 1195 году. Торговая дорога здѣсь шла, во-первыхъ, черезъ великій водный путей по Балтійскому морю, во-вторыхъ, по Западной Двинѣ. Можно еще замѣтить, что существовалъ соляной путь въ Галицію, изъ копей которой, по Патерику Печерскому, привозилась въ XI вѣкѣ соль въ Кіевъ.

Предметами русскаго вывоза были, по единогласному свидѣтельству всѣхъ источниковъ, мѣха, медъ, воскъ и рабы. Ввозились на Русь оружіе, металлическія издѣлія, шелковыя матеріи, вина, плоды, разнаго рода украшенія изъ серебра и глины и, наконецъ, монета: арабскіе диргемы, византійскіе солиды, или «золотники», и нѣмецкіе шляги.

Но вся эта многочисленность и обстоятельность свидѣтельствъ источниковъ о внѣшней торговлѣ вовсе не указываетъ на то, что эта торговля была господствующею отраслью производства въ кіевской Руси, а убѣждаетъ лишь въ томъ, что она была замѣтнымъ явленіемъ въ хозяйственной жизни страны, имѣла не первостепенное, но все же значительное вліяніе. Что внѣшняя торговля не играла первенствующей экономической роли въ кіевскій періодъ,—въ этомъ легко убѣдиться, анализируя внимательно два важнѣйшихъ по данному вопросу источника—разсказъ Константина Багрянороднаго и договоры Олега и Игоря съ греками. Съ наступленіемъ зимы, разсказываетъ Константинъ Багрянородный, русскій князь и его дружина отправляются изъ Кіева по подвластнымъ князю славянскимъ племенамъ за сборомъ дани, рѣдко состоявшей изъ денежныхъ платежей, а слагавшейся почти исключительно изъ натуральныхъ продуктовъ, какими изобиловала страна: мѣховъ, меду и воску. Вся зима проходила въ этомъ трудномъ, подчасъ и опасномъ объѣздѣ, такъ называемомъ «полюдьѣ». Весной князь съ дружиной возвращались въ Кіевъ съ собранною данью. Къ этому времени приготовлялись лодки, которыя оснащивались, нагружались всѣмъ тѣмъ, чтó было собрано въ видѣ дани, и спускались подъ охраной вооруженныхъ купцовъ Днѣпромъ и Чернымъ моремъ въ Византію. Чтó было въ Византіи,—объ этомъ сообщаютъ намъ договоры Олега и Игора съ греками: по пріѣздѣ туда, послы, т.-е. торговые приказчики князей и ихъ дружинниковъ, и гости, т.-е. частные торговцы, представляли греческому правительству опись всѣхъ кораблей и людей, прибывшихъ въ Царьградъ, составленную кіевскимъ правительствомъ; они останавливались у св. Мамы (на мѣстѣ, гдѣ былъ прежде монастырь св. Мамонта), получали отъ грековъ мѣсячное содержаніе и снабжались при отъѣздѣ пищей, питьемъ и оснасткой кораблей. Зимовать у св. Мамы русскіе права не имѣли. Всѣ эти данныя, достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ, что внѣшняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имѣющими первостепенную важность чертами: во-первыхъ, торговая дѣятельность была занятіемъ исключительно однихъ общественныхъ верховъ, князей, ихъ дружин-

никовъ и небольшой группы состоятельныхъ горожанъ, масса же населенія не принимала въ ней никакого участія, потому что не продавала, а отдавала даромъ, въ видѣ дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторыхъ, внѣшняя торговля въ дѣйствительности не затрогивала и настоятельныхъ, насущныхъ, необходимо требовавшихъ удовлетворенія потребностей даже этихъ руководившихъ ею высшихъ классовъ населенія: все необходимое они получали натурой, отправляя на внѣшній рынокъ лишь избытки и вымѣнивая тамъ только предметы роскоши. Въ сущности мы наблюдаемъ здѣсь не торгово-промышленный круговоротъ, а отчужденіе продуктовъ, доставшихся даромъ, безъ затраты капитала, безъ предпринимательскихъ заботъ и безъ торговой эксплуатаціи производителей хозяйственныхъ благъ. Слѣдовательно, глубины народнаго производства оставались нетронутыми внѣшнею торговлей, по существу народное хозяйство кіевской Руси было чисто *натуральнымъ*, т.-е. такимъ, при которомъ почти каждый работаетъ только на себя и на свою семью, а не для продажи. А если такъ, то можно ли признать внѣшнюю торговлю основною отраслью народнаго хозяйства въ кіевскій періодъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный.

Господство натуральнаго хозяйства выступаетъ на видъ еще явственнѣе при изученіи торговли *внутренней*. Наши источники ясно показываютъ, что эта торговля въ кіевской Руси существовала, главнымъ образомъ, въ видѣ продажи небольшого количества продуктовъ на сосѣднемъ базарѣ. Въ этомъ, очевидно, смыслѣ надо понимать извѣстный разсказъ новгородской лѣтописи о томъ, какъ, во время низверженія идола Перуна въ Волховъ, житель подгороднаго Пидебскаго погоста везъ горшки на продажу въ Новгородъ и оттолкнулъ идола отъ берега, къ которому онъ было присталъ. То же можно наблюдать и по «Патерику Печерскому», въ которомъ разсказывается о продажѣ монахами на кіевскомъ базарѣ собственноручно связанныхъ ими шерстяныхъ «копытцовъ», т.-е. чулокъ, и такихъ же «клобуковъ» или шапокъ. «Торгъ», упоминаемый въ «Русской Правдѣ», равно какъ и торги въ Кіевѣ, Курскѣ, Торопцѣ и Новгородѣ, о которыхъ говорятъ другіе источники, не что иное, очевидно, какъ именно такіе мѣстные базары, обслуживавшіе очень незначительный окрестный районъ. Но особенно характерны въ этомъ отношеніи статьи пространной «Русской Правды», трактующія о такъ называемомъ «сводѣ». Одна изъ этихъ статей гласитъ: «Если кто-либо узнаетъ свое потерянное или украденное имѣніе, коня-ли, или оружіе, или скотину, то не говорить ему: «это мое», но говорить: «пойди на сводъ, гдѣ взялъ»; сведитесь, и кто будетъ виноватъ, на того падетъ обвиненіе въ воровствѣ». Въ другой статьѣ читаемъ: «Если въ одномъ городѣ, то идти истцу до конца того свода; если сводъ будетъ по области, тянущей къ этому городу, то идти ему до третьяго свода; за наличное этому третьему

платить деньгами, а съ наличнымъ идти до конца свода». Наконецъ, третья статья свидѣтельствуетъ: «А изъ своего города въ чужую область свода нѣтъ». Такимъ образомъ, въ случаѣ находки кѣмъ-либо пропавшей у него вещи въ рукахъ у другого, этотъ послѣдній былъ обязанъ указать лицо, у котораго имъ пріобрѣтена спорная вещь; лицо, имъ указанное, въ свою очередь, должно было указать продавца и т. д. Это и называлось сводомъ. Но уже тогда, когда сводъ переходилъ изъ города въ его область, онъ сокращался: истецъ шелъ только до третьяго свода; третій продавецъ платилъ истцу деньгами, а затѣмъ сводъ продолжался до конца. Это, конечно, можно объяснить стремленіемъ облегчить положеніе истца, лица, потерявшаго вещь и затѣмъ нашедшаго ее въ рукахъ другого, но уже въ этомъ постановленіи нельзя не видѣть и другой стороны дѣла: при переходѣ свода изъ города въ область третій продавецъ терпѣлъ убытокъ, уплачивая деньги,—очевидно, на него падало нѣкоторое подозрѣніе. Почему? Потому, конечно, что случаи такихъ продажъ въ области были рѣдки. Но особенно замѣчательно, что сводъ въ чужую землю, въ область другого города прямо не допускался: очевидно, такая продажа въ чужую область признавалась невѣроятною, вслѣдствіе крайней затруднительности и чрезвычайной рѣдкости торговыхъ сношеній между отдѣльными городами и рынками. Но, кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ объ изолированности отдѣльныхъ мѣстныхъ рынковъ, мы имѣемъ еще другое доказательство слабости внутренней торговли въ кіевской Руси,—оно заключается въ дороговизнѣ кредита. «Русская Правда», какъ извѣстно, знаетъ договоръ займа, устанавливаетъ форму его заключенія, порядокъ конкурса при несостоятельности и, наконецъ, законную высоту процента, но высота эта была чрезвычайно велика, капиталъ въ то время былъ крайне дорогъ: даже въ XII вѣкѣ Владиміръ Мономахъ сдѣлавшись великимъ княземъ кіевскимъ, установилъ ростъ надва третій, т.-е. 50%. Капиталъ былъ дорогъ потому, что былъ рѣдокъ, а рѣдкость его—слѣдствіе слабости мѣновыхъ сношеній. Наконецъ, существуетъ еще и третье доказательство господства натуральнаго хозяйства: наблюденія надъ монетной системой. Несомнѣнно, что и у русскихъ, какъ и у другихъ народовъ, первымъ по времени появленія орудіемъ обмѣна былъ скотъ: еще въ краткой «Русской Правдѣ» XI в. и даже въ договорной грамотѣ Новгорода съ о. Готландомъ конца XII в. слово «скотъ» употребляется въ смыслѣ денегъ. Но благодаря торговымъ сношеніямъ съ арабами и греками, русскіе рано—еще въ VIII вѣкѣ, познакомились съ иностранною монетой, которая, однако, цѣнилась, главнымъ образомъ, какъ украшеніе, а не какъ мѣновое орудіе; гораздо важнѣе было другое пріобрѣтеніе: наши предки уже къ X вѣку приняли византійскую мѣру вѣса. Уже въ договорѣ Олега съ греками встрѣчается литра или византійскій фунтъ, равняющійся $^3/_4$ современнаго нашего фунта. Изъ литры въ Греціи чеканилось 72 золо-

тыхъ монеты, называвшихся солидами; эти солиды въ договорѣ Игоря называются золотниками (вотъ происхожденіе этой русской мѣры вѣса). Византійскую литру на Руси называли гривной. Гривна и стала основною монетною единицей въ кіевской Руси. Но эта монетная единица была не чеканная, а вѣсовая, какъ и ея подраздѣленія: гривна состояла, какъ видно изъ «Русской Правды», въ XI вѣкѣ изъ 25 кунъ, а въ XII изъ 50 кунъ или изъ 20 ногатъ, 50 рѣзанъ, 480 векшъ. Не трудно замѣтить, что названія нѣкоторыхъ подраздѣленій гривны носятъ на себѣ слѣды той эпохи, когда мѣха звѣрей были орудіемъ обмѣна: куна—куница, векша—бѣлка. Повторяю, всѣ эти данные знаки не имѣли чекана, а принимались по вѣсу. Это возможно лишь тогда, когда торговля ничтожна. При свѣтѣ всѣхъ этихъ данныхъ и соображеній для насъ становится понятенъ смыслъ тѣхъ извѣстій, которыя указываютъ, на первый взглядъ, на оживленныя торговыя сношенія между отдѣльными областями кіевской Руси. Когда мы встрѣчаемъ, напр., въ «Русской Правдѣ» указаніе на «гостинецъ великій», т.-е. большую торговую дорогу, или читаемъ въ «Патерикѣ», что св. Ѳеодосій пріѣхалъ въ Кіевъ изъ Курска съ купеческимъ обозомъ, и что печерскій монахъ Исакій былъ въ міру богатымъ торопецкимъ купцомъ, то мы должны все это понимать въ отношеніи, главнымъ образомъ, къ *внѣшней* торговлѣ: по большимъ торговымъ дорогамъ свозили товары въ прирѣчные города, чтобы отправить ихъ черезъ Кіевъ въ Византію или по залозному пути на востокъ; изъ Курска везли въ Кіевъ продукты, предназначенные также для вывоза на внѣшніе рынки; торопецкіе богатые купцы обогащались тоже отъ иностранной торговли. Конечно, встрѣчались случаи, когда одна область торговала съ другою, но такая торговля обыкновенно возникала опять-таки въ связи съ потребностями внѣшняго обмѣна: напр., въ X вѣкѣ, въ Кіевѣ продавались, по словамъ Константина Багрянороднаго, жителями разныхъ областей лодки, но для чего предназначались эти лодки? для вывоза товаровъ въ Византію; по грамотѣ, данной новгородскимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ церкви св. Ивана на Опокахъ въ 1135 году, въ Новгородъ привозился воскъ изъ Полоцка, Смоленска и съ верхней Волги; но вѣдь онъ былъ одною изъ важнѣйшихъ статей отпускной торговли. Едва ли не единственнымъ серьезнымъ исключеніемъ изъ всего сказаннаго является доставка приволжскими и поднѣпровскими областями хлѣба на продажу въ Новгородъ, который всегда испытывалъ потребность въ этомъ продуктѣ.

Предшествующее изложеніе освѣтило основной вопросъ, на который необходимо отвѣтить, чтобы понять хозяйственный бытъ изучаемой эпохи, —вопросъ объ относительномъ значеніи разныхъ отраслей производства. Конечный выводъ нашъ будетъ, слѣдовательно, такой *въ кіевской Руси съ VI-го по XII-ое столѣтіе господствовала добывающая промышленность; въ сельскомъ хозяйствѣ, имѣвшемъ меньшее значеніе,*

—

преобладало скотоводство надъ земледѣліемъ, которое, особенно къ концу періода, принадлежало, однако, уже къ числу обычныхъ занятій населенія; обрабатывающая промышленность не играла важной роли; торговля была слаба: хозяйство было натуральнымъ и только внѣшняя торговля имѣла нѣкоторое вліяніе на экономическое положеніе высшихъ слоевъ общества.

Второй вопросъ, подлежащій нашему изслѣдованію, это вопросъ о *формахъ хозяйства*. Въ связи съ нимъ находится также третій вопросъ о *формахъ землевладѣнія*. Исключительно для большаго удобства изложенія мы остановимся сначала на послѣднемъ вопросѣ—о формахъ землевладѣнія, чтобы потомъ познакомиться съ формами хозяйства. Чтобы правильнѣе понять немногочисленныя и не вполнѣ ясныя свидѣтельства нашихъ источниковъ о господствующей землевладѣльческой формѣ въ кіевскій періодъ, необходимо прибѣгнуть къ двумъ въ настоящее время довольно общеупотребительнымъ методическимъ пріемамъ—аналогіи и заключенію отъ болѣе позднихъ наблюденій къ скрытому отъ насъ недостаточностью или неясностью источниковъ болѣе отдаленному прошлому. Аналогія дается изученіемъ германскихъ землевладѣльческихъ порядковъ до и послѣ завоеванія западной римской имперіи, а также знакомствомъ съ исторіей формъ землевладѣнія въ Сибири и въ казачьихъ общинахъ Россіи. Свидѣтельства Цезаря, Тацита, салической, аллеманской и баварской «Правдъ», нижнерейнскихъ, аллеманскихъ, наконецъ, лангобардскихъ грамотъ, правильно понятыя и истолкованныя, не оставляютъ сомнѣнія, что поземельныя отношенія древнихъ германцевъ складывались слѣдующимъ приблизительно образомъ: округъ, волость или село захватывало извѣстную, довольно обширную территорію, а отдѣльные дворы или семьи на время, обыкновенно на годъ, опахивали или окашивали себѣ опредѣленные участки для распашки, не подлежавшіе во время разработки заимкѣ со стороны другихъ семей. Лѣсомъ, выгономъ и всѣми другими угодьями пользовались всѣ сообща, въ мѣру потребностей. Только позднѣе, съ ростомъ населенія, съ увеличеніемъ тѣсноты и съ ослабленіемъ добывающей промышленности въ пользу земледѣлія, развивается отчужденіе пахотныхъ участковъ отдѣльныхъ семей, семейные раздѣлы, ограниченія въ пользованіи непахотными участками и т. д. Между тѣмъ относительное значеніе разныхъ отраслей народнаго производства у древнихъ германцевъ было приблизительно таково же, какъ и въ кіевской Руси: извѣстны свидѣтельства Цезаря, Помпонія Мелы, Страбона, что германцы почти не занимались земледѣліемъ, и что главными ихъ занятіями были охота и скотоводство; о томъ же, хотя съ меньшею яркостью, говорятъ Тацитъ и позднѣйшія варварскія «Правды» и грамоты, говорю —«съ меньшею яркостью», потому что земледѣліе дѣлало постепенно успѣхи и лишало добывающую промышленность и скотоводство ихъ доминирующаго положенія. Но если у германцевъ преобладали тѣ-же

отрасли промышленности, какія господствовали въ кіевской Руси, то не въ правѣ ли мы для послѣдней предположить существованіе такихъ же землевладѣльческихъ порядковъ, какіе наблюдаются у тѣхъ же германцевъ? Такое предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что то же можно наблюдать и въ исторіи формъ землевладѣнія въ Сибири. Обычный процессъ разселенія въ Сибири, на дѣвственныхъ почвахъ, сводится къ слѣдующему: поселившись, извѣстная группа новоселовъ—обыкновенно нѣсколько семей или цѣлая волость—захватываетъ себѣ такую обширную территорію, какая ей необходима; сѣнными и лѣсными угодьями пользуются сообща, а для пахоты каждая отдѣльная семья занимаетъ или, какъ гласитъ техническое выраженіе, «наѣзжаетъ» себѣ опредѣленный участокъ, которымъ и пользуется годъ или два съ тѣмъ, чтобы затѣмъ перейти къ другому. Если мѣстность степная, то такой участокъ опахивается, въ лѣсной мѣстности онъ «зачерчивается», т.-е. ставятся зарубки на деревьяхъ. Порядокъ пользованія землей совершенно аналогичный древне-германскому. Наконецъ, въ казачьихъ общинахъ Россіи, гдѣ также господствовала добывающая промышленность, каждая станица захватывала обширную территорію, въ предѣлахъ которой отдѣльныя семьи свободно пользовались угодьями.

Таковы аналогіи, дающія намъ возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія о формахъ землевладѣнія въ древнѣйшей Россіи. Что касается наблюденій надъ позднѣйшими явленіями того же порядка въ нашемъ отечествѣ, то я не буду сейчасъ на нихъ останавливаться подробно—объ этомъ рѣчь впереди, при изученіи удѣльнаго періода, а отмѣчу эти позднѣйшія явленія лишь вкратцѣ. Рѣчь идетъ о такъ называемомъ долевомъ, складническомъ, сябринномъ или сосѣдскомъ землевладѣніи, слѣды котораго сохранились въ XIII-мъ и послѣдующихъ вѣкахъ. Сущность долевого владѣнія заключается въ томъ, что субъектомъ его, т.-е. обладателемъ права на землю, является дворъ (называемый также деревней), въ составъ котораго входитъ часто многочисленное населеніе, состоящее изъ родственниковъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, причемъ сначала хозяйство ведется сообща, и дѣлятся лишь продуктами общаго труда. Такъ какъ отдѣльные члены двора имѣли право продавать постороннимъ свое право на долю продукта, то путемъ такихъ продажъ въ составъ двора вошли и чужеродцы, и члены двора получили названіе складниковъ, сябровъ или сосѣдей, т.-е. совладѣльцевъ. Но часто дворъ имѣлъ въ своемъ отдѣльномъ владѣніи лишь часть земли, по преимуществу пашню, непахотныя же угодья находились въ нераздѣльномъ пользованіи нѣсколькихъ дворовъ или деревень. Это несомнѣнный остатокъ того болѣе древняго порядка, по которому отдѣльныя семьи «наѣзжали», «опахивали» или «зачерчивали» участки пахотной земли для обособленнаго временнаго пользованія, а всѣ другія угодья были общими для всей болѣе или менѣе значительной группы семей, державшихся вмѣстѣ. Можно такимъ образомъ, от-

правляясь отъ позднѣйшихъ явленій, заключать о древнѣйшихъ: нѣкогда на Руси, очевидно, существовало болѣе обширное владѣльческое цѣлое, чѣмъ отдѣльный дворъ—семья, послѣдній входилъ въ составъ этого цѣлаго и велъ пашенное хозяйство путемъ наѣзда для себя на годъ или на два удобной земли въ потребномъ количествѣ, пользуясь вмѣстѣ съ другими семьями общимъ выгономъ, сѣнокосомъ и лѣсомъ. Затѣмъ съ ростомъ населенія и съ увеличеніемъ хозяйственной роли земледѣлія, обширный владѣльческій союзъ разложился на отдѣльныя семьи.

При свѣтѣ этихъ аналогій и наблюденій надъ явленіями позднѣйшаго времени получаютъ надлежащій смыслъ и значеніе и нѣкоторые отрывочные намеки древнѣйшихъ источниковъ, и выясняется такимъ образомъ темный вопросъ о формахъ землевладѣнія, господствовавшихъ въ кіевской Руси. Первостепенный интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи опредѣленіе характера и значенія верви. О томъ, что такое представляла изъ себя древнерусская вервь, мы можемъ судить только по одному источнику—«Русской Правдѣ» въ ея пространной редакціи, составившейся, по всѣмъ признакамъ, въ XII-мъ вѣкѣ. Но и «Русская Правда» не даетъ полнаго и всесторонняго изображенія верви и заключаетъ въ себѣ цѣнныя данныя только о *судебномъ* ея значеніи. Вотъ сущность этихъ данныхъ: 1) если въ предѣлахъ верви было найдено тѣло убитаго человѣка, причемъ убійца былъ неизвѣстенъ, то вервь обязана была или принять дѣятельное участіе въ слѣдствіи, въ поискахъ преступника по слѣдамъ преступленія, или, если она не желала этого, заплатить виру, т.—е. поступавшую въ княжескую казну пеню за убійство; 2) если убійца принадлежалъ къ верви, и преступленіе было совершено въ ссорѣ или на пиру, а не умышленно, то вервь платила также виру, распредѣляя платежъ между всѣми членами своими поровну, считая въ томъ числѣ и убійцу, уплачивавшаго такимъ образомъ одинаковую съ другими сумму; на убійцѣ же одномъ лежала только обязанность уплатить родственникамъ убитаго частное вознагражденіе, или такъ называемое головничество; только тогда вервь не участвовала въ платежѣ виры за убійство въ ссорѣ или на пиру, совершенное ея членомъ, когда оказывалось, что этотъ виновный въ убійствѣ членъ ея раньше въ подобномъ же случаѣ отказался отъ участія въ платежѣ по раскладкѣ; 3) вервь должна была участвовать въ слѣдствіи по дѣламъ объ имущественныхъ преступленіяхъ, когда преступникъ неизвѣстенъ, а въ предѣлахъ верной территоріи остались слѣды преступленія; если вервь въ этомъ случаѣ уклонялась отъ участія въ слѣдствіи, то была обязана уплатить пеню князю и частное вознагражденіе потерпѣвшему. Только опираясь на эти постановленія, мы и можемъ уяснить себѣ вопросъ о юридической природѣ вервнаго союза и разрѣшить тѣ противорѣчія, въ которыя впадаютъ между собою изслѣдователи въ этомъ отношеніи. Можно различить три основныхъ направленія во взглядахъ на вервь: одни считаютъ вервь территоріаль-

нымъ дѣленіемъ, созданнымъ княжескою властью изъ соображеній судебно-полицейскаго характера, съ цѣлью предотвращенія преступленій; другіе признаютъ ее сосѣдской общиною, образовавшеюся естественнымъ путемъ при колонизаціи страны; по мнѣнію третьихъ, вервь по первоначальному своему значенію была кровнымъ союзомъ и лишь потомъ къ ней примѣшались чужеродные элементы. Изложенныя сейчасъ постановленія «Русской Правды» о судебномъ значеніи верви становятся понятными только въ томъ случаѣ, если признать кровное происхожденіе вервнаго союза. Въ самомъ дѣлѣ: если мы допустимъ, что вервь была создана княжескою властью со спеціальною цѣлью предупрежденія преступленій путемъ введенія круговой поруки жителей извѣстной области, то почему же въ такомъ случаѣ правительство не распространило этой мѣры на всѣ виды преступленій или хотя бы только на всѣ виды убійства? Притомъ странно, что при преступленіи менѣе серьезномъ — убійствѣ въ ссорѣ или на пиру — общество платитъ, за преступника, а при умышленномъ убійствѣ оно неотвѣтственно; вѣдь это значило бы въ такомъ случаѣ, что правительство заботилось бы о предупрежденіи лишь менѣе значительныхъ преступленій, оставляя безъ вниманія серьезныя нарушенія права. Также невозможна круговая порука и въ общинѣ сосѣдской, создавшейся естественнымъ путемъ, помимо правительственнаго вліянія: члены чисто-сосѣдской общины могутъ быть соединены круговою порукою только въ томъ случаѣ, если государство наложитъ на нихъ эту поруку принудительно изъ полицейскихъ цѣлей, а предполагать наличность такихъ цѣлей, какъ только что указано, никакъ нельзя въ данномъ случаѣ; притомъ же для такого принудительнаго акта со стороны правительства необходима болѣе или менѣе сильная государственная власть и крѣпостническія (основанныя на принципѣ обязанности) соціальныя отношенія, а ни того, ни другого въ XII-мъ вѣкѣ не было. Итакъ, остается признать вервь за первоначально-кровный союзъ: очевидно, члены верви считали себя нравственно обязанными помогать другъ другу въ уплатѣ пень за менѣе важныя, случайныя преступленія именно по той причинѣ, что они когда-то были связаны между собою узами родства.. Не даромъ «Русская Правда» прямо называетъ уплату виры вервью «*помощью* убійцѣ». Что же касается до платежа виры вервью при отысканіи трупа въ ея предѣлахъ, когда убійца былъ неизвѣстенъ, и вервь не хотѣла тратить время и силы на его отысканіе, и вообще до участія верви въ производствѣ слѣдствія, то относящіяся сюда статьи «Русской Правды», несомнѣнно, указываютъ, что вервь имѣла землевладѣльческое значеніе, что у нея была опредѣленная, огражденная межами, территорія. Итакъ, уже одинъ только внимательный анализъ извѣстій «Русской Правды» о верви позволяетъ сдѣлать два важныхъ вывода: во-первыхъ, что вервь была по своему происхожденію кровнымъ союзомъ; во-вторыхъ, что она имѣла землевладѣльческое значеніе. Эти выводы вполнѣ подтверждаются ана-

логичными юридичесимъ формами древне-славянскаго права. Отъ 1400 года до насъ сохранился статутъ далматской общины Полицы. Въ немъ также идетъ рѣчь о верви, которая изображается, какъ семейная община, притомъ древняго происхожденія: по подлинному выраженію Полицкаго статута, это учрежденіе «почело од искони». Составъ верви или вервной дружины—братья вервные, или «дионики» (совладѣльцы), одного села. Вервь Полицкаго статута имѣетъ разныя формы: первая изъ нихъ — вервные братья живутъ на общей «племенщинѣ» (хозяйствѣ) безъ раздѣловъ по дворамъ и хозяевамъ; вторая форма—они дѣлятъ между собою пахатную землю на участки, владѣя сообща лишь лѣсомъ и пастбищами; наконецъ, третья форма—«длоники» дѣлятъ и пахатную землю, и лѣса, не раздѣляя пастбищъ. Итакъ, полицкая вервь имѣла *землевладѣльческое* значеніе. Но она имѣла также, подобно верви «Русской Правды», и значеніе *судебное*: полицкая вервь имѣла право суда и расправы по своимъ внутреннимъ дѣламъ, члены верви отвѣчали другъ за друга во всѣхъ убыткахъ и платежахъ. Полицкая вервь была, наконецъ, *кровнымъ* союзомъ: на это указываетъ выраженіе «*братья* вервные», да и самое слово «вервь» означаетъ «родственный союзъ», такъ какъ по-сербски «върврникъ» значитъ «родственникъ». Итакъ—полицкая вервь имѣетъ точки соприкосновенія съ вервью «Русской Правды». Еще характернѣе, что обѣ эти верви близки къ другому, очень распространенному среди древнихъ славянъ учрежденію,—задругѣ. Задруга была обширнымъ *родственнымъ* союзомъ, отвѣчала за своихъ членовъ во всякихъ преступленіяхъ, если убійца скрывался; являлась истцомъ и отвѣтчикомъ. Мы видимъ здѣсь такимъ образомъ знакомый уже намъ примѣръ круговой поруки родственниковъ другъ за друга, наблюдаемъ *судебное* значеніе родственнаго союза. Имущественное, *землевладѣльческое* значеніе задруги таково же, какъ и землевладѣльческое значеніе верви Полицкаго статута: земля считается общею собственностью всѣхъ членовъ задруги; формы пользованія ею двѣ: нераздѣльная эксплуатація и равный раздѣлъ.

Всѣ эти сближенія въ достаточной степени доказываютъ, что въ основѣ древне-русской верви лежало начало родства, и что она имѣла нѣкоторое юридическое отношеніе къ землѣ. Но если не можетъ быть сомнѣнія въ землевладѣльческомъ значеніе древнерусской верви, то та же «Русская Правда» прямо свидѣтельствуетъ, что и болѣе тѣсный, чѣмъ вервь, кровный союзъ—семья, союзъ родителей и дѣтей, имѣлъ также извѣстное юридическое отношеніе къ землѣ. Въ самомъ дѣлѣ: въ «Русской Правдѣ» идетъ, между прочимъ, рѣчь о наслѣдованіи дѣтьми отъ отца «дома», а слово «домъ» означаетъ собою въ этомъ историко-юридическомъ памятникѣ всю семейную собственность, движимую и недвижимую: такъ, въ «Правдѣ» говорится, что поджигатель подвергается разграбленію «дома», т.-е. конфискаціи всего имущества; притомъ недвижимость, усадьба называется въ «Русской Правдѣ»

не домомъ, а дворомъ, а движимое имущество носитъ наименованіе товара. Но если вѣрно, что и вервь, и тѣсный семейный союзъ имѣли землевладѣльческое значеніе, то возникаетъ вопросъ, какъ же разграничивались права ихъ на землю, иначе: какова была юридическая природа отношеній каждаго изъ этихъ союзовъ къ землѣ. И въ этомъ отношеніи «Русская Правда» не оставляетъ насъ безъ нити, руководясь которою можно дойти до истины: *въ «Правдѣ» нѣтъ свободнаго гражданскаго оборота съ землей*,—земля, очевидно, еще въ началѣ XII-го вѣка, не говоря уже о болѣе раннемъ времени, очень рѣдко была цѣнностью, обращавшеюся на рынкѣ, товаромъ, почти никогда не продавалась и не покупалась. Значитъ, земли было еще слишкомъ много, а это исключаетъ возможность освоенія ея отдѣльной семьей, указываетъ на то, что семья не имѣла правъ *собственности* на землю, а обладала лишь правомъ *пользованія*, продолжавшимся до тѣхъ поръ, пока извѣстный участокъ ею эксплуатировался, пока она его разрабатывала, произведя на него «наѣздъ». Такъ, передъ нашими глазами развертывается картина тѣхъ же землевладѣльческихъ порядковъ, какіе наблюдаются, какъ было сказано раньше, у древнихъ германцевъ и въ исторіи сибирскаго землевладѣнія и казацкихъ общинъ: вервь занимала прочно и болѣе или менѣе точно отмежевывала извѣстную довольно обширную территорію, а отдѣльныя семьи періодически «наѣзжали» извѣстныя ея части и пользовались ими по произволу и въ теченіе произвольнаго срока. Понятно теперь и извѣстіе «Начальной лѣтописи» о полянахъ: «живяху каждо своимъ родомъ на своихъ мѣстахъ». Родъ здѣсь, очевидно, вервь, волость, она имѣла «свои мѣста», опредѣленную территорію. А далѣе, въ видѣ иллюстраціи, лѣтопись приводитъ извѣстный разсказъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди: они, вмѣстѣ со своими семьями, очевидно, и составляли вервь или родъ и пользовались свободно землею въ предѣлахъ родовой или вервной территоріи для своихъ хозяйственныхъ цѣлей. «Русская Правда» сохранила для насъ и любопытные намеки на опахиваніе и зачерчиваніе временно-занимаемыхъ отдѣльными семьями земельныхъ участковъ: въ ней говорится о «межѣ ролейной», т.-е. пашенной, образованной путемъ опахиванія, и о «дубѣ знаменномъ», т.-е. имѣвшемъ «знамя», знакъ собственности, зачерченномъ или «затяпанномъ», какъ еще выражаются въ Сибири.

Такова господствующая форма землевладѣнія въ первый періодъ развитія натуральнаго хозяйства, когда населеніе рѣдко, и основной отраслью народнаго производства является добывающая промышленность. Изслѣдователи сибирскаго землевладѣнія удачно обозначаютъ эту форму земельнаго владѣнія заимствованнымъ у сибирскихъ же крестьянъ терминомъ «вольное землепользованіе». Не трудно понять, что *вольное землепользованіе—естественный результатъ господства добывающей промышленности и первобытнаго скотоводства*, потому что и

первая и второе требуютъ частой перемѣны района, подвергающагося хозяйственной эксплуатаціи со стороны отдѣльной семьи: звѣрь и рыба выводятся, для скота нужны новыя пастбища взамѣнъ истощенныхъ. Не остались, однако, безъ вліянія и второстепенныя отрасли промышленности, существовавшія въ то время, именно земледѣліе и внѣшняя торговля. Первое отразилось на вольномъ землепользованіи въ томъ смыслѣ, что заставило, если не семью, то вервь болѣе или менѣе точно опредѣлить свои территоріальные предѣлы, усѣсться на мѣстѣ, ограничить раньше безраздѣльно господствовавшій кочевой бытъ. Вторая, т.-е. внѣшняя торговля, создала, начиная съ Х-го вѣка, новыя формы землевладѣнія, прежде на Руси невѣдомыя: то были *землевладѣніе княжеское, боярское и монастырское*. Первые слѣды княжескаго землевладѣнія становятся замѣтны уже въ Х-мъ вѣкѣ, когда Ольга устроила по всей землѣ свои «мѣста» и «села», «ловища» и «перевѣсища». У той же княгини упоминается городъ Вышгородъ и село Ольжичи. У матери Владиміра святого, ключницы Святослава Малуши, было село Будятино. У Рогнѣды—городъ Изяславль. Бѣлгородъ и Берестово были подгородными княжескими селами при Владимірѣ. Владиміръ Мономахъ въ XI-мъ вѣкѣ проявлялъ очень большую заботливость о хозяйствѣ въ своихъ селахъ, какъ то видно изъ его «Поученія». Въ XII-мъ вѣкѣ очень часто говорится о земельныхъ владѣніяхъ князей: въ 1128 г., по житію св. Евфросиніи, было княжеское село около Полоцка, въ 1146 г. упоминаются княжескія села въ землѣ сѣверянъ; въ 1150 г. въ смоленскомъ княжествѣ; Любечъ и Черниговъ были въ XII-мъ столѣтіи окружены княжескими селами, у Андрея Боголюбскаго въ ростовско-суздальской землѣ былъ городъ Боголюбовъ и много «слободъ купленныхъ и селъ лѣпшихъ». Въ томъ же XII-мъ столѣтіи неоднократно встрѣчаются извѣстія о разореніи селъ боярскихъ, а Изяславъ Мстиславичъ упоминаетъ о селахъ своей дружины въ кіевской землѣ. Первые признаки боярскаго землевладѣнія относятся къ XI-му вѣку. Наконецъ въ томъ же XI-мъ столѣтіи возникло еще и монастырское землевладѣніе: въ разсказѣ о Печерскомъ монастырѣ говорится о пожалованіи монастырю княземъ Изяславомъ Ярославичемъ горы, а затѣмъ находимъ извѣстіе о дачѣ какимъ то Ефремомъ (очевидно, бояриномъ) селъ въ монастырь. Такъ сразу намѣтились и два источника, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и впослѣдствіи пополнялись монастырскія вотчины: княжеское пожалованіе и вкладъ частныхъ лицъ. Въ XII-мъ вѣкѣ церковныя и монастырскія земли уже далеко не рѣдкость: Антоній Римлянинъ купилъ въ основанный имъ монастырь у посадничьихъ дѣтей Смехна и Прохна землю, границы которой точно указаны въ купчей; въ «Никоновской лѣтописи» надъ 1123 годомъ упоминается митрополичій городъ Синелица въ нынѣшней Полтавской губерніи; князь Ростиславъ далъ смоленскому епископу въ 1150 г три села; въ 1169 г. упомянутъ городъ святой Богородицы десятинной;

Андрей Боголюбскій щедро одарялъ землями церковь св. Богородицы Златоверхую во Владимірѣ на Клязьмѣ. Но не только появились наряду съ крестьянами новые владѣльцы—князья, бояре, монастыри, перемѣна была еще глубже: она коснулась самаго понятія собственности на землю, потому что землевладѣніе князей, бояръ и монастырей отличалось уже несравненно бо̀льшею прочностью, опредѣленностью и осѣдлостью, чѣмъ вольное землевладѣніе крестьянъ.

Въ какомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать выраженіе, что новыя формы землевладѣнія въ Кіевской Руси были созданы внѣшнею торговлей? Въ томъ смыслѣ, что благодаря торговлѣ въ натурально-хозяйственныя отношенія, не разрушая ихъ, проникъ сильною струей капиталъ, сосредоточившійся въ немногихъ рукахъ и рѣзко отдѣлившій его обладателей отъ остальной массы общества. Капиталъ далъ возможность занять прочно и надлежащимъ образомъ эксплуатировать болѣе или менѣе обширныя земли посредствомъ приложенія несвободнаго и полусвободнаго труда, такъ какъ только капиталисты имѣли средства покупать въ значительномъ количествѣ рабовъ и ссужать деньги съ обязательствомъ отработать долгъ съ процентами: такія ссуды приводили къ образованію полусвободнаго класса, такъ называемыхъ «закуповъ», трудъ которыхъ, наряду съ трудомъ холоповъ, имѣлъ очень существенное значеніе въ процессѣ развитія княжескаго, боярскаго и монастырскаго землевладѣнія. Самое зарожденіе идеи полной собственности на землю не безъ основанія объясняется тѣмъ, что земля занималась обыкновенно сильнымъ человѣкомъ посредствомъ поселенія на ней холоповъ, несвободныхъ людей, челяди; отсюда и строился такой выводъ: такъ какъ на землѣ сидятъ мои люди, то, значитъ, и самая земля принадлежитъ мнѣ.

Но замѣчаніе о примѣненіи несвободнаго и полусвободнаго труда относится уже къ вопросу о формахъ хозяйства. Уже то, что̀ только что сейчасъ сказано о происхожденіи княжескаго, боярскаго и церковнаго землевладѣнія, свидѣтельствуетъ, что новымъ видамъ земельнаго владѣнія соотвѣтствовали и новыя формы хозяйства: трудъ несвободный, холопскій и полусвободный, закупническій. Это явственно выступаетъ на видъ изъ Русской Правды которая знаетъ холоповъ княжескихъ, боярскихъ и «чернечьихъ», т.-е. монастырскихъ. Уже въ XI-мъ вѣкѣ упоминаются холопы у новгородскихъ епископовъ Луки Жидяты и Стефана. По «Никоновской лѣтописи», митрополичій городъ Синелица въ 1123 году былъ усадьбой и имѣніемъ съ холопами. Тѣмъ же въ сущности былъ и Боголюбовъ у кн. Андрея суздальскаго. Въ нѣкоторыхъ спискахъ «Русской Правды», вмѣсто выраженія «княжъ мужъ», т.-е. бояринъ, встрѣчается терминъ «огнищанинъ». Въ толкованіи этого слова изслѣдователи не сходятся между собою: всѣ производятъ его отъ слова «огнище». По мнѣнію одних, «огнище» значитъ «дворъ»

и даже «княжескій дворъ», и, слѣдовательно, огнищанинъ то же, что̀ дворянинъ, дружинникъ. По другимъ, основывающимся на современной сѣверной народной терминологіи, огнище — земля, на которой выжженъ лѣсъ, и которая предназначена для пахоты, такъ что огнищанинъ—землевладѣлецъ. Но существуетъ еще третье объясненіе, которое слѣдуетъ предпочесть, потому что оно опирается на очень древній текстъ: въ XI-мъ вѣкѣ появились въ переводѣ съ греческаго 12 словъ (т.-е. проповѣдей) св. Григорія Богослова; здѣсь выраженіе подлинника οἱ πλήθει γαυριῶντες τῶν ἀνδραπόδων καὶ τετραπόδων передантакъ: «гърдящіеся многы огнищи и стады»; итакъ, огнищи=ἀνδράποδα, т.-е. рабы; слѣдовательно, огнищане—рабовладѣльцы. Это показываетъ, что бояре въ кіевской Руси обыкновенно пользовались рабскимъ трудомъ. Можно догадываться, что главною задачей этого зарождавшагося тогда владѣльческаго хозяйства была доставка продуктовъ земледѣлія и скотоводства для непосредственнаго потребленія лицъ, составлявшихъ высшій слой населенія: это видно изъ того, что въ «Русской Правдѣ» несвободные люди фигурируютъ не въ качествѣ охотниковъ и пчеловодовъ, работа которыхъ одна только доставляла, какъ мы видѣли, предметы для внѣшней торговли, мѣха, медъ и воскъ, а по преимуществу въ видѣ «тіуновъ конюшихъ», т.-е. приказчиковъ, завѣдующихъ конскими стадами, или «тіуновъ ратайныхъ», т.-е. земледѣльческихъ приказчиковъ, княжескихъ и боярскихъ. Закупы—полусвободные рабочіе—носятъ въ Русской Правдѣ характерное названіе «ролейныхъ», т.-е. пашенныхъ, отъ «ролья»—пашня. Но нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что эксплуатація несвободнаго и полусвободнаго труда простиралась въ извѣстной мѣрѣ и на область добывающей промышленности, и доставляла, слѣдовательно, нѣкоторое, хотя, вѣроятно, и не особенно значительное, дополненіе къ числу тѣхъ добываемыхъ по преимуществу путемъ сбора дани продуктовъ, которые вывозились на византійскій рынокъ и отчуждались на азіатскій востокъ.

Однако, эксплуатація несвободнаго и полусвободнаго труда ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана *господствующею* формой хозяйства въ кіевской Руси, какъ не могутъ быть признаны господствующими въ то время и княжское, боярское и монастырское землевладѣніе. Главная масса земли сосредоточивалась въ рукахъ черна̀го свободнаго населенія, смердовъ, а смерды вели хозяйство совершенно не такъ, какъ князья, бояре, архіереи и монастыри. Звѣроловы и бортники, какими были смерды, искали простора для своихъ охотничьихъ и пчеловодныхъ занятій, не тѣснились поэтому другъ къ другу, а селились въ разбродъ, на болѣе или менѣе возвышенныхъ мѣстахъ сырой и болотистой, лѣсной страны, по близости отъ рѣкъ, самыхъ удобныхъ путей сообщенія. Поэтому господствующею хозяйственною единицей того времени была семья, довольно тѣсный родственный

союзъ, обыкновенно не дѣлившійся на болѣе мелкія хозяйства и по смерти отца. Семья, вслѣдствіе того, что большинство населенія занималось однимъ и тѣмъ же, по преимуществу охотой и пчеловодствомъ, почти ничего не продавала на сторону, все производила для собственнаго потребленія и ничего не покупала у другихъ. При такихъ условіяхъ не оставалось мѣста для широкаго развитія несвободнаго, рабскаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ кіевской Руси. И въ самомъ дѣлѣ: несвободный трудъ, при семейной организаціи добывающей промышленности, при натуральной системѣ хозяйства, не является экономическою необходимостью, находитъ себѣ примѣненіе лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ: каждая семья легко удовлетворяетъ своимъ потребностямъ собственными силами, не прибѣгая къ организаціи принудительнаго труда. Недаромъ византійскіе писатели, сообщающіе намъ свѣдѣнія о славянахъ въ эпоху ихъ выселенія изъ Прикарпатскаго края, оставили намъ свидѣтельства о томъ, что рабовъ у славянъ было мало, обращались они съ этими рабами хорошо и скоро отпускали на волю. Знаменательно также, что «Русской Правдѣ» неизвѣстны холопы у смердовъ или крестьянъ. Вообще нѣтъ недостатка въ несомнѣнныхъ указаніяхъ на господство семейной формы хозяйственныхъ предпріятій среди массы населенія: «Начальная лѣтопись» сообщаетъ, что различныя племена восточныхъ славянъ, подчиненныя Олегомъ и Святославомъ, платили дань этимъ князьямъ «съ дыма» или «съ дома». Что такое этотъ дымъ или домъ, какъ не семейный поселокъ? До насъ дошли и матеріальные остатки такихъ семейныхъ хозяйственныхъ единицъ въ видѣ раскапываемыхъ археологами городищъ. Эти городища обыкновенно треугольной или круглой формы; площадь ихъ окружена валомъ; окружность обыкновенно отъ 300 до 450 шаговъ, но встрѣчаются и менѣе 200, и, съ другой стороны до 1.000 шаговъ. Эта незначительность площади какъ разъ и указываетъ на то, что городище—остатокъ стариннаго семейнаго поселенія. Громадное количество городищъ—они считаются сотнями въ каждой изъ населенныхъ въ то время нынѣшнихъ губерній — также свидѣтельствуетъ въ пользу такого объясненія и противъ взглядовъ на городища, какъ остатки древнихъ городовъ или мѣстъ для богослуженія. Насъ не должно смущать названіе «городище», потому что, во-первыхъ, неизвѣстно точно время примѣненія этого названія къ данному предмету, а во-вторыхъ, если бы даже и оказалось, что въ древнее время всякій такой незначительный семейный поселокъ назывался городомъ,—все-таки теперь его такъ называть нельзя, потому что терминъ «городъ» имѣетъ совсѣмъ другое значеніе: это не болѣе, какъ укрѣпленные однодворные поселки. Наконецъ, постановленія «Русской Правды» о наслѣдствѣ смердовъ также доказываютъ, что хозяйственною единицей въ кіевской Руси была семья: «Если смердъ умретъ безъ сыновей»,

говоритъ «Русская Правда»,—то наслѣдство князю; если у него въ семьѣ будутъ дочери, то дать имъ часть; если онѣ замужемъ, то не дать имъ части». Такимъ образомъ изъ наслѣдства исключались не только боковые родственники, не принадлежащіе къ семьѣ въ тѣсномъ смыслѣ, но и замужнія дочери, вступившія посредствомъ замужества въ чужую семью. Наконецъ, на домашнее, семейное производство для собственнаго потребленія указываютъ уже извѣстные намъ факты, относящіеся къ обрабатывающей промышленности: таково, напр., извѣстіе «Патерика Печерскаго», что Исаія сдѣлалъ себѣ свиту изъ грубаго домотканнаго холста. Тотъ-же «Патерикъ» познакомилъ насъ съ другою формой производства въ области обрабатывающей промышленности,—съ мелкими кустарными промыслами, имѣющими въ виду сбытъ на небольшомъ мѣстномъ рынкѣ: напомню о производствѣ шерстяныхъ чулокъ и шапокъ монахами и о сбытѣ ихъ на кіевскомъ базарѣ; напомню также лѣтописное извѣстіе о производствѣ горшковъ близь Новгорода и продажѣ ихъ въ этомъ городѣ. Наконецъ, внѣшняя торговля, отличавшаяся, какъ мы видѣли изъ разсказа Константина Багрянороднаго и договоровъ Олега и Игоря съ греками, караваннымъ характеромъ, вызвала къ жизни купеческія компаніи или товарищества. Грамота новгородскаго князя Всеволода Ольговича въ 1135 году церкви св. Ивана на-Опокахъ свидѣтельствуетъ объ образованіи въ Новгородѣ компаній купцовъ-торговцевъ воскомъ; «Русская Правда» сохранила слѣдъ существованія купеческихъ товариществъ на вѣрѣ или коммандитныхъ, когда участники товарищества отвѣчаютъ за убытки не всѣмъ своимъ капиталомъ, а только вложенною въ общее предпріятіе частью его.

При свѣтѣ полученныхъ нами выводовъ, касающихся экономическаго быта кіевской Руси, для насъ становится вполнѣ понятною и ясною *техника* или *система хозяйства* въ то время. Она, какъ показываетъ обиліе даровъ природы и господствующая форма землевладѣнія, отличалась первобытнымъ, хищническимъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, экстенсивнымъ характеромъ, не требовала большого труда и затраты сколько-нибудь значительнаго капитала. Охота сводилась къ безпощадному, неразсчетливому истребленію звѣрей, водившихся въ такомъ изобиліи въ обширныхъ лѣсахъ, что не было нужды въ какихъ-либо правилахъ или ограниченіяхъ для охоты, да и некому было ихъ устанавливать и слѣдить за ихъ исполненіемъ. Звѣроловъ не ограничивалъ своей истребительной дѣятельности какимъ-либо небольшимъ райономъ, а охотился на обширныхъ пространствахъ, постоянно переходилъ съ одного мѣста на другое. Техническіе пріемы другой важной отрасли добывающей промышленности въ кіевской Руси, пчеловодства, отличались такою же примитивностью: древнѣйшее пчеловодство носитъ характерное названіе бортничества во всѣхъ

грамотахъ кіевскаго періода, между прочимъ и въ «Русской Правдѣ». Бортничествомъ называется такое пчеловодство, при которомъ совершенно не заводится искусственныхъ приспособленій для пчелъ, ульевъ или пасѣкъ, а пчеловоды пользуются медомъ и воскомъ, которые складываются дикими пчелами въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, называемыхъ бортными или бортями. Для занятія такимъ пчеловодствомъ не надо никакого капитала и необходимо очень мало труда: нужно только поставить на бортномъ деревѣ «знамя», т.-е. знакъ собственности, и своевременно вынуть накопившійся медъ и воскъ. Далѣе, при обиліи лѣсовъ и болотъ и при крайней рѣдкости населенія, въ земледѣліи возможна была только одна подсѣчная, огневая, или лядинная система, состоящая въ томъ, что вырубался и выжигался лѣсъ, и на образовавшемся такимъ образомъ «па́лѣ», «огнищѣ», или «лядахъ», высушенномъ и покрытомъ пепломъ пространствѣ, сѣялся годъ или два хлѣбъ, потомъ повторялась та же операція съ другимъ участкомъ, черезъ такой же срокъ переходили къ третьему и т. д. На такую же земледѣльческую систему указываетъ уже существованіе характеризованнаго нами въ свое время раньше вольнаго землепользованія. То же подтверждается и однимъ источникомъ XII-го вѣка, именно посланіемъ митрополита Климента смоленскому священнику Ѳомѣ; вотъ что здѣсь, между прочимъ, говорится: «Да скажу ти сущихъ славы хотящихъ: иже прилагаютъ домъ къ дому и села къ селамъ, изгои ж и сябры и бортіи и пожні и ляда же и старины». Эти слова важны во многихъ отношеніяхъ: они указываютъ и на образованіе частнаго землевладѣнія, и на появленіе зародышей сябриннаго владѣнія землей, и на важность бортничества и скотоводства, но для насъ особенно серьезное значеніе имѣетъ, въ данномъ случаѣ, слово «ляда», свидѣтельствующее о лядинной или подсѣчной системѣ полевого хозяйства. Слѣдовательно, хищническій и кочевой характеръ составлялъ такой же отличительный признакъ земледѣлія, какъ и добывающей промышленности. Въ промышленности обрабатывающей, при домашнемъ производствѣ для удовлетворенія собственныхъ потребностей или при производствѣ на незначительный мѣстный рынокъ, не могло существовать, конечно, никакихъ техническихъ приспособленій: работа была ручная. Наконецъ, приведенный уже раньше разсказъ Константина Багрянороднаго о внѣшней торговлѣ какъ нельзя лучше показываетъ, что и эта отрасль хозяйства отличалась крайне примитивною организаціей: торговля была караванною, не требовала капитала, не содѣйствовала выработкѣ коммерческой техники, не устанавливала постоянной, непрерывной экономической связи между производителями хозяйственныхъ благъ и внѣшнимъ рынкомъ.

Мы изслѣдовали производство и обмѣнъ хозяйственныхъ благъ въ кіевской Руси. Чтобы закончить изученіе экономическаго быта Россіи

въ первый періодъ ея исторической жизни, остается обратить вниманіе на *распредѣленіе хозяйственныхъ благъ.*

Для того, чтобы правильно освѣтить эту сторону экономическихъ отношеній, мы не должны забывать, что кіевскій періодъ русской исторіи былъ временемъ натуральнаго хозяйства и господства семейной формы предпріятій. Это важно по той причинѣ, что предполагаетъ у громаднаго большинства населенія достаточное количество средствъ и матеріаловъ производства и устраняетъ вопросъ о всеобщей бѣдности; рѣдкость населенія и обиліе даровъ природы въ большинствѣ случаевъ обезпечивало народу безбѣдное существованіе. Такъ какъ каждый семейный союзъ былъ въ одно и то же время предпринимателемъ, землевладѣльцемъ и рабочимъ, т.-е. обладалъ всѣми орудіями производства—капиталомъ, землей и трудомъ, то для массы населенія, не имѣла, слѣдовательно, значенія относительная высота прибыли на капиталъ, земельной ренты и заработной платы. Такимъ образомъ, то, что будетъ по этому вопросу сейчасъ сказано, будетъ имѣть отношеніе только къ меньшинству населенія.

Когда у насъ шла рѣчь о формахъ хозяйства, то въ числѣ этихъ формъ не была упомянута эксплуатація вольнонаемнаго труда, потому что такой трудъ былъ чрезвычайною рѣдкостью и являлся слѣдствіемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, исключительныхъ условій: пространная «Русская Правда» упоминаетъ о срочныхъ рабочихъ, которые работаютъ изъ-за хлѣба, иногда и съ небольшою денежною доплатой; очевидно, это бывало лишь при крайней бѣдности и по преимуществу въ случаѣ голода. Насколько незначительна были при этомъ заработная плата, это видно изъ одной статьи пространной «Правды», относящейся, повидимому, уже къ XIII-му вѣку: годовой трудъ двухъ женщинъ («женки съ дочерью») оцѣнивается здѣсь всего въ одну гривну.

Если заработная плата была низка, то, естественно, должна быть высока прибыль на капиталъ. О высотѣ прибыли принято судить по высотѣ рыночнаго процента на занимаемый капиталъ. Процентъ въ кіевской Руси былъ чрезвычайно высокъ: «Русская Правда» свидѣтельствуетъ, что при годовомъ займѣ позволялось брать на два третій, т.-е. 50%.

При громадномъ количествѣ свободныхъ земель, при господствѣ вольнаго землепользованія, экстенсивной системы хозяйства и при полномъ почти отсутствіи торговли хлѣбомъ,—исключеніе представляла лишь доставка хлѣба въ Новгородъ,—земельная рента не могла быть, конечно, высока. Можно сказать, что она стала зарождаться не раньше XI-го вѣка, когда стало замѣтнымъ княжеское, боярское и монастырское землевладѣніе.

Какіе же выводы относительно распредѣленія хозяйственныхъ благъ въ изучаемый періодъ можно сдѣлать изъ всего этого? Оче-

видно, можно формулировать два вывода: 1) предметы *необходимости* были распредѣлены достаточно равномѣрно; 2) предметы *роскоши* и *денежный* капиталъ должны были распредѣляться очень неравномѣрно и сосредоточиваться въ тѣхъ слояхъ общества, которые непосредственно участвовали во внѣшней торговлѣ. Этотъ послѣдній выводъ подтверждается однимъ лѣтописнымъ разсказомъ: когда въ 1018 году новгородцы произвели денежную складку, собирая войско для защиты Ярослава противъ Святополка Окаяннаго, то съ простыхъ людей брали по 4 куны, а съ бояръ по 18 гривенъ; такъ какъ гривна содержала въ XI-мъ вѣкѣ 25 кунъ, то оказывается, что бояре обложены были въ 112½ разъ тяжелѣе простыхъ людей. Причина этого заключается, очевидно, въ томъ, что денежный, но именно только *денежный*, капиталъ сосредоточивался въ боярскомъ классѣ.

Итакъ, вслѣдъ за изученіемъ естественныхъ условій страны въ первый періодъ исторической жизни русскаго народа мы познакомились съ процессомъ развитія экономическихъ явленій въ то же время. Согласно принятому нами плану, необходимо теперь сдѣлать общія соціологическія заключенія, касающіяся развитія хозяйственныхъ явленій и отношенія ихъ къ условіямъ природы и къ распредѣленію населенія. Предшествующее изложеніе въ достаточной степени показываетъ, кажется, въ какой связи находятся между собою отдѣльные элементы народно-хозяйственной жизни. *Основнымъ изъ этихъ элементовъ, опредѣляющимъ типъ хозяйственнаго развитія въ извѣстный моментъ, является относительное значеніе разныхъ отраслей производства.* Господствующая отрасль производства опредѣляетъ формы обладанія средствами производства: землей, трудомъ и капиталомъ, а также и самую технику или систему производства. Но эта основная экономическая сила не на всѣ стороны хозяйственнаго процесса вліяетъ одинаково: на однѣ изъ этихъ сторонъ ея *непосредственное* вліяніе очень сильно, на другія она дѣйствуетъ по преимуществу черезъ посредство производныхъ отъ нея экономическихъ явленій. *Въ ближайшей непосредственной зависимости отъ господства извѣстной отрасли производства находятся формы землевладѣнія*, т.-е. пользованія естественнымъ факторомъ производства, землей. *Формами землевладѣнія, въ свою очередь, непосредственно опредѣляются, съ одной стороны формы хозяйства*, т.-е. способы эксплуатація другого фактора производства—труда, *съ другой—техника или система производства.* Не надо, однако, забывать, что и *на формахъ хозяйства, и на его техникѣ или системѣ отражается непосредственно и господство извѣстной отрасли промышленности.* Наконецъ, распредѣленіе потребительныхъ цѣнностей и капитала въ разныхъ видахъ послѣдняго—наиболѣе сложное явленіе экономической жизни: *на распредѣленіи хозяйственныхъ благъ отражаются непосредственно и господствующая отрасль промышленности,*

и формы землевладѣнія, и, наконецъ, формы хозяйства. Такимъ образомъ, чтобы узнать, какія формы землевладѣнія господствуютъ въ данной странѣ въ извѣстный періодъ времени, и чтобы понять, почему онѣ господствуютъ, достаточно уяснить себѣ, какая отрасль промышленности въ этой странѣ въ данный періодъ преобладаетъ. Чтобы опредѣлить формы хозяйства и его систему, надо принять во вниманіе господствующую отрасль промышленности и вытекающія изъ нея формы землевладѣнія, т.-е. два элемента хозяйственной жизни, а не одинъ только, какъ при опредѣленіи формы землевладѣнія. Наконецъ, для пониманія механизма распредѣленія хозяйственныхъ благъ необходимо взять за основу изученія три экономическихъ элемента: господствующую отрасль промышленности, формы землевладѣнія и формы хозяйства. Итакъ, ясно, что основа всего хозяйственнаго развитія—господство извѣстной отрасли производства. Но чему же обязана своимъ существованіемъ эта основа? Иначе говоря: почему въ кіевской Руси господствовала добывающая промышленность? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: добывающая промышленность господствовала по той причинѣ, что населеніе было рѣдко, и потому обширная страна изобиловала ботаническими и зоологическими богатствами. Слѣдовательно, *господство той или другой отрасли производства опредѣляется отношеніемъ населенія страны къ пространству ея, или, что то же, степенью плотности населенія.* Но мы тщетно стали бы искать какого-либо значительнаго слѣда вліянія на экономическую жизнь какихъ-либо другихъ условій внѣшней природы—рельефа, климата или почвы. Не надо также забывать, что одно изъ самыхъ крупныхъ явленій, подвергавшихся нашему изученію ранѣе, именно распредѣленіе русскаго населенія или колонизація, не объясняется естественными условіями страны, которыя, какъ мы въ свое время видѣли, создавали лишь возможность этой колонизаціи, содѣйствовали ей, но не дѣлали еще ее необходимою. Мы можемъ теперь указать, по крайней мѣрѣ одну активную причину этой колонизаціи: она кроется въ господствѣ добывающей промышленности и первобытнаго скотоводства, требующихъ постояннаго переселенія, въ преобладаніи вольнаго землевладѣнія и экстенсивной системы хозяйства—хищнической въ добывающей промышленности и подсѣчной въ земледѣліи, такъ какъ и вольное землепользованіе, и примитивная хозяйственная техника мѣшаютъ полной осѣдлости и заставляютъ мѣнять старыя мѣста на новыя.

Если теперь мы попробуемъ составить изъ изслѣдованныхъ нами явленій—естественныхъ и экономическихъ — связную цѣпь причинъ и слѣдствій, то получимъ приблизительно такую формулу: рѣдкость населенія при обиліи даровъ природы вызвала преобладаніе въ народномъ хозяйствѣ кіевской Руси добывающей промышленности и скотоводства при второстепенномъ значеніи земледѣлія и внѣшней торговли

и съ нѣкоторой совершенно уже ничтожной примѣсью внутренней торговли и обрабатывающей промышленности; господство добывающей промышленности и скотоводства повело къ преобладанію вольнаго землепользованія, а примѣсь земледѣлія и внѣшней торговли ограничила вольное землепользованіе предѣлами верви и вызвала къ жизни основанное на идеѣ полной собственности землевладѣніе князей, бояръ и монастырей; вольное землепользованіе наряду съ преобладаніемъ добывающей промышленности и скотоводства создало семейную форму предпріятій и экстенсивную систему хозяйства, въ то время какъ землевладѣніе князей, бояръ и монастырей вмѣстѣ съ земледѣліемъ и внѣшней торговлей произвело новыя формы труда—полусвободныя и несвободныя; господство первобытныхъ отраслей промышленности, вольнаго землепользованія и семейной формы хозяйства вызвали приблизительно равномѣрное распредѣленіе предметовъ необходимости, между тѣмъ какъ примѣсь внѣшней торговли, полной личной собственности на землю и несвободнаго и полусвободнаго труда сосредоточила денежный капиталъ въ немногихъ рукахъ; наконецъ, то же преобладаніе добывающей промышленности и скотоводства, вольнаго землепользованія и экстенсивной системы хозяйства произвело и развило рѣзко выраженный процессъ колонизаціи, разселенія русскаго народа по восточно-европейской равнинѣ.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЛОХЪ.

Романъ **Якова Вассермана.**

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой*.

(*Продолженіе*) *).

19.

Такъ какъ просьбу объ аудіенціи еврея Аляссера поддерживали весьма вліятельныя лица, то она была ему дарована. Одна изъ газетъ, имѣющая вліяніе на общественное мнѣніе, высказала удовольствіе по поводу того, что наконецъ-то дѣло, такъ долго вызывавшее всеобщее недоумѣніе и волновавшее всѣхъ честно мыслящихъ людей, достигло той инстанціи, гдѣ не можетъ быть никакихъ колебаній или уклоненій. О подробностяхъ аудіенціи печаталось очень мало. Только и сдѣлалось извѣстнымъ, что монархъ, удостоивъ внимательно прочесть поданное ему прошеніе, обратился къ несчастному отцу, рыдавшему у его ногъ, съ слѣдующими многообѣщающими словами:

— Я далъ новыя распоряженія властямъ, чтобы они исполнили свой долгъ.

И дѣйствительно, уже два часа спустя приказы были повсюду разосланы.

Но затѣмъ проходилъ день за днемъ, не принося съ собою никакихъ измѣненій въ положеніи дѣла. Когда Аляссеръ, узнавъ, что Ютту видѣли въ монастырѣ около Тарноберцега, телеграфировалъ окружному судьѣ, то тотъ направилъ его къ другому, тому, что уже раньше однажды отклонилъ его прошеніе. Тогда Аляссеръ обратился къ первому министру и тотъ на его просьбу о защитѣ сказалъ:

— Вы имѣете полное право разсчитывать на нашу поддержку—мы обязаны оказать вамъ защиту.

Но и послѣ этого опять ничего не дѣлалось. Аляссеръ обратился къ министру юстиціи—министръ юстиціи увѣрилъ его, что, — что касается подчиненныхъ ему властей,—то ими будутъ употреблены всѣ мѣры для раскрытія мѣстопребыванія дѣвушки, все будетъ пущено

*) См. „Міръ Божій", № 2, февраль, 1903 г.

въ ходъ, чтобы вернуть отцу дочь до 10-го февраля, т.-е. ея совершеннолѣтія въ вопросахъ религіозныхъ. Не было конца его ожиданіямъ по переднимъ, просьбамъ, разговорамъ, поклонамъ, объясненіямъ. Люди, говоря съ Алассеромъ, то качали головой, давали совѣты, задумывались, то бывали разсѣянны, растроганы, заняты другимъ, боязливо или весьма недвусмысленно нахальны. А время шло и шло. Другой скандалъ овладѣлъ вниманіемъ общества. Алассеръ сказалъ себѣ, что Ютта умерла для нихъ. Его тянуло домой. Онъ усталъ отъ хлопотъ, усталъ отъ разговоровъ, усталъ умолять, усталъ надѣяться. Въ послѣдній день онъ еще разъ собралъ всѣ свои силы и предпринялъ еще одну, послѣднюю попытку; ему посчастливилось въ неназначенный день добиться пріема у намѣстника Галиціи. Поневолѣ сдерживая свое отчаяніе, задалъ онъ послѣдній вопросъ, чтобы потомъ уже навсегда утратить всякую энергію. И его высокопревосходительство, всѣми чтимый старикъ, потрясенный чисто по-человѣчески, позабылъ на этотъ разъ оффиціальный тонъ и произнесъ достопамятныя слова:

— Наша власть кончается у ограды монастыря.

Это было 5-го февраля.

Въ срединѣ января вѣсть о милостивомъ обѣщаніи монарха достигла Падолина и дошла до Арнольда. Онъ и не ждалъ иного исхода. Со времени разговора съ Алассеромъ чувствовалъ себя спокойнымъ и до глубины души неизмѣнно и непоколибимо вѣрилъ въ успѣхъ.

Послѣ полученія извѣстія объ аудіенціи Арнольдомъ овладѣла ненасытная потребность физическаго труда. Взявъ метлу и лопату, онъ отправился во дворъ прокладывать дорожку въ глубокомъ снѣгу и безъ отдыха проработалъ такимъ образомъ цѣлый часъ. Въ это время у дверей конюшни стоялъ одинъ изъ рабочихъ съ трубочкой во рту и разговаривалъ съ новою судомойкой; оба они съ любопытствомъ посматривали въ его сторону и хохотали. Хотя воздухъ былъ чистый, холодный и рѣзкій, но Арнольдъ обливался потомъ. Вдругъ у забора раздался повелительный голосъ; онъ поднялъ голову. Тамъ съ раскрытымъ зонтомъ, отряхая снѣгъ съ высокихъ сапоговъ, стоялъ священникъ и спрашивалъ госпожу Анзорге.

— Мать больна,—нѣсколько удивленно отвѣтилъ Арнольдъ.

— Тѣмъ болѣе причинъ для духовнаго лица навѣстить ее,—послѣдовалъ отвѣтъ въ томъ же повелительномъ тонѣ. На этомъ разстояніи лицо священника походило на изрытый во всѣхъ направленіяхъ ущельями горный хребетъ, ни долины, ни вершины котораго никогда не освѣщаются солнцемъ. Подумавъ съ минуту, Арнольдъ пошелъ впередъ, указывая ему дорогу. Госпожа Анзорге медленно обратила свое лицо къ вошедшимъ; на немъ лежали слѣды такого самообладанія и терпѣнія, что всякая рисовка въ ея присутствіи казалась неумѣстною и лживою. Но священнослужитель ничего этого не понялъ. Онъ сѣлъ, твердо посмотрѣлъ на больную, спросилъ о ея здоровьѣ, и когда, вмѣсто отвѣта,

госпожа Анзорге какъ-то равнодушно и неопредѣленно опустила вѣки, смочилъ губы языкомъ и началъ.

— Почему молодого Анзорге не видать ни въ церкви, ни у исповѣди? Развѣ вы не воспитали вашего сына въ страхѣ и вѣрѣ въ тріединаго Господа Бога? Давно уже я жду его, но онъ обманываетъ мое ожиданіе, въ немъ кроются дурныя склонности — онъ вступаетъ въ союзъ съ безбожниками. Поэтому я пришелъ къ вамъ и спрашиваю: исполнили ли вы, добрѣйшая, свой материнскій долгъ? Признаете ли свои поступки дурными и грѣховными, сынъ мой?

Произнеся эти слова ровнымъ, но слегка приподнятымъ тономъ, священникъ замолчалъ и снова облизалъ губы. Онъ считалъ, что уже впередъ разбилъ въ пухъ и прахъ всевозможныя возраженія, а потому самодовольно взиралъ на свои сложенныя на колѣняхъ руки. Развѣ могло быть что-либо непреоборимѣе, какъ крикнуть въ уши человѣку колеблющемуся, даже павшему, имя Господне? Госпожа Анзорге съ неимовѣрнымъ трудомъ приподняла голову и серьезнымъ, нѣсколько надорваннымъ болѣзнью, голосомъ отвѣтила:

— Не трудитесь, ваше преподобіе. Мы не нуждаемся въ посредникѣ между нами и небесами.

Священникъ въ ужасѣ вскочилъ со стула.

Госпожа Анзорге вздохнула и потухшими глазами обвела комнату. Казалось, что уста ея уже не повинуются болѣе внушенію чувства своего превосходства, и она тихо прибавила:

— Богъ съ нами всегда и повсюду, только не на языкѣ.

И она сдѣлала такой жестъ рукой, точно желала помѣшать священнику дальше выдавать себя головой.

Тотъ почувствовалъ что-то въ родѣ страха. Онъ сталъ искать отвѣта въ своихъ убѣжденіяхъ, но это было безполезно. Арнольдъ указалъ ему на больную, закрывшую глаза и, повидимому, впавшую въ забытье.

Въ ту же минуту постучали въ дверь и вошелъ докторъ. Поздоровался онъ со священникомъ очень вѣжливо, съ легкимъ оттѣнкомъ товарищества, и это моментально распространило въ комнатѣ будничную атмосферу. Взволнованный священникъ, пробормотавъ нѣсколько словъ, вышелъ.

Пришла Урсула и стала у постели рядомъ съ докторомъ. Арнольдъ съ своего мѣста у окна видѣлъ, что больная дышетъ скорѣе и громче обыкновеннаго. Докторъ что-то прошепталъ Урсулѣ, та вышла и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ мѣшкомъ льда. Потомъ докторъ подошелъ къ Арнольду, положилъ ему руку на плечо и, съ ожесточеніемъ двигая челюстями, точно собираясь что-то прожевать, заявилъ, что наступило время прибѣгнуть къ операціи. Арнольдъ собрался идти на телеграфъ, но докторъ сказалъ, что самъ телеграфируетъ вѣнскому профессору. Тогда Арнольдъ рѣшился увѣдомить обо всемъ дядю Бар-

ромео; его тянуло во что бы то ни стало наружу, хотя бы только для того, чтобы по своему, двигаясь, овладѣть своими заботами, какъ полководецъ старательно выбираетъ и стягиваетъ къ одному пункту передъ битвой свои военныя силы. Проходя по базарной площади, онъ встрѣтилъ выходящую изъ церкви Беату—она смотрѣла прямо передъ собою и лицо ея, обрамленное мѣховымъ капюшономъ, казалось необыкновенно бѣлымъ, можетъ быть вслѣдствіе отраженія снѣга. Арнольдъ лишь мелькомъ взглянулъ на дѣвушку и съ секунду ему почудилось, что Беата, священникъ и церковь вступили въ союзъ противъ жизни его матери. Грубо-предостерегающее выраженіе лица доктора вызвало его презрѣніе и въ то же время подготовило къ предстоящему. Не таковъ онъ былъ, чтобы тѣшиться смутными надеждами или питать смутныя опасенія—его натура требовала свѣта и даже опасности,—онъ желалъ видѣть ясно. И все же для него это несчастье казалось гораздо выносимѣе, нежели тотъ ужасающій хаосъ, въ который бросили свѣтъ лишь знаменательныя слова императора, обѣщавшія Алассеру правосудіе. Что бы ни случилось съ матерью, но грядущее горе имѣло свой предѣлъ. Оно могло свалиться ему на голову, онъ могъ вынести его на своихъ плечахъ, могъ постичь, его можно было опредѣлить однимъ, много двумя словами—болѣзнь, смерть. И хотя безпокойство его все возрастало, но онъ настолько овладѣлъ имъ, что оно не вліяло на ясность его сужденій относительно себя лично и своей собственной судьбы. Но въ томъ случаѣ онъ ничего не могъ разъяснить себѣ, а чувствовалъ только необъяснимую тяготу. Онъ не постигалъ причины того, что тогда совершалось. Жидъ, до котораго ему въ сущности не было дѣла, дочь его, къ которой онъ также относился безразлично, монастырь, который вовсе не задѣвалъ его, чужія страданія, сопровождаемыя цѣлымъ сумбуромъ чужихъ голосовъ, да что во всемъ этомъ могло такъ мучительно потрясти его самого?

Когда онъ вернулся домой, госпожа Анзорге была уже безъ сознанія.

20.

Профессоръ изъ Вѣны съ своимъ ассистентомъ и Фридрихъ Барромео и на этотъ разъ пріѣхали вмѣстѣ. Къ операціи приступили часъ спустя послѣ ихъ прибытія. Арнольдъ съ дядей опять очутились въ той же комнатѣ, что и въ первый его пріѣздъ, но теперь оба они молчали. Барромео такъ же, какъ и тогда, кутался въ мѣховое пальто и, слегка переваливаясь, устало ходилъ взадъ и впередъ. Но лицо его казалось еще блѣднѣе, глаза еще болѣе ввалились; временами его губы перекашивала какая-то особенная, свойственная ему одному, горько-терпѣливая, старческая улыбка. Погода стояла отвратительная, бушевала мятель. Закутанныя туманами и занесенныя снѣжными хлопьями

окрестности производили впечатлѣніе необыкновенной заброшенности. Арнольдъ, не переставая, прислушивался къ тихому скрипу равномѣрныхъ, какъ тиканье часовъ, шаговъ Барромео: отдѣлаться отъ этого онъ никакъ не могъ. Не отдавая себѣ отчета почему, онъ въ то же время чувствовалъ, что присутствіе этого посторонняго «друга» дѣйствовало на все, что дотолѣ шевелилось въ немъ, расхолаживающимъ образомъ. Наконецъ, въ дверяхъ показался ассистентъ; онъ вытиралъ полотенцемъ руки, бѣлый фартукъ на немъ былъ въ крови. Видъ у него былъ побѣдоносный, и лицо выражало хвастливое довольство.

— Все обстоитъ благополучно,—сказалъ онъ Арнольду. Тотъ подошелъ и пожалъ ему еще влажную руку. Затѣмъ появился самъ профессоръ, но ограничился для выраженія своего удовольствія лишь поднятіемъ бровей. Урсула, вся заплаканная, какъ-то особенно ревностно хлопотала. Въ сѣняхъ столпились работники и работницы и въ щели дверей со свистомъ врывался вѣтеръ.

Арнольду было не по себѣ, точно онъ находился не дома, и въ то же время онъ никакъ не могъ вновь найти самого себя; услышавъ шопотъ постороннихъ, онъ вдругъ ясно понялъ, что мать его умерла. И это не было страхомъ или плодомъ безпокойства, а вполнѣ сознательною и опредѣленною увѣренностью, которая словно молніей освѣтила его будущность; онъ сдѣлался способнымъ соразмѣрить жизнь со смертью, способнымъ сознательно похоронить самое дорогое для себя существо и это тогда, когда другіе на его мѣстѣ, обезсиленные горемъ, не съумѣли бы еще даже оцѣнить всей величины утраты. Онъ хотѣлъ пойти къ больной, но его туда не пустили. Тогда онъ вышелъ изъ дому и цѣлыхъ два часа, несмотря на вьюгу и метель, пробродилъ наружи, пока на него не напало своеобразное, торжественное настроеніе; доктора и дядя Барромео стали казаться ему призраками, старающимися обмануть окружающихъ и хоть на одинъ день вернуть къ жизни то, что уже давно умерло. И тутъ только, придя къ этому заключенію, онъ почувствовалъ горе. Съ короткимъ крикомъ бросился онъ обратно къ усадьбѣ, временами завязая въ сугробахъ, ступая въ свои же собственные прежніе слѣды. Поспѣшно войдя въ комнату больной, онъ подошелъ къ постели и увидѣлъ ее живою, въ полномъ сознаніи, хотя бѣлою, какъ полотно, на которомъ она лежала. Обнялъ ее и разсмѣялся, не то торжествующе, не то съ упрекомъ. Госпожа Анзорге удивилась и устало положила ему на голову обѣ руки. Необузданность сына заставила ее задуматься.

Наступалъ вечеръ, непогода понемногу стихла; явился Александръ Ханка, плотно закутанный въ шубу; все же было удивительно, что онъ въ такую погоду и по едва проходимымъ дорогамъ рѣшился придти, чтобы узнать о здоровьи госпожи Анзорге. Уже потому, какъ онъ подалъ Арнольду руку, видно было, насколько онъ себя чувствуетъ бодрѣе и живѣе обыкновеннаго. Арнольдъ повелъ Ханка въ довольно

отдаленную комнату, гдѣ царила такая необыкновенная тишина, что разговоры лишь какъ-то подчеркивали ее; туда къ нимъ вошелъ Барромео; оказалось, что онъ гдѣ-то уже раньше встрѣчался съ Ханка, оставалось только припомнить, гдѣ именно. Арнольдъ былъ пораженъ тѣмъ, что два, повидимому, серьезныхъ человѣка, совершенно отдались игрѣ отгадыванія и розыскиванія; при этомъ они перебирали самыя пустяшныя воспоминанія и какимъ нибудь однимъ словомъ умѣли сказать нѣчто очень злое. О многомъ они говорили смутно, намеками, прикрывая истинный смыслъ взглядомъ или улыбкой. Въ то же время было ясно, что все это вовсе не затрогивало ихъ внутренняго міра, а наоборотъ, игра лишь утомляла и стѣсняла ихъ. Арнольду даже казалось, что весь этотъ хладнокровный разговоръ ведется только ради того, чтобы избѣжать молчанія, котораго они оба боялись и ненавидѣли. Болѣе всего въ немъ поражало его полное несоотвѣтствіе съ мѣстомъ и обстоятельствами—госпожа Анзорге была забыта, забыта ея семья, горе, повисшее надъ нею, забытъ, наконецъ, и собесѣдникъ, къ которому каждый изъ нихъ обращался; въ концѣ концовъ, повидимому, все это произносилось ими глухо и механически, произносилось лишь ради самого себя. Въ манерахъ Ханка и Барромео было много общаго, хотя у перваго, въ настоящее время, онѣ дышали чѣмъ-то радостнымъ. Поэтому онъ выигралъ въ глазахъ Арнольда и тотъ остался очень доволенъ, когда дядя Барромео отправился готовиться къ отъѣзду, и онъ остался съ нимъ вдвоемъ. Профессоръ также уѣзжалъ, но ассистентъ оставался еще на день, до пріѣзда взятой въ Вѣнѣ сидѣлки.

— Такъ, какъ же вы поживаете? спросилъ Ханка глубокимъ, столь характернымъ для него голосомъ, оставшись наединѣ съ Арнольдомъ. Онъ небрежно закинулъ ногу на ногу и поглаживалъ колѣнко рукою. Въ тоже время въ глазахъ у него мелькнуло что-то такое, что заставляло забыть безсодержательность вопроса.—Надо надѣяться, что теперь ваша матушка быстро начнетъ поправляться, вѣдь доктора подаютъ надежду? Да?

Арнольдъ кивнулъ головой. «Что это за человѣкъ?» подумалъ онъ; слова Ханка удивили его, и все же что-то непонятное тянуло его къ нему. Ханка съ своей стороны смѣрилъ молодого человѣка испытующимъ взглядомъ и потомъ быстро опустилъ голову.

— Не зайдете ли какъ нибудь ко мнѣ, когда скучно станетъ?—спросилъ онъ, видимо дѣлая усиліе подыскать какую-нибудь задушевную фразу, которая послужила бы звеномъ между ними.

— Когда станетъ скучно?—переспросилъ Арнольдъ—Да почему же мнѣ можетъ быть скучно?—До этого онъ сидѣлъ сильно наклонившись впередъ, тутъ же откинулъ голову и задумчиво посмотрѣлъ прямо въ глаза Ханка.

— Вотъ кому можно позавидовать-то,—пробормоталъ гость и сталъ

искать другой темы для разговора.—Что подѣлываетъ господинъ Шпехтъ? послѣ нѣкотораго колебанія спросилъ онъ.—Имѣете вы извѣстія о немъ?

Арнольдъ былъ увѣренъ, что вопросъ этотъ вызванъ вовсе не искреннимъ сочувствіемъ къ учителю. Для него имя Шпехта прозвучало какъ что-то далекое, нереальное, поэтому онъ промолчалъ.

— Говорятъ, онъ много занимался дѣломъ похищенія еврейской дѣвушки,—продолжалъ Ханка, котораго молчаніе Арнольда задѣло за живое.—А въ какомъ собственно положеніи въ настоящій моментъ вся эта несчастная исторія? Какъ приверженцы, такъ и противники Алассера совершенно сбиты съ толку.

— Императоръ произнесъ рѣшеніе—съ легкимъ безпокойствомъ, тѣнью пробѣжавшимъ по его лицу, проговорилъ Арнольдъ.

— О какомъ бы то ни было рѣшеніи я ничего не слыхалъ,—замѣтилъ Ханка, покачивая головой.—Да и что могъ бы тутъ рѣшить императоръ? Впрочемъ не знаю, все возможно.

Арнольдъ усмѣхнулся, точно ему все это было лучше извѣстно, и всталъ со стула.

Лицо Ханка приняло выраженіе утомленія, будто въ немъ шевельнулось сознаніе окружающей дѣйствительности и оно-то омрачило его дотолѣ столь добрый взглядъ. Простился онъ гораздо холоднѣе и сдержаннѣе нежели здоровался.

Вечеръ Арнольдъ провелъ у постели матери. Она вспомнила, какъ онъ ее приласкалъ нѣсколько часовъ тому назадъ, и теперь мысленно отвѣчала на ласки. Урсула, сидя у нея въ ногахъ, вязала чулокъ, молодой ассистентъ читалъ около лампы, и она, не спуская глазъ, смотрѣла на сына.

Сама она чувствовала приближеніе смерти, но ему старалась, точно поддерживаемая сверхъестественной силой, внушить увѣренность, что для нея настаетъ новая жизнь. Арнольдъ мысленно вслѣдъ за нею шелъ по той же тропѣ, по которой она безнадежно подвигалась впередъ, и на его лицѣ лежала ложь надежды. Такъ они взаимно обманывали другъ друга. Долгая совмѣстная жизнь обострила до послѣдней возможности все, что возникаетъ и проходитъ между людьми; тамъ же, гдѣ эти чувства выражаются словами, они уже утрачиваютъ глубину и искренность. Арнольда подавляло сознаніе, что онъ уже теперь думаетъ о томъ, что будетъ послѣ смерти матери, и оно поднимало въ его душѣ леденящее чувство одиночества. Съ затаенной заботой слѣдилъ онъ за измѣненіями столь хорошо знакомаго ему лица матери и при этомъ каждый разъ ему казалось, что оно принадлежитъ уже прошлому, что все это было очень давно; но это не мѣшало ему ощущать самое искреннее безпокойство и острое горе при мысли о предстоящей потерѣ. Больной было запрещено говорить, къ тому же она лишь по временамъ приходила въ себя и въ эти свѣтлые промежутки всецѣло отдавалась мечтамъ о безусловномъ покоѣ и полномъ отсутствіи стра-

даній; вслѣдствіе этого она все меньше и меньше замѣчала, что происходитъ въ душѣ сына.

Когда пріѣхала сидѣлка, ассистентъ профессора, давъ ей всѣ нужныя указанія, уѣхалъ; его поведеніе ни на минуту не выходило за предѣлы сдержанной вѣжливости. Арнольдъ презиралъ его, самъ хорошенько не зная за что; но даже и это чувство къ начиненной знаніями, но пустой головѣ, доставило ему не мало заботъ: оказывалось что какъ только ему приходилось сознательно отнестись къ какому-либо жизненному явленію, или чему-нибудь уже отжившему, то онъ испытываетъ невыносимую боль, также какъ живое тѣло, только что покрывшееся молодой кожей, при треніи покрывается ранами. Онъ отправился къ Алассеру. Жена его была до приторности вѣжлива, даже слащава. Она показала Арнольду письмо, написанное еле разборчивымъ почеркомъ, присланное Юттой изъ монастыря Тарнобруцекъ. Дѣвочкѣ удалось сунуть эту записку какой-то добродушной торговкѣ, а та передала его имъ. Все письмо было сплошнымъ воплемъ о помощи.

Объ Алассерѣ не было ни слуху, ни духу.

За эти дни въ воздухѣ разлилось какъ бы предчувствіе ранней весны. Когда Арнольдъ вернулся домой и вошелъ къ матери, та потребовала, чтобы открыли окно, и стала смотрѣть съ своего низкаго матраца на небо, покрытое перистыми облаками, какія бываютъ только во время оттепели. Въ этотъ день впервые за много лѣтъ, она сильнѣе почувствовала и тѣснѣе слилась съ окружающей жизнью, какъ будто воздухъ вокругъ нея разрѣдился, она прозрѣла и вдругъ стала въ состояніи прослѣдить въ своемъ прошломъ непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій пережитаго ею. Потому-то ея лицо дышало добротою и Арнольдъ чувствовалъ, что она желала бы вызвать его на откровенный разговоръ. Но что было ему сказать ей? Я принимаю близко къ сердцу чужую судьбу? Что-то, въ чемъ я еще не въ состояніи разобраться, охватило все мое существо, вцѣпилось въ меня тысячью когтей? Какъ ему было сказать это? И развѣ съумѣлъ бы онъ объяснить свой страхъ, свое тревожное выжиданіе рѣшенія по дѣлу Алассеровъ, чтобы окончательно уяснить себѣ все, что творится вокругъ? Какъ разсказать ей о клокотавшемъ внутри него гнѣвѣ, о своемъ вдумчивомъ прислушиваніи? Вдругъ случилось нѣчто невѣроятное: мать взяла его руку, заглянула ему прямо въ глаза и, точно понявъ муки, все сильнѣе овладѣвавшія имъ, сказала:

— Есть одно мѣсто въ Библіи, котораго ты не долженъ забывать, Арнольдъ: «У кого руки ничѣмъ не запятнаны, у того и силы больше».

Потомъ она отвернулась. На вѣки ея пала тѣнь смерти. Когда сидѣлка заперла окно, она тихонько вздохнула.

21.

Утромъ сіяло солнце; воздухъ казался переполненнымъ влажными испареніями и вѣтеръ дулъ съ юга. Арнольдъ посвистывая вышелъ во дворъ, у забора стоялъ Алассеръ. Арнольдъ испугался и медленно подошелъ къ нему. Алассеръ неохотно дотронулся до шляпы съ отвислыми полями, потомъ сдѣлалъ обычный книксенъ и, показывая на тюкъ, спросилъ, не нужно ли чего госпожѣ мамашѣ?

— Уже вернулись, Алассеръ?—вмѣсто отвѣта въ свою очередь съ замираніемъ сердца спросилъ его Арнольдъ.

Еврей кивнулъ головой.

— Сегодня ночью,—сказалъ онъ.

Его взглядъ омрачился и онъ началъ дышать на свободную руку чтобы отогрѣть ее.

— А Ютта?—снова заговорилъ Арнольдъ, точно одно это слово замѣняло собою все остальное.

Алассеръ пожалъ плечами.

— Они мнѣ сказали, и господинъ министръ мнѣ сказалъ, хотите знать что? Онъ сказалъ мнѣ—вотъ какъ Богъ святъ, ниспосылающій на меня испытанія—онъ сказалъ мнѣ: «У ограды монастыря кончается наша власть». Вотъ онъ что сказалъ мнѣ, господинъ.

И Алассеръ съ безпокойствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, уставился на Арнольда, поблѣднѣвшаго, какъ смерть: ротъ его полуоткрылся, носъ побѣлѣлъ, губы тряслись, въ углахъ рта показалась пѣна. Еврей молча опустилъ голову и собрался уходить, но Арнольдъ вплотную подошелъ къ нему и заставилъ остановиться; тяжело опустивъ руку на плечо разносчика, онъ повторилъ необыкновенно медленно, съ искаженнымъ лицомъ:

— У ограды монастыря конецъ праву?

У Алассера не хватило силъ на отвѣтъ.

— Это вамъ было сказано?—все такъ же, словно окаменѣвъ, продолжалъ Арнольдъ. Въ то же время онъ чувствовалъ, что внутри его все содрогается и дрожитъ, сердце пылаетъ, а голова холодна; передъ глазами тоже разстилается холодъ.

— Да, да,—подтвердилъ Алассеръ, обрадованный, что молодой господинъ издаетъ хоть какіе-нибудь звуки, но нисколько не польщенный подобнымъ непонятнымъ сочувствіемъ. Онъ былъ глубоко огорченъ, но въ то же время довольно спокоенъ и совершенно лишенъ всякой воли и энергіи.

Не обращая больше вниманія на разносчика, Арнольдъ отвернулся. Его шаги ускорились, потомъ замедлились, потомъ вновь ускорились. Самъ не зная какъ, зашелъ онъ въ лѣсъ, бросился на мокрую землю и прижалъ лобъ и глаза къ ладонямъ руки. Въ припадкѣ невыносимой, мучительной злобы онъ зубами грызъ мохъ; сосновыя иглы впи-

вались въ его десна и изъ нихъ сочилась кровь. На языкѣ, въ мозгу въ горлѣ, въ глазахъ, въ сердцѣ, повсюду чувствовалъ онъ горечь, даже мускулы рукъ сокращались отъ избытка ея. Онъ снова поднялся съ мѣста и почти бѣгомъ бросился дальше. Лицо и одежда покрылись грязью, вѣтки хлестали его по лицу. «Возможно ли?» думалъ онъ, и его снова охватывала ужасная внутренняя дрожь. Передъ нимъ проносились дотолѣ еще никогда невиданныя лица — на нихъ лежала печать серьезности, ожесточенія, страданій и въ тоже время тупого равнодушія. Имъ было все равно, что дѣлалось вокругъ, ихъ помутившіеся взоры напоминали своею безжизненностью раковины. Дорогу пересѣкалъ ручей. Арнольдъ наклонился и жадно сталъ пить; но и вода кишѣла лицами и ужасными картинами жизни. Онъ дошелъ до какого-то крестьянскаго двора, очень далеко отъ Подолина, и, выходя изъ лѣсу, увидалъ, какъ работникъ, держа бѣлую кошку за хвостъ, изо всѣхъ силъ билъ ее кнутомъ; показалась кровь. Арнольдъ расхохотался, какъ безумный. Однимъ прыжкомъ очутился онъ около мужика (ихъ раздѣлялъ ровъ), обхватилъ его за талію, бросилъ на землю, ударилъ кулакомъ по бородатому лицу и до тѣхъ поръ бѣшено тузилъ, пока глубокій вздохъ не облегчилъ его грудь отъ тяжелаго гнета. Работникъ вопилъ, но никто не шелъ къ нему на помощь, потому что никого не оказалось дома.

— Молчать! — крикнулъ Арнольдъ, хватая его за волосы, и, поднявъ надъ нимъ кошку, изъ которой все еще текла кровь, далъ нѣсколькимъ каплямъ ея упасть на лицо работника. Тотъ весь содрогнулся... Этого Арнольду было достаточно, онъ отпустилъ его.

Работникъ медленно поднялся на одно колѣно, сдѣлалъ было движеніе бѣшенства, но тотчасъ же подавилъ его и остался на мѣстѣ. Арнольдъ удалился, прежде нежели отколоченный имъ человѣкъ успѣлъ пошевелиться. Онъ не могъ оставаться на мѣстѣ, нетерпѣніе гнало его впередъ, въ виски стучало, точно онъ былъ пьянъ. «Спѣши, спѣши», казалось кричали ему камни. Спѣши, спѣши, торопили облака. Спѣши, свисталъ вѣтеръ. Всѣ прежнія колебанія казались ему подлыми, потому что онъ чувствовалъ себя безмѣрно обиженнымъ, раненымъ на смерть...

Всѣ, кто такъ или иначе, скрытно или явно побуждали его торопиться, всѣ они страдали. Боже, что за гнѣвъ овладѣвалъ имъ все съ новою и новою силой! Когда онъ останавливался, чтобы перевести дыханіе—а и это уже казалось ему преступленіемъ—каждая пора его кожи превращалась въ самостоятельный органъ слуха. «Развѣ вокругъ меня жизнь?—думалъ онъ.—Гдѣ я живу? Что дѣлается кругомъ? Развѣ это допустимо?» И снова камни, вода, воздухъ, облака кричали ему: «Спѣши!» Онъ боялся опоздать. Первый же человѣкъ, которому онъ повѣдаетъ о случившемся, вѣдь долженъ, подавленный стыдомъ, свалиться на землю и, скрежеща зубами, отказаться отъ употребленія пищи.

«Смотри, смотри, вотъ что случилось!» скажетъ онъ ему. Но нѣтъ, даже этого не нужно, зачѣмъ разсказывать? Намека, одного слова и то достаточно. Никто не промолчитъ, кругомъ раздадутся крики, всѣ возопіютъ: «Справедливость, право!» А въ противномъ случаѣ нельзя и жить. «Арнольдъ, скажетъ ему мать, ступай и не покладай рукъ, потому что иначе жить нельзя». И эти мысли наполняли всего его; горячо и гордо переливалась кровь по жиламъ, сами собою слагались пламенныя рѣчи и сладко ему было предвкушать успѣхъ и представлять себѣ ликованіе тѣхъ, что дотолѣ оставались равнодушными. Всѣ они спали, и онъ самъ спалъ, на всѣхъ лицахъ лежала дремота: Ханка, священника, Шпехта, Беаты, Урсулы, Барромео, работниковъ, жителей Подолина, всѣхъ... Конечно, всѣ они прекрасные люди, но они не сознаютъ, что надо дѣлать. Онъ же считалъ себя счастливымъ, чувствуя силу въ рукахъ, ощущая ее и свою молодость, и удовлетвореніе отъ того, что стряхнулъ съ себя сонъ. Теперь и тѣ подойдутъ и улыбаясь скажутъ ему: «А почему ты, Арнольдъ Анзорге, не выступилъ раньше?» «Зато теперь я уже не задремлю больше», отвѣтитъ онъ имъ и улыбнется и лицо его покроется румянцемъ. Всю дорогу домой онъ улыбался, а войдя въ комнату, въ которой лежала мать, увидалъ плачущую у дверей Урсулу, сидѣлку въ слезахъ, а у изголовья неподвижно стоящаго священника.

Арнольдъ сталъ у кровати. «Она умерла», думалъ онъ, но ни испуга, ни отчаянія не почувствовалъ. Улыбаясь, вполнѣ спокойно взялъ онъ руку усопшей и такъ посмотрѣлъ на нее, точно давалъ обѣтъ. Урсула, случайно взглянувшая на него въ эту минуту, громко вскрикнула и бросилась вонъ изъ комнаты.

— Она скончалась,—строго замѣтилъ ему священнослужитель. Арнольдъ, продолжая улыбаться, кивнулъ ему головой. Ему казалось, что даже лицо ксендза говоритъ ему: «Торопись, спѣши!» Улыбка сбѣжала съ его губъ и онъ отдалъ приказъ одной изъ рыдавшихъ у дверей служанокъ созвать въ комнату всѣхъ служащихъ на усадьбѣ. Но оказалось, что оба работника уже отправились на село въ шинокъ, а женщины, перепуганныя загадочнымъ поведеніемъ хозяина, бросились отъ него въ разныя стороны. Даже Урсула не рѣшалась болѣе войти. Отдавъ приказаніе, Арнольдъ простоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, точно во снѣ; но то, что происходило внутри его, вовсе не было похоже на сонъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ, наконецъ, ксендза, большое, тревожное и удивленное лицо котораго было обращено къ нему.

Священникъ отступилъ на шагъ, потомъ спряталъ молитвенникъ въ карманъ, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ, оглянулся и вышелъ изъ комнаты. Сидѣлка порывисто сорвала съ вѣшалки свое пальто и поспѣшила вслѣдъ за нимъ. Когда вдругъ наступила тишина, въ душѣ Арнольда вновь началось прежнее неопредѣленное, но сладостное бро-

женіе. Онъ началъ ходить взадъ и впередъ по узенькой комнаткѣ. Двери и окно стояли настежь, но поблизости не было ни души, всѣ разбрелись и попрятались, точно отъ злого духа. Наступили сумерки; небо, очищенное отъ облаковъ, постепенно окрашивалось луннымъ сіяніемъ; воздухъ и вѣтеръ затихли. Работница, та самая, что рыдала въ сѣняхъ, прокралась мимо окна, а Урсула съ женою садовника издали слушала, что дѣлается въ домѣ. Когда посланная на развѣдки женщина услыхала, что Арнольдъ что-то говоритъ самъ съ собою, ей почудилось, что онъ разговариваетъ съ покойницей, и, полумертвая отъ страха, она бросилась бѣжать. Урсула еще съ утра увѣдомила доктора Барромео; долгое отсутствіе Арнольда заставило ее дѣйствовать на свой рискъ и страхъ, и теперь она съ минуты на минуту ждала, что его прибытіе положитъ конецъ всѣмъ ея опасеніямъ.

22.

Мѣсяцъ освѣщалъ тѣло покойницы; его успѣли обмыть и прибрать еще до полудня. Около него слѣдовало бы дежурить Урсулѣ съ сидѣлкой, но обѣ онѣ находились въ домикѣ садовника. Сидѣлка также не могла дождаться прибытія Барромео, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своего разсчета. Въ десять часовъ Урсула, взявъ четыре восковыя свѣчи, купленныя въ деревнѣ, отправилась черезъ садъ и дворъ въ комнату покойницы. Арнольдъ сидѣлъ на подоконникѣ, слегка прислонившись спиною къ рамѣ и свободно скрестивъ на груди руки. Отыскавъ подсвѣчники, старуха засвѣтила по угламъ ложа четыре огня. Молодой человѣкъ равнодушно предоставлялъ ей дѣлать, что угодно, даже не возражалъ, когда она усѣлась на низенькую скамеечку, собираясь провести ночь около усопшей хозяйки. Но вскорѣ она заснула. Тогда Арнольдъ всталъ и затушилъ свѣчи.

Сомнѣнія исчезли, разладъ прекратился, его душевное состояніе походило на февральскую ночь, царившую наружи—какъ и тамъ, на душѣ было чисто и спокойно, также какъ эта ночь, онъ чутко прислушивался къ чему-то, что нарождалось въ немъ, и также молчалъ, предчувствуя, что что-то важное должно совершиться. И на границѣ полнаго сознанія—сонъ не могъ овладѣть имъ,—подобно тому, какъ изъ моря вдругъ выдвигаются новые материки, такъ и передъ нимъ намѣчались новые пути. Здоровая натура не дозволяла ему отдаваться во власть безмѣрно фантастическому; но въ то же время изъ каждаго уголка серебряной ночи все снова и снова раздавался призывъ торопиться. «Надо будетъ сходить къ тому-то и тому-то; скоро около тебя образуется группа друзей, трехъ, десяти, двадцати, тысячъ... Кто стоитъ передъ истиной, обрѣсти которую дается съ такимъ трудомъ?» Вотъ что раздавалось вокругъ и что онъ говорилъ себѣ; восторгъ и нетер-

пѣніе наполняли его душу, и глаза увлажнялись страстью. Какимъ тѣснымъ казался ему теперь узкій міръ его юности!

Прошло много часовъ, вѣроятно, было уже около четырехъ, когда раздался стукъ колесъ. Урсула проснулась, вскочила со скамейки и увидавъ, что свѣчи потухли, съ молитвой вновь зажгла ихъ. Только что она успѣла покончить съ этимъ, какъ въ комнату вошелъ Фридрихъ Барромео. Въ третій разъ пріѣзжалъ онъ за послѣдній мѣсяцъ и теперь казался еще болѣе утомленнымъ; нежели раньше. Онъ уже успѣлъ справиться съ первыми приступами горя и казался подготовленнымъ къ виду бездыханнаго тѣла сестры, но, тѣмъ не менѣе, когда онъ очутился около ея труппа, все его дѣланное самообладаніе постепенно исчезло, и хотя это выдалъ всего одинъ жестъ, но онъ-то какъ разъ и обрисовалъ всего человѣка.

Арнольдъ, и до того остававшійся въ тѣни, деликатно покинулъ комнату, Мѣдно-красный мѣсяцъ стоялъ уже на краю неба, туманъ заволакивалъ долины. Долго оставаться наружу онъ не былъ въ состояніи. Его рѣшенія принимали уже реальныя, практическія формы, побужденія не дѣйствовали слѣпо. Онъ попросилъ Урсулу привести въ порядокъ и уложить ему все нужное для продолжительнаго отсутствія, старушка отъ удивленія оцѣпенѣла на мѣстѣ.

Барромео искалъ Арнольда и засталъ его въ пустой кухнѣ, пристально глядящаго на пламя подъ плитой. Онъ пожалъ руку племянника и, желая скрыть чувство стѣсненія, которое его охватило, онъ также уставился на огонь. Молчаніе прервала Урсула. Близко подойдя къ Арнольду, она гнѣвно проговорила:

— До похоронъ-то ты, надѣюсь, останешься дома? Укладываться! Что выдумалъ! И куда только ты такъ торопишься?

Барромео съ удивленіемъ слушалъ ее. Послѣ небольшого молчанія онъ кротко спросилъ:

— Она о тебѣ говоритъ, Арнольдъ? Развѣ ты собираешься уѣзжать?

Вмѣсто отвѣта Арнольдъ тономъ, не допускающимъ возраженія, подкрѣпленнымъ еще самымъ рѣшительнымъ жестомъ, сказалъ:

— Все хозяйство поручаю вамъ Урсула; можетъ быть, потомъ можно будетъ подыскать управляющаго или инспектора на время моего отсутствія. А теперь ступайте, мнѣ надо поговорить съ дядей Барромео— и оба они отправились въ сосѣднюю комнату. Барромео шелъ впереди и несъ лампочку, его уже вновь сковывало мрачное чувство неловкости.

— Прежде всего я хочу спросить тебя, сколько у меня денегъ, а потомъ поговоримъ и объ остальномъ,—тотчасъ же приступилъ Арнольдъ къ разговору. Неожиданно для самого себя онъ ставилъ именно тѣ вопросы, которые самымъ прямымъ путемъ вели его къ цѣли, точно задавалъ ихъ не онъ, а демонъ, что заставилъ его встрепенуться. Долго выжидалъ этого момента тотъ неукротимый духъ, но теперь онъ поднялся во весь ростъ, выпрямился и испускалъ побѣдный ревъ.

*

Барромео опустилъ глаза; на лбу у него проступило выраженіе сильнѣйшаго неудовольствія.

— У тебя около 750 тысячъ гульденовъ, помѣщенныхъ въ разныхъ бумагахъ,—холодно отвѣтилъ онъ. — Проценты получаются не слишкомъ высокіе, но зато бумаги вѣрныя. Можетъ быть, ты позволишь мнѣ обратить твое вниманіе на то обстоятельство, что до двадцати четырехъ лѣтъ я буду состоять твоимъ опекуномъ,—продолжалъ онъ чисто дѣловымъ тономъ,—и по нашимъ законамъ не только имѣть право, но даже обязанность руководить твоими поступками и управлять имѣніемъ.

Лицо Арнольда вспыхнуло.

— Развѣ ты можешь удерживать меня отъ того, что я обязанъ дѣлать?—спросилъ онъ.—Сегодня я хочу знать, а завтра, можетъ быть, захочу и бо̀льшаго; можетъ быть, мнѣ понадобятся деньги, и ты долженъ будешь дать ихъ мнѣ—вѣдь это не для себя.

«Все это неутѣшительно»,—подумалъ Барромео и устало оглянулся вокругъ. Перспектива борьбы разстраивала его и вызывала неудовольствіе.

— Что ты затѣваешь?—утомленно и безъ особеннаго любопытства спросилъ онъ.

— Я долженъ вернуть жиду Алассеру его дочь,—отвѣтилъ Арнольдъ, медленно поднимая на него глаза.—Тебѣ, вѣрно, извѣстно, что онъ не можетъ добиться своего права. Говорятъ, что право падаетъ у ограды монастыря—постигаешь ты это, дядя? Ну, а такъ какъ никто и не думаетъ пошевелиться для его защиты, то теперь долженъ сдѣлать это я... Потому что я ни минуты не знаю покоя. Какъ это можно, чтобы ни въ чемъ неповинную дѣвочку отняли у родителей, а государство, законы, вся страна спокойно допускаютъ это! Самъ императоръ обѣщалъ и все-таки—скажи, тебѣ это понятно? Но вѣдь должна же существовать такая сила, не можетъ не совершиться правосудіе... И развѣ возможно жить безъ него? Поэтому-то я и хочу уѣхать отсюда, меня здѣсь ничто не держитъ. Я хочу самъ видѣть, самъ слышать, такъ ли это на самомъ дѣлѣ, или они попросту глупы? Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ не успѣли еще додуматься до этого? Но тогда каждаго человѣка безо всякаго труда можно будетъ убѣдить, что добро и есть добро. Не такъ ли?

«Словно колокольный звонъ», подумалъ Барромео и недовольство его смѣнилось умиленіемъ, которое постепенно охватило сердце. Дѣйствительно голосъ Арнольда звучалъ полно, точно струна, натянутая надъ цѣлою бездной резонанса. Растроганный Барромео всматривался въ дышащее неизъяснимымъ оживленіемъ лицо молодого человѣка и что бы ни говорилъ Арнольдъ, все казалось жалкимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что выражали его мужественныя, рѣшительныя и дрожащія отъ жажды дѣла губы. Движеніе лобныхъ мускуловъ указывало на то,

что клокотало внутри его и о чемъ никакія слова не могли дать даже приблизительнаго понятія. «Вотъ такими, когда-то, всѣ мы были», думалъ Барромео, точно польщеный чуднымъ отраженіемъ самого себя. «Но что вышло изъ насъ? Были мы настоящими юношами, собирались завоевать небо, а куда дѣлся нашъ идеализмъ?»

Онъ безъ труда могъ бы найти возраженія на слова Арнольда, вѣдь сколько сору съ богатаго стола практическихъ людей попадаетъ въ хлѣбную корзину восторженныхъ?! Но въ ту же минуту, какъ онъ собрался приводить свои доводы, ему стало стыдно.

— Оставимъ этотъ разговоръ на сегодня,—сказалъ онъ, махнулъ рукой и вышелъ.

Только что разсвѣло, когда Арнольдъ отправился къ дому Алассера. Но на этотъ разъ, входя въ знакомыя сѣни, онъ не чувствовалъ ни подавленности, ни пустоты своихъ ожиданій или обѣщаній, какъ раньше.

Его сразу оглушили крики и ругань. Посреди комнаты стоялъ Алассеръ съ женой и какой-то крестьянинъ. Старшій мальчикъ очень спокойно собирался въ школу—ему приходилось выходить изъ дому очень рано, чтобы во время пройти далекій путь до Ломнитца, а Алассеръ съ женой взапуски бранили крестьянина, не желавшаго имъ заплатить требуемой цѣны за обрывокъ холста. Мужикъ, смѣясь, отругивался. Алассеръ ехидничалъ, чесалъ въ головѣ, ощупывалъ полотно и ломалъ руки.

Арнольдъ остановился на порогѣ и оставался такимъ образомъ въ тѣни—никто не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Послушавъ съ минуту, онъ повернулся уходить; одна изъ маленькихъ, полунагихъ дѣвочекъ шмыгнула мимо него въ открытую дверь, но, очутившись на улицѣ, отчаянно взвизгнула—отъ берега рѣки, по улицѣ, бѣжала, высунувъ языкъ и злобно вытаращивъ глазища большая, сѣрая собака мясника. Когда она остановилась передъ ребенкомъ, тотъ отъ ужаса присѣлъ къ землѣ и больше уже не двигался. Повинуясь странному побужденію, Арнольдъ взялъ дѣвочку на руки, съ умиленіемъ быстро поцѣловалъ въ лобъ, точно давая клятву и, прогнавъ собаку, пошелъ домой.

23.

Александръ Ханка оттягивалъ свой отъѣздъ изо дня въ день, отъ одной недѣли до другой. Не желая вслѣдствіе лѣни въ чемъ-либо дать себѣ отчетъ, онъ и тутъ внушалъ себѣ, что его удерживаетъ деревенскій воздухъ. Охотнѣе всего онъ съ закрытыми глазами послѣдовалъ бы какому-нибудь непреодолимому внушенію извнѣ.

«Вотъ такъ душевное состояніе для мужика», вздыхалъ онъ и дипломатически улыбался, когда Агнеса старалась отгадать причину его

вѣчныхъ колебаній. Время онъ заполнялъ чтеніемъ, прогулками, ѣдой и сномъ, и все это въ его же собственныхъ глазахъ носило отпечатокъ нѣкотораго тупоумія или философствованія. Вначалѣ онъ носился съ мыслью написать статью объ одиночествѣ, но вскорѣ бросилъ ее. «Хорошая мысль—коротка и дастъ матеріала не болѣе, какъ на три строки, говорилъ онъ себѣ;—раскатать же ее въ ширь, точно тѣсто для сладкаго пирога, и нечестно и не занимательно». Работа внушала ему отвращеніе и страхъ. Въ немъ текли рядомъ прозрачный и сильный источникъ пониманія вещей и узенькая, мутная струйка способности дѣйствовать. Онъ ненавидѣлъ свои собственныя привычки и въ тоже время не могъ отъ нихъ отдѣлаться; полупроизвольное пребываніе въ Подолинѣ далеко не принесло ему всѣхъ благъ тишины и уясненія себя; наоборотъ, одиночество имѣло на него разрушительное вліяніе: какъ воинъ, внезапно вынужденный покинуть лагерную жизнь и, благодаря этому, выбитый изъ колеи приподнятаго, праздничнаго настроенія, поставленъ въ необходимости обсудить всѣ случайности предстоящей битвы, такъ и онъ, жаждая забвенія, сталъ искать его въ неясномъ женскомъ образѣ, который, однако, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приковывалъ его къ себѣ.

За нѣсколько недѣль, протекшихъ со времени прибытія Ханка, Беата сильно измѣнилась. Она рѣдко уходила изъ дому, стала какъ-то тише, привѣтливѣе, больше работала... Въ обращеніи съ Ханкомъ, она выказывала понятливость, тактичность, довѣрчивость и ровную веселость. Въ то же время она съумѣла многое скрыть отъ него какъ въ отношеніи своихъ замашекъ, такъ и въ отношеніи темперамента. Все это должно было неизбѣжно завлечь такого человѣка, какъ Ханка, потому что въ его глазахъ имѣло цѣну лишь сдерживаемое чувство. Тонкій инстинктъ подсказалъ Беатѣ, что слѣдуетъ увѣрить опекуна въ своей покорности его вліянію, но въ то же время примѣшивать къ этому подчиненію легкую иронію, какъ будто между ними состоялось взаимное, тайное соглашеніе и пониманіе другъ друга. Все прошедшее она сбросила съ себя, какъ изношенное платье, и незамѣтно стала направлять всѣ наличныя силы, какъ тѣ, что до того только дремали въ ней, такъ и тѣ, что она испытывала уже и раньше, къ достиженію новой цѣли. Она съ удовольствіемъ замѣчала, какъ ежедневно растетъ ея власть; постепенно она окончательно постигла искусство отчасти проявлять, отчасти лишь давать надежду на существованіе того, что въ ней искали. Болѣе грубыя стороны ея натуры постепенно сглаживались, чувственность проявлялась болѣе утонченно. Она научилась сохранять невинный видъ, произнося самыя рискованныя вещи, умѣла казаться печальной вслѣдствіе невѣдѣнія, понятливой изъ чувства почтенія, веселой изъ благодарности. Увѣренное обращеніе, сверкающій взглядъ, мечтательную нерѣшительность, то упрямство, то робкое подчиненіе—всю эту смѣсь самыхъ противорѣчивыхъ качествъ она

выработала въ себѣ самовоспитаніемъ и хитростью; но одновременно съ этимъ она сама же всей душой увлекалась очаровательнымъ образомъ самой себя, созданнымъ ея умомъ, честолюбіемъ, волей и несбывшимися надеждами. А такъ какъ она стремилась нравиться человѣку благородному, то ей приходилось, почти помимо воли, и самой дѣлаться благороднѣе; въ этомъ крылась своеобразная иронія.

— Передо мною три пути—самъ съ собою разсуждалъ Ханка:— или я уѣду и больше не вернусь сюда, или она станетъ моей возлюбленной; или, наконецъ, я женюсь на ней. Первое я уже разъ испробовалъ и вполнѣ безуспѣшно; видно, уже и тогда чортъ держалъ меня за фракъ. Второе для меня было бы недурно. Но спекулировать на невѣдѣніе другихъ, нельзя назвать поступкомъ симпатичнымъ. Само собою разумѣется, что здоровая натура съумѣетъ приноровиться къ одному изъ самыхъ обыденныхъ положеній; но развѣ я для того до ея двадцатичетырехлѣтняго возраста разыгрывалъ роль ея Провидѣнія, чтобы теперь измѣнить самому себя? Точно человѣкъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, выбрасывающій за окно пріобрѣтенное имущество. А если я, къ тому же, въ одинъ прекрасный день покину сей чудный міръ? Правда, я могу обезпечить ее; но развѣ деньги могутъ защитить отъ злобы общество? Слѣдовательно, остается самое нежелательное изъ всего—жениться на ней, т.-е. дать обѣщаніе на обезпеченіе, систематическое лишеніе свободы, сожитіе по привычкѣ и скуку вдвоемъ. Какъ въ лѣтнее время увеличивается количество багажа на желѣзныхъ дорогахъ, такъ возрастаетъ и багажъ жизни; послѣ перваго года любви наступаютъ долгіе годы подчиненія долгу. То же, что съ кондитерскими тортами изъ взбитыхъ сливокъ: чѣмъ они вкуснѣе, тѣмъ вреднѣе для желудка. Предположимъ еще, что у меня будетъ потомство... Развѣ я обладаю талантомъ воспитателя, терпѣніемъ учителя, нужными качествами, чтобъ служить примѣромъ? У меня нѣтъ пониманія дѣтей и любви къ нимъ и, слѣдовательно, я былъ бы отвратительнымъ отцомъ. Изъ этого ясно, что мнѣ ни въ какомъ случаѣ не суждено покрыть новой славой устарѣвшій институтъ брака. Посмотримъ теперь, какъ обстоятъ дѣла съ другой стороны, напримѣръ, со стороны любви. Любитъ она меня? Предположеніе не лишено изумительнаго комизма. А я ее? Со времени моего пребыванія въ гимназіи и увлеченія своей квартирной хозяйкой, обворожившей меня, я уже не испытывалъ болѣе подобныхъ рефлекторно-нервныхъ ощущеній. Итакъ какъ ни смотрѣть на все это, въ моемъ положеніи нѣтъ ничего вѣрнаго; просто какія-то паутинки, носящіяся въ солнечномъ воздухѣ.

На этомъ закончились серьезныя размышленія Александра Ханка. Ему стало тѣсно въ комнатѣ и даже домѣ, а потому онъ отправился гулять, хотя уже наступала ночь. Онъ еле могъ отличить дорогу отъ поля, по которому она шла. Небо еле-еле было видно и походило на сильно запотѣвшее молочнаго цвѣта стекло; все же остальное ка-

залось чернымъ, какъ уголь. Только вдали виднѣлось желто-сѣрое облачное пятно—это мѣсяцъ тускло просвѣчивалъ сквозь облака. Но ночная тьма казалась Ханкѣ самымъ подходящимъ временемъ для уясненія себѣ своего душевнаго состоянія. Но сколь честно онъ ни старался, ни къ чему опредѣленному придти не могъ—рядомъ съ настоящимъ Ханка небрежно выступалъ въ темнотѣ его двойникъ и дѣлалъ насмѣшливыя наблюденія надъ тѣмъ, какъ тотъ разлагаетъ свои чувства. На слѣдующее утро, заставъ Агнесу одну, онъ, по военному, широкими шагами направился прямо къ ней.

— Что бы ты сказала,—началъ онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей, приблизивъ ротъ къ самому ея уху,—если бы я женился на Беатѣ?

Агнеса изумленно широко раскрыла голубые глаза. Переконфуженный Ханка судорожно сосалъ свою сигару, чесалъ лѣвою рукой правую половину головы и вдругъ, пытливо оглянувшись, вырвалъ изъ записной книжки листокъ бумаги и торопливо написалъ слѣдующее: «Ты должна согласиться, что это не слишкомъ-то благоразумно съ моей стороны. Женитьба, во всякомъ случаѣ, большая глупость; съ этимъ я совершенно согласенъ, но, по крайней мѣрѣ, я хорошо подготовленъ къ этой глупости. Во-вторыхъ, для меня бракъ является чѣмъ-то въ родѣ курса леченія. Я въ нее не влюбленъ, что въ сущности довольно печально, но зато полезно для подобнаго рода предпріятій. Ты можешь понять, что меня особенно привлекаетъ: я увѣренъ въ своемъ...»

Прислонившись плечомъ къ лѣвой рукѣ брата, Агнеса медленно читала написанное.

— Ну?—наивно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ выраженіемъ глубочайшей преданности спросила она, когда его рука остановилась.

Онъ пожалъ плечами и скомкалъ листокъ.

— Тебѣ лучше знать, Александръ,—сказала Агнеса, и ея глаза сразу увлажнились. Она смущенно опустила вѣки и задумчиво принялась за свои домашнія работы.

Ханка, недовольный собою и происшедшимъ, взялъ книгу, чтобы читать.

«Невозможно», думалъ онъ, «воспитать кого бы то ни было себѣ въ друзья или жены», и при этомъ онъ презрительно плюнулъ въ садъ, весь залитый солнечнымъ свѣтомъ черезъ открытое окно. «Но о поступкѣ можно судить лишь по послѣдствіямъ, я же не хочу предавать себя, потому что когда-то имѣлъ счастье быть идеалистомъ».

Когда же Беата вошла въ комнату, онъ нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ, потомъ состроивъ дѣланно-хитрое и въ то же время какъ будто очень разсудительное лицо, вдругъ заговорилъ съ нею необыкновенно низкимъ голосомъ:

— А что бы ты сказала, Беата,—повторилъ онъ ту же фразу, съ которой только что обращался къ сестрѣ.—Что бы ты сказала, если бы я сдѣлалъ тебѣ предложеніе?—На лбу у него появились морщины и

онъ казался раздосадованнымъ. А такъ какъ Беата неподвижно смотрѣла прямо передъ собою и, наконецъ, медленно вышла изъ комнаты, то онъ погрузился въ глубокую задумчивость и началъ потихоньку насвистывать, не поднимая, однако, глазъ отъ пола. Приблизительно часъ спустя онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку у подъѣзда. Проходя мимо него, она подняла голову и съ спокойною улыбкой произнесла: «да». Ханка съ сильно бьющимся сердцемъ отправился бѣгать по саду.

Извѣстіе о смерти госпожи Анзорге пришло къ Ханка еще поутру, но Александръ настойчиво протестовалъ противъ обычнаго въ подобныхъ случаяхъ визита; весьма вѣроятно, что толчкомъ къ такому рѣзкому проявленію личныхъ чувствъ послужило поведеніе Арнольда въ послѣдній разъ. На слѣдующій день были назначены похороны, на которыхъ Ханка рѣшилъ присутствовать. Кладбище находилось довольно высоко на холмѣ. Несмотря на ясное послѣобѣденное время, бушевалъ страшный вѣтеръ. На могилахъ еще виднѣлись остатки снѣга, словно цвѣты, проглядывавшіе сквозь сухія вѣтки и землю. Ханка держался въ сторонѣ. Въ немъ странно перемѣшивалось чувство удивленія и недовѣрія къ Арнольду, за которымъ онъ наблюдалъ. Тотъ стоялъ около самой могилы и мечтательно, съ ясно-спокойнымъ лицомъ смотрѣлъ на дно четыреугольной ямы, когда въ нее опускали гробъ. Всѣ глядѣли на него, даже ксендзъ запнулся при произнесеніи своей заученной рѣчи и внезапно, дѣйствительно заволновавшись, оборвалъ ее и удалился. Урсула плакала, но громче ея кричали вороны, пролетавшія надъ головами присутствующихъ. Блѣдное лицо Барромео съ черною, какъ смоль, бородою производило впечатлѣніе лица привидѣнія. И его взоры также были устремлены на племянника, но въ нихъ не было ни испуга, ни упрека, ни негодованія.

Дома Ханка занялся приготовленіемъ къ отъѣзду, такъ какъ теперь ему стало необходимо какъ можно умнѣе распорядиться своимъ временемъ. Ему хотѣлось, чтобы въ этотъ вечеръ у него было свѣтлѣе на душѣ... Рано утромъ подали экипажъ, чтобы ѣхать на станцію. Черезъ полтара часа онъ уже находился на вокзалѣ, гдѣ увидѣлъ доктора Барромео и Арнольда, обоихъ одѣтыхъ по дорожному и, подобно ему, ожидавшихъ поѣзда. Ханка поклонился съ свойственною ему серьезною любезностью, но не подошелъ, а принялся ходить по крытому тесомъ перрону. Погода стояла чудная; воздухъ былъ тихъ, земля выдыхала влажныя испаренія. Далеко впереди на солнцѣ блестѣли рельсы и терялись въ сѣро-голубыхъ лѣсахъ долины.

Натали.

XXIV.

Фридрихъ Барромео предложилъ Арнольду поселиться у него въ домѣ, заявивъ, что половина верхняго этажа пустуетъ и онъ совершенно спокойно и нисколько не стѣсняясь можетъ имъ воспользоваться.

Арнольдъ согласился безъ всякихъ изъявленій благодарности. Не будь онъ даже такъ сильно и безпрестанно поглощенъ своими собственными мыслями, какъ теперь, все же счелъ бы любезность дяди слишкомъ естественной и незначительной, чтобы объ ней стоило разговаривать. Кромѣ того, Барромео дѣлалъ видъ, что Арнольдъ дѣлаетъ ему этимъ большое одолженіе, исполняетъ его страстное желаніе и будто вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ онъ поджидаетъ его къ себѣ. Сохраняя наружно видъ полнаго равнодушія и какъ бы представляя все собственному теченію, Барромео, однако, не переставая, хотя и молча, совѣтывался съ самимъ собою. Близость Арнольда возбуждала его и утомляла. Выраженіе лица племянника, какъ бы свидѣтельствовавшее о томъ, что онъ собирается съ силами, его твердый, спокойный взглядъ, дѣлали его самого боязливымъ и молчаливымъ. Въ Барромео, давно уже утерявшемъ и вѣру, и силы, теперь шла странная внутренняя борьба между его настоящимъ и воспоминаніями прошедшаго.

Въ Вѣну они пріѣхали послѣ полудня и отправились съ вокзала въ открытомъ экипажѣ. Впервые очутившись на городской улицѣ и сразу оглушенный ея шумомъ и грохотомъ, Арнольдъ утерялъ способность продумать до конца хоть единую мысль. На него нашло какое то странное замѣшательство и ему стало казаться, что звуки возникаютъ какъ то сами по себѣ, безо всякой причины, и изо всѣхъ угловъ, точно воды изъ дырявыхъ сосудовъ, стекаются внизъ на улицу. Раздавались крики, возгласы кучеровъ, брань, приказанія; кругомъ гудѣло, стучало, гремѣло, щелкало, грохотало... Катились экипажи, дребезжали тачки, звонили колокольчики, стучали молотки... топотали, выли, стонали, шипѣли, скрипѣли. Бѣгали люди, одни широко размахивая руками, другіе, обливаясь потомъ; нѣкоторые съ судорожно искаженными лицами, а нѣкоторые, словно безумные, вперивъ взглядъ въ пространство и не смотря ни вправо, ни влѣво; были и такіе, что съ застывшими физіономіями ѣхали, развалясь въ великолѣпныхъ экипажахъ, и такіе, что болтали и смѣялись, въ то время какъ лица ихъ сохраняли странное страдальчески напряженное выраженіе. Даже самый воздухъ казался насыщеннымъ и какъ бы сгустился отъ раздававшихся словъ, шума и пыли. Тянулись длинные ряды однообразныхъ домовъ съ безчисленнымъ количествомъ оконъ; здѣсь и небо выглядѣло иначе, иначе плыли облака, иначе свѣтило солнце. По стѣнамъ висѣли лоскуты пестрой бумаги, на которой необыкновенно восхвалялись разныя мыла, вина, съѣстные припасы, газеты, мебель, концерты, платья, лѣчебныя средства и произведенія искусства. Безпокойно шныряли собаки, безсмысленно маршировали солдаты, изъ домовъ несся запахъ пива, кушанья и разныхъ товаровъ; за роскошными рѣшетками виднѣлись искалѣченныя деревца; все двигалось, торопилось, точно здѣсь не существовало ни сна, ни ночи, ни отдыха, ни времени, чтобы опомниться.

Скоро они доѣхали до дома Барромео. Онъ былъ старъ и расположенъ въ узкой, мрачной и кривой улицѣ, въ центрѣ города; окна узкими рядами близко тѣснились другъ къ другу, а само, почернѣвшее отъ старости, строеніе стройно, но безрадостно высилось кверху. Ихъ встрѣтилъ лакей, чтобы принять багажъ. Докторъ Барромео провелъ Арнольда прямо наверхъ, въ предназначенныя ему комнаты, онѣ были высокія, тихія, и также производили впечатлѣніе старости и заброшенности. Барромео сообщилъ, что въ прежніе годы здѣсь жилъ братъ его покойной жены, человѣкъ, котораго еще въ студенческіе годы загубило вино и женщины. Вдругъ Барромео оборвалъ свей однотонный и отрывистый разсказъ и медленно перевелъ взглядъ на двери, въ которыхъ появилась его жена. У нея была поистинѣ царственная наружность—лицо блѣдное, губы, на которыхъ играла привѣтливая, одинаково озарявшая всѣхъ улыбка, ярко-красныя. Почти того же огненно-краснаго цвѣта были роскошные волосы, причесанные въ видѣ короны. Каждый шагъ этой женщины сопровождался шуршаніемъ, казавшимся Арнольду чѣмъ-то чрезвычайно загадочнымъ. Съ удивленіемъ смѣшаннымъ съ любопытствомъ, повернулся онъ въ ея сторону и тотчасъ же услышалъ распространившійся по комнатѣ пронизывающій, безпокоившій его, ароматъ.

— Извините, господа, я никакъ не думала, что могу помѣшать...— произнесла она пѣвучимъ, какъ бы струящимся голосомъ и лицо ея приняло выраженіе свѣтскаго отчаянія.—Такъ вотъ онъ, племянникъ!— продолжала она и, шурша платьемъ, подошла ближе къ Арнольду, протянула ему руку и улыбнулась: беззаботно, матерински, участливо, слегка насмѣшливо, въ то же время съ непонятной смѣсью спокойствія и оживленія. Получалось впечатлѣніе, что какъ только она вошла въ комнату, такъ тотчасъ же завладѣла всѣмъ,—стѣнами, мебелью, свѣтомъ, воздухомъ и обоими мужчинами. Арнольдъ позабылъ даже пожать протянутую руку. Она засмѣялась, покачала головой и спросила мужа, не сойдетъ ли онъ къ ней напиться чаю. Получивъ отрицательный отвѣтъ, она попросила, чтобы онъ по крайней мѣрѣ предоставилъ въ ея распоряженіе племянника, который, навѣрное, проголодался съ дороги.

— Я съ нетерпѣніемъ поджидала васъ или тебя,—обратилась она къ Арнольду,—и приготовилась къ встрѣчѣ съ чѣмъ-то въ родѣ лѣсного человѣка, да и теперь еще жду того же. Конечно, въ самомъ благородномъ смыслѣ слова. Но не будемъ терять изъ-за этого времени. А здѣсь безъ насъ все приведутъ въ порядокъ, вѣдь я только сегодня утромъ узнала о вашемъ пріѣздѣ. Идемте!.. Идемъ, Арнольдъ.

Все это было произнесено съ необыкновеннымъ богатствомъ интонацій; для каждаго слова находился свой особый звукъ, настолько же неразрывно связанный съ нимъ, насколько мастерски сшитое платье сливается съ тѣломъ, которое плотно облегаетъ и съ неотразимой непринужденностью, присущей только развитому уму, или же обманчивому

подражанію ему. Арнольдъ простился съ Барромео, такъ какъ у него явилось чувство, будто его разлучаютъ съ нимъ надолго, причемъ холодная вѣжливость дяди его нѣсколько удивила. Затѣмъ онъ вслѣдъ за хозяйкой вышелъ въ корридоръ, спустился съ нею въ нижній этажъ и вошелъ въ большую, высокую и свѣтлую комнату. У заставленнаго чашками, стаканами, серебромъ, цвѣтами и разными яствами столомъ сидѣли три лица и о чемъ-то болтали. Молодую дѣвушку госпожа Барромео назвала Петрой Кёнигъ; старика съ чрезмѣрно утолщенной шеей, какъ будто у него былъ зобъ, барономъ Друзіусомъ; третій же былъ бѣлокурый и блѣдный молодой человѣкъ по имени Хиртль; необыкновенная, почти кукольная изысканность его костюма бросалась прямо въ глаза. При входѣ Арнольда онъ, словно ослѣпленный, уставился на его сѣрую рабочую куртку, старомодный воротникъ и тяжелыя, громадныя сапожища; юмористическая улыбка подергивала его безкровныя губы, точно онъ съ трудомъ подавлялъ въ себѣ цѣлый рядъ остроумныхъ замѣчаній. Барышня смотрѣла прямо передъ собою въ пространство съ дѣланнымъ выраженіемъ равнодушія, а старый баронъ окинулъ быстрымъ и острымъ взглядомъ хозяйку дома и Арнольда.

— Ну теперь мы благополучно залучили сюда нашего лѣсного человѣка,—насмѣшливо улыбаясь, сказала хозяйка—ее забавляло молчаніе гостей.—Я вѣдь разсказывала вамъ о немъ,—обратилась она къ Хиртлю.

— Слѣдовательно, наше общество будетъ имѣть возможность въ непродолжительномъ времени привѣтствовать новую восходящую звѣзду,—замѣтилъ баронъ звонкимъ, но немного рѣзкимъ голосомъ, съ видомъ дѣловитой серьезности. Голову и толстую шею онъ наклонилъ впередъ, а руки спокойно сложилъ на колѣняхъ. Борода цвѣта льна, перемѣшаннаго съ красноватыми волосами, придавала и безъ того необыкновенной важности лицу еще что-то такое, что напоминало привидѣнія.

— Что касается привѣтствованія, то я, при сношеніяхъ со звѣздами, ограничиваюсь подзорной трубой — отвѣтилъ Хиртль, причемъ его лицо слегка порозовѣло отъ удовольствія доставленнаго собственнымъ замѣчаніемъ. Но въ то же время онъ сохранилъ чрезвычайно скромный видъ и съ дѣланнымъ равнодушіемъ отхлебывалъ изъ своей чашки. Только когда Петра Кёнигъ засмѣялась сдавленнымъ, неловкимъ смѣшкомъ, черезчуръ явно изобличавшимъ, что она поняла его, онъ точно освободился отъ тягостнаго, тайнаго ожиданія. Положивъ щиколотку одной ноги на колѣно другой, немного сдвинувъ кверху панталоны, такъ что надъ лаковыми сапогами сталъ видѣнъ кусокъ фіолетовыхъ, шелковыхъ носковъ, онъ ловко вытащилъ изъ кармана золотой портсигаръ и вѣжливо попросилъ у хозяйки позволенія закурить. При этомъ онъ глубоко и грустно заглянулъ въ глаза госпожѣ

Барромео, такъ что Арнольдъ былъ очень удивленъ, услыхавъ слова, сопровождавшія этотъ взглядъ. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что на него смотритъ Петра Кёнигъ; но, замѣтивъ, что онъ видитъ это, она испуганно отвела глаза, принявшіе было болѣе спокойное и теплое выраженіе, и съ улыбкой ровно ничего не выражающей, протянула руку за печеніемъ на серебряномъ блюдѣ.

Баронъ Друзіусъ хрустнулъ пальцами и съ непонятнымъ для Арнольда участіемъ спросилъ:—Вы сельскій хозяинъ?

— До сихъ поръ былъ имъ—прервала его Анна Борромео.

Хиртль, которому новоприбывшій показался тупицей и дуралеемъ, уставился на него, причемъ его лицо съ каждой минутой принимало все болѣе и болѣе юмористическое выраженіе, даже губы дрожали отъ невысказанныхъ остротъ, но все же онъ напрасно старался отгадать, зачѣмъ Анна ввела въ свой салонъ этого удивительнаго человѣка? Въ концѣ концовъ онъ приписалъ это ея страсти дѣлать сюрпризы.

— По всѣмъ вѣроятіямъ вы пріѣхали въ городъ по дѣламъ—продолжалъ свои разспросы неутомимый Друзіусъ, думавшій доставить хозяйкѣ удовольствіе, если станетъ занимать нѣмого гостя.

— У него мать умерла,—вторично за Арнольда отвѣтила хозяйка. Она была неспокойна и раздражена противъ него, такъ какъ до сихъ поръ не слыхала отъ него ни единаго звука. Между бровей у нея залегла продольная морщина. Наливая Петрѣ чай, она въ то же время обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Какъ поживаетъ ваша сестраНатали?

— Хорошо,—отвѣтила молодая дѣвушка, причемъ ея взглядъ сдѣлался серьезнымъ, какъ всегда, когда рѣчь заходила о сестрѣ, а на лицѣ мелькнула снисходительная насмѣшка.

— Очаровательная женщина,—заявилъ баронъ и щелкнулъ языкомъ.—Настоящая фигурка въ стилѣ рококо, одна прелесть! И теперь онъ говорилъ съ такою же горячностью, какую только что передъ тѣмъ обнаружилъ въ разговорѣ съ Арнольдомъ. Хиртль, повидимому, скучалъ, его глаза покоились на лицѣ хозяйки не то съ грустнымъ, не то пытливымъ выраженіемъ.

— Какъ стоятъ на биржѣ акціи Монтона?—съ улыбкой спросила его Анна, снимая кончикомъ пальца крошку хлѣба со своего платья.

Арнольдъ разсматривалъ комнату, обои, ковры, картины и все съ бòльшимъ и большимъ удивленіемъ прислушивался къ разговору. Онъ слышалъ слова, звуки которыхъ были ему какъ будто знакомы, но теперь они заключали въ себѣ непонятный для него смыслъ. Ему показалось, будто передъ нимъ люди, двигающіеся взадъ и впередъ въ самомъ густомъ туманѣ; они могли по своему желанію то показываться, то прятаться и благодаря этому ограждать себя отъ всѣхъ опасностей и нападеній. Выпивъ чай, въ который налилъ очень много молока, онъ поднялся съ мѣста, пододвинулъ свой стулъ совсѣмъ близко къ

столу, поблагодарилъ хозяйку и со словами: «А теперь я пойду умыться», съ самымъ невиннымъ выраженіемъ лица покинулъ салонъ.

Сначала произошло тягостное молчаніе; потомъ Анна Барромео улыбнулась, а за ней улыбнулся и Эммерикъ Хиртлъ, причемъ граціозно уперся руками въ бока. Друзіусъ и Петра Кёнигъ также улыбнулись. Потомъ Хиртлъ надулъ щеки, и имъ овладѣлъ настоящій пароксизмъ смѣха; между приступами его онъ, въ концѣ концовъ, съ трудомъ простоналъ, что никогда еще въ жизни такъ божественно не веселился. Анна Борромео шутливо погрозила ему пальцемъ.

25.

Арнольдъ отправился въ отведенныя ему комнаты. Въ передней отдѣленія его встрѣтилъ лакей, заявившій, что ожидаетъ приказаній молодого барина.—Какихъ приказаній?—останавливаясь спросилъ Арнольдъ. Въ немъ вдругъ пробудилась подозрительность. Человѣкъ улыбнулся и пристально посмотрѣлъ на него.—Можете идти,—сказалъ Арнольдъ и выждалъ, пока тотъ не закрылъ за собой дверей. «Что за странное помѣщеніе», думалъ онъ, проходя черезъ комнаты и разсматривая дорогія обои, тяжелыя драпировки, картины, вазы, ковры, мебель, книги. Онъ распахнулъ окно; стало нѣсколько свѣтлѣе и прохладнѣе. Улица была очень узка. Заглянувъ внизъ, онъ удивился высотѣ своего и близости противоположныхъ домовъ и безконечному ряду оконъ, которыя сплошь всѣ были закрыты. Затѣмъ онъ взглянулъ кверху и увидалъ лишь небольшой клочокъ потухающаго въ вечернихъ краскахъ неба. Надъ крышами съ крикомъ быстро пролетала стая птицъ. Во время этихъ наблюденій онъ другъ почувствовалъ сильный голодъ и, не долго раздумывая, взялъ шляпу, вышелъ изъ дому и отправился на поиски ближайшаго ресторана. Скоро онъ наткнулся на маленькій извозчичій трактирчикъ, вошелъ въ него и спросилъ себѣ вина, колбасы, сыру и съ аппетитомъ принялся закусывать. Въ низкомъ помѣщеніи, переполненномъ табачнымъ дымомъ, сидѣло множество народу, они ругались, кричали, смѣялись и играли въ различныя игры. Насытившись Арнольдъ заплатилъ и вышелъ. Онъ рѣшился прогуляться по улицамъ, но по природѣ осторожный и вовсе не склонный къ туманной мечтательности, онъ предварительно вернулся назадъ и старательно замѣтилъ улицу и домъ дяди. Свернувъ изъ тихой, боковой улицы на одну изъ главныхъ, онъ тотчасъ же очутился въ кипящемъ людскомъ потокѣ. Ослѣпительный свѣтъ высокихъ, бѣлыхъ фонарей окончательно разгонялъ вечерній сумракъ. Изъ всѣхъ магазиновъ и изъ каждаго окна чудныхъ дворцовъ лился такой же яркій свѣтъ и даже сама ночь какъ то нерѣшительно разстилала свой мракъ надъ крышами. Очутившись среди безконечной, ежесекундно возобновляющейся толпы, Арнольдъ подумалъ сначала, что окружающій его шумъ

ни что иное, какъ равномѣрный, боязливый шопотъ, который нельзя назвать ни громкимъ, ни тихимъ; это былъ ни говоръ, ни крикъ; иногда онъ напоминалъ непрерывно слѣдующіе одинъ за другимъ впродолженіи нѣскольких минутъ глубокіе вздохи, чаще же вызывалъ представленіе о далекомъ смѣхѣ. Ничто не оставалось неподвижнымъ, все шумѣло на подобіе тяжелыхъ рѣчныхъ волнъ. Арнольдъ жался къ самымъ домамъ и лишь съ трудомъ подвигался впередъ. Ему не надоѣдало разсматривать встрѣчныхъ, онъ не могъ досыта наглядѣться на нихъ, улавливать выраженіе ихъ глазъ, вслушиваться въ ихъ смѣхъ... Одинъ высматривалъ пытливо и осторожно, другой о чемъ-то говорилъ съ раздраженіемъ, третій выглядѣлъ утомленнымъ... Вонъ та женщина переваливается, словно откормленная курица, та вотъ скользитъ, какъ привидѣніе, ея губы кривятся, а глаза ищутъ чего-то... Каждый, казалось, надѣлъ маску и какъ бы подвигался впередъ между невидимыми стѣнами. «Вотъ къ кому я обращусь», думалъ Арнольдъ, причемъ останавливался и оглядывался по сторонамъ, точно это надо было сдѣлать сейчасъ же. «Но что бы такое сдѣлать, чтобы заставить ихъ остановиться? Они заняты. Они или голодны, или идутъ къ друзьямъ, или спѣшатъ по дѣламъ... Ихъ много, тысячи... и они не слыхали еще того слова, что я собираюсь сказать имъ».

«Какъ странно торопится вонъ тотъ, точно боится опоздать къ супу... а этотъ стоитъ совершенно криво, того и гляди упадетъ; а тѣ, гордые, наслаждаются вечеромъ, не вѣдаютъ заботы... какъ хорошо они одѣты, лица ихъ сіяютъ, у нихъ, повидимому, вѣчный праздникъ; вонъ они же стоятъ передъ выставками товаровъ, глазѣютъ на нихъ, болтаютъ... Вотъ что было бы недурно, это подняться на воздухъ и крикнуть такимъ голосомъ, чтобы онъ сразу разнесся по всему городу. Надо бы напугать ихъ, чтобы они моментально пріостановились и стали слушать».

Сбитый всѣмъ видѣннымъ съ толку, не зная, что предпринять, точно въ угарѣ, смотрѣлъ Арнольдъ прямо передъ собою. Вновь въ немъ проснулось прежнее горячее желаніе, вновь раздавался прежній призывъ, но найдетъ ли онъ вѣрный путь—въ этомъ онъ сталъ почему-то сомнѣваться. Собственный голосъ казался ему теперь слабымъ, намѣченные пути негодными, руки безсильными, понятія дѣтскими. Основная мелодія внутренняго міра звучала теперь громче, чѣмъ когда либо, но внѣшній шумъ поглощалъ ее. Но одновременно съ чувствомъ безсилія, охватывавшемъ его со всѣхъ сторонъ, въ немъ все сильнѣе и сильнѣе пробуждалась и жажда могущества. Онъ видѣлъ предъ собою людей, и еще людей, все новыхъ и новыхъ... Но ни одного лица нельзя было запомнить, всѣ они расплывались въ туманѣ, точно въ салонѣ тетки Барромео. «У кого же можетъ хватить силъ руководить ихъ дикими инстинктами, объединить разнузданныя чувства»?

Необычайно взволнованный и взволнованный иначе чѣмъ обыкновенно, онъ покинулъ, какъ днемъ, залитыя свѣтомъ улицы и завернулъ въ болѣе темныя, гдѣ его собственная тѣнь то слабо и смутно сливалась съ мракомъ, то снова, когда онъ проходилъ подъ желтоватымъ, холоднымъ пламенемъ газоваго рожка, рѣзко вырисовывалась. Онъ не думалъ болѣе о цѣли и причинѣ своего странствованія, а шелъ себѣ, весь обратившись въ зрѣніе; его способность мышленія была будто парализована, все видѣнное казалось ему невѣроятнымъ, безпричиннымъ и противнымъ здравому смыслу. Зачѣмъ дома такъ тѣсно прижаты одинъ къ другому, такъ что кажется, будто они задыхаются? Зачѣмъ одна улица примыкаетъ къ другой и каждая наполнена одинаковымъ жужжащимъ шумомъ, даже если въ ней нѣтъ ни души? Почему одни окна пусты и темны, а въ другихъ свѣтится огонекъ, точно въ глазахъ человѣка, преисполненнаго надеждой? На каждомъ углу Арнольдъ останавливался и съ удивленіемъ всматривался въ неподвижной рядъ фонарей. Его тянуло дойти до конца и, не думая о возвращеніи, онъ вмѣстѣ съ толпой шелъ изъ одной улицы въ другую, одного переулка въ другой и, каждый разъ сворачивая въ новую улицу, думалъ, что вотъ-вотъ передъ нимъ откроется лѣсъ или раскинутся тихіе луга. Но эти ожиданія не сбывались и чувство удивленія все возрастало, все болѣе ошеломляло его... Этому еще способствовало сознаніе, что массы домовъ не только тянутся въ томъ направленіи, въ какомъ онъ шелъ, но также расползаются во всѣ стороны, поднимаются къ небу и углубляются въ нѣдра земли. Онъ разсматривалъ вывѣски мелочныхъ лавокъ, трактировъ и безчисленныхъ магазиновъ, въ которыхъ, онъ думалъ, живутъ довольные и счастливые люди, такъ какъ блескъ свѣчей и пестрота вывѣсокъ вводили его въ заблужденіе; онъ останавливался передъ освѣщенными окнами кофеенъ и растерянно заглядывалъ въ нихъ, и онѣ казались ему разукрашенными, какъ для пира. Онъ видѣлъ громадныя зданія, которыя, повидимому, должны были служить для какихъ-то невѣдомыхъ ему, но возвышенныхъ цѣлей; церкви съ запертыми бронзовыми вратами и башнями, съ высоты которыхъ все же раздавался колокольный звонъ. Повсюду на взглядъ вѣяло покоемъ, порядкомъ, справедливостью и сотни разъ Арнольдъ при мысли о себѣ качалъ головой и ощущалъ недовольство, самъ не зная почему. Еще ни разу ему не приходилось испытывать такого чувства безотрадной усталости. «Куда теперь?» думалъ онъ и все продолжалъ идти впередъ, и, наконецъ, забрелъ въ пустынное предмѣстье съ вымершими улицами. Здѣсь дома были ниже, и поэтому небо казалось ближе. Въ подвальныхъ этажахъ онъ видѣлъ семьи, сидящія за ужиномъ; изъ трактировъ несся шумъ и крикъ, мимо шмыгали дѣвки и улыбались ему... и каждый отдѣльный звукъ и каждая картина вызывала въ Арнольдѣ ошеломляющее чувство безконечнаго разнообразія и безграничной распространенности. Онъ сталъ

казаться себѣ самому нѣсколько смѣшнымъ съ своими желаніями и своею настойчивостью; ему даже приходило въ голову, не слишкомъ ли ничтожно и слабо то, что еще вчера всецѣло поглощало его, въ сравненіи съ силами, что теперь во очію онъ видитъ передъ собою? Но эти думы скорѣе смахивали на цѣлый ураганъ вопросовъ, и съ горечью, почти съ страхомъ почувствовалъ онъ свою полную неопытность и напрасно старался увѣрить себя, что избытокъ внутреннихъ силъ въ состояніи всецѣло замѣнить ее. Отъ всего этого у него закружилась голова, такъ что онъ уже не шелъ, а скорѣе, шатаясь, подвигался впередъ. Ему казалось, что если онъ тутъ же не возвысится до какого-нибудь поступка, то начнетъ самъ себя презирать, хотя въ чемъ долженъ состоять этотъ поступокъ, для него самого съ каждой минутой становилось все болѣе и болѣе загадочнымъ. «Господи, сказалъ онъ себѣ, вѣдь это, пожалуй, кончится плохо», и вдругъ порывисто повернулъ обратно, причемъ въ немъ возникла странная увѣренность, какъ бы предчувствіе, что вскорѣ, благодаря какому-то внушенію извнѣ, мракъ вокругъ него разсѣется. Вѣжливо, почти робко, онъ разспрашивалъ встрѣчныхъ про дорогу, что указывало на его наивную и покорную сердечную готовность послѣдовать указаніямъ судьбы.

Послѣ многочасовой прогулки онъ, наконецъ, нашелъ дорогу и часамъ къ десяти вернулся къ дому Барромео. Человѣкъ проводилъ его до его комнаты, зажегъ тамъ лампы и спросилъ, не нужно ли чего? Арнольдъ покачалъ головою. Звукъ человѣческаго голоса казался ему чуждымъ. Не воспользовавшись ни однимъ изъ роскошныхъ стульевъ, онъ сѣлъ верхомъ на свой дорожный сундукъ и собрался хорошенько все обдумать. Дышалъ онъ часто; ему казалось, что онъ держитъ собственное сердце въ рукѣ и поворачиваетъ его то такъ, то эдакъ, но оно, попрежнему, остается нѣмо. Тогда онъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, но ему въ ней стало казаться тѣсно. И вдругъ передъ нимъ точно открылось множество дорогъ, и каждая-то изъ нихъ вела именно туда, гдѣ безо всякаго труда можно было добиться справедливости. Но развѣ она, эта справедливость, дѣйствительно что-то уже столь великое? развѣ стоило изъ-за нея предаваться такому гнѣву и такъ томиться? Въ сущности это такъ немного—добиться справедливости, и Арнольду стало стыдно: ему представилось, что онъ похожъ на человѣка, который для того, чтобы дотащить домой мышонка, является за нимъ съ полкомъ. И то, что онъ намѣревался сдѣлать, показалось ему столь легкимъ и само собою понятнымъ... Онъ даже принялся насвистывать про себя, когда въ дверь постучали. Вошелъ Барромео.

— Добрый вечеръ, Арнольдъ,—сказалъ онъ своимъ обычнымъ, размѣреннымъ тономъ.—Устроился ли ты хоть немного?

Наружною стороною руки, онъ осторожно приподнялъ свою бороду, причемъ слегка наклонилъ голову къ плечу.

Арнольдъ подошелъ къ нему.

— Что мнѣ дѣлать? Съ чего начать?—быстро спросилъ онъ, засовывая кулаки въ карманы.—Вотъ я пріѣхалъ и уже прошелъ цѣлый день.

Барромео, продолжая любовно поглаживать бороду, опустилъ глаза и сдержаннымъ голосомъ, въ которомъ, однако, звучали давно принятыя рѣшенія, сказалъ:

— Тебѣ придется еще обождать и даже не одинъ день. Не разсчитывай на окружающихъ, а на самого себя разсчитывай только въ такомъ случаѣ, когда ни на минуту не станешь сомнѣваться въ себѣ. Но тогда у тебя будетъ много времени, очень много.

Арнольдъ сразу, однимъ движеніемъ, повернулся къ дядѣ; выжидательно и упрямо смотрѣлъ онъ на него, а тотъ подошелъ къ столу, опустился на низенькое кресло и съ глубокою серьезностью выдержалъ взглядъ племянника.

— Я находилъ правильнымъ твой пріѣздъ въ городъ, Арнольдъ,— тихо продолжалъ онъ.—Ты хотѣлъ все самъ видѣть, да тебѣ и нужно все видѣть самому. Но дальше, пока, тебѣ ничего не слѣдуетъ предпринимать. Успокойся и выслушай меня! Вѣдь ты не знаешь, что я намѣренъ сказать тебѣ.

Наконецъ Барромео пересталъ поглаживать свою бороду, взялъ со стола разрѣзальный ножъ изъ слоновой кости, положилъ его на средніе пальцы обѣихъ рукъ и уже не спускалъ съ него глазъ все время, пока говорилъ. Свою рѣчь онъ сопровождалъ еле примѣтной улыбкой, скорѣе даже тяжелымъ движеніемъ челюстей и скептическимъ подергиваніемъ угловъ рта.

— Ты хочешь освободить Ютту Алассеръ?—продолжалъ онъ.—Мнѣ понятно подобное желаніе; понимаю также и его побудительные причины. Ты молодъ; въ тебѣ кипитъ вся чудная юность; но что ты сможешь сдѣлать одинъ? Не думай, Арнольдъ, что я собираюсь удерживать тебя, наоборотъ. Но еще не бывало случая, чтобы полководецъ одинъ, безъ войска, выигралъ сраженіе. Теперь я говорю съ тобою не въ качествѣ родственника. Представь себѣ на минуту, что я божество, стремящееся посредствомъ тебя осуществить цѣли, которыя оно себѣ поставило. Какъ твой дядя, я долженъ бы былъ сказать тебѣ, что это безполезно, что свѣтъ все едино не передѣлать, будешь ли ты кричать или спать. Исторія Алассера случайно послужила толчкомъ къ пробужденію твоего сердца; но вѣдь и милліоны другихъ случаевъ могли произвести на тебя тоже дѣйствіе. Возьмемъ хоть исключительно наше отечество, или даже одну Галицію: все тамошнее управленіе подгнило въ самомъ корню; промыслы доведены до крайняго упадка; члены денежной, да и родовой аристократіи, совершаютъ самыя невозможныя хищенія; ростовщичество процвѣтаетъ, какъ процвѣтало только въ средніе вѣка: мѣстный банкъ потерпѣлъ крахъ, потому что одинъ князь

и одинъ графъ съ помощью обмана довели его до разоренія. Слышалъ ли ты что-нибудь о князѣ Цирисковеръ? Голодные рабочіе должны были смотрѣть, какъ акціонеры обкрадывали другъ друга, а директоръ обкрадывалъ ихъ на десятки тысячъ гульденовъ. Милліоны запаснаго капитала удерживаются у крестьянъ, влачащихъ самое жалкое существованіе среди голода и болѣзней; въ большихъ экономіяхъ работникамъ платятъ вмѣсто денегъ кусочкомъ картона. И что въ сравненіи со всѣмъ этимъ—твоя исторія заключенной въ монастырь дѣвушки? Посуди самъ. Ну, и оглянись теперь вокругъ себя—дѣла не мало. Учись, чтобы потомъ рѣшить, съ чего надо начинать. Человѣкъ, въ которомъ живетъ правда, можетъ помочь. Жажда правды привела тебя къ намъ и теперь все дѣло въ томъ, чтобы ты не сбился съ пути. Начиная съ сегодняшняго дня, пусть будетъ твоей задачей сохранить въ себѣ эту жажду истины. Не знаю почему, но я вѣрю въ тебя Арнольдъ; что-то вынуждаетъ меня къ этому. Я никогда не стану противодѣйствовать твоимъ желаніямъ, никогда не буду спрашивать, хорошо ли то, что ты дѣлаешь, исходя изъ мысли, что, что бы ты ни дѣлалъ, въ данномъ случаѣ лучшее. Я предоставляю тебѣ полную свободу располагать своимъ состояніемъ, временемъ и личностью. Но сначала рѣши, къ чему тебѣ слѣдуетъ приложить свои силы. Въ наше время нуженъ не только человѣкъ дѣльный, съ возвышенными чувствами и душевной чистотой, но и въ высшей степени практическій. Необходимы опытность и культура. Вотъ искусъ, черезъ который ты долженъ пройти. Наружно тебѣ слѣдуетъ походить на всѣхъ, одѣваться какъ всѣ, принять общіе всѣмъ обычаи и манеры, но руки твои должны оставаться чистыми, взглядъ яснымъ, душа незагрязненной. Но силу тебѣ пріобрѣсти необходимо, вотъ въ этомъ-то и задача. И тогда тебѣ уже будетъ нипочемъ освободить какую-нибудь Ютту Алассеръ. Пока же это невозможно для тебя, какъ и для всякаго другого. Повѣрь мнѣ, тебѣ не изыскать для этого иныхъ путей, нежели тѣ, которыми уже воспользовался ея отецъ, а растрачивать силы безъ толку, ради фантазіи, этого вѣдь ты и самъ не пожелаешь.

Первый разъ въ жизни Арнольда охватило что-то въ родѣ благоговѣйнаго чувства подданнаго къ своему монарху... Словно школьникъ, сидѣлъ онъ на своемъ сундукѣ, весь перегнувшись впередъ и благоговѣйно внимая каждому слову дяди, сказанному, повидимому, съ такимъ усиліемъ отъ усталости. Его глаза подернулись влагой, губы дрожали, точно отъ жажды.

— А съ чего тебѣ начать,—продолжалъ адвокатъ, какъ-то неопредѣленно наморщивъ лобъ,—это уже я предоставляю рѣшить тебѣ самому. Безъ программъ только. Ты долженъ все самъ придумать. Начни съ мелочей. Дѣйствуй по мелочамъ. Примыкай къ тому, гдѣ сама собою ясна необходимость этого. Я пришлю тебѣ наверхъ книги, съ которыми, по моему мнѣнію, тебѣ полезно познакомиться. Оставайся

какъ можно больше одинъ, но и въ этомъ отношеніи не хватай черезъ край. Ты долженъ жить вмѣстѣ со всѣми, не дозволяя никому въ отдѣльности завладѣть собою. Необходимость извѣстной правильности скоро сама собою выяснится для тебя. Учись познавать свѣтъ, въ которомъ живешь, и оцѣнивать его по достоинству. Въ тебѣ все есть, чтобы достичь цѣли. Итакъ, милѣйшій, я могу резюмировать все вышесказанное въ двухъ словахъ—сохрани въ себѣ, что имѣешь, и пріобрѣтай необходимое.

Было видно, что Барромео очень трудно говорить, такъ какъ кончилъ онъ съ видимымъ облегченіемъ и устало, медленно перевелъ взглядъ съ разрѣзальнаго ножа на свѣтъ. Арнольдъ положилъ голову на руки и закрылъ ими лицо. Что въ немъ бушевало и боролось, Барромео зналъ и именно это любилъ въ немъ. Вставъ съ мѣста, онъ подошелъ къ племяннику и положилъ ему руку на плечо.

— Ну?—коротко и ласково спросилъ онъ его.

Арнольдъ поднялъ глаза и, точно солдатъ, сорвался со своего мѣста. Щеки его пылали.

— Да,—сказалъ онъ и рѣшительно протянулъ руку дядѣ; тотъ кивнулъ головой.

— Я сознаю все это,—продолжалъ Арнольдъ, причемъ честно, прямо и гордо заглянулъ въ глаза Барромео.—Я все понимаю.

— Не все еще,—сказалъ тотъ.—Что ты не фантазеръ какой-нибудь—я зналъ заранѣе. Никогда я не былъ высокаго мнѣнія объ идеалистахъ безъ головъ. А теперь не отъужинаешь ли ты съ нами? Жена велѣла просить тебя.

Арнольдъ колебался. Ему хотѣлось побыть одному. Но въ то же время казалось, что слѣдуетъ побороть въ себѣ это желаніе, а потому и послѣдовалъ за дядей въ столовую.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мнѣ въ сумеркахъ, не знаю отчего
Такъ стало нынче странно—одиноко
И грустно, грустно... Точно издалека,
Невидимо, родное существо
Явилося и тихо улыбнулось,
И сердце вдругъ заныло и проснулось.
Взволнованный, я вышелъ на крыльцо
И въ садъ сошелъ по вымокшимъ ступенямъ
Сырымъ и терпкимъ воздухомъ весеннимъ
Обвѣяло мнѣ сразу все лицо,
И вѣтерокъ подулъ навстрѣчу ровно
И гладилъ щеки мягко и любовно.
Зеленовато-блѣдное, казалось
Такъ близко небо! Первая звѣзда
Прозрачнѣе, чувствительнѣе льда,
Дрожала въ немъ слезой и разливалась.
Свѣжѣло, и въ аллеѣ чьихъ-то ногъ
Остеклянѣлъ отчетливый слѣдокъ.
Изъ парниковъ, раскутанныхъ вчера,
Тянуло чѣмъ-то теплымъ, нездоровымъ,
Отъ срубовъ пахло деревомъ сосновымъ,
Откуда-то—дымкомъ, какъ отъ костра,
Отъ прѣлыхъ травъ—виномъ перебродившимъ,
А отъ земли—истлѣвшимъ и ожившимъ.
Паръ призрачно стоялъ между вѣтвей;
Онѣ тянулись къ небу нѣжно, кротко,
Рисуяся такъ тонко и такъ четко!
Ручей журчалъ напѣвами дѣтей,
И у ограды тополь недвижимо
Синѣлъ во тьмѣ прозрачнѣй, легче дыма.
Во всемъ я видѣлъ образъ дорогой.
Настала ночь... Въ туманѣ даль сѣдѣла.
Земля совсѣмъ остыла, отвердѣла.

Ледъ, какъ хрусталь, ломался подъ ногой.
Была суббота. Съ колокольни дальней
Плылъ мѣдный звонъ и дѣлалъ тишь печальнѣй.
Не онъ-ли былъ со мною, мой двойникъ,
Но только юный, сгубленный и милый?
Не онъ ли здѣсь дышалъ сырой могилой,
Тоскующій, къ груди моей приникъ
И звалъ меня загадочно куда-то,
Все обѣщалъ, чему ужъ нѣтъ возврата?..
И замеръ я, и долго такъ стоялъ,
И дивное мнѣ что-то въявѣ снилось.
Съ землей, въ слезахъ, душа моя молилась.
Я ждалъ чудесъ, невѣдомаго ждалъ;
И вдругъ, въ какомъ-то свѣтломъ откровеньи,
Поцѣловалъ я землю...

А. Өедоровъ.

ИЗЪ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ.

(Повѣсть въ письмахъ).

(*Продолженіе* *).

Ольховка, августъ 1864 года.

Пишу тебѣ, дорогая, наканунѣ отъѣзда, среди упакованныхъ уже вещей и того полнаго разгрома, который всегда наступаетъ въ домѣ предъ дальними переѣздами цѣлой семьей.

Завтра мы выѣзжаемъ въ Казань. Владиміръ, пріѣзжавшій за нами оттуда (онъ провелъ тамъ уже три мѣсяца, поѣхавъ предварительно одинъ, чтобы ознакомиться раньше съ городомъ и товарищами), уѣхалъ уже обратно въ Москву, гдѣ будетъ ждать насъ и гдѣ мы проведемъ еще около недѣли.

И вотъ повсюду стоятъ сундуки, валяются веревки и сѣно, двери распахнуты настежь и вѣтеръ, врываясь въ нихъ, свободно гуляетъ по комнатамъ... Всѣ ходятъ растерянные, заплаканные, и въ сердце все больше невольно закрадывается тоска... Что-то ждетъ насъ тамъ?

Тяжело отрываться отъ родного, цѣлыми поколѣніями насиженнаго гнѣзда; отъ самыхъ стѣнъ стараго дома, въ которомъ родился и выросъ, отъ всѣхъ этихъ людей, которыхъ зналъ еще ребенкомъ и связь съ которыми, помимо воли и сознанія, такъ глубоко вкоренилась въ душу, въ привязанность, въ самую жизнь даже...

Для меня это цѣлый Рубиконъ и рѣшаться на него мнѣ было и тяжело, и жутко, но за Владиміра я рада; ему опять возвращено любимое дѣло, опять открывается широкая дѣятельность, безъ которой онъ такъ томился въ своемъ вынужденномъ бездѣйствіи. Я видѣла, какъ мучительно скучалъ онъ всѣ эти полтора года, живя въ глуши нашей Ольховки, до которой даже письма и газеты доходятъ на третій и четвертый день; какъ тяготился своимъ «ничего недѣланіемъ», въ то время, когда такъ много было

---

*) См. февр. „Изъ эпохи шестидесятыхъ годовъ".

работы кругомъ, когда столько можно было бы сдѣлать и такъ страстно хотѣлось работать. Не находя себѣ исхода, его энергія и силы только даромъ потухали въ немъ, все больше и больше накапливая на душѣ его раздраженія и горечи. Видѣла все это и сама невольно страдала за него... Но что я могла сдѣлать для него? какъ помочь? То, что было въ моемъ распоряженіи, было не нужно ему, а то, что было нужно ему—было не въ моей власти! И вотъ, когда надъ нами опять немного просвѣтлѣло, и ему снова предложили каѳедру въ Казани, онъ точно воскресъ, точно проснулся изъ своей полуторагодовой спячки и опять весь ожилъ и повеселѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ ожила и я... И какъ ни больно отрываться отъ всего привычнаго, дорогого, любимаго, что приходится покидать на долгіе годы, но мысль, что я это дѣлаю *для него* и что *онъ* опять будетъ, быть можетъ, доволенъ и счастливъ, невольно за все вознаграждаетъ и со всѣмъ примиряетъ меня... Да, такъ распалась за эти годы наша семья, когда-то такая большая и дружная... Дядя умеръ, тетя и Петръ въ Сибири, Дмитрій въ Гейдельбергѣ... Сережа тоже больше подлѣ матери и за эти два года, пожалуй, и двухъ мѣсяцевъ, не былъ съ нами...

А тутъ еще чуть не предъ самымъ отъѣздомъ меня постигло одно новое разочарованіе, доставившее мнѣ тоже не мало горькихъ мыслей и минутъ. Наши Алексѣй и Дуняша не ѣдутъ съ нами, а остаются въ Москвѣ и открываютъ тамъ табачную лавочку!

Не знаю—почему, но меня это прямо поразило и до сихъ поръ я не могу ни примириться, ни освоиться съ этою мыслью.

Я такъ привыкла считать ихъ совсѣмъ «своими», такъ глубоко преданными намъ казались они всегда, что мнѣ и въ голову не приходило, что они могутъ уйти отъ насъ когда нибудь!

Когда выяснился нашъ переѣздъ въ Казань, Алексѣй сталъ очень мраченъ, а Дуняша ходила постоянно заплаканною, но я приписывала это именно тому, что имъ приходится уѣзжать такъ далеко отъ всѣхъ родныхъ, и не удивлялась, испытывая и сама то же самое.

Но недѣли двѣ тому назадъ, въ одно прекрасное утро, Дуняша вдругъ съ рыданіемъ бросилась предъ мною на колѣни и, обнимая мнѣ ноги и цѣлуя руки, объявила, что они не поѣдутъ съ нами въ Казань, такъ какъ Алексѣй не хочетъ уѣзжать такъ далеко отъ Москвы.

Я была совсѣмъ поражена этимъ заявленіемъ и сначала даже не повѣрила ей, но заблужденіе мое, увы! длилось не долго, и самъ Алексѣй на мой вопросъ, «правда ли это», съ смущеннымъ и виноватымъ видомъ подтвердилъ слова жены.

И ни совѣты, ни уговоры всѣхъ насъ не привели ни къ чему. Онъ остался на своемъ, оправдываясь тѣмъ, что «Богъ ее знаетъ, что это за Казань еще такая, а въ Москвѣ у нихъ и родня вся, и самъ онъ сызмальства къ ней привыкъ; опять же и дѣти у нихъ теперь пошли, а съ дѣтьми что ужъ за житье въ людяхъ! ни себѣ, ни господамъ, одна помѣха!»

Не знаю, можетъ быть, онъ и правъ; конечно, каждому человѣку естественно стремиться къ тому, что ему представляется лучшимъ, но я была совсѣмъ потрясена этимъ новымъ разочарованіемъ. Сколько ихъ въ жизни ни встрѣчаешь, а все никакъ къ нимъ не привыкнешь, и каждое приноситъ свою боль. Дѣти моей Дуняши, на которую я глядѣла, почти какъ на младшую сестру, не казались мнѣ ни помѣхой, ни препятствіемъ къ дальнѣйшему служенію у насъ. Они росли въ одной дѣтской съ моими собственными, точно также какъ когда-то, въ свой чередъ, росли вмѣстѣ съ нею и мы сами. И вдругъ все это порвалось и рушилось такъ грубо, неожиданно и горько!..

И какъ ни плачетъ теперь моя Дуняша, разставаясь со мною, какъ ни цѣлуетъ мои руки и ни клянется, что никогда бы не оставила меня, если бы не Алексѣй, и какъ ни смущенъ, повидимому, и самъ Алексѣй собственнымъ поступкомъ, но я не могу уже подавить въ себѣ чувство невольной горечи противъ своихъ любимцевъ, которымъ когда-то такъ вѣрила и не могу уже вѣрить такъ же безгранично теперь.

Владиміръ отнесся къ этому гораздо спокойнѣе. Онъ находитъ вполнѣ естественнымъ со стороны Алексѣя заняться, наконецъ, своимъ самостоятельнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе теперь, когда завелась своя семья. Но мужчины всегда объективнѣе смотрятъ на вещи, отъ этого и отношеніе ихъ къ нимъ, если и справедливѣе, быть можетъ, зато и холоднѣе нашего.

Такимъ образомъ я ѣду только съ наемной няней да со старикомъ Дорофеичемъ, который еще старѣе и ворчливѣе прежняго, но у меня не хватаетъ духа, въ свою очередь, поступить съ нимъ такъ, какъ поступили съ нами Алексѣй и Дуняша, когда онъ, повидимому, и мысли о томъ не допускаетъ.

Да, трудный предстоитъ переѣздъ! Какъ-то мы справимся съ этою тройкой крохотныхъ дѣтей. Моя послѣдняя крошка особенно заботитъ меня; бѣдняжка родилась такою больною и слабою, что хотя ей скоро уже два года, но она до сихъ поръ еще не ходитъ и даже не становится на свои слабенькія ножки, хоть мы испробовали уже всѣ средства и обращались ко всѣмъ докторамъ. Но все тщетно, и бѣдная моя дѣвочка, такая кроткая, тихая и прелестная, какими никогда не бываютъ здоровыя дѣти, чахнетъ у насъ на глазахъ. Порою мнѣ кажется, что это какой-то прекрас-

ный ангелъ, который слетѣлъ на короткій мигъ и не останется долго. Это главное горе моей жизни; я не могу видѣть ее безъ мучительнаго упрека себѣ. Сама себѣ кажешься виноватою въ чемъ-то предъ этою маленькою страдалицей, съ самаго рожденія уже обреченной на болѣзни и страданія. Да и могло ли быть иначе! Стоитъ только вспомнить то ужасное время, что переживали мы предъ ея рожденіемъ. Болѣзнь и смерть бѣднаго дяди Семена, судъ надъ Петромъ и его ссылка, запрещеніе «Москвича», даже отъѣздъ тети въ Сибирь—все какъ нарочно упало на то несчастное время! Мудрено ли, что ребенокъ родился такимъ больнымъ и слабымъ. Ольга и совсѣмъ потеряла своего, чуть чуть не умеревъ при этомъ и сама!

Одна эта сцена послѣдняго прощанія съ тетей Луизой чего стоила! Кажется сколь бы ни прожила я, никогда не забуду этой ужасной минуты, когда уже за заставой Москвы мы вышли всѣ изъ экипажей, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ нею, и съ рыданіемъ обступили ея. Мы цѣловали ее лицо, грудь, руки, а она крестила насъ всѣхъ и что-то говорила намъ, но никто не слышалъ, что она говоритъ, мы только плакали и не могли оторваться отъ нея. Потомъ подошелъ ко мнѣ, помню, Сережа, провожавшій ее до самаго мѣста. Мы крѣпко-крѣпко обнялись съ нимъ и тоже перекрестили другъ друга на дальнюю трудную разлуку, и только въ эту минуту почувствовала я со всею ясностью, какого друга теряю въ немъ... Но съ нимъ еще была надежда на свиданіе впереди, тогда какъ бѣдную тетю, я чувствовала, что уже не увижу больше... И когда возокъ ея тронулся въ свой далекій трудный путь, мы не выдержали и снова бросились къ ней и бѣжали, какъ дѣти, подлѣ него, ловя ея руки, чтобы въ послѣдній разъ прижаться къ нимъ....

Одинъ этотъ глухой крикъ Дмитрія до сихъ поръ стономъ стоитъ въ моихъ ушахъ. Онъ бѣжалъ по дорогѣ протягивая къ матери руки, плача и крича, какъ маленькій: «мама, мама, мама!..»

И этотъ безпомощный крикъ, и лившіеся по лицу слезы почти пожилого уже человѣка, съ его сѣдѣющими уже волосами и бородой, были страшны и вчужѣ раздирали сердце.

Владиміръ почти силой удерживалъ его, умоляя успокоиться и не терзать хуже ни себя, ни мать, и онъ остановился, наконецъ, среди дороги, и долго, долго еще глядѣли мы, какъ протянувшаяся изъ окна кареты рука по воздуху крестила насъ, а бѣлый платокъ Сережи посылалъ намъ послѣднее прости...

Печально вернулись мы домой, не обмѣнявшись почти ни словомъ за всю обратную дорогу:.. Ольгу, ту замертво внесли потомъ.

Какъ же могло все это не отозваться? Но, Боже мой, есть какая-то жестокая несправедливость со стороны природы, что за наши бѣдствія платимся не только мы, но еще и наши дѣти! Кому, на что нужны страданія этихъ ни въ чемъ неповинныхъ существъ? Неужели мало еще нашего горя, нашего страданія и нужно, чтобы оно роковымъ образомъ передавалось еще и имъ? Когда думаешь объ этомъ, когда видишь всѣ эти несчастныя послѣдствія фатально сложившихся обстоятельствъ—невольно поднимается въ душѣ ропотъ на судьбу и на само Провидѣніе, допускающее такія вещи и дѣлающее дѣтей отвѣтственными и повинными на всю дальнѣйшую ихъ жизнь не только за ошибки ихъ родителей, но даже за самыя страданія ихъ! Но лучше не думать объ этомъ, тѣмъ болѣе,—тѣмъ болѣе, что пора уже кончать... Пока я писала, совсѣмъ стемнѣло, а надо сдѣлать еще нѣкоторыя приготовленія на завтрашній день.

Да, вотъ и послѣдняя ночь, что провожу я въ миломъ, старомъ домѣ... Когда-то опять придется вернуться въ него и какъ?.. и вернусь ли даже? Почемъ знать, какъ посмѣть заранѣе дать отвѣты на всѣ эти загадочные вопросы... Если бы можно было хоть предчувствовать будущее... но и этого не дано, да и къ лучшему, можетъ быть... Такая тишина сейчасъ кругомъ... Только садъ, весь облитый луной, полонъ какихъ-то своихъ ночныхъ шороховъ, да тѣни отъ листвы и пробѣгающихъ облаковъ беззвучно скользятъ по его дорожкамъ.... И кажется, что всегда, вѣчно такъ было и такъ будетъ, и такъ странно и жутко отдѣлить себя отъ всего этого родного, привычнаго, такъ слившагося съ существованіемъ.... Странно и жутко думать, что все это здѣсь такъ и останется, а насъ завтра же больше не будетъ уже тутъ... А впереди что-то новое, чуждое, смутное, къ чему еще надо будетъ привыкать... Владиміру, тому лучше... За тѣ три мѣсяца, что онъ провелъ тамъ одинъ, безъ насъ, онъ уже успѣлъ познакомиться и съ товарищами, и съ молодежью, встрѣтившими его съ шумнымъ восторгомъ... успѣлъ завести даже и друзей; уже и теперь онъ возвращается туда почти съ удовольствіемъ, даже рвется скорѣй вернуться туда... Тамъ ждетъ его и дѣло, и товарищи, и молодежь,—а меня... меня ничего не ждетъ, я все здѣсь оставляю... Но не надо малодушествовать—Володя такъ не любитъ, когда я «раскисаю,»—и, конечно, онъ правъ; надо забрать себя въ руки и смотрѣть впередъ бодро и весело.... а на душѣ все-таки грустно... Итакъ, прощай, моя дорогая, такъ хотѣла бы сказать тебѣ «до свиданія», но когда-то оно будетъ, это свиданіе! Дай же хоть мысленно, крѣпко-крѣпко обниму тебя, мой дорогой, мой вѣрный другъ, и всею душой прижму тебя къ

груди предъ долгою, долгою разлукой... Не забывай же меня и хоть пиши чаще; теперь еще горячѣе и нетерпѣливѣе будетъ ждать вѣстей отъ тебя твоя Катя.

Казань, февраль 1866 г.

Ты все недовольна моими письмами, моя дорогая! Называешь ихъ «бѣлыми листами», увѣряешь, что я пишу ихъ только для очищенія совѣсти, думаешь, что я что-то скрываю отъ тебя, чего-то не договариваю, и требуешь самыхъ обстоятельныхъ подробностей обо всемъ. Хочешь знать, кто насъ окружаетъ, съ кѣмъ мы особенно сошлись, хочешь не только бѣглой характеристики всего этого, но чуть не тщательныхъ біографій и цѣлыхъ повѣстей! Задача не изъ легкихъ, особенно для меня, совсѣмъ не обладающей ни краснорѣчіемъ, ни остроуміемъ. Но изволь, разскажу, какъ съумѣю, если это все интересуетъ тебя.

Я писала тебѣ уже и раньше, что лично я ни съ кѣмъ особенно не сблизилась, хотя познакомилась, конечно, со многими. Живя въ провинціи, поневолѣ знаешь чуть не весь городъ, но сходиться съ людьми быстро и коротко послѣ 30 лѣтъ уже не умѣешь больше такъ же легко, какъ умѣлъ это въ двадцать!

Я не умѣю забыть прежнихъ друзей моихъ, среди которыхъ протекла лучшая часть моей жизни, и послѣ нихъ новые уже мало интересуютъ и удовлетворяютъ меня. Та дружба, въ которой такъ довѣрчиво и горячо идешь навстрѣчу другъ другу, приходитъ только въ молодости, пока въ характерѣ еще не успѣло накопиться ни сдержанности, ни осторожности, ни недовѣрчивости!

А въ наши годы всѣ даже самыя лучшія отношенія съ разными новыми людьми, въ сущности не болѣе, какъ просто пріятельскія отношенія, въ которыхъ нѣтъ ни глубины, ни прочности, не только уже былой горячности.

Вѣрно, это происходитъ оттого, что жизни слишкомъ долго идутъ разными путями; ихъ сталкиваетъ простая случайность, и ничто не связываетъ серьезно съ этими новыми людьми, которыхъ не зналъ еще годъ тому назадъ и, быть можетъ, опять не будешь знать еще чрезъ годъ.

Конечно, и тутъ, какъ и во всемъ, бываютъ исключенія, но они рѣдки и завязываются больше на почвѣ или одинаковаго горя, невольно сближающаго людей, или общей неудовлетворенности и одиночества, или, что еще чаще, на почвѣ любви съ одной изъ сторонъ, но это уже между мужчиной и женщиной.

Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется мнѣ; но понятно, что главнымъ образомъ все зависитъ отъ натуры. Вотъ мой Владиміръ принадлежитъ, напримѣръ, къ совершенно противоположнымъ на-

турамъ и служитъ какъ разъ обратнымъ доказательствомъ того, что я только что высказала.

Онъ старше меня почти на 11 лѣтъ, но это не мѣшаетъ ему сходиться съ людьми такъ же просто и легко, какъ и 15—20 лѣтъ тому назадъ. Тутъ есть одно семейство... кажется я какъ-то въ одномъ изъ писемъ уже упоминала тебѣ о немъ. Странное семейство, не съумѣю даже назвать тебѣ его фамиліи, потому что и мужъ, и жена, если ихъ только можно назвать мужемъ и женой, носятъ разныя фамиліи, и ее называютъ то по имени перваго мужа, съ которымъ она въ разводѣ, то по фамиліи второго, съ которымъ она живетъ теперь, не выходя почему-то за него замужъ.

Самое странное во всемъ этомъ то, что первый мужъ, котораго оставили ради второго, сохранилъ не только съ женой, но даже и со своимъ замѣстителемъ наилучшія и дружескія отношенія.

Они постоянно видаются, запросто бываютъ другъ у друга, всюду безъ стѣсненія показываются всѣ вмѣстѣ, втроемъ, и первый мужъ, говоря о своей женѣ, спокойно называетъ ее «женой Алексѣя Степановича»! И это безъ тѣни ироніи или горечи, а повидимому самымъ искреннимъ и серьезнымъ образомъ.

Онъ громко восхищается и ею, и ея поступкомъ, которымъ, казалось, ему естественнѣе было бы чувствовать себя оскорбленнымъ, и всюду кричитъ о своемъ глубокомъ уваженіи предъ этою женщиной, публично заявляя, что преклоняется предъ ея смѣлыми передовыми взглядами и убѣжденіями! Когда же имъ случается всѣмъ втроемъ являться въ театръ или собраніе, или просто даже на улицѣ—онъ имѣетъ чуть не торжествующій видъ вполнѣ счастливаго человѣка, гордаго уже однимъ сознаніемъ, что его поступки не расходятся съ словами и принципами, о которыхъ онъ готовъ кричать на всѣхъ перекресткахъ.

Отъ этого брака, т.-е. отъ брака съ первымъ мужемъ, у нихъ есть сынъ, мальчикъ уже 12-ти лѣтъ, отъ котораго они ничего не скрываютъ и воспитываютъ или, вѣрнѣе, воображаютъ, что воспитываютъ, тоже всѣ втроемъ, уже съ этихъ лѣтъ пичкая несчастнаго ребенка Боклемъ, Миллемъ, Дарвиномъ, благодаря чему онъ уже теперь не вѣритъ ни въ Бога, ни въ безсмертіе души, мечтаетъ о коммунѣ и всѣми силами старается изображать себя чѣмъ-то въ родѣ маленькаго Базарова или, вѣрнѣе, жалкой каррикатуры на него.

Вотъ это-то семейство, несчастною игрой случайности, и сдѣлалось намъ или по крайней мѣрѣ Владиміру самымъ близкимъ.

Онъ бываетъ у нихъ не только каждый день, но такъ какъ они живутъ всего чрезъ улицу отъ насъ, то даже и по нѣскольку разъ въ день. Познакомился онъ съ ними еще до моего пріѣзда:

они оба его коллеги, прекрасно знали его по имени и статьямъ и сразу встрѣтили его, по его словамъ, какъ родного. Тѣ мѣсяцы, что онъ жилъ тутъ одинъ безъ насъ, онъ бывалъ у нихъ ежедневно и такъ привыкъ къ этому, что теперь ему уже трудно провести день, не повидавъ ихъ. Конечно, въ этомъ странномъ тріо самымъ интереснымъ лицомъ является сама она.

Не знаю, чѣмъ очаровываетъ всѣхъ эта странная женщина, которая даже брошеннаго мужа съумѣла сдѣлать своимъ рабомъ!

Правда, она очень не глупа и довольно красива, хотя нѣсколько рѣзкою и жесткою красотой, а главное въ ней есть много... много... не умѣю подобрать другого, болѣе мягкаго слова, которое такъ же бы мѣтко характеризовало это ея свойство—много наглости, но неужели этого уже достаточно, чтобы совершенно порабощать въ мужчинахъ и умъ и волю и даже самую душу ихъ!

Зовутъ ее Юлія Сергѣевна. Это высокая, худощавая, жгучая брюнетка, лѣтъ за 30, съ непріятнымъ властнымъ выраженіемъ лица, обрамленнаго короткими жесткими волосами, которые она стрижетъ, какъ мальчикъ, и они вьются у нея на головѣ кудрявою густою шапкой.

Одѣвается она тоже съ нѣсколько мужскимъ пошибомъ и не только просто, но видимо желая подчеркнуть это, почти небрежно, хотя почему-то всегда такъ случается, что не смотря на то, одѣта именно такъ, какъ это всего болѣе идетъ къ ней.

Въ городѣ она слыветъ за самую умную, начитанную и передовую женщину; на мой взглядъ, она только ловко умѣетъ выхватывать фразы изъ того, что прочла, и поражать слушателя массой именъ различныхъ авторовъ, которые будто бы говорятъ то-то и то-то и въ которыхъ она часто, кажется, только и прочла, что ту самую страницу, которую цитируетъ. Иногда она стѣсняется еще менѣе и съ удивительнымъ апломбомъ приписываетъ этимъ авторамъ свои собственныя изреченія, только для того, чтобы придать имъ больше авторитетности предъ слушателями.

Оба ея мужа имѣютъ хорошія средства, но она, начитавшись должно быть Чернышевскаго, громогласно заявила, что не желаетъ быть ихъ содержанкой, а будетъ жить исключительно своимъ трудомъ, и открыла у себя при квартирѣ библіотеку, которая, кромѣ убытковъ, покрываемыхъ ея же мужьями, ничего не приноситъ, но зато даетъ ей право говорить, что она живетъ своимъ собственнымъ трудомъ.

Конечно, всѣ эти пріемы очень мелки и шиты бѣлыми нитками, но на многихъ они производятъ сильное впечатлѣніе, особенно на мужчинъ, которые, въ этихъ случаяхъ, гораздо легче насъ ловятся на такія удочки.

Ихъ гипнотизируютъ красивые глаза, нѣжное пожатіе руки

и тѣ задушевныя нотки въ голосѣ, которыми исповѣдуются предъ ними, открывая имъ будто бы всю душу и всѣ мысли свои, но только непремѣнно предъ каждымъ отдѣльно, потому что другому говорилось, смотря по его вкусу и характеру, или какъ разъ обратное, или точь-въ-точь то же самое... А вѣдь каждый долженъ воображать, что онъ одинъ только пользуется дорогою и рѣдкою привилегіей ея дружбы.

Но главное, чѣмъ она подкупаетъ, это, вѣроятно, та безцеремонная и часто даже грубая лесть, на которую женщины, подобныя Юліи Сергѣевнѣ, не скупятся предъ мужчинами, и которая, вскруживая имъ головы, заставляетъ ихъ въ какой-то непостижимой наивности принимать все за чистую монету.

Мы, женщины, гораздо быстрѣе распознаемъ такіе типы и, отлично понимая ихъ и зная имъ настоящую цѣну, инстинктивно сторонимся отъ подобныхъ женщинъ, не довѣряя и не симпатизируя имъ.

Мой Владиміръ Петровичъ находитъ эту Юлію Сергѣевну замѣчательною и выдающейся женщиною и, поклоняясь ей не меньше ея обоихъ мужей, почти оскорбляется моимъ мнѣніемъ о ней; каждый разъ, что я высказываю его, онъ такъ раздражается, что я теперь уже упорно молчу, когда разговоръ заходитъ о ней.

Онъ думаетъ, что я просто ревную его къ этой женщинѣ, у которой, по его словамъ, мнѣ слѣдовало бы чему-то учиться, и говоритъ, что ревность чувство недостойное и низкое для сколько-нибудь развитой и уважающей себя женщины.

Это вѣдь самый удобный способъ отвоевывать себѣ подобными изреченіями свободу и заставлять глядѣть сквозь пальцы на свои провинности. Вѣроятно, такими же фразами и Юліи Сергѣевнѣ удалось запугать своего перваго мужа, который, кстати, больше всего въ мірѣ боится прослыть отсталымъ человѣкомъ.

Ея вліяніе на Владиміра все увеличивается, и уже одно то, что у него, такого убѣжденнаго и горячаго славянофила, постоянно срываются теперь фразы, въ которыхъ такъ и чувствуется авторство Юліи Павловны, со всѣми тѣми идеями, противъ которыхъ онъ самъ же возставалъ до сихъ поръ, лучше всего доказываетъ, какъ сильно его увлеченіе ею. Иначе, чѣмъ же можно объяснить такую перемѣну всѣхъ прежнихъ взглядовъ и убѣжденій въ 45 лѣтъ!

Что же, быть можетъ, онъ и правъ; быть можетъ, это и дѣйствительно ревность съ моей стороны, потому что мнѣ дѣйствительно больно и горько видѣть, какъ онъ все больше остраняется отъ меня, а къ ней его влечетъ все сильнѣе.

Больно, когда я вижу, какъ онъ скучаетъ у себя дома и въ каждую свободную минуту спѣшитъ въ ихъ домъ. Больно, когда я чувствую, что со всѣмъ, что у него на душѣ, онъ идетъ

не ко мнѣ, женѣ своей, а къ этой чужой ему женщинѣ, съ которою у нихъ не истощается тема и всегда находятся какіе-то таинственные разговоры и сообщенія другъ для друга.

Когда они, отдѣлившись отъ всѣхъ, отходятъ вдвоемъ въ какой-нибудь отдаленный уголъ комнаты и оживленно шепчутся тамъ о чемъ-то, въ груди моей дѣйствительно закипаетъ такая боль и негодованіе, такая тоска и обида, что мнѣ стоитъ много труда, чтобы оставаться спокойною на видъ и не выдать ни предъ кѣмъ того мучительнаго страданія и униженія, котораго я стыжусь предъ самой собой.

Я часто думаю, что она дѣлаетъ это даже нарочно, чтобы только помучить и подразнить меня лишній разъ, потому что принадлежитъ къ тѣмъ страннымъ натурамъ, которымъ видъ чужого страданія и униженія доставляетъ почти наслажденіе, льстя ихъ самолюбію.

Сначала, когда мы только что познакомились, она старалась очаровать и меня и даже заискивала во мнѣ; но когда убѣдилась, что это не дѣйствуетъ на меня, и поняла, что я не вѣрю ей и хорошо понимаю ее, она сразу перемѣнила политику и теперь уже безъ стѣсненія игнорируетъ мое существованіе и, видимо, возненавидѣвъ меня, говоритъ со мною и обо мнѣ, не иначе, какъ тономъ снисходительнаго презрѣнія. Порой встрѣчаясь со мною, она съ плохо сдерживаемою и торжествующею въ то же время, иронической улыбкой спрашиваетъ меня, какъ будто безъ всякой задней мысли—знаю ли я, что Владиміръ Петровичъ задумалъ то-то или намѣренъ сдѣлать это, и я знаю, что она спрашиваетъ меня объ этомъ только для того, чтобы уколоть и доказать мнѣ лишній разъ, что все касающееся моего мужа, она знаетъ лучше меня, жены его, съ которою онъ не удостоиваетъ больше говорить ни о дѣлахъ, ни о мысляхъ своихъ, потому что у него есть такой развитой и понимающій его другъ, какъ она, Юлія Сергѣевна. И хотя въ эти минуты я блѣднѣю отъ обиды и боли, и мнѣ хочется закричать ей въ глаза, что она злая и фальшивая комедіанка, безъ сердца и правилъ, для которой ничего не стоитъ мучить людей по прихоти своей эгоистической, испорченной натуры, но я сдерживаюсь какимъ-то инстинктомъ самодостоинства и самозащиты и нахожу въ себѣ даже силу порой улыбаться и шутить ей въ отвѣтъ, чтобы только не дать ей злорадствовать и видѣть свое торжество надо мною.

Боже мой, неужели же онъ думаетъ, что я, жена его, готовая жизнь отдать за него, и въ продолженіи многихъ лѣтъ умѣвшая угадывать и схватывать, и разумомъ и сердцемъ, каждую мысль его, пойму его теперь меньше, чѣмъ эта чужая

женщина, для которой онъ въ сущности не болѣе, какъ одинъ изъ десяти поклонниковъ, которые уже столько разъ имѣли мѣсто въ ея жизни и столько разъ еще будутъ имѣть ихъ и послѣ него; самая дружба и вниманіе ея къ нему основаны лишь на томъ, что, какъ поклонникъ, онъ, благодаря своему положенію и популярности въ обществѣ, льститъ ея самолюбію. и ей пріятно выставлять на показъ всѣмъ свое вліяніе надъ нимъ!

Если бы я вѣрила въ искренность ея любви къ нему или даже хоть простого увлеченія имъ, я съумѣла бы найти въ сердцѣ своемъ оправданіе и снисхожденіе къ ней, и если бы не побороли вполнѣ свою ревность и враждебность къ ней, то по крайней мѣрѣ, они получили бы во мнѣ совсѣмъ другой характеръ; въ нихъ, можетъ быть, было бы больше отчаянія и горя, но за то и больше уваженія и жалости къ ней и къ ея любви, если бы таковая была. Но я знаю, что она лжетъ ему также, какъ и всѣмъ другимъ, и самыя средства порабощенія его своей власти и пріемы борьбы ея со мной—нечестны и не достойны порядочной женщины!

Я знаю, что она пользуется всякимъ случаемъ, чтобы выставлять меня предъ нимъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, и постепенно, путемъ какъ бы случайно вырывающихся у нея фразъ и дружеской откровенности, съумѣла убѣдить его, что я хоть и недурная жена и мать, въ чемъ она всегда съ язвительной насмѣшкой отдаетъ мнѣ справедливость, но въ сущности женщина отсталая, ограниченная, малоразвитая и, конечно, ужъ не способная понять и оцѣнить такого выдающагося человѣка, какъ онъ, Владиміръ Петровичъ.

Она убѣдила его не только въ этомъ, но даже и въ томъ, что я будто бы отношусь къ нему страшно деспотически и стремлюсь лишь къ тому, чтобы совершенно поработить его себѣ, отнявъ у него всякую самостоятельность и свободу. Она внушаетъ это не одному ему, но пользуясь тѣмъ, что я почти нигдѣ не бываю и меня мало поэтому знаютъ, старается создать мнѣ подобную же репутацію и въ городѣ. И даже больше, и хуже того... Она не остановились и предъ тѣмъ, чтобы загрязнить своимъ нечистымъ воображеніемъ и клеветой то, что было самымъ чистымъ и дорогимъ въ моей жизни, и мѣряя всѣхъ своей мѣркой, посмѣла бросить подозрѣніе на самую дружбу мою съ Сережей и заставить усомниться въ чистотѣ ея даже моего собственнаго мужа...

Но самое странное и непонятное для меня во всей этой исторіи, это то, что Владиміръ, очевидно, такъ подпалъ подъ ея вліяніе, что увѣровалъ во все, что она ему доказываетъ, что и дѣйствительно началъ смотрѣть на меня въ тѣ очки, сквозь которыя Юліи Сергѣевнѣ угодно показывать ему меня.

Онъ не шутя воображаетъ меня теперь страшной деспоткой, а себя угнетеннымъ мужемъ, который долженъ будто-бы употреблять всѣ силы на то, чтобы не позволить окончательно забрать себя подъ башмакъ, и потому чуть не каждый день и по всякому случаю кричитъ мнѣ, что не позволитъ распоряжаться собой какъ пѣшкой и разъ навсегда проситъ меня оставить его въ покоѣ, не вмѣшиваясь въ его дѣла и во все, что касается лично его! А подъ этимъ «касающимся» будто «лично его» подразумѣвается чуть не вся наша жизнь, всѣ наши отношенія и все то, что было общимъ впродолженіи 10-ти лѣтъ, и что теперь въ угоду Юліи Сергѣевнѣ мы вдругъ должны вполнѣ разграничить.

Хуже всего то, что она начала уже вмѣшиваться даже и въ воспитаніе моихъ дѣтей, и не разъ уже предлагала Владиміру Петровичу по этому вопросу свои программы, съ которыми онъ не стѣснялся потомъ являться ко мнѣ.

Но я лучше соглашусь совсѣмъ оставить его и переѣхать съ дѣтьми обратно въ Ольховку, чѣмъ допущу ее распоряжаться даже и этимъ! Ужъ дѣти-то, по крайней мѣрѣ, должны принадлежать мнѣ вполнѣ, я ни съ кѣмъ не соглашусь дѣлить мои права на нихъ.

Онъ говоритъ, что все это моя фантазія, а на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго; что ему просто пріятно бывать въ домѣ, гдѣ люди пришлись ему по душѣ, и дружить съ женщиной, съ которой обо всемъ можно поговорить. Но вѣдь они всегда и всѣ такъ говорятъ, а почему-же въ такомъ случаѣ его такъ задѣваетъ малѣйшее порицаніе ей! Почему онъ оскорбляется всякимъ отзывомъ о ней, въ которомъ нѣтъ его обольщенія ею и его преклоненія предъ ней! И главное, почему-же я такъ мучительно, всѣмъ существомъ моимъ, чувствую его враждебность ко мнѣ! Ту страшную, новую въ немъ враждебность, одна мысль о которой обдаетъ меня холодомъ!

Если все это одна моя фантазія, почему-же я не чувствую больше его любви къ себѣ, той любви, которую чувствовала прежде, еще даже два-три года тому назадъ, хотя онъ и тогда уже не говорилъ мнѣ больше о ней и часто бывалъ рѣзокъ и грубъ со мной не меньше, чѣмъ и теперь. И все таки я знала тогда, что онъ любитъ меня, и его грубыя выходки со мной, хотя и обижали меня, но не мучили такой тоской и болью, какъ теперь. Тогда я знала, что все это происходитъ не отъ недостатка любви его ко мнѣ, а только отъ недостатка того стѣсненія съ своими женами, которое вообще такъ свойственно большинству нашихъ русскихъ мужей, и невольно прощала ему это, потому что въ каждой его грубости чувствовалось тогда все таки больше любви, чѣмъ теперь въ самой большой его ласкѣ.

Онъ говоритъ, что я придумываю себѣ все это только отъ ревности. Да, онъ правъ, я ревную, стыжусь этой ревности и все-таки ревную, все таки не могу подавить ее въ себѣ. Ревную, потому что слишкомъ люблю его, потому что слишкомъ свѣжа еще въ памяти его любовь и счастіе нашихъ первыхъ лѣтъ, и я не въ силахъ глядѣть теперь равнодушно и спокойно, какъ его всячески стараются оттолкнуть и отнять отъ меня и чѣмъ только возможно испортить наши отношенія съ нимъ.

Но что будто-бы, какъ обвиняетъ онъ, я на каждомъ шагу дѣлаю ему сцены и преслѣдую его этой ревностью—это ложь, опять-таки же внушенная ему все той-же женщиной, и подъ этимъ внушеніемъ онъ называетъ «сценами» всякій мой отказъ отъ лишняго посѣщенія ихъ дома и даже самое мое молчаніе при разговорахъ объ ней.

Ложь уже потому, что мнѣ стыдно самой этихъ недостойныхъ сценъ, стыдно собственнаго униженія, и какъ ни больно и не мучительно мнѣ все это въ душѣ, но наружно я отъ всѣхъ, а отъ него, быть можетъ, даже больше, чѣмъ отъ всякаго другого, затаиваю эту ревность въ себѣ, и только порой она прорывается во мнѣ наболѣвшимъ крикомъ, какъ вотъ сейчасъ съ тобой.

Что изъ того, что между ними нѣтъ «ничего, серьезнаго», какъ принято у насъ выражаться, т.-е. нѣтъ того, что общество привыкло называть «измѣной!» Да развѣ это порабощеніе всей его души и воли не во-сто кратъ хуже простой физической измѣны, въ которой часто играетъ роль увлеченіе одной минуты, о которомъ они сами-же потомъ стыдятся вспоминать.

Что изъ того, что физически (Боже какое гадкое, унизительное слово) онъ остается вѣренъ мнѣ, когда вся его душа и мысли принадлежатъ другой женщинѣ!

На что мнѣ эти холодныя, оффиціальныя ласки давно остывшаго ко мнѣ человѣка, которыя время отъ времени онъ точно считаетъ своею обязанностью оказывать мнѣ. Я стыжусь ихъ, этихъ вынужденныхъ ласкъ, и когда онъ входитъ въ мою комнату и я знаю, *зачѣмъ* онъ пришелъ, мнѣ дѣлается стыдно и гадко, вся кровь приливаетъ къ сердцу отъ того оскорбленія, которое онъ наноситъ мнѣ однимъ уже намѣреніемъ своимъ—онъ, полный желаній къ другой женщинѣ! Онѣ мнѣ кажутся такими же невыносимыми и безнравственными, какъ если бы я отдавалась чужому человѣку!

И потомъ еще это спокойное сознаніе какихъ-то неотъемлемыхъ правъ его на меня! Это наивное воображеніе, что я будто-бы не смѣю ни отказывать, ни даже понимать всей лицемѣрной фальши нашихъ отношеній.

О, каждый разъ, послѣ такой уступки ему, я долго еще пре-

зираю себя и... и почти ненавижу его! и... и въ то же время, Боже мой, такъ сложна психологія человѣческой души, что я, такъ глубоко оскорбляемая и унижаемая въ собственныхъ глазахъ этими постыдными, вынужденными ласками его, мучаюсь чуть не больше еще, когда онъ совсѣмъ перестаетъ оказывать мнѣ ихъ. Самая страстная ревность и мучительныя подозрѣнія закрадываются мнѣ тогда въ душу, и когда онъ снова, наконецъ, приходитъ ко мнѣ, я, измученная всѣмъ передуманнымъ, чувствую одновременно и радость, и презрѣніе, и какое-то непонятное мнѣ самой успокоеніе въ томъ, что онъ еще ищетъ и желаетъ меня, какъ женщину, и въ тоже время полное униженіе и отвращеніе къ самой себѣ и ненависть къ нему!

О нѣтъ, нѣтъ, ужасъ измѣны не въ томъ, въ чемъ принято видѣть это. Измѣна чувства и души гораздо страшнѣе простой измѣны тѣла, и она начинается съ того дня, когда впервые начнетъ исчезать душевная близость и потребность этой близости между двумя любившими другъ друга людьми.

Можно отнять тѣло и потомъ снова возвратить его такимъ же, какъ оно было, но нельзя отнять душу и потомъ опять возвратить ее прежнею. Эта душа, еще недавно такая близкая, такая дорогая и понятная, отдавшись хоть на время другому человѣку, вернется уже не прежнею, а почти такою же чужою, какимъ былъ для васъ и тотъ чужой человѣкъ, что отнялъ ее у васъ и владѣлъ ею, и пройдутъ, быть можетъ, долгіе трудные годы, прежде чѣмъ сотрется его слѣдъ, и она снова сольется съ вашею, снова станетъ для васъ близкою и открытой.

И ему ли упрекать меня въ ревности! Да онъ-то самъ развѣ не ревновалъ меня чуть не всю нашу жизнь! И ревновалъ смѣшно, дико, нелѣпо, потому что зналъ прекрасно, что я вся, всею душой, всякою мыслью своею принадлежу ему, и только ему, и все-таки же стоило кому-нибудь, не только ужъ дѣйствительно начать ухаживать за мною, но достаточно было ему самому вообразить это, какъ онъ немедленно начиналъ дуться и на меня и на того человѣка, котораго подозрѣвалъ въ томъ; не говорилъ съ нимъ, переставалъ бывать у него и даже при встрѣчахъ почти не кланялся съ нимъ, словомъ дѣлалъ все, чтобы вполнѣ прекратить знакомство, хотя бы раньше былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Боже, да онъ ревновалъ меня даже къ братьямъ, даже къ женщинамъ, даже къ собственнымъ дѣтямъ!

Едва я сходилась ближе съ кѣмъ-нибудь изъ женщинъ, какъ онъ тотчасъ же начиналъ на нее гоненіе; открывалъ въ ней всевозможные недостатки и пороки, находилъ ее не только уже не подходящею для меня, но даже вредною и опять-таки же не успо-

каивался до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не расхолаживалъ нашихъ отношеній.

Къ одной тебѣ онъ былъ снисходительнѣе, да и то вѣрно потому, что ты всегда была далеко. Самъ онъ послѣдніе годы почти уже не посвящалъ мнѣ ни времени своего, ни вниманія, но желалъ, быть можетъ даже безсознательно для себя, чтобы все мое время и все мое вниманіе было попрежнему сосредоточено на немъ одномъ, и когда онъ замѣчалъ, что я интересуюсь уже не только «кѣмъ-нибудь», но даже просто «чѣмъ-нибудь» помимо его, то это казалось ему чуть не провинностью и во всякомъ случаѣ такою непростительною небрежностью съ моей стороны по отношенію его особы, что онъ не считалъ даже нужнымъ скрывать отъ меня своихъ претензій и неудовольствія.

Такъ отчего же они такъ несправедливы къ намъ, отчего же они считаютъ своимъ правомъ и порабощать насъ, какъ своихъ крѣпостныхъ, и безъ стѣсненія оскорблять насъ уже однимъ своимъ обращеніемъ, которое часто бываетъ у нихъ гораздо лучше съ ихъ лакеями, чѣмъ съ ихъ женами, и своею ревностью, даже и тогда, когда мы не подаемъ имъ къ тому ни малѣйшаго ни повода, ни основанія; и мы, по ихъ мнѣнію, должны терпѣливо все это сносить и считаться со всѣмъ этимъ, какъ съ ихъ законнымъ правомъ и нашею святою обязанностью! Развѣ ихъ ревность къ намъ, въ большинствѣ случаевъ самая неосновательная и дикая къ тому же еще, не гораздо оскорбительнѣе для насъ, чѣмъ наша для нихъ! Вѣдь когда ухаживаютъ и измѣняютъ намъ они, то въ обществѣ принято глядѣть на это, какъ на маленькое и почти простительное легкомысліе, а когда измѣняетъ женщина, то на это смотрятъ, какъ на ея позоръ и чуть ли не преступленіе, за которое даже въ культурной и передовой Франціи законъ спокойно разрѣшаетъ мужу убить жену! Значитъ, ревнуя насъ, они заподозрѣваютъ и обвиняютъ насъ, не болѣе не менѣе, какъ въ позорныхъ преступленіяхъ, а когда ревнуемъ мы, то, вѣдь это слѣдовательно, не болѣе, какъ обвиненіе ихъ въ маленькомъ легкомысліи, на которое, къ тому же, весь міръ расположенъ глядѣть очень снисходительно!

Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по создавшейся на этотъ счетъ общественной логикѣ, созданной впрочемъ, и въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, опять-таки же ими, а нами, по какой-то непонятной покорности, принятой на вѣру.

Боже мой, Боже мой, но кто же далъ имъ право во всемъ такъ обезличивать насъ! Всѣ законы, всѣ нравы, всѣ обычаи создавали они одни, не спрашивая ни участія, ни согласія нашего! И они создали для насъ эти законы такими, что мы очутились

въ ихъ рукахъ безпомощными, во всемъ обездоленными и обезличенными пѣшками, которыми они, на основаніи этихъ придуманныхъ ими для насъ законовъ, могутъ распоряжаться какъ хотятъ, а мы имѣемъ только одно право — посвящать всю свою жизнь на служеніе имъ! И такъ продолжается уже цѣлыми вѣками и не измѣняется даже и теперь, когда они сами подняли вопросъ о равноправности женщины и кричатъ повсюду о женской эмансипаціи. О, право, вся эта эмансипація проповѣдуется ими такъ горячо, лишь пока она не вредитъ ихъ собственнымъ личнымъ интересамь и удобствамъ, а разъ только они затронуты, они тотчасъ же измѣняютъ тонъ и начинаютъ допускать ее уже не иначе, какъ со всевозможными ограниченіями. И развѣ мы, женщины, можемъ вѣрить въ искренность ихъ теперешнихъ громкихъ фразъ, которыя большинство изъ нихъ повторяетъ только ради моды и изъ страха показаться отсталыми? Развѣ мы можемъ серьезно разсчитывать на ихъ помощь въ этой новой борьбѣ о нашей равноправности, на нихъ, порабощавшихъ насъ впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ и тысячелѣтій, на нихъ, которые пользуясь своею физическою силой взяли себѣ всѣ права, а намъ оставили однѣ обязанности; вѣдь даже на дѣтей своихъ, которыхъ мы рожаемъ въ страданіяхъ и мукахъ, мы не имѣемъ не только полныхъ но даже равныхъ съ ними правъ! И если мы расходимся, то не жена, а мужъ сохраняетъ права на нихъ и въ любую минуту, по первому капризу и желанію, можетъ отнять ихъ отъ нея! Гдѣ же тутъ справедливость уже не только государственная и общественная, но простая человѣческая! Ее нѣтъ, и покамѣсть женщина не будетъ допущена къ обсужденію и къ измѣненію хотя бы уже только законовъ, которые касаются непосредственно ея, никакого вопроса о равноправности ея быть не можетъ, и въ борьбѣ за эту равноправность не на нихъ, многовѣковыхъ враговъ и господъ нашихъ, должны разсчитывать мы, а только на самихъ себя. И до тѣхъ поръ пока, мы не проснемся вполнѣ, пока не сознаемъ всѣ вмѣстѣ, безъ различія націй и классовъ, сколько насъ есть, той страшной несправедливости всего нашего строя жизни, гдѣ всѣ преимущества только на ихъ сторонѣ, пока мы дружно не поднимемся всѣ вмѣстѣ и не потребуемъ себѣ новыхъ законовъ и правъ, до тѣхъ поръ не будетъ у насъ ни свободы, ни равноправности, и великія слова эти, сколько бы ихъ ни повторяли, будутъ только тѣмъ пустымъ звукомъ, который умираетъ, едва прозвучавъ.

Казань. Май 1866 г.

Ты спрашиваешь меня, милая Варюша, какіе мои планы на это лѣто? Самые скромные и незамысловатые. Владиміръ Петро-

вичъ уѣзжаетъ на три мѣсяца, т.-е. почти на все лѣто, за границу, а я съ дѣтьми переѣзжаю за 10 верстъ отъ Казани, гдѣ намъ удалось найти свободную помѣщичью усадьбу, сдававшуюся очень недорого и вполнѣ намъ подходящую. Со мною ѣдетъ еще Лиза—сестра Ильи (мужа Ольги), славная, милая дѣвушка, только что окончившая курсъ въ нашемъ институтѣ и очень мнѣ симпатичная. Зимой она уѣдетъ въ Москву и поселится уже совсѣмъ у Ольги и брата, но лѣто проведетъ у меня. Кромѣ того, для подготовки Волика въ гимназію, Владиміръ Петровичъ захотѣлъ взять студента, одного изъ его слушателей, которому онъ немножко покровительствуетъ.

Въ сущности, я, конечно, отлично могла бы заниматься этимъ сама, какъ занималась уже и раньше, но юношѣ этому, дѣйствительно очень милому и симпатичному, рѣшительно некуда дѣваться, родныхъ у него нѣтъ, а дѣтямъ и Лизѣ все-таки будетъ веселѣе. Кромѣ того, по пути въ Сибирь, заѣдетъ опять Сережа и проживетъ у насъ вѣрно не меньше мѣсяца, такъ что, какъ видишь, я не буду уже совсѣмъ одна.

Ты удивляешься, съ чего Владиміру Петровичу вздумалось вдругъ ѣхать за границу... но ларчикъ, мой другъ, открывается очень просто. Юлія Сергѣевна со своимъ штатомъ переѣхала на постоянное жительство въ Женеву, и, конечно, Казань кажется теперь мужу опустѣвшею и скучною. Я знаю, что она взяла съ него слово пріѣхать къ нимъ этимъ же лѣтомъ, и не очень удерживаю его. Богъ съ нимъ, пускай ѣдетъ, если ужъ его такъ тянетъ къ ней, все равно за эти два года наши отношенія такъ испортились, что конечно не улучшатся, если я насильно буду держать его подлѣ себя... Да и что въ томъ толку, когда всей душою, всѣми мыслями онъ все равно будетъ тамъ, съ нею.

Пускай ѣдетъ, а тамъ... будетъ то, чему суждено быть.

Но ты интересуешься, почему Кладищевы вдругъ покинули Казань?

Видишь ли, всю эту зиму Юлія Сергѣевна, вообще, вела себя очень безтактно и точно нарочно напрашивалась на непріятности и подозрѣнія. Зачѣмъ она это дѣлала—Богъ ее вѣдаетъ, вѣдь эта женщина вся построена на эффектахъ и комедіяхъ, и мнѣ кажется, что ей просто хотѣлось добиться, для увеличенія своей популярности, хоть маленькаго ареста, чтобы потомъ имѣть право рисоваться имъ и кричать объ немъ.

Она даже не постѣснилась устроить, чуть не черезъ недѣлю послѣ этого ужаснаго покушенія на государя, которое потрясло у насъ весь городъ, вечеръ въ собраніи, на которомъ публично прочла нѣсколько запрещенныхъ стихотвореній вплоть до знаменитыхъ «Аѳинскихъ ночей».

Можешь себѣ представить, какой получился эффектъ!

Скандалъ вышелъ страшный. Одни неистово аплодировали, другіе такъ же неистово шикали, и цѣлый мѣсяцъ потомъ весь городъ только и говорилъ, что объ этомъ знаменитомъ вечерѣ.

Послѣ этого имъ предложили уѣхать за границу, и, конечно, она съумѣла и изъ этого извлечь для себя новые лавры и трофеи, потому что всѣ ея поклонники, которыхъ послѣ этого вечера прибавилось еще больше, прокричали ее героиней, даже мученицей и устроили ей такіе торжественные проводы, что они гораздо больше походили уже на демонстрацію.

Конечно, оба ея мужа поѣхали вмѣстѣ съ нею, а заодно она захватила съ собой еще и нѣкоего Курганова, очень богатаго и очень глупаго юношу, страшно влюбленнаго въ нее, который тоже спалъ и видѣлъ быть арестованнымъ.

Право, я чувствую сама, какъ становлюсь злою, говоря объ этой женщинѣ, но она причинила мнѣ столько горя и страданія, что въ сердцѣ моемъ уже не осталось для нея ни капли доброты.

Твоя Е. П.

Казань, сентябрь 1866.

Да моя дорогая, опять не писала тебѣ все лѣто и не отвѣчала даже и на твои письма. Такъ все спутанно и сложно было на душѣ, что страшно было касаться ее, страшно заглядывать въ нее... Зато теперь, когда уже все кончилось и прошло, я и сама чувствую страстную потребность все разсказать тебѣ, подѣлиться всѣмъ пережитымъ, какъ я это могу только съ тобой, моимъ лучшимъ другомъ. Это будетъ скорѣй моя исповѣдь, чѣмъ простое письмо, и знаю, писать его мнѣ будетъ трудно, мѣстами даже тяжело, но пусть это будетъ моимъ покаяніемъ, въ которомъ я ничего не скрою отъ тебя, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-либо, имѣющій право все знать обо мнѣ.

Итакъ я начинаю...

Вотъ видишь ли, когда Владиміръ собрался весной за границу, я видѣла, какъ онъ страстно рвется туда, какъ нетерпѣливо считаетъ каждый день разлучающій его съ нею, — на душѣ у меня стало такъ гадко, такое недоброе чувство поднялось въ ней, что я впервые еще почувствовала, что чужимъ сталъ не только онъ мнѣ, но и я сама ему.

Я вдругъ почувствовала, какая страшная стѣна выросла между нами за эти несчастные два года, и, понявъ это, впервые почувствовала также и то, что уже не только не хочу больше бороться съ этимъ, не только уже не мечтаю разрушить ея злую силу, но точно сама съ какимъ то страннымъ наслажденіемъ все выше и плотнѣе достраиваю эту стѣну и все дальше отхожу отъ него.

Молча, съ холоднымъ, недобрымъ лицомъ глядѣла я на всѣ его приготовленія и его оживленный, радостный, при одной мысли, что онъ ѣдетъ къ ней, видъ, такой мучительный мнѣ всегда прежде —уже не волновалъ и не терзалъ меня больше. Во мнѣ все точно застыло и одеревенѣло и мнѣ было все равно.

Все равно, что онъ ѣдетъ къ ней; все равно, что онъ любитъ ее, и не только разлюбилъ, но быть можетъ даже возненавидѣлъ меня; все равно, что мы стали такими чужими, почти ненужными больше другъ другу людьми; даже мысль, что можетъ быть это не только одно платоническое увлеченіе, но и давно уже самая близкая и прочная связь, не пугала меня больше, и я не чувствовала уже ни ревности, ни страданія, которыя такъ мучительно терзали меня эти два года, не давая мнѣ ни одного дня отдыха и спокойствія и будя даже по ночамъ какимъ-то злымъ и страшнымъ кошмаромъ.

Во мнѣ точно не работали больше ни мысль, ни чувство, и только жило еще одно сознаніе, что такъ продолжать жизнь нельзя и что отнынѣ она должна пойти какъ-то иначе, но какъ она пойдетъ—мнѣ тоже было все равно, и если бы мнѣ сказали тогда, что она должна тутъ кончиться, или наоборотъ тянуться еще долгіе годы—мнѣ тоже было-бы все равно, и это непонятное мнѣ самой равнодушіе ко всѣмъ и ко всему—это жуткое «все равно» было, быть можетъ, самое ужасное и самое уже неисправимое въ нашихъ отношеніяхъ.

Но онъ не понималъ этого и былъ, кажется, только доволенъ, что я оставила его въ покоѣ и ни въ чемъ не мѣшаю ему больше.

Разъ только онъ почувствовалъ, должно быть, что что-то не ладно; это было уже наканунѣ его отъѣзда.

— Вотъ,—сказалъ онъ мнѣ,—я составилъ тебѣ маршрутъ адресовъ, куда и когда мнѣ писать.

И онъ подалъ мнѣ какую-то бумажку, но я равнодушно, даже не взглянувъ на нее, взяла ее и положила на первый попавшійся столъ, такъ весь этотъ маршрутъ адрессовъ и самая его просьба «писать» казались мнѣ смѣшными и безсмысленными

Онъ замѣтилъ мою небрежность и она задѣла его.

— Что же,—спросилъ онъ уже съ неудовольствіемъ и ѣдкостью,—ты значитъ, и писать даже не намѣрена?

Я молча пожала плечами и ничего не отвѣтила; тогда это разсердило его еще больше и онъ съ еще большею раздражительностью повторилъ свой вопросъ.

— Зачѣмъ?—спросила я его въ свою очередь.

— Странный вопросъ,—сказалъ онъ насмѣшливо,—кажется, я мужъ тебѣ.

Тогда вся наболѣвшая во мнѣ горечь поднялась и я только взглянула на него.

— Ты уже давно не мужъ мнѣ,—сказала я ему и сама не узнала своего голоса въ томъ холодномъ и чужомъ, какимъ сказала эти слова.

И этотъ голосъ, такой еще новый для него, и самое лицо мое, вѣрно такое же холодное и чужое, внезапно открыли ему, должно быть, то, что произошло въ душѣ моей.

Но онъ не испугался и не смутился тѣмъ, что открылъ, а только возмутился, точно какою-то страшною несправедливостью и неблагодарностью съ моей стороны, и вмѣсто того, чтобы, понявъ то, что онъ понялъ въ этотъ короткій мигъ, раскаяться или хоть просто пожалѣть только о томъ, что ушло, и сдѣлать хоть какую нибудь попытку вернуть меня къ себѣ,—вдругъ пришелъ въ такую ярость, въ какой я еще никогда не видала его.

— Начинается!—закричалъ онъ почти въ неистовствѣ.—Опять начинается! Опять все тѣ же сцены и комедіи, тѣ же упреки и попреки. Когда же этому конецъ! Когда, когда, когда!?

Онъ затопалъ ногами, размахивая руками чуть не предъ самымъ моимъ лицомъ, и кричалъ, что я злая, подлая женщина, которую онъ дѣйствительно броситъ, потому что ничего лучшаго я не стою, и что онъ щадитъ и выноситъ меня только ради дѣтей, которыми я связала его, и осыпалъ меня другими оскорбленіями, такими незаслуженными, грубыми и недостойными, что я даже не хочу повторять ихъ.

Я слушала этотъ градъ оскорбленій, глядѣла на его искаженное отъ бѣшенства лицо, и стѣна все росла.... росла между всѣмъ что я любила, во что вѣрила, что было самымъ дорогимъ и прекраснымъ въ моей жизни въ прошломъ и что вдругъ превратилось въ такое безобразное настоящее... Наконецъ, онъ выбѣжалъ изъ моей комнаты, хлопнувъ дверью съ такой силою, что задрожали всѣ стекла въ окнахъ...

Я осталась сидѣть, какъ сидѣла, все также не двигаясь, какъ-то ничего не думая, почти даже ничего не чувствуя и сознавая только, что все кончилось, все... даже прошлаго не осталось... все точно умерло... И просидѣла такъ всю ночь.

Утромъ онъ пришелъ ко мнѣ; у него былъ нѣсколько сконфуженный видъ и неувѣренный тонъ.....

— Ну, извини меня,—сказалъ онъ, беря мою руку и цѣлуя ее.—Я, кажется, вчера излишне погорячился и былъ, быть можетъ, немножко грубъ, но ты сама виновата...

Я невольно усмѣхнулась.

— Да,—сказала я,—конечно...

Онъ слегка поморщился, но пересилилъ себя на этотъ разъ.

— Ну, не сердись, — сказалъ онъ вторично, холодно цѣлуя мою руку,—я сознаю, что былъ неправъ и... немножко погорячился.—И, вѣроятно, найдя, что достаточно уже оправдалъ себя и въ моихъ и въ своихъ глазахъ, онъ поцѣловалъ меня уже въ лобъ и... попросилъ чаю.

Я встала и пошла въ столовую налить ему стаканъ. Но Боже мой, какъ все это просто у нихъ дѣлается! Они оскорбятъ женщину, предъ которою сами же виноваты и вся вина которой большею частью состоитъ только въ томъ, что она слишкомъ любила ихъ, слишкомъ пріучила къ постояннымъ и чуть ли уже не обязательнымъ съ ея стороны въ ихъ глазахъ жертвамъ, оскорбятъ ее въ самыхъ дорогихъ чувствахъ, разрушатъ точно въ какомъ-то дикомъ ураганѣ всѣ ея лучшія мечты, идеалы, иллюзіи, а потомъ придутъ, извинятся, что «слегка погорячились» и попросятъ налить имъ чая или супу, воображая, что этого вполнѣ достаточно, чтобы возстановить опять домашній миръ и всѣ поруганныя чувства въ ея душѣ!

Вечеромъ онъ уѣзжалъ. Весь день онъ, видимо, старался быть ласковѣе и со мной, и съ дѣтьми, какъ бы чувствуя нѣкоторый укоръ совѣсти за то, что послѣднее время такъ мало обращалъ на нихъ вниманія.

Я тоже была совершенно спокойна и машинально дѣлала все то, что нужно было дѣлать. Спокойно слушала его, когда онъ что-нибудь говорилъ, спокойно отвѣчала ему, спокойно смотрѣла на него, но онъ не понималъ, какое это страшное было спокойствіе; спокойствіе, быть можетъ, гораздо болѣе опасное для него и для жалкихъ остатковъ нашихъ отношеній, чѣмъ самыя бурныя сцены. Можетъ быть, онъ даже думалъ, что на меня подѣйствовало такъ отрезвляюще его вчерашнее внушеніе, и, кто знаетъ, видя его благіе результаты, онъ уже не только не упрекалъ себя теперь за него, но даже хвалилъ еще, быть можетъ.

Но я-то знала, что въ душѣ моей смерть; смерть всему, что я до сихъ поръ любила, во что вѣровала, смерть всѣмъ идеаламъ и мечтамъ, всему прошлому и настоящему. Смерть... и свобода! По крайней мѣрѣ, сознаніе какого-то точно освобожденія нравственнаго отъ всего прежняго, отъ всѣхъ обязательствъ и клятвъ, которыя когда-то давались съ такою глубокою вѣрой въ ихъ незыблемость и неизмѣнность. Бѣдныя человѣческія клятвы, и жалкіе люди, что даютъ ихъ; если бы вы знали, какъ мало онѣ зависятъ отъ васъ!

Вечеромъ, около шести часовъ, пароходъ отходилъ и онъ попросилъ меня поѣхать его проводить. Я взяла Волика, и мы поѣхали.

На пароходѣ было довольно много знакомыхъ изъ тѣхъ, при встрѣчѣ съ которыми люди притворяются зачѣмъ-то чуть не друзьями и съ участіемъ разспрашиваютъ другъ друга о дѣлахъ, дѣтяхъ и т. д., а расходясь, забываютъ о существованіи одинъ другого.

Но тутъ я обрадовалась даже и имъ; съ этими, по крайней мѣрѣ, мы имѣли право быть чужими, а подлѣ меня стоялъ человѣкъ, ближе котораго не должно бы было быть никого въ моей жизни, и тѣмъ не менѣе онъ былъ для меня болѣе чужой, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ, а я должна была лгать и притворяться и другимъ, и ему, и даже себѣ, что будто бы ничего этого нѣтъ, а есть только то, чему полагается быть между супругами: любовь, миръ и счастье, т.-е. именно то, чего не только не было, но чему даже и не вѣрили давно уже ни онъ, ни я, ни другіе.

И мы стояли среди всѣхъ этихъ чужихъ людей, ни на минуту не чувствуя потребности отдѣлиться отъ нихъ, чтобы хоть на мигъ остаться вдвоемъ, и я видѣла, какъ, по крайней мѣрѣ, половина изъ нихъ, прекрасно знавшая, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, изподтишка съ любопытствомъ наблюдала за нами, ища, вѣрно, на нашихъ лицахъ слѣды той внутренней драмы, которую угадывала въ сердцахъ нашихъ; но лгать и притворяться при всѣхъ легче, чѣмъ съ глазу на глазъ, и мы не только спокойно, но почти весело перебрасывались разными фразами и съ другими, и между собою.

Въ числѣ встрѣтившихся намъ на пароходѣ знакомыхъ, былъ... былъ... Вотъ тутъ и начинается моя исповѣдь. Былъ нѣкто N; пускай онъ останется для тебя подъ этою буквой. Зачѣмъ тебѣ его имя? Оно не скажетъ тебѣ ничего, а мнѣ не хотѣлось бы ни называть его, ни измѣнять.

Это былъ одинъ изъ коллегъ моего мужа по университету, гдѣ онъ считался однимъ изъ самыхъ молодыхъ и талантливыхъ ученыхъ.

Изрѣдка, очень изрѣдка онъ бывалъ у насъ, обмѣниваясь оффиціальными визитами съ Владиміромъ Петровичемъ.

На видъ, благодаря своей почти еще юношеской фигурѣ и тонкимъ чертамъ лица, онъ казался совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, хотя на самомъ дѣлѣ былъ всего лѣтъ на пять моложе моего мужа.

Въ его лицѣ съ легкимъ еврейскимъ типомъ, который онъ унаслѣдовалъ отъ какой-то бабки, было что-то печальное и задумчивое, и оно нравилось мнѣ выраженіемъ какой-то удивительной мягкости въ глазахъ и улыбкѣ и въ то же время такой суровой складкой около рта, по которой невольно угадывался человѣкъ твердой воли и деспотической натуры.

Въ немъ было что-то не банальное, что-то невольно выдѣлявшее его отъ другихъ и, даже этотъ легкій семитическій типъ не портилъ его, а скорѣй шелъ къ нему.

Въ сущности я очень мало знала его; мы встрѣчались съ нимъ всего нѣсколько разъ въ годъ, то у общихъ знакомыхъ, то въ театрѣ или на улицѣ, и почти не говорили другъ съ другомъ, такъ что судить о немъ я могла больше по наслышкѣ, со словъ другихъ, знала, что его находили очень умнымъ и талантливымъ, но нѣсколько холоднымъ и слишкомъ замкнутымъ въ себѣ. Когда я не видѣла его, я совсѣмъ забывала объ его существованіи, но когда встрѣчалась съ нимъ или даже просто говорила объ немъ съ другими, онъ интересовалъ меня и каждый разъ мнѣ хотѣлось ближе познакомиться съ нимъ и узнать его лучше. Но ты знаешь, какъ я неразговорчива съ мало знакомыми людьми, а съ этимъ человѣкомъ, котораго я находила одновременно и выдающимся, и страннымъ, я окончательно не находила темъ. То-есть не то, чтобы ихъ не было, но какъ-то не хотѣлось говорить съ нимъ о всѣхъ тѣхъ банальныхъ вещахъ, о которыхъ поневолѣ говоришь съ другими, а говорить о чемъ-нибудь болѣе серьезномъ и интересномъ для насъ обоихъ не выпадало случая.

Но... но не знаю, есть ли въ тебѣ то же свойство—свойство угадывать своихъ людей; оно часто встрѣчается въ насъ, женщинахъ.

Я могу почти не обмѣняться съ человѣкомъ ни однимъ словомъ, почти не знать его и все-таки чувствовать «мой» онъ или «не мой». Т.-е. есть ли въ душѣ его или складѣ натуры и ума что нибудь близкое и интересное для меня, а во мнѣ самой для него.

И вотъ, несмотря на то, что мы почти не разговаривали съ N. и почти даже не встрѣчались, если не считать какихъ-нибудь мимолетныхъ и оффиціальныхъ встрѣчъ 5—6 разъ въ году, я все-таки же угадывала въ немъ «моего человѣка», для котораго я, въ свою очередь, не пустое пространство и не одна изъ тысячи.

Порой, въ одномъ пожатіи его руки и короткомъ взглядѣ, я чувствовала больше симпатіи и участія къ себѣ, чѣмъ въ длинныхъ и дружескихъ разговорахъ другихъ...

Онъ былъ женатъ на прелестной и милой на видъ женщинѣ, о которой всѣ говорили, какъ о необыкновенно мягкой и покорной ему во всемъ женѣ, и женатъ уже давно, потому что дочери его было уже лѣтъ 14. Но, повидимому, онъ не любилъ пускать всѣхъ людей безъ разбора ни въ свою душу, ни въ свой домъ, потому что они жили очень замкнуто, и его жена бывала въ обще-

ствѣ еще меньше, чѣмъ онъ самъ, тоже почти ни у кого не бывавшій.

Я нѣсколько разъ видѣла ее, всегда больше подъ руку съ дочерью, какъ-то странно походившей въ одно и то же время и на мать, отъ которой она унаслѣдовала ея прелестное лицо, и на отца, котораго напоминали суровымъ и печальнымъ выраженіемъ своего еще полудѣтскаго, но тоже уже страннаго и загадочнаго лица.

Были ли они счастливы, любили ли другъ друга, удовлетворяла ли его эта маленькая семья и самъ онъ былъ ли ихъ радостью, или ихъ горемъ, былъ ли онъ нѣжнымъ, любящимъ мужемъ и отцомъ, или же тѣмъ суровымъ деспотомъ въ семьѣ, какимъ многіе считали его, никто ничего не могъ сказать навѣрное, но въ лицахъ и мужа, и жены, и даже дочери было что-то печальное, а въ той замкнутости и сдержанности, съ которою они относились къ людямъ, чувствовалось скорѣй какое-то скрытое страданіе и неудовлетворенность, чѣмъ самодовольство и счастье.

И вотъ этотъ-то человѣкъ, какою-то властью судьбы, явился предо мною въ такую минуту, въ которую эта судьба, если бы она хоть сколько-нибудь заботилась о насъ, менѣе чѣмъ кого-либо должна была бы послать мнѣ... А можетъ быть, можетъ быть, то было ея возмездіе...

Его жена и дочь тоже уѣзжали за границу на томъ же самомъ пароходѣ, на которомъ ѣхалъ и мой мужъ, и онъ пріѣхалъ провожать ихъ.

Замѣчала ли ты, изъ какихъ ничтожныхъ и мелкихъ, часто почти неуловимыхъ причинъ, слагается порой судьба человѣка, и какъ всѣ мы мало замѣчаемъ это, не придавая имъ никакого значенія, а между тѣмъ, самая ничтожная изъ нихъ иногда измѣняетъ всю нашу жизнь.

И вотъ, когда я увидала N на пароходѣ, сердце мое какъ-то странно и тревожно забилось, въ предчувствіи не то какой-то радости, не то опасности, и я покраснѣла, сама не отдавая себѣ отчета почему.

Онъ тоже увидалъ насъ и подошелъ къ намъ, такой же сдержанный и слегка холодный на видъ, какъ и всегда, но въ его взглядѣ, который онъ на мигъ пытливо остановилъ на мнѣ, почудилось что-то близкое, что-то точно угадавшее мое горе и тоску подъ тою спокойною и веселою оболочкой, подъ которою я прятала ихъ отъ другихъ.

— Уѣзжаете, Владиміръ Петровичъ?—спросилъ онъ мужа и мнѣ показалось, что вопросъ этотъ не былъ совсѣмъ простымъ вопросомъ.

Владиміръ Петровичъ почему-то страшно обрадовался ему, сталъ жать его руки, говорилъ ему какія-то любезности. Но въ этой шумной радости было что-то неестественное и напряженное, точно его вдругъ что-то взволновало, или быть можетъ, ему стало стыдно и неловко подъ пытливымъ взглядомъ этого понявшаго его человѣка.

N познакомилъ меня съ женой и дочерью и опять, не знаю почему, я покраснѣла и какое-то странное волненіе охватило меня, когда мы впервые подали другъ другу руки съ этою блѣдною, красивой женщиной, съ такимъ милымъ и грустнымъ лицомъ.

Мы обмѣнялись съ нею нѣсколькими ничего не значущими фразами, а Владиміръ Петровичъ, узнавъ, что они тоже ѣдутъ за границу, обѣщалъ N всю дорогу усердно заботиться о нихъ, а его самого просилъ не забывать, въ свою очередь, меня и понавѣдаться къ намъ на дачу, пока онъ будетъ еще въ Казани.

N обѣщалъ и сказалъ, что, по всей вѣроятности, останется здѣсь еще весь іюнь. Но онъ такъ рѣдко бывалъ у насъ, что я не придала никакого значенія его словамъ и не думала, чтобы онъ дѣйствительно собрался.

Предъ послѣднимъ свисткомъ Владиміръ Петровичъ отвелъ меня съ Воликомъ въ сторону и, поочередно перекрестивъ насъ, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ сначала меня, а потомъ его и за все время, за весь этотъ послѣдній годъ, это былъ быть можетъ его единственный искренній порывъ къ намъ. Порывъ хоть и мимолетнаго, но искренняго, кажется, сожалѣнія и раскаянія въ эту послѣднюю предъ долгою разлукой минуту.

Въ глазахъ его блеснули даже слезы и онъ крѣпко пожалъ и поцѣловалъ мои руки... Но стѣна уже слишкомъ выросла между нами. Я вспомнила тотъ градъ оскорбленій, которыми онъ осыпалъ меня наканунѣ, вспомнила, *куда* и *зачѣмъ* онъ ѣдетъ, и въ сердцѣ моемъ уже ничто не откликнулось на запоздалую ласку его.

Потомъ мы сошли всѣ съ трапа на пристань и я глядѣла, какъ пароходъ сталъ медленно и грузно отчаливать отъ берега. Онъ былъ еще здѣсь, мой мужъ, которому когда-то такъ преданно и полно принадлежала душа моя, и онъ уѣзжалъ отъ меня и семьи такъ далеко и такъ надолго, а мнѣ... мнѣ было все равно!..

Боже мой, Боже мой, какое это жуткое чувство, какое ужасное сознаніе этого страшнаго «все равно»!

Я глядѣла, какъ онъ издали махалъ намъ шляпой, но глаза мои были сухи и въ сердцѣ моемъ я чувствовала только все ту же смерть, смерть всему прошлому и освобожденіе отъ всего!

И мнѣ казалось, что этотъ пароходъ отрываетъ отъ меня цѣ-

лую половину моей собственной жизни, со всѣмъ ея прошлымъ счастьемъ, прошлою любовью, прошлымъ страданіемъ...

Все стало прошлымъ, а впереди была какая-то бездонная пустота и неизвѣстность, отъ которой мнѣ самой дѣлалось жутко и страшно.

Когда пароходъ скрылся, наконецъ, изъ вида, я повернулась отъ рѣки, взяла все еще махавшаго платкомъ Волика за руку и сошла съ пристани.

На берегу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя я опять увидѣла N.

Онъ стоялъ подлѣ своихъ дрожекъ и, видимо, ждалъ насъ.

Когда онъ увидѣлъ, что я повернулась и схожу съ пристани, онъ пошелъ къ намъ навстрѣчу и предложилъ доѣхать до города въ его экипажѣ.

— Вамъ будетъ такъ удобнѣе, теперь уже поздно, — сказалъ онъ мнѣ своимъ мягкимъ и твердымъ въ то же время голосомъ, въ которомъ было что-то невольно заставлявшее ему повиноваться.

Я немного колебалась; но онъ спокойно подалъ мнѣ руку и помогъ сѣсть; потомъ подсадилъ моего Волика и пожалъ мнѣ на прощанье руку. И опять въ этомъ короткомъ, но крѣпкомъ и нѣжномъ пожатіи было столько ласки и участія, точно онъ дѣйствительно все прочиталъ въ душѣ моей и хотѣлъ хоть чѣмъ-нибудь утѣшить и успокоить меня... хоть этой простою ласкою чужого, но чѣмъ-то близкаго мнѣ человѣка.

— Соберитесь же къ намъ,—сказала я ему нерѣшительно.

— Да,—сказалъ онъ просто,—я непремѣнно пріѣду.

И на этотъ разъ я почувствовола въ его отвѣтѣ не одну простую любезность; я почувствовала, что онъ дѣйствительно пріѣдетъ, и на душѣ у меня стало точно отраднѣе и легче... точно ожило въ ней что-то прежнее, забытое, уже такое далекое, далекое, но... но все такое же прекрасное...

Когда я пріѣхала домой и вошла въ наши опустѣлыя комнаты, онѣ показались мнѣ такими одинокими и пустыми, точно изъ нихъ только что вынесли покойника; тоска опять сдавила меня, и я прошла въ свою комнату, сѣла тамъ у окна, не зажигая лампы, оглядѣлась кругомъ и такимъ одиночествомъ, такою тоской пахнуло на меня вдругъ отъ этихъ пустыхъ угловъ, тонувшихъ въ сумракѣ, что я не выдержала и зарыдала...

Весь вечеръ просидѣла я у себя. Дѣти только на минуту приходили проститься ко мнѣ на ночь, но я даже не пошла, какъ обыкновенно, къ нимъ въ дѣтскую укладывать ихъ.

Мнѣ не хотѣлось уходить изъ этой пустой, стемнѣвшей комнаты, изъ которой точно ушло все, что когда-то озаряло мою жизнь такимъ тепломъ и свѣтомъ. Я сидѣла одна, опять почти ни о

чемъ не думая, но слезы сами собою текли изъ глазъ моихъ и я не могла удержать ихъ.

Жизнь, собственная жизнь, уже прожитая и отошедшая куда-то въ безвозвратную даль, отрывочными но яркими картинами вставала въ моей памяти.

Я не вызывала ихъ, не старалась припоминать; онѣ сами собой, какой-то своей волей, помимо меня, вдругъ оживали и проходили предъ мной, такими яркими и отчетливыми, точно все это было только вчера.

Я видѣла себя то молодой дѣвушкой въ семьѣ дяди, такъ разбросанной теперь на разныхъ концахъ міра, то уже замужней женщиной, на нашей первой, милой московской квартиркѣ, такой маленькой и уютной и такъ не похожей на эту, въ которой я была сейчасъ! И отдѣльныя сцены и слова, тогда незначительныя и, быть можетъ, почти незамѣченныя, вставали теперь предъ мной, полныя глубокаго, какъ бы пророческаго смысла, полныя такого радостнаго счастья въ прошломъ и такой тоски, такого горя въ настоящемъ!..

И я невольно плакала; плакала наединѣ съ собой предъ этими дорогими отравленными воспоминаніями, точно пришедшими откуда-то издалека проститься со мной еще разъ, прежде чѣмъ исчезнуть уже навсегда и безвозвратно.

Такъ, по крайней мѣрѣ, я думала тогда.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Крестовская.

Поэма Гоголя „Мертвыя души“ и современная ей русская повѣсть.

(*Окончаніе* *).

II.

Отзывы критики о „Мертвыхъ Душахъ“; разногласіе отзывовъ и ихъ неполнота. — Сила впечатлѣнія, произведеннаго на общество сочиненіями Гоголя.—Отзывы „Сѣверной Пчелы“, „Библіотеки для Чтенія“, „Литературной Газеты“ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Русскаго Вѣстника“, „Москвитянина“ „Сына Отечества“ и „Отечественныхъ Записокъ“.

Литературная критика старыхъ лѣтъ рѣдко была недовольна тѣмъ, что ей давала наша юная словесность, съ трудомъ отстаивавшая въ тѣ годы свое право на самобытность и независимость. Всякій разъ, когда критикъ, не желая говорить комплименты своимъ знакомымъ, относился болѣе или менѣе серьезно къ своему дѣлу—онъ начиналъ жаловаться на отсутствіе въ нашей литературѣ самобытной силы, на небрежное отношеніе писателя къ окружавшей его жизни. Онъ искалъ, какъ онъ выражался, «народности» въ литературѣ и не находилъ ея. Правда, онъ самъ не всегда могъ отвѣтить на вопросъ, въ чемъ эта «народность» должна заключаться, и потому часто бывалъ несправедливъ и къ крупнымъ талантамъ, и ко многимъ писателямъ средняго, дарованія, которые въ тѣ годы производили очень тщательныя наблюденія надъ русской жизнью, но не умѣли облечь ихъ въ достаточно художественную форму.

Такая несправедливость вполнѣ понятна, въ виду во-1-хъ, слишкомъ высокихъ требованій, которыя критикъ, воспитанный на красотахъ западной словесности, ставилъ словесности нашей, еще очень юной; и во-2-хъ, въ виду того безспорнаго факта, что лучшіе наши писатели начала XIX вѣка, дѣйствительно, обращали мало вниманія на *современную* имъ жизнь и въ своихъ твореніяхъ предпочитали прошлое или иноземное своему и настоящему. Критикъ имѣлъ нѣкоторое основаніе жаловаться на то, что Жуковскій, Пушкинъ, Грибоѣдовъ и иные

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль, 1903 г.

сильные такъ мало успѣли сказать о той жизни, однимъ изъ лучшихъ украшеній которой они были.

Бѣлинскій былъ правъ, когда въ 1834 году, заявилъ категорически, что «у насъ нѣтъ литературы». Онъ отлично зналъ цѣну нѣкоторымъ высокохудожественнымъ произведеніямъ нашей словесности того времени, и онъ хотѣлъ сказать только, что связь этихъ произведеній съ нашей дѣйствительностью, съ нашей русской жизнью могла бы быть болѣе тѣсной.

Прошло десять лѣтъ съ того времени, какъ Бѣлинскимъ было сдѣлано это смѣлое заявленіе—въ которомъ онъ только повторилъ то, что до него говорили почти всѣ критики,—и передъ русскимъ читателемъ лежало полное собраніе сочиненій Гоголя. Какъ съ ними сосчиталась критика и удовлетворили ли они ее?

Пріемъ, оказанный сочиненіямъ Гоголя и въ особенности его «Мертвымъ Душамъ» свидѣтельствуетъ очень ясно и опредѣленно о необычайно сильномъ впечатлѣніи, какое новый художникъ произвелъ на своихъ современниковъ. Силу его таланта почувствовалъ каждый, и даже тѣ критики, которые встрѣтили Гоголя бранью, и они были поражены этой силой и, можетъ быть, потому то съ такимъ забвеніемъ здраваго смысла и выругались. Другіе, подъ обаяніемъ перваго впечатлѣнія, вознесли автора до небесъ.

Останавливаясь передъ этимъ рѣзкимъ разногласіемъ судей, одинъ критикъ писалъ: «Гоголь именно потому и является у насъ чѣмъ-то загадочнымъ, что наука, объемлющая всѣ стороны искусства его, едва по частямъ промелькнула передъ нами. Оттого одни смотрятъ на Гоголя съ энтузіазмомъ, другіе хулятъ его до нельзя» *).

На первый взглядъ, дѣйствительно, могло показаться, что критики разошлись въ эстетической оцѣнкѣ произведеній Гоголя: такъ много и такъ часто говорили они о красотѣ или безобразіи его языка и стиля, о законченности или неполнотѣ его образовъ, объ ихъ большей или меньшей типичности... Но на самомъ дѣлѣ источникомъ восторговъ или раздраженія критиковъ было вовсе не обманутое или удовлетворенное эстетическое чувство. Критики спорили, потому что никакъ не могли согласиться, что произведенія Гоголя на самомъ дѣлѣ «народны», что въ нихъ-то и кроется искомая и желанная народность, что въ нихъ правда жизни вполнѣ совпала съ правдой творчества. Эта главнѣйшая заслуга творчества Гоголя стала выясняться критикѣ лишь постепенно.

Нѣкоторымъ судьямъ, воспитаннымъ на сентиментальныхъ и романтическихъ традиціяхъ, реализмъ Гоголя, полный ироніи, былъ противенъ самъ по себѣ, какъ оскорбленіе, которое авторъ будто бы на-

---

*) „Современникъ" 1842 г. XXVIII, стр. 82 „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя „Похожденія Чичикова".

*

несъ искусству, и мало было вообще читателей, которые могли понять, какъ должно, глубокій и печальный смыслъ «этихъ каррикатуръ въ стилѣ Гольбейна», этой «пляски смертей», какъ кн. Вяземскій остроумно назвалъ «Мертвыя Души» *)? Но съ другой стороны нашлись и справедливые судьи, которые не успѣли только на первыхъ порахъ вполнѣ высказаться.

Перескажемъ нѣкоторые наиболѣе характерные критическіе отзывы о сочиненіяхъ Гоголя и преимущественно о «Мертвыхъ Душахъ», чтобы убѣдиться, насколько сильно были задѣты и поражены словами художника умы его читателей.

«Мертвыя Души» и первое полное собраніе сочиненій Гоголя увидѣли свѣтъ въ годы, мало благопріятные для критической мысли. Эта мысль въ двадцатыхъ годахъ и въ началѣ тридцатыхъ была менѣе опытна, но зато болѣе разнообразна. Къ 1842 году многіе органы, вносившіе большое оживленіе въ журналистику—прекратили свое существованіе.

Умерли естественной и насильственной смертью «Вѣстникъ Европы», «Московскій Телеграфъ», «Московскій Вѣстникъ», «Телескопъ» и «Молва», «Европеецъ» и «Московскій Наблюдатель». Нѣкоторые изъ критиковъ, писавшихъ въ этихъ журналахъ, продолжали свою дѣятельность въ иныхъ періодическихъ изданіяхъ, а нѣкоторые совсѣмъ замолкли—и притомъ самые смѣлые и наиболѣе талантливые. Пушкинъ и Веневитиновъ скончались; Марлинскій и Кюхельбекеръ были сосланы; Кирѣевскій и Надеждинъ послѣ погрома «Телескопа» и «Европейца» замолчали на долгіе годы; Вяземскій писалъ очень мало и отъ боевой критики, въ которой онъ сыгралъ такую видную роль, сталъ сторониться. Смерть или молчаніе такихъ лицъ было большою потерей.

Возникли, правда, новые органы, но они старыхъ не замѣнили. Въ Москвѣ около «Москвитянина» сгруппировался кружокъ славянофильскій, и присяжнымъ критикомъ журнала сталъ Шевыревъ—прежній сотрудникъ «Московскаго Вѣстника» и «Московскаго Наблюдателя». Годы не выработали изъ него хорошаго критика: пылъ и жаръ, который отмѣчалъ его юныя статьи, слегка выдохся и патріотическая тенденція его образа мыслей возросла и очень мѣшала правильности его сужденій.

Петербургская журналистика была болѣе оживлена, хотя и она не могла похвастаться оригинальностью и силой: критическій отдѣлъ «Современника» со смертью Пушкина, съ отказомъ Гоголя вступить въ него, и при рѣдкомъ появленіи статей Вяземскаго былъ безцвѣтенъ; ни аромата, ни цвѣта не придалъ ему и Плетневъ своими статьями. «Библіотека для Чтенія», недавно основанная, была журналомъ очень популярнымъ и по разнообразію и группировкѣ матеріала вполнѣ заслужи-

---

*) *Кн. П. А. Вяземскій.* „Полное собраніе сочиненій", II, 315, въ статьѣ „Языковъ и Гоголь", 1847.

вала успѣхъ, но критическій отдѣлъ, который велъ самъ редакторъ Сенковскій, былъ совсѣмъ не на высотѣ своего призванія. Редакторъ—человѣкъ большого ума и большихъ знаній, считалъ, повидимому, критику дѣломъ совсѣмъ не серьезнымъ, и потому въ своихъ статьяхъ только шутилъ, остроумничалъ и паясничалъ, а иногда даже очень неучтиво ругался.

Этого же тона, но только съ меньшимъ талантомъ и остроуміемъ держался и Булгаринъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ».

Въ обновленномъ «Русскомъ Вѣстникѣ» работалъ заслуженный редакторъ «Московскаго Телеграфа» Полевой, попрежнему неутомимый и энергичный, но не способный возвыситься надъ своими старыми романтическими и сентиментальными симпатіями.

Какъ бы въ искупленіе всѣхъ прегрѣшеній тогдашней критики, въ обновленныхъ «Отечественныхъ Запискахъ» писалъ, и часто писалъ Бѣлинскій. Въ его статьяхъ заключена вся исторія нашей критической мысли за цѣлое десятилѣтіе (съ конца тридцатыхъ до конца сороковыхъ годовъ). Онъ одновременно былъ и лучшимъ теоретикомъ изящнаго въ искусствѣ, и первымъ публицистомъ.

Посмотримъ же, какъ всѣ эти судьи откликнулись на обращенную къ обществу рѣчь художника.

На сужденія Булгарина и Сенковскаго появленіе «Мертвыхъ Душъ» не оказало никакого вліянія. Гоголь остался для нихъ простымъ шутникомъ, веселымъ разсказчикомъ небылицъ; они не видѣли или не хотѣли видѣть разницы между первыми произведеніями писателя и его зрѣлыми созданіями. Булгаринъ говорилъ, что въ поэмѣ Гоголяесть и забавное, и смѣшное, и счастливо переданное; есть умныя рѣзкія замѣчанія насчетъ слабостей и глупостей человѣческихъ, но что все это утопаетъ въ странной смѣси вздору, пошлостей и пустяковъ. Въ «Мертвыхъ Душахъ» нѣтъ ни одного характера, писалъ онъ;—одна каррикатура и небывальщина. Дѣйствующія лица всѣ—одни дураки и воры. Передъ нами особый міръ негодяевъ, который никогда не существовалъ. Притомъ, добавлялъ критикъ,—вся поэма написана удивительно безвкуснымъ языкомъ и въ дурномъ тонѣ, и языкомъ мѣстами совершенно неприличнымъ. Во всякомъ случаѣ это—неглубокое и несерьезное произведеніе, не «поэма», а просто положенный на бумагу разсказъ замысловатаго мнимопростодушнаго малороссіянина. Гоголь могъ бы писать и хорошо и серьезно, но почему-то добровольно отказался отъ мѣста подлѣ образцовыхъ писателей романовъ, чтобы стать ниже Поль-де-Кока. Правда, этотъ легкій писатель пользуется теперь большимъ успѣхомъ, но это объясняется не его заслугами, а усердіемъ нѣкоторыхъ критиковъ, которые его захвалили, чтобы заставить публику отвернуться отъ другихъ сатирическихъ и юмористическихъ писателей *).

---

*) „Сѣверная Пчела“ 1842 г. №№ 137 и 279.

Въ такомъ же тонѣ, но съ большимъ ухарствомъ говорилъ о Гоголѣ и Сенковскій. У него не нашлось для «Мертвыхъ Душъ» иного названія, какъ «буффонада». Гоголь, доказывалъ критикъ, остался во всѣхъ своихъ произведеніяхъ авторомъ анекдотовъ, въ которыхъ пробивался возлѣ пріятнаго дарованія особенный провинціальный юморъ—малороссійское жартованіе. Отсутствіе художнической наблюдательности юмористъ замѣняетъ коллекціею гротесковъ, оригиналовъ, чудаковъ и плутовъ безъ всякой важности для философической сатиры. Стиль его грязенъ, картины—зловонны! Бѣдный писатель! Онъ Чичикова принимаетъ за жизнь. Онъ лелѣетъ такія созданія! О беззвучная трескотня! Бѣдный! Тысячу разъ бѣдный! Онъ могъ думать, что нарисованная имъ картина нравовъ и характеровъ есть поэма изъ русской жизни! А кого рисуетъ онъ? Какихъ людей! Какія понятія! И его слушаютъ! А почему? Потому что его захвалили тѣ люди, которымъ это было нужно сдѣлать изъ постороннихъ цѣлей. А въ сущности что такое Гоголь? Поль-де-Кокъ и по слогу, и по сюжету *).

Такъ писали о Гоголѣ люди, которымъ никакъ нельзя отказать въ литературной начитанности, въ писательской опытности и даже въ умѣ. Ихъ сужденія въ данномъ случаѣ настолько расходятся со здравымъ смысломъ, обнаруживаютъ такую узость пониманія, что невольно приходится заподозрить ихъ въ полной неискренности. Они не могли думать то, чтб писали. Въ ихъ словахъ чувствуется задняя мысль и они, нападая на Гоголя, имѣли въ виду не оборону искусства, а защиту чего-то иного, для нихъ въ данномъ случаѣ болѣе дорогого. Не трудно догадаться, чтò именно ихъ сердило; они открыли свои карты, когда такъ упорно настаивали на томъ, что Гоголя «захвалили» пріятели, что тщеславіе и самомнѣніе его обуяло, что его друзья и поклонники стараются отвлечь симпатіи публики отъ другихъ не менѣе достойныхъ писателей-юмористовъ и сатириковъ, т.-е. отъ нихъ самихъ, отъ Булгарина и Сенковскаго. Повышенность ихъ злобнаго тона объясняется успѣхомъ Гоголя и притомъ успѣхомъ въ средней публикѣ, той самой, которая до сихъ поръ зачитывалась именно ихъ романами и повѣстями. Такимъ образомъ, въ этихъ критическихъ отзывахъ совершенно ничтожныхъ по мысли, сохранено для насъ очень любопытное указаніе на расширеніе сферы вліянія сочиненій Гоголя—указаніе на захватъ ими цѣлой группы читателей, которые раньше довольствовались иными поставщиками. Булгаринъ и Сенковскій отлично понимали, что для болѣе или менѣе развитыхъ читателей ихъ брань на Гоголя ровно никакой цѣны не имѣетъ, и они хотѣли удержать за собою лишь тѣхъ, въ которыхъ съ полнымъ основаніемъ подозрѣвали наступающую перемѣну вкусовъ.

Дѣйствительно, по восторженному тону, какимъ о Гоголѣ стали го-

*) „Библіотека для Чтенія" 1842 г. LIII, отд. VI, 24—54 и 1843 г. LVII, отд. VI, 21—28.

ворить журналисты не особенно видныхъ органовъ печати, можно было догадаться, что слава его растетъ необычайно быстро. Похвалы эти были очень общаго характера, но въ нихъ уже ясно проступаетъ сознаніе, что въ сочиненіяхъ Гоголя дано нѣчто въ высшей степени важное, что въ нихъ кроется громадная сила; въ чемъ она—объ этомъ критикъ говорилъ пока довольно глухо. «Мертвыя Души»—*ужасающая* картина современной жизни, писалъ одинъ изъ такихъ поклонниковъ Гоголя *),—цѣнившій въ немъ его рѣдкій даръ наблюдательности, его знаніе человѣческаго сердца, его умѣніе созидать характеры,—но въ чемъ заключался весь «ужасъ» картины—этого критикъ не пояснялъ. «Мертвыя Души»—картина вѣрная природѣ, хотя бойкость иногда приближаетъ автора къ карикатурѣ и рьяность заставляетъ его грѣшить противъ стилистики, замѣчалъ другой рецензентъ. Вся картина огромная, ярко расцвѣченная, фонъ которой составляетъ бытъ нашихъ провинціальныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Въ поэмѣ Гоголя намъ даны живыя лица изъ нашей «ветхой» жизни. Мы, живемъ дѣйствительно, двойной жизнью: юною, перелитою къ намъ изъ Европы, которая отражена въ такихъ типахъ какъ Чацкій, Евгеній Онѣгинъ и Печоринъ, и жизнью ветхой, унаслѣдованной отъ предковъ, которая представлена въ литературѣ семействомъ Простаковыхъ, Сквозникомъ-Дмухановскимъ, Хлестаковымъ и Чичиковымъ. Никогда талантъ Гоголя не производилъ творенія столь обширнаго въ своемъ объемѣ, столь поразительнаго по разнообразію и выдержанности, по оригинальности и новости характеровъ, по вѣрности и яркости красокъ, какъ его «Мертвыя Души». Въ заключеніе критикъ предрекалъ поэмѣ Гоголя блестящую участь **). Пусть въ своихъ предсказаніяхъ онъ ошибся, но въ различеніи «юной» и «ветхой» жизни, которой мы живемъ, онъ обнаружилъ безспорное пониманіе смысла гоголевской сатиры, хотя опять-таки мысль свою оставилъ безъ развитія.

Такая недосказанность въ сужденіяхъ о «Мертвыхъ Душахъ» была тогда явленіемъ общимъ; не только критики средней силы, но и критики уже опытные и очень даровитые грѣшили ею. Гоголь давалъ такъ много въ своей поэмѣ, что всякій желавшій высказать свое сужденіе о ней былъ подавленъ тѣми мыслями, которыя она вызывала и не могъ формулировать ихъ сразу вполнѣ опредѣленно и съ достаточной полнотой. Въ этомъ мы сейчасъ убѣдимся по отзывамъ лицъ наиболѣе компетентныхъ въ судѣ надъ литературными памятниками.

Исключеніемъ среди всѣхъ такихъ компетентныхъ судей былъ Полевой. Престарѣлый романтикъ, которому надлежало теперь высказать свое сужденіе о лучшемъ представителѣ торжествующаго реализма, сказалъ откровенно, ясно и опредѣленно все, что онъ думалъ о «Мерт-

*) „Литературная Газета“ 1842 г. № 23, 470—476.

**) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1842 г. № 163—165. Статья *М. Сорокина.*

выхъ Душахъ» и о сочиненіяхъ Гоголя вообще. Это были жестокія и совершенно несправедливыя слова. Ихъ нужно отмѣтить въ виду ихъ характерности, но съ ними нѣтъ необходимости считаться, такъ какъ критикъ обнаружилъ полное непониманіе того, судить о чемъ онъ взялся. Это непониманіе было вполнѣ искреннее со стороны Полевого; для него сочиненія Гоголя были прямымъ отрицаніемъ всего, что онъ считалъ изящнымъ и художественно правдивымъ. Ругать Гоголя побудили его не личные, не редакціонные счеты, а сложившіеся его романтическіе вкусы и старая эстетическая теорія, отъ которой онъ не то чтобы не хотѣлъ, а не смогъ отступить. Ему — романтику и сентименталисту — откровенный реализмъ былъ противенъ.

Принимая на себя веденіе критическаго отдѣла въ обновленномъ «Русскомъ Вѣстникѣ», Полевой призналъ въ своей руководящей статьѣ *), что русская литература переживаетъ трудное время. Классицизмъ палъ, писалъ онъ, но теперь одно зло смѣнили другимъ. Невольно пожалѣешь о обромъ старомъ времени классическаго владычества. Старую теорію мы уничтожили, ну а создали ли мы новую? У насъ теперь масса трибуналовъ и полное безначаліе въ критикѣ. Такая же путаница и въ теоріяхъ ученыхъ и въ философіи. Толпа невѣрующихъ разрушителей нападаетъ на Гете, предпочитаетъ Энеидѣ—Нибелунги, Рафаэлю—византійскую живопись, отвергаетъ все въ Корнелѣ и Расинѣ, холодно смотритъ на творенія В. Скотта и любитъ уродливаго Диккенса. Нашъ вкусъ—страстность, наше прекрасное—дикость, наша страсть—новизна. Нужно выйти изъ этого хаоса, надо перейти къ времени мирному, къ новому тихому возсозданію прежнихъ положительныхъ идей человѣчества... Это будетъ новый классицизмъ, который съумѣетъ цѣнить Шекспира, отдавая справедливость Корнелю, Кондильяка замѣнитъ эклектизмомъ, безбожіе энциклопедистовъ уничтожитъ передъ свѣтомъ религіи, помиритъ романтизмъ и классицизмъ. Чтобы повернуть литературу на этотъ путь сліянія прежняго сухого классицизма и неистоваго романтизма (отъ котораго Полевой теперь отрекается), чтобы не позволить литературѣ одичать въ погонѣ за реализмомъ — нужна новая критика. Полевой обѣщаетъ ее въ своемъ журналѣ. «Эта критика, говоритъ онъ, не осудитъ безотчетно на позоръ прежнихъ условій искусства, но, дополняя ихъ новыми открытіями ума человѣческаго, возсоздастъ ихъ; не станетъ утверждать, что въ искусствѣ нѣтъ никакихъ условій и въ наукѣ существуетъ только слѣпой опытъ безъ теоріи, наконецъ такая критика пойметъ вполнѣ слово «народность» въ умѣ и наукѣ, сознавая, что при эклектизмѣ человѣчества каждый народъ долженъ жить своею самобытностью, хотя и не осуждая на безсмысліе и смерть всѣ другіе народы».

---

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1842 г. № 1, статья *Н. Полевого.* „Нѣсколько словъ о современной русской критикѣ“.

Своимъ судомъ надъ сочиненіями Гоголя Полевой и попытался оправдать эту «новую» критику. Онъ любилъ Гоголя за его ранніе произведенія, въ которыхъ реализмъ былъ такъ скрашенъ романтизмомъ, и онъ не терпѣлъ Гоголя за его послѣднія созданія за его комедіи и «Мертвыя Души», въ которыхъ видѣлъ торжество именно той дикости и той страстности, которая заставляла его жалѣть о погибшемъ классицизмѣ, нѣкогда имъ столь нелюбимомъ. Слѣдуя новой теоріи изящнаго, онъ въ первыхъ же номерахъ своего журнала забросалъ Гоголя неучтивыми упреками и обвиненіями. Онъ утверждалъ, что вся сила Гоголя въ одномъ малороссійскомъ жартѣ. Захваленный и вознесенный своими поклонниками, писалъ критикъ, Гоголь превратно смотритъ на свое назначеніе. Все, что составляетъ прелесть его твореній, теперь исчезаетъ, все, что губитъ ихъ—постепенно усиливается. «Мертвыя Души» бѣдны содержаніемъ, онѣ простое повтореніе «Ревизора», грубая каррикатура, которая перешла за предѣлъ изящнаго. И гдѣ въ ней прежнее добродушное жартованіе? Ужъ если писатель хочетъ дать намъ человѣка, то пусть онъ не показываетъ одну лишь его грязную сторону, а «Мертвыя Души»—это неопрятная гостинница—клевета на Россію. Сколько грязи въ этой поэмѣ! И приходится согласиться, что Гоголь родственникъ Поль-де-Кока. Онъ въ близкомъ родствѣ и съ Диккенсомъ, но Диккенсу можно простить его грязь и уродливость за свѣтлыя черты, а ихъ не найти у Гоголя. И авторъ могъ думать, что «Мертвыя Души»—нравственное поученіе?! Неужели въ каждомъ русскомъ можно видѣть зародыши Хлестакова и Чичикова? *).

Такія слова въ устахъ Полевого были одновременно и огульнымъ осужденіемъ Гоголя, и уступкой ему. Закоренѣлый романтикъ бранилъ бездоказательно нашего реалиста, не понимая его, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, подъ впечатлѣніемъ сочиненій Гоголя, сталъ догадываться, что романтизмъ въ литературѣ свое дѣло проигрываетъ и что если реализмъ Гоголя и вреденъ, то для борьбы съ нимъ нужно нѣчто иное, чѣмъ то, что онъ—Полевой—до сего времени считалъ въ искусствѣ правдивымъ и художественнымъ.

Если критика Полевого въ вопросѣ о литературной и общественной стоимости сочиненій Гоголя ровно никакой цѣны не имѣетъ, то и она—какъ видимъ—косвенно свидѣтельствуетъ о постепенно возроставшемъ его успѣхѣ.

Отзывы другихъ авторитетныхъ критиковъ были всѣ хвалебные и восторженные.

Переходя къ разсмотрѣнію этихъ хвалебныхъ рецензій—единодушныхъ, несмотря на разницу направленій тѣхъ журналовъ, въ которыхъ они были напечатаны—мы должны отмѣтить, прежде всего, ихъ непол-

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1842 г. № V и VI, 33—57.

ноту. Судьи всѣ въ восторгѣ; они поражены новизной явленія, поражены богатствомъ картинъ, типовъ и положеній, но никто изъ нихъ не рѣшается высказаться по существу и съ достаточной полнотой опредѣлить все значеніе «Мертвыхъ Душъ» для русской жизни, хотя каждый изъ нихъ и торопится сказать, что эта поэма въ общественномъ смыслѣ явленіе очень знаменательное. Очевидно, что на всѣхъ критиковъ «Мертвыя Души» произвели настолько сильное впечатлѣніе, что судьи не могли въ немъ сразу разобраться; и Гоголь былъ правъ, когда жаловался на читателя, который не откликнулся на его слова такъ откровенно и полно, какъ бы ему этого хотѣлось. Гоголя не удовлетворяли похвалы, онъ хотѣлъ критики, т.-е. всесторенней оцѣнки, и, главнымъ образомъ, не эстетической, а нравственной. Вмѣсто нея ему пришлось прочитать лишь восторженныя привѣтствія, искреннія, но слишкомъ общаго характера. «Другой мѣсяцъ или читаемъ васъ, или говоримъ о васъ, — писалъ Гоголю въ іюлѣ 1842 года старѣйшій членъ славянофильскаго московскаго кружка, С. Т. Аксаковъ. Никому не повѣрю, чтобъ нашелся человѣкъ, который могъ бы съ перваго раза вполнѣ понять ваши безсмертныя «Мертвыя Души». Это міръ Божій. Можно ли однимъ взглядомъ его разсмотрѣть? Какое надобно вниманіе и разумѣнье, чтобъ открыть въ немъ совершенство творчества въ малѣйшихъ подробностяхъ, повидимому и не стоющихъ большого вниманія?.. Я прочелъ «Мертвыя Души» два раза про себя и третій разъ вслухъ для всего моего семейства; надобно нѣкоторымъ образомъ остыть, чтобъ не пропустить красотъ творенія, естественно ускользающихъ отъ пылающей головы и сильно бьющагося сердца» *).

Аксаковъ сказалъ правду: все, что было написано о «Мертвыхъ Душахъ» непосредственно послѣ ихъ выхода въ свѣтъ, грѣшило недосказанностью и неполнотой сужденія...

Въ «Москвитянинѣ» поэму Гоголя довольно подробно разобралъ Шевыревъ.

Его статья,—лучшая изъ всѣхъ его критическихъ статей—не лишена достоинствъ. Значеніе Гоголя, какъ реалиста-художника, въ ней понято и выяснено вѣрно. Но въ ней была одна задняя мысль, которая помѣшала критику подробно остановиться на оцѣнкѣ того, что было дано въ первой части «Мертвыхъ Душъ» и торопила его говорить о томъ, что авторъ намѣревался сказать въ будущемъ. Шевыревъ былъ друженъ съ Гоголемъ и зналъ, чѣмъ долженъ былъ закончиться разсказъ о похожденіяхъ Чичикова. Какъ руссофилъ и какъ критикъ, заявившій въ первыхъ же книжкахъ *) своего журнала открыто и вызывающе о

---

*) *С. Т. Аксаковъ.* „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ" 69, 70.

**) „Москвитянинъ" 1842 г. № 1, статья *Шевырева.* „Взглядъ на современное направленіе русской литературы".

своемъ патріотическомъ образѣ мыслей, Шевыревъ не сказалъ всего, что можно было сказать о тѣневой сторонѣ нашей дѣйствительности, и спѣшилъ утѣшить читателя обѣщаніями, что въ слѣдующихъ частяхъ поэмы Гоголя возсіяетъ вся красота и добродѣтель той русской жизни, о которой на первыхъ порахъ такъ много дурного сказалъ художникъ. «Всѣ мы, — писалъ онъ въ одной изъ своихъ критическихъ статей, которая предшествовала его разбору «Мертвыхъ Душъ»,— всѣ мы, дѣйствующіе мыслью и словомъ на образованіе народное, по разнымъ вѣтвямъ поэзіи, словесности, науки, какъ бы ни раздѣлялись мнѣніями, должны помнить, что у всѣхъ насъ одна задача: выразить мысль всеобъемлющую, всемірную, всечеловѣческую, христіанскую въ самомъ русскомъ словѣ» *). Шевыревъ считалъ Гоголя художникомъ, призваннымъ выполнить именно эту задачу,—но конечно, въ будущемъ.

Если въ этомъ первомъ томѣ своей поэмы, говорилъ Шевыревъ, комическій юморъ Гоголя возобладалъ, и мы видимъ русскую жизнь и русскаго человѣка по большей части отрицательною ихъ стороной, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы фантазія Гоголя не могла вознестись до полнаго объема всѣхъ сторонъ русской жизни. Онъ самъ обѣщалъ намъ далѣе представить все несмѣтное богатство русскаго духа, и мы увѣрены заранѣе, что онъ славно сдержитъ свое слово. Къ тому же въ этой части, гдѣ самое содержаніе, герои и предметъ дѣйствія увлекали его въ хохотъ и иронію, онъ чувствовалъ необходимость восполнить недостатокъ другой половины жизни, и потому въ частыхъ отступленіяхъ, въ яркихъ замѣткахъ, брошенныхъ эпизодически, далъ намъ предчувствовать и другую сторону русской жизни, которую со временемъ раскроетъ во всей полнотѣ ея... Мы думаемъ также, что поэтъ способенъ дать своей фантазіи полетъ самый свободный и обширный, котораго достало бы на обхватъ всей жизни, и предполагаемъ, что, развиваясь далѣе, его фантазія будетъ богатѣть полнотою и обниметъ жизнь не только Руси, но и другихъ народовъ,—возможность къ чему мы уже видѣли ясно въ его «Римѣ».

Вдохновленный лиризмомъ Гоголя нашъ критикъ такъ говорилъ о томъ, что ожидаетъ читателя въ будущемъ: «Взгляните на вѣтеръ передъ началомъ бури,—писалъ онъ.—Легко и низко проносится онъ сперва; взметаетъ пыль и всякую дрянь съ земли; перья, листья, лоскутки летятъ вверхъ и вьются; и скоро весь воздухъ наполняется его своенравнымъ круженіемъ... Легокъ и незначителенъ кажется онъ сначала, но въ этомъ вихрѣ скрываются слезы природы и страшная буря. Таковъ точно и комическій юморъ Гоголя... Но вотъ налетѣли тучи... Сверкнула молнія... Громъ раскатился по небу... Дождь хлынулъ потоками. Земля и небо смѣшались вмѣстѣ... Не такова ли будетъ вто-

*) „Москвитянинъ“ 1842 г. № 3, статья *Шевырева*. „Взглядъ на современную литературу“.

рая часть его поэмы, въ которой обѣщаетъ онъ намъ *лирическое теченіе*, горизонтъ *раздающійся* и *величавый громъ другихъ рѣчей?»* *).

Въ ожиданіи этой бури и этого грома Шевыревъ нѣсколько небрежно взглянулъ на ту «пыль» и на ту «дрянь», которую съ земли подняли слова Гоголя.

Самое цѣнное въ статьѣ Шиперова,—это указаніе на торжество реализма въ нашемъ искусствѣ и на непосредственную связь сочиненій Гоголя съ тѣмъ, что мы вокругъ насъ видимъ. Если Шевыревъ не достаточно выяснилъ какъ велика была цѣна такихъ реальныхъ типовъ для нашей тогдашней жизни, то онъ все-таки понялъ, насколько они жизненны, и ему было ясно, что въ нихъ кроется глубокій смыслъ. «Давно уже поэтическія явленія не производили у насъ движенія столь сильнаго, какое произвели «Мертвыя Души», говорилъ онъ, и причину этого движенія онъ правильно усматривалъ въ необычайной близости того, что говорилъ художникъ, съ тѣмъ, что насъ окружало. Чичиковъ былъ для него истиннымъ героемъ нашего меркантильнаго прозаическаго времени. «Будьте же благодарны поэту за то, что онъ силою своего могучаго воображенія вызвалъ вамъ изъ какого-то отдаленнаго захолустья нашей отчизны такихъ земляковъ, такихъ странныхъ собратій вашихъ, о существованіи которыхъ если вы и имѣли кой-какія подозрѣнія, то позабыли вовсе въ своихъ великолѣпныхъ суетахъ и заботахъ, говорилъ критикъ. Повсюду важна связь искусства съ жизнью, но особенно важна она у насъ, какъ народа практическаго, не способнаго къ отвлеченностямъ. Только то произведеніе тронетъ у насъ за живое и возбудитъ участіе всѣхъ, въ которомъ существенная основа тѣсно связана съ корнемъ нашей жизни, въ хорошую ли, въ дурную ли ея сторону. Пора уже намъ отъ блестящей жизни внѣшней, которая насъ слишкомъ увлекаетъ, возвращаться къ внутреннему бытію, къ дѣйствительности собственно русской, какъ бы ни казалась она ничтожна и отвратительна намъ, увлекаемымъ незаслуженною гордостью чужого просвѣщенія, и потому каждое значительное произведеніе русской словесности, напоминающее намъ о тяжелой существенности нашего внутренняго быта, открывающее тѣ захолустья, которыя лежатъ около насъ, а намъ кажутся за горами потому только, что мы на нихъ не смотримъ, каждое такое произведеніе, заглядывающее вглубь нашей жизни, кромѣ своего достоинства художественнаго, можетъ по всѣмъ правамъ имѣть достоинство и благороднаго подвига на пользу отечества. Въ пышномъ вѣкѣ Екатерины Фонвизинъ раскрылъ одну изъ глубокихъ ранъ тогдашней Россіи въ семейномъ быту и воспитаніи. Въ наше время тотъ же подвигъ совер-

---

*) „Москвитянинъ" 1842 г. № VIII, статья *Шевырева* „Похожденія Чичикова" 369, 370, 372, 356.

шенъ былъ Гоголемъ въ «Ревизорѣ», и совершается теперь въ другой разъ въ «Мертвыхъ Душахъ».

Какъ видимъ, мысли совершенно вѣрныя; и если бы Шевыревъ, вмѣсто того, чтобы въ патріотическомъ восторгѣ предвкушать будущее и тратить свои силы на не всегда вѣрное истолкованіе эстетической стороны творчества Гоголя, развилъ эту мысль о значеніи словъ Гоголя для нашего самосознанія, то его критическая статья была бы одною изъ лучшихъ.

Большую статью о «Мертвыхъ Душахъ» напечаталъ въ «Современникѣ» и другой пріятель Гоголя П. А. Плетневъ *). Статья была умная, но мало оригинальная, такъ какъ она утверждала то, съ чѣмъ почти всѣ болѣе или менѣе серьезные читатели были согласны. На вопросъ о значеніи творчества Гоголя не для искусства, а для жизни, статья Плетнева давала также отвѣтъ не полный. Плетневъ говорилъ, что въ настоящее время Гоголь нашъ первый писатель по таланту, что онъ весь проникнутъ жизнью; вышедши изъ своего уединенія мысли на поприще явленій жизни, онъ обязанность созерцателя перемѣнилъ на ощущеніе дѣйствующихъ; онъ возвелъ характеръ искусства въ поразительное явленіе самой жизни. Онъ весь проникнутъ сферою движущагося около него общества, дѣлитъ его образъ мыслей, говоритъ его языкомъ, признаетъ за истину всякую, самую ложную его идею—и такимъ образомъ ничто васъ не тревожитъ въ очарованіи созданной имъ дѣйствительности. Отсутствіе усилія, естественное положеніе всѣхъ лицъ и между тѣмъ всеобщая жизнь и постоянное дѣйствіе комической красоты—вотъ что изумляетъ въ авторѣ, повидимому, безпечномъ и все предоставившемъ самой природѣ... Его проницательный, вѣрный взглядъ возводитъ въ эстетическтю сферу такія обстоятельства, изъ которыхъ обыкновенный писатель не извлекъ бы ничего, кромѣ натянутыхъ остротъ и скучныхъ шуточекъ... Мы живемъ въ эпоху—продолжалъ Плетневъ—въ которую отъ каждаго художника критика требуетъ ближайшаго, ясно высказавшагося соотношенія между жизнью и произведеніемъ искусства. Поэма Гоголя можетъ служить образцомъ такого соотношенія. Я могъ бы указать на каждый изъ выведенныхъ имъ характеровъ, какъ они окружаютъ читателя явленіями русской жизни»...

На эти явленія русской жизни критикъ обратилъ однако мало вниманія и смыслъ всей поэмы онъ увидалъ въ «великой идеѣ о жизни человѣка, увлекаемаго жалкими страстями». Основный замыселъ Гоголя сводился, дѣйствительно, къ исторіи возрожденія жалкой души, но вѣдь не въ этой интимной исторіи Чичикова заключался общественный смыслъ гоголевской поэмы. «Въ нашихъ рус-

---

*) „Современникъ“ XXVII, статья *П. А. Плетнева* „Чичиковъ или Мертвыя Души Гоголя“.

скихъ разговорахъ, мысляхъ и поступкахъ, говорилъ критикъ, есть особенности національныя, но въ нихъ нѣтъ того, что придало бы имъ цѣнность общую и приводило бы ихъ въ соприкосновеніе съ интересами другихъ народовъ. Самыя поразительныя мѣста поэмы Гоголя, отъ которыхъ приходишь въ восхищеніе, не выносятъ души на тотъ горизонтъ, откуда она обозрѣваетъ подобныя явленія у иностранныхъ писателей. Во всемъ чувствуешь мелочность и ограниченность. Для иностранца, который не въ состояніи трепетать отъ художническаго мастерства Гоголя, вся прелесть исчезаетъ за недостаткомъ жизни болѣе цѣнной и болѣе общепонятной. Въ этомъ, конечно, Гоголь не виноватъ. Онъ возвратилъ обществу то, что оно могло ему дать само, да и притомъ у всѣхъ самыхъ великихъ писателей русскихъ степень развитія интересовъ всегда была ниже, нежели у писателей другихъ народовъ». Но Плетневъ такъ довѣрялъ силѣ таланта Гоголя, что просилъ читателя подождать, когда его поэма будетъ закончена. Кто знаетъ, — думалъ онъ, очевидно, хотя и не высказалъ этого,—кто знаетъ, можетъ быть въ послѣдующихъ частяхъ «Мертвыхъ Душъ» и будетъ одержана эта великая побѣда и русскій романъ будетъ полонъ «общественнаго интереса» для читателя западнаго?

Въ этой тайной мысли Плетневъ сошелся съ открытымъ пророчествомъ Шевырева, но разошелся совершенно съ другимъ, въ то время чуть ли не самымъ авторитетнымъ критикомъ—съ Бѣлинскимъ.

Отъ Бѣлинскаго мы могли бы ожидать самаго вѣскаго и самаго исчерпывающаго слова о новомъ произведеніи Гоголя. Бѣлинскій былъ первымъ и самымъ смѣлымъ защитникомъ нашего писателя, когда этотъ писатель только начиналъ свою дѣятельность. Если кто помогъ читателю понять автора «Миргорода» и «Ревизора», то это былъ критикъ «Телескопа» и «Молвы», и затѣмъ «Отечественныхъ Записокъ». Ему по праву принадлежалъ рѣшающій голосъ и теперь, когда Гоголь сказалъ свое самое задушевное и серьезное слово.

Бѣлинскій откликнулся, но далеко не такъ, какъ этого могъ ожидать отъ него читатель. Поразила ли Бѣлинскаго глубина затронутыхъ Гоголемъ вопросовъ настолько, что онъ не сразу собралъ всѣ свои мысли, или по цензурнымъ условіямъ онъ не могъ эти мысли вполнѣ ясно выразить—только свое сужденіе о Гоголѣ, какъ объ авторѣ «Мертвыхъ Душъ», Бѣлинскій отсрочилъ. Въ мелкихъ статьяхъ и рецензіяхъ, въ которыхъ ему приходилось говорить о Гоголѣ, онъ давалъ обѣщаніе, что въ ближайшемъ будущемъ онъ подробно, въ цѣломъ рядѣ статей, изложитъ свое сужденіе о всѣхъ сочиненіяхъ Гоголя по порядку. Своего обѣщанія Бѣлинскій однако не исполнилъ и мнѣній своихъ о Гоголѣ не свелъ воедино. Они остались разсѣянными въ разныхъ его статьяхъ, преимущественно въ его «Обзорахъ» и уже послѣ его смерти были сгруппированы Чернышевскимъ въ «Очеркахъ

гоголевскаго періода русской литературы (1855—1856 г.)». По всѣмъ вѣроятіямъ Бѣлинскому помѣшалъ окончательно высказаться самъ Гоголь, который обѣщалъ продолженіе «Мертвыхъ Душъ» и взамѣнъ ихъ неожиданно издалъ свои «Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».

Но при всей ихъ неполнотѣ и случайности, сужденія Бѣлинскаго, высказанныя имъ тотчасъ послѣ выхода въ свѣтъ «Мертвыхъ Душъ»— очень яркое свидѣтельство о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго этой картиной на одного изъ умнѣйшихъ и самыхъ чуткихъ читателей.

Въ первой своей краткой замѣткѣ о поэмѣ Гоголя *) Бѣлинскій прежде всего радуется успѣху Гоголя и торжествуетъ свою побѣду. Онъ первый предсказалъ блестящее развитіе этого таланта, который въ послѣднемъ своемъ произведеніи посрамилъ всѣхъ своихъ хулителей. Теперь, послѣ появленія «Мертвыхъ Душъ», много найдется литературныхъ Колумбовъ, которымъ легко будетъ открыть новый великій талантъ, новаго великаго писателя русскаго—Гоголя... «Мертвыя Души»—твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріоческое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровной любовью къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое.

Бѣлинскій былъ въ такомъ восторгѣ отъ «Мертвыхъ Душъ», что съ одинаковой похвалой отнесся и къ способности автора объективно изображать дѣйствительность, и къ его собственной «субъективности», т.-е. ко всѣмъ романтическимъ порывамъ его души. Онъ привѣтствовалъ художника, у котораго такое горячее сердце, такая симпатичная душа и «духовно-личная самобытность». «Она заставляетъ его проводить черезъ свою душу живу явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать душу живу». «Мертвыя Души», — говорилъ критикъ, не раскрываются вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда не виданное произведеніе. «Мертвыя Души» требуютъ изученія».

Какъ рѣдко при первомъ чтеніи человѣкъ можетъ себѣ составить вѣрное понятіе о великомъ произведеніи, это доказалъ самъ Бѣлинскій въ своемъ отзывѣ. «Мы не видимъ въ поэмѣ Гоголя ничего шуточнаго и смѣшного,—писалъ онъ;—ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя: все серьезно, спокойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга есть только экспозиція, введеніе въ въ поэму, что авторъ обѣщаетъ еще двѣ такія же большія книги,

*) „Отечественныя Записки" 1842 г., XXIII, № 7.

въ которыхъ мы снова встрѣтимся съ Чичиковымъ и увидимъ новыя лица, въ которыхъ Русь выразится съ другой своей стороны... Нельзя ошибочнѣе смотрѣть на «Мертвыя Души» и грубѣе понимать ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру...» и Бѣлинскій выписываетъ въ своей рецензіи всѣ знаменитыя «лирическія» мѣста поэмы, не исключая и ультра-патріотической картины несущейся во весь духъ тройки. «Грустно думать,—заканчиваетъ онъ свою выписку,—что этотъ высокій лирическій паѳосъ, эти гремящіе, поющіе диѳирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія (?), достойные великаго русскаго поэта, будутъ далеко не для всѣхъ доступны, что добродушное невѣжество отъ души станетъ хохотать отъ того, отчего у другого волосы встанутъ на головѣ при священномъ трепетѣ...» Какъ бы въ смягченіе этихъ восторженныхъ словъ, а на самомъ дѣлѣ въ полное противорѣчіе съ ними (объяснимое только неопредѣленностью перваго сильнаго впечатлѣнія), Бѣлинскій въ той же рецензіи упрекнулъ Гоголя въ излишествѣ «непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства, мѣстами слишкомъ юношески увлекающагося», которое сказалось на нѣкоторыхъ, къ несчастью рѣзкихъ, мѣстахъ, «гдѣ авторъ слишкомъ легко судитъ о національности чужихъ племенъ и не слишкомъ скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго племени надъ ними».

Таковы были первыя слова, какими Бѣлинскій встрѣтилъ «Мертвыя Души». Все, что въ нихъ было сказано о художественныхъ пріемахъ Гоголя, объ историческомъ и общественномъ значеніи его вымысла, критикъ повторялъ затѣмъ неоднократно въ своихъ статьяхъ, такъ же кратко, сжато и безъ подробнаго развитія своей мысли, которую онъ надѣялся обставить доказательствами въ задуманной имъ, но не написанной, большой статьѣ о Гоголѣ. Что же касается взглядовъ на «субъективность» Гоголя, на его лирическій паѳосъ и на «гремящіе дифирамбы» то Бѣлинскій очень скоро взялъ всѣ свои слова назадъ, и весьма рѣшительно. На измѣненіе образа его мыслей повліяло отчасти болѣе спокойное отношеніе къ произведенію, которое его сразу такъ плѣнило, отчасти выходъ въ свѣтъ одной славянофильской брошюры, до небесъ восхвалявшей Гоголя.

Эта брошюра *) принадлежала перу К. С. Аксакова, великаго и страстнаго поклонника Гоголя. У Бѣлинскаго и его стараго друга, съ которымъ онъ въ это время уже разошелся, завязалась по поводу этой статейки длинная и рѣзкая полемика,—главнымъ образомъ потому, что Бѣлинскій въ своемъ спорѣ съ К. Аксаковымъ имѣлъ въ виду не столько Гоголя, сколько московскихъ славянофиловъ, на которыхъ начиналъ тогда сердиться.

*) *К. Аксаковъ.* „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя Похожденія Чичикова или „Мертвыя Души". Москва. 1842, стр. 19.

Аксаковъ пришелъ отъ поэмы Гоголя въ неописанный восторгъ. «Явленіе ея такъ важно, — говоритъ онъ, — такъ глубоко и вмѣстѣ такъ ново-неожиданно, что она не можетъ быть доступною съ перваго раза». Самъ онъ однако, взялся судить о ней подъ первымъ чарующимъ впечатлѣніемъ. Онъ увидалъ въ «Мертвыхъ Душахъ» новое откровеніе искусства, оправданіе цѣлой сферы поэзіи, сферы давно унижаемой: ему показалось, что въ «Мертвыхъ Душахъ» передъ нами возсталъ древній эпосъ. Гоголь напомнилъ ему Гомера, а его поэма—«Иліаду».

«Созерцаніе Гоголя, говорилъ Аксаковъ, древнее, истинное, то же, какое и у Гомера; изъ-подъ его творческой руки возстаетъ, наконецъ, древній, истинный эпосъ, надолго оставлявшій міръ, эпосъ самобытный, полный вѣчно свѣжей, спокойной жизни, безъ всякаго излишества. Чудное, чудное явленіе!»

Исчезновеніе этого эпоса, продолжалъ Аксаковъ очень чувствовалось въ европейской литературѣ. Вмѣсто возвышенныхъ эпическихъ сюжетовъ уже издавна выдвигались происшествія мелкія и мелѣющія съ каждымъ шагомъ, и, наконецъ весь интересъ устремился на анекдотъ, который становился хитрѣе, замысловатѣе, занималъ любопытство, замѣнившее эстетическое наслажденіе, и эпосъ снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія—до французской повѣсти. Гоголь актомъ своего творчества показалъ намъ, что это сокровище искусства—старинный эпосъ—не погибъ безвозвратно. Онъ явился теперь передъ нами съ новымъ содержаніемъ, съ содержаніемъ русскимъ. Какой же міръ объемлетъ собою поэма Гоголя? Хотя это только первая часть,—отвѣчалъ Аксаковъ,—хотя это еще начало рѣки, дальнѣйшее теченіе которой Богъ знаетъ куда приведетъ насъ и какія явленія представитъ, но мы, по крайней мѣрѣ, можемъ имѣть даже право думать, что въ этой поэмѣ обхватывается широко Русь; и уже не тайна ли русской жизни лежитъ, заключенная къ ней? не выговорится ли она здѣсь художественно? И Аксаковъ вѣрилъ, что она выговорится, и залогомъ этого считалъ все ту же картину несущейся тройки, рисуя которую Гоголь коснулся общаго «субстанціальнаго чувства русскаго, и вся сущность (субстанція) русскаго народа, тронутая имъ, поднялась колоссально, сохраняя свою связь съ образомъ, ее возбудившимъ».—«Здѣсь, восклицалъ Аксаковъ,—проникаетъ наружу и видится Русь, лежащая, думаемъ мы, тайнымъ содержаніемъ всей поэмы Гоголя».

Гоголь можетъ оправдать всѣ, самыя смѣлыя надежды. «Въ самомъ дѣлѣ, — спрашивалъ Аксаковъ, — у кого встрѣтимъ мы такую полноту, такую конкретность созданія? У немногихъ; только у Гомера и Шекспира встрѣчаемъ мы то же; только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ этою тайной искусства. Гоголь не сдѣлалъ того теперь (кто знаетъ, что будетъ впередъ?), что сдѣлали Гомеръ и Шекспиръ, и потому, въ отношеніи къ объему творческой дѣятельности, къ содержанію ея, мы не говоримъ, что Гоголь то же самое, что

Гомеръ и Шекспиръ; но въ отношеніи къ *акту творчества*, въ отношеніи къ полнотѣ созданія—Гомера и Шекспира, и только Гомера и Шекспира, ставимъ мы рядомъ съ Гоголемъ. Мы далеки отъ того, чтобы унижать колосальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту созданія они ниже Гоголя»...

Статья Аксакова, какъ видимъ, имѣла одно безспорное достоинство: она была до дерзости оригинальна; все остальное въ ней было сомнительнаго достоинства. Языкъ былъ тяжелый, напоминавшій трудныя страницы нѣмецкихъ эстетикъ, основная мысль была невѣрна, такъ какъ по «акту творчества» эпически спокойный разсказъ Гомера едва ли могъ быть сравниваемъ съ разсказомъ Гоголя, мѣстами возвышенно лирическимъ и насквозь пропитаннымъ ироніей, которая въ древнемъ эпосѣ совершенно отсутствовала. Наконецъ, возведеніе Гоголя въ Гомеры и Шекспиры со старшинствомъ передъ всѣми другими писателями міра могло быть оправдано только лишь патріотизмомъ Аксакова, патріотизмомъ почти слѣпымъ, который не желалъ замѣчать чужого богатства *).

Статья произвела сенсацію и скорѣе навредила Гоголю, чѣмъ превознесла его: она дала обильную пищу для шутокъ: недоброжелатели Гоголя могли лишній разъ прокричать о томъ, какъ друзья захваливаютъ своего кумира, какъ они искусственно муссируютъ его славу. И не только недоброжелатели, но даже и расположенныя къ Гоголю лица должны были быть непріятно поражены этимъ славословіемъ. «Описанія въ поэмѣ Гоголя живы, комическія черты мастерски схвачены, характеры обрисованы чрезвычайно удачно,—писалъ о «Мертвыхъ Душахъ» критикъ «Сына Отечества». Гоголь—талантъ необыкновенный, но его захвалили, и онъ, упоенный похвалами, теперь не видитъ уже своихъ недостатковъ. Онъ переходитъ границу вкуса, краски его бываютъ грязны, слогъ небреженъ, онъ слишкомъ много говоритъ о себѣ и своей поэмѣ», но какъ же ему и не говорить, если его провозглашаютъ Гомеромъ? «А вѣдь всѣ послѣдователи покойнаго, туманной памяти нѣмецкаго философа Гегеля, всѣ «гегелисты» непремѣнно и «гоголисты» *).

Статья Аксакова очень разсердила Бѣлинскаго, который и посвятилъ ей нѣсколько страницъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» **). Не называя автора по имени, Бѣлинскій наговорилъ ему колкостей, впрочемъ, на первый разъ довольно безобидныхъ. Онъ иронически отнесся къ сближенію Гоголя и Гомера, нѣсколько преувеличивъ это сопоставленіе сравнительно

---

*) Основная мысль статьи легко могла быть подсказана Аксакову самимъ Гоголемъ, который, если и не производилъ себя въ Гомеры, то мечталъ о „поэмѣ", въ которой вся русская жизнь должна была найдти свое отраженіе.

**) „Сынъ Отечества" 1842. Ш, № 6, стр. 1—30 статья *К. Масальскаго.*

***) „Отечественныя Записки", 1842, XXIII, № 8.

съ тѣмъ, какъ оно было высказано у Аксакова. А главное—полемизируя не столько съ истолкователемъ Гоголя, сколько съ московскимъ патріотомъ, онъ заступился—и совершенно правильно—за честь униженныхъ западныхъ геніевъ. «Мѣриломъ при сравненіи одного поэта съ другимъ должно быть содержаніе,—писалъ онъ.—Только содержаніе дѣлаетъ поэта міровымъ—высшая точка, зенитъ поэтической славы Міровой поэтъ не можетъ не быть великимъ поэтомъ; но великій поэтъ еще можетъ и не быть міровымъ поэтомъ. Гдѣ, укажите намъ, гдѣ вѣетъ, въ созданіяхъ Гоголя, этотъ всемірно-историческій духъ, это равно общее для всѣхъ народовъ и вѣковъ содержаніе? Скажите намъ, что бы сталось съ любымъ созданіемъ Гоголя, еслибъ оно было переведено на французскій, нѣмецкій или англійскій языкъ? Гдѣ же права Гоголя стоять на ряду съ Гомеромъ и Шекспиромъ? Знаете ли, что мы сказали бы на ушко всѣмъ умозрителямъ: когда развернешь Гомера, Шекспира, Байрона, Гете, или Шиллера, такъ дѣлается какъ-то неловко при воспоминаніи о нашихъ Гомерахъ, Шекспирахъ, Байронахъ, и проч... И однакожъ мы сами считаемъ Гоголя великимъ поэтомъ, а его «Мертвыя Души»—великимъ произведеніемъ. Но Гоголь—великій русскій поэтъ, не болѣе; «Мертвыя Души» его—тоже только для Россіи и въ Россіи могутъ имѣть безконечно великое значеніе.

«Было время, когда на Руси никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ русскій умъ, русскій языкъ могли на-что нибудь годиться: теперь настало другое время, когда намъ уже ни почемъ и Гомеры, и Шекспиры и Байроны, потому что мы успѣли уже позавестись своими—или чужихъ становимъ въ шеренги, словно солдатъ, заставляемъ ихъ маршировать и справа, и слѣва, и взадъ, и впередъ, благо бѣдняжки молчатъ и повинуются нашему гусиному перу и тряпичной бумагѣ...

«Юность не хочетъ и знать этого. Чуть взбредетъ ей въ голову какая-нибудь недоконченная мечта—тотчасъ ее на бумагу, съ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ, что эта мечта—аксіома, что міру открыта великая истина, которой не хотятъ признать только невѣжды и завистники».

Аксаковъ обидѣлся этими словами и отвѣчалъ Бѣлинскому въ «Москвитянинѣ» *). Ничего новаго не сказалъ онъ въ этомъ отвѣтѣ, повторилъ всѣ свои положенія, упрекнулъ Бѣлинскаго въ умышленномъ искаженіи его словъ и мимоходомъ сказалъ ему также нѣсколько колкостей. Бѣлинскій въ долгу не остался и на вторую статью Аксакова отвѣтилъ довольно длинной филиппикой **). И въ этой второй своей статьѣ онъ также имѣлъ въ виду не столько Гоголя, сколько Аксакова и его разбушевавшійся патріотизмъ.

---

*) „Москвитянинъ“, 1842. V, № 9, стр. 220—229.

**) „Отечественныя Записки“, 1842, XXV, № 11, статья *Бѣлинскаго* „Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя Души“.

Оставляя въ сторонѣ этотъ споръ западника и славянофила,—споръ, который не стоитъ въ прямой связи съ интересующимъ насъ вопросомъ, отмѣтимъ тѣ важныя поправки, которыя Бѣлиискій внесъ въ свою оцѣнку творчества Гоголя. Онѣ касаются его взгляда на дальнѣйшую судьбу поэмы и на тотъ патріотическій паѳосъ, который критику сначала такъ понравился. Бѣлинскій имѣлъ теперь время освободиться отъ перваго чарующаго впечатлѣнія и задуматься надъ очень серьезнымъ вопросомъ: а не повредитъ ли этотъ патріотическій паѳосъ правдивому изображенію русской жизни? и не осилитъ ли въ Гоголѣ романтикъ-патріотъ художника-бытописателя?

«Кто знаетъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ?» спрашивалъ въ своей статьѣ Аксаковъ. Именно такъ: «кто знаетъ это?» повторяемъ и мы,—отвѣчалъ Бѣлинскій.—Глубоко уважая великій талантъ Гоголя, страстно любя его геніальныя созданія, мы въ то же время отвѣчаемъ и ручаемся только за то, что уже написано имъ; а насчетъ того, что онъ еще напишетъ, мы можемъ сказать только: кто знаетъ? Много, слишкомъ много обѣщано (Гоголемъ въ лирическихъ страницахъ, которыя онъ вставилъ въ свою поэму), обѣщано такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому что того и нѣтъ еще на свѣтѣ; намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинною трагедіею, а остальныя двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими, по крайней мѣрѣ, въ патетическихъ мѣстахъ... Намъ обѣщаютъ мужей и дѣвъ неслыханныхъ, какихъ еще не было въ мірѣ и въ сравненіи съ которыми великіе нѣмецкіе люди (т.-е. западные европейцы) окажутся пустѣйшими людьми... Но мы именно въ томъ-то и видимъ великость и геніальность Гоголя, что онъ своимъ артистическимъ инстинктомъ вѣренъ дѣйствительности, и лучше хочетъ ограничиться, впрочемъ, великою задачею—объектировать современную дѣйствительность, внеся свѣтъ въ мракъ ея, чѣмъ воспѣвать на досугѣ то, до чего никому, кромѣ художниковъ и диллетантовъ, нѣтъ никакого дѣла, или изображать русскую дѣйствительность такою, какой она никогда не бывала...»

Великая правда заключалась въ этихъ словахъ Бѣлинскаго: онъ предугадалъ всю душевную трагедію Гоголя. Со свойственной ему зоркостью критическаго взгляда, онъ предвидѣлъ то время, когда страсть къ обобщенію житейскихъ явленій заглушитъ въ Гоголѣ его умѣнье рисовать эти явленія безъ прикрасъ, когда желаніе философствовать о жизни затуманитъ ясность взгляда художника и потому понизитъ общественную стоимость его произведеній. И Бѣлинскій рѣшился предупредить Гоголя о грозящей ему опасности. «Главная сила Гоголя,—писалъ онъ,—заключается въ непосредственномъ творчествѣ, но эта сила, въ свою очередь, много вредитъ Гоголю. Она, такъ сказать, отводитъ

ему глаза отъ идей и нравственныхъ вопросовъ, которыми кипитъ современность, и заставляетъ его преимущественно устремлять вниманіе на факты и довольствоваться объективнымъ ихъ изображеніемъ. Надо желать, чтобы преобладаніе рефлексіи постепенно усиливалось въ немъ, хотя бы насчетъ акта творчества».

Слова Бѣлинскаго какъ будто противорѣчатъ тому, что онъ сейчасъ говорилъ о паѳосѣ поэта, но это противорѣчіе кажущееся. Слова Бѣлинскаго ясны: онъ выражалъ пожеланіе, чтобы Гоголь, не отступая отъ правды русской жизни, отнесся бы къ этой дѣйствительности съ большей «рефлексіей» т.-е. болѣе критически, съ меньшей непосредственностью, съ болѣе сознательнымъ обличеніемъ. Понимая и чувствуя, что Гоголь вовсе не боевая натура, что онъ романтикъ, который мечту и желаемое способенъ всегда принять за дѣйствительное и настоящее, Бѣлинскій съ тревогою думалъ о томъ, что̂ скажетъ теперь, послѣ первой части «Мертвыхъ Душъ», его любимый писатель; и Бѣлинскій въ заключеніе своей статьи обратился къ русской критикѣ съ воззваніемъ, чтобы она помогла художнику выполнить его трудную задачу. «Истинная критика «Мертвыхъ Душъ»—говорилъ онъ—должна состоять не въ восторженныхъ крикахъ о Гомерѣ и Шекспирѣ, объ актѣ творчества, о тройкѣ, нѣтъ, истинная критика должна раскрыть паѳосъ поэмы, который состоитъ *въ противорѣчіи общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціальнымъ началомъ*, доселѣ еще таинственнымъ, доселѣ еще не открывшимся собственному сознанію и неуловимымъ ни для какого опредѣленія», т.-е. истинная критика должна показать, какъ не совпадаютъ факты русской реальной жизни съ тѣми надеждами, которыя дозволительно питать, когда думаешь о многихъ хорошихъ сторонахъ русскаго ума и сердца.

Въ длинномъ рядѣ статей Бѣлинскій хотѣлъ намъ дать образецъ такой истинной критики, но, какъ видимъ, онъ ограничился только намекомъ. Но этотъ намекъ среди всего, что тогда говорилось о Гоголѣ, былъ, пожалуй, самой цѣнной мыслью.

Къ числу лучшихъ статей, писанныхъ по поводу «Мертвыхъ Душъ», должна быть отнесена и статья Н. М. «Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя «Похожденія Чичикова или Мертвыя Души», напечатанная въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ» *). Статья выдѣлялась серьезностью своего взгляда одновременно и на художественную, и общественную стоимость поэмы. Авторъ обнаруживалъ большую начитанность и тонкій эстетическій вкусъ. Ссылками на мысли объ эстетикѣ Платона, Аристотеля, Тассо, Горація, Цицерона, Квинтиліана, Лонгина, Лабрюэра, Бэйля, Шиллера, Жанъ-Поля, вплоть до Виктора Гюго пытался критикъ обосновать свое сужденіе о красотѣ и жизненности творчества

*) „Отечественныя Записки“ 1843 г. Т. XXVII. Отд. V, стр. 27—28.

Гоголя. Онъ разбиралъ поэму Гоголя въ отношеніи къ ея содержанію, формѣ и идеѣ, указывалъ на гармоническое сочетаніе въ «Мертвыхъ Душахъ» всѣхъ этихъ трехъ сторонъ всякаго художественнаго произведенія и выносилъ полное оправданіе нашему писателю, какъ художнику, «произведеніе котораго не есть только вѣрная картина жизни, скопированная въ камеръ-обскуру, а представленіе жизни, какъ идеи въ возможности, настолько, сколько поэтъ проникнутъ ею, какъ идеей въ дѣйствительности».

Если такія философскія тонкости, въ которыя авторъ охотно въ своей статьѣ пускался, и были мало убѣдительны для большинства читателей, то иныя, не столь общія мысли, высказанныя въ той же статьѣ, были всѣмъ доступны, и читатель могъ не безъ пользы ознакомиться съ ними. Это были тѣ страницы, на которыхъ критикъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о художественномъ выполненіи поэмы, говорилъ объ ея значеніи для русской жизни. Онъ констатировалъ прежде всего, что въ далекой провинціи поэма Гоголя въ лучшемъ кругу читателей принята съ самымъ искреннимъ участіемъ. Какъ она понята однимъ изъ лучшихъ читателей—это должна была показать сама статья.

«Поэзія—зеркало, отражающее жизнь, повторялъ критикъ вслѣдъ за Платономъ и Жанъ-Полемъ, и твореніе Гоголя, которое всесторонне касается русской жизни требуетъ взаимнаго повсемѣстнаго къ себѣ участія. Гоголь оправдалъ слова Виктора Гюго, который говорилъ, что всякій истинный поэтъ, независимо отъ идей, имѣющихъ источникомъ собственную организацію, и идей, сообщаемыхъ ему вѣчной истиной, долженъ совмѣщать въ себѣ сумму идей своего времени». «Точно ли сфера содержанія поэмы Гоголя есть современная наша дѣйствительность, прозрачно отраженная свѣтлымъ зеркаломъ поэзіи? спрашивалъ критикъ и очень умѣло отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, доказывая, что всѣ разговоры и крики непонимающихъ людей, не желающихъ видѣть въ словахъ Гоголя правды, считающихъ его карикатуристомъ, что всѣ эти хулы на бытописателя вытекаютъ изъ неспособности нашей замѣчать то, что стоитъ къ намъ слишкомъ близко, что *мы сами*. Критикъ смѣло указывалъ, какъ много среди насъ—Маниловыхъ, Собакевичей, Ноздревыхъ, Чичиковыхъ и Хлестаковыхъ: «Винить ли Гоголя за такую правду? говорить ли о недостаткѣ въ его душѣ патріотизма?—душѣ, которая излилась въ такихъ восторженныхъ пѣсняхъ во славу грядущей доблести и силы Россіи? Если правда то, что Гоголь писалъ въ лирическихъ отступленіяхъ своей поэмы, если, дѣйствительно, другимъ народамъ и государствамъ суждено посторониться и дать Россіи дорогу, то такая будущность возможна лишь при одномъ условіи—при полномъ сознаніи своей грѣховности». Авторъ заключалъ свою статью такими словами: «Все начинается съ сознанія и пока нѣтъ сознанія,

не можетъ быть и помину о возможности. Сознаніе—это свѣтлая заря, пророчествующая лучезарный востокъ дѣйствительнаго исполненія... Въ этомъ отношеніи національное значеніе поэмы Гоголя столь велико, что если оно можетъ скользнуть безпривѣтно по душѣ кого-нибудь изъ русскихъ, въ патріотизмѣ того, несмотря на всѣ патріотическіе возгласы въ нужныхъ случаяхъ, смѣло усомниться можно... нѣтъ, сердце сердцу вѣсть даетъ, по выраженію одного изъ старыхъ нашихъ поэтовъ... И вся Русь православная, вопреки крикамъ нѣкоторыхъ критиковъ, давнымъ давно уже усвоила себѣ этотъ драгоцѣннѣйшій подарокъ ей одного изъ сыновъ ея, пламенѣющихъ къ ней, общей нашей матери, чистою, а не лицемѣрною, не безотчетною, а разумною любовью». Нашъ восторженный патріотъ, какъ видимъ, былъ менѣе дальнозорокъ чѣмъ Бѣлинскій.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ хулы и восторги, замѣтки и сужденія, какими были встрѣчены «Мертвыя Души». И отрицательные отзывы и хвалебные говорятъ ясно объ успѣхѣ, какой имѣло это произведеніе въ обществѣ, и каждый серьезный читатель, какъ видимъ, угадалъ съ перваго же раза, какъ велико должно быть значеніе этого памятника для русской жизни.

Со временъ Пушкина ни одинъ авторъ не заставлялъ говорить о себѣ такъ много, какъ Гоголь, и ни одинъ не возбуждалъ такихъ серьезныхъ споровъ. И, дѣйствительно, никто кромѣ Гоголя, и не заслуживалъ ихъ. Гоголь не только рисовалъ картины, которыя могли нравиться или не нравиться, онъ типичностью своихъ образовъ наводилъ читателя на мысли о такихъ вопросахъ, въ обсужденіи которыхъ единодушіе, конечно, не могло быть достигнуто. О самой сущности русской натуры, о ея идеалахъ, ея грѣхахъ, ея силѣ и слабости нужно было говорить, когда разговоръ заходилъ о поэмѣ Гоголя, и нельзя было надѣяться, что при этомъ разговорѣ не будутъ задѣты не только симпатіи и антипатіи, но настоящія страсти. Эти страсти и обнаружились, но только онѣ не нашли себѣ пока еще яснаго и опредѣленнаго выраженія въ печатномъ словѣ. Впрочемъ, могло ли и быть иначе? Чисто внѣшнія стѣсненія очень тормозили это печатное слово, и нѣтъ сомнѣнія, что не будь ихъ, критика, напр., «Отечественныхъ Записокъ» могла бы формулировать свои сужденія болѣе опредѣленно и точно. Но не въ этихъ стѣсненіяхъ надо искать главную причину той недосказанности, той неполноты въ оцѣнкѣ «Мертвыхъ Душъ», какая замѣтна во всѣхъ критическихъ отзывахъ. Слишкомъ общій характеръ этихъ отзывовъ объясняется трудностью самой задачи, которая выпала на долю судей. Литература не пріучала ихъ къ критикѣ окружающей дѣйствительности, и въ дѣлѣ развитія нашего историческаго и общественнаго самосознанія русская худо-

жественная словесность тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ сдѣлала чрезвычайно мало. Она почти не давала критику повода углубляться въ тѣ вопросы, которые и для словесности и для ея судей должны были бы быть самыми дорогими и цѣнными, т.-е. въ вопросы не частнаго, а общенароднаго значенія.

Дѣйствительно, если вспомнить, какъ бѣдна была литература николаевскаго царствованія именно такими мыслями, типами, характерами, описаніями, драматическими положеніями, въ которыхъ художникъ становился истолкователемъ цѣлаго историческаго момента, переживаемаго его родиною,—то недомолвки критики о твореніяхъ такого писателя, какъ Гоголь—вполнѣ понятны.

Пусть этотъ писатель былъ консерваторъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, но онъ былъ строгій моралистъ въ своихъ общественныхъ взглядахъ. Онъ не только описывалъ грѣхъ и зло, которое попадалось ему на глаза, онъ разыскивалъ ихъ въ разныхъ слояхъ общества, и потому углублялся въ жизнь. Талантъ помогъ ему создать такую картину, глядя на которую каждый серьезный человѣкъ принужденъ былъ мыслить, и отъ ощущенія прекраснаго, отъ размышленія о нравственной проблемѣ долженъ былъ перейти незамѣтно для самого себя къ раздумью надъ широкими вопросами общественными, которые затѣмъ могли увлечь его и дальше.

Развитіемъ своего критическаго отношенія къ дѣйствительности читатель тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ былъ во многомъ обязанъ Гоголю — автору первой широкой картины, реально воспроизводящей русскую жизнь—былъ обязанъ и тѣмъ чуткимъ людямъ, которыхъ эта необычная картина заставила высказаться, хотя бы не вполнѣ и на первый разъ очень кратко.

Н. Котляревскій.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ**.

Перев. съ англійскаго **З. Журавской**.

(*Продолженіе* *).

Глава XVII.

Герцогиня и Жюли долго задержались въ картинной галлереѣ въ Берлинтонъ-гоузѣ передъ великолѣпной картиной Тэрнера, до сихъ поръ не показывавшейся публикѣ; герцогиня тихонько на ухо Жюли читала въ каталогѣ примѣчанія къ этой картинѣ.

Она нашла Жюли дома одну, окруженную книгами и корректурами, за окончаніемъ статьи для доктора Мередита. Огорченная блѣдностью пріятельницы, герцогиня почти насильно вытащила ее изъ дому, гдѣ она сидѣла, какъ въ тюрьмѣ, взаперти, чтобы дать другое направленіе ея мыслямъ. Жюли смѣялась, колебалась, негодовала, но, въ концѣ концовъ, уступила, по всей вѣроятности, для того, чтобъ избѣжать новаго tête-à-tête съ своей бурной подругой. А теперь герцогиня не отпускала ее и всячески старалась ее развлечь.

Но это было не такъ просто. Жюли, такъ много знавшая и обыкновенно всѣмъ живо интересовавшаяся, столь опытная въ трудномъ искусствѣ смотрѣть картины вмѣстѣ съ друзьями, сегодня не обмолвилась ни однимъ изъ своихъ словечекъ и мѣткихъ замѣчаній. Правда, она старалась быть оживленной, но герцогиня, наблюдательная и быстро подмѣчавшая все, что касалось ея любимой Жюли, живо чувствовала разницу съ прежнимъ. «Какъ она устала, бѣдняжка! Какъ все это мало ее интересуетъ!» Въ душѣ Эвелина изумлялась все больше и больше. «Слава Богу, что онъ завтра уѣзжаетъ, этотъ негодяй! Только бы онъ уѣхалъ, тогда опять все пойдетъ хорошо».

Между тѣмъ, Жюли отлично понимала, что за ней наблюдаютъ, угадываютъ ея душевное состояніе и жалѣютъ ее. Гордость ея возмущалась, но это не вызывало въ ней ничего, кромѣ пассивнаго со-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль, 1903 г.

противленія. У нея хватало силы не дать Эвелинѣ высказаться, но она не въ состояніи была владѣть собой настолько, чтобы герцогиня ничего не замѣтила. Дни тяжкой душевной борьбы, безсонныя ночи, вмѣстѣ съ напряженной умственной работой, необходимой при ея новыхъ занятіяхъ, оставили на ней свою печать. Притомъ же есть раны, нанесенныя человѣческому самолюбію и самоуваженію, которыя отравляють весь организмъ.

— Жюли, вы должны дать себѣ отдыхъ!—воскликнула герцогиня, когда онѣ присѣли отдохнуть. Жюли отвѣтила, что она вмѣстѣ съ m-me Борнье и дѣвочкой думаетъ съѣздить на недѣльку въ Брюгге.

— Да, но тамъ у васъ не будетъ никакихъ удобствъ. Это можно бы было устроить совсѣмъ иначе. У насъ столько домовъ въ провинціи, которые стоятъ пустые.

Жюли отказалась наотрѣзъ. Въ Брюгге она разыщетъ старыхъ друзей: тамъ ее всѣ будутъ носить на рукахъ; лучшаго нельзя и желать.

— Конечно, если вы уже рѣшили. Когда же вы ѣдете?

— Дня черезъ три-четыре—какъ разъ во-время, чтобы избѣжать пасхальной суеты. А вы?

— Мы поѣдемъ въ Шотландію удить рыбу. На что нибудь да надо же охотиться, безъ этого не обойдешься. Сколько же вы думаете пробыть въ отсутствіи, моя милочка?

— Около десяти дней.—Жюли пожала руку герцогинѣ, благодаря за ласковое слово и взглядъ.

— Кстати, лордъ Лэкинтонъ не приглашалъ васъ? Ахъ вотъ и онъ!

Невдалекѣ стоялъ лордъ Лэкинтонъ, сердито вглядываясь въ картину изъ его собственной коллекціи, которую сегодня утромъ какой-то дерзкій критикъ призналъ принадлежащей къ «венеціанской школѣ», но отнюдь не принадлежащей кисти самого дивнаго Джіорджіони. Онъ случайно отвелъ сердитые глаза отъ картины и увидалъ передъ собою герцогиню и Жюли.

Обѣ онѣ замѣтили, какъ онъ вздрогнулъ. Онъ не могъ скрыть своего удивленія: онъ до сихъ поръ еще не привыкъ спокойно встрѣчаться съ Жюли. Но, пожавъ ей руку и освѣдомившись о ея здоровьи, онъ тотчасъ же перешелъ къ разсказу о своей обидѣ, обрадовавшись, что у него нашлись слушатели.

— Нѣтъ, каково нахальство этихъ господъ газетчиковъ! Будетъ теперь меня помнить академія! Я ни одной тряпки не пошлю сюда на выставку. Скажите пожалуйста! Уши и мизинцы не такіе, какъ нужно. Идіоты! ослы!

Жюли улыбалась. Но герцогинѣ пришлось объяснить, что нѣкій мудрый критикъ, полунѣмецъ, полуитальянецъ, недавно предложилъ судить о подлинности картины по ушамъ и по особенностямъ изображенія мизинцевъ.

— Какой вздоръ!—зѣвнувъ, сказала герцогиня.—Будь я художникомъ, я бы ихъ всякій разъ писала иначе.

— Ну, это, положимъ,—сказалъ лордъ Лэкинтонъ, который, будучи самъ артистомъ въ душѣ, не могъ судить такъ ребячески-наивно.—Но какъ эти ослы нелѣпо преувеличиваютъ! Замѣтилъ какую-нибудь мелкую подробность и воображаетъ, что открылъ Америку!

И онъ продолжалъ кипятиться, пока искренній и неудержимый восторгъ обѣихъ дамъ передъ его Рембрандомъ, жемчужиной его коллекціи, повѣшенной на почетномъ мѣстѣ въ большой залѣ, не возвратилъ ему самообладанія.

— Да! Даже величайшій оселъ изъ нихъ прикусилъ язычокъ передъ *этимъ*. — Но позвольте, позвольте, это что же такое?

Онъ смотрѣлъ то на картину, висѣвшую рядомъ съ Рембрандомъ, то въ каталогъ, то на герцогиню.

— Эта картина—наша, пояснила герцогиня.—Не правда ли, какая прелесть? Это Леонардо да-Винчи.

— Леонардо—враки!—воскликнулъ лордъ Лекинтонъ.—Скажутъ тоже: Леонардо! Что за вздоръ! Право, герцогиня, вы бы посовѣтовали мужу внимательнѣе разсматривать свои покупки. Мы не должны играть въ руку этимъ господамъ.

— Что вы хотите сказать этимъ?—возразила оскорбленная герцогиня.—Если это не Леонардо, такъ что же это такое?

— Плохая копія, ученическая работа, вотъ что. Посмотрите на глаза,—онъ вынулъ карандашъ и тыкалъ имъ въ картину,—посмотрите на шею, на пальцы!

Герцогиня надула губки.

— Вотъ видите! Значитъ, пальцы все-таки имѣютъ значеніе!

Лицо лорда Лэкинтона внезапно смягчилось и онъ расхохотался, какъ истый bon enfant, какимъ онъ и былъ по природѣ. Засмѣялась и герцогиня, но думала о другомъ и подъ предлогомъ разговора о картинѣ поспѣшила отвести его въ сторону.

— Я думала, вы пригласили ее на Пасху къ себѣ въ деревню,—сказала она, кивнувъ своей хорошенькой головкой въ сторону Жюли.

— Да—но, голубушка моя, Бланшъ не пріѣдетъ. Онѣ съ Эйлинъ все откладываютъ. Теперь она пишетъ, что намѣрена провести май въ Швейцаріи, — а можетъ быть, и все лѣто. Я разсчитывалъ, что Бланшъ будетъ у меня хозяйкой. Это ужасно нехорошо съ ея стороны. Я назвалъ гостей, а теперь все разладилось, и мы съ Вильямомъ,—онъ говорилъ о своемъ младшемъ сынѣ—уѣзжаемъ на двѣ недѣли къ Юрдэлю.

Лордъ Юрдэль, старшій сынъ лорда Лэкинтона, спортсменъ и сельскій хозяинъ, совершенно не страдавшій оригинальностью своего отца, хозяйничалъ въ другомъ фамильномъ помѣстьѣ, въ Герфордшайрѣ.

— А въ какомъ положеніи любовныя дѣла Эйлинъ?—неожиданно спросила герцогиня, заглянувъ ему въ лицо.

Лордъ Лэкинтонъ былъ видимо, удивленъ.

— Я ничего не знаю. Впрочемъ, онѣ мнѣ не говорятъ ничего. Я вѣдь рѣшето. А вы что нибудь знаете? Скажите мнѣ.—Онъ съ интересомъ нагнулся къ ней.—Люблю подразнить Бланшъ.

Такъ онъ ничего не знаетъ! — А между тѣмъ объ этомъ всѣ говорятъ. Это, однако, очень характерно. Лордъ Лэкинтонъ всю жизнь не признавалъ ничего, кромѣ своихъ коньковъ: искусства, медицины, военной службы, а въ остальномъ жилъ, не замѣчая, что дѣлается вокругъ. Дѣти его не повѣряли ему своихъ тайнъ, а самъ онъ не умѣлъ угадывать.

— Какъ вы находите, есть сходство между Эйлинъ и Жюли?— спросила герцогиня.

Лордъ Лэкинтонъ удивился вопросу. Оба повернулись въ сторону Жюли, стоявшей поодаль отъ нихъ передъ женскимъ портретомъ,— быть можетъ, одной изъ герцогинь Эсте или Сфорца, приписываемымъ Амброджіо да Предисъ. Рядомъ съ этимъ тонкимъ блѣднымъ профилемъ Жюли, въ своемъ черномъ платьѣ, падавшемъ мягкими складками, скрывая ея необычайную худобу, въ маленькой шляпѣ, плотно сидѣвшей на ея роскошныхъ волосахъ — съ единственнымъ украшеніемъ въ видѣ тонкой и длинной цѣпочки, съ вставленными въ нее нешлифованными алмазами, преподнесенной ей наканунѣ лордомъ Лэкинтономъ, и букетикомъ фіалокъ на груди, только что приколотымъ герцогиней — сама казалась такой же рѣдкой и хрупкой картиной. Но она обернулась, и лордъ Лэкинтонъ невольно вскрикнулъ:

— О, Боже мой, никакого! Эйлинъ казалась какимъ-то эльфомъ, когда я ее видѣлъ въ послѣдній разъ—а эта бѣдняжка!—Герцогиня, почему у нея такой грустный видъ — ни кровинки въ лицѣ?

Онъ спрашивалъ почти гнѣвно, нахмуривъ брови, искренно огорченный и разстроенный.

Герцогиня вздохнула:

— Мы съ вами должны сдѣлать для нея все, что въ нашей власти,—сказала она, радуясь, что Жюли отошла подальше, какъ бы довольная, что ее оставили одну.

— Но я готовъ сдѣлать все, что хотите!—воскликнулъ лордъ Лэкинтонъ.—Конечно, прошлаго не вернешь. Но я не далѣе, какъ вчера, предлагалъ обезпечить ее. Она отказалась. Бѣдное дитя! у нея ужасно донкихотскіе взгляды.

— Ничего, пусть поработаетъ сама пока. Это ей полезно. Но сказать вамъ секретъ?—Герцогиня посмотрѣла на него, сдвинувъ свои тонкія брови.

— Скажите мнѣ то, что мнѣ слѣдуетъ знать, не больше,—отвѣтилъ онъ серьезно и съ достоинствомъ, представлявшимъ странный

контрастъ съ его школьническимъ любопытствомъ по части любовныхъ дѣлъ другой внучки.

Герцогиня колебалась. Какъ разъ передъ ними была большая картина венеціанской школы, изображавшая св. Георгія, царицу Савскую и дракона. Царица, длинная и тонкая, съ наклоненной головой и связанными руками, напомнила ей Жюли. Драконъ—жадное, коварное созданье—ему не трудно было найти подобіе. Но въ голубой дали, благодаря Бога, видѣнъ спаситель. Силы небесныя, дайте ему крылья и мощь! Святой Георгій, спѣши скорѣе на помощь!

— Да,—выговорила она медленно,—я могу вамъ назвать человѣка, который очень преданъ Жюли и достоенъ ея. Пойдемте.

И продолжая шептать ему на ухо, она увела его въ другую комнату.

Когда они вернулись, у лорда Лэкинтона лицо было сіяющее. Онъ съ новымъ интересомъ вглядывался въ стоявшую поодаль Жюли, высокая фигура которой выдѣлялась изъ толпы. Герцогиня взяла съ него слово молчать, и онъ искренно намѣревался изобразить изъ себя воплощенную скромность. Но Джэкобъ Делафильдъ! Да, это, дѣйствительно, былъ бы исходъ. Гордость его была пріятно польщена; его уже сильно выросшая привязанность къ этой очаровательной дѣвушкѣ, родной ему по крови, его внучкѣ съ лѣвой руки, получила новый толчокъ. Теперь Жюли, бѣдняжка, грустна и не въ духѣ, конечно, все отъ этой гнусной исторіи съ леди Генри, которой онъ, кстати, откровенно высказалъ въ письмѣ свое мнѣніе. Ну, да современемъ это забудится, тѣмъ болѣе, что онъ и герцогиня съ своей стороны помогутъ. Не можетъ быть, чтобы она, въ концѣ концовъ, не сдалась на просьбы такого славнаго малаго. Это и невозможно, и было бы очень неразумно съ ея стороны. Нѣтъ, дочь Розы нужно осторожно вернуть въ то общество и къ тому положенію, которое занимала ея мать; тогда, наконецъ, будетъ искуплена трагическая участь бѣдной Розы. Какъ все это странно, романтично и неожиданно! Точно само Провидѣніе вмѣшалось въ это дѣло.

Въ такихъ мысляхъ онъ посвятилъ себя всецѣло Жюли. Онъ болталъ съ нею о картинахъ и разсказывалъ анекдоты объ ихъ авторахъ; извинялся за отсутствіе «этой шатуньи Бланшъ», взялъ съ Жюли слово, что она пріѣдетъ къ нимъ вмѣсто Пасхи на Троицу, и при этомъ шепнулъ ей на ухо: «Вы займете ея комнату!» Онъ окружилъ ее изысканнымъ и любезнымъ вниманіемъ, свойственнымъ человѣку свѣтскому par excellence, но къ этому вниманію примѣшивалось что-то интимное, порывистое, капризное, свидѣтельствовавшее о томъ, что онъ признаетъ ее своей родной, близкой, принадлежащей къ его собственной семьѣ. Семьдесятъ пять лѣтъ! И такая поступь, осанка, такая живость въ движеніяхъ,—прямо смѣшно!

И Жюли не могла не отвѣчать ему тѣмъ же. Какое-то небывалое

чувство закралось въ ея сердце. Она должна любить этого старика, и любитъ его. Когда онъ, оставивъ ее, отошелъ къ герцогинѣ, ея глаза, эти грустные глаза, обведенные темными кругами, слѣдили за нимъ.

— Мнѣ пора,—объявилъ лордъ Лэкинтонъ, застегиваясь на всѣ пуговицы.—Это было развлеченіе, милыя дамы, теперь меня зовутъ обязанности. Почитайте завтра «Times». Я намѣренъ произнести громовую рѣчь. Я его въ порошокъ сотру.

— Монтрезора?—спросила герцогиня.

Лордъ Лэкинтонъ кивнулъ головой. Онъ намѣревался сегодня усѣять полъ палаты лордовъ обломками «дурацкихъ монтрезоровскихъ реформъ».

Вдругъ онъ чуть ли не подпрыгнулъ отъ удивленія.

— Герцогиня, обернитесь! Видите—эти двое въ проходѣ? Не кажется ли вамъ—ну, конечно, такъ и есть—это Чёдлей со своимъ мальчикомъ.

— Ну, да, это они, — сказала герцогиня и заволновалась. — Сдѣлайте видъ, будто не замѣчаете ихъ. Не подходите къ нимъ, не здоровайтесь. Джэкобъ умолялъ меня этого не дѣлать.

И она утащила своихъ спутниковъ подальше отъ дверей; затѣмъ, уже на порогѣ другой залы, остановилась и, указавъ на нихъ, шепнула Жюли:

— Теперь обернитесь. Это герцогъ и его бѣдный, бѣдный мальчикъ!

Жюли быстро окинула взглядомъ эти двѣ фигуры, но и видѣнныя мелькомъ, онѣ навсегда запечатлѣлись въ ея памяти, какъ самое трагическое зрѣлище.

Мужчина средняго роста, блѣдный и унылый, видимо, удрученный заботами, съ черными, какъ смоль, волосами и бородой, поддерживалъ тщедушнаго юношу, на видъ лѣтъ семнадцати, который цѣплялся за его руку и по временамъ кашлялъ. Отецъ двигался, какъ во снѣ, глядя на картины не видящими, потухшими глазами. Только, когда сынъ обращался къ нему съ вопросомъ, онъ улыбался, наклонялъ голову и отвѣчалъ, а затѣмъ снова впадалъ въ свою унылую пассивность. А юноша, съ полураскрытымъ ртомъ, откуда выглядывали его бѣлые зубы, съ широко раскрытыми голубыми глазами, съ интересомъ вглядывавшимися въ картины, съ яркимъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ, былъ глубоко трогателенъ въ своемъ кроткомъ и терпѣливомъ страданіи.

Очевидно, отецъ и сынъ были всецѣло поглощены другъ другомъ. Время отъ времени мужчина усаживалъ мальчика на одно изъ креселъ посрединѣ залы, и тотъ, отдыхая, разговаривалъ со своимъ спутникомъ, стоявшимъ передъ нимъ. Затѣмъ снова продолжалъ свой обходъ залы, опираясь на руку отца. Очевидно, бѣдный юноша былъ обреченъ на смерть и, очевидно, отецъ безумно любилъ его.

— —

— Вотъ иронія судьбы!—замѣтилъ лордъ Лэкинтонъ.—Одинъ владѣлецъ, другой наслѣдникъ великолѣпнѣйшихъ помѣстій въ Англіи. А Чёдлей съ радостью отдалъ бы ихъ всѣ, лишь бы сынъ его жилъ!..

Жюли отвернулась. Странныя мысли мелькали въ ея головѣ. Но она гнѣвнымъ усиліемъ воли отогнала ихъ. Что ей до наслѣдства Чёдлеевъ? Сегодня вечеромъ она должна сказать «прости» человѣку, котораго любитъ. Эти три ужасныя, жгучія недѣли миновали. Уорквортъ унесетъ съ собою въ Африку, въ пустыню ея сердце, ея жизнь. Какъ коротокъ казался этотъ періодъ страсти вначалѣ, а теперь, когда оглядываешься на него—цѣлая вѣчность! Но если вначалѣ она думала иногда, что власть или богатство могутъ ей возмѣстить потерю возлюбленнаго, сегодня ей было не до такихъ расчетовъ. Разлука была слишкомъ близка и мысль объ этомъ причинила ей слишкомъ острую боль.

— Завтра Джэкобъ отвезетъ ихъ въ Парижъ,—сказала герцогиня лорду Лэкинтону.—Онъ слышалъ, что тамъ есть какой-то новый докторъ...

Часъ или два спустя сэръ Уильфридъ Бёри, сидя въ курильной своего клуба, вынулъ письмо, полученное имъ утромъ отъ леди Генри Делафильдъ, и во второй разъ перечиталъ его.

«Итакъ, оказывается — и я, и mademoiselle ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ: ея успѣхи въ свѣтѣ не такъ ужъ блистательны, какъ мы воображали. Я думала, что въ обществѣ больше глупцовъ, а она—ну, что-жъ, сознаюсь, я нѣсколько удивлена. Что она съ ума спятила, что ли? Я слышу, что она постоянно показывается вмѣстѣ съ этимъ господиномъ; что, несмотря на всѣ опроверженія, онъ, несомнѣнно, помолвленъ съ малюткой Моффатъ, и что, ensomme, эта исторія не принесла ей никакой пользы. Но, по крайней мѣрѣ, она блистательно доказала свое безкорыстіе. Бѣдняжка ничего не можетъ выиграть и, какъ мнѣ кажется, многимъ рискуетъ. Издали виднѣе, и я теперь положительно нахожу въ ея поведеніи что-то трогательное.

«Я слышала, что завтра состоится ея первая «пятница». «M-elle Ле-Бретонъ принимаетъ по пятницамъ»! Сознаюсь, это возбуждаетъ мое любопытство. Непремѣнно пойдите и потомъ опишите мнѣ все подробно. Мистеръ Монтрезоръ съ женою, конечно, будутъ. Мы съ нимъ, конечно, корреспондируемъ. Онъ жаждетъ убѣдить меня, что чувствуетъ себя какъ бы отвѣтственнымъ за положеніе mademoiselle, въ виду тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ я удалила ее, и потому находитъ, что мнѣ слѣдуетъ предоставить ему полную свободу дѣйствій. Я не могу смотрѣть на это одинаково съ нимъ. Но, какъ я и говорила ему, перемѣна будетъ только выгодна для него. Онъ промѣнялъ ворчливую старуху, всегда готовую говорить ему горькую правду, на молодую женщину, которая сдѣлала изъ лести свою профессію.

Если ему нужно количество—этимъ она, конечно, можетъ взять; а что до качества—это ему не нужно, какъ я недавно въ томъ и убѣдилась.

«Лордъ Лэкинтонъ написалъ мнѣ дерзкое письмо. Она, должно быть, открылась ему, и теперь il s'en prend à moi—зачѣмъ я ему раньше не сказала и какъ смѣла прогнать его внучку. Я сочиняю ему отвѣтъ и это очень забавляетъ меня. Онъ можетъ обходиться съ своими родными, какъ ему угодно, но, когда молодая леди изъ рода Чантреевъ, все равно, съ правой или съ лѣвой стороны, снисходитъ до того, чтобы взять платное мѣсто, съ ней должны обращаться, какъ съ королевой, иначе лордъ Л. притянетъ васъ къ отвѣту. Когда ей было шестнадцать лѣтъ, онъ объявилъ: «Вотъ тебѣ сто фунтовъ въ годъ, и чтобы я больше о тебѣ не слыхалъ!» Тринадцать лѣтъ спустя, я беру ее къ себѣ и, уважая его желаніе, храню тайну. Она ведетъ себя скверно, и я удаляю ее. Въ чемъ же обида? Онъ самъ сдѣлалъ ее лектрисой, а потомъ жалуется, что отъ нея ждутъ исполненія ея обязанностей. Онъ самъ выключилъ ее изъ семьи, а теперь ворчитъ, что я не сразу навязала ее ему на шею. Онъ хочетъ оправдать собственную гнусность, порицая меня; но я не изъ кроткихъ и я заставлю его пожалѣть объ этомъ письмѣ.

«Что касается Джэкоба Делафильда, не трудитесь мнѣ сообщать дальнѣйшія свѣдѣнія объ немъ. Онъ оскорбилъ меня недаво такъ, что я ему это не скоро забуду. Правду ли говоритъ эта особа, что она отказала ему, я не знаю, да это и не имѣетъ значенія для меня, это безразлично, точно также какъ и его шансы наслѣдовать герцогу. Онъ изъ нынѣшнихъ умныхъ дураковъ, которые пренебрегаютъ старинными способами губить себя, но, въ концѣ концовъ, продѣлываетъ то же самое съ полнымъ успѣхомъ, только на другой манеръ. Онъ многимъ мнѣ обязанъ и одно время я тѣшила себя мыслью, что онъ способенъ и къ привязанности, и къ благодарности. Худо, вообще, быть женщиной и такія вещи самыя худшія. Мы одну за другой теряемъ всѣ иллюзіи; любовь—это только начало; затѣмъ ждетъ еще полдюжина иныхъ разочарованій.

«Вы будете меня бранить за горечь этихъ рѣчей. Что дѣлать, дорогой мой Уильфридъ—мнѣ здѣсь не весело живется. Здѣсь слишкомъ много женщинъ, слишкомъ много церковныхъ службъ, и я слишкомъ часто вижу своего доктора. Я тоскую по Лондону и не вижу, съ какой стати меня должна была изгнать оттуда какая-то интриганка. Пишите мнѣ, милый Уильфридъ. Я не такъ ужъ дурна, какъ выставляю себя. Вспомните, что у меня артритъ, что мнѣ стукнуло шестьдесятъ пять и что моя новая компаньонка, читая мнѣ вслухъ, гнусавитъ, и вы еще подивитесь моей сдержанности».

Сэръ Уильфридъ сложилъ письмо и спряталъ его въ карманъ. Въ этотъ самый день утромъ, за завтракомъ у леди Губертъ, онъ разспра-

шивалъ бѣлокурую Сюзанну Делафильдъ, сестру Джэкоба, о причинахъ ссоры ея брата съ леди Генри.

Повидимому, все вышло изъ-за денегъ. Получая большое вознагражденіе за веденіе дѣлъ герцога, Джэкобъ счелъ долгомъ откладывать и понемногу выплачивать леди Генри сумму, затраченную на его образованіе.

Его письмо со вложеніемъ было получено старухой въ первую недѣлю послѣ переѣзда ея въ деревню. По всей вѣроятности и написано оно было въ болѣе формальныхъ выраженіяхъ, чѣмъ это бывало до изгнанія миссъ Ле-Бретонъ.

— Не то, чтобы онъ защищалъ ее,—поясняла Сюзанна Делафильдъ, склонная сочувствовать леди Генри,—но вѣдь леди Генри сама не хотѣла принимать его послѣ этой исторіи, такъ съ чего же ему было разсыпаться въ любезностяхъ?

Какъ бы тамъ ни было, письмо и приложеніе къ нему довершили начатый разрывъ. Леди Генри жестоко обидѣлась, возвратила чекъ при оскорбительной запискѣ и теперь изливала свои щедроты на одинъ изъ лондонскихъ госпиталей.

Сэръ Уильфридъ подумалъ, что Джэкобъ могъ бы удачнѣе выбрать время, чтобъ доказать свою честность, и какъ разъ въ это время, поднявъ глаза, увидалъ возлѣ себя военнаго министра, разыскивавшаго газету.

— Освободились?—съ усмѣшкой спросилъ Бёри.

— Да, слава Богу. Лэкинтонъ, кажется, еще и по сіе время мечетъ на меня громы въ палатѣ лордовъ. Пускай! Его это забавляетъ, а мнѣ не вредитъ.

— Ваши резолюціи пройдутъ?

— О конечно! Безъ всякаго труда,—почти сердито отвѣчалъ министръ, кидаясь въ кресло и съ отвращеніемъ глядя на взятую имъ газету.

Сэръ Уильфридъ наблюдалъ за нимъ.

— Мы увидимся сегодня?

— Въ Герибертъ-стритѣ? Я полагаю.

— Я только что получилъ письмо отъ леди Генри.

— Надѣюсь, оно пріятнѣе тѣхъ, которыя она пишетъ мнѣ. Такой безразсудной старухи...

Утомленный министръ заглянулъ въ «Punch» перевернулъ страницу и бросилъ газету.

— Вы идете?

— Не знаю. Леди Генри разрѣшаетъ, но именно потому я буду чувствовать себя какимъ-то шпіономъ.

— Ничего, идите. Madmoiselle Жюли нуждается въ поддержкѣ всѣхъ своихъ друзей. Къ сожалѣнію, о ней говорятъ не такъ хорошо, какъ я бы желалъ.

— Да. Оказывается, у леди Генри больше вліянія, чѣмъ мы предполагали.

— А у mademoiselle Жюли меньше такта. Ну скажите, Бога ради, зачѣмъ она всюду показывается и компрометтируетъ себя съ человѣкомъ, который помолвленъ съ ея кузиной? Кстати, вы знаете, что исторія ихъ родства всплываетъ наружу? Многіе, повидимому, уже знаютъ о ней.

— Что-жъ, это надо было предвидѣть. Какъ вы думаете, это въ пользу ей или во вредъ?

— Пока во вредъ. Пуристы задѣты, а большинство чувствуютъ себя обманутыми, и, во всякомъ случаѣ, этотъ флёртъ—большая ошибка съ ея стороны!

— Никто вѣдь не знаетъ навѣрное, помолвленъ этотъ господинъ съ малюткой Моффатъ, или нѣтъ. Опекуны воспротивились.

— И все-таки это ошибка—съ ея стороны. О *немъ* я не говорю, конечно. Онъ очень толковый малый...—Монтрезоръ вдугъ подтянулся, посмотрѣлъ на своего собесѣдника и не допускающимъ противорѣчія тономь добавилъ:—данное ему порученіе онъ выполнитъ отлично.

— Посольство въ Мокэмбе?

Монтрезоръ утвердительно кивнулъ головой.

— За нимъ были большія заслуги, и онъ назначенъ исключительно на основаніи своего послужного списка. Всѣ сказки о вліяніи mademoiselle—напримѣръ, на меня—которыя распускаютъ леди Генри, нелѣпая выдумка, совсѣмъ или почти лишенная фактическаго основанія.

Сэръ Уильфридъ дружелюбно улыбнулся и перемѣнилъ разговоръ.

— Уорквортъ скоро уѣзжаетъ?

— Завтра онъ ѣдетъ въ Парижъ. Я рекомендовалъ ему повидаться тамъ съ однимъ человѣкомъ, который участвовалъ въ экспедиціи въ Мокэмбе пять лѣтъ тому назадъ.

— Выходитъ не такъ хорошо, какъ бы слѣдовало,—говорилъ д-ръ Мередитъ на ухо герцогини.

Они стояли въ дверяхъ маленькой гостиной Жюли. Герцогиня въ ослѣпительномъ бѣломъ съ серебромъ вечернемъ туалетѣ отъ божественной Клариссы недовольно оглянулась вокругъ.

— Какіе скучные люди! Почему они всѣ такъ рано уходятъ? И половина не пришла!—Мередитъ пожалъ плечами.

— Я вѣдь былъ тогда въ Чаттонъ -гоузѣ.

— Ну!

— Мнѣ покизалось, что тамъ произошло что-то въ родѣ демонстраціи.

— Противъ Жюли? Пусть-ка попробуютъ! — вызывающе воскликнула маленькая женщина.—Мы посильнѣе ихъ.

— Тутъ замѣшана лэди Генри. Признаюсь, я не думалъ, чтобы она могла быть такой злой и такой вліятельной.

— Жюли все—таки выйдетъ побѣдительницею.

— Конечно—она восторжествовала бы, еслибъ... — Герцогиня съ безпокойствомъ посмотрѣла на него.

— Вы, должно быть, душите ее работою. Отъ нея остались кожа да кости.

Д-ръ Мередитъ покачалъ головой.

— Напротивъ, я удерживаю ее. Но ей, повидимому, хочется заработать побольше.

— Это такая нелѣпость! Когда другіе были бы счастливы подѣлиться съ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ!— грубовато прервалъ ее журналистъ.— Въ этомъ она права. И все было бы хорошо, будь она сама собой, Она бы скоро справилась съ леди Генри. Но... mademoiselle Жюли! — въ это время Жюли проходила мимо, и онъ возвысилъ голосъ. — Присядьте вы, отдохните. Не хлопочите такъ.

Она бросила имъ улыбку и поспѣшила дальше.

— Лордъ Лэкинтонъ уходитъ.

Лордъ Лэкинтонъ стоялъ въ центрѣ группы, гдѣ, между прочимъ, были и сэръУильфридъ Бери съ Монтрезоромъ.

—Ну прощайте, прощайте!— заторопился онъ, когда она подошла. — Мнѣ пора. Я совсѣмъ сплю.

— Устали бранить меня?—небрежно усмѣхнулся Монтрезоръ.

— Нѣтъ — усталъ ловить васъ, такъ вы ловко вывертываетесь,— весело поправилъ лордъ Лэкинтонъ и наклонился къ Жюли.

— Берегите себя. Возвращайтесь розовой и постарайтесь пополнѣть.

— Я совсѣмъ здорова. Позвольте, я провожу васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь.—Но она все-таки пошла за нимъ въ переднюю и отыскала его пальто. Ея маленькая вечеринка была обставлена очень просто и она этимъ гордилась. Madame Борнье и Тереза разливали чай и кофе въ столовой; онѣ принаняли только горничную; Жюли всюду поспѣвала сама. Ей припоминались вечера во французскихъ семьяхъ, и бѣдная комнатка ея матери въ Брюгге, съ интересной оживленной бесѣдой и самымъ скромнымъ угощеніемъ—жидкимъ чаемъ, стаканчиками eau sucrée и блюдомъ pâtisserie.

Нанятая горничная побѣжала кликнуть извозчика для кого-то изъ гостей, и Жюли сама помогла лорду Лэкинтону надѣть пальто, причемъ тотъ былъ очень смущенъ.

— Вамъ, пожалуй, не слѣдовало и приходить,—сказала она съ нѣжнымъ упрекомъ.—Отчего это вамъ сдѣлалось дурно передъ обѣдомъ?

— Кто это вамъ насплетничалъ?

— Сэръ Уильфридъ встрѣтилъ вашего сына, м-ра Чантрея...

— Билль никогда не умѣлъ держать языкъ за зубами. О, это пустяки—конечно, при надлежащемъ леченіи! Разумѣется, еслибъ я позволилъ аллопатамъ полосовать меня своими ножами!.. Но отъ этого

я, благодаря Бога, избавленъ... Такъ черезъ двѣ недѣли—да?—мы встрѣтимся снова здѣсь. До свиданья—я не люблю слова: прощайте!

Онъ взялъ обѣ ея руки.

— Мнѣ до сихъ поръ все это кажется такимъ страннымъ, такимъ страннымъ!

— На будущей недѣлѣ я увижу могилку мамы,—шепнула Жюли.— Положить цвѣточковъ отъ васъ?

Красивые голубые глаза, смотрѣвшіе на нее сверху, стали грустными. Старикъ нагнулся къ ней.

— Да. И пишите мнѣ. Возвращайтесь скорѣе. Вы увидите — все уладится; все устроится отлично, несмотря на леди Генри!

Въ тонѣ и жестѣ старика было столько интимности, желанія ободрить, прелестной шутливости, восторженной нѣжности—на нее вдругъ повѣяло тепломъ. Она была озадачена. Еще пожатіе руки—и онъ ушелъ. Она стояла и смотрѣла ему вслѣдъ. Стукъ колесъ отъѣзжавшаго экипажа кольнулъ её въ сердце. Уходило что-то близкое, родное, болѣе близкое, чѣмъ остающееся.

Когда она вернулась въ гостиную, ее поймалъ д-ръ Мередитъ.

— Вы хотите взять съ собою работу? Вы думаете—я пришлю вамъ книги? И не подумаю.

— Почему?

— Потому что вамъ необходимъ полный отдыхъ.

— Очень хорошо. Только тогда у меня не хватитъ на дорогу,— устало улыбнулась она.

— Вспомните, вамъ придется платить доктору, если вы заболѣете.

— Заболѣю! Я никогда не болѣю, — презрительно сказала она и медленно обвела взглядомъ комнату; потомъ посмотрѣла на своего собесѣдника.—Повидимому, общество не будетъ особенно утомлять меня,— этого нечего бояться, не правда ли.

Она даже не пыталась скрыть горечи, звучавшей въ этихъ словахъ.

— Другъ мой, вы только что устроились.

— Я здѣсь живу уже мѣсяцъ—критическій періодъ. Теперь самое время показать, кто за меня и кто противъ — n'est ce pas? Это мой первый вечеръ, новоселье! Приглашенія разосланы за двѣ недѣли впередъ. Я пригласила до шестидесяти человѣкъ — все хорошихъ знакомыхъ. Нѣкоторые совсѣмъ не откликнулись. Другіе отказались—многіе очень сухо. Да и изъ тѣхъ, кто принялъ приглашеніе, не всѣ пришли. И—Боже мой!—какая это была тоска!

Мередитъ смотрѣлъ на нее виноватыми глазами, не зная, что отвѣтить. Вечеръ, дѣйствительно, вышелъ скучный. Обоимъ вспомнились «пятницы» леди Генри, роскошныя гостиныя, блестящее разнообразное общество, вліяніе и уваженіе, которымъ была окружена компаньонка леди Генри.

Жюли пожала плечами.

— Я была глупа, ставя себѣ за образецъ французскую maitresse

de salon—m-lle де-Л'Эспинассъ или madame Моль, воображая, что люди пойдутъ ко мнѣ на чашку чая въ надеждѣ пріятно провести часокъ-другой. Но въ Англіи людямъ, повидимому, надо платить, чтобы они говорили. Разговоръ превращается въ дѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ! вы это передѣлаете,—возразилъ Мередитъ. Въ глубинѣ души онъ говорилъ себѣ, что Жюли въ этотъ вечеръ была сама на себя не похожа. Ея удивительные общественные таланты, понятливость, ловкость измѣнили ей. И натянутость хозяйки, ея напускная веселость дали тонъ всему собранію.

— Старая гвардія, во всякомъ случаѣ, при васъ,—оглянувшись, съ улыбкою сказалъ журналистъ. Въ маленькой гостиной сидѣли группами герцогиня, Делафильдъ, Монтрезоръ съ женой, генералъ Макъ Джилъ, три, четыре другихъ старинныхъ habitués салона леди Генри. Былъ здѣсь и генералъ Фергусъ. Онъ пришелъ изъ первыхъ и оставался до конца.

Его открытое солдатское лицо, простая, веселая и въ то же время разумная рѣчь, при всей своей простотѣ возможная только въ устахъ человѣка, жизнь котораго тѣсно связана съ судьбами его страны,—все это очень помогло объединенію маленькаго общества. Взглядъ Жюли съ благодарностью остановился на немъ. Потомъ она обернулась къ Мередиту.

— М-ръ Монтрезоръ врядъ ли придетъ во второй разъ.

— Что это значитъ? Неблагодарная женщина! Монтрезоръ, пожертвовавшій ради вашихъ прекрасныхъ глазъ и леди Генри, и привычками, складывавшимися въ теченіе тридцати лѣтъ!

— Этого-то онъ и не проститъ мнѣ,—грустно сказала Жюли.—Онъ потѣшитъ свою гордость, а я—я теряю друга.

— Какая вы пессимистка! М-рсъ Монтрезоръ такъ дружески относится къ вамъ.

Жюли засмѣялась.

— Она, конечно, въ восторгѣ. До сихъ поръ ея мужъ никогда не принадлежалъ ей вполнѣ. Уже и тогда, когда она выходила за него замужъ, онъ былъ вѣрноподданнымъ лэди Генри. Но все это она скоро забудетъ, и о моемъ существованіи тоже.

— Не стану спорить. Вы отъ этого только еще больше упорствуете. Ага, еще гости!

Дверь отворилась, пропустивъ высокую фигуру майора Уоркворта.

— Я очень запоздалъ?—спрашивалъ онъ, съ удивленіемъ поглядывая на немногихъ гостей. Жюли подошла поздороваться съ нимъ; онъ извинился за поздній приходъ—его задержали на обѣдѣ, который начался часомъ позже, изъ-за опозданія одного министра.

Мередитъ изъ угла, гдѣ его оставила Жюли, внимательно наблюдалъ за молодымъ человѣкомъ. Сплетни, ходившія по городу, дошли и до него, но онъ не придалъ имъ особеннаго значенія. Ему казалось, что никто не имѣетъ свѣдѣній изъ первыхъ рукъ объ исторіи съ

Моффатами. Самъ же онъ никакъ не могъ повѣрить, чтобы Жюли Ле-Бретонъ могъ провести и обмануть мужчина.

Ей надо выйти замужъ, бѣдняжкѣ, разумѣется, ей надо выйти замужъ. Съ тѣхъ поръ, какъ для него выяснилось, что ему лично нечего ждать, этотъ умный и благородный человѣкъ дѣлалъ все возможное, чтобы заглушить въ себѣ всѣ мелкія и эгоистическія стремленія. Но этотъ человѣкъ! Безъ принциповъ, безъ души! Почему это умныя женщины такъ глупы!

Еслибъ она довѣрилась ему—старому, испытанному другу, онъ, можетъ быть, могъ бы помочь, уладить, повліять, не оскорбляя ее. Но онъ всегда страдалъ, глубоко страдалъ отъ ревнивой сдержанности, составлявшей оборотную сторону ея чарующаго обращенія, отъ ея врожденной склонности къ тайнамъ и интригамъ.

Она обмѣнялась всего нѣсколькими словами съ Уорквортомъ, но наблюдавшему за нею доктору Мередиту почудился какой-то тайный уговоръ. Какъ она вдругъ покраснѣла, какъ засіяли ея глаза!

Однако, наблюдать ему пришлось недолго. Уорквортъ повертѣлся въ гостиной, поболталъ понемножку съ каждымъ и подъ предлогомъ, что ему нужно выѣхать на другой день рано утромъ, снова подошелъ къ хозяйкѣ проститься.

— Ахъ, да, вы ѣдете завтра,—сказалъ Монтрезоръ, вставая.—Ну, желаю вамъ удачи и всякаго благополучія!

Подошелъ и генералъ Фергусъ. Всѣ гости, заинтересованные его отъѣздомъ, окружили молодого офицера. Даже герцогиня оттаяла немножко въ моментъ прощанья. Вѣдь все-таки этотъ молодой человѣкъ ѣдетъ отстаивать интересы своей родины.

— Его задача не шуточная, смѣю васъ увѣрить,—сказалъ ей генералъ Макъ Джиль.—Ему придется напречь всѣ силы и ума, и тѣла.

Стройный молодой человѣкъ, такой юношески элегантный въ своемъ безукоризненно сшитомъ вечернемъ костюмѣ, видимо былъ польщенъ устроенною ему маленькою оваціею, хотя, какъ истый англичанинъ, и старался казаться равнодушнымъ. Онъ былъ очень блѣденъ, когда вошелъ. Но когда Монтрезоръ взялъ его за руку, когда оба генерала сердечно пожелали ему успѣха, сэръ Уильфридъ далъ ему шутливое порученіе къ британскому агенту въ Египтѣ, а дамы подарили его лестными и восхищенными взглядами, которые женщины берегутъ для храбрецовъ, кровь прилила къ его щекамъ, и онъ весь оживился.

Жюли не принимала большого участія въ этой оваціи. Она стояла поодаль и больше молчала.

«Они уже простились», съ невольной грустью подумала герцогиня.

— Въ Парижѣ три дня?—спросилъ сэръ Уильфридъ.—Затѣмъ недѣльки двѣ въ Денгѣ, а затѣмъ—черезъ сколько времени вы думаете отправиться внутрь страны?

— Я думаю, трехъ недѣль будетъ достаточно, чтобы запастись

провизіею и носильщиками. Конвой уже дрессируютъ. Мы вѣроятно выступимъ въ походъ въ половинѣ мая.

— Скверный мѣсяцъ,—сказалъ генералъ Фергусъ, пожавъ плечами.

— Къ несчастью, дѣло не ждетъ. Но я такъ наглотался хинина, что уже застрахованъ отъ лихорадокъ, или, по крайней мѣрѣ, буду застрахованъ къ тому времени, какъ попаду въ Денгу,—засмѣялся Уорквортъ.—Прощайте, прощайте!

Еще минута—и онъ ушелъ. Миссъ Ле-Бретонъ пожала ему руку и пожелала «счастливаго пути», какъ всѣ остальные.

Гости стали расходиться. Герцогиня съ особенною нѣжностью поцѣловала Жюли. Делафильдъ пожалъ ей руку и медлилъ уходить, не сводя съ нея своихъ глубокихъ добрыхъ глазъ, но она этого совсѣмъ не замѣтила. Мередитъ снова надавалъ ей полусердитыхъ, полулюбовныхъ совѣтовъ поберечь себя, хорошенько отдохнуть и развлечься; м-рсъ Монтрезоръ была въ мѣру любезна; только одинъ Монтрезоръ простился съ хозяйкою дома суховато и небрежно. Даже сэръ Уильфридъ былъ нѣсколько растроганъ, самъ не зная, чѣмъ; онъ далъ себѣ слово, что въ его завтрашнемъ письмѣ къ леди Генри не будетъ пищи къ злорѣчію, и въ душѣ простилъ mademoiselle Жюли всѣ ея прежнія вины.

Глава XVIII.

Прошло двадцать минутъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала послѣдняя карета. Жюли все еще ждала въ маленькой передней, шагая изъ угла въ уголъ по чернымъ съ бѣлымъ квадратнымъ мраморнымъ плитамъ.

Въ дверь тихонько постучали.

Она отворила. На порогѣ стоялъ Уорквортъ. Яркій свѣтъ луннаго свѣта ворвался въ полутемную комнату, гдѣ горѣла одна только свѣча. Жюли указала рукою по направленію къ гостиной.

— Я сейчасъ приду, пойду только попрошу Леони посидѣть еще немного.

Уорквортъ вошелъ въ гостиную. Жюли отворила дверь въ столовую. М-me Борнье перетирала и ставила обратно на полки старинный фарфоръ и хрусталь, на которыхъ подавалось скромное угощеніе.

— Леони! Ты еще не ложишься? Здѣсь майоръ Уорквортъ.

М-me Борнье не подняла головы.

— Онъ долго пробудетъ?

— Съ полчаса, можетъ быть.

-- Уже за полночь.

— Леони, онъ завтра уѣзжаетъ.

— Très bien. Mais sais-tu, ma chère, ce n'est pas convenable, ce que tu fais là.

И Леони, выпрямившись, посмотрѣла прямо въ глаза своей молочной сестрѣ. Ея измятое лицо дышало тревогою сторожевого пса, угрю-

мою протестующею нѣжностью. Жюли подошла къ ней, безъ гнѣва, напротивъ, смиренно, съ умоляющимъ видомъ.

Обѣ женщины быстро обмѣнялись между собою нѣсколькими фразами вполголоса—Леони возмущалась, Жюли мягко настаивала на своемъ.

Затѣмъ m-me Борнье снова взялась за работу, а Жюли прошла въ гостиную.

При входѣ ея Уорквортъ вскочилъ со стула. Оба съ минуту медлили въ нерѣшимости. Затѣмъ онъ быстро подошелъ къ ней и грубо, властно привлекъ ее къ себѣ на грудь. Въ первый моментъ она отшатнулась, потомъ уступила и, обвивъ руками его шею, спрятало лицо у него на груди.

Такъ они стояли нѣсколько минутъ въ полномъ безмолвіи; слышно было только ея частое, тяжелое дыханіе.

— Жюли, какъ мы можемъ разстаться?—шепнулъ онъ, наконецъ.

Она освободилась изъ его объятія и, видя его разстроенное лицо, сдѣлала попытку овладѣть собою.

— Подите сюда, сядьте!

Она подвела его къ окну, которое онъ распахнулъ, войдя въ комнату, и они сѣли рядомъ, рука съ рукою. Въ окно свѣтила кроткая апрѣльская ночь. Влажный вѣтерокъ, налетая, ласкалъ имъ лицо, какъ ласкали глазъ туманные переливы свѣта и тѣни въ саду и на фасадѣ огромнаго дома напротивъ.

— Неужели навсегда?—тихимъ сдавленнымъ голосомъ говорила Жюли.—Прости навсегда?

Руки ея дрожали, она не смотрѣла на него; она какъ будто повторяла то, что давно уже сказала себѣ въ умѣ.

— Вы пробудете тамъ, быть можетъ, цѣлый годъ. Затѣмъ вернетесь въ Индію и тогда...

Она не докончила.

Уорквортъ физически ощущалъ въ своемъ карманѣ присутствіе письма отъ леди Бланшъ Моффатъ, полученнаго сегодня утромъ. Это было письмо знатной дамы, принужденной забыть о своемъ достоинствѣ и снизойти до упрековъ изъ страха—страха матери за жизнь и здоровье своего дитяти, нѣжнаго и хрупкаго, какъ дикая майская роза. До нея дошли слухи, но нѣтъ, это не можетъ быть правдою! Хорошо еще, что и тѣнь подозрѣнія пока не коснулась Эйлинъ. Но ей, матери, онъ долженъ сейчасъ написать и разувѣрить ее, иначе... Въ послѣдней части письма заключалась скрытая угроза, которую Уорквортъ отлично понялъ.

Нѣтъ, тутъ ничего измѣнить нельзя: его собственное поведеніе въ прошломъ связывало его по рукамъ и по ногамъ. Очевидно, на будущее время надо быть осмотрительнѣе.

Но какъ же порицать себя за свое теперешнее чувство къ Жюли Ле-Бретонъ, быть можетъ, самое сильное въ жизни такого человѣка, какъ онъ, не созданнаго для страсти. Это чувство нахлынуло на него

неожиданно; ихъ дружба незамѣтно перешла въ другое и теперь они оба готовы собственными руками подрѣзать въ корнѣ свои отношенія. Можно ли тутъ осуждать кого-либо изъ нихъ? Тутъ виновата сама судьба. Уорκворту даже льстилъ неподдѣльный трагизмъ его положенія; его возвышало въ собственныхъ глазахъ чувство, на которое онъ еще мѣсяцъ тому назадъ въ душѣ считалъ себя неспособнымъ.

Въ это послѣднее свиданіе съ Жюли онъ рѣшилъ не скрывать своихъ чувствъ. Когда она задала ему свой печальный вопросъ: «Неужели навсегда?»;—онъ схватилъ ея холодныя руки и началъ страстно цѣловать ихъ.

— Жюли! Еслибъ мы съ вами встрѣтились годъ тому назадъ, того, что произошло въ Индіи, никогда бы не случилось. Вы это знаете!

— Да? Но развѣ вы не понимаете, какъ мнѣ обидно такъ думать; вѣдь это все-таки существуетъ.

Она неожиданно повернулась къ нему.

— У васъ есть ея карточка?

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Да.

— Здѣсь, при васъ?

— Зачѣмъ вы спрашиваете, дорогая? Этотъ вечеръ нашъ и только нашъ.

И онъ опять хотѣлъ привлечь ее къ себѣ. Но она настаивала:

— Я увѣрена, что она съ вами, покажите мнѣ ее.

— Жюли! Вы одна въ моихъ мысляхъ—вы и только вы!

— Такъ сдѣлайте же то, о чемъ я прошу.—Она съ мольбою склонилась надъ нимъ; ея губы почти касались его щеки. Онъ неохотно вынулъ изъ внутренняго кармана сюртука небольшой портфель, досталъ оттуда фотографическую карточку и подалъ ей.

Жюли съ жадностью впилась въ нее глазами. Передъ нею было лицо, сотканное, казалось, изъ снѣга и огня; нѣжное, хрупкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ полное чувства и выраженія; лицо ребенка, обрамленное легкими завитками русыхъ волосъ; верхняя губка слегка приподнята надъ мелкими, бѣлыми зубами, что придавало лицу выраженіе полудѣтскаго удивленія. Но сколько въ этомъ кроткомъ дѣтскомъ личикѣ поэтической, трагической чувствительности! Въ посадкѣ небольшой головы на тонкой шейкѣ было много дѣвически-застѣнчиваго достоинства; глаза, ясные и робкіе, какъ будто пугались и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣряли тому, кто смотрѣлъ на нихъ.

Жюли возвратила ему карточку и закрыла лицо руками. Уорκвортъ долго съ тревогой смотрѣлъ на нее и, наконецъ, отвелъ ея руки.

— О чемъ вы думаете? Не прячьтесь отъ меня.

— Теперь я больше не ревную,—сказала она, глядя на него жалкими глазами.—Я ненавижу ее. И если бы она знала все, она тоже не могла бы не ненавидѣть меня.

— Ее нельзя ненавидѣть: она ангелъ. Но она не моя Жюли!— страстно воскликнулъ онъ и поспѣшилъ спрятать карточку.

— Скажите мнѣ,—начала она, помолчавъ, и коснулась его руки,— съ какихъ поръ вы стали думать обо мнѣ иначе? Всю зиму, когда мы встрѣчались такъ часто, вы не любили меня?

— Какъ же я въ моемъ положеніи могъ позволить себѣ думать о любви? Я зналъ только, что меня тянетъ видѣть васъ, говорить съ вами, писать вамъ. Не гордитесь такъ!—попробовалъ онъ пошутить — Вѣдь и вы не думали обо мнѣ какъ-нибудь особенно. Вы были слишкомъ заняты созданіемъ епископовъ, судей и академиковъ. Если бы вы знали, Жюли, какъ я боялся васъ вначалѣ!

— Въ первый же вечеръ, какъ мы встрѣтились,—страстно вырвалось у нея,—я нашла гвоздику, которая была у васъ въ петличкѣ. Я положила ее себѣ подъ подушку и ночью, въ темнотѣ, все дотрагивалась до нея, какъ до талисмана. Вы дважды заступились за меня передъ леди Генри. Вы улыбнулись мнѣ и пожали мнѣ руку, не такъ, какъ другіе, но такъ, какъ будто вы поняли *меня*, мою душу или, по крайней мѣрѣ, желали понять. А затѣмъ пришла великая радость. Я увидала, что могу кое-что сдѣлать для васъ. Какъ измѣнилась сразу моя жизнь! Когда я шла гулять, я не могла повернуть за уголъ, чтобы не подумать: «А вдругъ я сейчасъ увижу его!» При звукѣ вашего голоса я вся вздрагивала. Дружась, знакомясь съ кѣмъ-нибудь, я прежде всего спрашивала себя, не можетъ ли онъ быть *вамъ* полезенъ. Всякій разъ, когда вы входили въ комнату, у меня сердце прыгало отъ радости; я не могла уснуть, чтобъ не увидать васъ во снѣ. Когда вы уѣзжали, Лондонъ становился мнѣ ненавистенъ; при васъ онъ мнѣ казался раемъ.

Въ пылу признанія Жюли немного отодвинулась отъ Уорквορта, все еще не выпускавшаго ея рукъ; ея лицо, все ея тѣло трепетало страстью. Она сняла тонкіе золотые обручи, сдерживавшіе ея роскошные волосы, и они упали волнами на лобъ и тонкую, стройную шею. Эта черная масса волосъ, знойный блескъ глазъ, трагическая свобода позы придавали ей дикую, мучительную красоту.

Въ первый моментъ Уорквортъ былъ удивленъ; потомъ это даже оттолкнуло его, ему стало какъ-то жутко, но затѣмъ все это потонуло въ наплывѣ радости и признательности.

Слезы катились по его щекамъ.—Жюли, ты пристыдила меня, я совсѣмъ уничтоженъ!

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она не далась. Не ласкъ требовали эти глаза, лихорадочно блестѣвшіе при воспоминаніи о прошлыхъ грёзахъ. Она рѣшительно отодвинулась отъ него, встала и затворила окно; потомъ перенесла лампу на другое мѣсто и привела въ порядокъ свои непокорные волосы.

— Мы должны быть благоразумнѣе,—сказала она съ нервной усмѣшкой, садясь поодаль отъ него.—Видите ли, для меня главный вопросъ

въ томъ, какъ мнѣ устроить свою дальнѣйшую жизнь. Для васъ будущее ясно Сегодня вечеромъ мы простимся. У васъ впереди карьера, женитьба. Я ухожу изъ вашей жизни совсѣмъ. Но для меня...

Она остановилась, напряженно вглядываясь въ пространство, словно человѣкъ, пытающійся разсмотрѣть дорогу въ темнотѣ.

— Ваши дарованія,—въ волненіи началъ Уорквортъ,—ваши друзья, Жюли, до нѣкоторой степени наполнятъ вамъ жизнь. А потомъ вы, конечно, выйдите замужъ, должны выйти! О, вы скоро забудете меня, Жюли. Дай Богъ, чтобы вы меня забыли!

— Мои дарованія!—повторила она, не обративъ вниманія на остальное.—Я уже говорила вамъ, что они мнѣ больше не нужны. Мнѣ указали мое мѣсто—и я поняла.

— Герцогиня будетъ бороться за васъ.

Жюли засмѣялась.

— Герцогъ ей не позволитъ, да и я не позволю.

— Вы выйдите замужъ!—повторилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Вы найдете кого-нибудь, кто будетъ достоинъ васъ, кто дастъ вамъ то высокое положеніе, для котораго вы рождены.

— Это я могу имѣть когда угодно,—сказала она, спокойно глядя ему въ глаза.

Уорквортъ отодвинулся, непріятно пораженный. Онъ говорилъ вообще, предсказывая, рисуя будущее съ той щедростью, съ какой мы всѣ это дѣлаемъ, потому что намъ это ничего не стоитъ. Но она—что она хочетъ сказать этимъ?

— Делафильдъ!—воскликнулъ онъ и ждалъ отвѣта, но она не отвѣчала. Зимою ему раза два приходила въ голову эта мысль, но она казалась ему смѣшной, и онъ отгонялъ ее. Потомъ. при первой ихъ ссорѣ, когда Жюли обошлась съ нимъ такъ сухо въ присутствіи Делафильда и выказала Делафильду явное предпочтеніе, это сильно укололо его. Но Жюли одинъ только разъ выставила напоказъ свою интимность съ Делафильдомъ, потомъ даже не упоминала о немъ, и ревность Уорквортa угасла за отсутствіемъ поводовъ къ ней.

Вѣдь Делафильдъ по отношенію къ Жюли былъ только тѣнью и агентомъ своей хорошенькой кузины, герцогини; рыцаремъ и защитникомъ угнетенныхъ. Какъ, этотъ будущій наслѣдникъ чёдлейскихъ помѣстій и герцогскаго титула, одного изъ славнѣйшихъ въ Англіи, готовъ жениться на Жюли, когда даже онъ, бѣдный офицеръ, пробивающій себѣ дорогу, никогда не думалъ о такомъ бракѣ!

Но Жюли въ его восклицаніи слышалась только ревность, ласкавшая ея слухъ и сердце. Какъ истой женщинѣ, ей хотѣлось подразнить этимъ своего милого, но что-то властное и деликатное въ ея чувствѣ къ Делафильду не позволяло ей этого сдѣлать.

— Нѣтъ, вы не должны больше разспрашивать меня,—сказала она, гордымъ жестомъ какъ бы отстраняя отъ себя искушеніе.—Было бы мелочно хвастаться этимъ, но это правда. Мнѣ стоитъ только протя-

нуть руку, чтобы взять то, что вы называте высокимъ положеніемъ. Но я не протягиваю ее. Иногда, конечно, у меня является искушеніе. Но сегодня, напримѣръ, мнѣ это кажется такимъ жалкимъ и суетнымъ. Нѣтъ, когда мы скажемъ другъ другу прости, я начну жизнь сначала. И на этотъ разъ я буду жить по своему и для себя. Я очень устала! А потому «пойду, куда влечетъ меня моя природа, иныхъ вожатыхъ не хочу».

Выговоривъ громко и страстно эти слова, одной изъ историческихъ героинь, не признававшихъ цѣпей для своей души, Жюли вскочила на ноги, выпрямилась во весь ростъ, заложила руки за спину и быстро отошла.

Въ Уорквортѣ дрожалъ каждый нервъ. Его выводило изъ себя, вопервыхъ, ея непокорность, во-вторыхъ,—мысль, что все это время—и въ періодъ борьбы своей съ леди Генри, и въ своемъ теперешнемъ двусмысленномъ положеніи, — все время у нея былъ подъ рукой Делафильдъ, и черезъ Делафильда весь англійскій grand monde. Ей стоило только протянуть руку—и она отказалась! Эта женщина, безъ имени, безъ семьи, уже не первой молодости! Она отказалась?! Молодой человѣкъ съ нѣмымъ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

У него мелькала мысль:

«Неужели она способна на такое колоссальное безуміе изъ-за *меня?*»

Это волновало и опьяняло его, но не возвышало Жюли въ его глазахъ. Наоборотъ. Къ страсти, бушевавшей въ его крови, примѣшивался теперь—бѣдная Жюли!—оттѣнокъ неуваженія.

— Жюли!—онъ порывисто протянулъ къ ней руки.

— Подите ко мнѣ! Вы такъ удивительно хороши сегодня, въ этомъ бѣломъ платьѣ, словно муза. Я всегда буду представлять себѣ васъ такою. Идите сюда!

Она повиновалась, стала за его кресломъ и протянула ему обѣ руки, но въ головѣ ея все еще билась тревожная мысль.

— Быть свободной,—выговорила она почти шопотомъ,—свободной, какъ мои родители, отъ всѣхъ этихъ жалкихъ условностей!..

Она почуствовала его поцѣлуй на своихъ рукахъ, и выраженіе ея лица вдругъ измѣнилось.

— Какъ мы обманываемъ себя словами!—шепнула она, вздрогнувъ, и отвела назадъ съ его лба мягкіе завитки волосъ съ материнской нѣжностью, которая все время чувствовалась въ ея любви къ нему.

— Сегодня мы здѣсь вмѣстѣ въ послѣдній разъ. А завтра въ это время вы будете въ Парижѣ; быть можетъ, будете любоваться ярко освѣщенными улицами, толпой на бульварахъ, каштановыми деревьями. Они теперь только распускаются — я знаю! И молоденькіе листочки такъ весело блестятъ при свѣтѣ фонарей! И я буду тамъ, но все уже будетъ кончено—навсегда. Не все ли равно, свободна я или не свободна? Я буду *одна*—это все, что я знаю.

Голосъ ея замеръ. Уорквортъ всталъ и обнялъ ее; она не противилась.

— Жюли,—шепнулъ онъ ей на ухо,—зачѣмъ вамъ быть одной?

Наступило молчаніе.

— Я... я не понимаю,—выговорила она, наконецъ.

— Послушайте, Жюли! Въ Парижѣ я пробуду три дня, но мои дѣла я легко могу покончить въ одинъ. Что, если вы встрѣтите меня тамъ послѣзавтра? Что здѣсь дурного? Оба мы не младенцы. Мы понимаемъ жизнь. И кто тутъ имѣетъ право осуждать или вмѣшиваться? Жюли! Я знаю маленькую гостинницу въ долинѣ Бьевры, — совсѣмъ деревня: лѣсъ, поле, а между тѣмъ, рукой подать отъ Парижа. Англичане-туристы туда и не заглядываютъ, развѣ какой нибудь художникъ, да и то не въ это время года. Жюли! Почему бы намъ не провести тамъ наши послѣдніе два дня, вмѣстѣ, вдали отъ всѣхъ, прежде чѣмъ сказать прости другъ другу? Здѣсь вы боитесь каждаго встрѣчнаго, даже герцогини? А madame Борнье, — какъ она иногда косится на меня! Почему бы намъ не сбросить съ себя всѣ эти путы, не быть счастливыми? Никто никогда не узнаетъ—не можетъ узнать!

Онъ понизилъ голосъ и продолжалъ еще нѣжнѣе и вкрадчивѣе:

— Мы можемъ назваться братомъ и сестрой — это такъ просто. Вы, въ сущности, француженка. Я тоже говорю хорошо по-французки; никому и въ голову не придетъ заподозрить насъ. Весна тамъ мягкая и теплая. Вблизи лѣсъ, полный цвѣтовъ. Когда я былъ ребенкомъ, еще при жизни отца, мы однажды прожили изъ экономіи цѣлый годъ въ двухъ миляхъ оттуда, въ одной деревушкѣ. Я отлично знаю эти мѣста. Тихій, зеленый, прелестный уголокъ! Вы съ вашей поэтической натурой будете отъ него въ восторгѣ. Два дня! Бродить по лѣсамъ вмѣстѣ! Потомъ я посажу васъ на брюссельскій поѣздъ и пойду своей дорогой. Но зато до конца жизни мы будемъ помнить, Жюли, что эти два дня были *наши!*

Почти съ первыхъ словъ Жюли вырвалась изъ его объятій и, оттолкнувъ его обѣими руками, слушала его съ нѣмымъ изумленіемъ. Краска сначала сбѣжала съ ея лица, потомъ прилила волной къ щекамъ.

— Такъ вы презираете меня?—выговорила она, тяжело дыша.

— Нѣтъ. Я обожаю васъ.

Жюли упала на стулъ и прикрыла глаза рукой.

Онъ сначала стоялъ на колѣняхъ передъ ней, моля и убѣждая; потомъ сталъ ходить по комнатѣ, вполголоса, скороговоркой отстаивая и развивая свой планъ, пока онъ не выяснился передъ обоими во всѣхъ своихъ соблазнительныхъ подробностяхъ.

Жюли не смотрѣла на него и не прерывала его. Наконецъ, Уорквортъ, задыхаясь отъ собственнаго волненія и тревоги, растворилъ окно; онъ жаждалъ воздуха и прохлады. Изъ сада пахнуло запахомъ молодыхъ листьевъ и влажной земли. Этотъ запахъ, вѣтви деревьевъ, качавшіяся подъ окномъ, мягкіе тона горизонта—все это приносило

облегченіе. Молодой человѣкъ высунулся въ окно, подставляя горячій лобъ ночному вѣтерку. Какіе-то голоса смутно звучали въ его умѣ, но надъ всѣми господствовалъ одинъ, дерзко заглушавшій остальные.

«Что она, дѣвочка, что ли, что боится увлечься? Минута счастья,—кому отъ этого какое зло?» Онъ вернулся къ Жюли и, весь дрожа, коснулся ея плеча.

— Жюли!

Отвѣта нѣтъ. Неужели она навсегда отшатнулась отъ него? Ему казалось, что за эти нѣсколько минутъ онъ пріобрѣлъ огромный жизненный опытъ. Но развѣ изъ нихъ двухъ онъ не благороднѣе, не правдивѣе? Что тамъ толкуютъ моралисты!

— Жюли!—съ тоской повторилъ онъ.

Она подняла голову, и онъ увидѣлъ, что она плачетъ. Но въ лицѣ ея былъ огонь, страсть, желаніе, и это его успокоило. Она обняла его одной рукой и прижалась щекой къ его лицу. Онъ угадалъ, что и она много пережила и перечувствовала за эти минуты.

Весь горя радостью, онъ принялся опять уговаривать ее, лелѣя ея голову на своемъ плечѣ, до боли сжимая ея тонкія ручки.

А Жюли въ это время говорила себѣ:

«Или я сдѣлаю то, что онъ хочетъ, или черезъ нѣсколько минутъ я должна буду проститься съ нимъ навсегда».

Она прижималась къ нему, чувствуя теплоту его тѣла, и силы измѣняли ей. Въ эту минуту для нея не существовало ничего на свѣтѣ, кромѣ этой красивой кудрявой головы, рядомъ съ ея собственной, этого голоса, шептавшаго ей слова любви, этого превращенія его былой осторожности или честолюбія, или притворства въ эту пылкую нѣжность, этотъ страхъ разлуки...

— Слушай, дорогая,—шепталъ онъ ей.—Я успѣю окончить всѣ дѣла до твоего пріѣзда. Завтра вечеромъ я обѣдаю въ посольствѣ; на другой день завтракаю у военнаго министра, а потомъ, тысячу извиненій, но я долженъ спѣшить навстрѣчу друзьямъ въ Италію. Затѣмъ я улетучиваюсь изъ Парижа и въ теченіе двухъ дней принадлежу Жюли и она мнѣ. Скажи да, Жюли, моя Жюли!

Онъ наклонился къ ней, держа ея лицо въ своихъ рукахъ.

— Скажи: да,—молилъ онъ,—и тогда никто изъ насъ не будетъ одинокимъ!

Тихій голосъ его проникалъ въ ея сердце. Онъ все молилъ и ждалъ, пока напряженный слухъ его не уловилъ шопотомъ сказанныхъ словъ, наполнившихъ его душу безумнымъ торжествомъ и неожиданной радостью побѣды.

Леони въ угрюмомъ безмолвіи затворила за гостемъ дверь и прошла наверхъ, къ себѣ. Жюли была уже въ своей комнатѣ. Она сидѣла на кровати, свѣсивъ голову на грудь и заломивъ руки, словно Надежда, прислушивающаяся къ послѣднимъ звукамъ арфы жизни. При свѣтѣ свѣчки, стоявшей рядомъ на столикѣ, она видѣла всю

себя въ большомъ зеркалѣ напротивъ, свою изящную фигуру, падавшее красивыми складками бѣлое платье...

Она ждала реакціи. Но реакція не наступала. Подъемъ воли и энергіи не проходилъ. То, что она хотѣла сдѣлать, попрежнему казалось ей естественнымъ и законнымъ. Изъ-за мелкой щепетильности, условностей, приличій отказаться отъ яркаго момента въ жизни—вотъ это дурно, это позорно!

Ее манила романическая сторона положенія и тайная склонность къ внѣзаконнымъ путямъ, привитая ей тѣми, кого она любила и съ кѣмъ была дружна въ дѣтствѣ. Horror naturalis, предохранающій большинство женщинъ отъ полнаго ослѣпленія страстью, въ ней какъ-то ослабѣлъ или спалъ. Она была незаконной дочерью матери, поправшей законъ для любви, и никогда, ни на минуту, не забывала этого. Мысль о томъ, какъ будетъ толковать ея поступокъ вульгарный пошлый свѣтъ, внушала ей только глубокое презрѣніе.

— Что мнѣ за дѣло? Я сама себѣ госпожа, никому не обязана отдавать отчетъ. Сама рѣшу, сама и отвѣчу!

Когда, наконецъ, она встала, сначала распустивъ, потомъ свернувъ жгутомъ на затылкѣ свои роскошные волосы, ей показалось, что въ зеркалѣ отразилась другая женщина, съ другимъ выраженіемъ лица и осанкой. Она попрала ногами трусость и малодушіе, стряхнула съ себя «Was uns alle bändigt, das gemeine».

Затѣмъ, когда она остановилась передъ овальнымъ зеркаломъ въ старинной рамѣ, украшавшимъ собою каминъ бывшей спальни леди Мэри Лейстеръ, взглядъ ея случайно упалъ на небольшіе семейные портреты и фотографіи, висѣвшіе по обѣимъ сторонамъ камина. На портретахъ были изображены леди Мэри и сестра ея—дѣтьми; ихъ некрасивыя лица робко выглядывали изъ бѣлыхъ платьевъ съ высокимъ воротомъ; рядомъ былъ портретъ матери леди Мэри, старушки въ бѣломъ чепцѣ, съ строгимъ и добрымъ лицомъ; съ другой стороны, священникъ, быть можетъ, братъ старушки, съ такимъ же типомъ лица, но болѣе ласковымъ выраженіемъ. А вверху и внизу картоны съ текстами и виньетками работы самой леди Мэри.

«Ты, Господи, вѣдаешь, когда бодръ духъ мой и когда немощенъ».

«Омоеши мя и паче снѣга убѣлюся».

«Не бойся, малое стадо, ибо отцу твоему благоугодно дать тебѣ царство».

Жюли смотрѣла на эти тексты сперва разсѣянно, потомъ съ непріязненнымъ чувствомъ. Этотъ англійскій піэтизмъ, упитанный, укрытый, мѣряющій всю вселенную на свой масштабъ, ей, почти католичкѣ, казался только хвастливымъ и лицемѣрнымъ. «Не такими силами,—думала она,—можно подчинять себѣ настоящихъ людей».

Отвернувшись, она замѣтила два маленькихъ католическихъ священныхъ изображенія, какія она въ монастырѣ вкладывала въ молитвенникъ, воткнутыхъ надъ текстами.

— Тереза,—сказала она себѣ, и у нея сжалось сердце.—Спитъ ли дѣвочка?—Она прислушалась. Изъ сосѣдней комнаты донеслось покашливанье. Жюли прошла туда.

— Therèse, tu ne dors pas encore?

Нѣжный голосъ отвѣтилъ изъ темноты:

— Je t'attendais, mademoiselle.

Жюли подошла къ кровати, поставила на полъ свѣчу, нагнулась и поцѣловала дѣвочку. Тереза худенькой ручкой гладила ее по щекѣ.

— Какъ хорошо будетъ побыть въ Брюгге вмѣстѣ съ mademoiselle!

Жюли отшатнулась.

— Я буду завтра не въ Брюгге, дитя.

— Не въ Брюгге, oh, mademoiselle!

Тонкій голосокъ звучалъ жалобно.

— Я пріѣду къ вамъ туда. Но сначала мнѣ нужно побывать въ Парижѣ. Мнѣ... у меня тамъ есть дѣло.

— Но мама говорила....

— Да, я только сейчасъ передумала. Я скажу мамѣ завтра утромъ.

— И вы поѣдете однѣ, mademoiselle?

— Почему же нѣтъ, глупенькая?

— Vous êtes fatiguée. Я хотѣла бы поѣхать съ вами и носить за вами плащъ и зонтикъ.

— Ну, еще бы! А, въ концѣ концовъ, мнѣ пришлось бы нести и тебя въ придачу къ плащу и зонтику.

Она опустилась на колѣни возлѣ кроватки и обняла дѣвочку.

— Ты меня любишь, Тереза?

Та глубоко вздохнула, пряча свои худенькія ручки въ роскошныхъ волнахъ черныхъ волосъ Жюли.

— Любишь, Тереза?

Жюли почувствовала на щекѣ своей поцѣлуй.

— Ce soir j'ai beaucoup prié la sainte Vierge pour vous,—выговорила она шопотомъ, робко и торопливо.

Жюли не сразу отвѣтила. Она поднялась съ колѣнъ, не выпуская рукъ маленькой хромой.

— Это ты повѣсила картинки надъ каминомъ?

— Да.

— Зачѣмъ?

— На нихъ хорошо смотрѣть. Когда грустно, это облегчаетъ.

— Почему же ты думаешь, что мнѣ грустно?

Тереза съ минуту помолчала, потомъ обняла Жюли за шею своими худенькими ручками, и Жюли почувствовала, что она плачетъ.

— Ну, хорошо, я больше не буду грустной,—утѣшала ее Жюли.—Когда мы будемъ въ Брюгге, ты увидишь.

И, улыбнувшись Терезѣ, она тихонько опустила ее на подушку и вышла изъ комнаты.

Отъ этой нѣжной чистой привязанности она снова сразу перешла къ хаосу собственныхъ мыслей и плановъ. Всю ночь въ тревожномъ снѣ она видѣла своихъ родителей. Она была дочерью мятежницы и, когда она думала о предстоявшей ей встрѣчѣ, ей казалось, что она только вступаетъ во владѣніе своимъ наслѣдствомъ и что это было неизбѣжно съ самаго начала. Она чувствовала какой-то подъемъ, облегченіе, освобожденіе отъ путъ — ей казалось, что жизнь только теперь даетъ ей то, что должна была дать...

Промелькнула станція, огни, фонари и парижскій поѣздъ понесся дальше подъ вѣтромъ и дождемъ, перемѣшаннымъ со снѣгомъ—въ самомъ разгарѣ весны вдругъ вернулась зима.

До Сѣвернаго вокзала оставалось ѣзды еще полчаса. Жюли подъ густою вуалью сидѣла неподвижно въ своемъ уголкѣ. Она даже не волновалась особенно, она слишкомъ напрягала умъ, чтобы не позабыть ни одной изъ инструкцій Уоркворта. Съ Gare du Nord она должна была проѣхать прямо по Gare des Sceaux, гдѣ онъ ее встрѣтитъ. Затѣмъ они пообѣдаютъ въ маленькой гостинницѣ возлѣ вокзала и съ послѣднимъ поѣздомъ двинутся дальше въ маленькій городъ въ лѣсистой долинѣ Бьевры, гдѣ они рѣшили прожить два дня.

Жюли велѣла поставить свою корзину въ вагонъ, чтобы ее не задерживали въ таможнѣ.

Наконецъ! Парижскіе огни! Жюли, несмотря на дождь, выглянула въ окно. На душѣ у нея было радостно, словно она возвращалась на родину. Она любила французовъ, любила звукъ ихъ рѣчи и картины французской природы, и грязные дома предмѣстій, и объявленія, и видъ улицъ. Поѣздъ, подходя къ Сѣверному вокзалу, замедлилъ ходъ. Носильщики въ синихъ блузахъ толпились у дверей вагоновъ.

— C'est tout, madame? Vous n'avez pas de grands bagages?

— Нѣтъ, ничего. Снесите это прямо на извозчика.

На вокзалѣ была толпа народу. Жюли спѣшила къ выходу, соображая, что сказать, если встрѣтитъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. По счастью, въ дорогѣ она никого не встрѣтила, вѣроятно потому, что ѣхала во второмъ классѣ и по желѣзной дорогѣ, и на пароходѣ. Но на Сѣверномъ вокзалѣ всегда множество англичанъ и Жюли въ нервномъ страхѣ почти бѣжала.

— Миссъ Ле-Бретонъ!

Она круто повернулась. Въ бѣломъ свѣтѣ электрическихъ фонарей она въ первую минуту не узнала того, кто окликнулъ ее, потомъ узнала и отшатнулась. Сердце ея такъ и заколотилось. Передъ нею былъ Джэкобъ Делафильдъ.

Лицо его было необычайно оживлено и выраженіе его было какое-то особенное: ее какъ будто ждали!

— Миссъ Ле-Бретонъ! Какая поразительная и счастливая встрѣча! У меня къ вамъ порученіе отъ Эвелины.

— Отъ Эвелины?—Жюли машинально подала ему руку.

— Погодите минутку,—сказалъ онъ, отводя ее въ сторону, по направленію къ гостиной, чтобы дать дорогу пассажирамъ, спѣшившимъ въ таможню. Затѣмъ онъ обернулся къ носильщику Жюли!

— Attendez un instant.

Тотъ сердито покачалъ головою, поставилъ чемоданъ Жюли на полъ и поспѣшилъ на поиски болѣе выгодныхъ пассажировъ.

— Я сегодня же ѣду назадъ, торопливо говорилъ Делафильдъ.— Какъ странно, что мы съ вами встрѣтились. Я вамъ привезъ печальную вѣсть. Съ лордомъ Лэкинтономъ нынче утромъ былъ ударъ, отъ котораго онъ уже не оправится. Врачи говорятъ, что онъ можетъ прожить самое большее двое сутокъ. Онъ настойчиво зоветъ васъ Я знаю это изъ длиннѣйшей телеграммы, полученной мною сегодня отъ герцогини. Но герцогиня думаетъ, что вы въ Брюгге. Она вамъ телеграфировала туда. Вы, конечно, вернетесь?

— Вернуться?—повторила Жюли, растерянно глядя на него.—Вернуться? Сегодня же?

— Поѣздъ отходитъ черезъ часъ съ небольшимъ. Я думаю, что вы еще застанете его въ живыхъ.

Она все еще съ недоумѣніемъ смотрѣла на него, на эти голубые глаза подъ тяжело нависшими бровями, на рѣзко очерченный ротъ съ такимъ властнымъ и въ то же время молящимъ или тревожнымъ выраженіемъ. Она чувствовала, что Делафильдъ съ замираніемъ сердца ждетъ ея отвѣта.

Жюли безпомощно правела рукой по глазамъ, словно стараясь закрыть ихъ, чтобы не видѣть толпы, станціи и этого молящаго, настойчиваго взгляда. Въ сердцѣ ея было отчаяніе. Какъ согласиться? Какъ отказать?

— А какъ же мои друзья,—пролепетала она,—къ которымъ я ѣду гостить? Они будутъ безпокоиться.

— Развѣ вы не можете дать имъ знать по телеграфу? Они поймутъ, конечно. Телеграфъ тутъ же, рядомъ.

Не зная, что дѣлать, она позволила увлечь себя въ телеграфную контору. Если бы она въ состояніи была наблюдать за человѣкомъ, который шелъ съ ней рядомъ, она замѣтила бы его блѣдность и страшное волненіе, скрывающееся подъ напускнымъ хладнокровіемъ.

— Дѣйствительно ли это такъ серьезно?—спросила она, все еще колеблясь.

— Это конецъ. Тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вы съумѣли глубоко затронуть его сердце. Эвелина пишетъ, что онъ жаждетъ васъ видѣть. А его дочь и внучка до сихъ поръ за границей,

во Флоренціи. Миссъ Моффатъ больна, у нея что-то въ родѣ дифтерита. При немъ только его сыновья. Вы поѣдете?

Даже въ своемъ смятеніи Жюли не могла не обратить вниманія на странность всего происшедшаго — его настойчивость, поразительная случайность, заставившая ихъ встрѣтиться, его властный, почти торжественный тонъ...

— Откуда вы узнали, что я здѣсь?

— Я не зналъ этого,—выговорилъ онъ медленно.—Но, благодареніе Богу, мы встрѣтились. Мнѣ страшно подумать, какъ вы устали, но вѣдь вамъ самой, навѣрное, пріятно будетъ увидѣть его въ послѣдній разъ, исполнить его послѣднее желаніе. Не такъ ли?—Голосъ его звучалъ умоляюще. — Вотъ и телеграфная контора. Хотите, я напишу за васъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я... мнѣ нужно еще придумать, какъ написать. Подождите меня, пожалуйста.

Жюли вошла одна. Когда она взяла карандашъ, съ губъ ея сорвался тихій стонъ. Господинъ, писавшій, стоя за сосѣдней конторкой, съ изумленіемъ обернулся. Жюли овладѣла собой и начала писать. Исхода нѣтъ; надо покориться. Все кончено!

Она послала телеграмму на имя начальника станціи, Gare des Sceaux, съ передачей Уоркворту, и другую, въ деревенскую гостинницу:

«Случайно встрѣтила на Сѣверномъ вокзалѣ м-ра Делафильда. Лордъ Лэкинтонъ умираетъ. Должна вернуться сегодня же. Куда писать? Прощайте».

Отправивъ телеграмму, она едва нашла въ себѣ силу выйти изъ конторы. Делафильдъ заставилъ ее взять его подъ руку.

— Вамъ надо что-нибудь съѣсть. Потомъ я возьму вамъ мѣсто въ спальномъ вагонѣ до Калэ. Сегодня не будетъ тѣсно. А въ Калэ, если вы позволите, я зайду къ вамъ.

— Вы тоже ѣдете сегодня? — Губы ея съ трудомъ выговаривали слова.

— Да. Я пріѣхалъ только вчера, съ моимъ кузеномъ.

Она больше не разспрашивала. Ей не бросилось въ глаза, что при немъ не было никакихъ вещей, ни мѣшка, ни саквояжа, никакихъ принадлежностей путешествія. Она такъ устала и чувствовала себя такой несчастной, что слушалась его безпрекословно. Онъ заставилъ ее проглотить нѣсколько ложекъ супу, потомъ выпить кофе. Прошло съ полчаса тягостнаго ожиданія; Жюли едва сознавала, гдѣ она и что дѣлается вокругъ нея.

Затѣмъ она очутилась въ спальномъ вагонѣ, въ отдѣльномъ купэ— одна. И снова мчался поѣздъ, разрѣзая мракъ. И каждая новая миля навсегда отдѣляла ее отъ Уорквортa.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОРГАНЫ И ИХЪ ОТПРАВЛЕНІЯ.

Рѣчь **Марея**, члена Парижскаго Института.

Главная цѣль біологическихъ наукъ заключается въ томъ, чтобы выяснить дѣятельность организмовъ животнаго и растительнаго міровъ. Внѣ этой задачи и зоологія, и ботаника представляютъ изъ себя только сухой перечень и сложныя номенклатуры; а зоологическіе музеи—безмолвныя кладбища, хранители тайнъ. Испытываешь впечатлѣніе точно отъ выставки недѣйствующихъ машинъ.

Физіологія оживляетъ всѣ эти живыя машины, показываетъ дѣятельность ихъ органовъ и открываетъ нашему уму чудную гармонію, которая царствуетъ повсюду между назначеніемъ живыхъ существъ и отправленіями, которыя они совершаютъ. Анатомія и физіологія нераздѣльны: одна — ничто безъ другой. А между тѣмъ, еще и въ настоящее время онѣ изучаются отдѣльно. Это происходитъ отъ того, что эти науки—не одного возраста: анатомія старше физіологіи на тысячи лѣтъ; она была въ большемъ почетѣ еще во времена Аристотеля, а экспериментальная физіологія, не считая нѣсколькихъ древнихъ попытокъ, выработалась только за послѣдніе три вѣка, въ періодъ между Гарвеемъ и Клодомъ Бернаромъ.

За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ физіологія встала на вѣрный путь; она поняла, что одно наблюденіе не можетъ охватить самыхъ существенныхъ фактовъ жизни — движеній, то медленныхъ, то быстрыхъ, но почти всегда очень сложныхъ, происходящихъ въ живыхъ организмахъ. Понявъ это, физіологія прибѣгла къ инструментамъ, похожимъ на тѣ, которые употребляются уже давно физиками, механиками, метеорологами. Она даже создала спеціальное орудіе для записыванія составныхъ частей движеній, которыхъ глазъ не можетъ схватить.

Сѣтчатка нашего глаза сохраняетъ нѣкоторое время образъ того предмета, который былъ передъ нимъ. Эта способность глаза удерживать изображенія является причиной множества иллюзій, сильно мѣшающихъ нашему наблюденію за движеніями. Записывающіе аппараты свободны отъ такого недостатка: они выражаютъ точно, съ помощью легко понятной кривой, характеръ движенія, которое они записали. Физика

механика разрѣшили множество вопросовъ съ помощью графическаго метода; физіологи поступаютъ такъ же; первые записываютъ движенія паденія тѣлъ, фазы давленія пара въ машинахъ, быстроту военныхъ снарядовъ, вторые зарисовываютъ кривую сокращенія мускуловъ, измѣненій давленія крови въ кровеносныхъ сосудахъ, быстроту неизвѣстнаго агента, передающаго по нервамъ приказанія воли.

Фотографія также дала физіологамъ средство съ помощью цѣлаго ряда моментальныхъ снимковъ зафиксировать всѣ переходныя положенія животнаго въ движеніи, наблюдаемомъ черезъ равные и опредѣленные промежутки времени.

Для потребностей физіологіи я придумалъ методъ хронофотографіи, который, принимая различныя формы, смотря по преслѣдуемой нами цѣли, можетъ изобразить фазы движенія.

Мы можемъ накладывать на одну и ту же чувствительную пластинку изображенія, которыя легко сравниваются между собою, или придавая этимъ изображеніямъ форму геометрическаго чертежа, или же зарисовывая траэкторію одной премѣщающейся точки. Въ другихъ случаяхъ на длинной полосѣ чувствительныхъ фотографическихъ пленокъ хронофотографія закрѣпляетъ послѣдовательные снимки какой-нибудь сценки, затѣмъ, отбрасывая полученные снимки на экранъ волшебнаго фонаря, мы возстановляемъ картину этого движенія. Самое остроумное и популярное примѣненіе этого метода было сдѣлано Люмьеромъ въ его кинематографѣ.

Съ помощью могущественныхъ орудій, которыми располагаетъ физіологія, она можетъ теперь идти рука объ руку съ анатоміей.

Она не думаетъ, конечно, примѣнять свои методы ко всѣмъ животнымъ, но только къ нѣкоторымъ изъ нихъ, для того, чтобы найти общіе законы и выяснить съ помощью ихъ различные частные случаи.

Законъ, регулирующій у всѣхъ животныхъ отношенія между характеромъ движенія и мускуломъ его производящимъ, очень простъ и сводится къ слѣдующему: чѣмъ больше мускулъ, тѣмъ бо́льшую механическую работу онъ производитъ.

Но работа можетъ принимать различную форму: килограмометръ, будучи произведеніемъ силы на пройденный путь, не заключается всегда въ поднятіи килограмма на метръ высоты, это можетъ быть и поднятіе 10 килограммовъ на 1 дециметръ или ½ килограмма на 2 метра. Слѣдовательно, чтобы произвести одинаковую работу въ этихъ различныхъ формахъ, необходимо, чтобы и мускулъ самъ имѣлъ различныя формы; чтобъ произвести грубое усиліе, надо толстый мускулъ, для длиннаго движенія надо и мускулъ длинный.

Міографъ выясняетъ эти отношенія въ слѣдующемъ опытѣ. Возьмемъ длинный мускулъ лягушки и, подвѣсивъ его за верхній конецъ, прикрѣпимъ къ другому концу маленькое остріе, которое можетъ чертить по вращаемуся цилиндру. Раздѣлимъ мускулъ поперечными линіями на

четыре равныя части и будемъ раздражать только одну нижнюю часть; мы получимъ сокращеніе мускула, укороченіе его на извѣстное разстояніе. Если же мы будемъ раздражать двѣ нижнія части, то сокращеніе будетъ вдвое больше; оно будетъ втрое больше при раздраженіи трехъ частей и вчетверо больше при раздраженіи всего мускула цѣликомъ.

Такимъ образомъ длинный мускулъ совершаетъ движеніе на протяженіи большаго пространства; прибавимъ еще, что толстый мускулъ, т.-е. такой, у котораго поперечный разрѣзъ имѣетъ значительный размѣръ, развиваетъ значительную силу. Это происходитъ отъ самого состава мускула, который въ своей красной или сокращаемой части состоитъ изъ пучка волоконъ, изъ которыхъ каждый развиваетъ извѣстную силу и сокращается на одинаковый кусокъ, приблизительно на $^1/_3$ своей длины. Такимъ образомъ эти двѣ формы мускула не могутъ замѣнять одна другую; никогда тонкій мускулъ не можетъ проявить большого усилія, а толстый дѣйствовать на большомъ протяженіи.



Рис. 1. Фламинго. Скелетъ его; крылья очень большія, грудная кость очень короткая и очень глубокая, что указываетъ на толщину и незначительную длину грудныхъ мускуловъ.

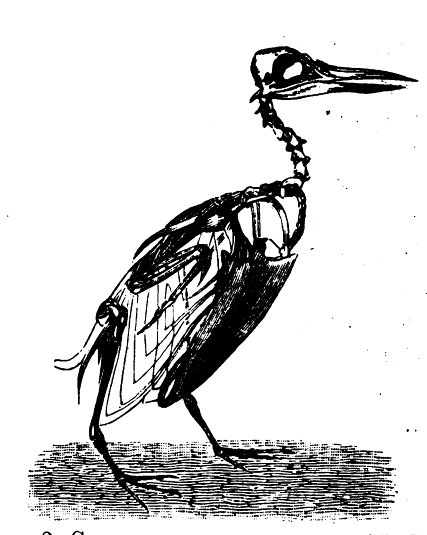


Рис. 2. Скелетъ пингвина, грудная кость очень длинная, крылья очень короткія.

Теперь, когда мы умѣемъ на живомъ животномъ измѣрять размѣръ движеній, которыя оно совершаетъ, мы можемъ угадать форму мускуловъ, участвующихъ въ движеніи. Впервые это отношеніе выяснилось для меня при изученіи полета птицъ. Хронофотографическія изображенія показываютъ ясно, что полетъ птицъ представляетъ два ясно выраженныхъ типа: однѣ птицы, снабженныя длинными крыльями, представляющими большую плоскость сопротивленія, дѣлаютъ небольшіе

взмахи; другія, съ маленькими крыльями, возмѣщаютъ слабость точки опоры размашистыми движеніями. Можно было предвидѣть, что первыя для приведенія въ движеніе своихъ широкихъ крыльевъ должны обладать толстыми и короткими мышцами, а вторыя—длинными и тонкими.

Вы поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ я отправился въ Музей, чтобы провѣрить вѣрность этого предположенія, и какъ я былъ доволенъ, когда увидѣлъ, что законъ, регулирующій отношенія формы мускуловъ съ формою движеній, подтвердился на всѣхъ птицахъ, выставленныхъ въ роскошныхъ коллекціяхъ нашего Музея.

По скелету птицы легко составить представленіе о формѣ и объемѣ грудныхъ мускуловъ, управляющихъ движеніемъ крыльевъ, такъ какъ боковыя части грудной клѣтки заполнены почти исключительно этими мускулами.

Сравнимъ скелеты двухъ птицъ, принадлежащихъ къ двумъ противоположнымъ типамъ. Фламинго съ громадными крыльями (рис. 1) обладаетъ короткой и толстой грудной костью; у пингвина съ очень короткими крыльями грудная кость длинная и тонкая.

Среди птицъ лучше всѣхъ летаетъ фрегатъ, крылья его громадныхъ размѣровъ, а грудная кость его наиболѣе короткая и наиболѣе глубокая сравнительно съ ростомъ птицы.

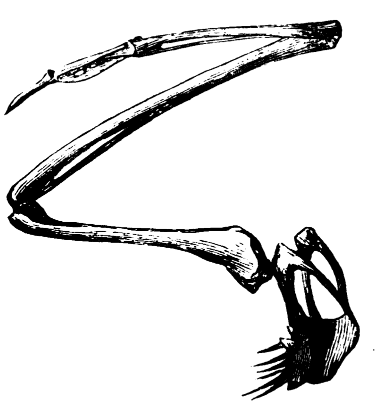


Рис. 3. Кости крыла фрегата и его грудная кость. Легко можно замѣтить, какъ незначительна длина грудной кости и какъ длинны крылья.

Какое бы животное мы ни взяли, мы повсюду наталкиваемся на полнѣйшую гармонію между формою мускуловъ и характеромъ регулируемыхъ ими движеній.

Одинъ разъ только мнѣ казалось, что я нашелъ исключеніе изъ этого правила. Это нога негра и нога бѣлаго; увѣряли, что нѣкоторые негры не имѣютъ икры. Дѣло въ томъ, что у нихъ мускулы не образуютъ, какъ у насъ, короткой и толстой икряной выпуклости, но вытягиваются въ видѣ тонкой ленты къ Ахиллесову сухожилью вблизи пятки.

Слѣдовало ли изъ этого заключить, что негры при ходьбѣ дѣлаютъ болѣе слабыя усилія, но зато болѣе длинныя движенія? Это было бы возможно только тогда, если бы пяточная кость была длиннѣе у негра, чѣмъ у бѣлаго. Но анатомія не указывала на такое различіе.

Я отправился въ антропологическое общество измѣрять на человѣческихъ скелетахъ длину пяточной кости.

У негровъ она, дѣйствительно, оказалась длиннѣе, и отношеніе выразилось въ цифрахъ 7 : 5. Громадная разница! Это сильно обрадовало меня. Законъ подтвердился на предполагавшемся исключеніи.

Такимъ образомъ, благодаря тѣсной связи данныхъ анатоміи съ данными физіологіи, мы нынѣ разрѣшаемъ такіе вопросы, которые не могли бы быть рѣшены этими науками въ одиночку.

Созерцаніе гармоническихъ отношеній между отправленіемъ и органомъ даетъ намъ не только чувство удовлетворенія, но и открываетъ новыя увлекательныя задачи для философіи природы.





Рис. 4. Нога негра.



Рис. 5. Нога бѣлаго человѣка.

Извѣстно, какое разногласіе существуетъ во взглядахъ на безконечное разнообразіе формъ живыхъ существъ. Я не буду говорить о знаменитыхъ спорахъ между тѣми, кто признаетъ созданіе существъ неизмѣнными въ ихъ свойствахъ, и тѣми, кто вѣритъ въ постоянное, безпрерывное измѣненіе органическаго міра, въ постоянное приспособленіе органическихъ существъ къ новымъ внѣшнимъ условіямъ.

Споръ этотъ до сихъ поръ былъ только обмѣномъ мнѣній безъ рѣшающихъ его доказательствъ; хотя трансформисты и имѣютъ въ пользу своей доктрины достаточное количество важныхъ аргументовъ, но все-таки пока имъ удалось доказать только большую вѣроятность своей теоріи, экспериментальныя доказательства отсутствовали.

Галилей, открывъ вращеніе земли, показалъ, что теорія эта гораздо проще и вѣроятнѣе объясняетъ кажущееся движеніе свѣтилъ, чѣмъ та, которая предполагала, что всѣ эти тѣла, плавающія въ безбреж-

номъ пространствѣ, вращаются вокругъ нашей скромной планеты ровно въ 24 часа. Наука ждала болѣе двухъ вѣковъ экспериментальныхъ доказательствъ теоріи Галилея.

Доказательство это было дано опытомъ Фуко въ Пантеонѣ.

Теорія трансформистовъ или эволюція органическихъ существъ требуетъ для своего подтвержденія тоже экспериментальныхъ доказательствъ. Если мы желаемъ получить ихъ, то мы должны съ помощью физіологіи и анатоміи показать:

1) Если органу приходится дѣйствовать въ новыхъ для него условіяхъ, то органъ этотъ измѣнитъ форму, чтобы гармонировать со своимъ новымъ отправленіемъ.

2) Измѣненіе это, происшедшее у одного индивидуума, можетъ передаваться по наслѣдству.

Въ нашемъ опытѣ дѣло идетъ о томъ, чтобъ нарушить существующую гармонію и вызвать новую. По ногѣ негра мы знаемъ, что длинная и плоская форма мускуловъ икры зависитъ отъ длины пяточной кости, и потому мы можемъ предполагать, что если мы уменьшимъ, отрѣзавъ кусокъ, пяточную кость, то произойдетъ укороченіе краснаго вещества мускула.

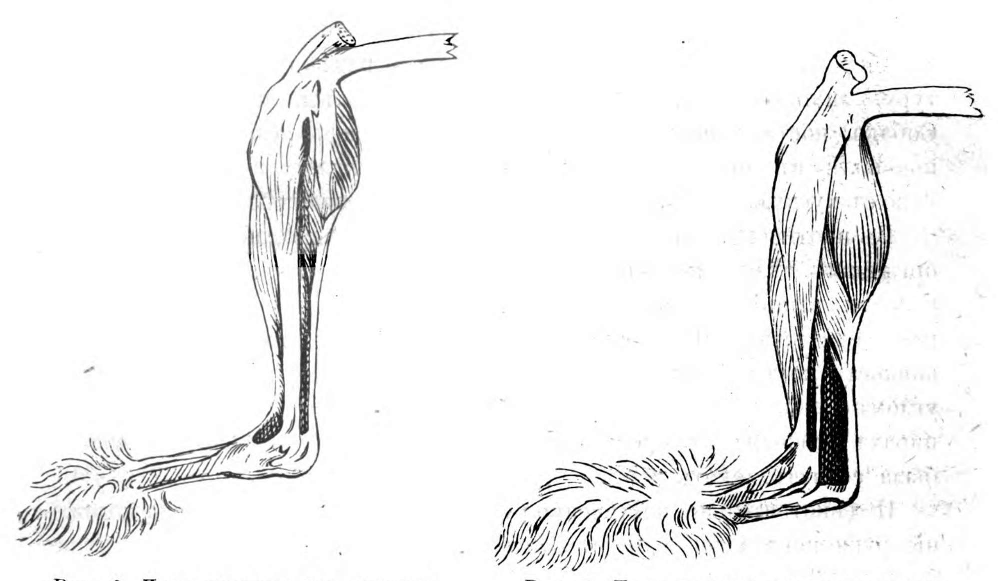


Рис. 6. Лапа кролика съ оперированной стороны.

Рис. 7. Лапа кролика съ нормальной стороны.

Нѣкоторыя животныя, кроликъ, напримѣръ, имѣютъ очень длинную пяточную кость и потому икра у нихъ опускается очень низко. Вотъ я и выбралъ кролика объектомъ опыта. Я вырѣзалъ пяточную кость съ правой стороны, залѣчилъ рану и выпустилъ кролика въ общество другихъ, гдѣ онъ вернулся къ своей нормальной жизни, возвратилась и его прежняя живость. Черезъ четыре мѣсяца ожидаемое измѣненіе

стало замѣтно на ощупь и продолжало все увеличиваться; черезъ годъ кроликъ былъ убитъ, и на лапкахъ его оказались измѣненія, которыя я предвидѣлъ.

Съ оперированной стороны мясистая часть мускула укоротилась на треть; сухожиліе сдѣлалось длиннѣе и замѣнило исчезнувшую часть мускула. Это измѣненіе формы поражаетъ насъ, когда мы сравнимъ измѣненную форму мускула съ нормальной (р. 7). Я повторилъ этотъ опытъ и надъ другими животными и съ такимъ же успѣхомъ. Опытъ этотъ возбудилъ живой интересъ среди заграничныхъ физіологовъ. Въ Германіи Іахаимсталь производилъ опыты надъ кошкой и получилъ такіе же результаты; онъ мнѣ прислалъ фотографіи, а затѣмъ и самые анатомическіе препараты.

Другой нѣмецкій физіологъ Ру дѣлалъ наблюденія надъ людьми и нашелъ много примѣровъ подобнаго приспособленія длины мускуловъ. Есть люди, которые впродолженіи многихъ лѣтъ страдаютъ болѣе или менѣе полнымъ анкилозомъ членовъ; у такихъ людей размахъ движенія болѣе ограниченъ. Въ распоряженіе Ру было 50 такихъ труповъ и онъ вездѣ нашелъ уменьшеніе длины мускуловъ, уменьшеніе, про порціональное сокращенію размаху движенія.

Провѣрка продолжается въ различныхъ формахъ. Фуксъ въ прошломъ году обнародовалъ очень интересный опытъ, гдѣ, не уродуя переднихъ конечностей, онъ заставилъ измѣниться ихъ мускулатуру, лишивъ собаку возможности пользоваться передними лапами. Собака, поставленная въ необычайныя для нея условія, обратилась поневолѣ въ прыгающее животное, и ея мускулатура пріобрѣла сходство съ мускулатурой кенгуру. Даже кости измѣнили свою форму и длину.

Въ противоположность господствующему мнѣнію, кость въ живомъ организмѣ является веществомъ пластическимъ, поддающимся механическимъ вліяніямъ, даже слабымъ, подъ условіемъ, чтобъ они были продолжительны. Мнѣ пришлось видѣть поразительный примѣръ такой ковкости кости. Хиругъ Вельпо попробовалъ согнуть подъ прямымъ угломъ анкилозный локоть. Рука была вставлена въ аппаратъ на шарнирахъ, причемъ стальная пружина, приведенная въ дѣйствіе, должна была согнуть локоть.

И дѣйствительно, постепенно рука стала сгибаться, и когда положеніе руки показалось удовлетворительнымъ, аппаратъ сняли. И что же оказалось? Анкилозъ локтя не измѣнился нисколько, но плечевая кость согнулась подъ прямымъ угломъ и тѣмъ вызвала перемѣну въ положеніи всего члена.

Съ тѣхъ поръ я убѣдился въ пластичности костнаго вещества. Вслѣдствіе нарушенія питанія, кость становится тоньше тамъ, гдѣ ее сдавливаютъ, вытягивается, когда ее тянутъ. Понятно поэтому, какимъ образомъ увеличеніе давленія въ аортѣ оказываетъ вліяніе на грудную кость и даже иногда разрушаетъ ее, какъ кровеносные сосуды мозга, соприкасаясь съ костями черепа, образуютъ на нихъ бороздки и т. п.

Стягиваніе корсетомъ измѣняетъ скелетъ женщины по капризу моды. У дикарей съ помощью извѣстнымъ образомъ расположенныхъ повязокъ измѣняютъ форму черепа у ребенка. Вотъ эта-то ковкость кости въ нормальныхъ условіяхъ жизни создаетъ на различныхъ частяхъ скелета углубленія и грани подъ давленіемъ мускуловъ, возвышенія съ помощью вытягиванія прикрѣпленныхъ къ нимъ сухожилій. Внимательное изученіе формы кости дастъ намъ возможность возстановить мускулатуру исчезнувшихъ животныхъ по ихъ ископаемымъ остаткамъ. Пластичность кости лучше всего проявляется въ суставахъ. Эти хрящевыя поверхности, форма которыхъ приспособлена къ извѣстнымъ движеніямъ, образовались частью подъ вліяніемъ самихъ этихъ движеній. Каждое животное обладаетъ по наслѣдству способностью исполнять различныя движенія, но способность эта совершенствуется съ годами. Такъ, если параличъ разбиваетъ половину тѣла ребенка, другая половина продолжаетъ расти и развиваться, и если такой ребенокъ проживетъ долго, то скелетъ его представляетъ поразительный контрастъ: одна половина, остановленная въ своемъ нормальномъ развитіи, не будетъ обладать тѣми приспособленіями, которыя развились въ другой половинѣ подъ вліяніемъ мускульной работы.

Хирургъ Геринъ описалъ недавно, что происходитъ при вывихѣ бедра, когда головка кости выскакиваетъ изъ предназначеннаго ей природой углубленія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ головка эта касается кости таза, образуется новое углубленіе, покрывается хрящемъ, полируется и получаетъ синовіальную перепонку; новое сочлененіе окружается связками и функціонируетъ почти въ совершенствѣ. Зная характеръ движеній, мы можемъ представить себѣ форму, степень изгиба и протяженіе суставныхъ поверхностей. Формы эти совершенно схожи съ тѣми, которыя мы получимъ отъ тренія по поверхности.

Мускулъ есть органъ, производящій механическую силу у живыхъ существъ, управляющій скелетомъ и приспособляющій различныя части къ лучшему исполненію движеній. Приспособленіями этими управляютъ простые законы; они даютъ возможность понимать, предвидѣть и вызывать экпериментальнымъ путемъ измѣненія формъ органовъ, измѣняя ихъ отправленіе. Самъ мускулъ регулируетъ свою величину и свою форму примѣнительно къ движеніямъ, которыя онъ производитъ привычнымъ путемъ. Но въ этомъ онъ только повинуется въ свою очередь нервной системѣ. Всѣ движенія организма задумываются, желаются, приказываются и регулируются въ нервныхъ центрахъ.

Что бы мы ни думали о дѣятельности нервной системы, не подлежитъ сомнѣнію, что жажда жизни и продолженіе рода внушаютъ людямъ большую часть поступковъ, которыя они совершаютъ. Вслѣдствіи постоянныхъ раздраженій, нервная система распоряжается мускулами, внушаетъ новыя движенія и, слѣдовательно, новыя формы.

Такимъ образомъ, когда зоологи открыли у морскихъ животныхъ (китообразныя) свойства, принадлежащія млекопитающимъ, они пришли

къ заключенію, что это прежнія земноводныя млекопитающія, которыя, найдя условія морской жизни болѣе удобными, постарались выучиться плавать и нырять.

Этотъ новый образъ жизни измѣнилъ ихъ органы, оставивъ въ рудиментарномъ состояніи ненужные для новой среды и развивъ, наоборотъ, необходимые. Не видимъ ли мы тоже самое и въ выше приведенныхъ опытахъ?

Чтобы доказать передачу по наслѣдству пріобрѣтенныхъ такимъ путемъ качествъ, мы наталкиваемся на особенныя затрудненія. Только время можетъ доказать это, потому что надо долгіе годы наблюдать за животными, подвергнутыми опыту.

Нѣсколько человѣкъ предприняли вмѣстѣ со мной подобные опыты. Предполагается прослѣдить нѣсколько поколѣній животныхъ, которымъ привили индивидуальныя измѣненія, и посмотрѣть на скелетахъ, передаются ли и совершенствуются ли эти измѣненія.

Трудно сомнѣваться въ успѣхѣ этихъ попытокъ. Аргументы, приводимые противъ передачи пріобрѣтенныхъ измѣненій, не выдерживаютъ серьезной критики. Говорятъ, напр., что животныя, подвергшіяся ампутаціи какого нибудь члена, производятъ совершенно нормальное потомство. Но вѣдь увѣчье не есть приспособленіе къ новымъ условіямъ жизни.

Настоящее приспособленіе требуетъ цѣлаго ряда физіологическихъ дѣйствій, въ которыхъ активно участвуетъ нервная система, направляя приспособляющую дѣятельность органовъ. Замѣчательные опыты Броунъ-Секара установили, что пораненіе нервныхъ центровъ или нервовъ вызываетъ за собою измѣненіе мускуловъ и костей скелета и что измѣненія эти передаются по наслѣдству; ему удалось прослѣдить это на цѣломъ рядѣ поколѣній. Остается только узнать, не можетъ ли продолжительное усиліе воли животнаго, безъ калѣченья нервной системы, произвести подобныя измѣненія. Что касается нашей расы, то сохранившіеся слѣды человѣка древнихъ вѣковъ указываютъ намъ, какъ мы далеко ушли отъ нашихъ первобытныхъ предковъ. Мы измѣнились въ лучшую сторону и будемъ продолжать совершенствоваться, какъ и все существующее вообще.

Отдадимся ли мы потоку, который насъ увлекаетъ? Надо думать, что при свѣтѣ естественныхъ наукъ мы съумѣемъ лучше найти, въ чемъ заключается совершенство физическое, умственное и соціальное, и свѣтъ этотъ поможетъ намъ достигнуть быстрѣе осуществленія идеала.

Перев. съ французскаго **Л. А.**

ИЗЪ ЖИЗНИ ШКОЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ПЕРВАГО ПРИЗЫВА.

Русская пореформенная начальная школа въ первое же десятилѣтіе своей жизни прошла самый разнообразный путь административныхъ къ ней отношеній. Общество никогда не было ей мачихой. Послѣ краткаго періода, когда всѣ чувствовали, что «мы тронулись, что пошли и идемъ», наступилъ другой—періодъ колебаній, неувѣренности, шаткости, за нимъ третій—періодъ уже замѣтныхъ внѣшнихъ препятствій. Не касаясь вопроса о положеніи начальной школы въ настоящее время, напомнимъ только, что уставъ 1864 года, выработанный при министрѣ народнаго просвѣщенія Головинѣ, отнесшемся сочувственно къ земству, совершенно ясно и довольно послѣдовательно проводилъ простую и справедливую мысль: устраиваетъ и ведетъ школу тотъ, кто ее содержитъ. Иное отношеніе было проявлено преемниками Головина. Такъ, гр. Д. А. Толстой началъ съ учрежденія инспекціи въ 1868 г., а затѣмъ, въ 1871 г., обнародована «инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ», которая подчиняла школьную жизнь стороннему надзору.

При объявленномъ вслѣдъ затѣмъ положеніи 1874 года приходилось работать піонерамъ просвѣщенія въ тѣхъ захолустьяхъ Россіи, гдѣ царили вѣковая темь и тишина. Надо къ тому же принять во вниманіе, что деревня въ лучшемъ случаѣ была равнодушна къ вопросу о той или иной организаціи школы. По совершенно вѣрному замѣчанію знатока дѣла, В. Петрова, «та школа, которая (теперь) предлагалась народу, до нѣкоторой степени отвѣчала идеалу ея устроителей; но идеалъ этотъ создался подъ вліяніемъ такихъ условій жизни, которыя были совершенно почти неизвѣстны народу. Требовать, чтобы народъ сочувственно отнесся къ предлагаемымъ ему школамъ, значило требовать отъ него правильной оцѣнки тѣхъ условій жизни, съ которыми давно уже освоились другіе классы общества, но съ которыми народъ только что началъ знакомиться, будучи до этого отдѣленъ отъ нихъ стѣною крѣпостного права» *)... «На новгородскомъ съѣздѣ учитель В. Алексѣевъ, въ своемъ рефератѣ о положеніи сельскихъ

---

*) „Новое Слово“ 1896—18997 г. № 2.

учителей, ставя вопросъ: «чего ждутъ крестьяне отъ новой школы?» отвѣчаетъ: «того же, чего ждали и отъ старой школы, т.-е. простой выучки письму и чтенію. Больше этого крестьянинъ ничего не ждетъ, а отсюда и взглядъ ихъ на новую школу тотъ же, что и на старую, даже еще хуже, потому что въ старой школѣ ихъ заставляли читать псалтирь, а не сказки, да и розгами сѣкли, отчего они были «скромнѣе», чѣмъ теперь. На другомъ съѣздѣ недовѣріе крестьянъ къ новой школѣ объяснялось отчасти тѣмъ, что для нихъ совершенно не понятны новые способы преподаванія и весьма страннымъ кажется обученіе чтенію не по церковно-славянской печати, а по гражданской. чтеніе послѣ прохожденія букваря не часослова, а статей изъ книгъ, изданныхъ для перваго года обученія».

Итакъ, съ какой стороны ни взглянуть на дѣло, нельзя не признать, что работа народныхъ просвѣтителей перваго призыва была весьма не изъ легкихъ и во многомъ требовала даже подвига. Имъ пришлось расчищать тѣ дѣвственные лѣса невѣжества, которые взростило крѣпостное право; на ихъ долю выпалъ первый жаръ сраженій съ крѣпостниками-помѣщиками: къ нимъ еще больше, чѣмъ къ современнымъ кадрамъ, могутъ быть обращены прекрасныя слова М. А. Стаховича, сказанныя восемь лѣтъ тому назадъ собранію елецкихъ земскихъ учителей:

«Вспомните только, что въ среднемъ за 15 рублей въ мѣсяцъ народная учительница или учитель въ глуши чужой деревни, въ темной, тѣсной, часто холодной избѣ, день за днемъ оставляетъ свои молодыя силы, здоровье, свою жажду жизни, свою вѣру въ счастливую жизнь, т.-е. именно то, что дѣлаетъ человѣка въ молодости такимъ сильнымъ. Остается въ этой избѣ все, что не уносится въ могилу, иногда такую раннюю. Вспомните при этомъ одиночество учителя, вызываемое не высотою занимаемаго положенія, а обособленностью его... Волостныя и сельскія власти склонны скорѣе отдавать ему приказанія, чѣмъ слушать его распоряженія. Вспомните, наконецъ, какой упорный трудъ требуется отъ народнаго учителя самимъ дѣломъ, которому онъ служитъ.

«Итакъ, вотъ пассивъ учителя: за 15 рублей въ мѣсяцъ эта каторжная работа, эти безпрерывныя лишенія, эти безцѣнныя жертвы. Всякому ясно, что это жалованье не оцѣнка труда, а выраженіе ужасной невозможности для платящихъ заплатить больше. Скептики обыкновенно добавляютъ: и тоже невозможность для получающихъ получить больше. Это—близорукое сужденіе. Если-бъ это была только вынужденная служба, ярмо, надѣтое крайностью, его несли бы съ ненавистью и проклятіемъ, уныло опустивъ внизъ голову. Среди такихъ служащихъ не встрѣчались бы любящіе свое дѣло, бодро шагающіе по своей жесткой дорогѣ съ поднятой кверху головой. При перечисленныхъ выше условіяхъ учительское дѣло уже не служба, не дѣятельность, а прямой гражданскій и духовный подвигъ. Этимъ и объясняется,

почему рядомъ съ состраданьемъ корпорація народныхъ учителей достойна высшей зависти. Въ ея рукахъ самое большое русское дѣло, потому что съ обученіемъ всегда связано начальное просвѣщеніе. Недаромъ еще Ярославъ Мудрый и его преемники, собираясь вводить въ область христіанство, сперва строили школы, а ужъ черезъ нѣкоторый срокъ—церкви. То, что вы вспашете умомъ и знаніемъ своимъ, вы же засѣете душою и чувствомъ. Ни одна нива не возвращаетъ такихъ урожаевъ. Народный учитель—это зерно, которое за 15 лѣтъ при 40—50 ученикахъ вознаграждается самъ 250. Народный учитель—это рабъ, который въ счетный день представитъ Господу сторицею порученный ему одинъ талантъ живого слова!» *)

Среди учащихъ перваго призыва была одна особенно интересная группа, теперь совершенно немыслимая, благодаря стороннимъ обстоятельствамъ, тогда довольно многочисленная. «Встрѣчались учителя, не проходившіе никакихъ «педагогическихъ курсовъ», учившіеся только въ бывшихъ волостныхъ школахъ. Это были просто грамотные люди, одаренные здравымъ смысломъ и добрымъ, любящимъ сердцемъ. Но они, эти педагогически невѣжественные люди,—сдѣлавшись учителями, стали настоящими педагогами, чутко понимавшими своихъ учениковъ и умѣвшими учить ихъ съ терпѣніемъ, кротостью и любовью» *). Этотъ контингентъ добровольцевъ особенно интересенъ, именно какъ показатель широкаго общественнаго настроенія, того остраго влеченія къ народу, которое, отличая почти весь учительскій персоналъ конца 60 и 70-хъ годовъ, въ нихъ отразилось наиболѣе ярко. Зная этихъ людей, мы знаемъ, какая была школа въ ту эпоху, какими внутренними достоинствами она блистала при всей своей бумажной «неустроенности». Съ этой точки зрѣнія мы и предлагаемъ подѣлиться съ читателемъ свѣдѣніями объ одной изъ такихъ дѣятельницъ перваго призыва.

Въ 1835 г., въ селѣ Березникахъ, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, у крестьянина Тимофея Малоземова родилась дочь Евдокія потомъ всю свою жизнь даже въ печати называвшая себя просто Авдотьей. Я не имѣю данныхъ о ея дѣтствѣ, отрочествѣ и юности. Съ уверенностью можно только сказать,что они были самыми обыкновенными для крѣпостной эпохи. 25-ти лѣтъ Малоземова, лишившись родителей и получивъ послѣ смерти кого-то изъ близкихъ родственниковъ наслѣдство, въ видѣ плохенькаго деревяннаго дома въ Петербургѣ, на 6-й ротѣ Измайловскаго полка, переѣзжаетъ въ столицу и здѣсь имѣетъ возможность заняться своимъ образованіемъ, скудно начатымъ еще въ родномъ селѣ у священника. Молодой умъ ищетъ знаній, юная душа—живой дѣятельности; появляются знакомые, какъ

*) „Русская Мысль“ 1896 г. № 12.
**) „Русская Школа“ 1899 г. № 7.

и водится въ Петербургѣ, самые разнообразные. Ближе всѣхъ она сходится съ Р. И. Доброхотовымъ, и тогда уже много работавшимъ членомъ интеллигентнаго общества; сердечное гостепріимство, встрѣченное ею въ семьѣ этого человѣка, помогло какъ нельзя лучше развитію голоднаго ума. Доброхотовъ принимаетъ въ Малоземовой самое дѣятельное участіе, снабжаетъ ее книгами, часто и подолгу съ ней бесѣдуетъ, самъ получая удовольствіе отъ духовной близости съ сильной, непосредственной натурой. Малоземова замѣтно растетъ. Крылья расправляются, хочется дѣла. Народное учительство—давнишняя мечта дѣвушки, не даетъ теперь ей покоя. Р. И. Доброхотовъ, ея «единственный другъ и благодѣтель», какъ онъ потомъ называется въ ея письмахъ, идетъ на встрѣчу этому желанію, и вотъ въ 1872 г. Малоземова принимаетъ школу въ имѣньи Т—на въ Лужскомъ уѣздѣ (Петербургской губ.). Ѣдетъ она туда съ совершенно пустымъ карманомъ: домъ давно проданъ, полученныя три-четыре тысчонки истрачены на помощь окружавшей ее бѣднотѣ, тоже ищущей дѣла. Кромѣ дыряваго платья и плохихъ сапогъ, ничего... Три года перваго учительства ее, однако, не удовлетворяютъ. Хочется работать при болѣе благоустроенной обстановкѣ. Р. И. устраиваетъ ей службу въ Царскосельскомъ земствѣ, и въ началѣ 1875 года Малоземова принимаетъ школу въ дер. Куровицахъ. Вотъ та атмосфера, гдѣ кровь начинаетъ циркулировать особенно быстро, гдѣ дѣло не даетъ спать больше четырехъ-пяти часовъ въ сутки... Постоянное общеніе съ Петербургомъ позволяетъ стать во главѣ иниціаторовъ двухъ обществъ для развитія образованія въ Россіи... Составляется «Букварь», пособіе для чтенія въ школѣ, пишутся статьи въ педагогическихъ журналахъ и нѣкоторыхъ газетахъ, издаются народныя брошюры... Жизнь кипитъ, захватываетъ безъ остатка. Иногда вздохнуть некогда... Желѣзный организмъ, однако, изъ живой ткани. Нѣтъ-нѣтъ да и сляжетъ беззавѣтная труженица.. А жить хочется, хочется страстно!.. Надо поправляться... Въ серединѣ 1879 г. Малоземова выходитъ въ отставку, но черезъ три мѣсяца возобновленныя кое-какъ силы не даютъ уже покоя. Трудно въ большой школѣ, надо взять поменьше—рѣшаетъ Е. Т. и съ конца того же года уже въ школѣ графа С. близъ села Орлина (Царскосельскаго уѣзда). Снова кипитъ работа... Послѣ трехъ учебныхъ годовъ врачи категорически запрещаютъ подобную дѣятельность, и, почти по требованію Р. И. она, внутренно разбитая, но все еще въ надеждѣ на будущую работу уѣзжаетъ на родину, гдѣ, пробывъ около году на постели, умираетъ 47 лѣтъ въ злѣйшей чахоткѣ...

Вотъ схема жизни этого человѣка, набросанная мною очень бѣгло только для того, чтобы въ дальнѣйшемъ не быть связаннымъ хронологическимъ способомъ изложенія массы деталей крайне интересной учительской жизни этой свѣтлой дѣятельницы перваго призыва. Воспроизведу ихъ преимущественно по громадной перепискѣ ея съ покойнымъ

Р. И. Доброхотовымъ, доставленной мнѣ его сыномъ. Кое-что собрано устно отъ ея хорошихъ знакомыхъ.

«Школа—храмъ», твердо вѣрила Малоземова и въ массѣ писемъ проводила этотъ взглядъ. Насколько глубока была эта вѣра, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго мѣста. «У меня къ вамъ есть большая просьба: не ходить въ шапкѣ въ школѣ у меня. Это сильно компрометируетъ меня, отнимаетъ свободу требовать, чтобы и парни, здѣшніе фабричные, снимали шапки, а что же будетъ за школа, если сберутся мальчишки и развалятся въ шапкахъ?! Отучая отъ этого, мнѣ часто приходится ссылаться на авторитетъ других. Напримѣръ, въ воскресенье художникъ Крамской и всѣ другіе взрослые были у насъ посмотрѣть школу, и всѣ шапки сняли, а двое гимназистовъ были въ шапкахъ. Тутъ же были и мои ребята. Я сейчасъ же попросила Крамского, чтобъ оказалъ на нихъ вліяніе и сдѣлалъ замѣчаніе... Вразумляя своихъ, я иногда говорю: «Хорошіе люди вездѣ порядокъ сохраняютъ, а мелочь фонъ задаетъ». Поэтому мнѣ не хотѣлось бы, чтобы или я вру, или мои лучшіе знакомые мелочь...» Извѣстный художникъ Крамской посѣщалъ школу Малоземовой нѣсколько разъ по рекомендаціи знакомыхъ съ цѣлью посмотрѣть на образцовую ея постановку.

Послѣ этого будетъ понятна естественность той горячей, беззавѣтной любви къ своему дѣлу, которая проходитъ черезъ всѣ письма Малоземовой. «Теперь очень трудно заниматься: все разнознаніе, около 30 человѣкъ да новичковъ около этого же, а ожидается и больше. Не принимать въ школу—стремленіе подорвать! А занять нечѣмъ: до сихъ поръ не выслали пособій необходимыхъ. Всѣ письменныя принадлежности свои израсходовала, книгъ нѣтъ! Ждемъ! Ждемъ, надрываю горло, больше нечего дѣлать. Какъ жаль, что въ прежней школѣ осталось моихъ книгъ много: здѣсь есть большіе ученики, надо бы пріучать къ охотѣ чтенія и нечѣмъ!» «Вышла такая исторія, что я по усердію осталась безъ листа бумаги! Школа здѣсь заводится еще, прислали разныя премудрости высшихъ наукъ, а существеннаго нѣтъ, т. е. книгъ, бумаги. Ребятишки торчатъ въ школѣ, жаждутъ дѣла, утомляются безъ дѣла, а изъ школы уйти не хочется! Ну и пришлось раздать всю бумагу, какая была у меня». «Съ ребятами здѣсь я подружилась: они всѣ мнѣ стали свои, даже чухны, не знающіе ни слова по-русски. Съ понедѣльника начну съ ними, не знаю, какъ пойдетъ... Странно, какъ мнѣ любо здѣсь въ новомъ мѣстѣ, какъ рвется душа все, все сообщить ребятамъ, выучить ихъ». «Сама я, кажется, на Пасху не буду въ Питерѣ, потому что пріятно здѣсь, въ своей семьѣ, семья у меня здѣсь удивительно хорошая. Блаженное состояніе не измѣняется. Ребята учатся хорошо, даже пятилѣтніе очень изящно (для нихъ) пишутъ, но для этого требуется много матеріала, неловко просить все въ земствѣ, а потому позвольте у васъ попросить на общее благо. То-то тогда будетъ веселье!» «Скажите, что дѣлать,

чтобъ общество-то вызвать къ участію въ народной школѣ? Вѣдь срамъ, что общество знать ихъ не хочетъ!.. Да вотъ что, вы говорите, у васъ перья есть старые. Окажите ими милость, перешлите мнѣ черезъ извозчиковъ».

По просьбѣ Р. И. Доброхотова, Малоземова хотѣла подготовить на званіе учительницы одну дѣвушку. Та, идя не по призванію, все оттягивала свой пріѣздъ въ Куровицы, мотивируя расходами. Вотъ что пишетъ по этому поводу Е. Т.: «она сообщаетъ, что у меня ей придется жить на свой счетъ, значитъ, она живетъ теперь, не заботясь о насущномъ. Ну, вотъ и причина ея тянулости. По нашему, коли надо, такъ рубаху продадимъ, а поѣдемъ». А вотъ что она пишетъ, когда «барышня изволили пожаловать»: «смѣшно мнѣ, какъ она говорила, что я для школы керосинъ свой жгу, расходую много, и мнѣ подъ старость не скопить!... Въ отношеніи школы она говорила, что вѣдь есть назначенное время, часы занятій, а я все, день и вечеръ, съ ребятами. Ей недоступно, что въ школѣ нужна душа, а за одно исполненіе формальности учительницъ нужно провожать на свободу!..» «Увы, я ее бѣдную не щадила и говорила очень рѣзко, что сначала дѣло, а потомъ жалованье»! Когда болѣзнь стала сильно донимать энергичную труженицу, она замѣчаетъ: «чувствую, что я дѣлаюсь хуже, черствѣе и не такъ восторженно люблю ребятъ!.. порчусь! И стараюсь исправляться. Отдаю школѣ все: мысль, время, деньги, а за симъ и душа слѣдуетъ; прежде у меня душа шла впереди, а теперь сзади...» «Вы себѣ не можете вообразить, какъ это пріятно, когда вы десятки человѣчковъ втягиваете, напримѣръ, въ ариѳметику или въ пониманіе изящнаго слова. Какъ это они вначалѣ, будто въ преддверіи, смотрятъ, слушаютъ, какъ потомъ постепенно дверь отворяется и для нихъ уясняется, что за порогомъ этой двери видно хорошее, любытное, или за душу хватаетъ! хочется разглядѣть поближе и они всей толпой бросаются чрезъ порогъ, хватаются, теряются, находятъ, и жизнь духовная кипитъ! Да, это наслажденіе и его я не промѣняю ни на какую оперу! Конечно, все это часами непрочно: отставшій ученикъ скоро забываетъ радости и горе школы, но вѣдь иначе и быть не можетъ!»

И, конечно, только эта глубокая любовь къ своему дѣлу могла дать почетное мѣсто такимъ, какъ Малоземова, въ начинавшей трудную борьбу съ невѣжествомъ школѣ. Знанія этихъ людей были очень ограничены. Учащіе учились вмѣстѣ съ учениками. Это не красивая фраза, а точное констатированіе крайне знаменательнаго факта. Элементарныя знанія самыхъ элементарныхъ учебныхъ предметовъ—о наукахъ и рѣчи быть не можетъ;—безграничная любовь къ дѣтямъ; твердо сознанная и проникавшая все существо учащаго необходимость приподнять завѣсу, отдѣлявшую вчерашняго раба отъ всего остальнаго міра; до болѣзненности ощущаемый долгъ передъ меньшимъ братомъ — вотъ отмѣтки, давшія имъ учительскіе дипломы. Земство и частныя

лица прекрасно понимали, что внесетъ такой учитель въ населеніе, и широко открывали ему двери только что устроенныхъ школъ. Документы, оставленные намъ Мамоземовыми, съ достаточной ясностью говорятъ о ихъ занятіяхъ. «Оказывается,—пишетъ Е. Т., принявшись за устройство вновь создаваемой и только что ею принятой куровицкой школы,—человѣкъ пять учениковъ, которыхъ прямо нужно готовить къ экзамену, а я не умѣю справиться съ дѣйствіями дробныхъ задачъ, но не думаю тужить: буду учить—выучу. Это не бѣда, а вотъ бѣда: прислали теллурій *), лунарій **), я ихъ первый разъ вижу и, увы! не имѣю понятія, и руководствъ никакихъ! Побаиваюсь сплоховать!» «Помогите мнѣ, Р. И., поучиться. Будьте благодѣтелемъ моего рвенія и 60 хорошихъ ребятишекъ, пришлите какое-нибудь руководство къ дробямъ, или Грубе, или есть руководства для уѣздныхъ училищъ изданія министерства. У меня есть задачникъ. Еще руководство по глобусу: я не смыслю объяснить градусы. Смерть хочется учиться. На нашей станціи почта, получаются и деньги, и книги. Ради Бога, помогите поскорѣе! Если увидите что и по другимъ предметамъ полезное, пожалуйста, пришлите. Надо бы мнѣ очень объяснить: день и ночь, зима и лѣто, я не знаю, отчего они, т.-е., какъ состояніе свѣтилъ и земли. Я все выучу, только бы было что учить». «Помогите поскорѣе рѣшить задачу: въ кассѣ парохода продано 120 билетовъ перваго и второго класса на 127 р. 8 к. Билетъ перваго класса стоитъ 1 р. 40 к., второго 78 к. Надо узнать, сколько продано билетовъ каждаго. Въ отвѣтѣ стоитъ 54 и 66. Не знаю, какъ дѣлать». «Рѣшать ваши задачи намъ не трудно, но изложить въ порядкѣ всѣ дѣйствія не умѣемъ. Напримѣръ, во время восьмидневной осады изъ каждой пушки сдѣлано въ день 75 выстрѣловъ, на порохъ издержано 90.720 руб. Пудъ пороха стоитъ 5 р. 60 к., на каждый зарядъ употреблено 4 ф. 16 лот. Сколько было орудій? Вотъ этакую штуку мы рѣшимъ, только у насъ въ одномъ углу умноженіе, въ другомъ сложеніе, а между ними кусочками и дѣленіе, и вычитаніе, и пр. Не вѣмы послѣдовательности въ изображеніи дѣйствій». «Не потрудитесь ли написать мнѣ рѣшеніе двухъ задачъ на 4 или 5 дѣйствій. Я не умѣю по формѣ, не знаю, гдѣ цифры слѣдуетъ послѣдовательно-то. У меня все кусочками. Какія-нибудь, но не легкія на цѣлыя бы числа и на именованныя». «Нынче была нужда учить ребятъ дробямъ и грамматикѣ по формѣ, тоже боялась, что старость помѣшаетъ, но выучила себя и ребятъ по руководству». «Долго я не писала вамъ, потому что надо не было. Но явилось другое надо, ужъ будьте добры не откажите въ урокѣ вашей внимательной ученицѣ. Дѣло въ томъ, что надо писать сіятельству, чтобъ получить съ него слѣдуемыя деньги,

*) Приборъ для нагляднаго объясненія движенія земли вокругъ солнца.
**) Приборъ для нагляднаго объясненія движенія луны вокругъ земли.

*

не платитъ да и все. У меня какъ-то нѣтъ подходящихъ для этого выраженій, а ваши меня просто очаровали. Вотъ и прошу васъ написать мнѣ не позже перваго побольше всякихъ складныхъ словечекъ, а я ужъ пойму, гдѣ и какъ ихъ вставить».

Самообразованіе было постояннымъ дѣломъ трудовой жизни Малоземовыхъ. Послѣдніе гроши онѣ тратили на пріобрѣтеніе книгъ, журналовъ, газетъ, пособій, часто просто учебниковъ. Этимъ людямъ всегда было ясно, какъ много нужно знать, чтобы стоять на высотѣ человѣческаго достоинства... И труды ихъ не пропадали даромъ, они давали сочные плоды. Вотъ что мы находимъ въ докладѣ членовъ отъ земства царскосельскаго училищнаго совѣта собранію сессіи 1878 года: «Чтобы помочь этому горю (обученію у «унтеровъ») впредь до учрежденія въ этихъ мѣстностяхъ постоянныхъ или временныхъ школъ, мы предполагали бы оказать тѣмъ обществамъ, въ которыхъ находятся такія школы, нѣкоторыя пособія отъ земства. Напримѣръ, въ куровицкой школѣ (учительница Малоземова) и другихъ есть дѣти 14—15 лѣтъ, прошедшія курсъ въ той же школѣ, выдержавшія экзаменъ съ отличіемъ и во время школьныхъ занятій помогающія учительницамъ въ школахъ заниматься съ учениками. Такія дѣти были бы гораздо полезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ въ занятіяхъ съ крестьянскими дѣтьми въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ школъ и гдѣ обучаютъ въ настоящее время упомянутые педагоги...»

Итакъ, Малоземовы выпускали учениковъ, формировали кадръ учителей и сами учились. Школа была тою лабораторіею, въ которой происходила постоянная внутренняя кипучая переработка сырыхъ продуктовъ народной нивы.

Какими же способами и путями достигали онѣ своихъ задачъ? Этотъ самъ собою напрашивающійся вопросъ представляетъ, разумѣется, большой интересъ. У этихъ піонеровъ не было знаній методикъ и дидактики, они не видѣли часто даже образцовъ въ собственномъ дѣлѣ, чувствовали на каждомъ шагу свою неподготовленность, но... у нихъ была душа, была безпредѣльная любовь и знаніе деревни. Вотъ ихъ помощники, если не всегда безошибочные, то во всякомъ случаѣ въ общемъ вполнѣ надежные. «Сейчасъ выдрала за волосы парня. Сегодня суббота, отпущены съ обѣда. Сколько толкую, чтобъ въ шапкахъ не были въ избѣ —все свое! Пришелъ къ хозяйкѣ одинъ за пилою, и я пришла. Сказала, чтобъ шапку снялъ, прошелъ въ другую комнату, гдѣ меня нѣтъ, и надѣлъ. Я подозвала и выдрала на память, даромъ что не мой ученикъ и взрослый, тѣмъ больше. Помню, какъ я пріѣхала, то стали ходить мимо школы да нарочно удаль свою показывать передъ новенькою. Но я разъ не обратила вниманія, другой, потомъ побесѣдовала съ ними и теперь краснѣютъ отъ простого замѣчанія и укоризны, а вѣдь всѣ взрослые, давно и школу забыли».

«До сихъ поръ у меня школа идетъ безъ пособій: только сегодня

получаются изъ Гатчино. Все пишутъ ребята. Или я очень хорошо объясняю, или ребята ужъ черезчуръ способны: въ недѣлю прошли предлоги, ѣ, точки, на сколько я знаю, они уже знаютъ. Просто не знаю, чему учить. Ариѳметику старшіе знали хорошо по старинѣ: мертвыя цифры: я сдѣлала три примѣра, объяснила суть задачъ, и они теперь у меня квадр. и куб. мѣры валяютъ! Да еще просятъ не помогать, сами хотятъ добиться! Сознательное письмо и чтеніе имъ при предшественникѣ было невѣдомо, теперь идетъ! Ужасно ихъ прельщаетъ самодѣятельность, которую я старательно прививаю къ нимъ. Прежде учились битые, въ слезахъ, а теперь въ смѣхѣ, пѣсняхъ и волѣ... Какъ я чувствую недостатокъ своей учености!» «Деру ребятъ за волосы, хотя рѣдко и не до слезъ, а бываетъ, больше потому, что толковать-то некогда, да и малы для теоріи. По поводу сего одинъ старшій шустрякъ и острякъ сказалъ мнѣ: «Безъ воли Божьей власъ съ головы не упадетъ, а по волѣ Авдотьи Тимоѳеевны падаютъ...» Вообще, мнѣ везетъ, любятъ они меня». «Ребята у меня удивительно послушны, имъ и въ голову не приходитъ, что не моя власть за школою. Играли въ бабки. Двое оказались несправедливы, на нихъ пожаловались. Я сказала, чтобы они два праздника не смѣли играть, и совершенно забыла. Вдругъ сегодня приходятъ ко мнѣ и спрашиваютъ, можно ли имъ играть... До того впилось въ нихъ сознаніе, что надо слушаться съ перваго слова! Вообще во всемъ удивительное направленіе и ровность такой большой семьи...» «Хорошо, что я мужицкаго рода! Очень полезны оказываются мои дѣтскія знанія, даже чтеніе псалтиря пригодилось, иначе вѣдь часто въ школу не заманишь, поневолѣ немного и его прочитываемъ».

«Теперь сообщить позвольте нѣкоторую оказію. Она не важна для васъ, пожалуй, но замѣтна. Вчера, т.-е. въ воскресенье, поѣхала я на трехъ лошадяхъ, вѣрнѣе на трехъ дровняхъ, съ 12-ю учениками за 15 верстъ въ село Орлино. Собралась со мною и другая учительница съ 6-ю ребятами. Изъ церкви мы, учительницы, пошли къ священнику, а взять всѣхъ ребятъ съ собою неудобно—много, а попъ не очень близкій знакомый. У нѣкоторыхъ ребятъ есть въ Орлинѣ родня, тѣ и ушли къ ней, другимъ на улицѣ холодно. Я дала имъ 20 коп. и велѣла въ трактирѣ купить поѣсть. Съ нами были два большіе парня, одинъ куритъ. Въ трактирѣ онъ предложилъ моимъ ребятамъ курить, четверо и покурили, одинъ изъ моихъ помощниковъ тоже курилъ, другой останавливалъ, но тѣ не послушались. Народу въ трактиръ собралось много и даже замѣтили, что куровицкіе школьники вотъ какъ! Надо вамъ сказать, что дома ребята не курятъ, а тамъ ихъ обуяло какое-то болванство. Какъ мнѣ быть, что мнѣ дѣлать? Сегодня объяснила старшему классу (40 чел.), что эта четверка положила пятно на честь нашей школы. Вѣдь наши ребята славятся улучшеніемъ, а оказалось?.. Младшая четверка порѣшила высѣчь другъ друга, стар-

шему, курившему, отказала отъ школы, старшему останавливавшему, но не достигшему цѣли, т.-е. допустившему зло, отказала отъ школы на недѣлю. Послѣ занятій сегодня младшая четверка принесла розги и сѣкли другъ друга, простить такъ я не считала возможнымъ. Оба старшіе начали просить, чтобы ихъ тоже высѣкли, некурившаго высѣкли всѣ курившіе по одному удару и удары не шуточные. Другой сильно былъ удрученъ, плакалъ и страдалъ со вчерашняго дня, я ему сказала наотрѣзъ вчера, чтобъ въ школу не ходилъ. Онъ просилъ уравнять его съ меньшими и тоже наказать. Простила его безъ наказанія именно за то, что сильно страдалъ... Ужасно все это неладно вышло. Ну, что мнѣ дѣлать, чувствую, что все это произошло не такъ, какъ бы слѣдовало, но не умѣю! Научите, мой дорогой, что мнѣ дѣлать въ такихъ случаяхъ».

Это мѣсто требуетъ особаго вниманія. Читателю совершенно ясно, что Малоземова по одному изъ коренныхъ вопросовъ воспитанія, вѣрнѣе—наказанія, стоитъ по ту сторону педагогики; ясно, что тѣлесными наказанія и она принижаетъ человѣческое достоинство своихъ учениковъ. Все это не можетъ не оставлять тяжелаго осадка въ душѣ при воспоминаніи о школѣ тогдашней эпохи. Да, но нельзя же забыть того, съ какой любовью она относится къ каждому малышу, какъ всѣми другими пріемами поднимаетъ въ нихъ человѣка. Въ результатѣ, я увѣренъ, читатель все-таки получитъ положительную величину, потому что надо же признать, что и до сихъ поръ тѣлесныя наказанія въ крестьянской семьѣ—способъ очень широко практикующійся. Малоземовы виноваты только въ томъ, что, сами будучи крестьянами, сами выросшія на режимѣ «таски» и розги, не съумѣли изгнать ихъ изъ школьной жизни и тѣмъ показать родителямъ ихъ ненадобность, но развѣ всѣмъ остальнымъ своимъ поведеніемъ онѣ не доказали, что̀ можетъ сдѣлать школа? Вотъ за это-то онѣ и не могутъ подлежать полному осужденію. Наконецъ, въ ихъ оправданіе говоритъ и собственнное признаніе, что все это не такъ, но что другого онѣ не умѣютъ... Не умѣютъ — не значитъ же еще, что не хотятъ...

Вотъ что пишетъ Малоземова изъ куровицкой школы, начавшей занятія въ серединѣ учебнаго года: «Завтра выпускной экзаменъ и аминь! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Надорвала я и ребятъ-то до нервозности: вѣдь двухгодичный курсъ махнули въ 50 учебныхъ дней! Что-то будетъ! А ужъ хочется троихъ выпустить. Завтра все рѣшится. Ребята-то молодцы, но только я ихъ захватила вдругъ и наполняла всѣмъ въ погонку, боюсь, не освоились, а знать-то все знаютъ. Только крестьянскіе сыновья и дочери и могутъ выдержать, не лопнувъ, глотая священную исторію обоихъ періодовъ, практическія задачи и самостоятельность письменнаго изложенія статей да знаки препинанія...» Такому налету на курсъ тоже нечего придавать обвинительное значеніе, во-первыхъ, потому, что, по показанію знакомыхъ

Е. Т., она была положительно чародѣемъ въ области передачи знаній ученикамъ. Выучить, напримѣръ, въ полчаса весь классъ пяти-шести буквамъ съ возможностью сливать ихъ въ слоги и слова—для нея было совершенно просто. Во-вторыхъ, надо принять во вниманіе требованія родителей, которые настаивали на прохожденіи курса за такой короткій срокъ, желая отдать ребятъ въ городское училище, что и дѣйствительно, было исполнено.

«Какъ ребята улучшились, узнать нельзя! Есть въ школѣ одна дѣвочка въ падучей болѣзни. Прежде, когда я еще не пріѣхала, какъ съ ней припадокъ, такъ всѣ окружатъ и смѣются. Нынче же припадокъ, и никто не шевельнется, напротивъ, участіе, уваженіе оказываютъ, а вѣдь этого не предвидѣлось, значитъ говорить и разъяснять не могла, не успѣла именно по этому поводу, а такъ ужъ: одно добро родитъ другое... Благодарное, святое наше учительское дѣло!»

«Дѣло въ томъ, что мои орлинцы малые черезчуръ воспріимчивы къ добру, не бывало еще примѣра у меня такого; годами достигалось то, что здѣсь часами! Вѣроятно, потому, что подготовлены, т.-е. была школа, но самая безобразная въ отношеніи жизни. Читаютъ-то бойко и ариѳметику знаютъ бывшіе и кончившіе въ прежней школѣ, но въ отношеніи жизни можете судить, что было, по слѣдующему факту. Учитель выдавалъ старшимъ ученикамъ листы бумаги и карандаши съ приказаніемъ толкаться у кабака, слушать все и записывать выдающіяся безобразіемъ бранныя слова! Что же могло быть въ такой школѣ!? Теперь же я боюсь, какъ бы мнѣ не впасть въ другую крайность, не наскучила бы имъ добродѣтель. Безъ размышленій поддаются, вѣрятъ на слово, сломя голову слѣдуютъ!.. Примѣры не ярки, все мелочные, но они глубоко чувствуются и сливаются въ цѣлое, составляющее громаду! Попробую, что помню, разсказать вамъ. Старшій классъ школы выходитъ окнами на улицу. Улица мимо школы идетъ въ гору съ озера. Изъ-за озера мужики возятъ дрова и прочее. Дорога растаяла, снѣгу почти нѣтъ, лошади тянутся, часто останавливаются, падаютъ, иногда бьются на землѣ. Я, конечно, объяснила, что ребята должны помогать, т.-е. толкать возъ, и при этомъ сказала, что кто больше заслужитъ «спасибо», тотъ лучше и добрѣе, и наоборотъ. И бросились мои ребята къ возамъ, человѣкъ двадцать подхватятъ его со всѣхъ сторонъ, и лошадь вбѣгаетъ въ гору легкимъ бѣгомъ! Вбѣгаютъ и мои ребята, отирая потъ съ лица, и съ восторгомъ повторяютъ, что мужикъ сказалъ много разъ «спосибо»... Словъ мало, надо видѣть ихъ искренній восторгъ! Довольство! На словахъ то у меня все это не описывается, но вѣдь я ихъ вижу! Конечно, здѣсь ужъ не имѣется въ виду потеря занятія: наше дѣло подождать и лучше часомъ затянуть, чѣмъ дѣлать изъ урока солдатское ученье... Но, что мнѣ очень, очень понравилось: стою у окна и вижу, дотянулся возъ

до школы и сталъ, мужикъ поглядываетъ въ окна да пальцемъ машетъ помощь... Еще. Въ школу, какъ я уже разъ писала вамъ, кажется, ходитъ дѣвочка, подверженная падучей болѣзни. При мнѣ у нея еще не было припадка, а въ прежней школѣ по три раза въ день было, и, какъ разсказываютъ ученики, когда съ ней конвульсіи, то ребята шумно подбѣгали и хохотали, смѣшно имъ было видѣть искаженіе. Недавно случился припадокъ, меня не было въ школѣ и никто не двинулся съ мѣста, только оглянулись и нѣкоторые съ содроганіемъ отвернулись, а двѣ дѣвочки стали поддерживать больную. Я съ ними по этому поводу совсѣмъ не бесѣдовала, какъ-то не успѣла, но тѣмъ лучшее доказательство общаго вліянія. Я попросила потомъ, когда вошла въ комнату, одного болѣе взрослаго мальца помочь намъ отнести больную на диванъ ко мнѣ, но малецъ сказалъ, что самъ дрожитъ, я взглянула на него, и вправду онъ былъ ужасно взволнованъ и глаза какъ-то блуждали. А прежде, еще мѣсяца три тому назадъ, онъ же больше всѣхъ хохоталъ. Конечно, не на всѣхъ удается дѣйствовать одинаково, но замѣчаютъ перемѣну въ себѣ и сами ребята. «Теперь мы совсѣмъ другія, насъ не узнать; прежде все щеголяли, кто хуже скажетъ да кто больше побьетъ дѣвчонокъ, а теперь такъ слушать тошно худыя слова, торопишься убѣжать поскорѣе»—вотъ что говорятъ мои ребята. Вошла въ силу поговорка: «Чѣмъ лучше быть—обиженнымъ или обидчикомъ?» и на ней самые озлобленные сокращаются, когда безсильный товарищъ вдругъ скажетъ: «А, ты хочешь быть обидчикомъ?!». Много такихъ искорокъ, которыя, сливаясь, составляютъ пламя, но всего не напишешь. Да, спасибо вамъ: шутя теперь удалось завести переплетную, и 10 книгъ уже готовы...»

Принявъ школу графа С. уже серьезно больной и разбитой, Малоземова принуждена была съ болью въ сердцѣ взять себѣ помощника. Первый оказался очень хорошимъ, но по какимъ то семейнымъ обстоятельствамъ уѣхалъ на родину, зато второй (ея дальній родственникъ) не мало доставилъ хлопотъ и огорченій. Изъ массы писемъ по этому поводу приведу только кое-что, наиболѣе характерное еще для обрисовки педагогическихъ пріемовъ Малоземовой.

«Вечеромъ говорю съ дѣвочками, вдругъ одна заявляетъ, что у помощника моего тяжелая рука. Спрашиваю и узнаю, что безъ меня онъ всѣхъ бьетъ! Да какъ! Зуботычинами и ладонью по лбу, а своего братишку по щекамъ при всѣхъ, такъ что скверно, тошно глядѣть со стороны! Позвала потомъ его и начала. Ну ужъ и наговорила я ему—будетъ помнить! А онъ мнѣ вдругъ: «Да, какъ же ихъ заставить слушаться?» Это ужъ, говорю, твое дѣло, на то ты психологіи и педагогіи въ институтѣ училъ. «Да вы же, говоритъ, бьете...» Ты еще не я! да и я худо дѣлаю, что бью, ты только худое-то и перенялъ!.. Толкуетъ, что я бью. Да, я бью, но никому больше

не дамъ этого; дѣти послѣ моей таски за волосы (это самое большое, что я себѣ позволяю) приходятъ и первые въ слезахъ просятъ прощенія. Одинъ мальчикъ сказалъ мнѣ, что когда я беру за волосы кого-нибудь, у меня дѣлается такое страдающее лицо, что они понимаютъ, что это я отъ души... Мнѣ кажется, это правда». «Я давеча вечеромъ была въ умиленіи и сама себѣ поклонилась! Пришли дѣвчонки и жалуются, что одинъ изъ подростковъ мальцевъ дѣлалъ передъ ними весьма неприличныя выходки, встрѣтясь съ ними въ сѣняхъ школы. Малецъ уже не ученикъ. Я позвала его къ себѣ и просто отъ души сказала, что запретить ему ничего не могу, а растолковать обязана; еще словъ десять моихъ и въ заключеніе: «Вѣдь, нехорошо сдѣлалъ, Вася?» «Нехорошо,— повторилъ онъ,—очень не хорошо» «Ты зналъ и раньше, но не подумалъ и теперь, конечно, не будешь больше?» Съ этимъ я подала ему руку (это у насъ всегдашній знакъ полнаго примиренія), онъ сказалъ: «Не буду», и обтеръ украдкой слезу... Эта слеза мнѣ страшно дорога, такъ дорога...»

Иллюстраціей задушевности и любви можетъ быть и такой разсказъ: «Вчера мнѣ ребята говорятъ, что малый мой ученикъ Андрюшка прибѣжалъ въ школу босой, неодѣтый и плачетъ, но не говоритъ, что случилось. Я позвала его и онъ сказалъ, что дома пролилъ масло, его хотѣли сѣчь, онъ и убѣжалъ. «Заступись за меня», заключилъ Андрюшка. Дѣло было къ вечеру. Я оставила его у себя, а сама пошла къ матери, сказала, что отдамъ масло, только бы мальчикъ не былъ наказанъ. На утро пришелъ его старшій братъ, принесъ одежду и вздумалъ пугать Андрюшку, что его выдерутъ. Мальчикъ вмѣсто дома побѣжалъ къ озеру, въ лѣсъ. Я послала сказать матери и поругала ее. Она едва догнала мальчика».

«Книга—вотъ лучшій другъ и воспитатель»—вѣрила Малоземова и всѣ силы прилагала, чтобы дать ученикамъ здоровое чтеніе. Но министерскіе каталоги и тогда не давали простору удовлетворенію вполнѣ нормальной потребности. «Прислали въ школу изъ управы книгъ, но ужасно мало и слабо. Старшіе ученики вѣдь выше сказочекъ, что я съ ними буду дѣлать?!» «Жаль! Книгъ нѣтъ народныхъ для развитія вкуса и любви къ чтенію, хромаетъ литература въ этомъ, а потребность-то какъ велика! Вѣдь просто волосы дыбомъ становятся, что здоровому уму дать нечего, вездѣ только и слышишь «нельзя, да нельзя». «Вначалѣ здѣсь читали кое-какъ сказки, а теперь вкусъ развился, чуютъ таланты и ужасно увлекаются Пушкинымъ, Григоровичемъ, все свободное время только и дѣлаютъ, что читаютъ... И каюсь, не могу я этихъ каталоговъ выдержать, вѣдь это же издѣвательства надъ духомъ человѣка!» «Вчера кончили читать «Василису Мелентьеву». Сегодня фабричные читаютъ, хоть не всѣ, но 6 человѣкъ, сидятъ и не скучаютъ въ школѣ, находятъ пріятнымъ. Это великое дѣло. Я нынче нахожу полезнымъ читать ребятамъ житія святыхъ, отчасти

потому, что считаю необходимымъ поддержать вѣру въ нихъ, а съ другой стороны, польза житій въ томъ, что тамъ все герои такъ или иначе, сила воли страшная, которой по каталожнымъ книжечкамъ нѣтъ. Да что тамъ есть, кромѣ счета ногъ да позвонковъ у животныхъ! Вообще, ужасно нечего читать ребятамъ и взрослымъ!..» «У меня притонъ молодежи и спѣвки. Все это безпокойно для бабъ, а очень полезно для молодежи; въ нихъ сглаживается неладное и даже кутежей, гульбы не стало въ селѣ. Споры о вольнодумствѣ указываютъ на броженіе умовъ. Читаютъ Бокля, Писарева, газеты... Всему этому я страшно рада».

Устраивались школьные спектакли. Ставился «Иголкинъ», «Женитьба» и нѣкоторыя другія пьесы. Вообще, развлеченіе учениковъ было одной изъ серьезныхъ и постоянныхъ заботъ Малоземовой. То отправляется съ ними въ экскурсію, то поѣдетъ въ Царское, то устроитъ чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, то съ помощью своей пріятельницы, Ю. А. Варгуниной (сестра покойнаго Н. А.), устроитъ въ школѣ елку и сама, на пятомъ десяткѣ лѣтъ, пляшетъ вокругъ поочереди со всѣми ребятишками «своей» семьи...

Отношеніе земства къ школѣ и къ Малоземовой уже кое-гдѣ проглянуло, приведу еще нѣсколько черточекъ. «Земство съ дивнымъ довѣріемъ и почтеніемъ ко мнѣ относится». Такая фраза въ разныхъ варіаціяхъ попадается довольно часто. «19-го было открытіе новой школы. Членъ земской управы Т. былъ. Первая его фраза ко мнѣ: «Очень пріятно васъ видѣть и вѣрить, что вы у насъ служите». Такія отношенія земства, очевидно, были причиной устройства совѣщаній учащихъ уѣзда. «30-го мы собираемся въ Кузьминѣ, постараемся всѣмъ уѣздомъ и потолкуемъ о нашихъ дѣлахъ и потомъ сообща представимъ свое мнѣніе въ земское собраніе. По моему, эта моя мысль должна найти живой отзвукъ въ товарищахъ и земцахъ». Какъ читатель уже знаетъ, благодаря болѣзни осенью, 1879 г. Малоземовой пришлось оставить царскосельское земство. «Земство наше привело меня въ умиленіе: я ушла изъ него, а оно мнѣ пожаловало 150 р. на поправку, т.-е., чтобы я могла отдохнуть. Посѣтили меня даже предсѣдатель управы и инспекторъ. Даже стыдно принимать такое къ себѣ участіе! Вѣдь воздать не смогу, если выздоровлю, ну а умереть веселѣе при такихъ обстоятельствахъ...» «Вчера я получила оффиціальную благодарность за учительство отъ царскосельскаго земскаго собранія. Сказано, что, по свидѣтельству членовъ училищнаго совѣта, собраніе постановило благодарить меня и выдать 150 р. за потерю здоровья на его службѣ. Писано это все отъ имени предводителя дворянства, онъ же предсѣдатель училищнаго совѣта». Немного спустя: «Знаете ли вы, что я превознесена паче всѣхъ, всѣхъ ученыхъ учительницъ и учителей: губернское собраніе назначило мнѣ пенсію въ 150 р. и единовременно 300 руб.! Небывалый примѣръ!... Положа руку на сердце, я

должна сказать, что есть лучшіе, достойнѣйшіе, есть и нужды больше моихъ, но страшно пріятно, что люди видѣли, какъ я изъ кожи лѣзла, пока могла!»

Иначе относилось къ ней духовенство. Малоземова была непріятна имъ своимъ рѣзкимъ, но всегда правдивымъ языкомъ и строгостью требованій аккуратнаго выполненія обязанностей законоучительства; она безъ всякихъ разговоровъ сообщала управѣ, что такому-то попу не платите, совсѣмъ не бываетъ въ школѣ. Вотъ, между прочимъ, что она пишетъ изъ школы графа С. «Сдурѣлъ мой попъ. 15-го числа созвалъ сходъ орлинцевъ и написали приговоръ, что учительница въ графской школѣ, т.-е. я, не хороша. Такъ, ни съ чего. Вся штука въ томъ, что всѣ ему кругомъ должны, а я не велѣла пускать въ школу его мальчишку...»

Сами же крестьяне не называли Малоземову иначе, какъ «наша благодѣтельница», и были совершенно правы. Мало того, что она творила великое благо въ стѣнахъ своего храма, она все время о комъ-нибудь хлопотала, въ каждомъ письмѣ за кого-нибудь просила, всегда кого-нибудь устраивала. То подастъ въ Воспитательный домъ прошеніе объ усыновленіи ею его воспитанника *), то проситъ принять дворникомъ, кухаркой Марью, горничной Степаниду, въ мастерскую Савелья, кучеромъ Николая и такъ безъ конца. То пишетъ прошенія и жалобы, составляетъ крестьянамъ письма, отписывается за старосту передъ становымъ. Тамъ растолкала священника отъ трехлѣтняго сна съ приходскимъ попечительствомъ и на собранныя деньги открыла негласно маленькую богадѣльню. Здѣсь обрыскала весь Петербургъ, чтобы пристроить въ пріютъ несчастнаго глухо-нѣмого. Одной барынѣ, взявшей изъ Куровицъ прислугу, но дурно съ ней обращавшейся, пишетъ: «У васъ жить порядочному человѣку нельзя. Вѣдь вы все, какъ и многіе, считаете прислугу машиной, не признаете, что у нея должна быть жизнь, хоть и трудовая, но вполнѣ человѣческая и разумная...» Много хлопотъ было положено на организацію изъ школьниковъ артели газетчиковъ на ст. Сиверской и Дивенской (Варшавской дороги), она

*) Воспитанникъ Петербургскаго Воспитательнаго дома Илларіонъ Ивановъ, родившійся 1862 года и находившійся въ домѣ подъ № 20, воспитывался въ д. Куровицы, Царскосельскаго уѣзда, Рождественской волости, въ настоящее время находится той же волости въ д. Лампово работникомъ у крестьянина. Зная Иванова уже 4 года, убѣдясь въ его нравственности и способностяхъ, я желала бы доставить ему возможность сдѣлаться черезъ два года сельскимъ учителемъ и дать ему для этого хотя въ нѣкоторой степени побольше знаній и образованія и практическаго навыка для занятій въ школѣ. Для достиженія этого необходимо исключеніе Иванова изъ числа воспитанниковъ дома. Я согласна усыновить его, а земство обѣщаетъ выдать мнѣ 50 руб. для представленія въ обезпеченіе будущаго Иванова, и, кромѣ того, земство нынѣ уже оставитъ его помощникомъ при моей школѣ съ небольшимъ содержаніемъ, если будетъ на это разрѣшеніе дома, о которомъ и прошу покорнѣйше».

же была и старостой ея. А какая масса просьбъ о платьѣ и сапогахъ для «своихъ» дѣтей! Почти въ каждомъ письмѣ къ Р. И. Доброхотову Е. Т. благодаритъ его за присланное: «По вашему, хламъ, по нашему, еще годъ носить можно, спасибо!» И вѣдь всѣ эти хлопоты вырисовывались на фонѣ полнаго безкорыстія и необыкновенной доброты. Уже самая исторія денегъ, полученныхъ за домъ, показываетъ, что этотъ человѣкъ не умѣлъ чего-нибудь жалѣть. Сколько разъ, бывало, ея послѣднія сорочки шли на пеленки, юбки—на кофты сосѣдкамъ и т. д. Кто видѣлъ Е. Т., тотъ всегда думалъ, что передъ нимъ совершенно обнищавшій человѣкъ, до того былъ плохъ ея собственный костюмъ. За все свое учительство Малоземова ни разу не пожаловалась на мизерное жалованье... Спартанскій образъ жизни не требовалъ большаго, были даже излишки... Къ ней собирается семья Р. И. на нѣсколько дней погостить въ деревнѣ. Вотъ что она пишетъ по этому поводу: «Тарелокъ у меня нѣтъ, чашекъ тоже, а то можно взять у кого-нибудь на время, вилка одна, ножъ одинъ, салфетокъ нѣтъ, кастрюли двѣ, простынь и подушекъ не водится, и я лишеній не чувствую...»

Нельзя умолчать о литературной дѣятельности Малоземовой. Какъ только она стала чувствовать подъ собою нѣкоторую почву, какъ только пріобрѣла опытъ въ своемъ дѣлѣ, такъ ее страшно потянуло дѣлиться кое-чѣмъ съ другими, дать выходъ своимъ думамъ и чувствамъ. Страсть къ писанію, но не графоманство, у нея иногда доходила до болѣзненности. Уже въ 1875 г., пользуясь знакомствомъ съ княземъ Оболенскимъ, владѣльцемъ типографіи, она выпускаетъ новой системы «Букварь для пособія въ сельскихъ школахъ при начальномъ обученіи грамотѣ» (Спб., цѣна 5 коп.), вполнѣ одобренный г. Рашевскимъ и другими замѣтными педагогами. Не мало съ нимъ было хлопотъ совершенно неопытной Малоземовой. Сначала «Букварь» былъ переданъ ея пріятельницѣ Марко-Вовчку (М. А. Марковичъ), благодаря ея участію, онъ и дошелъ до кн. Оболенскаго. Черезъ нѣкоторое время было составлено и другое пособіе для класснаго чтенія, переданное тоже г-жѣ Марковичъ, но ни въ бумагахъ, имѣющихся въ моемъ распоряженіи, ни по личнымъ разспросамъ, ни въ публичной библіотекѣ я не нашелъ ни его, ни слѣдовъ его и потому не могу сказать что-нибудь опредѣленнѣе. Отношенія съ Марко-Вовчкомъ у Е. Т. были самыя пріятельскія. Почтенная писательница цѣнила ее, какъ въ высшей степени дѣятельную непосредственную натуру, какъ энергичную работницу на нивѣ народной... Разумѣется, первый удачный опытъ съ «Букваремъ» не могъ не окрылить надеждъ. «Пожалуйста,—пишетъ вскорѣ Малоземова Р. И. Доброхотову,—проведите меня на путь литературы!.. Не говорю настоящей, большой, но скромной, труженической, рядовой!.. Въ ожиданіи опредѣленія моего въ школу набросала исторійку, ее у меня купилъ Оболенскій за 15 руб. Видно, что я смогу,

но пути нѣтъ безъ вашихъ совѣтовъ и указаній...» Аналогичныя просьбы попадаются очень часто. Р. И., чѣмъ могъ, помогалъ Е. Т., много писалъ ей по поводу ея опытовъ, руководилъ нѣкоторыми ея работами... За послѣднія семь лѣтъ своей жизни Малоземова писала деревенскія сценки съ натуры, издававшіяся кн. Оболенскимъ подъ псевдонимомъ; составляла стихи къ дешевымъ народнымъ картинкамъ; сотрудничала, но тоже подъ псевдонимомъ или просто безъ подписи, въ «Семьѣ и Школѣ» г. Симашка, получая за это 30—40 руб. за листъ и всѣ эти деньги отдавала на школу; кое-что посылала въ «Недѣлю»; продавала кое-какіе народныя брошюры кн. Оболенскому и т. д. Благодаря ея скромности и застѣнчивости, ничего изъ ея произведеній за полной фамиліей мнѣ отыскать не удалось.

Въ одномъ изъ предпослѣднихъ писемъ, отъ 1880 г., читаемъ: «Въ одну ночь изъ трехъ послѣднихъ, когда я была здорова, мнѣ вздумалось написать стихи. Долго не удавалось начало, но все прилагаемое написала впродолженіи двухъ часовъ, надо бы кончить получше, не умѣю.

19 Февраля.

(19 февраля 1855 — 19 февраля 1880 гг.).

Великій день Россія ждетъ
И торжество давно готовитъ,
Дѣлами добрыми почтетъ,
Благодѣяньемъ славословитъ,
Какъ будто всѣ края земли
Родной Россіи необъятной
Однимъ лучомъ озарены
И теплотою благодатной!
Вездѣ готовы приношенья,
Чтобъ нужды, горе утолить,
И юности помочь въ ученьи,
И старость слабыхъ облегчить.
Примѣръ возвышенъ и великъ
Всѣхъ озарилъ, одушевилъ,
Единый духъ вездѣ проникъ,
Когда самъ царь его внушилъ.
Да, знаменита четверть вѣка,
Благословила насъ судьба,
Освободилъ царь человѣка,
Исчезло званіе раба!
Да, царь, раба освобождая,
Въ немъ человѣка признавалъ
И, равноправья достигая,
Въ рекрутствѣ всѣхъ онъ приравнялъ.
Самодержавною рукою
Онъ къ правдѣ двери отворилъ
И судъ, покрытый темнотою,
Зарею свѣта озарилъ.

При немъ рабовъ исчезли стоны,
Конецъ положенъ истязаній,
Явились милости законы
И нѣтъ тѣлесныхъ наказаній!

Не придавая этому стихотворенію никакого литерарурнаго значенія, мнѣ кажется, оно до нѣкоторой степени характеризуетъ автора, и, во всякомъ случаѣ, интересно при сопоставленіи его образовательнаго багажа. Оно интересно, какъ показатель настроенія и любви къ эпохѣ реформъ, которая возродила и автора, бывшую березниковскую крѣпостную.

Но и это все не удовлетворяетъ ярую поборницу народнаго просвѣщенія. Въ ея головѣ были грандіозные замыслы, хотѣлось разбудить русское общество, привлечь его къ служенію народу. Одинъ изъ плановъ особенно волновалъ Малоземову. Она прекрасно знала, какъ велика нужда народа и какъ все-таки незначительны средства, которыя земство можетъ дать на ея удовлетвореніе. Нужна широкая помощь общества. И вотъ зимой 1878 г. начинается работа. На послѣдніе гроши Малоземова еженедѣльно ѣздитъ въ Петербургъ, пишетъ массу писемъ тому, другому, третьему, и съ помощью Р. И. Доброхотова ей удается, наконецъ, съ организовать кужокъ для выработки проекта устава. Ближайшее участіе въ немъ принимали: Н. А. Варгунинъ, Ю. А. Варгунина, А. П. Философова, А. И. Кривцовъ, В. И. Герардъ и еще двое-трое. Собранія для выработки проекта происходили сначала на квартирѣ Р. И. Пріѣзжали и коллеги Малоземовой.

Приведу въ заключеніе два письма А. П. Философовой къ Р. И. Доброхотову, служащія къ освѣщенію дѣятельности этой замѣчательной личности.

«Пожалуйста, пришлите мнѣ какъ можно больше экземпляровъ проектируемаго устава. Послали ли къ городскому головѣ П. Л. Корфу? Мой совѣтъ заблаговременно разослать ко всѣмъ членамъ думы и земства, прося возвратить съ замѣчаніями. Пусть отсылаютъ ко мнѣ на квартиру или привезутъ въ собраніе. Главное теперь надо заинтересовать этимъ дѣломъ будущихъ членовъ общества, а только тогда заинтересуются, когда спросить совѣта: человѣческая слабость; знаю ее по опыту.» «Очень и очень благодарна вамъ за присылку уставовъ. Не угодно ли будетъ вамъ назначить засѣданіе нашего комитета въ среду, 14-го марта, къ 8 час. вечера. Ежели вы согласны, то разошлите приглашенія, указавъ мой адресъ для собранія: Мойка, 94, у Поцѣлуева моста. Чтобы подвинуть все это дѣло, я полагала бы передать уставъ въ руки надежнаго адвоката, какъ, напримѣръ, В. Н. Герардъ, который передъ собраніемъ просмотритъ еще уставъ съ юридической точки зрѣнія и предложитъ его въ окончательной формѣ. Градоначальнику я тоже дамъ знать о днѣ собранія, чтобъ не было придирокъ; онъ намъ тоже можетъ быть полезенъ въ этомъ великомъ дѣлѣ».

Въ результатѣ энергичной работы сплоченнаго кружка въ маѣ 1879 г. въ министерство народнаго просвѣщенія былъ представленъ печатный проектъ устава «Общества для вспомоществованія народнымъ училищамъ и для распространенія оныхъ». Цѣль общества состояла «въ подержаніи денежными или вещевыми пособіями всякаго рода школъ или училищъ для народа, которыя будутъ нуждаться въ томъ, а также въ содѣйствіи открытію таковыхъ вновь, и вообще въ оказаніи воспособленія дѣлу народнаго образованія». Для этого предполагалось: «а) доставленіе народнымъ училищамъ всякаго рода учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей; б) доставленіе средствъ на содержаніе учащихъ и для воспособленія учащимся къ посѣщенію училищъ; в) устройство при училищахъ библіотекъ для учащихся, а также для учащихъ и для взрослаго населенія; г) постройка и ремонтъ зданій для народныхъ училищъ или выдача на это денежныхъ и матеріальныхъ пособій и д) всякіе другія, не противныя законамъ и распоряженіямъ правительства, мѣры, клонящіяся къ успѣшному распространенію народнаго образованія». Каждый, уплатившій въ годъ 5 рублей, независимо отъ пола, состоянія и званія, считался членомъ общества. Совѣтъ находился въ Петербургѣ, филіальныя отдѣленія повсемѣстно въ провинціи. Какъ видитъ читатель, общество ставило себѣ цѣлью дополнить функціи комитетовъ грамотности.

Но не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать судьбу проекта у гр. Д. А. Толстого... Однако, первой неудачей нельзя было «осадить» Малоземову. Она снова начинаетъ бурлить и ворошить кружокъ, снова хлопоты, снова кипучая работа и вотъ незадолго до ея смерти, въ серединѣ 1881 г., въ министерство поступаетъ проектъ устава «Общества содѣйствія народному образованію въ Россіи». Къ предметамъ его дѣятельности относилось: «а) учрежденіе всякаго рода народныхъ училищъ и завѣдываніе ими; б) доставленіе средствъ на устройство и содержаніе народныхъ училищъ, доставленіе въ народныя училища классныхъ и учебныхъ пособій, а также пособія учащимъ и учащимся въ нихъ; в) устройство народныхъ чтеній, читаленъ и библіотекъ; г) всякія другія, не противныя законамъ и распоряженіямъ правительства, мѣры, содѣйствующія народному образованію». Тутъ нельзя не найти сходства съ тургеневскимъ проектомъ «Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія», внесеннымъ въ 1861 г. въ петербургскій комитетъ грамотности. Но и второй проектъ, болѣе детализированный и лучше кодифицированный, постигла та же участь...

Можно ли хоть на минуту усомниться въ отношеніяхъ къ Малоземовой учениковъ и деревни? Кто столько даетъ народу, тотъ не можетъ ничего не получить. Скромность Е. Т. причина того, что эту сторону ея жизни можно освѣтить лишь нѣсколькими отрывочными фразами—не любила писать про себя хорошее покойница—да по

разсказамъ ея знавшихъ. Кое-что было приведено уже и выше. «Вчера я была на станціи и встрѣтился одинъ изъ попечителей школы, крестьянинъ, и такъ радушно, по родному, взялъ меня за плечи и спрашиваетъ: «Озябла, голубушка наша?» Все это мелочи, но въ нихъ душа и задушевность». «Расположеніе деревни теплое и полное, т.-е. все благо и любо живется...» «Только что пріѣхала въ Куровицы. Здѣсь уже отчаялись въ моемъ возвращеніи и очень обрадовались всѣ такъ, что это привело меня въ умиленіе». «Сегодня у меня въ школѣ первый разъ вся орлинская молодежь побывала, многіе весь день просидѣли. 16—18 лѣтніе парни—экая сила славная, если бы ихъ добру учить, какъ искренно подчиняются добру! Здѣсь около заводъ стеклянный есть, многіе ребята работаютъ на немъ. Сначала даже я боялась этихъ фабричныхъ: видъ наглый, манеры ухарскія... Но мало-по-малу они показывались въ школѣ по праздникамъ, а сегодня, въ Благовѣщеніе, пришлось убѣдиться, что они рады привѣту болѣе учениковъ и готовы вѣровать всему хорошему. Они по-дѣтски проводили праздникъ, возились съ маленькими ребятами, старались быть приличными, пѣли, читали, въ шапкахъ не сидѣли и даже пальто снимали, подражая школьникамъ. Вообще, очень милый народъ! Я спросила всѣхъ сегодня, гдѣ бы они день провели безъ школы? Отвѣчаютъ: въ кабакѣ или около...»

Многому, конечно, способствовало и самое происхожденіе Малоземовой. Оно помогало ей понимать тонко психологію мужика. Кстати, я не могу не упомянуть объ одномъ ея замѣчаніи. «Въ упрекѣ же намъ, что школа не заставила крестьянина полюбить свое родное дѣло, а выучила стремленію изъ своей среды, видно сейчасъ петербургскихъ баръ, ни уха, ни рыла не разумѣющихъ въ деревнѣ и ея настроеніяхъ. Да что же ему любить-то? Вѣдь нѣтъ этого своего-то дѣла! Оно вѣдь только воображаемо! 20 лѣтъ назадъ семья была изъ двоихъ, четверыхъ и эту семью кормила полоса, а теперь 15—18 и даже 20 человѣкъ у той же полосы! Она ихъ не кормитъ, за что же ее любить? Одинъ-двое обработали эту полоску, а десять не знаютъ что дома дѣлать; вѣдь совсѣмъ нечего! Полоса не кормитъ, она держитъ человѣка впроголодь, держитъ въ деревнѣ, какъ же мы будемъ внушать къ ней любовь! Бредни все господъ нововременцевъ!»

Отношеніе товарищей по учительству къ Малоземовой было удивительно теплое, сердечное, она же пользовалась замѣтнымъ среди нихъ авторитетомъ. Не проходило недѣли, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не навѣстилъ ее, не просилъ посидѣть на урокѣ, послушать, поучиться. По праздникамъ въ скромной комнаткѣ Е. Т. часто собиралась почти вся учительская округа и каждому дѣлалось легко и весело въ присутствіи этой оригинальной женщины. Женщины... Многимъ не знавшимъ ея не хотѣлось вѣрить, что это суровое, чисто мужское, хмурое лицо, эта

фигура въ мужской курткѣ скрываетъ необыкновенно добрую, мягкую и чисто женскую душу.

Что особенно отличало работниковъ перваго призыва—это постоянное повышенное настроеніе духа, безусловное довольство своей тяжелой долей, такъ высоко и гордо поднятая голова, о которой говорилъ М. А. Стаховичъ. «Я начинаю чувствовать сильную признательность судьбѣ, строющей изъ меня орудіе блага». «Мнѣ все любо здѣсь, все. Прихожу въ умиленіе и считаю себя счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ!» «Право, хорошо! Чувствуешь себя двигателемъ людей, которымъ принадлежитъ будущее!» «Живу, благоденствую, наслаждаюсь жизнью вполнѣ!» «Живу и блаженствую»! «Мнѣ очень нравится эта жизнь». «Счастлива я вездѣ и всегда». Въ области этого постояннаго довольства изъ жизни Е. Т. выдѣляется одинъ курьезный случай. Она страшно увлекалась поэмой Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», но находила, что безъ положительнаго конца вещь очень много проигрываетъ. «Я пойду къ нему и скажу, кому дѣйствительно жить хорошо. Не вѣрите? Ей-Богу пойду!» говорила она какъ-то своимъ знакомымъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ одинъ изъ ближайшихъ пріѣздовъ въ Петербургъ она отправляется къ Некрасову, говоритъ лакею: «Авдотья Малоземова, народная учительница», получаетъ свиданіе съ великимъ поэтомъ и проситъ объяснить, почему онъ не далъ ничего положительнаго? Не знаю точно, что отвѣчалъ ей Некрасовъ, но, повидимому, онъ ее не удовлетворилъ. Тогда Малоземова встала и говоритъ: «Забыли, дорогой Николай Алексѣевичъ, забыли насъ: единственно кому хорошо на Руси живется—это народному учителю; сладко и вольготно живется, душа свободна» Съ этими словами она распрощалась съ удивленнымъ Некрасовымъ...

Понятно, такое самочувствіе было исключительнымъ результатомъ кипучей дѣятельности Малоземовой. Не могу также не замѣтить, что Малоземова была счастлива именно только благодаря работѣ: она никогда не любила и оставалась дѣвушкой до самой смерти.

Когда чахотка начала давать себя сильно чувствовать, она писала: «Докторъ говоритъ, что если я буду беречься, то 10—15 лѣтъ еще проживу. Не хочу такъ долго! Два года, ну три, больше не надо!» Немного позже: «Начну письмо съ того, какъ водится начинать хворымъ да старымъ, т.-е. съ своего здоровья. Все было ладно, недѣли двѣ занималась одна и сдѣлала порядочно, время не пропало. Но теперь лѣкарство все вышло, и три дня я совсѣмъ свихнулась. Вчера впервые впала въ малодушіе и увы! повыла сама себѣ, ясно сознавая, что такъ не стоитъ жить! Чего же тянуть!? Значитъ, пора пришла... Но и плача вчера, я не считала себя несчастною, а только получающею напоминаніе, что я есть смертна. Отчасти я забыла это и думала, что я вѣчно живуща...» «Долго не отвѣчала,—начинаетъ Е. Т. свое послѣднее

письмо отъ 19-го декабря 1882 г.,—все ждала силы, чтобъ по старой памяти грянуть на двухъ листахъ многословіемъ. Но силы плохи. Теперь ужъ я не та! До нынѣшней зимы моя живучая натура боролась съ разрушеніемъ, а теперь сокрушилась. Разрушеніе идетъ медленно, но рѣшительно, и организмъ мой уже не борется, а все спускается къ неизбѣжному исходу... Наглоталась сейчасъ опіуму и пользуюсь временемъ написать вамъ, мой дорогой и единственный другъ, но я умру и даже хочу скорѣе, потому что ужасно жить не вставая. Не нужна я больше такая...»

Передъ самымъ наступленіемъ 1883 года свѣтлой труженицы перваго призыва не стало... Миръ праху ея и многихъ ей подобныхъ, давшихъ Россіи народную школу 70-хъ годовъ.

Мих. Лемке.

СТАРЫЯ СКАЗКИ.

Лѣсная царевна.

Мы въ старыя сказки не вѣримъ,
Не вѣримъ давно въ чудеса,
Но сказку я знаю: вотъ теремъ,
На вышкѣ — царевна - краса.

* * *

Царевна глядитъ на дорогу...
Не конница-ль мчится въ пыли?
Не вторитъ ли звонкому рогу
Бряцанье оружья вдали?

* * *

Ей грезятся пестрые стяги
И удаль безумная сѣчъ,
И витязь, исполненъ отваги,
И юная, пылкая рѣчь...

* * *

Но солнце восходитъ, заходитъ —
Все пусто и глухо въ лѣсу,
И жизнь, годъ за годомъ, уходитъ,
Минуя царевну - красу.

О. Чюмина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Очерки и разсказы" Вл. Короленко, т. III.—Общее настроеніе третьей книги разсказовъ—вѣра въ жизнь и людей.—„Огоньки" и „Сказаніе о Флорѣ".—„Парадоксъ" и другіе разсказы.

Выходъ третьяго тома произведеній Вл. Короленко, до сихъ поръ разсѣянныхъ на протяженіи почти пятнадцати лѣтъ («Сказаніе о Флорѣ» появилось еще въ концѣ 80-хъ годовъ въ «Сѣв. Вѣстн.») въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, является настоящимъ подаркомъ всѣмъ любителямъ родной литературы. И именно теперь этотъ прекрасный подарокъ такъ кстати, когда все наростающая волна новыхъ читателей съ такой жадностью поглощаетъ художественную литературу, ищетъ въ ней разгадки массы текущихъ явленій, не поддающихся анализу и не укладывающихся ни въ какія излюбленныя нѣкогда рамки. И авторъ имѣетъ что сказать этой ищущей отвѣта читательской массѣ и умѣетъ сказать такъ, что слово его находитъ доступъ въ самое очерствѣлое сердце и вызываетъ откликъ въ самой заглохшей душѣ, казалось, утратившей эту способность отзываться на чужую боль и чужую радость подъ бременемъ мелкихъ, неустанныхъ тяготъ обыденной жизни. Въ пьесѣ М. Горькаго «На днѣ» выведенъ странникъ Лука, который всякому умѣетъ сказать нѣчто, именно ему нужное, открывающее и для него какой-то если не выходъ изъ ямы, куда его засосала жизнь, то просвѣтъ, гдѣ онъ вдали, пусть даже и недосягаемой для него, видитъ яркую звѣздочку надежды, ободренія и вѣры и возможности лучшаго будущаго. Въ современной нашей литературѣ мы не знаемъ другого художника, который, какъ этотъ странникъ Лука, могъ бы подымать въ читателѣ вѣру въ человѣка, въ жизнь, въ идеалъ, такъ умѣлъ бы подойти къ опустившемуся и извѣрившемуся въ добро, указать ему съ истинно-материнскою лаской на маячащій впереди огонекъ, что, «переливаясь и маня», стоитъ впереди, и съ недопускающей сомнѣнія убѣдительностью увѣрить его, что нѣтъ той силы, которая смогла бы погасить этотъ живительный огонекъ идеала. Пусть «жизнь течетъ въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла... но все-таки... все-таки впереди—огни!..»

Этими бодрящими словами начинается новая книга Вл. Короленки, и мысль, заключающаяся въ нихъ, простая и яркая, какъ и всякая вѣковѣчная правда, не та правда сегодняшняго дня, что завтра, быть можетъ, предстанетъ ложью, а та, что не съ нами родится и съ нами не умретъ, но передается изъ рода

въ родъ и «до скончанія вѣка пребудетъ»,—живыми искрами сверкаетъ въ каждомъ разсказѣ, проблескиваетъ въ каждой строчкѣ и разгорается въ яркое пламя немеркнущаго свѣта жизнерадостнаго идеализма и человѣчности.

Неумирающая и неутолимая жажда правды—вотъ что, въ концѣ концовъ, руководитъ людьми, несмотря на всѣ нагноенія житейской грязи, несмотря на кровь и слезы, которыми такъ обиленъ путь человѣчества, и Вл. Короленко въ чудесныхъ образахъ заставляетъ насъ повѣрить этой истинѣ. И не только повѣрить, но и почувствовать жажду борьбы за нее, что и составляетъ безсознательный для художника и реальный результатъ истиннаго художественнаго произведенія для читателя. Какъ истинный художникъ, онъ не обращается къ нашему уму съ прямымъ призывомъ, не подчеркиваетъ своей мысли, которая не торчитъ, какъ шестъ, съ опредѣленнымъ знаменемъ, а даетъ рядъ образовъ, проникнутыхъ яснымъ настроеніемъ самого художника. Говоря «яснымъ», мы хотимъ подчеркнуть особенность субъективнаго творчества автора, въ которомъ преобладаютъ свѣтлые тона, чуждые всему мрачному, озлобленному или человѣконенавистническому. Это-то свойство творчества и дало, повидимому, поводъ одному изъ мрачныхъ критиковъ современности охарактеризовать настроеніе произведеній Вл. Короленки, какъ «примиреніе съ дѣйствительностью». Только глубочайшее непониманіе или полное неумѣніе проникнуть въ скрытый за художественной стороной смыслъ этихъ произведеній могло привести къ такому нелѣпому по существу заключенію. Мы очень рады, что третья книга разсказовъ даетъ именно самое яркое опроверженіе этого вывода относительно «примиренія съ дѣйствительностью», якобы вытекающаго изъ произведеній Вл. Короленко.

Да, авторъ, дѣйствительно, примиряетъ насъ, но не съ современной дѣйствительностью, а съ человѣкомъ. Въ каждомъ разсказѣ, въ каждомъ положеніи, въ самыхъ мрачныхъ картинахъ жизни онъ указываетъ нѣчто, способное примирить насъ съ жизнью,—идеальную сторону ея, тотъ «огонекъ», переливающійся и манящій, который свѣтитъ вдали.

Вслѣдъ за прелестнымъ стихотвореніемъ въ прозѣ «Огоньки», которое не уступаетъ по формѣ и глубинѣ содержанія лучшимъ стихотвореніямъ въ прозѣ Тургенева, авторъ въ «Сказаніи о Флорѣ, Агриппѣ и Менехемѣ, сынѣ Іегуды» даетъ страничку изъ самой мрачной трагедіи, когда-либо пережитой человѣчествомъ. Это—гибель Іерусалима подъ ударами внѣшней силы и отъ раздоровъ партій внутри. Предъ лицомъ надвигающагося неумолимаго врага въ народѣ рѣзко опредѣляются два настроенія—примирительное, стремящееся путемъ угодливаго смиренія укротить свирѣпость римлянъ, и боевое, призывающее къ борбѣ во что бы то ни стало. Представителемъ послѣдняго выступаетъ Менехемъ, сынъ Іегуды Гамалліота, славнаго борца за свободу. Его сильная проповѣдь внушаетъ уваженіе даже врагамъ, но безсильна сплотить весь народъ, смущаемый рабской угодливостью, слезами и страхомъ главарей, первосвященниковъ и знатныхъ, съ царемъ Агриппой во главѣ. Менехемъ уходитъ изъ города съ своими приверженцами, рѣшивъ защищать родину самостоятельно. Онъ не обманывается относительно исхода борьбы, которая

должна привести и его къ гибели. Но онъ не боится такого исхода, такъ какъ все существо его проникнуто однимъ сознаніемъ,—онъ не можетъ примириться съ неправдой и насиліемъ, разъ понялъ, что такое правда и къ чему она обязываетъ. Кто прошелъ періодъ невѣдѣнія, для того скорбь и самая смерть теряютъ свою силу и власть,—и въ превосходной молитвѣ, обращенной къ Богу, Менехемъ выражаетъ вѣчный стимулъ борьбы за идеалъ, хотя бы и безъ надежды на побѣду въ данный историческій моментъ. Это прекрасное сказаніе, къ сожалѣнію, было до сихъ поръ похоронено на страницахъ мало распространеннаго журнала и потому мало знакомо читателямъ, по крайней мѣрѣ современнымъ, и потому они едва ли посѣтуютъ на насъ, если мы приведемъ конецъ этой боевой молитвы борцовъ за правду.

Гамилліотъ говоритъ, что предстоитъ послѣдняя борьба, и кому Богъ судилъ побѣду—угнетателямъ или угнетеннымъ, неизвѣстно,—но, заканчиваетъ онъ:

«Если Ты, въ безконечной мудрости, судилъ въ наше время гибель правому дѣлу и еще разъ дашь торжествовать насилію, и если намъ, защитникамъ, суждено погибнуть, а угнетители воздвигнутъ алтари торжества и нечестія на мѣстѣ Твоихъ алтарей,—да будетъ!..

«Но исполни же просьбу обреченныхъ, исполни нашу просьбу, Всевышній!

«Пусть никогда не забудемъ мы, доколѣ живы, завѣты борьбы за правду.

«Пусть никогда не скажемъ: лучше спасемся сами, оставивъ безъ защиты слабѣйшихъ.

«Пусть ни одинъ нашъ ударъ не будетъ направленъ противъ неповинныхъ въ насиліи.

«Пусть никогда не посягнемъ на святость чужихъ алтарей, помня поруганіе своихъ.

«Пусть мысли наши сохраняютъ ясность, дабы направлять стопы наши по пути правды, а удары рукъ на защиту, а не на утѣсненіе.

«И когда будутъ смежаться наши очи въ виду смерти,—не отыми у насъ, Адонаи, вѣру въ торжество праваго дѣла на землѣ.

«Чтобы мы знали, что законъ правды непреложенъ, какъ непреложенъ законъ природы: вотъ нынѣ грозное знаменіе (комета, бывшая въ то время. *А. Б.*) пламенѣетъ въ синевѣ неба, но оно пробѣжитъ и исчезнетъ. А кроткая луна, которая нынѣ мало замѣтна, будетъ восходить надъ землей въ свое время отъ вѣка до вѣка.

«Когда же пробьетъ часъ Твоей воли и мы погибнемъ, пусть ангелъ скорби осѣнитъ своимъ крыломъ наши могилы и повѣдаетъ о насъ нашимъ дѣтямъ и дѣтямъ враговъ нашихъ, чтобы и наша смерть служила правому дѣлу.

«И я вѣрю, о, Адонаи, что на землѣ наступитъ Твое царство!..

«Исчезнетъ насиліе, народы сойдутся на праздникъ братства, и никогда уже не потечетъ кровь человѣка отъ руки человѣка!..

«Тогда ангелъ скорби, радостно взмахнувъ своими крылами, поднимется къ небу, а на землѣ будетъ радость и миръ.

«Пусть тогда люди вспоминаютъ о насъ, несчастныхъ, въ жестокое время проливших свою кровь для дѣла защиты, а не для утѣсненія».

*

Это чудесное «Сказаніе» появилось въ восьмидесятые годы, въ періодъ толстовства, проповѣди малыхъ дѣлъ и того упадка духа, которымъ ознаменовано то скучное и мертвое время. «Сказаніе» прозвучало тогда, какъ рѣзкій диссонансъ въ тихой баюкающей мелодіи, и встрѣчено было, какъ призывъ къ бодрой дѣятельности, не ограниченной только интересами текущаго дня. Для пониманія идейной стороны таланта автора оно очень характерно по ясности мысли, не допускающей никакихъ толкованій, въ родѣ примиренія съ дѣйствительностью и смиренія. Для всякаго вдумчиваго читателя Вл. Короленки, положимъ, и безъ этого «сказанія» ясно, гдѣ коренятся симпатіи автора, каковы его чаянія и надежды. Но полнота художественнаго изображенія, съ которой авторъ рисуетъ жизнь, не дозволяя односторонняго освѣщенія, вникая въ глубину каждаго выводимаго имъ лица и предоставляя образамъ говорить за себя, не для всѣхъ, очевидно, доступна, если могло явиться и такое представленіе о немъ.

По идеѣ въ одной связи съ «Сказаніемъ» можно поставить и «Мгновеніе», небольшую картинку, появившуюся впервые въ сборникѣ «На славномъ пути». Идея та же, что и въ «Сказаніи»—«одинъ мигъ настоящей жизни стоитъ цѣлыхъ годовъ прозябанія». Долгіе годы томившійся въ одиночномъ заключенію узникъ бѣжитъ на утлой лодчонкѣ въ жестокую бурю. При нѣкоторой искусственности построенія всего разсказа, въ немъ есть превосходные отдѣльные штрихи, какъ, напр., моментъ, когда бѣглецъ, истомленный долгимъ заключеніемъ, останавливается въ страхѣ передъ бушующей стихіей и робко возвращается въ свою одиночную келью. «Нѣтъ, онъ не можетъ бѣжать... на морѣ гибель... Онъ схватился руками за карнизъ, поднялся къ окну и остановился... Въ камерѣ было пусто и сравнительно тихо. Ровный желтоватый свѣтъ фонаря падалъ на стѣны, на вытоптанный полъ, на матрацъ, лежащій въ углу... Надъ изголовьемъ, вырѣзанная глубоко въ камнѣ, виднѣлась надпись: «Хуанъ-Марія-Хозе-Мигуэль-Діацъ, инсургентъ. Да здравствуетъ свобода!» И всюду по стѣнамъ, крупныя и мелкія, глубокія и едва намѣченныя, мелкали эти же надписи... Далѣе потянулись цифры... Сначала онъ отмѣчалъ время днями, недѣлями, потомъ мѣсяцами... Десятый годъ былъ отмѣченъ простой цифрой безъ восклицаній... Далѣе счетъ прекращался... Только имя продолжало мелькать, вырѣзанное слабѣющей и лѣнивой рукой... И на все это безстрастно и ровно падалъ желтоватый свѣтъ фонаря... И вдругъ Діацу представилось, что на его постели лежитъ человѣкъ и спитъ тяжелымъ сномъ. Грудь поднимается тихо, съ тупымъ спокойствіемъ... Это онъ? Тотъ Діацъ, который вошелъ сюда полнымъ силъ и любви къ жизни и свободѣ?.. Діацъ отпустилъ руки и опять спрыгнулъ на берегъ...»

Что произошло съ нимъ, погибъ онъ или съумѣлъ спастись, для читателя безразлично. Художникъ съ рѣдкой силой далъ ему почувствовать, что одно мгновеніе жизни, настоящей жизни, выше томительнаго прозябанія, и пробудилъ щемящее чувство тоски по этой настоящей жизни, которая не всякому доступна, хотя и всякій къ ней призванъ. Если бы мы могли, какъ Діацъ, на мигъ вырваться изъ той душной тюрьмы, которую каждый безсознательно

самъ устраиваетъ себѣ, сколькіе изъ насъ удивились бы, увидя странное существо, которое «спитъ тяжелымъ сномъ, грудь поднимается тихо, съ тупымъ спокойствіемъ». Удивились бы и испугались,—неужели это мы, тѣ самые, что начали жить когда-то, полные силъ и любви къ жизни и свободѣ? Таковъ, напр., этотъ опустившійся, бывшій нѣкогда борцомъ за освобожденіе крестьянъ, земскій начальникъ, который ѣдетъ въ разсказѣ «Въ облачный день» и уныло вспоминаетъ прежнее, съ неумолчнымъ припѣвомъ, «а теперь... что же мы видимъ?» Рамки разсказа какъ бы сами собой раздвигаются, образъ Мигуэля-Діаца стушевывается и исчезаетъ за чѣмъ-то болѣе важнымъ и близкимъ, что поднимается въ глубинѣ души читателя и властно напоминаетъ о болѣе высокомъ существованіи, о цѣли жизни, объ идеальныхъ стремленіяхъ. Такъ и въ разсказѣ «Парадоксъ» бѣдный калѣка своимъ афоризмомъ возбуждаетъ въ окружающей его толпѣ простыхъ людей тѣ же мечты. «Человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета», пишетъ безрукое, изломанное, несчастное существо, и рѣзкое противорѣчіе между его видомъ и смысломъ его парадокса возбуждаетъ въ окружающихъ лучшія стороны ихъ души.

Идеализмъ писателя, проникающій всѣ его разсказы, придаетъ всему, чего онъ коснется, особый оттѣнокъ глубины и чарующей гуманности. Мы не можемъ подобрать лучшаго слова, какъ «очеловѣченіе» жизни, для этой особенности Вл. Короленки. Въ самыхъ темныхъ и печальныхъ сторонахъ жизни онъ умѣетъ указать то человѣчное, что таится тамъ, на днѣ, подъ грудой всякихъ наслоеній и, не умирая, лишь ждетъ момента, чтобы выбиться наверхъ и заставить всѣхъ вспомнить о себѣ. Реализмъ описанія, который у Вл. Короленки достигаетъ необычайной законченности, такъ что каждый штрихъ, каждая мимолетная картинка кажутся словно вычеканенными на металлѣ, смягчаются этой любовной, ласковой проникновенностью въ глубь явленія, и въ результатѣ получается не примиреніе съ жизнью и ея темными сторонами, а пониманіе ея, любовь къ этой бѣдной, полной страданій жизни, желаніе борьбы за тѣ скрытыя въ ней начала добра и правды, которыя освѣтилъ художникъ...

Большую часть третьяго тома составляютъ сибирскіе очерки, въ которыхъ до сихъ поръ Вл. Короленко не имѣетъ себѣ соперника въ русской литературѣ. Въ книгу вошли три разсказа—«Государевы ямщики», «Морозъ», «Послѣдній лучъ» и цѣлая повѣсть «Марусина заимка», всѣ изъ жизни далекой сибирской окраины, природу и обитателей которой, вольныхъ и невольныхъ, авторъ сроднилъ съ читателемъ и сдѣлалъ ихъ дорогими украшеніями нашей литературѣ. Въ разсказѣ «Государевы ямщики» онъ даетъ два новыхъ типа, которые по праву займутъ равное мѣсто наряду съ его «Убивцемъ» и «Соколинцемъ»: это идеалистъ Микеша и озлобленный жизнью и тяжкой несправедливостью судьбы ссыльно-поселенецъ, уніатъ Островскій.

Микеша прелестный типъ, излюбленный авторомъ и всегда описываемый имъ съ тонкимъ юморомъ и лаской. Онъ искатель новой жизни, протестантъ противъ сложившихся условій, которыхъ онъ не можетъ вполнѣ усвоить, и скорѣе чувствомъ постигающій, что такъ жить нельзя и не слѣдуетъ. Его

манитъ что-то невидимое, далекое и прекрасное, чуждое постылому окружающему міру, гдѣ все такъ низменно и глубоко несправедливо. Микеша то же «Государевъ ямщикъ», прикрѣпленный къ «камню» на Ленѣ, гдѣ изъ рода въ родъ гоняютъ ямщину, на лошадяхъ и водою, поддерживая сообщеніе между этимъ «гиблымъ» мѣстомъ и тѣмъ далекимъ міромъ, что смутно мерещится темной душѣ Микеши. Все ему здѣсь постыло и ленскій камень, отъ котораго некуда уйти, и гоньба, и ямщичій міръ, забитый, вымирающій и несчастный, который Микеша вполнѣ постигъ и злобно критикуетъ. Его попытки сбѣжать, куда глаза глядятъ, неудачны и дики. Въ концѣ концовъ онъ нарочно впутываетъ себя въ уголовное дѣло, лишь бы путемъ острога и ссылки завоевать себѣ свободу, отдѣлаться отъ дикаго камня и уйти туда, куда его непреодолимо тянетъ его безпокойная мятущаяся душа. «Да, всякія бываютъ мечты», задумчиво кончаетъ авторъ свой очеркъ, и приленскій мечтатель, «порченый» по мнѣнію «міра», становится намъ близокъ, какъ родная душа, гдѣ-то далеко-далеко бьющаяся надъ разрѣшеніемъ близкихъ и намъ вопросовъ, по существу имѣющихъ одинаковое значеніе и на Ленѣ, и въ Петербургѣ, ибо сущность ихъ все тѣ же мечты о добрѣ и правдѣ. И сколько такихъ Микешъ ищутъ дорогъ въ неизвѣстному свѣту среди непроницаемаго мрака и погибаютъ, не проявивъ и тысячной доли скрытой въ нихъ возможности творить добро и служить правдѣ. Но уже одно то, что они вездѣ есть, эти мечтатели, служитъ ободряющей надеждой, а наивная вѣра Микеши въ Бога, что «хоть худенькой худой, ну, все еще сколько-нибудь дѣламъ-те правитъ», убѣдительнѣе дѣйствуетъ на душу, чѣмъ самыя витіеватыя разсужденія на тему о «человѣкобогѣ и богочеловѣкѣ».

Рядомъ съ свѣтлой, хотя и нѣсколько юмористической фигурой Микеши трагическій образъ Островскаго выступаетъ съ удручающей силой, какъ безвинная жертва царящаго мрака и зла. Вообще, авторъ неохотно останавливается на такихъ мрачныхъ образахъ, и Островскому мы не находимъ аналогіи въ длинномъ ряду типовъ Вл. Короленки.

Кажется, какъ будто жизнерадостное, вѣчно и всюду стремящееся къ свѣту воображеніе художника съ нѣкоторою стыдливою боязнью обходитъ такія явленія, при видѣ которыхъ смолкаетъ голосъ ободренія и надежды, а въ возмущенной душѣ поднимается страшное чувство мести...

Встрѣча съ Островскимъ происходитъ послѣ того, какъ по дорогѣ авторъ и его спутники съ Микешей видѣли пожаръ заимки Островскаго, которую послѣдній самъ сжегъ, чтобы никому не доставалась. Фактъ этотъ поражаетъ и привлекаетъ Микешу своей грандіозностью.

«— Ча?—крикнулъ Микеша. — Погляди ты, какіе люди бываютъ: самъ юрту зажигалъ, амбаръ зажигалъ, городьбу что есть въ амбаръ бросалъ... У-у, дьяволъ!

«— Кто это?

«— Да кто иной: Островскій, говорю, уніатъ...

«И Микеша съ интересомъ и оживленіемъ сталъ разсказывать мнѣ исторію этого пожара.

«Она была проста и сурова, какъ эти берега и горы. Нѣсколько лѣтъ назадъ уніатъ Островскій былъ высланъ, кажется — за отпаденіе отъ православія и поселенъ на Ленѣ. За нимъ пришла молодая жена съ маленькой дѣвочкой. Якуты отвели ему надѣлъ въ широкой пади, между двумя скалами. Мѣсто показалось удобнымъ для земледѣлія, якуты оказали нѣкоторую помощь. Сравнительно не трудно было сбывать хлѣбъ на пріиски, и Островскій бодро принялся за работу. Якуты не сказали ему одного: въ этой лощинѣ хлѣбъ родился прекрасно, но никогда не вызрѣвалъ, такъ какъ его уже въ іюлѣ каждый годъ неизмѣнно убивали сѣверо-западные вѣтры, дувшіе изъ ущелья, какъ въ трубу, и приносившіе ранній иней. Якуты, не желавшіе вообще поселенцевъ на своихъ земляхъ,—имѣли свои виды, а сосѣди станичники, арендовавшіе у якутовъ покосы и, поэтому, зависимые, тоже не предупредили поляка, боясь разсердить якутовъ.

«Первые годы Островскій приписывалъ свои неудачи случайности и, глядя на необычайно буйные урожаи, все ждалъ, что одинъ годъ сразу поставитъ его на ноги. И онъ убивался надъ работой, голодалъ, заставлялъ голодать жену и ребенка, все расширяя свои запашки... Наконецъ, въ этомъ году жена умерла отъ цынги и горя, а осень опять дала одну солому. Островскій вырылъ могилу, безъ слезъ уложилъ жену въ мерзлую землю и заровнялъ ее... Потомъ онъ взялъ билетъ на пріиски и пособіе у якутовъ на дорогу. Якуты охотно дали и то и другое, въ разсчетѣ избавиться отъ поселенца и воспользоваться его домомъ и кое-какимъ имуществомъ. Но Островскій обманулъ эти наивнохитрыя ожиданія: онъ снесъ все имущество въ избу и зажегъ ее съ четырехъ концовъ...

«— Все зажигалъ! Въ одинъ разъ кончилъ,—заключилъ Микеша свой разсказъ и потомъ спросилъ по своему задумчиво:—Уніатъ... Что такое уніатъ?.. Какой человѣкъ бываетъ?

«— Вѣра такая,—отвѣтилъ я.

«— То-то, и онъ говоритъ: вѣра. Въ одну церковь самъ не идетъ, въ другую не пускаютъ. Чего надо?..»

На станкѣ разказчикъ встрѣчаетъ и самого Островскаго. «Это былъ человѣкъ небольшого роста, коренастый, съ сильно загорѣлымъ энергичнымъ лицомъ, настоящаго земледѣльца. На плечахъ онъ несъ нѣсколько связанныхъ вмѣстѣ узловъ, образовавшихъ цѣлую гору, а за полу его суконнаго кафтана держалась дѣвочка лѣтъ 8 или 9-ти, тоненькая, блѣдная и, видимо, испуганная. Я встрѣтилъ его на площадкѣ и сразу угадалъ, кто это: въ глазахъ его какъ будто застыло охладѣвшее тяжелое горе...»

Островскій рѣшилъ круто порвать со всѣмъ, что составляло его жизнь до сихъ поръ — съ землею и людьми, которые обманули его. Онъ—отчаялся въ правдѣ, не найдя ее нигдѣ, и сталъ «отчаяннымъ человѣкомъ». «На пріиски иду. ...Если дорогой не пропаду, наймусь... А дѣвочку стану продавать господамъ...» Среди одичалыхъ, забитыхъ жизнею, станичниковъ онъ вызываетъ страхъ своей отчаянной, свирѣпой готовностью идти на все, разъ все рухнуло, и нѣтъ ничего для него на землѣ. Когда патріархъ станка думаетъ урезонить

его требовательность напоминаніемъ о вѣрѣ, за которую Островскій былъ сосланъ, вся накипѣвшая горечь противъ людей вырывается у него бѣшенымъ потокомъ.

«— Слушай, - сказалъ Островскій, отчеканивая слова.—Слушай и ты меня, старая со-ба-ка...

«— А-ахъ!—охнулъ Микеша при этомъ тяжкомъ оскорбленія станочнаго патріарха. Ямщики смолкли. Нѣсколько мгновеній слышно было только легкое потрескиваніе огня въ камелькѣ.

«— Помнишь ты,—продолжалъ Островскій,—какъ я въ первый разъ приходилъ къ тебѣ съ женой, какъ я кланялся твоимъ сѣдымъ волосамъ, просилъ у тебя совѣта? А-а, ты это забылъ, а о Богѣ вспоминаешь... Собака ты лукавая, всѣ вы собаки!—крикнулъ онъ почти въ изступленіи, отмахнувшись отъ дѣвочки, которая, не понимая, что тутъ происходитъ, потянулась къ отцу.— Вы—дерево лѣсное!.. И сторона ваша проклятая, и земля, и небо, и звѣзды, и...

«Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но остановился передъ кощунствомъ, и въ потемнѣвшей избушкѣ опять водворилось молчаніе, полное тяжелой подавленности и испуга...»

Фигура Островскаго выростаетъ, какъ олицетвореніе подавленной и попранной справедливости, взывающей о мщеніи, и образъ этого человѣка, словно отлитый изъ бронзы, стоитъ съ угрозой предъ нашей совѣстью. И что мы могли бы ему сказать, какъ и эти напуганные станичники. «Ха!—сказалъ онъ, продолжая глядѣть на меня тяжелымъ взглядомъ.—За вѣру!... Бога вспомнили... Давно это было... Не хотѣлъ ребенка хоронить на православномъ кладбищѣ... Теперь жену зарылъ въ яму, завалилъ камнями, безъ креста, безъ молитвы... Лѣсъ, камни, и люди, какъ камни...»

Образъ уніата Островскаго, затеряннаго среди этихъ «камней-людей», принадлежитъ къ числу лучшихъ типовъ Вл. Короленки, и одинокая фигура отчаяннаго человѣка, бредущаго по тайгѣ съ «тоненькой» дѣвочкой, вопіетъ къ чувству справедливости сильнѣе всякихъ трактатовъ о важности этого соціальнаго чувства.

По идеѣ можно сопоставить съ нимъ героя разсказа въ той же третьей книгѣ «Морозъ», о которомъ въ свое время мы уже говорили, почему, не останавливаясь на немъ, напомнимъ только эту чудную повѣсть о «замерзшей совѣсти» и ея пробужденіи. Разсказчикъ и его спутникъ на одномъ изъ перегоновъ встрѣчаютъ въ лютый морозъ въ тайгѣ затеряннаго въ лѣсу путника, который только мелькнулъ мимо и исчезъ. Подъ вліяніемъ страшнаго холода путешественники почти не обратили на него вниманія, хотя имъ показалось, что онъ обращался къ нимъ съ чѣмъ-то. И лишь на станкѣ, въ теплой избѣ, ночью, оба разомъ вспомнили эту встрѣчу и поняли, что этотъ человѣкъ замерзалъ и просилъ ихъ о помощи. Совѣсть оттаяла и заговорила, товарищъ разсказчика не выдержалъ и бросился одинъ искать погибавшаго и самъ погибъ, «казнилъ себя, подлую человѣческую природу, въ которой совѣсть можетъ замерзнуть при пониженіи температуры тѣла на 2 градуса».

«Послѣдній лучъ» изъ той же серіи разсказовъ даетъ грустную, чудесно

написанную картинку умиранія цѣлаго рода, который считаетъ себя происходящимъ отъ декабриста, среди дикихъ камней Лены. Въ этомъ разсказѣ удивительно слита поэтичность описанія природы съ грустнымъ содержаніемъ, что производитъ впечатлѣніе настоящаго стихотворенія въ прозѣ, выдержаннаго до мельчайшихъ деталей. Благодаря этой гармоніи формы и содержанія, это лучшее по художественности произведеніе третьей книги. Дикая природа сѣвера какъ бы оживаетъ передъ нами, и щемящее, безысходное чувство грусти властно захватываетъ читателя, присутствующаго при прощаніи людей съ «послѣднимъ лучомъ» надолго закатившагося зимняго солнца. Такимъ же послѣднимъ лучомъ кажется и этотъ мальчикъ, потомокъ неизвѣстнаго борца за правду, сложившаго здѣсь свои кости. Среди ставшаго, какъ камни, населенія, мечтательный и грустный мальчикъ, «припадочный и хилый», по словамъ дѣда, такой же послѣдній догорающій лучъ человѣчности, которому не суждено уже никого освѣтить въ дикой пáди на Ленѣ.

Самое большое по размѣрамъ произведеніе въ настоящей книги «Марусина заимка» совсѣмъ въ иномъ духѣ: тутъ жизнь кипитъ и бьетъ черезъ край. «Ухорѣзъ» Степанъ, смѣлая и жаждущая дѣятельности натура, эпическій представитель земли Тимоха и надломленная, но не падающая Маруся—такіе типы, которые выдержатъ спокойно сравненіе съ любыми героями прежнихъ разсказовъ автора, и даже выше ихъ, по нашему мнѣнію, по сжатости обрисовки и, если можно такъ выразиться, мужественности письма. Намъ кажется, что въ этомъ произведеніи талантъ автора сдѣлалъ значительный шагъ впередъ, избавившись отъ нѣкоторой излишней детальности въ описаніяхъ, что придавало его прежнимъ произведеніямъ нѣкоторую расплывчивость и чрезмѣрность красокъ, какую-то припухлость стиля. «Марусина заимка» совершенно свободна отъ такого недостатка: языкъ всюду сжатый и сильный, эпитеты яркіе, но скупо отпущенные каждому лишь постольку, сколько это необходимо для характеристики даннаго лица или положенія. Драма развертывается быстро, наростающее впечатлѣніе разсказа держитъ вниманіе читателя все время въ напряженномъ состояніи, не давая ослабнуть интересу ни на минуту. Въ стройной конструкціи разсказа нѣтъ ни одного отступленія, усложняющаго дѣйствіе, запутывающаго его и потому ослабляющаго общій эффектъ. Стремленіе Маруси къ порядку жизни, къ тому земледѣльческому укладу, который она впитала въ родномъ углу, и порывистость неудержимой натуры Степана, не укладывающейся въ рамки тихаго житія, съ первой страницы выясняютъ драму, какая разыгрывается на заимкѣ. Тяжелая неподвижность Тимохи, несокрушимая тяга его къ землѣ дѣлаютъ его настоящимъ хозяиномъ положенія, какимъ онъ и становится въ концѣ концовъ.

Разсмотрѣвъ всѣ произведенія третьей книги разсказовъ Вл. Короленки, мы не можемъ не сказать, что по художественности и глубинѣ содержанія они не уступаютъ нисколько его прежнимъ разсказамъ. Скорѣе напротивъ, талантъ художника словно окрѣпъ и возмужалъ, избавившись отъ прежняго излишества въ нагроможденія эпитетовъ и не утративъ утонченной чувствительности. Ни въ одномъ изъ новыхъ произведеній нѣтъ старой сентименталь-

ности, которая даетъ себя чувствовать даже въ такихъ превосходныхъ его вещахъ, какъ «Въ дурномъ обществѣ» и «Лѣсъ шумитъ». Художникъ достигъ въ авторѣ той зрѣлости таланта, которая даетъ намъ права ожидать отъ него новыхъ превосходныхъ твореній. Бодрый и жизнерадостный духъ, вѣющій свѣжестью и здоровьемъ отъ чудныхъ страницъ третьей книги разсказовъ, свидѣтельствуетъ, какая неисчерпаемая сила жизни таится въ художникѣ, каждое новое произведеніе котораго также богато возбудительнымъ содержаніемъ, также проникнуто идеалистическимъ стремленіемъ къ правдѣ, какъ и лучшія первыя его вещи, въ тоже время превосходя ихъ по совершенству формы. Оставаясь все тѣмъ же глубокимъ *идейнымъ* писателемъ, Вл. Короленко растетъ и какъ мыслитель, и какъ художникъ, неустанно работая надъ собой, о чемъ такъ красноречиво говорятъ его «Послѣдній лучъ», «Морозъ», «Марусина заимка» и его «Огоньки», въ которыхъ онъ символически изображаетъ смыслъ своей творческой работы:

«Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка, затѣненная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше, и послѣ манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...»

И съ бодрой и свѣтлой душой онъ налегаетъ на весла...

А. Б.

НА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ.

(Замѣтки и впечатлѣнія).

По благополучномъ закрытіи выставки акварелистовъ, не представившей въ нынѣшнемъ сезонѣ особаго интереса, открылись послѣдовательно выставки: «Современное искусство», журнала «Міръ Искусства», товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ и «Весенняя выставка» въ академіи художествъ. Собственно изъ живописцевъ на выставкѣ «Современнаго искусства» выступилъ только г. Сомовъ, признанный, вѣроятно, самымъ «moderne» изъ «moderne'овъ». Остальное содержаніе сводилось къ убранству комнатъ въ новомъ стилѣ, къ воспроизведенію старо-русскаго терема въ модернизованномъ пониманіи, къ экспозиціи ювелирныхъ издѣлій французскаго художника въ этой отрасли искусствъ, г. Лялика, наконецъ, къ дамскимъ нарядамъ. Послѣднія мы оставимъ въ сторонѣ и не рѣшимся подвергать критикѣ произведеній г-на Лялика: всѣ вещи уники; это ихъ первая цѣнность; вторая—необыкновенность замысла при намѣренно дешевомъ качествѣ матеріала (камни въ золотой оправѣ нарочно подобраны изъ недорогихъ сортовъ и не лучшаго качества) и, вѣроятно, не намѣренно колоссальныхъ цѣнахъ; третья подсказана намъ была одной изъ горячихъ почитательницъ этого «великаго» мастера на «скромныя» украшенія. Не можемъ удержаться отъ того, чтобы подѣлиться этимъ объясненіемъ для тѣхъ, которые, также какъ и мы, пришли бы въ нѣкоторое недоумѣніе по

поводу назначенія, напримѣръ, огромной стрекозы съ женскимъ бюстомъ и крыльями, по крайней мѣрѣ вершка по полтора каждое: брошь не брошь, аграфъ не аграфъ, не придумаешь куда приспособить; или, тоже весьма значительныхъ размѣровъ, пѣтушиной головы, или цѣлаго колье изъ стрекозъ въ натуральную величину и т. п. «Это, говорятъ, составило бы великолѣпное украшеніе на темно-матовомъ фонѣ нагого тѣла негритянки...» Мы прекратили дальнѣйшіе разспросы, выслушавъ такое объясненіе. Къ сожалѣнію, однако, въ немъ заключается невольное осужденіе многому изъ выставленнаго въ «Современномъ искусствѣ», которое кажется стремится щегольнуть своей практической непримѣнимостью именно въ современномъ быту: теремъ для насъ такая же «диковина», какъ колье, которое умѣстно только на шеѣ нагой негритянки.

А вѣдь выставка въ цѣломъ должна отвѣчать запросу, въ которомъ несомнѣнно есть серьезная сторона, стремленію, съ особой настойчивостью заявляемому въ послѣднее время, чтобы искусство проникало возможно широко въ домашній быть, въ устроеніе жизни, во всѣ мелочи нашего обихода, неустанно напоминая о красотѣ и великомъ ея значеніи. Культъ красоты былъ выдвинутъ въ смыслѣ соціальнаго фактора, и естественно было ожидать въ этой, кажется, первой у насъ, попыткѣ создать выставку «современнаго искусства» въ его прикладномъ, житейскомъ значеніи, какихъ-нибудь откровеній въ этой области. «Откровеній» оказалось меньше, чѣмъ странностей, какъ и въ картинахъ г. Сомова, въ которыхъ и его восторженные апологеты признаютъ существенные недостатки. Таковы, напримѣръ: «*головное* (разсудочное?) стремленіе къ изысканности», «*преднамѣренно* слабый диллетантскій рисунокъ», «*придуманная* каррикатурная наивность» и т. п. Если оправданіемъ художника въ подобныхъ недостаткахъ является ихъ «преднамѣренность», то это можетъ служить лишь объясненіемъ въ родѣ бюста нагой негритянки для «шедевровъ» Лялика. Вѣдь есть же и у послѣдняго цѣлый рядъ безусловно изящныхъ, тонко задуманныхъ и превосходно выполненныхъ вещицъ, которыя не нуждаются въ комментаріяхъ, и неужели назначеніе картинъ не въ ихъ непосредственномъ впечатлѣніи на зрителя, безъ объясненій что-де художникъ *могъ* сдѣлать иначе, но предпочелъ написать такъ, чтобы васъ «оттолкнуть» отъ его картины, посмѣиваясь себѣ въ усы или въ бороду? Намѣренная условность перестаетъ быть условностью, значеніе которой опредѣляется ея непроизвольностью и, такъ сказать, обязательностью. Для сюжетовъ, которые облюбовалъ г. Сомовъ,—воспроизведеніе сентиментально-романтическаго настроенія конца XѴIII и начала XIX вв.,—нѣкоторая условность рисунка, пожалуй, обязательна и во многомъ должна быть непроизвольной и у художника, мысленно живущаго въ другой эпохѣ. Но онъ желаетъ быть въ то же время «moderne» и это въ наивысшей степени. Овладѣвъ техникой старинныхъ мастеровъ, онъ поддѣлывается подъ искусство прошлаго и искренняя наивность переходитъ у него въ намѣренную каррикатурность. Не обращается ли такимъ путемъ воспроизведеніе эпохи въ своего рода обличеніе? Предоставляемъ самому художнику отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ. Насъ во всякомъ случаѣ одна лишь виртуозность техники, въ смыслѣ овладѣванія чужими пріемами и произвольнымъ ихъ пользованіемъ, не удовлетворяетъ.

Обстановка комнатъ любопытна; стремленіе къ изящной простотѣ вызываетъ, конечно, сочувствіе; симпатична диванная комната, располагающая къ сосредоточенію мыслей или къ интимной бесѣдѣ. Въ столовой буфетъ напоминаетъ аптечку въ пріемныхъ покояхъ, а люстра угнетаетъ своимъ объемомъ и формой клѣтки; хороши фонарики въ амбразурахъ стѣнъ въ столовой. Возраженія можетъ вызвать и кабинетъ, и будуаръ, но если, вообще, подвергать анализу «обстановки», то въ этомъ отношеніи «нормирующій» характеръ новаго стиля подлежитъ, вообще, оспариванію съ точки зрѣнія индивидуальныхъ вкусовъ и особенностей. Излишне вдаваться въ эту тему. Когда мы смотримъ на уцѣлѣвшія до насъ обстановки жизни былыхъ временъ, мы населяемъ въ воображеніи эти комнаты, дворцы, домики людьми прошлаго и стараемся угадать въ обстановкѣ черты, напоминающія намъ о личностяхъ. Какого хозяина или хозяевъ можно себѣ представить въ комнатахъ типа «современнаго искусства»? По нѣкоторымъ признакамъ ихъ можно было бы себѣ вообразить. Но мы ограничимся, такъ сказать, ближайшимъ предположеніемъ, которое представляется и фактомъ, что эта обстановка отвѣчаетъ идеаламъ жизненнаго устройства группы художниковъ, создавшихъ ее. Она очень замкнута; преобладающее настроеніе «сѣрое»; чувствуется боязнь свѣта и вольнаго воздуха; дѣланная простота и утонченность нервной организаціи; надо «уходить въ себя». Все это очень любопытно. Устроители выставки дали намъ въ своемъ родѣ «историческій документъ» возможныхъ современныхъ вкусовъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторой части общества. Слѣдовало бы умножить такія выставки: они досказываютъ многое въ жизни общества и служатъ иллюстраціей къ пониманію даже стремленій и идеаловъ жизни. Въ этомъ существенная разница этой выставки отъ магазинныхъ; оспаривая ея нормирующее значеніе, мы цѣнимъ въ ней выраженіе, въ нѣкоторомъ отношеніи даже типическое, сложившихся взглядовъ и вкусовъ небольшой группы молодыхъ художниковъ. Черезъ двадцать лѣтъ они, вѣроятно, представятъ намъ другую обстановку и тогда она тоже будетъ «современная». Ибо какъ понимать «современность»? Мы слышали такое опредѣленіе ей: «современно то, что не существовало вчера, и чего... не будетъ завтра». Вторую часть опредѣленія подсказалъ, очевидно, уже нѣкоторый шутникъ. Отнесемся къ вопросу серьезно, въ виду постоянныхъ споровъ объ отсталости «передвижниковъ», тѣмъ паче академистовъ, и «современности» произведеній, появляющихся на выставкахъ «Міра Искусства», котораго выставка «Современнаго искусства» является лишь филіальнымъ отдѣленіемъ. Ошибочное смѣшеніе терминовъ «современности» и «злободневности» очевидна, и разъяснять его излишне. Терминъ «новый» или «молодой», бывшій въ ходу въ западной Европѣ, привелъ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, къ тому, что пришлось его провести по всѣмъ степенямъ neue-neure-neueste, или junge-jüngere-jüngste; теперь остается лишь начать съ начала. Думаемъ, что это было бы и вполнѣ правильнымъ. Настоящее значеніе понятія «новаго» въ исторіи нашей культуры восходитъ къ эпохѣ возрожденія, по сравненію съ міросозерцаніемъ среднихъ вѣковъ. Первымъ

дѣйствительно «новымъ» человѣкомъ принято считать Петрарку: онъ старѣйшій «модернъ», поскольку еще въ XIV вѣкѣ опредѣлился, какъ свободная, самосознающая личность, критически относящаяся къ традиціи и сильная своимъ индивидуализмомъ въ чувствахъ, такъ же какъ въ области мыслей, въ стремленіи создать свое міропониманіе и искать его выраженія въ своихъ формахъ. Итакъ, уже весьма не юнъ «новый» человѣкъ. За шесть вѣковъ существованія и культурное человѣчство конечно, прошло, черезъ многіе фазисы, причемъ были подъемы и пониженія, волна поднималась вверхъ и снова опускалась. Въ каждомъ изъ тѣхъ случаевъ, когда волна общественной мысли шла на ущербъ и въ то же время начинался новый подъемъ—можно ставить дату для возобновленія терминовъ въ частномъ пріуроченіи: новый—новѣйшій—самый новый. Это частныя подраздѣленія, которыя умѣщаются на общей міровой волнѣ прогресса. Надо надѣяться, что этой общей волнѣ не дано будетъ опуститься, а, скажемъ примѣрно, вольется она въ какой-нибудь стоящій надъ нами и еще нами невидимый резервуаръ, въ которомъ окажется окончательная стоянка жизни. Но не будемъ загадывать впередъ. Вопросъ пока, по отношенію къ художественнымъ выставкамъ, въ опредѣленіи «новаго» и «новѣйшаго», а также «современнаго». «Новыми» были передвижники тридцать лѣтъ тому назадъ, когда они обособились отъ академистовъ. Теперь ихъ признаютъ или хотятъ признать «отставшими» и знамя «современности» переходитъ въ другіе руки. Мы должны констатировать, однако, что на трехъ теперешнихъ выставкахъ (и не только на послѣднихъ) усматривается нѣкоторое сближеніе или даже смѣшеніе пріемовъ письма и выбора сюжетовъ, такъ что строгой, формальной грани провести между направленіями уже нельзя. Напримѣръ, «символическія» картины есть, и уже были, даже на академическихъ выставкахъ, также какъ тамъ теперь имѣются картины въ духѣ тѣхъ, которыя прежде считались какъ бы спеціальностью «передвижниковъ» (напр., картина г. Владимірова—«Помощь голодающимъ»). Три теченія встрѣтились, повліяли другъ на друга, и каждая группа художниковъ потеряла свой острый специфическій характеръ. Скорѣе можно указать отрицательнымъ путемъ—какія изъ помѣщенныхъ картинъ на одной выставкѣ были бы совершенно недопустимы на другой (напр., такъ же трудно себѣ представить картины г. Мѣсоѣдова у «передвижниковъ» на выставкѣ «Міра Искусствъ», какъ сомнительно, чтобы нѣкоторыя изъ произведеній молодыхъ художниковъ (причисляя къ нимъ, напримѣръ, Врубеля послѣдней формаціи) были допущены на академической выставкѣ или даже у «передвижниковъ»). Однако, цѣлый рядъ картинъ безразлично могъ бы быть на любой изъ трехъ выставокъ. А нѣкоторые художники какъ бы раздваиваются. Напримѣръ, у г. Бакста есть портретъ (графини Келлеръ), который представляется намъ внѣспорнымъ по своимъ художественнымъ качествамъ, и другой портретъ или картина («Ужинъ») и еще картина («Испанскій танецъ»), которыя возбуждаютъ только недоумѣніе и заставляютъ васъ вторично посмотрѣть въ каталогъ—не ошибка ли въ обозначеніи художника. Итакъ, и черная дама г-на Бакста, съ удивительнымъ

декольте и еще болѣе удивительными формами, чистящая апельсины передъ какою-то непонятной не то скатертью, не то простыней, и «испанка» суть специфическіе аттрибуты выставки «Міра Искусствъ». Несомнѣнный же и весьма недюжинный талантъ художника г. Бакста нѣчто гораздо большее и независимое отъ «specialité de la maison». Путемъ такого выдѣленія мы дойдемъ до нѣкоторыхъ выводовъ, быть можетъ, не безынтересныхъ.

Но сперва остановимся на «гвоздѣ» всѣхъ трехъ выставокъ, на произведеніи художника, который и понынѣ представляется намъ, независимо отъ пріобрѣтеннаго имъ уже и историческаго значенія, самымъ «современнымъ», только, конечно, не въ смыслѣ второй части приведенной фразы—«чего не будетъ завтра». Ея не было «вчера», этой великолѣпной волны И. Е. Рѣпина, стремительно набрасывающейся на льдину, неся щебень, кусочки льда и пѣны; не было этого свѣтового эффекта надъ гребнемъ другой, меньшей волны, позолоченной весеннимъ солонцемъ. Но все это будетъ и «завтра», какъ есть сегодня, и станетъ «вѣчнымъ». Впечатлѣніе отъ картины, названной «Какой просторъ!», несомнѣнно новое; она передаетъ что-то еще не виданное въ произведеніяхъ искусства, а что другое, кажется, уже море и ледоходъ въ тысячахъ видахъ изображались. Нависшія сѣрыя тучи клочьями, береговое очертаніе еще не оттаявшихъ льдинъ на отмеляхъ, клочья брызгъ, срываемыхъ вѣтромъ съ гребней волнъ, вздымающихся посрединѣ полотна, и какъ разъ сзади самой большой, бурлящей между льдинъ, какъ водопадъ среди скалъ, во весь ростъ выписанной волны—двѣ свѣтлыя и жизнерадостныя фигуры студента и молодой дѣвушки, устремляющіяся впередъ, словно чувствуя поддержку въ свѣтлыхъ силахъ природы, чтобы въ союзѣ съ ними участвовать въ сокрушеніи зимнихъ оковъ. «Какой просторъ!»—эти слова настолько естественно вырываются, глядя на картину, что почти излишнимъ было ихъ подписывать. Однако, картина вызываетъ и нѣкоторое недоумѣніе. Въ ней заподозрили «аллегорію», которую самъ художникъ отрицаетъ. Первый показатель «аллегоріи» есть нѣкоторая искусственность. Здѣсь она чувствуется въ позахъ обоихъ молодыхъ людей, словно собирающихся въ порывѣ молодого чувства окунуться во встрѣчную волну, причемъ студента уже наполовину залило водой. Невольно думается, что вѣдь увлеченіе увлеченіемъ, а такъ можно и тифъ схватить: ни шинель съ бобровымъ воротникомъ у студента, ни мѣховая шапка и муфта у молодой дѣвушки въ зимней кофточкѣ отнюдь не свидѣтельствуютъ о достаточномъ теплѣ въ воздухѣ для такой оригинальной ванны въ ледяной водѣ. Стало быть, это не спроста. Впрочемъ, мы должны повѣрить художнику, что представленная имъ сцена возможна, дѣйствительна, хотя и маловѣроятна. Пусть въ картинѣ нѣтъ «аллегоріи», для которой слишкомъ реалистичное письмо не подходитъ; въ ней все же есть нѣкоторая мысль; мысль, не поддающаяся точной формулировкѣ, неясная, какъ сами очертанія этихъ облаковъ и волнъ, несущихся на «просторъ» и разбивающихъ оковы; въ картинѣ столько движенія, въ ней такъ мощно воплощенъ порывъ стихійной борьбы, что впечатлѣніе все же получается неизгладимое: картину продолжаешь видѣть, лишь разъ взглянувъ на нее. Она не забудется.

Отъ Рѣпина перейдемъ не къ другимъ картинамъ «передвижниковъ», хотя есть интересныя вещи, но, пользуясь правомъ писать не отчетъ, а лишь бѣглыя замѣтки, перейдемъ прямо къ его ученику на другой выставкѣ—«Міра Искусства»—Малявину, съ его новой варіацией на облюбованный имъ сюжетъ смѣющихся бабъ. На этотъ разъ ихъ только три; началъ г. Малявинъ съ одной, дошелъ до пяти, теперь съѣхалъ на три и разжаловалъ «картину» въ «этюдъ». Все то же, но по новому: настоящее полотно не повтореніе прежняго. Въ «этюдѣ» оказалось больше законченности; одна изъ бабъ—совсѣмъ хороша; двѣ другія, сходныя, какъ двѣ сестры, въ одинаковой позѣ и одинаково безобразныя, возвращаютъ насъ къ манерѣ недописанныхъ эскизовъ. Что и говорить, виртуозность кисти Малявина изумительна. Если художникъ усвоилъ отъ своего учителя умѣнье передавать движеніе, то въ выраженіи лицъ онъ возвелъ его въ кубѣ: смѣхъ такъ и брыжжетъ на этихъ грубыхъ, загорѣлыхъ лицахъ, и вы чувствуете, что эти фигуры движутся, что ихъ платья колышатся, что изъ губъ вылетаютъ какіе-то звуки,—словомъ, эти фигуры полны жизни. Это много, но все ли это? Такихъ бабъ, какъ у Малявина, скажемъ тоже «вчера» не было, но будутъ ли онѣ «завтра»? Въ этомъ огромномъ полотнѣ ощущается лишь переходный моментъ къ чему-то болѣе значительному и болѣе законченному. Будемъ ожидать. Талантливый художникъ воспринялъ импульсъ къ творчеству отъ великаго мастера и пошелъ своимъ путемъ, остерегаясь рутины. Онъ поражаетъ своей смѣлостью и виртуозностью, но пока и только.

Въ противоположность «динамическому» характеру творчества г. Малявина, «статическимъ» по преимуществу является другой молодой художникъ, на выставкѣ академіи художествъ, г. Борисовъ, предпріимчивый путешественникъ по сѣвернымъ морямъ, уже пріобрѣтшій извѣстность оригинальностью выставленныхъ имъ картинъ, «изъ страны льдовъ», на прежнихъ выставкахъ, и особенно серіей эскизовъ, исполненныхъ въ его послѣднюю поѣздку на Новую Землю. Г. Борисовъ, хотя и въ другой области, идетъ по стопамъ Шишкина. Его картины—не пейзажи, а уголки природы, въ ея объективной величавости, безъ призмы особаго темперамента или индивидуальнаго настроенія. Для знакомства съ совершенно намъ чужой и неизвѣстной природой — объективность передачи есть, пожалуй, нѣкоторое преимущество. Въ нынѣшнемъ году г. Борисовъ выставилъ большое полотно, подъ названіемъ «Страна смерти»,—чисто полярный ландшафтъ, съ ледяными горами и черною водой; ни день, ни ночь; багряная полоса на горизонтѣ, подъ коричневымъ небомъ, темно-бурый цвѣтъ котораго оттѣняетъ синеву снѣговыхъ тѣней. Холодомъ и мракомъ вѣетъ отъ этой картины: цѣль художника въ этомъ отношеніи достигнута, но полнѣе впечатлѣніе сѣверной природы получалось отъ серіи его этюдовъ, въ которыхъ какъ-то непосредственнѣе отливалось день за днемъ однообразіе вѣчныхъ льдовъ, при разныхъ временахъ года и въ разные часы ночи и дня, которые на сѣверѣ чередуются, сливаясь.

Академическая выставка въ нынѣшнемъ году численностью превосходитъ двѣ другія: новыхъ впечатлѣній мало. Съ неизмѣннымъ удовольствіемъ смо-

тришь на «знакомые» ландшафты Крыжицкаго, Химоны, на болѣе плодовитаго, чѣмъ оригинальнаго Столицу. Есть нѣсколько лунныхъ и безлунныхъ ночей въ стилѣ Куинджи. «Страшныя» картины г. Катарбинскаго, который, прославившись сепіями, нынче изобразилъ голову Медузы уже въ маслянныхъ краскахъ и сообщилъ ей красныя крылья. И опять античные сюжеты въ сомнительной трактовкѣ, и неудавшійся Іуда... Есть нѣсколько совсѣмъ новыхъ именъ: недурная по настроенію картина г. Фармаковскаго «Схимники» и менѣе насъ удовлетворившая картина того же художника—«Три сестры», которымъ что-то читаетъ старая игуменья (хотя у одной изъ «сестеръ», принявшей уже облаченіе послушницы, сильно переданъ религіозный экстазъ). У передвижниковъ, тоже встрѣчаешь много знакомаго: чудесные пейзажи Жуковскаго, не столь интереснаго въ нынѣшнемъ году Дубовскаго, который ударился въ однообразную и скучную желтизну, временами и не жизненную («Сосны»); нѣсколько слащаваго по письму, но все же привлекательнаго Богданаго-Бѣльскаго, съ его характерными дѣтьми школьнаго возраста («Между уроками», «Сочиненіе») и выразительнымъ портретомъ С. А. Рачинскаго; опять Касаткина съ его драматичными сюжетами («Первенецъ», «Повѣнчалась?», «Дагомейки») и рядъ другихъ знакомыхъ именъ и произведеній—варіацій на прежнія темы, причемъ нынче нѣсколько крупныхъ художниковъ не представлены на выставкѣ. И въ общемъ жанръ «передвижниковъ» уже не отличается отъ экспонентовъ на академической выставкѣ: оба направленія смѣшались; только осталась фирма и два разныхъ помѣщенія. Оригинальнѣе, за указаннымъ ограниченіемъ, выставка «Міра Искусствъ»: портреты Сѣрова (къ еожалѣнію, не всѣ), ландшафты Пурвита, Переплетчикова (менѣе интереснаго въ нынѣшнемъ году), Виноградова и нѣкоторыхъ друг., могли бы, однако, фигурировать на любой выставкѣ. Въ ихъ произведеніяхъ чувствуется лишь освобожденіе отъ нѣкоторыхъ недостатковъ письма такихъ картинъ, которыя въ видѣ пережитковъ прошлаго обременяютъ двѣ другія выставки. Но затѣмъ—есть Врубель (тридцать пять нумеровъ), одинокій въ своей болѣзненной талантливости; есть опять Сомовъ, съ одной изъ самыхъ вычурныхъ своихъ картинъ; есть удивительное пано г. Грабаря—«Городокъ на сѣв. Двинѣ», которое словно нарочно поддѣлано подъ дѣтское малеваніе, и нужно пристально всматриваться, чтобы уловить несомнѣнную правдивость изображенія при намѣренно эксцентричномъ выборѣ точки зрѣнія, чтобы посмотрѣть на заборы и домики съ такого мѣста, откуда бы они производили самое странное впечатлѣніе; есть, наконецъ, подавляющее количество эскизовъ и набросковъ для декорацій и рисунковъ для обложекъ. Совмѣстное выставленіе набросковъ и картинъ, быть можетъ, здѣсь не безъ разсчета: благодаря первымъ, мы скорѣе убѣждаемся, что не все на выставкѣ лишь подготовительные этюды къ невыполненнымъ еще картинамъ. Все это «специфическіе аттрибуты» выставки «Міра Искусства». Представляются ли они дѣйствительными преимуществами? Мы, къ сожалѣнію, усматриваемъ зачатки того же, что случилось съ передвижниками въ тѣхъ произведеніяхъ, фигурирующихъ и на настоящей выставкѣ, въ качествѣ какого-то балласта, только въ иномъ направленіи. У «передвижниковъ» пренебреженіе къ вопросамъ техники, условность и «зализанность»

письма, исключительная погоня за выразительными сюжетами, все это привело бывшихъ «молодыхъ» къ преждевременной старости, и недавніе передовые превратились въ отсталыхъ. У экспонентовъ на выставкѣ «Міра Искусства» то же, но въ діаметрально противоположномъ направленіи: и у нихъ появились «балласты», характеризующіе «спеціальность фирмы», только они опредѣляются иными чертами. Техника выдвинута на первый планъ, при намѣренномъ отстраненіи интереса къ сюжету, даже въ выборѣ темъ для пейзажа; картины пишутся такъ, чтобы какъ можно меньше походили на правду жизни и въ то же время онѣ, съ извѣстнаго угла зрѣнія, все-таки были бы «взаправдошними». И въ концѣ концовъ отдыхаешь лишь на тѣхъ произведеніяхъ, которыя на каждой изъ трехъ выставокъ не составляютъ «спеціальности фирмы». Если мы назвали г. Рѣпина, къ которому, въ разныхъ отношеніяхъ примыкаютъ и г. Малявинъ, и г. Сѣровъ, все же и понынѣ самымъ «современнымъ» изъ художниковъ, а не только сохраняющимъ выдающуюся роль въ исторіи нашей живописи, то его художественная карьера во многомъ весьма поучительна: онъ своевременно обособлялся и отъ «передвижниковъ», когда почувствовалъ, что, продолжая въ прежнемъ направленіи, не пойдетъ впередъ, какъ художникъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но онъ быстро пережилъ различныя стадіи эволюціи художника, возвращаясь къ широкимъ задачамъ настоящаго искусства (то, что у французовъ называется le grand art), а участники «Міра Искусства» какъ бы склонны застыть на переходной ступени. Имъ грозитъ опасность совершенно отстать отъ всего значительнаго въ жизни и баловаться «пустыми» формами. Не пора ли, владѣя техникой, обратиться къ тому, что есть не только «сегодня», но можетъ остаться и «завтра», не гоняться лишь за курьезами и эксцентричностями, которыя уже начинаютъ казаться старомодными, и прежде всего приняться серьезно *мыслить* въ образахъ?

Ѳ. Батюшковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Максимъ Горькій въ Тифлисѣ. Въ «Бакинскихъ Извѣстіяхъ» помѣщено воспоминаніе г. С. Вартаньянца о встрѣчѣ съ Максимомъ Горькимъ, въ бытность его въ Тифлисѣ.

«Въ одинъ изъ ненастныхъ осеннихъ дней,—разсказываетъ г. Вартаньянцъ,—проходилъ я по улицѣ Панасевича, въ городѣ Тифлисѣ. То было въ 1891 году. Пройдя полъ-улицы, я собирался свернуть влѣво, въ переулокъ, какъ вдругъ вниманіе мое невольно остановилось на весьма типичномъ молодомъ человѣкѣ; онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и шелъ мнѣ навстрѣчу. Это былъ юноша высокаго роста, широкоплечій, атлетическаго сложенія, съ широкимъ, грубоватымъ, чисто русскимъ лицомъ, съ длинными волосами; шелъ онъ твердыми, увѣренными шагами, точно чувствовалъ, что онъ не изъ простыхъ смертныхъ. Онъ поравнялся со мною, я еще лучше могъ осмотрѣть его: лицо было не изъ веселыхъ, умные вдумчивые глаза его выражали силу и присутствіе большой воли; вся его мощная фигура и оригинальное лицо невольно приковывало къ себѣ вниманіе прохожихъ. Счастливый случай привелъ меня познакомиться съ нимъ на другой же день въ квартирѣ больного Ч—зе. Было 10 часовъ утра, когда на другой день пришелъ я къ больному. Каково же было мое удивленіе, когда, войдя въ комнату, я увидѣлъ моего незнакомца, такъ сильно заинтересовавшаго меня наканунѣ. Меня познакомили. Онъ назвался Пѣшковымъ. Широкоплечій, здоровый, нѣсколько сутоловатый, высокаго роста, въ блузѣ, подпоясанный ремнемъ, съ лицомъ невеселымъ, но рѣшительнымъ, онъ произвелъ на меня бодрящее впечатлѣніе, впечатлѣніе чего-то новаго, а главное оригинальнаго. Рѣзкій во мнѣніяхъ, оригинальный во взглядахъ на вещи и явленія, онъ былъ грубоватъ въ манерахъ и движеніяхъ, что, впрочемъ, шло къ нему. Никогда не забуду, какъ онъ, во время одного изъ дежурствъ, схватилъ своими сильными руками сумасшедшаго Ч—зе (тоже крупнаго сложенія), желавшаго удрать изъ дому, быстро уложилъ его на кровать, также быстро привязалъ къ ней, чтобы окончательно парализовать въ немъ желаніе бѣгства. Нужна была дѣйствительно большая мускульная сила, чтобы обезоружить не въ мѣру разошедшагося душевно-больного, и Пѣшковъ обнару-

жилъ въ данномъ случаѣ дѣйствительно рѣдкую силу. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ товарищей больного, я помню, оставшись очень недовольными подобной мѣрой со стороны Пѣшкова, стали осуждать ее, но послѣднiй рѣшительно настаивалъ на необходимости примѣненiя рѣзкихъ мѣръ въ подобныхъ случаяхъ. Никакiя увѣщанiя, никакiя просьбы не успокоятъ не въ мѣру разбушевавшагося психическаго больного: нужна рѣшительность, рѣзко выраженная сила. Таково было тогда мнѣнiе Пѣшкова, человѣка очень отзывчиваго къ чужимъ страданiямъ, къ чужому горю. Больной очень интересовалъ Пѣшкова; онъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за каждымъ движенiемъ его души и, если память мнѣ не измѣняетъ, свои наблюденiя записывалъ въ тетрадь. Тетрадей, куда онъ заносилъ свои наблюденiя и впечатлѣнiя, было у него не мало. Писалъ онъ много, то стихами, то прозой. О своихъ писанiяхъ онъ мало съ кѣмъ говорилъ, можетъ быть потому, что отъ природы былъ одаренъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ качествъ человѣка—скромностью; все кричащее о себѣ вызывало въ немъ искреннее негодованiе. Онъ не скоро сближался съ людьми, но, сблизившись, оставался прекраснѣйшимъ товарищемъ; искренность, отсутствiе дѣланности и непосредственность составляли непремѣнные атрибуты его симпатичнаго характера; онъ былъ весьма интереснымъ собесѣдникомъ. Любовь къ скитальческой и нелюбовь къ осѣдлой жизни въ немъ были такъ же сильны, какъ во многихъ его герояхъ—босякахъ. Слова Тетерева—«лучше замерзнуть на ходу, чѣмъ гнить, сидя на одномъ мѣстѣ»—всецѣло примѣнимы и къ нему.

«Всего $^1/_2$ года, кажется, какъ онъ жилъ въ Тифлисѣ, а между тѣмъ, къ лѣту 1892 года онъ уже собирался съ котомкой за плечами скитаться по россiйскимъ деревнямъ, на этотъ разъ уже съ опредѣленной цѣлью—давать народные спектакли вездѣ, гдѣ только представлялась бы возможность. Для этого онъ уже въ апрѣлѣ вербовалъ людей, сочувствующихъ его идеѣ народнаго театра. Однимъ изъ такихъ былъ и я. Всѣхъ насъ для будущей группы странствующихъ актеровъ, было уже 5 чел., въ томъ числѣ самъ Максимычъ и одна женщина. По дорогѣ мы надѣялись увеличить составъ группы. Такъ зародилась идея о странствующей группѣ актеровъ, но, къ сожалѣнiю, не осуществилась; а почему не осуществилась,—не могу ничего сказать, тутъ память мнѣ измѣнила.

«Я не знаю, какое впечатлѣнiе оставлялъ Максимычъ (такъ звали мы его на другихъ рѣзкостью мнѣнiй, угловатостью манеръ, своеобразностью взглядовъ, но для меня онъ былъ чѣмъ-то особеннымъ, новымъ существомъ, вовсе непохожимъ на окружающихъ. Такимъ онъ мнѣ показался при первой встрѣчѣ, такимъ онъ оставался все время нашего знакомства. Интересно, что онъ не избѣгъ судьбы всѣхъ нашихъ крупныхъ поэтовъ, страстно увлекавшихся Байрономъ. Онъ любилъ Байрона, увлекался имъ. Не разъ онъ звалъ меня къ себѣ въ комнату (у него была отдѣльная комната) и съ особеннымъ увлеченiемъ читалъ мнѣ «Манфреда» и «Каина». Титанъ Манфредъ, гордо повелѣвающiй стихiямъ и даже самому Ариману, поражалъ его своимъ величiемъ; о немъ онъ говорилъ не иначе, какъ въ восторженномъ, сильно повышенномъ тонѣ. Съ такимъ же восторгомъ онъ читалъ мнѣ «Каина». Въ этихъ произведенiяхъ

Максимыча поражала необычайная смѣлость полета мысли великаго поэта. Когда теперь воскрешаю въ памяти зимніе вечера 1892 года въ подвальномъ этажѣ, въ довольно просторной комнатѣ, но бѣдной обстановкой, и вижу передъ собою мощнаго по фигурѣ Максимыча, разсказывающаго свои мытарства и скитанія по обширной Россіи, полныя бѣдности, лишеній, страданій и борьбы, то становится мнѣ понятнымъ его восторженное увлеченіе Байрономъ: Байронъ поддерживалъ въ немъ уже теплившійся въ груди его духъ недовольства настоящимъ, духъ протеста и вмѣстѣ съ тѣмъ уносилъ его вмѣстѣ съ Манфредомъ въ заоблачные края».

Евреи-горнорабочіе. Года полтора или два тому назадъ екатеринославскимъ безплатнымъ бюро по пріисканію занятій былъ сдѣланъ опытъ привлеченія евреевъ-рабочихъ къ горнымъ работамъ на рудникахъ Донецкаго бассейна. Къ сожалѣнію, опытъ этотъ не далъ тѣхъ результатовъ, какіе можно было ожидать, судя по первымъ шагамъ. За единичными исключеніями, евреи-рабочіе оставили рудники, проработавъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Въ «Югѣ» находимъ слѣдующее объясненіе этого факта. Съ одной стороны, по мнѣнію названной газеты, причиной послужило то обстоятельство, что время это совпало съ рѣзко наступившимъ упадкомъ дѣлъ въ нашей горнопромышленности, когда многіе рудники совсѣмъ остановились, а многіе наполовину сократили работу и выбросили такимъ образомъ на рынокъ громадное число незанятыхъ рабочихъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда цѣны на рабочихъ сразу пали и когда для владѣльцевъ рудниковъ ялилась возможность имѣть аа дешевую цѣну опытныхъ горнорабочихъ, евреи-новички были, конечно, вытѣснены. Кто знакомъ съ характеромъ горныхъ работъ, тотъ знаетъ, какъ цѣнится въ этой отрасли труда навыкъ и техническая сноровка въ рабочемъ, а послѣднее пріобрѣтается только долголѣтней практикой. Съ другой стороны, причиной неудачи явилось много обстоятельствъ, на которыхъ стоитъ остановиться, если принять во вниманіе, что екатеринославское бюро преслѣдовало не только временныя цѣли, устроить нѣсколько десятковъ безработныхъ, а болѣе идейныя и широкія, какъ привлеченіе евреевъ-рабочихъ къ совершенно новой для нихъ отрасли труда въ Россіи и тѣмъ дать возможность въ будущемъ приложить свой трудъ сотнямъ людей, задыхающихся въ переполненныхъ городахъ черты осѣдлости въ тяжелой нуждѣ.

Но трудъ горнорабочаго и особенныя специфическія условія рудничной жизни такъ отличаются отъ условія быта чернорабочаго при какой-либо другой работѣ, что переходъ къ этой жизни свершается очень медленно. Среди селъ и деревень, окружающихъ рудники горнопромышленнаго района, до сихъ поръ встрѣчаются такія, населеніе которыхъ не идетъ на рудничныя работы, а занимается исключительно земледѣліемъ. Въ неурожайные годы жители часто бѣдствуютъ, а на рудники идутъ неохотно, несмотря на то, что трудъ горнорабочаго оплачивается сравнительно хорошо. Професcіональные горнорабочіе встрѣчаются только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже давнымъ-давно существовали рудники казенные или частные, при самомъ нарожденіи горнаго дѣла, большей

же частью населеніе вблизи рудниковъ занимается смѣшаннымъ трудомъ: въ свободное время или въ неурожайный годъ идетъ на рудники, а въ остальное время занимается земледѣліемъ. Обыкновенно въ такихъ селеніяхъ молодое поколѣніе уже съ дѣтства пріучается къ горному труду и уже обладаетъ тѣми свойствами, какія цѣнятся въ профессіональномъ горнорабочемъ. Часто бываютъ случаи, что пришлый изъ отдаленныхъ губерній рабочій, при первомъ же ознакомленіи съ рудничной жизнью и съ тѣми опасностями для жизни, какія представляетъ собою трудъ горнорабочаго, уходитъ искать другую работу, а вѣдь не радость загнала его въ поиски за кускомъ хлѣба. Изъ этого видно, какъ медленно приходится привыкать къ этому труду и жизни.

Теперь сравнимъ положеніе рабочаго новичка русскаго и еврея. Русскому рабочему приходится жить среди своихъ соплеменниковъ, чаще—среди односельчанъ, такъ какъ устраиваются рабочіе большей частью артелями; при первой же возможности онъ беретъ къ себѣ и семью; образъ жизни приходится вести вполнѣ сродный своей натурѣ и привычкамъ: питаться есть возможность тѣмъ же, что и дома, даже болѣе сытно, праздники онъ не работаетъ и имѣетъ возможность соблюдать всѣ религіозные обряды согласно своимъ убѣжденіямъ. Затѣмъ о семьѣ ему приходится мало заботиться. Большею частью дома остались и хозяйство, и земля, и свой домикъ. Какъ никакъ, а семья не оставлена на произволъ судьбы и имѣетъ чѣмъ поддержать свое существованіе, а если отецъ еще иногда пошлетъ пять, десять рублей, то онъ ужъ и совсѣмъ спокоенъ. Что же представляетъ собою еврей-рабочій и въ какомъ положеніи ему приходится жить на рудникѣ? Это большей частью изнуренный борьбой за существованіе житель черты, живущій настоящимъ днемъ, безъ всякой почвы подъ собой. Жизнь бросаетъ его то въ одну, то въ другую сторону: вотъ онъ мелкій торговецъ, вотъ факторъ, вотъ рабочій, вотъ нищій и т. д. Ни минуты жизнь не даетъ ему успокоиться, остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ. Сфера дѣятельности и труда ограничена, конкуренція такъ велика, что жизнь проходитъ въ вѣчно нервномъ напряженіи и въ борьбѣ изъ за куска хлѣба. Изо дня въ день приходится изобрѣтать все новые способы въ этой тяжелой борьбѣ. О своемъ домикѣ, хозяйствѣ, землѣ говорить и думать, конечно, нечего. Вмѣсто этого—нужда и большей частью семья непристроенныхъ дѣтей. Вотъ самый распространенный типъ еврея-рабочаго, ищущаго занятій. Такому рабочему приходится пріучать себя къ совершенно новой незнакомой отрасли труда горнорабочаго, да еще при какихъ же окружающихъ условіяхъ? Жить приходится среди чуждаго элемента, при совершенно чуждой обстановкѣ, подвергаясь, конечно, обычнымъ притѣсненіямъ и насмѣшкамъ окружающихъ; сразу же приходится произвести такую ломку убѣжденій и привычекъ, какъ, напримѣръ, работать по праздникамъ и субботамъ—иначе удалятъ съ рудника, питаться трефной пищей или жить впроголодь, какъ это и было на дѣлѣ, и, въ довершеніе всего, быть подъ вѣчнымъ страхомъ быть выселеннымъ.

Если же на какомъ-либо рудникѣ власти относятся снисходительно, то ужъ приходится мириться со всѣми невзгодами и неудобствами, такъ какъ Богъ

его вѣдаетъ, какой взглядъ имѣютъ въ другомъ мѣстѣ на сей счетъ. О томъ, чтобы съ семьей устроиться, не можетъ быть, конечно, и рѣчи при данныхъ обстоятельствахъ, ибо ежеминутно грозитъ опасность разоренія, сопряженная съ выселеніемъ.

Итакъ, въ концѣ концовъ, что ожидаетъ еврея-рабочаго въ будущемъ? Какія надежды онъ можетъ имѣть, пріучая себя къ новому труду? Ровно никакихъ. Дома семья голодаетъ, или терпитъ нужду, самому приходится терпѣть и вдобавокъ получать за трудъ на первыхъ порахъ такую малую плату, что семьѣ буквально помочь нельзя.

Волей-неволей приходится чувствовать себя при этомъ занятіи перелетной птицей безъ всякой почвы подъ собой и при первой возможности—послѣ утомленія, острой нужды — остается опять обратиться въ поиски неопредѣленнаго лучшаго. Эти обстоятельства, какъ и показалъ опытъ, послужили главной причиной неудачи. Вдобавокъ наступившій поворотъ въ дѣлахъ къ худшему ускорилъ такой результатъ и затормозилъ дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи. Тѣмъ не менѣе, этотъ маленькій опытъ даетъ возможность констатировать, по мнѣнію указанной газеты, фактъ, что евреи-рабочіе на первыхъ же порахъ обнаружили много выгодныхъ для дѣла сторонъ. Такъ, напримѣръ, они быстро оріентировались въ дѣлѣ, выказали сообразительность въ сложномъ механизмѣ рудничнаго дѣла, что такъ важно въ этомъ случаѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что, при другихъ окружающихъ условіяхъ и данныхъ, евреи со временемъ дали бы хорошихъ горнорабочихъ, но это могло бы произойти естественнымъ путемъ, при нормальныхъ правовыхъ и экономическихъ условіяхъ еврейской жизни.

Тайна почтовой корреспонденціи. Г. Скромный Наблюдатель жалуется въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» на порядки, или, вѣрнѣе, «безпорядки», которые наблюдаются за послѣднее время въ нашемъ почтовомъ вѣдомствѣ. Исчезновеніе писемъ по дорогѣ къ адресату, вскрытіе конвертовъ и нарушеніе такимъ образомъ тайны почтовой корреспонденціи является теперь самымъ обычнымъ фактомъ.

Г. Скромный Наблюдатель (какъ и многія другія лица, прибавимъ мы отъ себя) неоднократно имѣлъ случай получать адресованныя на его имя письма въ разорванныхъ конвертахъ; на нѣкоторыхъ, рукою неизвѣстнаго лица, были сдѣланы надписи, что-де конвертъ полученъ почтовой конторой въ такомъ рваномъ видѣ. Случаи полученія такихъ писемъ бывали особенно часты тогда, когда ему пришлось проживать въ провинціи. Заинтересовавшись тѣмъ, кто является авторомъ надписей на конвертѣ, указанный авторъ наводилъ нѣсколько разъ справки у тѣхъ лицъ, которыя писали письма, полученныя имъ въ изорванномъ видѣ. Правда, бывали случаи, что авторы этихъ писемъ опускали ихъ въ почтовые ящики черезъ прислугу, но еще чаще бывало такъ, что они относили ихъ въ почтовую контору самолично, что не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что письма получены были почтовымъ вѣдомствомъ въ самомъ опрятномъ видѣ и испортились гдѣ-то по дорогѣ. Но и на этой категоріи фактовъ «непорядки» въ почтовомъ вѣдомствѣ не останавлива-

ются. Что вы скажете, если вдругъ въ конвертѣ, адресованномъ на ваше имя и посланномъ изъ одного города, вдругъ вы находите письмо неизвѣстнаго вамъ человѣка, посланное изъ другого города? Что вы скажете, спрашиваетъ г. Скромный Наблюдатель, если, какъ это было въ 1896 г. во время нижегородской выставки, вы получаете письмо отъ сестры, гдѣ она пишетъ, что прилагаетъ при семъ свою карточку, а вмѣсто этой карточки сестры вы вынимаете, къ вашему удивленію, портретъ какого-то господина съ усами? Это— ужъ не «порядки»: это какія-то телепатическія превращенія, не предусмотрѣнныя не только сводомъ россійскихъ законовъ, но и другими распоряженіями, гдѣ-либо, когда-либо опубликованными. Правда, въ глухихъ провинціальныхъ уголкахъ, надо полагать, до сего времени кой-гдѣ еще не перевелись гоголевскіе почтмейстеры, но почему же таковыхъ явилось за послѣдніе годы особенно много? Или всѣ почтмейстеры сдѣлались теперь людьми, крайне интересующимися ходомъ русской общественной жизни? Или они, не довѣряя правдивости и откровенности подцензурной печати, рѣшили искать «настоящую правду» въ другихъ мѣстахъ? Было бы весьма желательно, чтобы само почтовое вѣдомство просвѣтило насчетъ всѣхъ этихъ вопросовъ насъ, скромныхъ обывателей, привыкшихъ видѣть въ почтовыхъ учрежденіяхъ одно изъ высшихъ благъ культуры и отъ всей души желающихъ довѣрять свои самыя интимныя тайны, дѣла и дѣлишки самой корректной скромности гг. почтовыхъ чиновниковъ... Вѣдь насъ, скромныхъ обывателей, просто ужасъ беретъ, когда мы только подумаемъ, что лицо постороннее залѣзаетъ къ намъ въ душу, смакуетъ наши личныя дѣла, хихикаетъ надъ нашими порывами души, и т. д. Если виноваты гг. любопытные чиновники, то не пора ли ихъ «подтянуть»? Если виноваты другія обстоятельства,—не пора ли ихъ выяснить? Въ заключеніе г. скромный обыватель обращается черезъ посредство газеты ко всѣмъ компетентнымъ людямъ, не разъяснятъ ли они его недоразумѣній о цѣляхъ и задачахъ почтоваго вѣдомства Россійской имперіи?

Чествованіе памяти А. Н. Островскаго. 14-го февраля Малый театръ въ Москвѣ торжественно чествовалъ пятидесятую годовщину перваго представленія произведенія А. Н. Островскаго. Театръ былъ полонъ. Торжество было открыто рѣчью М. П. Садовскаго.

По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», ораторъ воскресилъ въ памяти присутствующихъ извѣстный изъ біографіи А. Н. Островскаго эпизодъ, происшедшій 14-го февраля 1847 г. въ квартирѣ профессора С. П. Шевырева. Въ этотъ день передъ небольшимъ кружкомъ, состоявшимъ преимущественно изъ членовъ редакціи «Москвитянина», «мало извѣстный молодой человѣкъ, чиновникъ коммерческаго суда, читалъ свои первые литературные опыты, первыя драматическія сцены». Окончивъ чтеніе, онъ сидѣлъ со скромно опущенными глазами и ждалъ своего приговора; пока слушатели не рѣшались высказать своихъ сужденій, къ автору подошелъ хозяинъ дома, взялъ его за руку и сказалъ: «Поздравляю васъ драматическимъ писателямъ». Молодой человѣкъ этотъ былъ Александръ Николаевичъ Островскій. По его собственнымъ словамъ, онъ съ этой минуты повѣрилъ въ свое призваніе и бодро принялся за работу, резуль-

татомъ которой явилась четырехъ-актная комедія «Банкротъ» (впослѣдствіи названная «Свои люди—сочтемся»). Съ этимъ произведеніемъ начинающаго драматурга московское общество познакомилось еще до появленія его въ печати; артистомъ, «имя котораго съ этихъ поръ стало неразрывно связано съ именемъ Островскаго» (П. М. Садовскимъ), оно читалось по рукописи, и спросъ на эти чтенія былъ такъ великъ, «что были дни, когда приходилось читать въ четырехъ домахъ; комедію слушали съ одинаковымъ вниманіемъ и въ блестящихъ аристократическихъ гостиныхъ, и въ болѣе скромныхъ обиталищахъ Замоскворѣчья». Завѣтная мечта писателя увидѣть героевъ своей комедіи въ живомъ сценическомъ воплощеніи, осуществилась, однако, только черезъ десять лѣтъ, «да и то съ прибавленіемъ въ концѣ пьесы квартальнаго, совершенно исказившаго весь смыслъ комедіи». Кромѣ самаго произведенія, «цензурѣ подверглась и личность автора»,—онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми сотрудниками «Москвитянина» былъ внесенъ въ списокъ лицъ неблагонадежныхъ. Переходя непосредственно къ знаменательному дню, чествуемому Малымъ театромъ, 14-го января 1853 г., г. Садовскій приводитъ слова автора комедіи «Не въ свои сани не садись» по поводу ея первой постановки на сценѣ: «Я счастливъ, моя пьеса сыграна», писалъ Островскій. Охарактеризовавъ ближайшее вліяніе первыхъ произведеній Островскаго на сцену и публику, ораторъ мимоходомъ остановился на критикахъ-«антагонистахъ» драматурга. «Эти близорукіе критики не понимали, какая огромная сила духа нарождалась на свѣтъ; они не предвидѣли, что по пути, указанному этою силой, будутъ идти ряды писательскихъ поколѣній; они не замѣчали, какъ у нихъ на глазахъ совершалось перерожденіе театра. Наряду съ антагонистами были и восторженные поклонники; они вѣрили новому вѣянію, съ надеждой смотрѣли на будущее и черезъ годъ, при представленіи комедіи «Бѣдность не порокъ», изъ райка раздался вдохновенный крикъ энтузіаста-критика А. А. Григорьева: «Умерла мелодрама! Шире дорогу,—Любимъ Торцовъ идетъ!..» «Какія бы ни являлись,—добавляетъ ораторъ,—новыя направленія, новыя настроенія, новыя формы литературы,—они не убьютъ твореній Островскаго».

Послѣ небольшого перерыва начался спектакль. Шла комедія «Не въ свои сани не садись» съ участіемъ г-жъ Садовской, Садовской 2-й, Никулиной, гг. Садовскаго, Рыбакова, Грекова, Яковлева и др. По окончаніи пьесы состоялась заключительная часть чествованія—«апоѳеозъ». Поднялся передній занавѣсъ и открылъ часть сцены, на которой съ одной стороны сгруппированы были артисты и артистки труппы Малаго театра и прибывшія депутаціи, съ другой—хоръ. М. Н. Ермолова, выйдя на авансцену, съ чувствомъ продекламировала стихотвореніе «Островскому», заканчивающееся слѣдующими строками:

„Островскій—это тотъ, кто первый пѣлъ такъ дивно
Гимнъ русской женщинѣ, правдивой и простой!..
Островскій—это тотъ, кто въ темномъ, душномъ мірѣ
Нашелъ отрадный лучъ, Островскій—это тотъ,
Кто первый кликнулъ кличъ: „Дорогу шире, шире,—
Любимъ Торцовъ идетъ!“

Чтеніе стихотворенія вызвало шумные аплодисменты. Послѣ этого поднялся

второй занавѣсъ и открылъ зрителямъ эффектно скомпанованную по рисунку А. П. Ленскаго живую картину; на фонѣ декораціи, изображающей видъ на Кремль и Замоскворѣчье, на высокомъ постаментѣ въ формѣ колонны, бюстъ А. Н. Островскаго; вокругъ колонны дѣйствующія лица изъ произведеній чествуемаго писателя. При звукахъ «Славы» и аплодисментахъ къ подножію бюста были положены вѣнки: отъ Малаго театра, отъ Общества драматическихъ писателей и отъ «Художественно-литературнаго кружка».

Учебныя руководства для народа. Въ краткомъ руководствѣ къ садоводству г. Николая Смирнова (одобренномъ училищными комитетами: при св. синодѣ для библіотекъ церк.-прих. школъ 1901 г., января 10-го дня и мин. нар. просв.—одноклас. и двухклас. училищѣ и особымъ отдѣломъ его—для безплатныхъ народ. читаленъ и библіотекъ апрѣля 1-го) на страницахъ 72 (изданія второго) значится: «Еще враги страшные черви. Начнутъ они ѣсть листъ на вишняхъ, крыжовникѣ и смородинѣ, ничего не оставятъ: сѣвшія на вѣткахъ ягоды неминуемо засыхаютъ и валятся; мало того, послѣ листа червь ѣстъ и ягоду ихъ. Чѣмъ спасаться отъ червей?»

Отвѣтъ: «Одной только молитвой, св. водой и заклинаніямъ св. муч. Трифона, положенными въ большомъ требникѣ. Когда читаешь эти его молитвы, всегда бываетъ великая польза: черви пропадаютъ (сохнутъ) на другой же день. Только при этомъ должно исполнять правило цер. устава: читая ихъ, упоминать не всѣхъ животныхъ, которыя значутся въ нихъ, а только одно то, которое вредитъ растенію въ данныя минуты. Напр., червь или мошку».

«Учебникъ» географіи тоже одобренъ, если и не оффиціальными комитетомъ мин. нар. просв., то во всякомъ случаѣ самими педагогами, ибо онъ выдержалъ уже 8 изданій. Полное его заглавіе таково: «*И. С. Штейнгауеръ*. Географія-первинка. Въ вопросахъ и отвѣтахъ. Съ обозначеніемъ удареній и рисунками въ текстѣ. Городъ Лодзь, 1902 г. Изданіе восьмое, исправленное. Цѣна въ папкѣ 25 коп.».

Чтобы дать понятіе о своеобразности этого географическаго катехизиса приведемъ изъ него нѣсколько строкъ:

Вопросъ. Кто губернáторомъ... губерній *)?

Отвѣтъ. Губернáторомъ... губерніи — егó превосходи́тельство... (имя, отчество и фамилія).

Вопросъ. Къ какóй учéбной дирéкціи причисляется нáше учи́лище?

Отвѣтъ. Нáше учили́ще причисля́ется къ... учéбной дирéкціи.

Вопросъ. Кто начáльникомъ... учебной дирекціи?

Отвѣтъ. Начáльникомъ... учéбной дирéкціи — его превосходительство дѣйстви́тельный стáтскій совѣтникъ... (имя, отчество и фамилія (стр. 15).

Вопросъ. Кто генерáлъ-губернáторомъ Приви́слянскаго края?

Отвѣтъ. Генерáлъ-губернаторомъ Приви́слянскаго крáя его высокопревосходи́тельство генералъ-губернáторъ генерáлъ-адъютантъ Михаи́лъ Ивáновичъ Черткóвъ.

---

*) Учитель долженъ самъ вставить недостающія свѣдѣнія.

Вопросъ. Кто попечи́телемъ Варша́вскаго уче́бнаго о́круга?

Отвѣтъ. Попечи́телемъ Варша́вскаго уче́бнаго о́круга...

Во́просъ. Кто помо́щникомъ попечи́теля Варша́вскаго уче́бнаго округа?

Отвѣтъ. Помо́щникомъ попечителя Варша́вскаго уче́бнаго округа — его превосходи́тельство дѣйстви́тельный ста́тскій совѣтникъ Никола́й Матвѣевичъ Стефа́ни (стр. 35—36).

Такіе учебники и руководства ни въ какихъ комментаріяхъ не нуждаются, и мы только констатируемъ ихъ существованіе.

Катастрофа въ шахтѣ близъ Юзовки. Спеціальный корреспондентъ «Перм. Вѣд.», какъ очевидецъ, передаетъ слѣдующія подробности пожара въ шахтѣ успенскаго общества, близъ Юзовки. «Загорѣлась камера паровой лебедки. Машинистомъ была опрокинута керосиновая лампа. Камера эта соединялась съ воздушнымъ просѣкомъ (штрекомъ), идущимъ на сбойку (возстающій штрекъ) къ вентиляціонной шахтѣ; находясь, слѣдовательно въ направленіи сильной входящей воздушной струи, она такъ быстро воспламенилась, что машинисту и смазчику оставалось только спасаться самимъ. Черезъ нѣсколько минутъ уже горѣло на главномъ откаточномъ штрекѣ. Рабочіе, находящіеся, главнымъ образомъ, въ отдаленныхъ забояхъ отъ мѣста пожара, не могли своевременно оставить работы, такъ какъ до нихъ признаки пожара могли достичь минутъ черезъ 20. Когда же они поняли, что находятся въ опасности, выхода для нихъ уже не существовало, такъ какъ тѣ штреки и ходокъ, по которымъ они могли выйти, были наполнены продуктами горѣнія. Надзоръ въ шахтѣ въ это время надъ 88 человѣками принадлежалъ 2 десятникамъ. Одинъ изъ нихъ до сихъ поръ не найденъ. Возможно, что онъ, желая вывести рабочихъ, сдѣлался самъ жертвой пожара. Для ослабленія пожара необходимо было прекратить струю входящаго воздуха черезъ вентиляціонную шахту, а для предупрежденія возможности пожара на стволѣ работающей шахты—закрыть одну предохранительную дверь. Это и было сдѣлано завѣдующимъ этой шахты г. Головинымъ. Но въ шахтѣ было еще 76 человѣкъ (12 успѣли спастись), достичь до нихъ тотчасъ же не было никакой возможности. Безусловно многіе изъ нихъ находились еще живыми, такъ какъ отъ мѣста пожара они были изолированы. Въ дѣлѣ оказанія немедленной помощи всѣ мы были безсильны. Всѣ, кто пытался проникнуть къ несчастнымъ, черезъ нѣсколько минутъ сами находились въ безсознательномъ состояніи отъ скопившихся вредныхъ газовъ. Былъ собранъ совѣтъ изъ инженеровъ, техниковъ и штейгеровъ. Рѣшено при перемѣнной вентиляціи и при устройствѣ всевозможныхъ перемычекъ и зашивокъ пускать свѣжую струю воздуха и двигаться самимъ за этой струей къ погибающимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы быть увѣреннымъ, и чтобы спасающіе сами не сдѣлались жертвами, пришлось удалить мѣсто пожара отъ ходка (по которому шли главныя работы по спасанію погибающихъ) на безопасное разстояніе. Удалось это сдѣлать всего на 3 саж., а для того, чтобы пожаръ не возобновился на этомъ мѣстѣ, была сдѣлана каменная перемычка.

«И вотъ медленно съ громадными препятствіями, шагъ за шагомъ, двигались по направленію струи къ погибающимъ. Рѣдкій выдерживалъ 2 часа: голова начинала кружиться, люди падали и ихъ уносили. На смѣну являлись новые рабочіе съ новыми распорядителями и съ ними повторялось то же самое.

«Черезъ 24 часа нашли 6 труповъ. Мы жаждали найти живыхъ людей, а нашли трупы. Около зданія шахты тысячная толпа ждала съ напряженнымъ нетерпѣніемъ плодовъ нашей работы. Каждый трупъ публика встрѣчала гробовымъ молчаніемъ. Время отъ времени раздавались только рыданія родственниковъ пострадавшихъ. Общее настроеніе гнетущее, подавляющее.

«Слѣдующіе 24 часа были болѣе «счастливыми» для насъ. Мы нашли 12 живыхъ человѣкъ и между ними 2 трупа. Еще бы 2—3 часа и этихъ людей не было бы (слова докторовъ), они спаслись благодаря своей догадливости. Эти рабочіе изолировали свой штрекъ отъ проникающаго къ нимъ испорченнаго воздуха и, слѣдовательно, находясь въ нѣкоторомъ воздушномъ пространствѣ, могли существовать только до полнаго истребленія ими кислорода.

«13 человѣкъ спасены. Это обстоятельство, конечно, усилило энергію спасающихъ. Каждой минутой нужно было дорожить. Но, увы, дальнѣйшее продолженіе работы находило все больше и больше препятствій. Особенно намъ вредилъ трупъ лошади, издававшій невозможный смрадъ. Огонь почти не горѣлъ. Съ большимъ трудомъ удалось засыпать трупъ углемъ. Наконецъ, еще черезъ 15 час. наткнулись на группу труповъ въ 12 чел. И такъ въ теченіе 3 сутокъ спасли только 13 чел. и вынесли 20 труповъ. Осталось еще 44 человѣка, которые, какъ извѣстно изъ телеграммъ, не были спасены».

Открытіе „Народнаго дома“ въ Харьковѣ. Это открытіе состоялось, по словамъ мѣстныхъ газетъ, 2-го февраля. Красивое трехъэтажное зданіе, выстроенное по планамъ акад. Г. Бекетова, служитъ украшеніемъ Старо-Московской ул. и гордостью всего харков. общества, трудами котораго, по иниціативѣ общ. грамотности, оно и возникло.

Прекрасное зданіе снаружи, оно не менѣе красиво и внутри. Эффектно устроенная сцена съ занавѣсомъ, представляющая собой копію памятника Императора Александра II-го въ Москвѣ—Освободителя крестьянъ, около котораго толпа крестьянъ и рабочихъ—будущихъ посѣтителей «дома», зрительный залъ въ 2 свѣта и 3 яруса, и напоминающая собой мѣстный драматическій театръ изящная отдѣлка, мягкіе, не бьющіе въ глаза, цвѣта и тоны, красиво разрисованный плафонъ, простыя деревянныя, но удобно расположенныя амфитеатромъ скамьи, просторная галлерея, курительныя комнаты, буфеты, чайныя—все подкупаетъ своей красотой, изяществомъ и удобствомъ. Тутъ же библіотека, читальный залъ, комнаты для оркестра, для хорового пѣнія и пр., и пр.

Однимъ словомъ «Народный Домъ» созданъ на славу и остается только пожелать ему того, что было такъ тепло и искренно высказано въ привѣтствіяхъ отъ разныхъ обществъ и лицъ.

Торжество началось молебствіемъ, послѣ котораго предсѣд. общ. грамотности г. Ковалевскій обратился съ привѣтствіемъ къ присутствующимъ. Привѣтствуя

иниціаторовъ и исполнителя грандіознаго дѣла, г. Ковалевскій пожелалъ «Народному дому» объеденить всѣхъ его будущихъ посѣтителей. Здѣсь всѣ равны, здѣсь нѣтъ опредѣленнаго хозяина, хозяева этого дворца — всѣ, кто тутъ будетъ бывать, закончилъ свою рѣчь, г. Ковалевскій. Затѣмъ предсѣдатель строительнаго, комитета г. Раевскій, прочелъ исторію возникновенія и осуществленія «Народнаго дома». «Народный домъ» обошелся въ 154.853 руб., кромѣ оборудованія библіотеки и читальни. Сумма эта составилась, главнымъ образомъ изъ пожертвованія; такъ, 31.200 руб. дало общество трезвости, 36.000—пожертвовано разными лицами и выручено отъ лекцій, вечеровъ и пр., на 6.000 р. пожертвованы разные матеріалы для постройки, 51.000 ассигнованы министерствомъ финансовъ, 5.000 ассигнованы губ. земствомъ, и ежегодно будетъ отпускаться городск. общ. упр. по 2.000 руб. «Народному дому», въ память 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ. Долгу «Народный домъ» имѣетъ 3.500 руб., которыя надѣется погасить не долѣе, какъ въ этомъ же году.

Затѣмъ г. Левенстимъ прочелъ «Исторію возникновенія народныхъ домовъ» въ Зап. Европѣ и у насъ, проф. Устиновъ о значеніи въ культурномъ отношеніи подобнаго рода учрежденій, облагораживающихъ и поднимающихъ значеніе человѣка въ его собственныхъ глазахъ, проф. Гродескулъ привѣтствовалъ новое учрежденіе отъ лица мѣстнаго юридич. общества.

Ректоръ университета Н. О. Куплевскій — отъ харьковскаго университета пожелалъ процвѣтанія новому просвѣтительному учрежденію—«народному университету». Затѣмъ шли привѣтствія отъ харьковск. общ. библіотеки и комитета общества народной грамотности—проф. Вагалѣй, отъ харьковскаго благотвор. общества, отъ воскресной школы, отъ общества взаимопомощи, занимающихся ремеслен. трудомъ, рѣчь, вызвавшая бурю долго не смолкавшихъ апплодисментовъ, отъ обучающихся на курсахъ для рабочихъ, отъ общества народнаго образованія и развлеченій и др. лицъ и обществъ. Получено свыше 50 привѣтственныхъ телеграммъ.

Врачъ-подвижникъ. «Русскія Вѣдомости» посвящаютъ теплыя строки памяти много потрудившагося на благо деревенскаго населенія врача С. И. Сычугова, имя котораго стало пріобрѣтать извѣстность съ половины 70-хъ годовъ. Его горячая живая дѣятельность сначала въ качествѣ уѣзднаго земскаго врача, а потомъ завѣдующаго санитарно-статистическимъ отдѣломъ цѣлой губерніи была замѣчена всѣми, кто интересовался земскою медициной. Съ конца 80-хъ годовъ, когда онъ, отказавшись отъ службы земству, рѣшилъ отдать всѣ силы поразительно скромной, но трудной и небывалой у насъ дѣятельности вольнаго деревенскаго врача,—извѣстность его уже перешла за предѣлы медицинской печати. О немъ заговорила общая печать. Его, яркая самобытная, выдающаяся личность, его самоотверженная дѣятельность среди народа въ послѣднія одиннадцать лѣтъ жизни производили на всѣхъ настолько сильное впечатлѣніе, что не могли остаться незамѣченными и неоцѣненными по достоинству.

Для этой цѣли онъ перебирается въ село Верховино, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи, гдѣ живетъ только что овдовѣвшая родная сестра его, оставшаяся при малыхъ средствахъ съ цѣлою кучей дѣтей. Сычуговъ радуется, что судьба посылаетъ ему новыя заботы какъ бы для того, чтобы утѣшить его одинокую старость и, не задумываясь, беретъ на себя тяжелыя обязанности отца по отношенію къ осиротѣвшей семьѣ. Онъ строитъ по сосѣдству съ ними небольшой, но удобный для пріема больныхъ домъ и горячо принимается за дѣло.

Къ этому времени у него скопилось «нажитыхъ», какъ онъ выражается,— «буржуазнымъ трудомъ» денегъ болѣе 5.000 рублей, которыя онъ рѣшилъ истратить до копѣйки, чтобы доказать возможность существованія деревенскаго врача исключительно своимъ заработкомъ. Часть этихъ денегъ уходитъ на постройку дома, 1.300 рублей онъ отсылаетъ въ медицинскую кассу, 2.000 рублей отдаетъ сиротамъ племянницамъ, а остальныя откладываетъ на устройство и содержаніе народной библіотеки.

Дѣятельность Сычугова не только давала благодарный матеріалъ для обсужденія вопроса со спеціальной точки зрѣнія, но и затрогивала общіе вопросы жизни. Она вся проникнута искреннимъ горячимъ призывомъ въ деревню для борьбы съ народной нуждой и темнотой. О ней справедливо говорили читатели, что она «такъ и тянетъ къ добру». Сычугогъ былъ засыпанъ письменными обращеніями, то просто выражающими сочувствіе, то дѣловыми, съ просьбами посовѣтовать, разъяснить ту или другую подробность. Кромѣ того, ему пришлось написать по этому вопросу двѣ статьи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ».

Въ этой статьѣ Сычуговъ сообщилъ, что въ теченіе года онъ принялъ 7.200 человѣкъ больныхъ. Давая не только совѣты, но и лѣкарства изъ собственной аптеки, онъ находилъ возможнымъ брать, за исключеніемъ случаевъ, въ которыхъ употреблялись дорогіе медикаменты, ничтожную плату отъ 5-ти до 20-ти коп. Только для лицъ привилегированныхъ сословій, которыхъ весьма немного въ тѣхъ мѣстахъ Вятской губерніи, онъ назначалъ болѣе высокую плату. Но пострадавшіе отъ какихъ-либо несчастій вдовы, сироты, нищіе пользовались безплатно какъ его трудомъ, такъ и лѣкарствами. За вычетомъ всѣхъ расходовъ, даже извѣстнаго процента на погашеніе капитала, затраченнаго на устройство амбулаторіи, по точнымъ его вычисленіямъ, оставалось чистаго дохода около 300 рублей, которыхъ, по его мнѣнію, достаточно, чтобы жить въ той мѣстности не только безъ нужды, но даже съ нѣкоторымъ комфортомъ, «понимая его въ смыслѣ простоты, удобства и гигіеничности». Отъ этой суммы онъ находитъ возможнымъ удѣлить еще нѣсколько десятковъ рублей на выписку журналовъ, газетъ и на постоянное пополненіе своей медицинской библіотеки. «Я положительно утверждаю,—говоритъ онъ,—что живу теперь ничуть не хуже, чѣмъ прежде, когда я получалъ и проживалъ почти безъ остатка слишкомъ 2.000 рублей».

Какъ ни странны покажутся многимъ приведенныя слова Сычугова, но въ искренности ихъ сомнѣнія быть не можетъ. Это была необыкновенно сильная

натура; вся дѣятельность его представляла собой рѣдкій примѣръ самопожертвованія. Такихъ людей на обыкновенный аршинъ мѣрить нельзя. Когда заговорили печатно о его подвижничествѣ, онъ съ полною искренностью отвѣчалъ на это такими словами: «Нѣкоторые органы печати въ такомъ обыденномъ фактѣ, какъ замѣна теплаго мѣста менѣе теплою деревенскою практикою, усмотрѣли подвижничество. Съ понятіемъ о подвигѣ соединяется понятіе о самопожертвованіи, самоотреченіи,—ничего подобнаго мнѣ приписать нельзя. Я хорошую жизнь замѣнилъ только лучшею; я пріобрѣлъ равновѣсіе силъ, уяснилъ себѣ цѣль жизни, нашелъ возможность снова служить начинавшимъ тускнѣть отъ житейской грязи идеаламъ юности, возвратилъ себѣ колебавшуюся было вѣру въ истину, добро и людей, убѣдился, что не даромъ копчу небо,—словомъ, достигъ возможнаго на землѣ счастья, какъ я его понимаю. Но гдѣ же тутъ подвижничество?»

С. И. Сычуговъ скончался 2-го февраля 1902 года.

Литературный юбилей. 15-го іюля нынѣшняго года исполнится 50 лѣтъ со дня рожденія нашего извѣстнаго писателя Владиміра Галактіоновича Короленко. Какъ извѣстно, Владиміръ Галактіоновичъ родился въ Житомирѣ, гдѣ отецъ его Галактіонъ Афанасьевичъ, занималъ должность уѣзднаго судьи.

Въ виду этого обстоятельства, одинъ изъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ В. А. Бернацкій (чиновникъ особыхъ порученій казенной палаты) обратился къ житомирскому городскому головѣ А. Д. Давыдовскому съ заявленіемъ, въ которомъ проситъ внести въ городскую думу предложеніе о чествованіи 50-ти-лѣтія дня рожденія Владиміра Галактіоновича на его родинѣ.

«Мы не сомнѣваемся,—пишетъ «Волынь»,—что вопросъ о чествованіи одного изъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей найдетъ въ сердцѣ городского общественнаго управленія и среди жителей самый живой откликъ».

Г. Бернацкій подалъ г. городскому головѣ слѣдующее заявленіе: «Въ нынѣшнемъ году, а именно 15-го іюля, исполняется 50-ти-лѣтіе со дня рожденія одного изъ наиболѣе выдающихся нашихъ художниковъ слова, писателя-беллетриста, бывшаго почетнаго академика, В. Г. Короленко.

«Этимъ именемъ, которымъ гордится Россія, нашъ Житомиръ, являющійся родиной писателя, можетъ гордиться по преимуществу.

«Здѣсь В. Г. провелъ свое дѣтство, съ 1853 года по 1866 г., въ здѣшней гимназіи онъ началъ учиться, съ Житомиромъ связаны его воспоминанія дѣтства. Волыни и, въ частности, Житомиру посвящены нѣкоторыя его произведенія («Парадоксъ», «Въ дурномъ обществѣ» и др.).

«Почтить полувѣковой день рожденія такого человѣка, который составляетъ нашу славу и гордость,—наша святая обязанность.

«Поэтому я покорнѣйше прошу васъ, м. г., принять на себя трудъ внести на обсужденіе нашего городского общества, въ лицѣ городской думы, предложеніе о чествованіи 50-ти-лѣтія дня рожденія В. Г. Короленко.

«Съ своей стороны, я нашелъ бы необходимымъ поднести В. Г. званіе почетнаго гражданина гор. Житомира, помѣстить въ залѣ городской думы его

портретъ, исходатайствовать разрѣшеніе учебнаго вѣдомства на помѣщеніе его портрета въ здѣшней 1-й гимназіи, откныть школу имени В. Г. Короленко, а если средства не позволятъ этого, учредить, по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ мѣстныхъ учебныхъ учебныхъ заведеній стипендію имени писателя, наименовать одну изъ лучшихъ улицъ въ городѣ его именемъ, послать 15-го іюня писателю привѣтственную телеграмму отъ имени городского общества, устроить въ этотъ день народныя чтенія».

Вопросъ о дворянскихъ кассахъ въ собраніи тамбовскихъ дворянъ. Въ «Сарат. Дневникѣ» находимъ краткое изложеніе интересныхъ преній, происходившихъ въ собраніи тамбовскихъ дворянъ по поводу дворянскихъ кассъ, проектъ которыхъ встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны нѣкоторыхъ членовъ собранія. Послѣ рѣчи князя Цертелева, который выяснилъ значеніе кассъ для дворянства, проектируемыхъ ради сохраненія дворянскаго сословія, немедленно посыпались возраженія. Ю. А. Новосильцевъ (темниковскій уѣздный предводитель) указалъ на то, что касса не спасетъ экономически слабаго дворянства. В. М. Петрово-Соловово (тамбовскій уѣздный предводитель дворянства) доказывалъ, что врядъ ли стоитъ сохранять для службы государству наиболѣе слабые, наименѣе жизнеспособные элементы. Съ большою рѣзкостью возражалъ кн. Цертелеву С. И. Комсинъ (товарищъ предсѣдателя окружного суда), отмѣтивъ, что изъ смысла рѣчи князя Цертелева выходитъ, какъ будто правительство желаетъ купить дворянство учрежденіемъ кассъ; онъ находилъ, что нападать въ дворянскомъ собраніи на земство, которое не имѣетъ здѣсь оффиціальныхъ представителей, по меньшей мѣрѣ неудобно (тутъ С. И. былъ остановленъ предсѣдателемъ собранія). Л. Д. Брюхатовъ (членъ губернской управы) доказывалъ полную безцѣльность учрежденія въ настоящее время сословной дворянской кассы въ цѣляхъ поддержки дворянскаго сословія, какъ таковаго. Теперь роль дворянства, какъ дворянскаго сословія, уже сыграна: оно должно уступить мѣсто другимъ элементамъ. Дворянство уже не составляетъ преимущественно служилаго сословія. Въ этомъ отношеніи его давно уже сталъ замѣнять, а теперь и вполнѣ замѣнилъ, элементъ недворянскій, такъ называемый разночинецъ, зарекомендовавшій себя большею трудоспособностью, большею культурностью. Поддерживать отдѣльныхъ бѣдствующихъ дворянъ слѣдуетъ дворянской корпораціи, но, разумѣется, лишь на собственныя средства. Принципъ взаимопомощи,—принципъ желательный, но лишь тогда, когда онъ основывается на самодѣятельности. Предполагаемая организація кассы, именно, не удовлетворяетъ этому требованію. Болѣе 50 проц. средствъ кассы составляютъ не дворянскія деньги, а суммы, ничего общаго съ дворянскими сословными интересами не имѣющія. Хотя государственный бюджетъ нашъ и основывается, главнымъ образомъ, на косвенномъ обложеніи, но главными плательщиками косвенныхъ налоговъ являются крестьяне—элементъ, въ настоящее время оффиціально признанный экономически несостоятельнымъ. Каждая лишняя налоговая тяжесть, несомнѣнно, еще болѣе ухудшаетъ положеніе массы. Поэтому учреждать въ настоящее время сословную кассу на счетъ этой же

обездоленной массы будетъ крупною несправедливостью. Будущее принадлежитъ не сословному началу, а безсословному, и потому не слѣдуетъ стремиться къ упроченію сословныхъ перегородокъ: не слѣдуетъ осложнять взаимоотношенія еще продолжающихъ существовать сословныхъ группъ. А. Д. Брюхатовъ (земскій начальникъ) высказалъ, что онъ принципіально противъ того, чтобы одному сословію помогать за счетъ другихъ, но въ данномъ случаѣ надо взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія практической политики. Историческая эволюція, несомнѣнно, идетъ къ уничтоженію сословной организаціи, но для Россіи еще не наступилъ тотъ моментъ, когда роль сословнаго дворянства можно считать сыгранной. Пройдетъ 500—100 лѣтъ, появится безсословная сельская интеллигенція, подобная той, какая существуетъ теперь въ городахъ, и тогда не будетъ смысла поддерживать на средства казны сельское дворянство. Но въ настоящее время дворяне составляютъ главный контингентъ культурныхъ людей въ русской деревнѣ, и государству важно сохранить этотъ культурный элементъ. Говорятъ, что гибнутъ слабые, неспособные служить государству. Но зоологическій принципъ борьбы за существованіе долженъ смѣняться въ соціальныхъ отношеніяхъ принципомъ этическимъ. Слабые, которые гибнутъ въ борьбѣ,— не всегда худшіе. Поэтому ораторъ высказывается за учрежденіе кассы хотя бы съ пособіемъ отъ казны.

Голосованіе дало 117 голосовъ за и 77 противъ кассы. Такъ какъ для складки (посредствомъ обложенія дворянскихъ земель), которая необходима, чтобы учредить кассу, нужно $^2/_3$ голосовъ, то стало очевидно, что принципіальное постановленіе относительно кассы не получитъ практическаго осуществленія. Попробовали отдѣлить вопросъ о складкѣ (3 к. съ десятины въ первый годъ и 2 к. въ два послѣдующіе года) отъ принципіальнаго вопроса, но на другой день 18-го января противъ складки оказалось 90 голосовъ.

Собраніе рабочихъ. По словамъ «Од. Нов.», 2-го февраля въ Одессѣ состоялось многолюдное собраніе рабочихъ, служащихъ на крупнѣйшихъ мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, организованное съ разрѣшенія администраціи. Собранія рабочихъ происходятъ уже нѣсколько недѣль по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. На собраніяхъ, устраиваемыхъ съ цѣлью организаціи общества взаимопомощи нуждающихся ремесленниковъ и рабочихъ, въ теченіе послѣдняго мѣсяца вырабатывались основныя положенія учреждаемаго общества взаимопомощи. Проектъ устава общества рабочихъ разрабатывается примѣнительно къ бытовымъ условіямъ характерныхъ группъ учредителей - рабочихъ разныхъ заводовъ и фабрикъ. Послѣднія организованныя собранія привлекли болѣе 1.000 рабочихъ изъ района Пересыпи, Слободки-Романовки, Бугаевки, Молдаванки и Большого Вокзала. На собранія являлись не только ремесленники и спеціалисты фабричнорабочіе, но и группы чернорабочихъ кожевенныхъ, сахаро-рафинадныхъ, кирпичныхъ, маслобойныхъ и чугунно-литейныхъ заводовъ. Присутствовали и женщины-работницы заводовъ: пробочнаго, табачныхъ фабрикъ. Собранія носили оживленный характеръ и проходили при образцовомъ порядкѣ. Во время дебатовъ мнѣнія высказывались въ серьезной

общепонятной формѣ, толково и дѣльно. Собранія рабочихъ происходятъ въ особомъ помѣщеніи на Нарышкинскомъ спускѣ, въ д. Бруна. Представители фабричныхъ рабочихъ въ составѣ около 600 чел. на состоявшихся собраніяхъ детально выработали уставъ новаго общества взаимопомощи рабочихъ, который нынѣ посланъ на утвержденіе. Организованы отдѣльныя группы по цехамъ и спеціальностямъ. Каждая группа рабочихъ (цехъ или занятіе) избрала изъ своей среды 3 уполномоченныхъ въ совѣтъ общества. Уполномоченные состоятъ изъ предсѣдателя, кассира и секретаря каждой цеховой группы. Собраніе постановило, чтобы всѣ участники общества внесли единовременно по 50 коп. въ основной фондъ кассы и еженедѣльно отчисляли отъ своей получки по 20 коп. на пополненіе кассы взаимопомощи. Общество будетъ выдавать своимъ членамъ—заболѣвшимъ, увѣчнымъ и престарѣлымъ рабочимъ—единовременныя пособія, пенсіи, а также пособія вдовамъ и сиротамъ умершихъ членовъ общества. Учредители общества взаимопомощи уже внесли по 50 коп. для основанія фонда.

За мѣсяцъ. Высочайшій рескриптъ финляндскому генералъ-губернатору: «Согласно повелѣнію Нашему, объявленному въ рескриптѣ отъ 19-го февраля (4-го марта) 1902 года надлежало призвать 280 человѣкъ на дѣйствительную службу въ лейбъ-гвардіи 3-й стрѣлковый финскій батальонъ. Между тѣмъ, къ вынутію жеребія изъ 26.284 человѣкъ призывныхъ явилось только 11.886 человѣкъ. Такое уклоненіе подлежавшихъ къ призыву молодыхъ людей отъ исполненія возложеннаго на нихъ закономъ вѣрноподданническаго долга не должно остаться безъ взысканія. Вслѣдствіе сего повелѣваемъ, не предавая суду уклонившихся отъ военной службы, принять слѣдующія мѣры: 1) состоящихъ на государственной службѣ въ правительственныхъ учрежденіяхъ уволить отъ оной въ порядкѣ, указанномъ въ Высочайшемъ постановленіи отъ 1-го (14-го) августа 1902 года; 2) отъ подлежавшихъ въ 1902 году призыву при поступленіи на государственную или общинную службу требовать представленія свидѣтельствъ о явкѣ къ исполненію воинской повинности; 3) въ теченіе пяти лѣтъ не выдавать уклонившимся заграничныхъ паспортовъ; 4) при разрѣшеніи общинамъ и отдѣльнымъ лицамъ ссудъ и пособій изъ казенныхъ суммъ принимать въ соображеніе степень участія ихъ въ противодѣйствіи призыву и 5) всѣхъ уклонившихся зачислить въ ополченіе. Затѣмъ относительно докомплектованія финскаго гвардейскаго батальона Мы предоставляемъ вамъ привести въ исполненіе, на особо одобренныхъ Нами основаніяхъ, предположенныя вами мѣры. Съ тѣмъ вмѣстѣ Мы признали за благо разрѣшить вамъ тѣхъ изъ призывныхъ 1902 года, которые исполнили свой долгъ и по вынутіи жеребья своевременно поступили въ войска, обратить, безъ зачисленія въ ополченіе, въ первобытное состояніе, по мѣрѣ заполненія уклонившимися отъ призыва штата лейбъ-гвардіи 3-го стрѣлковаго финскаго баталіона.

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«НИКОЛАЙ».

— Министромъ финансовъ были приняты рабочіе нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній г. Петербурга, просившіе о предоставленіи имъ возможности лично доложить министру о наиболѣе интересующихъ ихъ въ настоящее время пожеланіяхъ, а именно: объ организаціи среди рабочихъ особыхъ выборныхъ изъ ихъ среды для упорядоченія сношеній съ заводоуправленіями; объ учрежденіи больничныхъ и сберегательныхъ кассъ и проч. Выслушавъ рабочихъ, министръ финансовъ сказалъ имъ, что они должны съ полнымъ спокойствіемъ и довѣріемъ ожидать окончанія предпринятыхъ въ этомъ направленіи министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ работъ и имѣть въ виду, что правительство всегда относится съ должнымъ вниманіемъ къ назрѣвшимъ нуждамъ какъ ихъ, такъ и всѣхъ прочихъ классовъ населенія. Поднятые рабочими вопросы, въ виду ихъ сложности, требуютъ извѣстнаго времени для соотвѣтственнаго ихъ разрѣшенія и проведенія въ жизнь.

— 1-го декабря 1902 года въ Самарѣ, Витебскѣ, Двинскѣ, Кишиневѣ, Ярославлѣ, Казани и Ригѣ возстановленъ общій порядокъ управленія. Срокъ дѣйствія Положенія объ усиленной охранѣ продолженъ еще на одинъ годъ въ виленской губерніи, въ Полтавѣ, въ Саратовѣ, Могилевѣ, Гомелѣ, Минскѣ, Бѣлостокѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Юрьевѣ, Томскѣ, а также въ уѣздахъ полтавскомъ, константиноградскомъ, переяславскомъ, лубенскомъ, кременчугскомъ полтавской губерніи. Съ того же срока, какъ извѣстно, объявлено на одинъ годъ Положеніе объ усиленной охранѣ въ саратовской губерніи.

— Въ состоявшемся на-дняхъ засѣданіи нижегородскаго губ. комитета попечительства о народной трезвости состоялось важное постановленіе. Заслушавъ письмо товарища министра финансовъ о томъ, «не представляется ли по мѣстнымъ условіямъ возможнымъ, не учреждая въ Н.-Новгородѣ особаго городского комитета, передать дѣло попеченія о народной трезвости въ городѣ въ непосредственное вѣдѣніе городского самоуправленія, съ выдачей нѣкоторой субсидіи отъ казны и съ сохраненіемъ за губернскимъ комитетомъ лишь общаго надзора за употребленіемъ этой суммы», комитетъ, какъ это передаютъ мѣстныя газеты, постановилъ просить нижегородскаго городского голову внести на обсужденіе думы вопросъ о передачѣ дѣла попеченія о народной трезвости въ Н.-Новгородѣ въ непосредственное вѣдѣніе городскаго самоуправленія.

— Саратовскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ назначенъ на постъ товарища Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Некрологъ М. Песковскаго. 29-го января скончался въ домѣ призрѣнія душевно-больныхъ имени Императора Александра III на Удѣльной не безызвѣстный публицистъ-журналистъ Матвѣй Леонтьевичъ Песковскій. Покойный родился въ 1843 году. По окончаніи курса на естественномъ факультетѣ петербургскаго университета началъ свою дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ и былъ преподавателемъ въ вятскомъ земскомъ училищѣ для распространенія сельскохозяйственныхъ, техническихъ и ремесленныхъ знаній и для приготовленія учителей. Поселившись въ Петербургѣ, онъ сталъ сотрудникомъ въ «Голосѣ», преимущественно по земскому отдѣлу, затѣмъ работалъ въ «Рус-

скомъ Обозрѣніи», «Молвѣ», Порядкѣ», «Новостяхъ»; писалъ статьи въ «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Русской Старинѣ»; принималъ близкое участіе въ изданіяхъ г. Вольфа и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Отдѣльно имъ изданы «Роковое недоразумѣніе; еврейскій вопросъ, его міровая исторія и путь къ разрѣшенію», біографіи: К. Д. Ушинскаго и Н. А. Корфа и очерки «Въ глуши».

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Мысль"—январь.—„Журналъ для всѣхъ"—февраль.—„Русская Старина"—февраль).

Посредствующимъ звеномъ между писателемъ, излагающимъ свои мысли, чаще всего весьма неудобочитаемо, въ рукописи, и читателемъ, знакомящимся съ мыслями писателя уже въ то время, когда содержавшіе ихъ письменные знаки подверглись весьма существенной технической передѣлкѣ въ типографіи, является типографскій рабочій, или такъ называемый «печатникъ». Этому элементу принадлежитъ въ книгопечатномъ, журналопечатномъ и газетопечатномъ дѣлѣ (да проститъ насъ читатель за употребленіе двухъ послѣднихъ, обыкновенно не употребляемыхъ въ такомъ видѣ словосочетаній) весьма значительная роль. Уже одно это обстоятельство, казалось бы, давало право труженикамъ печатнаго дѣла на особое вниманіе къ ихъ положенію и судьбѣ со стороны литературы и общества, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, у насъ весьма мало знакомы съ этимъ положеніемъ и, что грѣхъ таить, далеко не въ достаточной мѣрѣ имъ интересуются. Было время, когда нашъ народный поэтъ, память котораго мы только что чествовали, останавливалъ свой глубоконаблюдательный взоръ на тяжкой долѣ «свинцовой арміи» и характеризовалъ ее такъ:

Хоть цѣлый свѣтъ обрыщешь,
И въ самыхъ рудникахъ
Тошнѣй труда не сыщешь.
Мы вѣчно на ногахъ;
Отъ частой недосыпки,
Отъ пыли, отъ свинца
Мы всѣ здоровьемъ хлипки,
Всѣ зелены съ лица...

Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки прошло много лѣтъ, а много ли перемѣнъ къ лучшему внесли они въ положеніе нашихъ «печатниковъ»? Сколько-нибудь обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы дать не можемъ: никакой не только всероссійской, но даже захватывающей болѣе или менѣе крупный районъ Россіи, анкеты по этому поводу, кажется, не производилось, мы, по крайней мѣрѣ, о ней не слышали, а безъ этого какой же можетъ быть данъ на поставленный вопросъ обстоятельный отвѣтъ? Приходится ограничиваться частичными данными.

Въ ряду такихъ то данныхъ займетъ, безъ сомнѣнія, важное мѣсто напечатанная въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» статья г. Вас. Голубева,

подъ заглавіемъ: «Какъ живутъ и работаютъ наши книгопечатники». Матеріалы, которыми пользовался для своей статьи г. Голубевъ, не велики, они касаются одного только города Саратова, но такъ какъ послѣдній занимаетъ несомнѣнно одно изъ крупныхъ мѣстъ въ ряду нашихъ провинціальныхъ городовъ, то по обрисованной г. Голубевымъ картинѣ быта книгопечатниковъ въ Саратовѣ, можно составить болѣе или менѣе точное представленіе о бытѣ ихъ и въ другихъ городахъ. Можно сказать даже a priori, что если и найдутся мѣста, гдѣ положеніе книгопечатниковъ лучше, нежели ихъ саратовскихъ собратьевъ, то найдется ужъ, конечно, еще больше такихъ, гдѣ положеніе этихъ рабочихъ несравненно хуже.

«Матеріаломъ для нашей замѣтки,—говоритъ г. Голубевъ,—послужили данныя, собранныя коммиссіей общества саратовскихъ санитарныхъ врачей въ 1899 году; коммиссіи этой поручено было произвести обслѣдованіе въ санитарномъ отношеніи всѣхъ типографскихъ заведеній города. Матеріалы коммиссіи двоякаго рода: во-первыхъ, описаніе самихъ типографскихъ заведеній, а также результаты краткаго опроса рабочихъ о заработной платѣ, грамотности, возрастѣ и т. п.; во-вторыхъ, данныя опроса рабочихъ, по болѣе подробной программѣ, осмотра физическаго состоянія ихъ и измѣреній роста, вѣса, силы и проч. Данныя опроса по краткой программѣ имѣются слишкомъ о 500 рабочихъ, по болѣе же подробной программѣ только о 135».

Что же говорятъ эти данныя?

Въ годъ изслѣдованія въ Саратовѣ было 11 типографскихъ заведеній съ 629 рабочими. Изъ этого количества типографскихъ заведеній «два, а именно «Саратовскаго Листка» и «Саратовскаго Дневника», помѣщаются въ подвальномъ этажѣ, причемъ въ типографіи «Дневника» полъ помѣщенія опущенъ значительно ниже уровня двора, такъ что окна возвышаются надъ дворомъ не болѣе, какъ на $^1/_2$ аршина. Въ немного лучшемъ положеніи находится и помѣщеніе «Саратовскаго Листка». Въ типографіи губернскаго земства машинное отдѣленіе (гдѣ производится печатаніе) также находится въ полуподвальномъ этажѣ». Большинство остальныхъ типографій «какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны мало приспособлены къ своему назначенію». Вопросы о кубическомъ содержаніи воздуха въ типографіяхъ и о томъ количествѣ его, которое приходится на каждаго рабочаго, представляется въ такомъ видѣ:

«Вычислить кубическое содержаніе воздуха въ типографскихъ помѣщеніяхъ,—говоритъ г. Голубевъ, представляется довольно затруднительнымъ, вслѣдствіе множества различнаго рода предметовъ, находящихся въ помѣщеніи, занимающихъ извѣстный объемъ, но при весьма неправильной формѣ, напр., машины. Наибольшее значеніе въ типографскихъ помѣщеніяхъ со стороны кубическаго содержанія воздуха имѣютъ наборныя отдѣленія, такъ какъ въ нихъ больше всего скучивается рабочихъ... Въ этихъ отдѣленіяхъ значительный объемъ занимаютъ рѣалы, родъ высокихъ, обыкновенно сплошныхъ конторокъ. Эти реалы коммиссіей были измѣрены, и потому объемъ, занимаемый ими, можетъ быть высчитанъ и исключенъ изъ общаго кубическаго содержанія воздуха въ наборной. Произведя необходимыя въ этихъ случаяхъ вычисленія, получимъ

слѣдующіе результаты: изъ 10 типографій (въ 11-й типографіи, по случаю предполагавшагося ея закрытія владѣльцемъ, рабочихъ было крайне мало, и потому исчисленіе касается только десяти типографіи), въ 7 объемъ воздуха на каждаго рабочаго въ наборныхъ былъ болѣе 1 куб. саж. (отъ 1,1 до 1,4), въ трехъ остальныхъ менѣе 1 сажени (0,7—0,9)». Такъ какъ сколько-нибудь нормальнымъ даже для обычнаго жилого помѣщенія количествомъ воздуха считается 1,5 куб. саж. на человѣка, то отсюда слѣдуетъ, что ни одна изъ саратовскихъ типографій не удовлетворяетъ нормамъ промышленной гигіены. Но 1,5 куб. саж. воздуха на человѣка считается достаточнымъ лишь при условіи, чтобы воздухъ этотъ былъ чистъ и не отравлялся ничѣмъ, кромѣ естественныхъ продуктовъ дыханія, да, пожалуй, горѣнія свѣчей или лампъ. Въ данномъ же случаѣ чего стоитъ одно лишь постоянное выдѣленіе въ атмосферу металлической пыли и частицъ краски. Оттого и получаются такіе результаты: «при входѣ въ мастерскія,—говоритъ г. Голубевъ,—свѣжаго человѣка непріятно поражаетъ тяжелый, спертый воздухъ, сразу же чувствуется сильный запахъ краски, керосина, смѣшанный съ запахомъ человѣческаго пота. Пробывъ въ этихъ помѣщеніяхъ съ полчаса, становится душно и всюду чувствуется присутствіе пыли. По словамъ рабочихъ, въ мастерскихъ иногда по вечерамъ бываетъ такой спертый воздухъ, что «лампы тухнутъ». Очевидно, благодаря скученности рабочихъ и вслѣдствіе керосиноваго освѣщенія въ воздухѣ скопляется столько углекислоты, что горѣніе становится затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, конечно, дыханіе». Но и это еще не все, такъ какъ на здоровье рабочихъ не могутъ не оказывать самаго вреднаго вліянія сильные скачки въ температурѣ мастерскихъ, которые происходятъ тамъ постоянно въ теченіе дня. «Температура помѣщеній наблюдалась въ рединѣ дня болѣе или менѣе нормальная, а именно 15—16° по Р. Но эта температура далеко не равномѣрна въ разные часы дня, преимущественно, конечно, въ осенніе и зимніе мѣсяцы. Колебанія температуры утромъ и вечеромъ, когда зажигаются лампы, весьма значительны, а именно отъ 9—10° утромъ до 20—25 и болѣе градусовъ вечеромъ. Такъ, по измѣреніямъ, сдѣланнымъ въ типографіи губернскаго земства, температура оказалась слѣдующая: въ 8 ч. утра 12°; съ 8 до 4 ч. около 15°; съ 4—6 ч. вечера, когда зажжены были лампы 22°; около реаловъ, т.-е. тамъ, гдѣ именно стоятъ и работаютъ наборщики, благодаря близости лампъ, температура съ 6—8 часовъ вечера равнялась 28°». Въ отношеніи вентилированія воздуха «всѣ типографіи обставлены были чрезвычайно плохо». Полы въ большинствѣ типографіи деревянные и некрашенные, а моются они «въ рѣдкихъ случаяхъ» разъ въ недѣлю, чаще разъ въ мѣсяцъ, въ одной типографіи два раза въ годъ и въ одной всего разъ въ годъ. Въ одной типографіи «коммиссіи приходилась видѣть полы, покрытые слоемъ липкой грязи». Слѣдуетъ еще отмѣтить, что «ни въ одной типографіи не было кипяченой воды для питья. Обыкновенно вода берется изъ подъ водопроводнаго крана, причемъ на всѣхъ рабочихъ имѣется одна, много двѣ кружки. Оказывается еще что рабочимъ запрещено пить вечерній чай. Начиная съ 3 часовъ дня, т.-е. послѣ обѣда, и до 8 часовъ вечера рабочіе должны довольствоваться холодной води-

цей, а между тѣмъ потребность въ питьѣ большая, благодаря усиленному потѣнію въ 20—25 градусной температурѣ».

Такова внѣшняя обстановка, въ которой приходится работать саратовскимъ печатникамъ. Сколько же именно времени приходится имъ въ ней работать и какъ велика ихъ заработная плата? На эти вопросы мы также найдемъ отвѣты въ статьѣ г. Голубева.

«Нормальный рабочій день, по показаніямъ завѣдующихъ,—пишетъ г. Голубевъ,—во всѣхъ типографскихъ заведеніяхъ Саратова 12 часовъ, включая въ это число и 2 часа на обѣдъ, т.-е., собственно, работа идетъ впродолженіи 10 часовъ... Но было бы ошибочнымъ считать этотъ 10-часовой рабочій день дѣйствительно обычнымъ, нормальнымъ днемъ. Обыкновенно рабочій день значительно длиннѣе. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ типографскихъ заведеніяхъ Саратова чрезвычайно распространены такъ называемыя сверхурочныя работы, въ особенности въ осенніе и зимніе мѣсяцы. Эти сверхурочныя работы занимаютъ отъ 2 до 4 часовъ, начинаясь съ 8 часовъ вечера и оканчиваясь въ 10, а иногда и въ 12 часовъ ночи... Во всѣхъ типографіяхъ завѣдующіе показали, что сверхурочныя работы производятся по соглашенію и за полуторную или даже двойную сдѣльную плату. Обязательныя и ночныя работы являются только для газетныхъ рабочихъ. Но нельзя не замѣтить, что соглашеніе на сверхурочныя работы далеко не значитъ добровольное согласіе, а весьма нерѣдко является для рабочихъ безусловною необходимостью или подъ угрозою увольненія изъ заведенія, или подъ давленіемъ не менѣе серьезнаго побужденія—недостаточности обычнаго заработка».

А вотъ данныя о размѣрѣ заработной платы печатниковъ:

«Средній размѣръ ежемѣсячнаго жалованья учениковъ равняется 4 р. 53 к.; типографскихъ взрослыхъ рабочихъ всѣхъ категорій (наборщиковъ, печатниковъ и т. п.)—20 р. 54 к.; типографскихъ рабочихъ высшихъ категорій (метранпажей, старшихъ наборщиковъ) — 37 руб.; факторовъ, граверовъ — около 70—75 руб.

По отдѣльнымъ занятіямъ средняя заработная плата взрослыхъ такова: машинисты получаютъ 34 р. 9 к.; печатники — 24 р. 10 к.; наборщики—20 р. 20 к.; накладчики—16 р. 50 к.; вертельщики—10 р. 70 к.; переплетчики—19 р. 65 к.

Плата 502 опрошенныхъ рабочихъ распредѣлялась такъ:

Работало безплатно (ученики)	5	1,0	56,1%
Зарабатывали отъ 1— 5 р.	124	24,8	
» » 5—15 »	152	30,3	
» » 15—25 »	168	33,5	
» » 25—40 »	44	8,7	
Свыше 40 рублей	9	1,7	
	502 раб.	100%	

Отсюда видно, что *большая часть* опрошенныхъ саратовскихъ типографскихъ рабочихъ вырабатываетъ *maximum* 15 руб. въ мѣсяцъ и всего лишь

10,4% получаютъ болѣе 25 рублей. «Чтобы яснѣе представить себѣ величину обычнаго средняго заработка типографскаго рабочаго,—говоритъ г. Голубевъ,—мы попробуемъ сдѣлать сопоставленіе съ заработкомъ въ нѣкоторыхъ другихъ производствахъ. По даннымъ Дементьева, рабочіе промышленныхъ заведеній Московской губерніи зарабатываютъ въ среднемъ: машиностроительные—23 р. 34 к.; съ лѣсопиленъ—20 р. 34 к.; мастеровые всѣхъ фабрикъ—18 р. 41 к. Итакъ, типографскіе рабочіе, трудъ которыхъ, какъ требующій большей подготовки, долженъ бы цѣниться сравнительно высоко, зарабатываютъ въ среднемъ (20 руб. 54 к.) меньше, чѣмъ рабочіе машиностроительные, и одинаково съ рабочими лѣсопиленъ». Но и этотъ скудный заработокъ типографскіе рабочіе получаютъ далеко не полностью, ибо въ саратовскихъ типографіяхъ «штрафная система практикуется въ довольно широкихъ размѣрахъ». У нѣкоторыхъ рабочихъ штрафовъ за годъ набирается на 10—20 рублей.

Мы не будемъ останавливаться на приводимыхъ г. Голубевымъ поучительныхъ расходныхъ бюджетахъ рабочихъ, ни на болѣе подробномъ разсмотрѣніи ихъ культурнаго уровня. Къ саморазвитію и самообразованію рабочіе стремятся довольно интенсивно, но недостатокъ времени, средствъ и другія обстоятельства въ значительной степени тормозятъ такое стремленіе.

«Со стороны владѣльцевъ типографій,—говоритъ г. Голубевъ,—для умственнаго развитія рабочихъ рѣшительно ничего не дѣлается, если не считать робкой попытки типографіи губернскаго земства, которая завела у себя библіотеку, на правахъ народныхъ библіотекъ, открытіе которой, кстати сказать, тянулось три года».

«Общество книгопечатниковъ является единственнымъ свѣтлымъ лучомъ въ жизни саратовскихъ типографщиковъ. Но, къ сожалѣнію, оно смогло привлечь только $^1/_4$ часть всѣхъ типографскихъ рабочихъ и, несмотря на свое 10-лѣтнее существованіе, увеличеніе членовъ почти не замѣчается. Несомнѣнно одной изъ главныхъ причинъ слабаго роста членова общества служитъ необходимость дѣлать взносы. Очевидно, для многихъ рабочихъ 10% съ объявленнаго заработка—норма вступного взноса и 5% ежемѣсячныхъ представляется тяжелой»

На этомъ мы и покончимъ ознакомленіе нашихъ читателей съ интересной статьей г. Голубева.

Въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» появилось «Журнальное обозрѣніе», написанное г. В. Г. Это очень цѣнное нововведеніе и мы бы желали видѣть его въ почтенномъ журналѣ и въ слѣдующихъ книжкахъ. На этотъ разъ мы отмѣтимъ только въ «Журнальномъ обозрѣніи» г. В. Г. одно маленькое обстоятельство, касающееся собственно нашего журнала. Авторъ этого обозрѣнія, между прочимъ, пишетъ:

«Странную, нехорошимъ тономъ написанную, рецензію за подписью г. Рыкачева прочли мы (въ «Мірѣ Божіемъ») о книгѣ проф. Озерова «Итоги экономическаго развитія XIX-го вѣка». Мы остановились на этомъ потому, что видимъ какъ будто нѣкоторое новое броженіе въ симпатичномъ журналѣ. Въ особенности характерно, что критикъ «Міра Божія» г. А. Б. въ высшей степени сочувственно относится къ статьѣ г. Милюкова, который говоритъ («Разложе-

ніе славянофильства»): «Абсолютизмъ метафизическій и религіозный составлялъ и продолжаетъ составлять самую рѣзкую разграничительную черту между славянофильствомъ и современнымъ міросозерцаніемъ». Абсолютизмомъ въ метафизическомъ смыслѣ отмѣчается длинный рядъ статей, напечатанныхъ въ «Мірѣ Божіемъ».

Допустимъ, что въ «Мірѣ Божіемъ» и дѣйствительно напечатанъ «длинный рядъ статей», отличающихся «абсолютизмомъ въ метафизическомъ смыслѣ», хотя мы и совѣтывали бы г-ну В. Г. пересчитать, сколько же именно ихъ было на самомъ дѣлѣ, но все же позволительно спросить: почему г. В. Г., писатель, очевидно, мало опытный въ журнальномъ дѣлѣ, не обратился за разъясненіемъ своихъ сомнѣній, можно ли допускать подобныя вещи въ журналѣ, къ г. В. Гольцеву, писателю въ этомъ дѣлѣ вполнѣ опытному. Тогда г. В. Гольцевъ, навѣрное, объяснилъ бы г-ну В. Г., что большой бѣды въ этомъ нѣтъ, и въ доказательство, навѣрное, сослался бы на авторитетныя слова Н. Г. Чернышевскаго, напечатанныя какъ разъ въ той же январьской книжкѣ «Русской Мысли», въ которой помѣщено и журнальное обозрѣніе г-на В. Г. Слова эти приведены въ замѣткѣ г. В. Гольцева объ Н. Г. Чернышевскомъ, называющейся «Изъ воспоминаній и переписки». Мы съ большимъ удовольствіемъ прочли эту интересную замѣтку и въ особенности помѣщенный въ ней слѣдующій совѣтъ, данный Чернышевскимъ г. В. Гольцеву, о томъ, какъ слѣдуетъ вести журналъ. «Въ программу учено-литературнаго журнала,—писалъ Чернышевскій въ 1888 году г-ну В. Гольцеву,—не могутъ входить *никакія рѣшенія никакихъ вопросовъ, кромѣ вопросовъ общественной жизни націи* (курсивъ нашъ). Для него необязательно признавать или порицать не то что дарвизнимъ, а хотя бы даже систему Коперника. По вопросамъ, *не относящимся къ текущимъ дѣламъ національной жизни*, журналъ того рода, какъ «Русская Мысль» или «Вѣстникъ Европы», или «Revue des deux Mondes», или «Fortnightly Rewiew», *не можетъ имѣть никакихъ редакціонныхъ мнѣній»* (курсивъ нашъ). Вотъ какъ ярко и отчетливо формулировалъ свой взглядъ на веденіе журнала Чернышевскій. Г. В. Гольцевъ, тѣмъ не менѣе, нисколько не затруднился не только пригласить сотрудничать расходившагося съ нимъ во взглядахъ по важнымъ научнымъ вопросамъ Чернышевскаго, но и послать ему письмо, на которое онъ скоро получилъ такой отвѣтъ: «Добрый другъ, Викторъ Александровичъ, душевно благодарю васъ за письмо отъ 24-го августа. Я не имѣлъ права ожидать, что оно будетъ такое милое; тѣмъ больше я порадовался ему». И Чернышевскій сталъ сотрудникомъ «Русской Мысли».

Очень можетъ быть, что весь этотъ интересный эпизодъ, нынѣ разсказанный г. Гольцевымъ, былъ совсѣмъ неизвѣстенъ г-ну В. Г., когда послѣдній писалъ свое «Журнальное обозрѣніе». Объ этомъ, конечно, можно только пожалѣть. Знай г. В. Г. это раньше, и его недоумѣніе относительно веденія дѣла «Міромъ Божіимъ», конечно, разсѣялось бы. Такимъ образомъ можно только пожелать, чтобы въ будущемъ г. В. Г. почаще обращался за-

разъясненіемъ своихъ недоумѣній къ г. В. Гольцеву. Почтенный В. А. Гольцевъ, навѣрное, не откажетъ въ руководствѣ своему, видимо, еще молодому сотруднику г-ну В. Г.

Въ февральской книжкѣ «Журнала для всѣхъ» помѣщена очень интересная статья г. М. Антоновича, называющаяся «Изъ воспоминаній о Николаѣ Алексѣевичѣ Некрасовѣ». Намъ уже приходилось въ свое время отмѣчать интересныя воспоминанія того же автора о Добролюбовѣ. Не съ меньшимъ удовольствіемъ прочли мы и настоящія его воспоминанія о Некрасовѣ. «Шестидесятые годы» все болѣе и болѣе отходятъ въ вѣчность, страшно порѣдѣли ряды тѣхъ, кто принималъ въ то время активное участіе въ кипучемъ потокѣ общественной и журнальной дѣятельности и кто обладаетъ, поэтому, еще возможностью подѣлиться съ публикой своими воспоминаніями о дняхъ былыхъ; между тѣмъ интересъ къ шестидесятымъ годамъ у насъ, видимо, растетъ, и вотъ причина, въ силу которой статьи въ родѣ воспоминаній г. Антоновича о Добролюбовѣ или Некрасовѣ встрѣчаются интересующимися судьбами движенія нашей общественной мысли людьми всегда съ глубокою признательностью. Намъ кажется, что именно теперь, когда наша журналистика вступила уже въ третій вѣкъ своего существованія, составленіе ея дѣйствительной, основанной на «писаніяхъ», а не «преданіяхъ», исторіи является настоятельною необходимостью. А какъ составлять ее, не имѣя для того надлежащихъ матеріаловъ? Многое уже погибло, погибло, быть можетъ, навсегда и безвозвратно, но многое еще можно возстановить, если только явится у обладающихъ для того возможностью лицъ горячее желаніе пойти навстрѣчу несомнѣнно назрѣвшей въ этомъ потребности. Лично мы думаемъ, что выполненіе такого рода работъ должно составлять для старшаго поколѣнія русскихъ журналистовъ ихъ *прямой долгъ* передъ родиной.

Г. Антоновичъ далъ намъ кое-что изъ своихъ воспоминаній, и мы ему, конечно, за это признательны. Но то, что далъ онъ въ своихъ двухъ статьяхъ (о Добролюбовѣ и о Некрасовѣ), составляетъ, разумѣется, лишь малую долю того, что онъ, въ качествѣ одного изъ старѣйшихъ русскихъ журналистовъ, *можетъ* и потому и *долженъ* еще дать...

Воспоминанія г. Антоновича о Некрасовѣ полны интереса къ проходящей въ нихъ подлинной «живой жизни» шестидесятыхъ годовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуты теплымъ, хорошимъ, добрымъ чувствамъ къ той приснопамятной эпохѣ русской жизни и ея дѣятелямъ. Г. Антоновичъ въ свое время рѣзко порицалъ Некрасова за всѣмъ нынѣ извѣстные его поступки; онъ не скрываетъ намъ и того, что хотя въ основѣ такого его отношенія къ Некрасову и лежали «серьезныя и общественныя причины», но что къ нимъ, конечно, присоединялись въ свое время и «элементы неважные, временные, личные, излишняя горячность и жаръ увлеченія». Съ тѣхъ поръ прошло 35 лѣтъ, все личное въ душѣ затихло и улеглось и отношеніе къ Некрасову явилось у г. Антоновича совсѣмъ другое. «И вотъ теперь,—говоритъ онъ,—когда я спокойно и объек-

тивно вспоминаю о Некрасовѣ, разсматриваю его издали, на разстояніи, такъ сказать, историческаго выстрѣла, то тѣ черты его личности, которыя когда-то казались недостатками, представляются теперь ничтожными и мелочными въ сравненіи съ основными крупными и доминирующими чертами ея, точно это будто родинки или пятнышки на красивомъ лицѣ, которыя нисколько не умаляютъ его красоты, точно пыль на хорошемъ портретѣ, которая замѣтна только при близорукомъ разсматриваніи и ни мало не вредитъ достоинству портрета при надлежащей точкѣ зрѣнія на него. Разсматриваемая съ исторической объективностью, въ общемъ и цѣломъ, личность Некрасова является предъ нами очень выдающеюся, мало того, очень замѣчательною, весьма крупною и чрезвычайно даровитою, не говоря уже о немъ, какъ о поэтѣ». Передавъ весьма обстоятельно всѣ тѣ положительныя качества, которыми обладалъ Некрасовъ, какъ поэтъ, какъ человѣкъ и, наконецъ, какъ редакторъ «Современника», г. Антоновичъ останавливается на тѣхъ несомнѣнно болѣе чѣмъ скользкихъ средствахъ, которыя пустилъ въ ходъ Некрасовъ, по всей вѣроятности, для спасенія своего журнала въ минуту жизни трудную отъ крушенія. Средство это не помогло, журналъ погибъ, а на памяти Некрасова осталось пятно.... Многіе подумали тогда, что Некрасовъ пожелалъ «перестроить свою лиру на иной ладъ», и подъ вліяніемъ такого настроенія, по словамъ г. Антоновича, онъ и Ю. Г. Жуковскій издали свою извѣстную полемическую брошюру противъ Некрасова. Бросая теперь взглядъ на этотъ эпизодъ, г. Антоновичъ пишетъ такія строки:

«Между тѣмъ, время шло; наши сомнѣнія и опасенія относительно Некрасова не оправдывались. Онъ и не думалъ перестраивать своей лиры на новый ладъ, но продолжалъ въ прежнемъ ладѣ пѣть пѣсни, столь же сильныя и энергичныя, столь же звучныя и возбуждающія, какъ и его прежнія пѣсни. Такимъ образомъ оказывается, что диссонансовыя стихотворенія Некрасова не выражали его искреннихъ чувствъ и убѣжденій, а были плодомъ его временнаго, минутнаго упадка силъ, мимолетнаго отреченія отъ себя и измѣны себѣ, шагомъ, сдѣланнымъ подъ гнетомъ необычайныхъ, ошеломляющихъ обстоятельствъ и, можетъ быть, подъ вліяніемъ желанія спасти свой журналъ, чего бы то ни стоило. Общимъ итогомъ и характеромъ своей поэтической дѣятельности Некрасовъ вполнѣ искупилъ какъ этотъ свой грѣхъ, такъ и другіе свои недостатки. Его огромныя заслуги во много кратъ превышаютъ и покрываютъ его однократное отреченіе; всею своею дѣятельностью онъ заслужилъ полное всепрощеніе. Въ исторіи мы нерѣдко видимъ примѣры людей выдающихся, съ характеромъ вообще твердымъ и стойкимъ, но подвергающихся временнымъ припадкамъ отреченія, даже неоднократнаго, что, однако, не умаляло цѣнности, важности и благотворности итога всей ихъ жизни, и исторія при своихъ приговорахъ и оцѣнкахъ игнорировала и совершенно забывала ихъ временныя колебанія и отреченія».

Мы не думаемъ, чтобы «примѣры», о которыхъ упоминаетъ г. Антоновичъ, были въ исторіи «нерѣдки». Нѣтъ, грѣхи «отреченій», да еще «неоднократныхъ», суть грѣхи въ высшей степени тяжкіе, и надо имѣть колоссальныя заслуги передъ страною, чтобы грѣхи эти даже «*не умалили* цѣнности, важности и

благотворности итога всей жизни» подобныхъ лицъ. Примѣровъ такихъ, напротивъ, немного въ исторіи, но именно къ ихъ числу и принадлежитъ жизнь Некрасова. Заслуги его такъ велики, что даже тяжкіе грѣхи поэта, а самымъ главнымъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, являются тѣ «дисгармоническія» произведенія его музы, о которыхъ говоритъ г. Антоновичъ, не то, что *не умаляютъ* благотворность итога жизни Некрасова, этого нельзя сказать, —а, безъ сомнѣнія, *тонутъ* среди того положительнаго духовнаго наслѣдства, которое оставилъ поэтъ на благо цѣлыхъ поколѣній.

Да, оставленное Некрасовымъ духовное наслѣдство громадно, и это обстоятельство признавалось всегда *всѣми* прогрессивными элементами русскаго общества. Подчеркивая слово *всѣми*, мы хотимъ этимъ указать на полное несогласіе съ истиной слѣдующихъ словъ г. Михайловскаго въ январьской кн. «Рус. Бог.»:

«Какихъ-нибудь четыре-пять лѣтъ тому назадъ, когда у насъ были еще въ ходу словечки въ родѣ «деревенскій идіотизмъ», «мужикъ есть жалкій буржуа» и т. п., когда серьезно рекомендовалось забыть о существованіи крестьянства и сосредоточить вниманіе исключительно на фабричныхъ рабочихъ,—*могла бы* явиться (курсивъ здѣсь и далѣе нашъ) чрезвычайно интересная статья о Некрасовѣ. Тема ея была бы, конечно, та же самая, что и у г. Ашешова: Некрасовъ устарѣлъ. Но она *была бы* интересна своею прямолинейной опредѣленностью, своею наивною рѣзкостью и откровенностью. Къ сожалѣнію, тѣ словечки не дожили до двадцатипятилѣтія смерти Некрасова, когда приходится такъ или иначе высказаться о музѣ мести и печали, и, такимъ образомъ, *капризная судьба лишила насъ курьезнѣйшаго литературнаго эпизода.* «Міръ Божій» напечаталъ, правда, у себя статью о Некрасовѣ г. Кранихфельда, въ которой авторъ сообщаетъ намъ, что покойный поэтъ, «слѣдуя Карлейлю», «создалъ цѣлый культъ героевъ» изъ интеллигенціи (а вовсе не культъ мужика или «народа вообще», какъ говорятъ иные!—прибавляетъ въ скобкахъ г. Михайловскій). Этотъ культъ героевъ «совершенно скрывалъ отъ него возможныя историческія перспективы». Такими скромными словами оканчивается статья г. Кранихфельда, и поневолѣ мечтаешь о тѣхъ молніяхъ мысли г. Тугана-Барановскаго или г. Струве, которыя засверкали бы по поводу годовщины смерти Некрасова на страницахъ того же «Міра Божія» всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ...» («Литература и жизнь». «Русское Богатство». Январь. 1903 г., стр. 92—93).

Итакъ, можно подумать, что «всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ», т.-е. въ разгаръ полемики между двумя ярко выдѣлявшимися тогда въ русской литературѣ направленіями, противники «Русскаго Богатства» никогда не высказывали сколько-нибудь опредѣленно своего отношенія къ Некрасову. Теперь, по случаю двадцатипятилѣтія со дня смерти поэта, имъ пришлось бы «такъ или иначе высказаться о музѣ мести и печали». Но вѣдь разгаръ полемики былъ всего какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ, а это время совпадало съ *двадцатилѣтіемъ* со времени смерти Некрасова. Неужели противниками того направленія, во главѣ котораго стоялъ г. Михайловскій, такъ-таки ничего не было высказано тогда о Некрасовѣ такого, что опредѣлило бы ихъ отношеніе

къ «музѣ мести и печали»? Двадцатилѣтіе со дня смерти Некрасова было въ декабрѣ 1897 года. «Новое Слово» не дожило до этого времени, правда, всего одинъ мѣсяцъ, но все-таки значитъ, не его въ томъ вина. Ну а другіе журналы? Тотъ же, напр., «Міръ Божій», на который указываетъ въ вышецитированныхъ строкахъ г. Михайловскій?

Раскрываемъ декабрьскую книжку «Міра Божія» за 1897 годъ и находимъ тамъ въ «Критическихъ замѣткахъ» г. А. Б. такія, между прочимъ, строки, посвященныя Некрасову по случаю двадцатилѣтней годовщины со дня его кончины:

«И съ перваго шага вплоть до могилы Некрасовъ не измѣнилъ избранному направленію, народъ и его страданія остались единственной темой его вдохновенной музы, «музы мести и печали...» Это, вообще, было удивительно мощное поколѣніе людей, къ которому принадлежали Некрасовъ и Щедринъ. Они всю жизнь словно росли, ихъ талантъ, несмотря на всякія случайности и удары жизни, только крѣпчалъ, развивался, становился шире и глубже (цитируемъ съ большими пропусками, содержащими, однако, тотъ же смыслъ)... Теперь, когда многое позабылось и даже раздаются порой голоса разныхъ гг. Льдовыхъ и имъ подобныхъ, отрицающихъ значеніе Некрасова, какъ поэта, для современнаго поколѣнія—не лишне напомнить въ общихъ чертахъ его жизнь и ту роль, которую сыгралъ Некрасовъ въ развитіи русской журналистики». Изложивъ то и другое въ общихъ чертахъ, авторъ заканчиваетъ свою статью воспроизведеніемъ извѣстнаго предсмертнаго обращенія Некрасова къ его музѣ, послѣ чего и подводитъ такой итогъ:

«Слова поэта оказались пророческими. За эти двадцать лѣтъ, протекшихъ со дня его смерти, многое измѣнилось, но «кровный союзъ» между поэтомъ и его читателемъ такъ же живъ, какъ живъ интересъ и любовь къ народу, несравненнымъ печальникомъ котораго до сихъ поръ остается Некрасовъ... Какія бы перемѣны ни настали въ общественномъ настроеніи, память Некрасова не исчезнетъ и не изгладится, и «муза мести и печали» навсегда останется дорога сердцу русскаго читателя. Можетъ мѣняться форма, въ которой выражается любовь къ народу въ зависимости отъ нашего пониманія его нуждъ и и потребностей, но основной тонъ отношенія къ народу, данный Некрасовымъ,—неизмѣненъ».

Вотъ что говорилъ о Некрасовѣ и о его значеніи «Міръ Божій» «всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ». Несомнѣнно, что то же самое говоритъ онъ о томъ же предметѣ и теперь. Какого же «курьезнѣйшаго литературнаго эпизода» лишила насъ «капризная судьба»? Она лишила насъ многаго, но она не въ состояніи была лишить насъ того, чего, по самому существу дѣла, и быть не могло. Это ясно до очевидности, и трудно понять, почему г. Михайловскій остается объ этомъ предметѣ при особомъ мнѣніи?..

Отъ прошедшаго—къ давнопрошедшему, plusquamperfectum. Еще въ сентябрьской книжкѣ «Русской Старины» за 1901 годъ началась печататься чрезвычайно интересная статья неизвѣстнаго автора о «Цензурѣ въ царство-

ваніе императора Николая I». Продолженіе этой статьи помѣщено въ февральской книжкѣ того же журнала за текущій годъ. Рекомендуя эту, рѣдкую по обилію фактическихъ данныхъ, статью вниманію всѣхъ интересующихся судьбами отечественной журналистики, мы останавливаться на ней, тѣмъ не менѣе, не будемъ, а перейдемъ къ напечатанной въ той же книжкѣ «Русской Старины» тоже чрезвычайно интересной статьѣ г. Н. Д. подъ заглавіемъ «Николай Алексѣевичъ Полевой, его сторонники и противники по «Московскому Телеграфу». Судьба журнала Полевого хорошо извѣстна, но мало кому извѣстны обстоятельства, сопровождавшія попытку Полевого въ 1827 году издавать въ Москвѣ газету. Попытка эта сразу разбилась о посланное графу Бенкендорфу безымянными противниками Полевого «сообщеніе» о его личности и направленіи. Этотъ-то любопытный документъ и воспроизводитъ г. Н. Д. Мы приведемъ его, въ свою очередь, въ главныхъ частяхъ:

«Въ 1827 году,—говоритъ г. Н. Д.,—Н. А. Полевой отправился въ Петербургъ, чтобы выхлопотать разрѣшеніе издавать въ Москвѣ политическую газету. Узнавъ объ этомъ, безымянные противники его тотчасъ же отправили къ А. Х. Бенкендорфу слѣдующее сообщеніе:

«Издатель журнала «Московскій телеграфъ», купецъ Полевой, старается пріобрѣсть позволеніе на изданіе въ Москвѣ частной политической газеты съ будущаго 1828 года. По сему случаю осмѣливаемся сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) Изданіе политической газеты даже въ конституціонныхъ государствахъ ввѣряется людямъ, извѣстнымъ своею привязанностью къ правительству, опытнымъ и умѣющимъ дѣйствовать на мнѣніе. Въ политической газетѣ самое молчаніе о предметахъ, могущихъ произвести пріятное впечатлѣніе, и простой голый разсказъ о событіяхъ, представляющихъ власть въ видѣ превратномъ, могутъ волновать умы и посѣвать неблагопріятныя ощущенія въ читателяхъ. Цензура не можетъ заставить издателя разсуждать въ пользу монархическаго правленія или говорить, гдѣ ему угодно молчать, а потому духъ газеты всегда зависитъ отъ образа мыслей издателя. Г. Полевой по происхожденію своему принадлежитъ къ среднему сословію, которое, по натурѣ вещей, всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ, обѣщающимъ ими уравненіе въ правахъ съ привилегированными классами. Въ «Московскомъ телеграфѣ» безпрестанно помѣщаются статьи, запрещаемыя петербургскою цензурою, и разборы иностранныхъ книгъ, запрещенныхъ въ Россіи. Въ нынѣшнемъ году помѣщались тамъ письма А. Тургенева изъ Дрездена, гдѣ явно обнаружено сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ и прошедшихъ златыхъ временахъ. Вообще духъ сего журнала есть оппозиція... 2) Г. Полевой, по своему рожденію не имѣя мѣста въ кругѣ большого свѣта, ищетъ протекціи людей высшаго состоянія, занимающихся литературою, и, само собою разумѣется, одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Главнымъ его протекторомъ и даже участникомъ по журналу есть извѣстный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Образъ мыслей Вяземскаго можетъ былъ опознанъ по одной стихотворной пьесѣ: «Негодованіе», служившей катехизисомъ заговорщиковъ, которые чуждались его единственно по его безхарактерности. Сей-то Вяземскій есть меценатомъ Полевого и надоумилъ его издавать политическую газету. 3)

Москва есть большая деревня; тамъ вещи идутъ другимъ порядкомъ... Замѣчательно, что отъ временъ Новикова всѣ запрещенныя книги и всѣ вредныя нынѣ находящіяся въ оборотѣ напечатаны и одобрены въ Москвѣ. Даже «Думы» Рылѣева и его поэма «Войнаровскій», запрещенныя въ Петербургѣ, позволены въ Москвѣ... Сколько было промаховъ по газетамъ и журналамъ, то всегда это случалось въ Москвѣ... 4) Г. Полевой, какъ сказано, состоитъ подъ покровительствомъ князя Вяземскаго, который по родству съ женою покойнаго исторіографа Карамзина, находится въ связяхъ съ товарищемъ министра просвѣщенія Блудовымъ. Изъ угожденія Блудову, можно въ крайности позволить Полевому помѣщать политику въ своемъ «Московскомъ телеграфѣ», но выдавать особую политическую газету въ Москвѣ невозможно, по причинамъ вышеизъясненнымъ, и для предупрежденія ихъ, которое послѣ гораздо труднѣе будетъ истребить».

Сообщеніе, очевидно, воздѣйствовало и газета разрѣшена не была.

Такъ вотъ какіе добровольцы водились въ добрыя старыя времена. Исчезли ли они и во времена послѣдующія?..

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Германская общественная и политическая жизнь. Самоубійство одного значительнаго прусскаго чиновника въ Познани, ландрата фонъ-Виллиха, вызвало горячія пренія въ прусскомъ ландтагѣ и рейхстагѣ. Трагическая смерть фонъ-Виллиха явилась результатомъ преслѣдованій и притѣсненій, которымъ онъ подвергался со стороны всесильнаго аграрнаго союза. Чрезвычайно нервный и впечатлительный, фонъ-Виллихъ не выдержалъ разныхъ мелкихъ придирокъ, клеветъ и инсинуацій и покончилъ съ собою. Его смерть породила много толковъ въ печати, разоблачившей террористическое господство арарной партіи въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, и въ парламентъ былъ внесенъ запросъ по поводу самоубійства Виллиха. Виллихъ былъ раньше членомъ аграрной организаціи, но вышелъ изъ нея, какъ только пришелъ къ убѣжденію, что она не дѣйствуетъ добросовѣстно, и какъ человѣкъ прямой и честный, не скрывалъ своихъ взглядовъ. Кромѣ того у него произошло личное столкновеніе съ однимъ изъ главарей аграрной партіи маіоромъ фонъ-Энделль, который вызвалъ его на дуэль. Виллихъ не принялъ вызова на томъ основаніи, что Энделль, бывшій казначеемъ мѣстной палаты земледѣлія, обвинялся въ растратѣ фондовъ и былъ даже назначенъ военный судъ чести для разсмотрѣнія этого обвиненія. Судъ оставилъ Энделля подъ сильнымъ подозрѣніемъ и постановилъ, что маіоръ фонъ-Энделль долженъ выйти въ отставку. Однако, къ удивленію общественнаго мнѣнія, императоръ Вильгельмъ отмѣнилъ это постановленіе суда чести и маіоръ Энделль «былъ оставленъ» на службѣ.

Противъ Виллиха была организована цѣлая компанія и, какъ это выяснилось въ парламентскихъ преніяхъ, мѣстныя власти отлично знали это, но не рѣ-

шались идти наперекоръ аграріямъ. Впрочемъ, даже германское правительство не рѣшалось взять подъ свою защиту фонъ-Виллиха, опасаясь вооружить противъ себя всесильную аграрную партію, поддержка которой ему такъ нужна теперь, въ виду предстоящихъ выборовъ. Виллихъ, какъ убѣжденный консерваторъ, возлагающій все свое упованіе на правительство, не хотѣлъ допустить даже мысли, что правительство можетъ его покинуть въ нуждѣ. Депутатъ Эрнстъ, членъ свободомыслящей партіи (Freisinnige Partei), лично знавшій Виллиха, отозвался о немъ какъ о человѣкѣ очень честномъ и убѣжденномъ, котораго онъ искренно уважалъ, хотя и расходился съ нимъ въ политическихъ взглядахъ. Виллихъ былъ строгій консерваторъ стараго закала и когда Эрнстъ спросилъ его, увѣренъ ли онъ, что правительство поддержитъ его въ борьбѣ съ всесильными аграріями, Виллихъ поблѣднѣлъ и сказалъ: «Ахъ, вы, злой либералъ, вы не можете даже понять, какъ велико довѣріе консерватора къ своему правительству! Моя вѣра въ него непоколебима, какъ скала». Но бѣдному консерватору пришлось, однако, убѣдиться, что правительство не рѣшается вступать въ борьбу съ аграріями и оставляетъ имъ на растерзаніе своего «вѣрнаго слугу!»

Министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Гаммерштейнъ, отвѣчая на запросъ по дѣлу Виллиха (Fall Willich), старался выгородить правительство и защищался «незнаніемъ» тѣхъ подробностей, которыя сообщались печатью. Печать, вообще, слишкомъ часто увлекается полемикою и поэтому вводитъ въ заблужденіе общественное мнѣніе. Это замѣчаніе министра вызвало горячія возраженія. «Если бы печать молчала объ этомъ дѣлѣ, то она не заслуживала бы того положенія, которое она занимаетъ теперь въ государствѣ. Заговорили бы камни, если бы газеты молчали!» воскликнулъ одинъ изъ депутатовъ. Министръ продолжалъ свои оправданія и объясненія, которыя, однако, никого не удовлетворили.

Общественное мнѣніе Германіи также много занимается «дѣломъ Петерса». Докторъ Петерсъ—извѣстный африканскій путешественникъ, часто величающій себя «основателемъ германской колоніальной политики». Дѣйствительно онъ много содѣйствовалъ основанію нѣмецкой восточно-африканской колоніи и вслѣдствіе этого пользовался очень большимъ вліяніемъ въ колоніальной администраціи, но разоблаченія его дѣйствій въ Африкѣ сильно повредили его репутаціи. Оказалось, что этотъ «культурный дѣятель» совершалъ такія жестокости, передъ которыми могли даже поблѣднѣть дѣянія разныхъ «некультурныхъ» африканскихъ чернокожихъ царьковъ. Когда въ печати появились эти разоблаченія, вызвавшія запросы въ парламентѣ, то правительство волей-неволей вынуждено было назначить слѣдствіе, раскрывшее такія вещи, что Петерсъ вынужденъ былъ оставить свое мѣсто администратора колоніи. Петерса обвиняли въ томъ, что онъ велѣлъ повѣсить свою подневольную любовницу негритянку за то, что она предпочитала ему чернокожаго туземца, который также былъ повѣшенъ. Эта дикая расправа «культурнаго» администратора колоніи подтвердилась на судѣ и берлинскій судъ осудилъ Петерса, который, однако, во время укрылся въ Англіи и поступилъ на службу одного англійскаго колоніальнаго общества.

Прошло шесть лѣтъ и вдругъ теперь Петерсъ вздумалъ требовать своей реабилитаціи, что дало поводъ германской печати снова заговорить о немъ и его подвигахъ въ Африкѣ: сѣченіи женщинъ, казняхъ и т. п. Пожалуй было бы лучше Петерсу не напоминать о себѣ, такъ какъ, несмотря на то, что три депутата имперской партіи и между прочимъ пресловутый Кардорфъ, авторъ знаменитаго предложенія объ измѣненіи парламентскаго устава, горячо принимаютъ его сторону, общественное мнѣніе и рейхстагъ настроены все-таки крайне неблагопріятно для Петерса. Газеты находятъ, что теперь, какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, трудно будетъ найти оправданія для поступковъ Петерса.

Много толковъ въ Берлинѣ возбуждаетъ также публичная лекція профессора Делича, которую онъ прочелъ въ присутствіи императора и императрицы. Нѣкоторые взгляды, высказанные профессоромъ, говорившимъ о своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ въ Вавилоніи, возмутили ортодоксальныхъ пасторовъ, давно уже недовольныхъ тѣмъ, что въ послѣднее время «persona grata» при дворѣ сдѣлался профессоръ теологіи Гарнакъ, извѣстный своими либеральными взглядами. Интересъ, выказанный императоромъ къ лекціи проф. Делича, произвелъ поэтому большую сенсацію въ Берлинѣ. Піэтистскія газеты забили тревогу, предсказывая, что если взгляды, проповѣдуемые профессоромъ Деличемъ, проникнуть въ толпу, то авторитеты пошатнутся и соціализмъ восторжествуетъ! Однимъ словомъ: отечество въ опасности! И вотъ чтобы спасти его, придворный проповѣдникъ Дріандеръ, недовольный тѣмъ что императоръ Вильгельмъ показываетъ столько вниманія Гарнаку, пригласилъ американскаго профессора Гильпрехта изъ Филадельфіи прочесть лекцію, въ которой онъ долженъ былъ на основаніи своихъ собственныхъ научныхъ изслѣдованій, опровергнуть результаты научныхъ изслѣдованій Делича. Гильпрехтъ объявилъ, что онъ въ теченіи 14 лѣтъ производилъ раскопки въ Вавилоніи, но тотчасъ же былъ уличенъ авторитетными берлинскими учеными, профессорами ассирійскихъ наукъ, заявившими въ газетахъ, что Гильпрехтъ принималъ участіе только въ одной американской ученой экспедиціи въ Вавилонію и пробылъ тамъ всего два мѣсяца. «Эти два мѣсяца показались столь долгими почтенному американскому профессору, то онъ вполнѣ искренно былъ увѣренъ, что пробылъ нѣсколько лѣтъ!»—замѣчаетъ одна нѣмецкая газета. Однако это уличеніе во лжи не помѣшало Гильпрехту прочесть свою лекцію въ Берлинѣ, на которую Дріандеръ пригласилъ множество принцевъ, принцессъ и министровъ. Въ самый разгаръ полемики, въ газетахъ появилось очень длинное письмо императора Вильгельма къ адмиралу Гольману, члену совѣта германскаго общества оріенталистовъ. Въ этомъ письмѣ заключалось исповѣданіе вѣры императора Вильгельма, успокоившее ортодоксальныхъ консерваторовъ при дворѣ, возмущенныхъ религіознымъ свободомысліемъ профессора Делича. Какъ всегда, императоръ Вильгельмъ и тутъ выступилъ въ роли арбитра. Онъ рѣшаетъ религіозные вопросы такъ же безапелляціонно, какъ и политическіе, военные, экономическіе, соціальные, художественные и т. п. Конечно и тутъ дѣло не обошлось безъ тѣни «великаго прадѣда Вильгельма I», которую Вильгельмъ II при всякомъ удобномъ случаѣ неизмѣнно выдвигаетъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ,

письмахъ, воззваніяхъ и т. д. И на этотъ разъ онъ говоритъ, что Вильгельмъ I служилъ «орудіемъ божественнаго откровенія», что вызвало нѣкоторое недоумѣніе въ европейской печати, цитирующей его письмо. Впрочемъ, императоръ Вильгельмъ причисляетъ къ такимъ же «орудіямъ», кромѣ Моисея и Авраама, также и Гомера, Карла Великаго, Лютера, Шекспира, Гёте и Канта! Признавая заслуги ученыхъ изысканій Делича, императоръ, однако, высказываетъ ему порицаніе за то, что онъ обсуждаетъ нѣкоторые религіозные вопросы въ нѣсколько полемической формѣ и при этомъ слишкомъ популяризируетъ свои выводы, которые во всякомъ случаѣ, не должны были бы выходить изъ предѣловъ узкаго круга ученыхъ.

Какъ бы то ни было, но письмо императора Вильгельма, явившееся политическимъ актомъ и успокоившее ортодоксальные кружки при дворѣ, выдвинуло на сцену новый вопросъ. Вильгельмъ II высказывается въ немъ не только какъ глава государства, но и какъ «глава имперской церкви», а это можетъ не понравиться другимъ германскимъ принцамъ, которые ревниво оберегаютъ свои верховныя права надъ церковью въ своемъ государствѣ. Нѣкоторыя изъ германскихъ газетъ уже отмѣтили это.

Рабочій вопросъ въ Южной Африкѣ. — Передѣлка романа гр. Толстого «Воскресеніе» на англійской сценѣ. Въ Англіи уже давно не создаютъ себѣ никакихъ иллюзій и сознаютъ, что хотя война окончена, но организація Южной Африки будетъ дѣломъ далеко не легкимъ. Въ данный моментъ, между двумя фракціями англійскаго населенія въ побѣжденной странѣ, возникъ острый конфликтъ. Британскіе резиденты въ Преторіи, Іоганнесбургѣ и Блемфонштейнѣ открыто заявляютъ, что молодые чиновники, которыми окружаетъ себя лордъ Мильнеръ, никуда не годятся. Эти чиновники большею частью юные отпрыски англійскихъ аристократическихъ фамилій, которыхъотправили въ южную Африку дѣлать карьеру; тамъ къ нимъ относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и уже дали насмѣшливое прозвище: «Kindergarten». На банкетѣ въ Преторіи въ честь Чэмберлена, въ его присутствіи и въ присутствіи лорда Мильнера, было заявлено требованіе, чтобы въ Южной Африкѣ были скорѣе введены представительныя учрежденія. Въ толпѣ даже раздался возгласъ: «долой молокососовъ!» Но Чэмберленъ и остальные гости сдѣлали видъ, что не слышали этого.

Впрочемъ, не только англійское населеніе распалось на двѣ фракціи, враждующія между собою; бурская нація также раскололась на двѣ части. Многіе изъ бывшихъ воиновъ уже перешли на сторону побѣдителей и ими руководятъ Христіанъ Бота и Питъ Деветъ, но остальные, т.-е. большинство, возмущаются и осыпаютъ ихъ упреками и проклятіями. Христіанъ Деветъ и судья Герцогъ въ довольно рѣзкой формѣ высказали свои обвиненія Чэмберлену, заявляя, что «миръ не соблюдается, уплата вознагражденія была только обманомъ и ни одно изъ обѣщаній не было какъ слѣдуетъ выполнено англичанами, и поэтому надо ожидать теперь нравственнаго возмущенія буровъ, которое и создастъ Англіи новую Ирландію въ Южной Африкѣ».

Но это еще не все. Въ Южной Африкѣ теперь выдвигается новый важный вопросъ—рабочій или негритянскій вопросъ, который грозитъ весьма большими осложненіями. Въ колоніи насчитывается шесть милліоновъ негровъ и около 900 тысячъ бѣлыхъ. Негры довольствуются очень малымъ и такъ какъ потребности у нихъ не велики, то и работаютъ они очень неохотно, а если даже принимаются за работу, то лишь съ цѣлью заработать что нибудь, чтобы потомъ жить въ свое удовольствіе. Но дѣло въ томъ, что бѣлые считаютъ для себя унизительнымъ работать рядомъ съ негромъ и на равныхъ основаніяхъ съ нимъ, поэтому они и предоставляютъ неграмъ весь ручной трудъ, который тѣ выполняютъ довольно скверно и въ недостаточной степени. Притомъ же негръ, заработовъ нѣсколько сотъ франковъ, всегда норовитъ бросить свою работу и удрать въ свой «крааль», чтобы тамъ уже вести безпечальное существованіе, благодаря полученнымъ деньгамъ. До войны, въ Рандѣ работало сто тысячъ чернокожихъ, но, по вычисленію компетентныхъ лицъ, черезъ годъ или два рабочихъ понадобится вдвое больше. Для удовлетворенія нуждъ земледѣлія въ Капѣ, Наталѣ и Оранжевой колоніи также потребуется вдвое большее число рабочихъ. Однимъ словомъ, чтобы обезпечить полное и правильное развитіе Южной Африки, надо заставить работать все взрослое населеніе чернокожихъ и притомъ заставить ихъ работать такъ, какъ работаютъ бѣлые рабочіе, что, по мнѣнію знатоковъ края, совершенно недостижимо обыкновенными и мирными способами. И вотъ, подъ прикрытіемъ разныхъ теорій и во имя необходимости труда для всѣхъ, поднимается теперь вопросъ о введеніи въ Южной Африкѣ особаго налога, который чернокожіе обязаны будутъ выплачивать рабочими днями: 200—300 рабочихъ дней въ году. Разумѣется, будутъ при этомъ приняты мѣры, чтобы не допустить побѣговъ такихъ подневольныхъ рабочихъ.

Этотъ проектъ вызываетъ уже теперь горячіе споры въ англійской печати. Нѣкоторые органы прямо называютъ его «возстановленіемъ рабства» и предсказываютъ, если онъ будетъ осуществленъ, рядъ возмущеній и т. п. бѣды. «Но какъ же поступить съ чернокожими, если ихъ нельзя заставить работать?» возражаютъ они. Серьезные англійскіе журналы занимаются этимъ вопросомъ и предлагаютъ выселить всѣхъ чернокожихъ къ сѣверу отъ Замбезе Однако, выполненіе такого плана обставлено слишкомъ большими затрудненіями и также можетъ возмутить общественную совѣсть. Между тѣмъ, «негритянскій вопросъ» легко можетъ стать очень острымъ вопросомъ въ Южной Африки. Чернокожее населеніе размножается съ феноменальною быстротою. Умъ чернокожихъ также развивается, но этого нельзя сказать о его способности къ работѣ. Легко можетъ случиться, что, послѣ учрежденія объединенной христіанской церкви въ Южной Африкѣ, эта церковь превратится въ центръ національныхъ стремленій чернокожихъ. Если негръ останется такимъ, какимъ онъ былъ до сихъ поръ, то онъ парализуетъ всякое развитіе Южной Африки. Если же онъ научится работать, то сдѣлается непреодолимымъ конкуррентомъ англичанъ и, въ концѣ концовъ, монополируетъ Южную Африку. Если онъ выучится мыслить, то будетъ въ ней господствовать. Этого именно и опасаются англи-

чане, не знающіе какъ разрѣшить дилемму, такъ какъ нельзя уничтожить, экспортировать или обратить въ рабство все чернокожее населеніе южной Африки. Организація новыхъ владѣній Англіи представляетъ такимъ образомъ весьма большія затрудненія. Буры и чернокожіе составляютъ такіе два элемента, съ которыми англичанамъ трудно сладить. Впрочемъ, англичане утѣшаются тѣмъ, что въ ихъ распоряженіи находятся время, деньги и пути сообщенія, ведущія во внутрь южной Африки. Однако въ англійской печати раздаются все-таки предостерегающіе голоса, что, кромѣ ирландскаго вопроса, Англіи грозитъ возникновеніе южно-африканскаго вопроса, быть можетъ еще болѣе сложнаго и болѣе чреватаго послѣдствіями.

Недавно на сценѣ лондонскаго театра «His Majesty» (его величества) была поставлена пьеса, передѣланная изъ романа гр. Толстого «Воскресеніе». Сначала этотъ романъ былъ передѣланъ французскими авторами Анри Батайлемъ и Мишель Мортономъ для французской сцены, а затѣмъ уже англичане воспользовались этою французскою передѣлкой и опять «передѣлали» ее для англійской сцены. Пьеса состоитъ изъ четырехъ актовъ, распадающихся на шесть сценъ: 1) старый помѣщичій домъ. Блестящій и красивый князь Нехлюдовъ, роль котораго исполнялъ самъ директоръ театра мистеръ Три, проѣздомъ на войну, посѣщаетъ своихъ тетокъ и соблазняетъ Катюшу. На сценѣ поетъ русскій хоръ и—по выраженію «Times'a»—«зрителямъ преподается урокъ московскаго фольклора». Такъ какъ дѣйствіе происходитъ во время Пасхи, то исполняются всѣ пасхальные обряды. 2) Совѣщательная комната присяжныхъ въ судѣ. Между первымъ и вторымъ актомъ проходитъ 10 лѣтъ. Присяжные собрались, чтобы вынести приговоръ Катюшѣ, обвиняемой въ отравленіи пьянаго, развратнаго купца. По отзывамъ англійскихъ газетъ это лучшая сцена въ пьесѣ. 3) Балъ въ домѣ Корчагиныхъ. 4) Тюрьма. 5) Тюремная больница. 6) Этапная тюрьма на пути въ Сибирь. Послѣднюю сцену англійская печать также очень похвалила за реализмъ постановки. Тутъ фигурируютъ простые и политическіе преступники, офицеры, солдаты, умирающіе люди, дѣти, разлученныя съ родителями и т. д. Всѣ детали этапнаго пункта воспроизведены съ большою точностью и именно эти детали сценической постановки, главнымъ образомъ, интересуютъ англійскую публику, которая одобряетъ антрепренёра за то, что онъ все устроилъ на «русскій ладъ». Что же касается самой пьесы, то хотя она имѣла большой успѣхъ, но «Times» и нѣкоторыя другія газеты называютъ ее «второстепенной». Романъ много теряетъ въ сценической передѣлкѣ, тѣмъ болѣе, что авторы хотя и придерживались его главныхъ эпизодовъ, но все-таки прибавили нѣсколько сценъ и діалоговъ собственнаго изобрѣтенія. Нравственная идея романа также не такъ ярко выражается на сценѣ и поэтому не производитъ такого впечатлѣнія на зрителей, какъ на читателей. На этомъ сходятся почти всѣ отзывы англійской печати объ этой сценической новинкѣ.

Мистеръ Три, дѣйствительно, употребилъ всѣ старанія, чтобы «русскій стиль» былъ выдержанъ во всемъ, даже оркестръ игралъ только избранныя мѣста изъ русскихъ композиторовъ, а мебель, костюмы и вся обстановка были выписаны

изъ Россіи. Англійскія газеты очень хвалятъ мистера Три за «реальное изображеніе русской жизни». Изъ Лондона труппа отправится въ провинцію давать представленія во всѣхъ большихъ городахъ Англіи.

Промышленные короли въ Америкѣ.—Новое учрежденіе Карнеджи. Въ американскомъ дѣловомъ мірѣ до сихъ поръ еще господствуетъ мнѣніе, что лучше начинать съ самыхъ низкихъ ступеней общественной лѣстницы и постепенно добираться до ея вершины. Большинство американскихъ промышленныхъ дѣятелей, стоящихъ во главѣ очень крупныхъ предпріятій, именно такъ и начали свою карьеру. Они и сами предпочитаютъ молодыхъ людей, которые прошли школу жизни и съ малыхъ лѣтъ занимались какимъ-нибудь трудомъ, хотя бы онъ заключался въ чисткѣ сапогъ, тѣмъ, которые прошли курсъ какой-нибудь спеціальной школы и заручились дипломомъ. Предсѣдатель стального трёста Швабъ недавно высказалъ эти взгляды въ импровизированной рѣчи, которую онъ произнесъ въ одномъ изъ «Boys club» (клубъ мальчиковъ) въ Нью-Іоркѣ. «Друзья,—сказалъ онъ имъ—я не зналъ, что много придется говорить и поэтому ничего не приготовилъ. Но я буду говорить съ вами, какъ съ тѣми маленькими мальчиками, которые приходятъ ко мнѣ въ бюро просить у меня совѣта. Знаете ли вы, въ чемъ заключается секретъ успѣха въ жизни? Надо стараться каждый день дѣлать свое дѣло немного лучше своего сосѣда. Возьмите мальчика, умѣющаго уже справляться со своими инструментами, и заставьте его работать съ 16-ти лѣтъ, и другого, который только что кончилъ университетъ и началъ работать съ двадцати лѣтъ. Несмотря на свой дипломъ, онъ не догонитъ того ученика, который работаетъ съ 16-ти-лѣтняго возраста. Онъ отсталъ на четыре года, а въ этомъ возрастѣ четыре года составляютъ такой большой срокъ, который невозможно наверстать... Мнѣ пришлось быть недавно въ собраніи сорока крупныхъ финансистовъ; тридцать восемь изъ нихъ учились только въ элементарной ремесленной школѣ и не переступали порога коллегіи... И вотъ, чтобы достигнуть успѣха, вамъ надо только дѣлать немного больше другихъ. Я знавалъ одного стараго фабриканта, который обратился однажды къ надзирателю съ предложеніемъ указать ему лучшаго ученика, для того, чтобы его можно было перевести на лучшее мѣсто. Надзиратель отвѣтилъ, что всѣ ученики одинаково хороши. «Ну такъ вотъ что,—сказалъ фабрикантъ.—Теперь пять часовъ, время кончать работу. Объявите имъ, что работа будетъ продолжаться до шести». Сказано-сдѣлано. Ученики снова принялись за работу безъ всякаго ропота, но съ приближеніемъ шести часовъ, всѣ начали украдкой поглядывать на часы,—всѣ, за исключеніемъ одного! И вотъ этотъ самый ученикъ находится теперь во главѣ цѣлаго промышленнаго учрежденія, въ которомъ работаютъ 30.000 человѣкъ... Восемнадцать лѣтъ тому назадъ я зналъ одного мальчугана, лѣтъ пятнадцати, обязанность котораго заключалась въ ношеніи воды для питья рабочимъ. Онъ такъ добросовѣстно исполнялъ эту обязанность и всегда приносилъ чистую, свѣжую воду, что обратилъ на себя вниманіе. Его повысили въ должности и перевели въ бюро, гдѣ онъ оказался такимъ же

исполнительнымъ и добросовѣстнымъ. Ну а теперь этотъ бывшій водоносъ состоитъ председателемъ одного общества Карнеджи и находится во главѣ 60.000 рабочихъ... Я былъ на дняхъ у одного банкира, когда маленькій газетный разносчикъ принесъ ему вечернія газеты. «Этотъ мальчуганъ,—сказалъ мнѣ банкиръ,—ежедневно, вотъ уже въ теченіе цѣлаго года, приноситъ мнѣ газеты ровно въ четыре часа и еще ни разу не запоздалъ, хотя я никогда не платилъ ему больше, чѣмъ сколько полагается за газету. Его аккуратность такъ мнѣ нравится, что я думаю помѣстить его у себя въ конторѣ. И знаете ли, я готовъ предсказать, что онъ современемъ станетъ во главѣ банка».

Карнеджи, также какъ и Швабъ, тоже нѣсколько разъ выставлялъ на видъ, что среди предсѣдателей банковъ и директоровъ промышленныхъ учрежденій, весьма немного такихъ, которые получили высшее образованіе. «Не бойтесь соперничества сыновей богатыхъ людей,—говоритъ онъ при каждомъ удобномъ случаѣ.—Обратите ваше вниманіе на мальчугана, вынужденнаго, по окончаніи курса элементарной школы, приниматься за какое-нибудь дѣло и начинающаго свою карьеру съ подметанія конторы. Не спускайте съ него глазъ, потому что многіе такъ начинали и брали призъ потомъ въ жизненной борьбѣ. Лучшіе годы для ученія—это 14—15 лѣтъ и въ то время, когда другіе мальчики изучаютъ исторію прошлыхъ временъ, будущій промышленный дѣятель закаляется въ школѣ жизни, пріобрѣтастъ опытъ и знанія, которыя ему нужны для конечнаго торжества въ будущемъ».

Однако, несмотря на такія заявленія, Карнеджи все-таки самъ заботится объ увеличеніи числа ученыхъ инженеровъ и техниковъ, потому что пожертвовалъ 50 милліоновъ долларовъ на университетскія стипендіи. Впрочемъ, онъ нисколько не противорѣчитъ себѣ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Его идеалъ—это «студентъ-рабочій», т.-е. юноша, соединяющій въ себѣ практическій умъ ремесленника съ умомъ ученаго. Школьныя занятія должны чередоваться съ практическимъ трудомъ и въ этомъ заключается одно изъ условій успѣха. Карнеджи приводитъ примѣръ трехъ крупныхъ фабрикантовъ, которые прошли черезъ университетъ, но всѣ трое должны были прерывать свое ученіе для работы въ канцеляріи или мастерской.

Французское министерство торговли отправило нѣсколько времени тому назадъ въ Соединенные Штаты миссію со спеціальною цѣлью изслѣдовать программы и занятія въ спеціальныхъ школахъ, чтобы открыть секретъ, почему изъ американскихъ школъ выходятъ не только теоретики, но и практики. Но, разумѣется, тутъ главное значеніе имѣетъ то, что юный американецъ уже поступаетъ въ школу проникнутый практическимъ духомъ, и школа поддерживаетъ его въ этомъ направленіи.

Какъ извѣстно, въ американскихъ коллегіяхъ далеко не составляютъ исключенія студенты, которые въ вакаціонное время становятся мастеровыми, конторщиками или нанимаются кондукторами трамваевъ и т. п. Работники, обладающіе дипломами высшихъ учебныхъ заведеній, представляютъ въ Америкѣ, по мнѣнію Карнеджи, именно тотъ классъ, который, пожалуй, не имѣетъ себѣ подобнаго въ цѣломъ мірѣ. Въ послѣднее время въ особенности замѣчается

стремленіе къ высшему образованію среди американскаго юношества и теперь, какъ говоритъ Карнеджи, въ Соединенныхъ Штатахъ не найдется, пожалуй, ни одного землекопа, который бы не мечталъ для своего сына объ университетскомъ дипломѣ. Но ученіе не отрываетъ юнаго американца отъ жизни, не вырываетъ его изъ той среды, въ которой онъ находится. Юноша, происходящій изъ неимущихъ классовъ, поступаетъ въ университетъ только тогда, когда онъ имѣетъ уже кое-какія сбереженія, такъ что можетъ заплатить за свое ученіе, или же онъ продолжаетъ работать и во время ученія, чтобы платить за себя. Во многихъ американскихъ университетахъ, по крайней мѣрѣ, треть студентовъ живетъ такимъ образомъ. Секретъ успѣха американцевъ на поприщѣ практической дѣятельности заключается, слѣдовательно, въ нравахъ демократіи, а никакъ не въ программахъ американскихъ высшихъ школъ.

Въ Вашингтонѣ открылось новое учрежденіе: «Институтъ для поощренія свободныхъ изслѣдованій въ наукѣ», основанный на деньги, пожертвованныя Карнеджи. Цѣль института—помогать ученымъ, не имѣющимъ стредствъ продолжать свои научные опыты, и уже многіе-изъ американскихъ профессоровъ, обращавшіеся въ этотъ институтъ, получили довольно большія субсидіи для продолженія своихъ работъ.

Ярмарка дѣвушекъ въ Венгріи. Корреспондентъ «Kölnische Zeitung» описываетъ любопытный древній обычай, который до сихъ поръ сохраняется въ одномъ изъ венгерскихъ комитатовъ, въ общинѣ Бодони. Тамъ ежегодно, въ первое воскресенье послѣ 14-го сентября, устраивается «ярмарка дѣвушекъ», куда собираются всѣ парни изъ окрестныхъ деревень, со своими родителями, чтобы выбрать себѣ спутницу жизни. Нѣмецкій журналистъ случайно попалъ на такую ярмарку и говоритъ, что она представляетъ весьма оригинальное зрѣлище. По главной улицѣ деревни раскинуты палатки, гдѣ продаются разныя сласти, пряники, орѣхи, лимонадъ и т. п. Толпа наполняетъ эту улицу до ранняго утра. Парни, являющіеся на ярмарку, чтобы выбрать невѣсту, стоятъ по сторонамъ, вмѣстѣ со своими родственниками, и каждая деревня образуетъ отдѣльную группу. Вдоль улицы разгуливаютъ дѣвушки, нарядившіяся въ лучшіе свои костюмы и притомъ сильно намазанныя. Парни также принарядились и зорко поглядываютъ на дѣвушекъ, какъ будто не обращающихъ на нихъ вниманія. Наконецъ, которая-нибудь изъ дѣвушекъ останавливается передъ какою-нибудь лавочкой и спрашиваетъ о цѣнѣ пряниковъ. Но она дѣлаетъ это не столько съ цѣлью купить что-нибудь, сколько для того, чтобы дать парню возможность приблизиться и заговорить. Какъ только она остановилась у лавочки, то къ ней подходитъ парень, которому она приглянулась, и завязывается разговоръ. Парень говоритъ дѣвушкѣ «ты», но она говоритъ ему «вы». Онъ не позволяетъ ей заплатить за пряникъ и покупаетъ ей разныя сласти и лимонадъ. Знакомство сдѣлано. Когда дѣвушка пьетъ лимонадъ, то парень говоритъ ей: «Богъ долженъ отдать тебя мнѣ». Если парень нравится дѣвушкѣ, то она отвѣчаетъ: «Пусть будетъ такъ, какъ Богъ хочетъ». Послѣ этого дѣвушку обступаютъ родственники парня, разсматриваютъ ее хорошенько

и разспрашиваютъ обо всемъ. Такимъ образомъ составляются пары и начинается веселье въ деревнѣ, игры, пѣсни и танцы. Конечно, торговля при этомъ идетъ очень бойко. Особенно хорошо торгуютъ такъ называемыя «кухни Владислава», гдѣ, на глазахъ публики, на сковородахъ жарится свиное мясо. Такія кухни находятся во всѣхъ большихъ венгерскихъ городахъ, но, главнымъ образомъ они дѣйствуютъ на ярмаркахъ. Это также очень старинное учрежденіе и свое названіе «кухонь Владислава» онѣ получили оттого, что въ началѣ XVI-го вѣка король Владиславъ II, сильно задолжавшій, посылалъ за своимъ обѣдомъ въ такія кухни. Молодой человѣкъ и молодая дѣвушка, согласно обычаю, должны ѣсть съ одной тарелки въ такой кухнѣ, и это служитъ признакомъ ихъ полнаго взаимнаго согласія. Съ этого момента дѣвушка считается невѣстой. Веселье и танцы длятся довольно долго и только поздно вечеромъ крестьяне возвращаются по своимъ домамъ, въ свои деревни, но по дорогѣ долго еще слышится пѣніе и раздаются веселые голоса. Тотчасъ же послѣ этой ярмарки начинаются приготовленія къ свадьбамъ въ разныхъ деревняхъ и затѣмъ все затихаетъ, и жизнь снова входитъ въ свою обычную колею вплоть до слѣдующей ярмарки.

Монастырскіе порядки.—Кромѣ дѣла Эмберовъ и новыхъ разоблаченій по дѣлу Дрейфуса много толковъ во французской почати возбуждаетъ въ настоящее время процессъ Маріи Лекоане, предъявившей женскому монастырю «Добраго Пастыря» искъ въ 20.000 фр. вознагражденія за разстроенное здоровье и поврежденіе зрѣнія, сдѣлавшія ее неспособною къ труду. Въ первой инстанціи Марія Лекоане проиграла свое дѣло, но апелляціонный судъ отмѣнилъ это рѣшеніе и назначилъ новое слѣдствіе, которое должно было выяснить насколько вѣрно то, что говоритъ Марія Лекоане о монастырскихъ порядкахъ. Слѣдствіе продолжалось два года и вызвано было 15 свидѣтелей, раскрывшихъ дѣйствительно возмутительныя злоупотребленія въ монастырѣ.

Марія Лекоане давно уже пыталась возбудить дѣло противъ монастыря, какъ только глаза у нея отказались служить, но всѣ ея заявленія и жалобы оставлялись безъ послѣдствій, пока не вмѣшался епископъ Тюринацъ изъ Нанси. Онъ обратилъ вниманіе на то, что монастырь сооружаетъ постоянно новыя великолѣпныя зданія, а между тѣмъ въ монастырскомъ бюджетѣ, который ежегодно представлялся ему на утвержденіе, нигдѣ не показаны были источники доходовъ, которые могли бы давать средства для такихъ построекъ. Заинтересованный этимъ, епископъ назначилъ коммиссію для провѣрки монастырскаго бюджета, а самъ продолжалъ далѣе свое разслѣдованіе и выяснилъ такимъ образомъ, что монастырь обогащается работою молодыхъ дѣвушекъ. Но этого мало; онъ нашелъ, какъ онъ самъ выразился потомъ, что «во всей странѣ нельзя было бы найти болѣе безбожнаго работодателя, болѣе эксплуатирующаго своихъ работниковъ и работницъ, нежели монахини, которыя эксплуатируютъ своихъ питомицъ, подъ видомъ благотворительности».

Монастырь «Добраго Пастыря» имѣетъ 221 пріютъ, гдѣ, кромѣ 7.000 монахинь, находится еще 48.000 работницъ. Порядки въ этихъ пріютахъ

повидимому были вездѣ одинаково возмутительны, но монастырскія власти покрывали поведеніе монахинь, такъ какъ всѣ жалобы и заявленія епископа оставлялись безъ вниманія. Тогда онъ пожаловался на нихъ въ Римъ и пять архіепископовъ и 15 епископовъ поддержали его. Такимъ образомъ дѣло получило огласку. Депутатъ-соціалистъ Фурньеръ внесъ запросъ въ палату депутатовъ и министерство Вальдека-Руссо назначило административное слѣдствіе, которое собрало такое количество обвинительнаго матеріала, что Марія Лекоане могла уже спокойно воспользоваться этимъ и начать свой процессъ противъ монастыря, съ надеждою выиграть его.

На судѣ выяснилось, между прочимъ, что монахини пробовали подкупать свидѣтелей въ свою пользу. Монастырь принимаетъ сиротъ и кающихся дѣвушекъ; и тѣхъ и другихъ монахини заставляли работать вмѣстѣ, и работать какъ можно больше, не обращая вниманія ни на состояніе здоровья, ни на силы работницъ. Объ ученіи никто не заботился и дѣвочекъ даже не учили читать, а только заставляли ихъ работать. Кормили ихъ, какъ оказывается, очень плохо; даже хлѣба онѣ не получали вволю и, вслѣдствіе сильнаго переутомленія и плохого питанія, всѣ питомицы монахинь имѣли крайне изнуренный видъ и страдали малокровіемъ. Среди вышивальщицъ большинство имѣло больные глаза, но монахини никогда не призывали глазного врача; это онѣ находили излишнею роскошью и сами оказывали врачебную помощь заболѣвшимъ, насколько хватало умѣнья.

Марія Лекоане говоритъ, что она ни разу за все свое 22-хъ-лѣтнее пребываніе въ монастырѣ, не видала ни одного инспектора. Другія свидѣтельницы также не видали ни одного изъ нихъ. Обыкновенно тѣхъ дѣвушекъ, относительно которыхъ боялись, что онѣ могутъ пожаловаться инспектору, запирали, когда въ монастырѣ ожидали инспекціи, а другихъ, робкихъ и запуганныхъ, учили, какъ онѣ должны отвѣчать. Нѣкоторые изъ духовниковъ монастыря пробовали было вступаться за несчастныхъ питомицъ, но тогда монахини начинали противъ нихъ тайную войну, которая могла отравить имъ существованіе. Одинъ изъ этихъ духовниковъ, пробывшій десять лѣтъ въ одномъ изъ монастырскихъ пріютовъ, сравниваетъ свою службу тамъ съ пребываніемъ на каторгѣ. Монахини зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы въ публику не проникали никакія свѣдѣнія о монастырскихъ порядкахъ. По словамъ епископа Тюринаца, если даже воспитанницы монастыря обладали достаточною энергіею, чтобы добиться своего освобожденія, то все же потомъ, выпущенныя на свободу, рѣшительно безъ всякихъ средствъ, съ разстроеннымъ здоровьемъ и отсутствіемъ какихъ бы то ни было знаній, отупѣлыя, вслѣдствіе долголѣтней односторонней работы, потому что монахини заставляли ихъ постоянно исполнять одну и ту же раболу, дѣвушки обыкновенно быстро погибаютъ. Вообще несчастныя питомицы монахинь были отрѣзаны отъ всего міра; монахини даже перемѣняли имъ имена и запрещали имѣть какія-либо сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Вполнѣ естественно, что теперь, когда все это выплыло наружу, въ обществѣ и печати раздаются негодующіе голоса и даже клерикальные органы не рѣшаются защищать порядки «Добраго Пастыря». Во всякомъ случаѣ этотъ сен-

саціонный процессъ пришелся очень кстати, чтобы показать защитникамъ конгрегацій, негодующимъ на дѣйствія французскаго правительства, какую пользу приносятъ обществу разныя монастырскія учрежденія.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Женскій трудъ и феминизмъ.—Польза и вредъ алкоголя; его противники и защитники среди ученыхъ.—Уцѣлѣетъ ли Австрія въ своемъ теперешнемъ видѣ?—Американскія работницы.

Во всѣхъ промышленныхъ странахъ существуетъ спеціальное законодательство, имѣющее цѣлью покровительство малолѣтнимъ и юнымъ рабочимъ. Въ Англіи такое законодательство введено уже болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ, и теперь всѣ европейскія страны, за исключеніемъ Греціи, Турціи и балканскихъ государствъ, а такъ же Соединеннные Штаты и Канада, запретили ночную работу и нѣкоторыя, особенно вредныя для здоровья, отрасли промышленнаго труда, юношамъ, не достигшимъ 18-лѣтняго возраста. Кромѣ того, крупныя промышленныя государства, Германія, Англія, Австрія, Бельгія, Франція, Голландія, Россія и Швейцарія, ввели еще спеціальное законодательство, касающееся взрослыхъ работницъ, ограничивающее число рабочихъ часовъ (минимумъ 11 часовъ) и запрещающее ночную работу. Въ нѣкоторыхъ странахъ притомъ введенъ обязательный отдыхъ для женщинъ до и послѣ родовъ.

«Это законодательство,—говоритъ г-жа Кэтъ Ширмахеръ въ «La Revue»,—вездѣ было вотировано парламентами, т.-е. собраніемъ исключительно состоящимъ изъ мужчинъ. Мнѣнія наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, т.-е. работницъ, не спрашивали, и когда эти законы обсуждались въ парламентѣ, то буржуазія выказала къ нимъ полное отсутствіе всякаго интереса. Теперь, однако, времена измѣнились; въ программахъ всѣхъ феменистскихъ собраній современной буржуазіи вопросъ о покровительствѣ женскому труду поставленъ на очередь и уже вызвалъ расколъ среди феминистовъ, раздѣлившихся на двѣ группы, за и противъ регламентаціи женскаго труда».

Въ Англіи уже организована настоящая оппозиція противъ регламентаціи женскаго труда. Въ 1898 году, когда въ Лондонѣ засѣдалъ международный женскій конгрессъ, сторонники и противники регламентаціи высказались на этотъ счетъ довольно опредѣленнымъ образомъ въ промышленной секціи. Делегаты работницъ, фабричныя инспектриссы и компетентныя въ этомъ вопросѣ женщины, какъ, напр., г-жа Сидней Веббъ, требовали распространенія и строжайшаго примѣненія «Factory Acts», англійская же, французкая и скандинавская оппозиціи объявили примѣненіе этихъ законовъ безполезнымъ и вреднымъ для интересовъ работницъ.

Въ 1900 году два международныхъ конгресса въ Парижѣ, аудиторія которыхъ состояла исключительнымъ образомъ отъ женщинъ буржуазіи—делегатокъ отъ работницъ было мало и не было ни одной фабричной инспектриссы—вотировали противъ какой бы то ни было спеціальной регламентаціи

женскаго труда, и сторонницы законнаго вмѣшательства, представительницами которыхъ были преимущественно нѣмецкія делегатки, потерпѣли полное пораженіе.

Въ 1901 году феминисты датской буржуазіи провалили, вопреки мнѣніямъ соціалистовъ и работницъ, законопроектъ, устанавливающій максимальный рабочій день для женщинъ, запрещающій ночную работу и принуждающій родильницъ къ пятинедѣльному отдыху (притомъ безъ всякаго вознагражденія), и такимъ образомъ въ области соціальной политики организованная оппозиція феминистовъ заставила отступить законодателей, желавшихъ ввести регламентацію труда.

Такое же точно движеніе обнаруживается въ данный моментъ и въ Норвегіи. И тамъ парламентъ проектируетъ регламентацію женскаго труда. Работницы относятся благопріятно къ этому проекту, но на этотъ разъ и буржуазныя феминистки въ своемъ послѣднемъ собраніи въ Христіаніи постановили предварительно запросить всѣхъ непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ лицъ и тогда уже опредѣлить свое отношеніе къ нему. До сихъ поръ скандинавскія феминистки были главнымъ оплотомъ всѣхъ противницъ регламентаціи труда, и это даже навлекло на нихъ упрекъ со стороны одной изъ лучшихъ скандинавскихъ писательницъ, Элленъ Кей.

Англійскія, французскія и скандинавскія феминистки возстаютъ противъ спеціальной регламентаціи женскаго труда во имя индивидуальной свободы и равенства половъ. Всякій законъ, нарушающій свободу, умаляетъ человѣческую индивидуальность, говорятъ онѣ. Нельзя приравнивать женщину къ ребенку, такъ какъ она знаетъ, что дѣлаетъ. Ограничительные законы лишаютъ ее работы, которая ей такъ нужна, такъ какъ хозяева, въ виду разныхъ неудобствъ, которыя представляетъ женскій трудъ, сокращеніе рабочихъ дней, запрещеніе ночной работы и частыя посѣщенія инспекторовъ, постараются повсюду замѣнить его мужскимъ трудомъ. Слѣдовательно, если женщины нуждаются въ особомъ покровительствѣ, то это покровительство должно быть создано ими самими и вызвано организаціей женскихъ синдикатовъ, а не законодательствомъ. Законы же должны быть одинаковы какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Но, къ сожалѣнію, женскіе синдикаты находятся еще въ зачаточномъ состояніи и въ Англіи напр., на 3—4 милліона промышленныхъ работницъ, неболѣе $1^1/_2$ милліона образовали синдикаты. Во Франціи 30.000 изъ 900.000 состоятъ, въ синдикатахъ, а въ Германіи—20.000 изъ одного милліона. Всѣ тѣ, кто занимался организаціей синдикатовъ работницъ знаютъ, съ какими затрудненіями приходится бороться, главнымъ препятствіемъ является недостатокъ денежныхъ средствъ и общаго воспитанія работницъ. Г:жа Кэтъ Ширмахеръ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ чрезмѣрнаго усердія феминистокъ,— противницъ всякой регламентаціи труда, и заключаетъ свою статью словами Лакордера: «Въ отношеніяхъ, существующихъ между сильнымъ и слабымъ, богатымъ и бѣднымъ, свобода угнетаетъ, а законъ освобождаетъ».

Слѣдуетъ ли считать алкоголь питательнымъ средствомъ, такимъ же, какъ мясо, хлѣбъ, сахаръ, и можетъ ли онъ замѣнять другія питательныя вещества?

Вопросъ этотъ выдвинутъ теперь на очередь учеными, среди которыхъ онъ вызываетъ нѣкоторыя разногласія. Въ виду этого, журналъ «La Revue» обратился къ разнымъ выдающимся французскимъ ученымъ, чтобы они высказали свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Нѣсколько времени тому назадъ директоръ пастёровскаго института Дюкло высказался въ пользу питательныхъ свойствъ алкоголя, которыя были подтверждены такъ же опытами двухъ американскихъ физіологовъ, Атфатера и Бенедикта, замѣнившихъ въ своемъ питательномъ режимѣ, безъ всякаго ущерба для своего здоровья и физическихъ силъ, сахаръ и крахмалистыя вещества алкоголемъ. Дюкло не считаетъ алкоголь ядомъ для организма, если только онъ не употребляется въ довольно большой дозѣ. Среднею дозой онъ считаетъ литръ вина въ день, содержащій 10% спирта, но съ условіемъ пить его разбавленнымъ водой и не сразу, а въ теченіе цѣлаго дня. Кромѣ того, онъ принимаетъ во вниманіе индивидуальность; для нѣкоторыхъ организмовъ даже эта доза можетъ оказаться слишкомъ большой.

Знаменитые коллеги Дюкло, докторъ Ру и профессоръ Мечниковъ изъ пастёровскаго института, произносятъ строгій приговоръ алкоголю. Ру говоритъ, что если бы даже наблюденія американскихъ физіологовъ подтверждались, то все же борьба противъ алкоголя должна продолжаться попрежнему, такъ какъ тѣ, кто употребляетъ спиртъ, будутъ все-таки употреблять его въ концентрированномъ видѣ, и опыты американскихъ физіологовъ будутъ служить имъ лишь оправданіемъ ихъ роковой страсти. Однако, докторъ Ру допускаетъ все-таки употребленіе вина и говоритъ, что вѣковой опытъ надъ цѣлыми народами указываетъ, что умѣренное употребленіе винограднаго вина не влечетъ за собою дурныхъ послѣдствій. Профессоръ Мечниковъ высказывается болѣе категорически: «Я убѣжденъ,—говоритъ онъ,—что алкоголь—это ядъ!»

Знаменитый химикъ Бертело такъ же высказывается противъ алкоголя. Онъ отрицаетъ его значеніе, какъ питательнаго вещества. Въ очень малыхъ дозахъ онъ можетъ быть полезенъ, какъ возбуждающее и только. «Исторія человѣческихъ расъ указываетъ, что злоупотребленіе алкоголемъ неминуемо влечетъ ихъ гибель, говоритъ Бертело.—Алкоголь является причиной исчезновенія дикихъ народовъ и служитъ такъ же элементомъ физическаго и нравственнаго упадка большинства европейскихъ націй. Спасеніемъ могутъ быть только очень энергичные законы противъ алкоголизма, какіе введены, напримѣръ, въ скандинавскихъ странахъ».

Шарль Рише присоединяется ко взглядамъ противниковъ потребленія алкоголя, хотя и не отрицаетъ, что онъ обладаетъ нѣкоторыми питательными свойствами. Но онъ болѣе приноситъ вреда, нежели пользы, и если бы можно было совершенно изъять изъ употребленія спиртные напитки, то этимъ была бы оказана великая услуга человѣчеству. Алкоголь—великій факторъ нищеты, говоритъ Рише.

Практическіе врачи, проф. Беркгеймъ изъ Нанси, Лансеро и др., считаютъ алкоголь лекарствомъ, которое можетъ принести пользу въ извѣстныхъ случаяхъ и дозахъ, но, какъ и всякое лекарство, онъ представляетъ ядъ. Проф. Беркгеймъ находитъ, однако, что алкоголь не заслуживаетъ ни чрезмѣрнаго го-

ненія, ни чрезмѣрнаго восхваленія; алкоголь можетъ быть полезенъ въ однихъ случаяхъ и вреденъ въ другихъ, но никогда не можетъ быть полезенъ въ большихъ дозахъ. Въ общемъ, всѣ лица, за исключеніемъ Дюкло, къ которымъ обратился французскій журналъ съ вопросомъ насчетъ пользы или вреда алкоголя, отрицаютъ его значеніе какъ питательнаго вещества, хотя и признаютъ нѣкоторую пользу, которую онъ можетъ приносить организму при извѣстныхъ условіяхъ. Но такъ какъ все зависитъ отъ дозы и индивидуальнаго расположенія, то вредъ, который приноситъ алкоголь человѣчеству, гораздо больше той пользы, которую онъ могъ бы принести ему.

Англійскій журналъ «Montly Rehview» печатаетъ рядъ статей выдающихся австрійскихъ политиковъ о будущемъ габсбургской имперіи. Вождь христіанско-соціалисткой партій д-ръ Альбертъ Гессманнъ, вождь младочеховъ д-ръ Адольфъ Сперанскій и Францъ Кошутъ, глава венгерской независимой партіи, разбираютъ въ своихъ статьяхъ вопросы, возможно въ близкомъ будущемъ распаденіе австровенгерской имперіи на ея составныя части? Д-ръ Гессманнъ находитъ, что если бы Австріи не существовало, то ее пришлось бы создать, такъ какъ она выполняетъ функцію объединенія различныхъ соперничествующихъ расъ центральной Европы. По мнѣнію Гессманна, внутреннія распри различныхъ національностей Австро-Венгеріи не угрожаютъ ея цѣлости, потому что ни одна изъ этихъ національностей, добивающихся преобладанія, не стремится присоединиться къ которой-нибудь изъ сосѣднихъ имперій. Главнымъ же препятствіемъ къ распаденію габсбургской имперіи служитъ Венгерія, такъ какъ мадьяры первые воспротивились бы раздѣлу Австріи. Д-ръ Адольфъ Сперанскій, въ общемъ, высказываетъ такіе же взгляды. Какъ ни недовольно большинство австрійскаго населенія существующимъ положеніемъ вещей, но о распаденіи имперіи не можетъ быть и рѣчи. Ни одно изъ теченій, существующихъ въ настоящее время въ Австріи, не представляетъ серьезной опасности. Прежде всего даже государственныхъ дѣятелей Германіи испугала бы мысль о присоединеніи 12.000.000 австрійскихъ нѣмцевъ, такъ какъ это лишило бы протестантскую сѣверную Германію ея теперешней гегемоніи. Австрійскіе нѣмцы не замедлили бы примкнуть къ баварцамъ и этимъ нарушили бы существующее равновѣсіе въ германской имперіи.

Францъ Кошутъ высказывается сдержанно относительно вопроса о распаденіи имперіи. Онъ говоритъ только, что никакія перемѣны въ этомъ отношеніи не произойдутъ, пока живъ императоръ Францъ-Іосифъ. Тѣмъ не менѣе существующая внутренняя организаціи имперіи никуда не годится, и слѣдовательно, необходимо радикальное измѣненіе. Вопросъ, во всякомъ случаѣ, назрѣлъ и требуетъ своего разрѣшенія.

Г-жа Ванъ-Ворстъ описываетъ въ «Revue des deux Mondes» бытъ американскихъ работницъ. Желая ближе познакомиться съ ихъ жизнью, она сама вступила въ ряды работницъ, раздѣляя ихъ лишенія, удовольствія и труды. Не зная никакого ремесла, она, конечно, должна была начать свою карьеру ра-

ботницы съ самаго начала, въ качествѣ ученицы, но это ее не смущало. Она поступила на фабрику пикулей въ Питтсбургѣ и зарабатывала тамъ до трехъ шиллинговъ въ день. На фабрикѣ, кромѣ нея, работало еще 500 женщинъ и всѣ были заняты различными стадіями изготовленія пикулей. Яркими красками описываетъ г-жа Ванъ-Ворстъ вліяніе на человѣка этой однообразной и непрестанной работы, вызывающей сильное утомленіе и разстраивающей аппетитъ, такъ какъ почти всѣ работницы на этой фабрикѣ обнаруживаютъ особенную склонность къ раздражающимъ вкусовымъ веществамъ и ничего не могутъ ѣсть безъ такой приправы. Послѣ перваго дня непрерывной десятичасовой работы, г-жа Ванъ-Ворстъ почувствовала себя совершенно разбитой и должна была два дня отдыхать. Только постепенно пріучивъ себя къ работѣ, она могла выносить тотъ трудъ, который несетъ на себѣ американская работница, безъ особеннаго вреда для здоровья. Въ этой борьбѣ за существованіе побѣда принадлежитъ только сильному и наиболѣе интеллигентному рабочему, но и среди американскихъ работницъ, какъ и среди рабочихъ, замѣчается стремленіе къ улучшенію своего положенія, къ возвышенію. Это стремленіе составляетъ характерную черту всей американской дѣятельности и не допускаетъ отупѣнія работницъ, занятыхъ постояннымъ и однообразнымъ трудомъ.

Послѣ Питтсбурга, г-жа Ванъ-Ворстъ отправилась въ маленькую деревушку, близъ Буффало, гдѣ поступила на фабрику рубашекъ, а затѣмъ поселилась въ Чикаго среди рабочихъ, изучая условія ихъ существованія и живя ихъ жизнью. Среди американскихъ рабочихъ, по ея словамъ, можно встрѣтить людей самаго разнообразнаго соціальнаго положенія, разныхъ національностей и вѣроисповѣданія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церковь имѣетъ довольно большое вліяніе на соціальную жизнь американскихъ рабочихъ, въ другихъ же это вліяніе равняется нулю. Г-жа Ванъ-Ворстъ говоритъ, что въ самомъ началѣ бытъ американскихъ рабочихъ, а въ особенности работницъ, произвелъ на нее угнетающее впечатлѣніе. Ей казалось, что это рабы, осужденные на физическую и нравственную смерть, но мало-по-малу она измѣнила свое мнѣніе, убѣдившись въ существованіи у нихъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ стремленій. Глубокое сожалѣніе г-жи Ванъ-Ворстъ вызываетъ только полное отсутствіе въ жизненной обстановкѣ работницъ всего, что могло бы содѣйствовать развитію и удовлетворенію эстетическаго чувства, а также ихъ однообразный и притупляющій трудъ, зачастую мѣшающій развитію ума и природныхъ способностей. Но стремленіе расширить рамки своей жизни, заложенное въ душѣ каждаго американца, служитъ могучимъ стимуломъ, не допускающимъ американскаго рабочаго навсегда потонуть въ тинѣ отупляющаго однообразнаго труда.

ОПЕЧАТКА. Въ № 2, февраль, въ статьѣ „Малорусскій университетъ во Львовѣ“ (отд. II) вкралась слѣдующая опечатка: на стр. 78, строка 7 снизу напечатано: „тяжелое, несправедливое обвиненіе“; слѣдуетъ читать: „тяжелое, но справедливое обвиненіе“.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Дѣйствіе различныхъ лучей на организмы. Измѣняемость видовыхъ признаковъ подъ вліяніемъ вѣшнихъ воздѣйствіе. Неорганическая искусственная протоплазма.

Два предыдущіе фельетона, посвященные цѣликомъ — первый основному вопросу современной «натуръ-философіи», второй — жгучей злобѣ дня современной физики, отвлекли насъ отъ обозрѣнія другихъ областей естествознанія и различныхъ открытій, сдѣланныхъ въ нихъ за послѣднее время. Теперь мы постараемся восполнить этотъ пробѣлъ.

Въ химическомъ процессѣ, въ разложеніи и синтезѣ вещества, которыя мы наблюдаемъ въ нашихъ лабораторіяхъ, мы объясняемъ явленія, главнымъ образомъ, различными видами матеріи, различной группировкой различныхъ веществъ; до послѣднихъ дней мы мало говорили о томъ, движутся ли матеріальныя частицы, или нѣтъ, для нашихъ цѣлей это было почти безразлично, такъ какъ мы не могли уловить въ нашихъ реакціяхъ слѣдствій этихъ движеній. Но вѣдь онѣ движутся, эти частицы, онѣ не могутъ не двигаться, а разъ это такъ, то должны быть и слѣдствія этихъ движеній. И въ сложныхъ химическихъ процессахъ организма, въ обмѣнахъ вещества, происходящихъ въ немъ, многое «необъяснимое физикой и химіей» объяснится, вѣроятно, когда химія станетъ на такую высоту, что ей необходимо будетъ принять въ разсчетъ и *движеніе* частицъ реагирующихъ другъ на друга тѣлъ. Еще гораздо больше «необъяснимаго» объяснится тогда, когда въ круговоротъ жизни организма введутся различные виды лучистой энергіи, конечно, здѣсь присутствующіе. Что организму нуженъ свѣтъ и теплота—фактъ, конечно, общеизвѣстный; что организмъ поглощаетъ эти колебанія эѳира—также извѣстно; но какова дальнѣйшая судьба этихъ эѳирныъ волнъ въ организмѣ, каковы ихъ превращенія, какова ихъ работа,—вопросы существенные для объясненія процессовъ жизни, но вопросы до сихъ поръ почти нетронутые; больше касались ихъ въ ботаникѣ, чѣмъ въ зоологіи, но касались только потому, что нѣкоторые изъ этихъ лучей производили рѣзкое измѣненіе химическихъ веществъ. Между тѣмъ, колебанія эѳира въ той или иной формѣ должны оставаться въ организмѣ и производить въ немъ и болѣе тонкія измѣненія.

Что въ организмахъ, по крайней мѣрѣ высшихъ животныхъ, присутствуетъ тотъ видъ энергіи, который мы зовемъ электричествомъ, тоже фактъ настолько общеизвѣстный, что о немъ и распространяться нечего; у нѣкоторыхъ животныхъ и растеній находятся даже особые электрическіе органы—орудія защиты или освѣщенія. Какова роль, распространеніе, сила электрическихъ волнъ въ организмѣ извѣстно еще меньше, чѣмъ про свѣтовые и тепловые лучи. А между тѣмъ, если мы вспомнимъ, какое громадное вліяніе на движеніе частицъ вѣсомой матеріи имѣютъ волны эѳира, то даже съ современной, относительно грубой точки зрѣнія поймемъ всю важность этого вопроса.

Современная физіологія и біологія подходятъ уже къ этимъ вопросамъ, и можно напримѣръ, указать на большое число научныхъ работъ, изучающихъ вліяніе на тотъ или иной организмъ тѣхъ или иныхъ *опредѣленныхъ* лучей, какъ спектральныхъ, такъ и новыхъ, изъ группы катодныхъ. Мы не можемъ дать здѣсь историческаго обзора этихъ работъ и остановимся только на самыхъ послѣднихъ.

Въ одномъ изъ февральскихъ засѣданій парижской академіи наукъ была доложена работа *Даница* о физіологическихъ свойствахъ лучей радія. Оказывается, что радій, заключенный въ трубку и положенный на кожу, производитъ на ней, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, струпъ; при дальнѣйшемъ дѣйствіи, струпъ этотъ увеличивается, но черезъ сутки развитіе раны останавливается. Такая трубочка съ радіемъ, помѣщенная вдоль спинного хребта молодыхъ мышей, быстро вызывала у нихъ параличъ, у взрослыхъ мышей параличъ наступалъ только послѣ 7—8 дней дѣйствія радія. Эти опыты съ несомнѣнностью показываютъ, что лучи радія проникаютъ черезъ кости, но все же послѣднія ослабляютъ нѣсколько такое дѣйствіе этихъ лучей. Такъ, если вырѣзать кружочекъ кости изъ черепа кролика и приспособить къ обнаженному мозгу трубочку съ радіемъ, то у кролика быстро наступаетъ параличъ одной половины тѣла (гемиплегія). У личинокъ нѣкоторыхъ бабочекъ, при дѣйствіи на нихъ лучей радія въ теченіе 24 часовъ, также наступалъ параличъ, а затѣмъ и смерть.

Работы *Ашкинсона* и *Каспари* еще гораздо раньше показали, что такое же убійственное дѣйствіе оказываютъ лучи радія на бактерій. По крайней мѣрѣ, культуры Micrococus prodigiosus при 2—4-часовомъ дѣйствіи на нихъ лучей, исходящихъ изъ трубки съ заключеннымъ въ ней однимъ граммомъ радіоактивнаго бромистаго радія-барія, становились мертвыми.

Нужно замѣтить, что дѣйствіе беккерелевскихъ лучей проявляется только на незначительныхъ разстояніяхъ (не болѣе 4 — 10 милиметровъ) отъ радіоактивнаго препарата; оно и понятно, такъ какъ уже опыты Беккереля установили, что слой воздуха въ 6 сантиметровъ толщиной задерживаетъ распространеніе этихъ лучей.

Какъ всѣмъ извѣстно, знаменитый финзеновскій свѣтовой способъ леченія лупуса (волчанки) основанъ на подобномъ же дѣйствіи свѣтовыхъ лучей на бактерій, причемъ въ данномъ случаѣ активными лучами являются лучи съ

наиболѣе короткими волнами: синіе, фіолетовые и ультрафіолетовые, но, по всѣмъ видимостямъ, смертоносное дѣйствіе лучей радія на бактерій гораздо сильнѣе дѣйствія вышеупомянутыхъ спектральныхъ лучей. Не открываются ли здѣсь новыя возможности для борьбы съ заразными болѣзнями?!

Къ этой же области относятся и недавнія работы швейцарскихъ ученыхъ— *Фореля и Дюфура*. Уже въ началѣ 80-хъ годовъ Леббокъ показалъ, что муравьи воспріимчивы къ фіолетовымъ и ультрафіолетовымъ лучамъ и всегда уносятъ свои личинки изъ сферы дѣйствія этихъ лучей.

Форель и Дюфуръ поставили болѣе точные опыты съ ультрафіолетовыми лучами, для насъ невидимыми. Въ закрытомъ ящикѣ были помѣщены муравьи съ ихъ личинками. Ящикъ «освѣщался» черезъ окошечко, закрытое тонкимъ листочкомъ желатины, ультрафіолетовыми лучами большого сильнаго спектра.

Муравьи тотчасъ же реагировали на дѣйствіе этихъ лучей и уносили своихъ личинокъ въ неосвѣщенныя части ящика. Опытъ съ рентгеновскими лучами далъ этимъ ученымъ пока отрицательные результаты, намъ кажется, главнымъ образомъ, потому, что авторъ подвергалъ муравьевъ дѣйствію этихъ лучей слишкомъ непродолжительное время (10 минутъ). Кромѣ того, врядъ ли можно предполагать, что рентгеновскіе лучи способны оказывать такое же дѣйствіе, какъ и спектральные: слишкомъ уже они далеки отъ послѣднихъ, да и дѣйствуютъ они, по всѣмъ вѣроятіямъ, не въ сферѣ молекулъ, а гораздо глубже—въ сферѣ атомовъ. Не здѣсь ли причина того факта, что рентгеновскіе лучи, равно какъ и родственные имъ катодные и лучи радіоактивныхъ веществъ, не воспринимаются органами, а убиваютъ живое вещество, разлагаютъ его частицы. «Воспріятіе», вѣроятно, для всѣхъ организмовъ ограничено только спектральными лучами, причемъ нѣкоторые виды воспріимчивы къ болѣе широкой области спектра, другіе къ болѣе узко одни реагируютъ сильнѣе на одни лучи, иные на другіе. По отношеніи къ человѣческому глазу давно уже доказано, что онъ чувствительнѣе всего къ зеленымъ лучамъ спектра. Недавнія работы *Пфлюгера* показали, что чувствительность нашего глаза къ различнымъ лучамъ, довольно сильно колеблется не только у разныхъ индивидуумовъ, но даже и у одного и того же въ различное время, но въ общемъ все же можно подтвердить прежній выводъ, что мы наиболѣе чувствительны къ зеленымъ лучамъ (точнѣе—къ лучамъ съ длиной волны отъ 49,5 милліонныхъ сантиметра до 52,5 мил. сант.); для лучей красныхъ чувствительность нашего глаза уменьшается въ 33 раза, а для фіолетовыхъ въ 60 разъ.

Такъ постепенно въ сферу біологическихъ изслѣдованій входитъ новый факторъ—воздѣйствіе на живое вещество различныхъ «лучей».

Не къ подобному ли же воздѣйствію сводится, въ концѣ концовъ, открытое недавно свойство серебра убивать микробовъ? Французскій химикъ *Ролэнъ*, работая съ культурами весьма распространенной плѣсени *Aspergillus niger*, случайно наткнулся на тотъ фактъ, что споры этой плѣсени не прорастаютъ въ серебряномъ сосудѣ, тогда какъ во всѣхъ другихъ развиваются прекрасно. Поставленные опыты показали Ролэну, что, дѣйствительно, достаточно, чтобы въ

питательной жидкости присутствовало всего $1/1.600.000$ по вѣсу ляписа (азотно-кислой соли серебра), чтобы споры Aspergillus niger не проростали. Генри Купэнъ поставилъ аналогичные опыты съ зернами пшеницы; оказалось, что и они не проростаютъ въ водѣ, въ которой находится $1/134.482$ часть по вѣсу ляписа. Даже присутствіе милліонныхъ долей солей серебра въ растворѣ оказываетъ задерживающее вліяніе на проростаніе зеренъ пшеницы; но наиболѣе сильное дѣйствіе серебро оказываетъ на бактерій. Такъ, г. Штраусъ показалъ, что туберкулезныя бациллы не развиваются, если питательная среда (бульонъ) сохраняется въ серебряномъ сосудѣ, а д-ръ Винсэнъ вычислилъ, что на серебряныхъ монетахъ находится въ 20 разъ меньше микробовъ, чѣмъ на мѣдныхъ, и въ 6 разъ меньше, чѣмъ на золотыхъ. Когда же онъ, прокаливъ монеты и, слѣдовательно, стерилизовавъ ихъ, помѣстилъ на каждую разводки бациллъ тифозной лихорадки, дифтерита и др., то оказалось, что всѣ эти разводки на серебряной монетѣ погибли черезъ 6 часовъ, тогда какъ на золотыхъ жили въ теченіе нѣсколькихъ дней. Эти факты обратили на себя вниманіе медиковъ и теперь начинаетъ входить въ употребленіе, какъ противомикробный препаратъ такъ называемое «коллоидальное» серебро. Но эти же факты наводятъ на мысль, что врядъ ли можно объяснять ихъ химическимъ дѣйствіемъ серебра: вѣдь растворы серебряныхъ солей во всѣхъ опытахъ такъ незначительны, а дѣйствіе ихъ такъ сильно. Не имѣемъ ли и здѣсь мы дѣло съ особымъ видомъ лучей, подобныхъ тѣмъ, которые испускаетъ радій, и, подобно имъ, также смертельныхъ для бактерій.

Интересное теченіе подмѣчается теперь въ бактеріологіи—это стремленіе къ синтезу, а не къ анализу, стремленіе слить, сблизить отдѣльные виды бактерій, какъ бы въ противовѣсъ излишнему дробленію на виды и разновидности. Такая тенденція проявлялась за послѣдніе годы по отношенію къ туберкулезной бациллѣ; многіе стремились показать, что бацилла эта—простой сапрофитъ *), весьма распространенный въ природѣ, и только при своемъ внѣдреніи въ организмъ нѣкоторыхъ животныхъ пріобрѣтающій всѣмъ извѣстныя ядовитыя свойства. Только что появившаяся работа *Курмона* и *Потета* представляетъ много данныхъ въ пользу этого предположенія. Уже давно было извѣстно, что коховская палочка (туберкулезная бацилла), окрашенная особымъ способомъ, не отдаетъ этой окраски, не обезцвѣчивается подъ дѣйствіемъ кислотъ. Нѣкоторое время думали, что это только свойство туберкулезной бациллы, но вскорѣ оказалось, что такъ же относятся къ кислотамъ и бациллы проказы и нѣкоторыхъ другихъ заразныхъ болѣзней; но все же такія «сопротивляющіяся кислотамъ» бациллы до 1896 г. были встрѣчены только у человѣка. Въ 1896 г. Кохъ и Петеръ показываютъ, что подобнымъ свойствомъ владѣютъ бактеріи, живущіе въ молокѣ и въ маслѣ, затѣмъ ихъ нашли въ растеніяхъ, въ пыли, въ организмѣ здороваго человѣка, въ легочной гангренѣ и т. д. Культивируя эти различные виды бактерій — гг. Курмонъ и Потетъ показали,

*) *Сапрофитами* называются растенія, живущія на разлагающихся органическихъ веществахъ, напр., большинство грибовъ.

что при нѣкоторыхъ условіяхъ морфологическій характеръ данныхъ бактерій (форма) становится совершенно подобнымъ формѣ туберкулезной бациллы. Послѣ прививки такихъ бациллъ, полученыхъ изъ масла или злаковъ, къ животнымъ, на послѣднихъ образовались раны, имѣвшія туберкулезный характеръ. Съ другой стороны можно получить культуры палочекъ Коха, въ которыхъ ядовитость будетъ столь же незначительна, какъ и у «сопротивляющихся кислотамъ» сапрофитовъ.

Вообще работы послѣдняго десятилѣтія все болѣе и болѣе подчеркиваютъ намъ значеніе пищи и нѣкоторыхъ внѣшнихъ факторовъ въ процессѣ измѣненія видовыхъ признаковъ и, что еще важнѣе, развертываютъ передъ нами перспективу опытнаго разрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, опытной постановки подобныхъ вопросовъ.

Таковы, напримѣръ, работы *Арнольда Пиктэ.* Этотъ швейцарскій ученый въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ вліяніе, которое производитъ перемѣна обычной пищи гусеницы даннаго вида на морфологическіе признаки выходящей изъ нее бабочки. Онъ кормилъ гусеницъ нѣсколькихъ видовъ бабочекъ совершенно другими растеніями, чѣмъ тѣ, которыми они питаются, будучи предоставлены самимъ себѣ. Благодаря такому измѣненію пищи изъ гусеницъ выходили бабочки, крылья которыхъ были окрашены совершенно иначе и имѣли совершенно другіе рисунки, чѣмъ обычныя, типовыя формы. Нѣкоторыя же бабочки сильно уменьшались въ размѣрахъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. *Bombyx quercus;* обычная пища гусеницъ этого рода—розоцвѣтныя. Пиктэ кормилъ гусеницъ этой бабочки эспарцетомъ (Onobrychis sativa) и получилъ бабочекъ самцовъ, съ крыльями, украшенными необыкновенно широкой коричневой полосой, тянувшейся до внѣшняго края,—самокъ съ такою же полосою, но тѣсно ограниченной совнутри рѣзкой точечной линіей, а съ наружной стороны другой, болѣе свѣтлой полосой. Этой окраской данныя разновидности рѣзко отличались отъ типовыхъ бабочекъ даннаго вида, а также и отъ бабочекъ, гусеницы которыхъ питались листьями лавровишневаго дерева, между тѣмъ какъ обѣ эти искусственныя разновидности и «эспарцетовая» и «лавровая» были выведены изъ яицъ однихъ и тѣхъ же родителей.

Ocneria dispar; обычная пища—дубовыя листья. Пиктэ кормилъ гусеницъ этой бабочки листьями орѣшника и уже первое поколѣніе стало значительно мельче, самцы стали желтыми, вмѣсто коричневыхъ, типичный рисунокъ крыльевъ сталъ менѣе ясенъ. Послѣ двухъ поколѣній, взросшихъ на листьяхъ орѣшника, бабочки стали еще мельче, самцы—бѣлыми, рисунки на крыльяхъ почти совершенно исчесли и у самцовъ и у самокъ. Это поколѣніе потеряло уже способность размножаться и Пиктэ принужденъ былъ взять гусеницъ перваго покѣлѣнія и снова кормить ихъ дубовыми листьями, чтобы получить третье поколѣніе. Этихъ гусеницъ онъ кормилъ уже орѣшникомъ; вышедшія бабочки были еще меньше предыдущихъ, самцы совершенно бѣлые, съ едва замѣтными сѣрыми рисунками, а самки совершенно безъ рисунка.

Гусеницъ этой же бабочки *(Ocneria dispar)* Пиктэ кормилъ и эспарцетомъ и

получилъ бабочекъ тоже сильно отличавшихся отъ типовыхъ. Если послѣ перваго поколѣнія, вышедшаго изъ гусеницъ, вскормленныхъ листьями орѣшника, кормить гусеницъ одного или двухъ послѣдовательныхъ поколѣній эспарцетомъ, то вышедшія бабочки, будутъ нести на себѣ черты и поколѣнія «орѣшника» и поколѣнія «эспарцета». Если изъ гусеницъ вскормленныхъ орѣшникомъ вывести одно или два поколѣнія и кормить ихъ дубовыми листьями, то мало-по-малу снова проявляются типовыя черты «дубовой» формы, но и черты «орѣшниковой» еще сохраняются. Если же гусеницъ перваго поколѣнія кормить листьями орѣшника, второго—листьями дуба и третьяго—листьями эспарцета, то появляются индивидуумы, совмѣщающія черты всѣхъ трехъ разновидностей.

Пиктэ ставилъ подобные же опыты и съ другими видами бабочекъ и получалъ подобные же результаты.

Безспорно, самой сенсаціонной новостью въ области біологіи является работа *Герера* (Herera) объ искусственной протоплазмѣ. Протоплазма — студенистая масса, весьма сложнаго строенія, почти не поддающаяся микроскопическому анализу, масса, состоящая, главнымъ образомъ, изъ бѣлковыхъ веществъ, съ химической точки зрѣнія весьма мало изученныхъ. Искусственное полученіе этой «основы всего живого», конечно, должно привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе и вызвать всеобщее недовѣріе.

Уже давно многіе ученые пытались въ строеніи нѣкоторыхъ неорганизованныхъ веществъ найти аналогіи съ протоплазмой и съ клѣткой. Давно уже извѣстны, напримѣръ, слѣдующіе опыты.

Растираютъ масло съ сахаромъ и поваренной солью, взбалтываютъ эту смѣсь въ водѣ и разсматриваютъ капли ея подъ микроскопомъ. Въ такой каплѣ наблюдаются полости, наполненныя концентрированнымъ растворомъ солей и отдѣленныя другъ отъ друга тонкими слоями масла; вода проникаетъ въ эти полости, растягиваетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не придутъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и образуютъ плоскія шестистороннія или прямоугольныя клѣтки. Здѣсь мы наблюдаемъ, слѣдовательно, структуру, аналогичную *ячеистой* структурѣ живыхъ клѣтокъ организма. Подобныя «искусственныя клѣтки» получали и съ многими другими веществами, напр., съ растворомъ клея въ растворѣ танина, съ растворомъ хлористой мѣди въ желтой кровяной соли. и т. п. Достигали даже и искусственнаго «амебовиднаго» движенія, когда такія минеральныя образованія выпускали ложноножки, какъ живыя амебы, и передвигались въ окружающей ихъ жидкости. Но все это были только аналогіи, хотя и весьма поучительныя и полезныя для выясненія нѣкоторыхъ свойствъ живыхъ клѣтокъ. Герера же ставитъ вопросъ гораздо шире и, если можно такъ выразить, гораздо революціоннѣе: его «искусственная протоплазма», собственно говоря, отрицаетъ даже самое существованіе той бѣлковой протоплазмы, которую всѣ ученые и весь образованный міръ считаютъ основой жизни. Бѣлковая основа протоплазмы, по его мнѣнію, только питательные запасы, регуляторы осмоса, производящіе необходимое количество теплоты, и заключающіе въ себѣ различныя неорганические вещества; эта бѣлковая основа не имѣетъ строенія, сама по себѣ, и проявленія

*

жизни зависятъ не отъ нея, а отъ неорганическаго вещества, въ ней заключеннаго вѣроятнѣе всего, по мнѣнію Гереры,—отъ *метафосфорной соли кальція* *). Читатель видитъ, что г. Герерѣ нельзя отказать въ смѣлости: его теорія перевертываетъ вверхъ дномъ всѣ основы физіологической химіи. Вѣроятно, спеціалистами вскорѣ будетъ доказано, что онъ заблуждается, но все же работа Гереры, по нашему мнѣнію, не пройдетъ безслѣдно для нашихъ теоретическихъ воззрѣній, не говоря уже о томъ, что многія его наблюденія, безспорно, представляютъ интересъ и сами по себѣ

Въ своей работѣ, озаглавленной: «Протоплазма изъ метафосфорнаго кальція», авторъ указываетъ прежде всего, какимъ образомъ онъ получилъ неорганическую протоплазму изъ метафосфорной соли. Герера употребляетъ 2 способа; первый—наиболѣе вѣрный и состоитъ въ томъ, что уксусный, углекислый и хлористый кальцій въ избыткѣ растираютъ съ небольшимъ количествомъ метафосфорной кислоты.

При разсматриваніи метафосфорнаго кальція подъ микроскопомъ въ соленой водѣ наблюдаются, прежде всего, тѣла и шарики, своимъ строеніемъ совершенно напоминающіе естественную протоплазму и наполненные движущимися зернышками, затѣмъ тѣльца прозрачныя, однороднаго строенія, которыя постоянно измѣняютъ свою форму, медленно соединяются другъ съ другомъ или же удлиняются и дѣлятся на 2 части, которыя вскорѣ принимаютъ шаровидную форму. Наконецъ, тѣльца, наполненныя вакуолями **) и измѣняющія медленно свою форму, начиная съ краевъ, или же удлиняющіяся въ трубки съ расширеннымъ концомъ и дѣлящіяся на частички неправильной формы. Иногда въ тѣльцахъ этихъ замѣчаются сѣти и нити, состоящія изъ зернышекъ.

При прибавленіи соленой воды тѣльца становятся неподвижными и лопастными, со свѣтлой точкой на концахъ этихъ лопастей. Соленая вода останавливаетъ движеніе этихъ тѣлецъ, но если затѣмъ прибавить дистиллированной воды, то тѣльца снова начинаютъ двигаться, дѣлиться, а внутри ихъ появляются блестящія точки и вакуоли. Особенно поразительно появленіе круглыхъ тѣлецъ, наполненныхъ зернышками, которыя своей прозрачностью и многими ругими признаками напоминаютъ простѣйшихъ животныхъ (Protozoa): они также окрашиваются зеленой метиловой краской и имѣютъ внутри одно или нѣсколько окрашивающихся ядеръ. Кромѣ этихъ тѣлецъ, подъ микроскопомъ видны темныя зернистыя нити, похожія на большія ядра (macronucleus) инфузорій.

Если дѣйствовать на углекислый кальцій метафосфорной кислотой до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ вся угольная кислота, то получившійся метафосфорный кальцій подъ микроскопомъ въ чистой водѣ является въ видѣ безформенныхъ

---

*) Метафосфорная кислота (HPO_3) обыкновенно получается при прокаливаніи пиро—или ортофосфорной кислоты въ видѣ стекловидной массы.

**) *Вакуолью* называется полость въ протоплазмѣ, наполненная водянистымъ содержимымъ.

неорганизованныхъ частичекъ; при прибавленіи же соляной кислоты въизбыткѣ частички набухаютъ и превращаются въ *пласмодій* *) со всѣми присущими ему признаками. Этотъ искусственный «пласмодій» медленно измѣняетъ свою форму имѣетъ лопасти, перетяжки въ видѣ прозрачныхъ нитей и пульсирующія ва куоли, которыя мало-по-малу совершенно исчезаютъ.

Когда метафосфорный кальцій, приготовленный описаннымъ выше способомъ, Герера смѣшивалъ съ горячей жидкостью Ролэна, которую предварительно фильтровалъ, кипятилъ и разсматривалъ подъ микроскопомъ съ цѣлью убѣдиться, что въ ней не находится случайныхъ организованныхъ тѣлецъ, то получалъ слѣдующіе поразительные результаты. Подъ микроскопомъ появляются прежде всего шаровидныя и неправильныя тѣльца, которыя, перетягиваясь, быстро дѣлятся. Немного спустя появляется значительное количество овальныхъ тѣлецъ. Черезъ два часа нѣкоторыя тѣльца имѣютъ лучистое строеніе, другія мелкозернистое и, наконецъ, третьи 2,3 ряда маленькихъ полиэдрическихъ ячеекъ. Кромѣ того, наблюдаются и колоніи изъ овальныхъ клѣточекъ, похожихъ на дрожжевые грибки.

На основаніи вышеизложеннаго, Герера предлагаетъ слѣдующую теорію строенія организованныхъ тѣлъ.

Естественная протоплазма—это *метафосфорная соль*, пропитанная различными веществами, поглощенными или выдѣленными при извѣстныхъ осмотическихъ и электролитическихъ условіяхъ.

Фосфорнокислый кальцій существуетъ въ природѣ повсюду и можетъ превратиться въ метафосфорный кальцій подъ дѣйствіемъ жара или тѣхъ или иныхъ возстановителей.

Бѣлковыя вещества, по всей вѣроятности, выполняютъ разнообразныя функціи: предохраняютъ отъ слишкомъ сильной диффузіи, удерживаютъ нѣкоторыя неорганическія тѣла, запасаютъ фосфорную кислоту (нуклеины), вырабатываютъ, благодаря процессамъ окисленія, необходимую теплоту и т. д.

Герера подтверждаетъ свою гипотезу еще слѣдующими аргументами.

Во-первыхъ, протоплазма всегда содержитъ большое количество извести, магнезіи и фосфорной кислоты, а кальцій находится даже въ большомъ количествѣ въ тѣлѣ, во всѣхъ клѣточкахъ и жидкостяхъ тѣла. По Гартингу клѣточка «насыщена» солями кальція. Во-вторыхъ, давно извѣстно громадное значеніе кальція и фосфатовъ для жизни. Такъ, присутствіе солей кальція необходимо при сегментаціи **) яицъ низшихъ морскихъ животныхъ, а фосфаты для образованія бѣлка; клѣточки водорослей перестаютъ размножаться при отсутствіи неорганическихъ фосфатовъ; известь находится въ большомъ количествѣ въ зеленыхъ листьяхъ, она необходима для образованія хлорофилла, равно какъ

---

*) *Пласмодій*—пластъ протоплазмы, происходящій отъ сліянія амебъ слизистыхъ грибовъ и способный передвигаться.

**) *Сегментаціей* называется процессъ дробленія яйца, происходящій при его развитіи.

и для образованія оболочки клѣточки и пластидъ *); клѣточныя ядра и хлорофильныя зерна образованы изъ солей кальція и протеина (Löw); соль—наиболѣе необходимая для развитія яицъ морскихъ ежей—фосфорнокислый кальцій (Гербстъ).

Затѣмъ Герера обращаетъ вниманіе на слѣдующія факты. Искусственная протоплазма метафосфорнаго кальція окрашивается метиловой зеленью совершенно также, какъ и клѣточное ядро.

Отсутствіе въ клѣточкѣ кальція вызываетъ уменьшеніе и даже исчезновеніе ядра, а также и уменьшеніе хлорофилла.

Хлористый натрій, благодаря которому набухаетъ и начинаетъ двигаться метафосфорный кальцій, обладаетъ тоническимъ дѣйствіемъ даже на умирающихъ животныхъ, почти совершенно истекшихъ кровью.

Въ нуклеинѣ **) находится метафосфорная кислота, а фосфаты входятъ въ составъ всѣхъ тканей нашего тѣла, они необходимы для питанія ихъ и ихъ отсутствіе влечетъ за собой смерть.

Закончимъ нашъ біологическій обзоръ двумя «курёзами»: «доисторическими пигмеями» и «живородящей рыбой».

Нѣмецкій антропологъ Шиленіусъ доказываетъ, что пигмеи, которые встрѣчаются нынѣ только въ центральной Африкѣ, въ доисторическую эпоху были довольно распространены, по крайней мѣрѣ, въ части Европы. Къ этому выводу нѣмецкаго ученаго привело изслѣдованіе многочисленныхъ скелетовъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Бреславля въ Силезіи. Скелеты сохранились плохо, но все же даютъ полную возможность составить представленіе о ростѣ ихъ обладателей, жившихъ много тысячъ лѣтъ тому назадъ. Ростъ этотъ въ среднемъ не превышалъ 1 метра 42 сант. Пигмеи встрѣчались, повидимому, и въ другихъ областяхъ центральной Европы. Такъ, Колльманъ описалъ пигмеевъ Швейцаріи, ростъ которыхъ не превышалъ 1 метра 35 сант.; Гутманъ открылъ въ Нижнемъ Эльзасѣ, недалеко отъ Кольмара, пигмеевъ, которые не превышали 1 метра 20 сант. Эти карликовыя расы не были продуктами вырожденія и продолжали существовать вплоть до сравнительно близкой къ намъ эпохи: такъ, пигмеи Силезіи были, повидимому, современниками римлянъ и славянъ и существовали еще въ концѣ перваго тысячелѣтія нашей эры. Въ настоящее же время утратились даже какія бы то ни было слѣды этихъ «маленькихъ людей», вытѣсненныхъ другими рассами.

Извѣстный еще со временъ Палласа видъ рыбъ Комафорусъ *(Comaphorus)*, водящихся въ Байкальскомъ озерѣ, судя по характеру строенія, долженъ быть отнесенъ къ обитателямъ глубоководныхъ бассейновъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и ярко желтая окраска тѣла этихъ рыбъ, и широкая усѣянная зубами, пасть, и большіе на выкатѣ глаза. Недавно проф. *Зографъ* нашелъ у одного изъ женскихъ

---

*) *Пластиды*—бѣлковыя образованія въ растительной клѣткѣ, образующія крахмалъ.

**) *Нуклеинъ*—одно изъ бѣлковыхъ веществъ клѣточнаго ядра.

экземпляровъ этой рыбы яичные мѣшечки, наполненные крошечными (5—6 миллиметр.) рыбками. Желтковый мѣшочекъ ихъ уже почти совершенно исчезъ. Тѣльца рыбокъ были дважды согнуты въ видѣ зигзага. Изъ всего этого можно заключить, что комафоры принадлежатъ къ живородящимъ рыбамъ.

II.

Газы фумаролъ „Монъ-Пелэ". Гипотезы Готье и Зюсса. Международная анкета.

Мартиникская катастрофа, вѣроятно, долго еще будетъ служить объектомъ научныхъ изысканій. Когда подробности и причины этого изверженія выяснятся окончательно, нашъ журналъ посвятитъ ему болѣе обстоятельную статью, которая явится продолженіемъ очерка проф. Левинсона-Лессинга, напечатаннаго въ нашемъ журналѣ въ сентябрьской книжкѣ прошлаго года. Теперь же мы остановимся только на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

По изслѣдованіямъ *Муассана*, сообщеннымъ парижской академіи наукъ въ засѣданіи 15-го декабря прошлаго года, выдѣленія фумаролъ *) мартиникскаго вулкана Монъ-Пелэ содержитъ, кромѣ обычныхъ газовъ, выдѣляющихся при вулканическихъ явленіяхъ, еще значительное количество горючихъ газовъ: водорода, окиси углерода и метана, а кромѣ того, и нѣкоторое количество аргона. Большое содержаніе окиси углерода въ газахъ изверженія Монъ-Пелэ и является причиной гибели стольких тысячъ людей во время этой ужасной катастрофы. По поводу этого изслѣдованія Муассана *Арманъ Готье* въ одномъ изъ январьскихъ засѣданій той же академіи указалъ, что указанный составъ газовъ фумаролъ Монъ-Пелэ точь-въ-точь соотвѣтствуетъ смѣси газовъ, образующихся при накаливаніи до краснаго каленія первичныхъ кристаллическихъ породъ, такихъ наприм., какъ граниты, порфиры, офиты и др. Этотъ ученый развиваетъ мысль, что для объясненія образованія вырывающихся при вулканическихъ изверженіяхъ паровъ воды и горючихъ газовъ, равно какъ и поразительной взрывчатой силы ихъ, вовсе не нужно прибѣгать къ предположенію, что морская вода протекаетъ до расправленной магмы и производитъ тамъ различныя химическія реакціи. Эти изверженія газовъ и паровъ вызываются, по мнѣнію Готье, тѣмъ, что отложенія осадочныхъ горныхъ породъ, непрерывно разрушаясь на континентѣ и увеличиваясь на днѣ морей, распредѣляются по поверхности земного шара неравномѣрно; подъ вліяніемъ образующихся при этомъ давленій различной силы, формы внутреннихъ массивовъ также измѣняются, то постепенно, то внезапно, благодаря чему глубокіе пласты породъ при соприкосновеніи съ расплавленной магмой, проникающей черезъ образовавшіяся щели, сами нагрѣваются до температуры нѣсколько сотъ

---

*) *Фумаролами* называются такія мѣста мѣста ни поверхности еще не остывшей лавы, изѣ которыхъ вырываются струи гззовъ, главнымъ образомъ, водяного пара.

градусовъ. При подобномъ нагрѣваніи, изъ породъ и выдѣляются газы, столь характерные для вулканическихъ изверженій.

Эта смѣлая гипотеза о причинахъ вулканическихъ взрывовъ поневолѣ заставляетъ вспомнить о не менѣе смѣлой теоріи, предложенной на послѣднемъ съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей знаменитымъ вѣнскимъ геологомъ *Зюссомъ* для объясненія образованія теплыхъ источниковъ.

Зюссъ возвращается къ старымъ воззрѣніямъ и дѣлитъ всѣ подземныя воды на двѣ группы: циркуляціонныя и первичныя. Первыя принадлежатъ земной поверхности; воды, просачивающіяся съ поверхности въ глубь земной коры, составляютъ одинъ изъ видовъ этихъ водъ.

Первичныя же воды, наоборотъ, связаны съ послѣдними фазами геологической эволюціи нашей планеты, онѣ поднимаются на поверхность только въ особыхъ случаяхъ, напримѣръ, при вулканическихъ изверженіяхъ. Карлсбадскіе источники—первичныя воды: они исходятъ изъ гранитной области; щелочныя и другія соли, содержащіяся въ нихъ, не являются продуктомъ разложенія этого гранита, это—остатки отъ тѣхъ реакцій при высокой температурѣ, которыя привели когда-то къ образованію въ этомъ гранитѣ металлическихъ жилъ и выдѣленію кремнекислоты; поваренная же соль, углекислота и другія *растворимыя* тѣла остались и донынѣ въ растворенномъ состояніи, хотя температура и понизилась значительно въ сравненіи съ первоначальной. Эти первичные источники имѣютъ весьма различную температуру, но независимую отъ времени года.

Дѣятельность вулкана Монъ-Пелэ все еще продолжается. Вотъ какъ *Лакруа* описываетъ явленія, наблюдавшіяся имъ въ явнварѣ текущаго года. Провалы вулканическаго конуса продолжаются, какъ и прежде, благодаря чему вмѣсто одной вершины появились два острыхъ зубца. Лакруа удалось наблюдать очень сильные провалы, не сопровождавшіеся, какъ обыкновенно, появленіемъ пылающихъ газовыхъ тучъ, что показываетъ, что тучи эти обусловливаются не обвалами конуса. 15 дней продолжалась эта относительная тишина, но 21-го и 22-го января изъ вулкана вырвались пылающія тучи. 25-го послѣдовало довольно сильное изверженіе. Пылающая туча слѣдовала по тому же пути, что и въ предыидущіе разы, но только выдѣлила боковую вѣтвь. Лакруа ясно видѣлъ, какъ эта густая туча вышла изъ вершины вулканическаго конуса, который потерялъ при этомъ изверженіи около 30 метровъ высоты; она достигла моря и покатилась по его поверхности. Онъ могъ непосредственно констатировать, какое громадное количество пепла извергнулось тогда въ море. Послѣ того, какъ туча разсѣялась, на поверхности моря остался длинный слѣдъ грязи, становившійся менѣе замѣтнымъ по мѣрѣ удаленія отъ берега. Слой пепла, оставленный этимъ изверженіемъ на берегу моря, у стараго устья рѣки Бѣлой, доходилъ до полуметра, а температура пепла, лежавшаго около моря, черезъ 48 часовъ послѣ изверженія была еще 95° Ц. Подобныя изверженія всегда рѣзко ограничены, и скорость распространенія пылающихъ тучъ такъ велика, что вѣтеръ оказываетъ вліяніе на ея направленіе

только въ концѣ ея пути, благодаря этому главная масса пепла остается въ бассейнѣ рѣки Бѣлой и ея продолженіи въ морѣ. Внѣ этой узкой полосы изверженія послѣднихъ 3 мѣсяцевъ ничѣмъ не отзывается въ остальной части острова.

Печальное богатство прошлаго 1902 года явленіями вулканическими и сейсмическими *) навело двухъ бельгійскихъ ученыхъ на мысль предложить бельгійскому геологическому обществу организовать международную анкету съ цѣлью собрать всѣ факты, касающіеся явленій сейсмическихъ, вулканическихъ, метеорологическихъ, явленій земного магнетизма и физики солнца за 1902 годъ. Такой фактическій матеріалъ далъ бы возможность выяснить вопросъ, существуетъ ли связь между всѣми этими явленіями и если существуетъ, то въ чемъ она проявилась. Подобнаго рода анкета была произведена, напр., послѣ знаменитаго изверженія Кракатау; плодомъ ея явилось капитальное произведеніе «The Eruption ot Krakatoa and Subsequent Phenomena» («Изверженіе Кракатау и сопровождавшія его явленія»).

Бельгійское геологическое общество сочувственно отнеслось къ этому предложенію двухъ своихъ сочленовъ. и надо думать, что мартиникская, шемахинская и другія катастрофы, 1902 года дождутся такого же полнаго описанія и выясненія, какъ и катастрофа Кракатау.

III.

Увеличеніе силы микроскопа. Спаиваніе стекла съ металлами. Искусственные рубины.

Изъ техническихъ событій послѣднихъ мѣсяцевъ, безспорно, первое мѣсто занимаетъ новый успѣхъ *Маркони*—безпроволочное телеграфированіе черезъ океанъ, но этому вопросу мы не можемъ отвести въ нынѣшнемъ фельетонѣ достаточно мѣста и поэтому отлагаемъ его до слѣдующаго раза. Теперь же остановимся на интересномъ и важномъ открытіи, сдѣланномъ въ научно-технической лабораторіи фабрики оптическихъ инструментовъ Цейса (въ Іенѣ).

Извѣстно, что увеличительная способность самыхъ лучшихъ микроскоповъ ограничена и не можетъ простираться далѣе $^1/_{5000}$ миллиметра. Впрочемъ, можно получить и большее увеличеніе, но при этомъ пропадаютъ детали микроскопической картины. Извѣстно, что въ комнатѣ, освѣщенной равномѣрно, не видно тѣхъ пылинокъ, которыя носятся въ воздухѣ, но если въ ту же комнату, нѣсколько затѣненную, ворвется черезъ окно или узкую щель пучокъ свѣта и если къ тому же наблюдатель будетъ смотрѣть сбоку луча (перпендикулярно къ его направленію), то пылинки въ воздухѣ станутъ видны, вслѣдствіе того, что каждая изъ нихъ сдѣлается источникомъ, центромъ отраженнаго свѣта.

---

*) Цѣлый рядъ землетрясеній, которымъ нашъ журналъ посвятитъ въ этомъ году отдѣльный очеркъ.

Значитъ, чтобы лучше видѣть и подробнѣе различать структуру, нужно смотрѣть впотьмахъ на предметъ, освѣщенный пучкомъ бокового свѣта. Въ способѣ, предложенномъ физиками оптическаго института Цейса, микроскопъ ставится въ абсолютно темной комнатѣ и препаратъ освѣщается сбоку помощью особаго конденсатора. При этомъ требуется, чтобы боковой пучокъ свѣта нигдѣ не отражался; для этого его нѣсколько разъ діафрагмируютъ, пропускаютъ черезъ узкую щель и двѣ большихъ стеклянныхъ чечевицы и затѣмъ уже съ помощью конденсатора направляютъ сбоку на препаратъ. Авторы испытали свой методъ на такъ называемомъ «рубиновомъ» или «золотомъ» стеклѣ, приготовляемомъ раствореніемъ чистаго золота въ расплавленномъ стеклѣ. По остуженіи такой массы получается прозрачное, желтоватое стекло. Если это желтое золотое стекло нагрѣть вновь ниже температуры плавленія, то оно дѣлается рубиново-краснымъ. Изслѣдованія рубиново-краснаго золотого стекла въ самые сильные микроскопы говоритъ о его полной однородность. Между тѣмъ, самый способъ образованія рубиноваго стекла указываетъ на то, что окраска эта явилась, благодаря возстановленію бывшихъ въ стеклѣ солей золота въ металлическое золото, чрезвычайно размельченное. Это подтвердилось при примѣненіи описаннаго выше метода. Оказалось, что рубиновое стекло, дѣйствительно, содержитъ въ своей массѣ частички возстановленнаго металлическаго золота, которое и обнаруживается въ видѣ мелкихъ крупинокъ въ узкой свѣтовой полосѣ сходящихся лучей конденсатора.

Какъ же велики тѣ частички, которыя этотъ методъ позволяетъ видѣть? Оказывается, что минимальное, различимое въ данномъ случаѣ разстояніе между частицами=шести милліоннымъ милиметра. Эта величина въ 100 разъ меньше длины волны краснаго свѣта и немногимъ только выше размѣровъ молекулъ. Авторы полагаютъ, что, вѣроятно, молекулы бѣлка и молекулы фосфоресцирующихъ тѣлъ могутъ быть видимы при помощи этого метода. Читателямъ ясно, конечно, какое громадное значеніе имѣетъ это открытіе іенскихъ физиковъ. Уже одно то, что мы увидимъ молекулу, превратимъ ее изъ фикціи, изъ «педагогическаго пріема» въ настоящую, осязаемую реальность, ужъ одно это повлечетъ за собою неизмѣримыя послѣдствія. Не говоримъ уже о біологическихъ наукахъ: вся гистологія и эмбріологія могутъ совершенно обновиться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Откроются новыя перспективы, новыя обобщенія, выработаются новые символы. А такъ еще недавно, на XI съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей, одинъ изъ виталистовъ и метафизиковъ выводилъ ограниченность человѣческаго познанія, между прочимъ, и изъ установленныхъ и, якобы, вѣчныхъ предѣловъ микроскопическаг изслѣдованія.

Другое техническое открытіе, которымъ мы хотимъ подѣлиться, съ читатлемъ это—способъ спаивать стекло и фарфоръ съ металлами. Чтобы сообщить эту способность стеклу или фарфору ихъ предварительно металлизируютъ, послѣ чего они становятся способными при помощи олова прочно припаиваться къ металламъ. Платина, въ видѣ смѣси хлористой платины и ромашковой эссенціи наносится кисточкой на тѣ части стекла (предварительно слабо нагрѣтаго),

которыя подлежатъ спайкѣ. Эту смѣсь медленно испаряютъ, а затѣмъ нагрѣваютъ до темно-краснаго каленія; хлористая платина разлагается, и образующійся металлъ пристаетъ къ стеклу. Трубка, платинированная такимъ образомъ, погружается въ слабый растворъ мѣднаго купороса, черезъ который пропускаютъ слабый токъ отъ какого-нибудь элемента (напр., Даніэля). Мѣдь, которая при этомъ отлагается, становится ковкой и плотно пристаетъ къ стеклу.

Окончимъ нашъ фельетонъ сообщеніемъ изъ области искусственнаго полученія минераловъ. *Искусственные рубины*, полученные еще Эбельменомъ, Годэномъ, Фреми и Вернейлемъ, въ видѣ небольшихъ кристалловъ и шестиугольныхъ пластинокъ, вслѣдствіе своой миніатюрности были совершенно непригодны для примѣненія въ ювелирномъ дѣлѣ. Недавно *Муассанъ* сдѣлалъ докладъ въ парижской академіи о новѣйшихъ опытахъ Вернейля надъ полученіемъ искусственныхъ рубиновъ. Путемъ прибавленія глинозема къ расплавленнымъ натуральнымъ рубинамъ Вернейлю удалось постепенно увеличивать эти послѣдніе. Расплавленіе рубиновъ совершается въ гремучемъ газѣ при постоянной температурѣ въ ушкѣ тонкой алюминіевой проволоки. Образующуюся расплавленную каплю посыпаютъ постепенно порошкомъ глинозема, съ примѣсью незначительнаго количества хрома, до тѣхъ поръ пока, не получится масса въ нѣсколько граммовъ. Прибавленіемъ хрома достигается красивое красное окрашиваніе рубиновъ. Этимъ способомъ Вернейлю удалось получить рубины, по твердости и плотности ничѣмъ не отличающіеся отъ натуральныхъ и обладающіе великолѣпной красной флюоресценціей. Наиболѣе удачные образцы такихъ кристалловъ рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ натуральныхъ рубиновъ, даже на глазъ опытныхъ ювелировъ. Но такіе образцы получаются сравнительно очень рѣдко, большинство же кристалловъ выходятъ не совсѣмъ удачными—въ нихъ замѣтна слоистость, различимые подъ лупой пузырьки, а еще чаще свѣтлыя полосы въ мѣстахъ улетучившагося хрома. Если эти недостатки будутъ устранены, то получится возможность фабриковать одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ камней, который иногда цѣнится дороже алмаза одинаковой съ нимъ величины.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".

Мартъ **1903 г.**

Содержаніе: Критика и исторія литературы.— Публицистика.—Исторія всеобщая. — Логика и психологія. — Медицина и гигіена. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

В. Бѣлинскій. „Полное собраніе сочиненій". Т. VI. — *Ев. Бобровъ.* „Литература и просвѣщеніе въ Россіи въ XIX в.". — *Г. Брандесъ.* „Скандинавская литература".— *Эр. Ренанъ.* „Собраніе сочиненій". Т. VI.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ 12-ти томахъ подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова Т. VI. Спб. 1903. Стр. 637. Ц. 1 р. 25 к. Прекрасное изданіе сочиненій Бѣлинскаго, предпринятое г. Венгеровымъ, безостановочно подвигается впередъ, хотя и не съ тою быстротою, которая была предположена и обѣщана. Предполагалось все изданіе закончить въ два года, но по истеченіи двухъ лѣтъ мы имѣемъ всего только шесть томовъ.

Въ новомъ томѣ напечатано до шестидесяти статей, замѣтокъ и рецензій Бѣлинскаго, въ томъ числѣ такія крупныя вещи, какъ разборъ стихотвореній Лермонтова, статьи о Петрѣ Великомъ и о народной словесности, статьи, написанныя для «критической исторіи русской литературы» и др. Бо́льшая часть статей и рецензій (около сорока) напечатана полнѣе, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго. Въ большинствѣ случаевъ возстановлены выпущенныя Кетчеромъ въ изданіи Солдатенкова цитаты, но нѣсколько рецензій напечатаны впервые. Кое-что изъ вновь появившагося въ изданіи Венгерова заслуживаетъ вниманія. Такъ, напримѣръ, статьѣ «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды» предпослано примѣчаніе редакціи, составленное, несомнѣнно, какъ думаетъ г. Венгеровъ, Бѣлинскимъ. Въ этомъ примѣчаніи Бѣлинскій заявляетъ о своемъ намѣреніи издать критическую исторію русской литературы и даетъ программу задуманнойкн иги. Въ книгѣ должны были быть слѣдующія части: общее введеніе, эстетика, теорія русскаго стихосложенія, теорія словесности вообще, взглядъ на народную поэзію вообще, критическое разсмотрѣніе памятниковъ русской письменности отъ ея начала до времени Петра Великаго, исторія книжной русской литературы отъ Кантемира и Ломоносова до Карамзина, отъ Карамзина до Пушкина и отъ Пушкина «до 1841 года включительно». «Книга,— говорится въ концѣ примѣчанія—выйдетъ въ началѣ слѣдующаго 1842 года и будетъ состоять болѣе, нежели изъ тридцати листовъ комплектнаго изданія, въ большую осьмушку, въ два столбца, среднимъ и мелкимъ шрифтомъ. Издателемъ вызвался быть одинъ изъ петербургскихъ книгопродавцевъ» (стр. 64).

Срочная журнальная работа, какъ извѣстно, помѣшала Бѣлинскому исполнить свое намѣреніе, хотя онъ думалъ о немъ до конца своей жизни. Чуждый само-

обольщенія, Бѣлинскій сознавалъ недостаточность своихъ знаній, но и никто изъ тогдашнихъ ученыхъ не казался ему способнымъ написать такую книгу по исторіи русской литературы, въ которой нуждался интеллигентный читатель сороковыхъ годовъ. «Наша нука,—говоритъ Бѣлискій въ одной изъ впервые перепечатанныхъ рецензій,—доселѣ идетъ какъ-то врознь съ жизнью и современностью. Отсюда необходимо вытекаетъ слѣдующее явленіе: люди, богатые фактическою ученостью, бѣдны мыслью—и ихъ никто не слушаетъ; люди, которымъ доступна идея, обнаруживаютъ недостатокъ въ положительномъ знаніи, безъ котораго умозрительное направленіе не имѣетъ достаточной силы. Но какъ же винить послѣднихъ? Они сами должны учиться» (стр. 356). Подъ первыми Бѣлинскій разумѣлъ ученыхъ педантовъ въ родѣ Шевырева, въ числѣ вторыхъ помѣщалъ, прежде всего, самого себя. Изъ другой впервые перепечатанной рецензіи Бѣлинскаго мы узнаемъ, что одновременно съ обѣщаніемъ издать исторію русской литературы знаменитый критикъ печатно заявилъ о своемъ намѣреніи «современемъ представить читателямъ большую критическую статью о русскихъ грамматикахъ вообще» (стр. 179).

Изъ остальныхъ рецензій, извлеченныхъ г. Венгеровымъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», слѣдуетъ упомянуть еще двѣ. Въ одной Бѣлинскій восхваляетъ заслуги книгопродавца Смирдина, который «произвелъ рѣшительный переломъ въ цѣнности книжнаго товара»; въ другой разносятся тогдашніе русскія азбуки съ ихъ нелѣпыми складами, пошлыми побасенками, лубочными картинками, вздорною моралью и при всемъ томъ чудовищно-огромной цѣной (до семи рублей ассигнаціями).

Примѣчанія редактора занимаютъ около ста страницъ и сами по себя представляютъ большой интересъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть цѣлый экскурсъ, посвященный той роли, которую Бѣлинскій сыгралъ въ литературной судьбѣ Лермонтова. «Во вдохновенномъ пересказѣ «Героя нашего времени»,—говоритъ г. Венгеровъ,—и въ выхваченныхъ съ необыкновенно тонкимъ чутьемъ цитатахъ изъ стихотвореній Лермонтова поэтъ и критикъ какъ бы сливаются въ одно прекрасное цѣлое. Поистинѣ передъ нами алмазъ въ чудной золотой оправѣ, которая своимъ благороднымъ блескомъ еще больше поднимаетъ красоту драгоцѣннаго камня (с. 563)... Помимо огромной заслуги Бѣлинскаго въ установленіи того тона, который пріобщаетъ читателя къ музыкѣ жгучаго творчества Лермонтова, статьи Бѣлинскаго—по словамъ г. Венгерова,—замѣчательны и по силѣ психологическаго анализа. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ блестящій анализъ психологіи Печорина, который до сихъ поръ остается и самымъ полнымъ, и самымъ тонкимъ, и самымъ вѣрнымъ разборомъ этого сложнаго характера» (с. 564).

Заслуживаетъ вниманія и примѣчаніе редактора къ статьямъ Бѣлинскаго о народной поэзіи, которыя вызвали такъ много упрековъ по адресу знаменитаго критика. По совершенно справедливому замѣчанію г. Венгерова, «мы должны хорошенько проникнуться тѣмъ, что это, дѣйствительно, первая попытка обнять всю совокупность нашей народной словесности. И тогда мы, съ одной стороны, не сможемъ не приклониться предъ силою обобщающей мысли Бѣлинскаго, а съ другой, вполнѣ извинимъ тѣ грубые промахи, въ которые онъ впалъ, пролагая пути въ области абсолютно неизвѣданной (с. 626)... Въ общемъ, статьи Бѣлинскаго о народной поэзіи, при всѣхъ своихъ недочетахъ, поражаютъ широтою пріемовъ. Такой всеобъемлющей картины всей совокупности русскаго народнаго творчества нѣтъ у насъ и до настоящаго времени. Сила обобщающей мысли Бѣлинскаго сказалась здѣсь во всемъ своемъ блескѣ» (с. 630).

Въ остальныхъ примѣчаніяхъ нельзя пройти молчаніемъ заявленіе г. Венгерова о томъ, что Бѣлинскій будто бы неточно цитировалъ и «особенно не-

точенъ бывалъ часто въ передачѣ общаго смысла» (с. 583). Это очень важное заявленіе подрываетъ довѣріе къ рецензіямъ Бѣлинскаго, гдѣ сплошь и рядомъ излагается содержаніе книжонокъ и книгъ, извѣстныхъ только записнымъ библіографамъ. Это же заявленіе налагаетъ на г. Венгерова обязанность провѣрять рецензіи Бѣлинскаго и прочитывать разобранныя имъ книги. Впрочемъ, черезъ нѣсколько страницъ послѣ указаннаго примѣчанія напечатано заявленіе совершенно противоположнаго характера. На стр. 610 «одной изъ сильнѣйшихъ сторонъ критическаго дарованія Бѣлинскаго» признается «его замѣчательнѣйшее умѣніе излагать содержаніе разбираемыхъ произведеній».

Кромѣ примѣчаній, къ VI тому приложены портретъ Бѣлинскаго, нарисованный въ 1881 году художникомъ Астафьевымъ, и два снимка съ рукописи статей Бѣлинскаго о народной поэзіи. Слѣдуетъ упомянуть, что третья и четвертая статьи о народной словесности и статья «Идея искусства» напечатаны по подлиннымъ рукописямъ Бѣлинскаго. *С. Ашевскій.*

Проф. Евгеній Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX го в. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Казань, т. I. 1901 г., т. II и III 1902 г. Извѣстный казанскій профессоръ г. Е. Бобровъ давно работаетъ надъ исторіей просвѣщенія въ Россіи. Важнѣйшіе труды его въ этой области «Философія и литература» (Казань, 1898 г.) и «Философія въ Россіи» (Казань, вып. I—V, 1899—1901 гг.) содержатъ въ себѣ много чрезвычайно цѣннаго и интереснаго матеріала, если и не представляющаго собой стройнаго и объединеннаго однимъ научнымъ планомъ историческаго изслѣдованія, то, во всякомъ случаѣ, дающаго богатыя, часто новыя и не использованныя раньше свѣдѣнія для будущей исторіи развитія философскихъ и литературныхъ мнѣній въ Россіи.

Три тома не такъ давно появившихся и носящихъ выше выписанное заглавіе матеріаловъ отличаются тѣмъ же характеромъ чрезвычайно полно и интересно составленныхъ сборниковъ, научное значеніе которыхъ оцѣнитъ каждый спеціалистъ по исторіи русской литературы. Въ I-мъ томѣ, рядомъ со строго научнымъ, снабженнымъ цѣнными библіографическими указаніями и многочисленными пояснительными примѣчаніями, изслѣдованіемъ о поэзіи Д. В. Веневитинова, мы находимъ чрезвычайно интересные матеріаллы для біографіи одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ людей 1-ой половины минувшаго вѣка—проф. московскаго университета, а затѣмъ эмигранта и католическаго священника В. С. Печерина. Блестящій молодой ученый, протеже извѣстнаго профессора Грефе и министра нар. просв. Уварова, любимый студентами и страстно любившій науку, Печеринъ въ 1836 г. оставилъ службу въ московскомъ университетѣ и покинулъ Россію навсегда. Печеринъ кончилъ мрачнымъ фанатизмомъ средневѣкового монастырскаго пріора. «Среди кровавыхъ вѣстей походовъ и осадъ,—пишетъ Герценъ,—читаю я въ газетахъ, что тамъ-то въ Ирландіи отданъ подъ судъ rever father Vladimir Petcherine, native a Russian—за публичное сожженіе на площади протестантской библіи... Неужели ему легки эти вериги!.. Или онъ часто снимаетъ граненую шапку и ставитъ ее устало на столъ!» (Ibid., т. I, стр. 155).

Изъ другихъ статей и замѣтокъ проф. Е. Боброва заслуживаютъ особеннаго вниманія: цѣнное и проливающее новый свѣтъ на дѣло Полежаева сообщеніе о поэмѣ его «Ималъ Козелъ», интересный сводъ матеріаловъ къ біографіи инспектора студентовъ московскаго университета П. С. Нахимова и рядъ свѣдѣній о научно-литературной дѣятельности Д. М. Велланскаго.

Б. Савинковъ.

Георгъ Брандесъ. Скандинавская литература. Съ портретомъ автора и вступительною статьей. Переводъ съ датскаго подъ редакціей М. В. Лучицкой. Кіевъ. 1902 г. Широкая популярность въ Западной Европѣ нѣсколькихъ скандинавскихъ писателей, также какъ и нѣсколькихъ русскихъ, ставитъ ихъ въ довольно своеобразное положеніе: и критика, и читатели берутъ отъ нихъ только то, что въ нихъ есть общечеловѣческаго, почти совершенно игнорируя ихъ связь съ родною почвой. Связь эта, если и ощущается, то скорѣе всего, какъ препятствіе къ ясному пониманію, какъ своего рода прирожденный порокъ. Тургеневъ для французовъ, прежде всего, «новеллистъ» изъ кружка Флобера, одинъ изъ пяти участниковъ знаменитыхъ обѣдовъ Маньи, также какъ Ибсенъ, подобно Шекспиру, окончательно сталъ нѣмецкимъ писателемъ. Имѣя возможность по достоинству оцѣнить, какая ничтожная частица писательской личности, положимъ, того же Тургенева обнимается обозначеніемъ «членъ кружка Флобера», мы въ состояніи представить себѣ, какая громадная часть ибсеновскаго генія остается неоцѣненной, если разсматривать его только, какъ автора общечеловѣческихъ характеровъ, какъ изслѣдователя абстрактныхъ психологическихъ и философскихъ проблемъ. И онъ, и Бьернсонъ, и всѣ остальные болѣе или менѣе выдающіеся «сѣверные» писатели всѣми своими корнями сидятъ въ родной землѣ и въ своей литературной дѣятельности очень часто даже не думаютъ ни о какихъ другихъ читателяхъ, кромѣ тѣхъ, которые говорятъ съ ними на одномъ языкѣ. Поэтому книжка Брандеса получаетъ особое значеніе. Она составлена изъ критическихъ статей, собранныхъ на разстояніи тридцати пяти лѣтъ и далеко не одинаковаго достоинства. Ни одна изъ нихъ не даетъ окончательнаго, исчерпывающаго образа того или другого писателя, но зато критикъ стоитъ съ ними на одной, одинаково близкой имъ всѣмъ почвѣ и вводитъ читателя въ пониманіе условій умственной и духовной жизни той среды, которая породила, воспитала и служила объектомъ воздѣйствія для каждаго изъ разбираемыхъ талантовъ. Въ самой ранней статьѣ, относящейся къ 1867 году (это вмѣстѣ съ тѣмъ и первая въ европейской критикѣ попытка дать общую оцѣнку таланта Ибсена), кругозоръ самаго автора еще не выходитъ за предѣлы скандинавской, особенно датской литературы. Масштабомъ и образцомъ литературнаго величія для него еще служатъ Киркегордъ, Эленшлегеръ, Гейбергъ, Палюданъ-Мюллеръ и др., мало знакомые общеевропейской публикѣ писатели. Онъ не совсѣмъ еще пережилъ то романтическое представленіе о поэтичности, которому и Ибсенъ отдалъ обильную дань въ своихъ первыхъ драмахъ на исторически-легендарные національные сюжеты; такимъ образомъ, критикъ особенно восхищается «Претендентами на корону», драмой, которая теперь кажется нѣсколько старомодною, и не въ состояніи еще достаточно оцѣнить такихъ оригинальныхъ произведеній, какъ «Комедія любви» и «Брандъ». Въ позднѣйшихъ статьяхъ его горизонтъ расширяется, онъ вполнѣ овладѣваетъ своимъ методомъ анализа авторской психологіи на фонѣ данной общественной среды. Среда эта—маленькое, замкнутое въ себѣ норвежское общество, вполнѣ довольное своимъ наивнымъ филистерствомъ и глубоко увѣренное въ абсолютной истинѣ своего нравственнаго міровоззрѣнія, — среда эта выковала Ибсена, какъ свою антитезу. Норвегія и Ибсенъ, маленькое «компактное большинство» и крупная индивидуальность, не желающая уступить ни пяди изъ своихъ правъ абсолютной личности, очень рано очутились въ явномъ конфликтѣ. Мелкое лицемѣріе семейно-патріархальнаго быта, которымъ такъ гордится всякое мѣщанское общество, пробудило въ Ибсенѣ сатирика («Комедія любви»); осмѣянные филистры съумѣли отомстить за себя и систематически отравляли автору существованіе. Вскорѣ прибавилось еще одно разочарованіе: контрастъ между отважными патріотическими рѣчами и трусливо-«корректною» политикою по отношенію къ Даніи, когда Пруссія произвела надъ нею насиліе, дополнилъ чашу

негодованія и презрѣнія, и Ибсенъ рѣшилъ отряхнуть съ ногъ прахъ родины. Четверть вѣка велъ онъ жизнь изгнанника, думая, что онъ отнынѣ стоитъ въ мірѣ одинъ, никому ничѣмъ не обязанный, никакими узами не ограниченный въ своей духовной свободѣ. На самомъ дѣлѣ яркіе пейзажи Италіи не могли затмить въ немъ памяти о мрачныхъ и скудныхъ утесахъ Норвегіи; онъ продолжалъ болѣть душой, негодовать, презирать и волноваться. Въ одномъ стихотвореніи онъ признается въ этомъ: «Народъ мой, давшій мнѣ выпить до дна цѣлебный, горькій, укрѣпляющій напитокъ, оживившій поэта въ ту минуту, когда онъ стоялъ на краю могилы,—народъ мой, доставившій мнѣ посохъ изгнанника, возложившій на меня бремя горя и надѣвшій на мои ноги тяжелую обувь заботъ, грустное и торжественное снаряженіе для предстоящаго пути, я посылаю тебѣ издали свой привѣтъ, посылаю его вмѣстѣ со своею благодарностью за всѣ твои дары, съ благодарностью за всѣ испытанныя муки! Ночью и въ моихъ поэмахъ я принадлежу родинѣ». Онъ принадлежалъ ей и въ своихъ драмахъ. Жестокіе, бичующіе монологи Бранда не могли бы пылать такимъ мрачнымъ гнѣвомъ, если бы онъ имѣлъ въ виду малодушіе и эгоизмъ всего человѣчества, а не конкретной группы его. Презрительное мнѣніе дьявола о Перѣ Гинтѣ, котораго по его нравственному ничтожеству онъ находитъ даже недостойнымъ ада, несмотря на всѣ его преступленія, это злая эпиграмма на цѣлый норвежскій народъ. Едва ли во всей европейской литературѣ найдется писатель, который бы лучше умѣлъ изводить самодовольныхъ глупцовъ, чѣмъ Ибсенъ въ серіи своихъ несравненныхъ сатирическихъ драмъ («Союзъ молодежи», «Столпы общества», «Врагъ народа», «Кукольный домъ»), и дѣйствительно онѣ одинаково реальны почти на всемъ протяженіи Европы, но мишень, въ которую мѣтили эти отравленныя стрѣлы, находилась по ту сторону Зунда. Все, что сколько-нибудь возвышается надъ общимъ низменнымъ уровнемъ, претерпѣваетъ въ драмахъ Ибсена трагическую судьбу, на основаніи чего ему часто приписывается пессимистическое міровоззрѣніе. Но Брандесъ остроумнымъ анализомъ выясняетъ, что пессимизмъ Ибсена не имѣетъ общаго философскаго значенія, а заключенъ въ извѣстные предѣлы времени и мѣста: онъ очень дурного мнѣнія о данномъ обществѣ, но не о человѣчествѣ и не безнадежно смотритъ на его будущее. Произведенія послѣдняго періода, такъ называемыя символическія, конечно, не адресованы авторомъ спеціально въ Норвегію; въ нихъ онъ уже рѣдко бичуетъ, а чаще старается только анализировать тайны человѣческаго сердца, но какъ много и въ нихъ чисто норвежскаго, особенно въ женскихъ образахъ. «Женщина съ моря», конечно, не могла бы родиться ни въ одной другой странѣ, кромѣ Норвегіи. Гильда въ «Сольнессѣ» и «Гедда Габлеръ»—это разновидности тѣхъ воинствующихъ женщинъ, которыхъ такъ часто изображаютъ скандинавскія саги, а вслѣдъ за ними и самъ Ибсенъ въ «Сѣверныхъ богатыряхъ» и другихъ своихъ романтическихъ драмахъ: это женщины, одаренныя могучими духовными силами, которымъ нуженъ исходъ, въ сторону добра или въ сторону зла—это ужъ зависитъ отъ обстоятельствъ.

Почти половина книги Брандеса посвящена Ибсену. Значительная часть по справедливости отдана Бьернсону. Если первый всегда стремился обособиться отъ всего мѣстнаго, такъ что порой нужно нѣкоторое вниманіе, чтобы подмѣтить, какъ это ему плохо удается, зато вся дѣятельность Бьернсона, литературная и общественная, непосредственно вхоитъ, какъ составная часть, въ жизнь норвежскаго общества. Задача критика въ данномъ случаѣ была гораздо легче: нужно было сообщить только тѣ факты в отношенія, къ которымъ примыкаютъ извѣстныя произведенія и дѣйствія Бьернсона. Сравнительно краткіе очерки нѣсколькихъ другихъ скандинавскихъ писателей (въ число ихъ включена и Софія Ковалевская) всѣ читаются съ живѣйшимъ интересомъ, но интересъ этотъ большею частью обусловливается не новизной и цѣлостностью общаго

взгляды на даннаго писателя, а скорѣе отдѣльными остроумными соображеніями, живостью изложенія и, главнымъ образомъ, какъ было уже сказано, рельефнымъ изображеніемъ мѣстной общественной и литературной жизни, безъ котораго характеристика писателя можетъ имѣть только весьма неясныя и гадательныя очертанія. *Е. Дегенъ.*

Собраніе сочиненій Эрнеста Ренана. Переводъ съ французскаго подъ редакціей В. Н Михайлова. Томъ VI. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902 г. (Библіотека избранныхъ философовъ). 164 стр. 8°. Шестой томъ собранія сочиненій Ренана заключаетъ въ себѣ слѣдующія произведенія: «Происхожденіе языка» (86 стр.) «Что такое нація?» и «Историческія статьи: 1) Участіе семитическихъ народовъ въ исторіи цивилизаціи. 2) Каѳедра еврейскаго языка въ collège de France. 3) Іудаизмъ, какъ раса и какъ религія. 4) Отрѣшеніе отъ должности профессора collège de France. 5) Письмо Адольфу Геру». Статья о происхожденіи языка (собственно, въ подлинникѣ это отдѣльная книга: мы пользовались 3-мъ изданіемъ 1859 года) занимаетъ добрую половину тома и потому на ней мы остановимъ, главнымъ образомъ, наше вниманіе. Впервые появилась эта работа въ 1848 году, слѣдовательно около 55 лѣтъ тому назадъ. Уже поэтому одному мы не можемъ предъявлять къ ней требованій современнаго языкознанія, какъ ни заманчиво было бы представить разборъ этой книги съ точки зрѣнія современныхъ научныхъ воззрѣній. Конечно, можно было бы заранѣе сказать, что очеркъ Ренана во многомъ не удовлетворилъ бы современнаго ученаго; но такіе пріемы критики неумѣстны въ данномъ случаѣ. Даже болѣе того, такая критика граничила бы съ неблагодарностью по отношенію къ автору. Ренанъ въ этомъ своемъ очеркѣ не только совершенно правильно отражаетъ научныя воззрѣнія того времени на вопросъ о происхожденіи языка, но даже во многихъ случаяхъ, не соглашась съ господствовавшими тогда мнѣніями, оказывается гораздо ближе къ истинѣ. Большаго требовать отъ него мы не можемъ. Тѣмъ не менѣе современному русскому читателю, незнакомому по большей части съ языкознаніемъ и его исторіей въ истекшемъ XIX вѣкѣ, трудно разобраться самостоятельно въ этомъ вопросѣ и отдѣлить вѣрное отъ невѣрнаго, устарѣвшаго, а потому мы въ своей краткой рецензіи постараемся въ немногихъ словахъ охарактеризовать отношеніе современнаго языкознанія къ вопросу о происхожденіи языка и отмѣтить ошибочность основного воззрѣнія Ренана на этотъ вопросъ.

Происхожденіемъ языка первоначально занимались философы, которые и старались разрѣшить его чисто умозрительнымъ путемъ. Этотъ путь въ общемъ можно представить себѣ въ такомъ видѣ: предполагалось, что человѣкъ первоначально не имѣлъ языка, и затѣмъ ставился вопросъ, какимъ образомъ можно себѣ представить изобрѣтеніе человѣкомъ языка. Само собою разумѣется, что, съ одной стороны, первобытный человѣкъ представлялся обладающимъ способностью производить извѣстнаго рода звуки наравнѣ съ другими животными, съ другой стороны каждый изъ разрѣшавшихъ вопросъ имѣлъ нѣкоторое представленіъ о знакомыхъ ему человѣческихъ языкахъ. Такимъ образомъ вопросъ сводился къ тому, какъ изобразить путь человѣка отъ первобытныхъ животныхъ звуковъ къ современнымъ словамъ. И здѣсь главное затрудненіе видѣли въ процессѣ соединенія звука съ опредѣленнымъ значеніемъ. Загадочнымъ представлялась эта именно связь. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему всѣ занимавшіеся вопросомъ о происхожденіи языка, въ большей или меньшей степени всегда были послѣдователями теоріи звукоподражанія. Дѣйствительно, многочисленные примѣры звукоподражательныхъ словъ легче всего поддаются объясненію: здѣсь предметъ называется тѣмъ звукомъ, который онъ издаетъ, и связь между словомъ и значеніемъ настолько ясна, что мы какъ бы видимъ передъ собою происхожденіе даннаго слова. Какъ легко, напр., представить себѣ

возникновеніе слова «кукушка» изъ крика «ку-ку.» Но что же дальше? Изслѣдователи ясно видѣли, что для объясненія возникновенія языка теоріей звукоподражанія необходимо, чтобы всѣ предметы въ мірѣ кричали, издавали звуки. А между тѣмъ, оказывалось, что звукоподражательныхъ словъ въ языкахъ сравнительно вовсе не такъ много. Мы не станемъ уже вдаваться въ подробности теорій, которыя построялись для разрѣшенія этого труднаго вопроса. Достаточно сказать, что всѣ онѣ такъ или иначе стараются умалить значеніе этого затрудненія, либо расширяя значеніе звукоподражанія даже на такіе случаи, гдѣ предметъ, обозначаемый словомъ, никакого звука не издаетъ, либо съуживая количество первобытныхъ словъ, изъ которыхъ уже далѣе легко могъ развиться современный словарь. Все это не обходится, конечно, безъ натяжекъ, которыя обыкновенно прекрасно подмѣчаются самими изслѣдователями другъ у друга.

Введеніе сравнительнаго метода въ изученіе языковъ и блестящіе результаты основаннаго Францомъ Боппомъ сравнительнаго языкознанія перемѣнили отношеніе ученыхъ къ этому вопросу. Сравнительное языкознаніе дало возможность установить нѣкоторые факты изъ доисторическаго періода существованія языковъ, дало возможность предположить извѣстную послѣдовательность въ развитіи человѣческихъ языковъ вообще, и съ этой точки зрѣнія стало представляться возможнымъ разрѣшеніе вопроса о происхожденіи языка не умозрительнымъ только, а индуктивнымъ путемъ. Центръ тяжести въ вопросѣ о происхожденіи языка перемѣстился на изученіе строенія и исторіи существующихъ языковъ: изученіе силъ, дѣйствующихъ въ языкѣ и на нашихъ глазахъ, гораздо болѣе приближаетъ насъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи языка, нежели построеніе новой теоріи его возникновенія, какъ бы остроумна она ни была. Естественнымъ слѣдствіемъ такого отношенія къ вопросу явилось охлажденіе къ нему. Работы, трактующіе этотъ вопросъ, стали появляться все рѣже и рѣже и къ концу XIX вѣка почти вовсе исчезли изъ обихода. Это не значитъ однако, чтобы вовсе исчезъ интересъ къ вопросу о происхожденіи языка; напротивъ, едва ли найдется хоть одинъ языковѣдъ, который бы не старался выяснить свое отношеніе къ нему, рѣшить его для себя или, по крайндй мѣрѣ, поставить; неблагодарною стала казаться лищь литературная обработка вопроса въ особыхъ трактатахъ: прибавить что-нибудь новое къ высказаннымъ предположеніямъ было уже трудно, а *матеріалъ* для рѣшенія вопроса о происхожденіи языка находился во всѣхъ отдѣлахъ языкознанія. Такимъ образомъ, почти всѣ вопросы языкознанія прямо или косвенно сводились къ вопросу о происхожденіи языка.

Въ предисловіи къ своему очерку Ренанъ самъ характеризуетъ свое, такъ сказать, переходное отношеніе къ вопросу о происхожденіи языка. Онъ задается цѣлью согласовать предшествующія ему теоріи съ послѣдними данными сравнительнаго изученія языковъ. Ренанъ стоитъ на эволюціонной точкѣ зрѣнія, но онъ чувствуетъ ясно, что данныя языкознанія еще недостаточны для установленія послѣдовательныхъ стадій развитія языка. Понимаетъ онъ также и то, что при переходѣ отъ одной стадіи къ другой, по эволюціонной теоріи извѣстнаго пошиба, должно понемногу, мало-по-малу прибавляться нѣчто новое. Но откуда же можетъ браться это новое, если его не было раньше? Теорія эволюціи этого не можетъ объяснить. Это затрудненіе и заставляетъ Ренана и на первобытныхъ стадіяхъ языка находить въ немъ все то, что является въ языкѣ позднѣйшемъ. Мысль свою Ренанъ поясняетъ сравненіемъ съ зерномъ, въ которомъ въ возможности уже заключено цѣлое растеніе. Съ этой точки зрѣнія и вопросъ о происхожденіи языка разрѣшается для Ренана очень просто. Въ сущности и вопроса этого для Ренана не существуетъ: языкъ возникъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и человѣкъ немыслимъ безъ языка, какъ соловей немыслимъ безъ своей пѣсни. Въ сущности такое воззрѣніе, какъ видитъ читатель, прямо уничтожаетъ все значеніе эволюціонной теоріи, такъ какъ уже въ самой пер-

вобытной стадіи предполагается то, что нужно вывести эволюціоннымъ путемъ; а въ такомъ случаѣ эта теорія превращается въ простой фокусъ. Однако, спасаютъ эту теорію при помощи другой теоріи, теоріи *органическаго* развитія, по аналогіи съ растеніями и животными. Мы видѣли, что и у Ренана есть зародышъ этой органичвской теоріи въ сравненіи развитія языка съ ростомъ зерна. Полнаго расцвѣта эта теорія достигаетъ нѣсколько позже (напр., у Спенсера).

Таково отношеніе Ренана къ вопросу о происхожденіи языка. Оно, конечно, не можетъ быть признано правильнымъ. То затрудненіе, которое, повидимому, заставляетъ Ренана предполагать возникновеніе языка сразу, вмѣстѣ съ человѣкомъ, въ сущности не существуетъ. Говорить о возникновеніи чего-то новаго не значитъ еще предполагать созданіе этого новаго изъ ничего. И здѣсь, какъ и вездѣ, рѣчь идетъ собственно о превращеніи формъ и вопросъ о происхожденіи языка въ этомъ смыслѣ сводится къ вопросу объ установленіи первоначальной формы языка: а смѣну формъ въ языкѣ мы наблюдаемъ непрерывно. Поэтому мы должны весьма скептически относиться къ теоріи Ренана о происхожденіи языка. Лишь нѣкоторые факты изъ жизни языковъ, установленные тогдашнимъ языкознаніемъ, которыхъ касается Ренанъ въ своей работѣ, можно признать совершенно правильными, а на большинство изъ нихъ въ настоящее время взгляды уже измѣнились. Указать всѣ эти устарѣвшіе взгляды мы, конечно, не можемъ по недостатку мѣста и потому ограничиваемся только общимъ предостереженіемъ читателя не полагаться на мысли Ренана, помня, что съ тѣхъ поръ прошло около 55 лѣтъ, въ теченіе которыхъ языкознаніе далеко ушло впередъ.

Другихъ статей Ренана, помѣщенныхъ въ разсматриваемомъ нами томѣ, мы коснемся только слегка. Статья «Что такое нація?» представляетъ изъ себя не столько научно-историческое выясненіе этого вопроса, сколько вдохновенную проповѣдь національзма. «Нація—это душа, духовный принципъ... Нація—это великая солидарность, устанавливаемая чувствомъ жертвъ, которыя уже сдѣланы и которыя расположены сдѣлать въ будущемъ». Въ отдѣлѣ «историческихъ статей» далеко не всѣ соотвѣтствуютъ этому названію. Изъ нихъ мы хотимъ обратить вниманіе на нѣкоторыя, имѣющія значеніе для біографіи Ренана. «Каѳедра еврейскаго языка въ collège de France» и «Отрѣшеніе отъ должности профессора collège de France»—относятся къ кратковременному профессорству Ренана въ 1862—1864 годахъ, закончившемуся его отрѣшеніемъ отъ должности. Написанныя подъ живымъ впечатлѣніемъ событій, статьи эти читаются съ большимъ интересомъ.

Что касается самаго перевода на русскій языкъ, то его читать можно, и мысли въ общемъ онъ передаетъ правильно; но нерѣдки и довольно грубые промахи; напр., «части разговора» вмѣсто частей рѣчи (52 стр.), «грегоріанскій» языкъ вмѣсто грузинскаго (54 стр.), «названія чиселъ» вмѣсто числительныхъ (70 стр.), языкъ «пельви» вмѣсто пехлеви (71 стр.) и другія искаженія собственныхъ именъ. Особенно хороша слѣдующая фраза: «Подъ короной св. Этіенна маджары и славяне остались...» (92 стр.), и т. п. *Д. Кудрявскій.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

П. Голубевъ. „Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи“.—*Е. Некрасова.* „Народныя книги въ ихъ 25-лѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями“.— *Г. Уэльсъ.*—„Предвидѣнія.“

П. А. Голубевъ. Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. Краткій историко-статистическій очеркъ культурной дѣятельности вятскаго зем-

ства въ связи съ дѣятельностью всѣхъ русскихъ земствъ (съ приложеніемъ историко-статистическихъ таблицъ земскихъ бюджетовъ за 1868—1900 гг. по 34 земскимъ губерніямъ и за 1893—1900 гг. по 16 неземскимъ, а также таблицы о грамотности новобранцевъ за 25-лѣтіе, 1874—1898 гг. по каждой изъ 50 губерній). Изданіе вятскаго губернскаго земства. Ц. 50 к. Дополненное русское изданіе книги г. Голубева, первоначально напечатанной на французскомъ языкѣ для парижской выставки 1900 года, является какъ нельзя болѣе своевременнымъ и умѣстнымъ не только потому, что наша литература о земствѣ отличается крайнею скудостью обобщающихъ изслѣдованій, но и по соображеніямъ злободневнаго характера. Теперь, когда земская среда пробуждается отъ тяжелаго сна и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, нападки на земскія учрежденія становятся особенно многочисленными и страстными,—строго объективные цифровые итоги земской работы пріобрѣтаютъ громадное практическое значеніе, какъ самый убѣдительный и достойный отвѣтъ на разнообразныя измышленія реакціонеровъ. Такой отвѣтъ и даетъ трудъ г. Голубева. Авторъ съ обычнымъ искусствомъ разработалъ обильный статистическій матеріалъ по вопросу о культурной дѣятельности русскаго земства и, постоянно оставаясь на почвѣ безстрастныхъ и безспорныхъ цифръ, въ живомъ изложеніи съумѣлъ показать, какую огромную энергію способна развить, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ, общественная самодѣятельность. По вѣрному замѣчанію г. Голубева, на долю земства, при его возникновеніи, выпала гигантская работа, требовавшая не одной хозяйственной опытности, но и организаторскихъ талантовъ и даже творчества. Приходилось не столько обновлять старое, сколько пересоздавать все заново, такъ земскія учрежденія получили ничтожное по части капиталовъ и хозяйственнаго опыта и громадное, почти неизмѣримое—по части нуждъ народа. Но и съ положительнымъ наслѣдствомъ было не легко справиться. Капиталы были разбросаны по различнымъ вѣдомствамъ; учрежденія, больницы, богадѣльни находились въ самомъ жалкомъ и безпорядочномъ состояніи; повинности лежали исключительно на крестьянскомъ населеніи и отбывались «натурою»... Такова была область такъ называемой обязательной дѣятельности земства, но еще больше предстояло ему созидательной работы въ области, по закону для него необязательной: школьное дѣло, народное здравіе, борьба съ эпизоотіями, развитіе промышленности, торговли, земледѣлія и т. п. задачи культурнаго характера открывали первымъ земскимъ дѣятелямъ необозримое и совершенно невоздѣланное поле для приложенія силъ и знаній. Въ этой области земскіе люди должны были проявить уже не столько хозяйственную опытность и обширныя свѣдѣнія, сколько убѣжденность и твердую вѣру въ наступленіе лучшаго порядка вещей. И земство не остановилось предъ тяжелыми матеріальными жертвами, чтобы создать и развить тѣ учрежденія, которыя носятъ въ себѣ залогъ дальнѣйшаго прогресса и силы. Просматривая таблицу земскихъ бюджетовъ съ 1868 по 1900 гг., мы видимъ, что культурныя потребности народа постепенно занимаютъ все болѣе и болѣе видное мѣсто въ земскихъ расходныхъ смѣтахъ. Мы приведемъ только нѣкоторыя цифры изъ обширной таблицы, составленной г. Голубевымъ, но и этихъ цифръ вполнѣ достаточно для того, чтобы выяснить направленіе, въ которомъ эволюціонируютъ земскіе бюджеты.

Земскіе расходы въ процентныхъ отношеніяхъ.

Годы	Обязательн. расходы	На народн. здравіе обществен. призрѣніе	На народное образованіе.
1868	86,7	8,2	5,1
1880	63,4	21,7	14,9
1890	56,5	27,7	15,3
1900	53,3	29,3	17,4

Такимъ образомъ, необязательные по закону, но необходимые по условіямъ народной жизни расходы земскихъ учрежденій непрерывно возрастаютъ на счетъ такихъ обязательныхъ, но малопроизводительныхъ затратъ, какъ содержаніе крестьянскихъ учрежденій, оплата квартирныхъ помѣщеній чиновъ полиціи и т. п. Не входя въ болѣе детальный анализъ земскихъ бюджетовъ, мы остановимся только на тѣхъ средствахъ, которыя земство затрачиваетъ на распространеніе народнаго образованія. Въ этой области земское самоуправленіе занимаетъ первое мѣсто. Изъ общаго расхода въ 25 милліоновъ рублей, которымъ выражается ежегодная стоимость начальнаго народнаго образованія въ Россіи, земство даетъ 30 проц.; затѣмъ слѣдуютъ сельскія общества и волости (21 проц.), государство (14 проц.), города (13 проц.) и т. д. Слѣдовательно, земство тратитъ на начальную школу только въ 34 губерніяхъ почти въ $2^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ государство на всю имперію. Въ результатѣ, земскія губерніи значительно превосходятъ неземскія по степени грамотности и даже нѣкоторой образованности населенія. Г. Голубевъ разработалъ, кромѣ обычныхъ данныхъ школьной статистики, очень любопытный матеріалъ статистики новобранцевъ, которая указываетъ точное число призываемыхъ молодыхъ людей, дипломированныхъ свидѣтельствами объ окончаніи курса начальной школы. Итоги разработки сгруппированы авторомъ въ слѣдующей таблицѣ.

	Показатель образованія (учащихся на 1.000 насел.)				Дипломированныхъ новобран. (% къ ихъ общему числу)			
	1869 г.	1885 г.	1896 г.	1898 г.	1874 г.	1884 г.	1894 г.	1898 г.
Земскія 34 губ.	5,8	28,1	34,1	40,2	0,42	3,10	10,50	13,24
Неземскія 13 губ.	5,6	16,1	24,8	30,8	0,28	2,30	3,20	5,77

Эта таблица чрезвычайно ярко рисуетъ картину благотворнаго воздѣйствія общественнаго самоуправленія. Въ 1869 году показатель образованія и въ земскихъ, и въ неземскихъ губерніяхъ стоялъ приблизительно на одинаковомъ уровнѣ, но уже черезъ пятнадцать лѣтъ губерніи, гдѣ населеніе самостоятельно стало удовлетворять мѣстныя нужды, далеко обогнали губерніи, оставшіяся подъ бюрократическою опекою. Тотъ же выводъ даютъ и цифры о новобранцахъ. Изъ земскихъ губерній идетъ въ армію почти втрое больше молодыхъ людей, получившихъ хотя и низшее, но законченное образованіе. Слѣдовательно, не только по числу школъ, по количеству учащихся, по степени обезпеченности учащихъ, но и по степени успѣшности просвѣтительной работы самодѣятельность населенія стоитъ гораздо выше административнаго попеченія. И чѣмъ больше слои народа получаютъ возможность принимать участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, тѣмъ успѣшнѣе и шире культурная работа общественныхъ учрежденій. Въ послѣдующее время, когда вопросъ о мелкой земской единицѣ заставилъ подумать объ общественной цѣнности крестьянства, неоднократно высказывалось опасеніе, что сельскій обыватель окажется слишкомъ темнымъ, чтобы правильно понять свои истинные интересы. Дѣятельность вятскаго земства, которому г. Голубевъ посвятилъ главную часть своего труда, совершенно опровергаетъ недовѣрчивое отношеніе къ крестьянской массѣ. Какъ извѣстно, вятское земство отличается отъ другихъ нѣкоторыми своеобразными чертами: въ составѣ земскихъ гласныхъ почти всѣхъ 11-ти уѣздовъ преобладаютъ крестьянскій, мелкопомѣстный и отчасти служилый элементы; послѣдній безъ личнаго ценза, а по довѣренностямъ землевладѣльцевъ, большею частью не живущихъ въ губерніи. По земскому «положенію» 1864 года изъ 218 уѣздныхъ гласныхъ Вятской губерніи 107 являлись представителями сельскихъ обществъ. «Положеніе» 1890 года еще болѣе усилило крестьянское представительство: теперь, при общемъ числѣ уѣздныхъ гласныхъ— 190, крестьяне даютъ 100 гласныхъ. Много крестьянъ и мѣщанъ находится также и въ составѣ гласныхъ отъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ.

Такой же характеръ земское представительство носитъ и въ губерніяхъ Пермской, Вологодской и Олонецкой. Казалось бы, что мужицкія земства глухихъ, не столь отдаленныхъ, но и не близкихъ къ культурнымъ центрамъ мѣстностей будутъ служить только примѣромъ неудачнаго веденія земскаго хозяйства и непониманія широкихъ задачъ самоуправленія. Однако, въ дѣйствительности, дѣло обстояло и обстоитъ далеко не такъ, какъ кажется защитникамъ культурныхъ классовъ и ихъ преобладающей роли. Крестьянскія земства съ первыхъ же лѣтъ особенное вниманіе начали обращать на удовлетвореніе народныхъ нуждъ въ просвѣщеніи, медицинѣ и на экономическія мѣропріятія, касающіяся, главнымъ образомъ, крестьянства. Такъ, уже въ первый годъ своего существованія вятскія земства затрачивали на медицину и народное образованіе 12 и 12,6 проц. своего бюджета, между тѣмъ какъ общій расходъ по всѣмъ 33-ти земствамъ, изъ которыхъ 28 существовали тогда уже 4-ый годъ, равнялся: на народное образованіе только 5,1 проц. и на медицину—8,3 проц. Дальнѣйшая дѣятельность вятскаго земства шла въ томъ же направленіи усиленнаго вниманія къ первостепеннымъ нуждамъ большинства населенія. Въ настоящее время Вятская губернія занимаетъ среди земскихъ губерній пятое мѣсто сверху по числу дипломированныхъ новобранцевъ и четвертое—по суммѣ расходовъ на народное образованіе, падающей на 1 душу населенія.

Въ процентномъ же отношеніи расходы вятскаго земства на просвѣщеніе народа до сихъ поръ, какъ и раньше, превышаютъ расходы другихъ русскихъ земствъ. Кромѣ того, вятское земство дѣлаетъ энергичныя усилія и къ внѣшкольному образованію народа. Безплатныя библіотеки-читальни, учрежденіе книжной торговли въ уѣздахъ, воскресныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и картинами,—всѣ эти обычныя средства внѣшкольнаго образованія дополняются въ Вятской губерніи безплатной раздачей книгъ населенію и изданіемъ земствомъ народной газеты («Вятская Газета»). За пять лѣтъ, съ 1895 по 1900 г.г., земство безплатно пустило въ крестьянскую среду болѣе 120 тысячъ экземпляровъ различныхъ изданій, содержаніе которыхъ не только доставляетъ читателямъ эстетическое наслажденіе, но и способствуетъ разсѣянію деревенской темноты. Ту же цѣль преслѣдуетъ и земская газета, программа которой заключаетъ, а) правительственныя распоряженія, б) хозяйственную жизнь губерніи и Россіи, в) земское хозяйство, продовольственное и страховое дѣло, г) статьи по медицинѣ и ветеринаріи, д) народное образованіе, е) историко-литературный отдѣлъ. Газета печаталась въ 1899 г. въ количествѣ 7.267 экземпляровъ. Крестьяне, какъ показали спеціальные опросы читателей, относятся съ самымъ живымъ сочувствіемъ къ изданію, которое знакомитъ ихъ съ жизнью окружающаго міра. Мы не будемъ касаться дѣятельности вятскаго земства въ области распространенія профессіональнаго образованія и содѣйствія сельскохозяйственной и кустарной промышленности, хотя и здѣсь работа крестьянскаго земства отличается энергіей, оригинальностью и жизненностью. Но использовать въ краткой рецензіи огромный цифровой матеріалъ, собранный г. Голубевымъ, нѣтъ возможности. Мы надѣемся, что сказанное вполнѣ выясняетъ характеръ и значеніе разсматриваемаго труда.

Въ заключеніе, мы только отмѣтимъ ненужную, по нашему мнѣнію, и несправедливую народническую оцѣнку культурности населенія промышленныхъ губерній. Изъ того факта, что число дипломированныхъ новобранцевъ въ Вятской губерніи превышаетъ число ихъ во Владимірской, Московской, Костромской, Тверской и многихъ другихъ фабричныхъ губерніяхъ, г. Голубевъ считаетъ возможнымъ дѣлать выводы о болѣе правильномъ и естественномъ развитіи народной жизни въ земледѣльческой Вятской губерніи, о пріобрѣтеніи ея населеніемъ болѣе прочныхъ знаній и т. п. Однако, если мы примемъ во вниманіе, что по числу грамотныхъ фабричныя губерніи стоятъ далеко впереди Вят-

ской, то едва ли признаемъ какія-либо преимущества за тѣмъ экономическимъ типомъ, который представляетъ вятское крестьянство. Притомъ дипломъ начальной школы, какъ и другіе дипломы, является слишкомъ сомнительнымъ показателемъ «прочности» знаній. Дѣти фабричныхъ, принужденныя съ раннихъ лѣтъ стать за работу, не окончили школы и не получили диплома только по невозможности продолжать образованіе. Дѣти «хозяйственнаго мужичка» прошли весь курсъ и увѣнчаны желаннымъ свидѣтельствомъ IV-го разряда. Но культурный уровень тѣхъ и другихъ и даже запасъ ихъ свѣдѣній вовсе не опредѣляется дипломомъ. Впрочемъ, старо-народническое послѣсловіе г. Голубева нисколько не обезцѣниваетъ его выдающейся работы, единственнымъ серьезнымъ недостаткомъ которой является форма отрывочныхъ очерковъ, препятствующая послѣдовательному развитію общихъ взглядовъ автора на земскую дѣятельность и нѣсколько затрудняющая ознакомленіе съ матеріаломъ. *Ник. Іорданскій.*

Е. Некрасова. Народныя книги для чтенія въ ихъ 25-ти лѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями. Вятка. Ц. 40 к. Разсматриваемая брошюра представляетъ воспроизведеніе статьи, напечатанной г-жой Некрасовой въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ («Сѣверн. Вѣстн.» 1889, кн. 5, 6 и 7). Авторъ не сдѣлалъ для отдѣльнаго изданія никакихъ измѣненій и дополненій. Такимъ образомъ, г-жа Некрасова совершенно не даетъ свѣдѣній о послѣднемъ пятнадцатилѣтнемъ періодѣ народнаго книгоиздательства, который является наиболѣе оживленнымъ и поучительнымъ. Въ сущности, этотъ пробѣлъ настолько серьезенъ, что мы даже затрудняемся опредѣлить мотивы, побудившіе г-жу Некрасову выпустить въ свѣтъ свою устарѣвшую статью; повидимому, ея появленіе объясняется только тѣмъ, что авторъ не только набрасываетъ историческій очеркъ народной литературы, но и выставляютъ программу какъ издательской, такъ отчасти и общественной дѣятельности. Очевидно, г-жа Некрасова полагаетъ, что ея программа до сихъ поръ сохраняетъ жизненное зчначеніе, очевидно, такое мнѣніе раздѣляется и другими: вѣдь, нашлись же издатели, найдутся, вѣроятно, и читатели... Поэтому, мы считаемъ нелишнимъ остановиться на предложеніяхъ и призывахъ, съ которыми авторъ обращается къ русскому обществу и русской интеллигенціи. Бѣглый обзоръ народныхъ изданій съ 1861 по 1889 гг. приводитъ г-жу Некрасову къ неутѣшительнымъ выводамъ. Вопреки распространенному мнѣнію о недостаточномъ количествѣ книгъ для народнаго чтенія, оказывается, что такихъ книгъ существуетъ уже больше нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Петербургскій и московскій комитеты грамотности, общество распространенія полезныхъ книгъ, коммиссіи народныхъ чтеній, наконецъ, частныя издательскія предпріятія выпустили за 25 лѣтъ очень много народныхъ книгъ, только всѣ эти книги не могли конкурировать съ лубочною литературою и, за немногими исключеніями, страдаютъ весьма существенными недостатками. Даже «Посредникъ», при всемъ его успѣхѣ, не далъ народу той книги, которая наиболѣе нужна, и не вытѣснилъ лубочныхъ изданій. Гдѣ же и въ чемъ лежитъ причина неудачи двадцатипятилѣтняго похода противъ лубочниковъ? По словамъ г-жи Некрасовой, основная причина неудачи та же, что и всѣхъ другихъ нашихъ благихъ начинаній: отсутствіе хорошо, основательно выработаннаго плана, незнакомство съ дѣломъ, незавидная русская способность быстро воспламеняться и еще быстрѣе охладѣвать. «У насъ не хватаетъ постоянства, нѣмецкаго упорства, терпѣнія на борьбу, которой требуетъ всякое новое дѣло». Кромѣ того, въ незначительныхъ результатахъ народнаго книгоиздательства виновата и интеллигенція, которая, «хотя и признавала дѣло торговли народною книгою благороднымъ дѣломъ, но больше теоретически, спуститься же до положенія офени, чтобы въ самомъ дѣлѣ взвалить на плечи коробъ и идти по деревнямъ—все же не хватало отваги». Прелесть этого упрека въ недостаткѣ отваги станетъ особенно ясною,

если мы укажемъ, что г-жа Некрасова говоритъ здѣсь о семидесятыхъ годахъ, этомъ героическомъ періодѣ въ исторіи русской интеллигенціи. Какъ бы то ни было, но интеллигенція конца восьмидесятыхъ годовъ кажется г-жѣ Некрасовой болѣе отважной и, для окончательнаго пораженія лубочниковъ, она рекомендуетъ «взять всецѣло дѣло изданія и торговли народною книгою въ руки интеллигенціи... не брезгуя ни стояньемъ за прилавкомъ, ни даже хожденіемъ по деревнямъ въ качествѣ офени». «Теперь для многихъ дѣлъ торговли народною книгою кажется не только не грязнымъ, а скорѣе «святымъ» дѣломъ. Охотниковъ найдется не мало... Итакъ, съ Богомъ! За то великое дѣло, которое такъ давно ждетъ своего осуществленія!» заканчиваетъ г-жа Некрасова свою статью.

Эти слова были написаны въ 1889 г., мы знаемъ, что они были голосомъ въ пустынѣ, и убѣждены, что, если авторъ разсчитываетъ повтореніемъ призыва въ 1903 году достигнуть иныхъ результатовъ, то его опять ждетъ разочарованіе. Самая постановка вопроса у г-жи Некрасовой страдаетъ непоправимымъ недостаткомъ. Вытѣсненіе лубочной литературы не можетъ быть цѣлью; оно должно явиться косвеннымъ слѣдствіемъ борьбы, и самой широкой борьбы, съ народнымъ невѣжествомъ, съ народнымъ средневѣковымъ міросозерцаніемъ. Только въ восьмидесятые годы, въ прославленную эпоху малыхъ дѣлъ и незамѣтныхъ героевъ, борьба съ лубочниками могла вырасти во что-то великое и святое. Къ счастью, то время прошло. Лубочная литература вовсе не стоитъ теперь въ ряду враговъ русскаго народа, и не противъ нея ведетъ теперь борьбу русская интеллигенція. Мы даже склонны думать, что вопросъ о народномъ книгоиздательствѣ, бывшій такимъ жгучимъ въ восьмидесятыхъ годахъ, если не разрѣшенъ, то уже близокъ къ разрѣшенію. Дѣло въ томъ, что г-жа Некрасова, очевидно, не представляла себѣ ясно, что литературное произведеніе—одинъ изъ фактовъ соціальной жизни, судьба котораго опредѣляется отношеніемъ къ нему соціальной среды даннаго момента и даннаго развитія.

Напримѣръ, г-жа Некрасова очень недовольна успѣхомъ народныхъ сочине- Л. Н. Толстого. «Они не только не двигаютъ впередъ ни мысль, ни чувство, они отвращаютъ человѣка отъ жизни... Не противься врагу... молчи... терпи... Отъ тебя требуется одна добродѣтель—терпѣніе и пассивность!» Г-жа Некрасова замѣчаетъ, что такіе принципы обращаютъ самую жизнь въ смерть, живого человѣкъ—въ автомата. Между тѣмъ, разсказы Л Н. Толстого—единственныя произведенія художественной литературы, которыя побиваютъ лубочныя изданія. Причины этого лежатъ, конечно, совсѣмъ не тамъ, гдѣ ихъ ищетъ г-жа Некрасова, а въ особенностяхъ народнаго міросозерцанія. Г. Лохтинъ, въ своемъ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства, прямо называетъ современныхъ сельскихъ обывателей «манекенами», самодѣятельность которыхъ подавлена средневѣковыми формами быта. Слѣдовательно, успѣхъ проповѣди пассивной морали, какъ и успѣхъ лубочной литературы, кстати сказать, эксплуатирующей преимущественно мотивы средневѣковыхъ рыцарскихъ романовъ, объясняется средневѣковымъ уровнемъ развитія русскаго народа. Поскольку сельское и городское населеніе освобождается отъ ветхихъ узъ, поскольку оно пріобщается къ современной культурѣ, постольку оно забываетъ лубочную стряпню и научается находить лучшую духовную пищи, постольку и лубочные издатели измѣняютъ характеръ своей дѣятельности, что отмѣтила уже и сама г-жа Некрасова. Народное книгоиздательство послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, не разсмотрѣнныхъ г-жа Некрасовой, вполнѣ подверждаетъ нашу мысль. Изданія гг. Рубакина, Слѣпцовой, Раппа и Головкина, вятскаго земства и мн. другихъ далеко не похожи на жалкія поддѣлки подъ народный языкъ прежняго времени. По словамъ г-жи Алчевской («Рус. Б.» январь, 1903), народился «новый читатель, чувствующій и мыслящій точно такъ же, какъ и

мы». Это наступающее единство народной и интеллигентной мысли и чувства только одно способно разрѣшить вопросъ о народной литературѣ, такъ какъ, при разницѣ міропониманія, ни интеллигенція не можетъ понять народа, ни народъ—ее. Итакъ, не борьба съ лубочниками и подворотными издателями, а широкая борьба съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ народной массы, съ отжившими формами быта,—вотъ та задача, которая стоитъ предъ современной интеллигенціей и процессъ разрѣшенія которой, несомнѣнно, отвлечетъ послѣднюю отъ «святого» стоянья за прилавкомъ и ношенія короба за плечами, предлагаемыхъ во второй разъ неутомимою г-жою Некрасовой.

Ник. Іорданскій.

Г. Уэльсъ. Предвидѣнія. Переводъ съ англійскаго А. Каррикъ. Москва. 1902 года. Цѣна 1 р. 50 к. Уэльсъ—талантливый авторъ фантастическихъ произведеній, посвященныхъ изображенію жизни человѣческаго общества въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Яркій полетъ фантазіи, всегда, однако, ограниченной рамками возможнаго, блестящій соціальный и психологическій анализъ, своеобразный реализмъ, подсказанный тонкимъ художественнымъ чутьемъ, наконецъ, недюжинное литературное дарованіе, всѣ эти качества доставили Уэльсу широкую популярность не только въ Англіи, классической странѣ фантастическихъ произведеній, но и на континентѣ; почти всѣ его произведенія переведены также и на русскій языкъ. Въ новой своей книгѣ Уэльсъ рѣшительно отказывается отъ беллетристической формы, которая не удовлетворяетъ его своей несовмѣстимостью съ серьезными индуктивными предсказаніями будущаго; свой эскизъ того грядущаго, для котораго «люди живутъ и умираютъ», англійскій авторъ предполагаетъ построить, опираясь на строго научныхъ данныхъ. Точное заявленіе его книги таково: «Предвидѣнія о воздѣйствіи прогресса механики и науки на человѣческую жизнь и мысль».

Предвидѣнія Уэльса обнимаютъ будущую жизнь со стороны технической, соціальной, политической и психологической; наиболѣе интересными являются у него предвидѣнія характера соціальнаго. Соціальное разслоеніе будущаго человѣческаго общества (рѣчъ идетъ о 2000 годѣ) представляется англійскому писателю въ такомъ видѣ: 1) акціонеры—безотвѣтственные собственники-капиталисты, классъ непродуктивный, неорганизованный, безполезный, обреченный на гибель; 2) «затонувшая» часть общества—пролетаріатъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, безпомощные бѣдняки, образующіе ту широкую базу необученныхъ рабочихъ, въ которыхъ, благодаря чрезвычайно развитой техникѣ, не будетъ болѣе существенной надобности,—классъ неорганизованный, обреченный на гибель; 3) инженеры, техники, вообще люди, обладающіе широкой спеціальной и общей подготовкой,—классъ болѣе или менѣе способныхъ людей, сознательно примѣняющихъ къ общимъ нуждамъ накопляющіеся запасы знаній, классъ, стремящійся организоватся въ систему взаимно-солидарныхъ образованныхъ классовъ съ общими цѣлями, удача или неудача которыхъ составляетъ вопросъ будущаго, и 4) торговцы, чиновники и др.—многочисленный классъ людей, живущихъ непроизводительнымъ труодмъ, благодаря общественной неурядицѣ.

Классы эти безсознательно образуются уже и теперь, но развитіе ихъ стѣсняется еще старыми традиціями; въ будущемъ, въ силу естественнаго хода вещей, всѣ эти общественные элементы придутъ въ столкновеніе друга съ другомъ, ближайшимъ поводомъ къ чему можетъ послужить большая европейская война.

По мысли Уэльса, побѣда останется за третьимъ изъ указанныхъ выше классовъ, который и перестроитъ общественную жизнь по своему плану. Классъ этотъ опрокинетъ перегородки политическія и національныя, перекроитъ карту земного шара, преобразуетъ внѣшнія сообщества людей согласно удобствамъ производтсва и транзита. Внутреннія отношенія людей между собою также преобразу-

ются, причемъ въ основу этого преобразованія будетъ положена абсолютная автономія личности, граничащая съ анархіей. Полноправными членами будущаго общества явятся люди всѣхъ расъ земного шара, способные проявить качества, которыми характеризуется указанный третій классъ, остальные люди обречены на вымираніе, чему будутъ способствовать нѣкоторые обычаи и законы новаго общеста.

Прогнозъ будущаго, предложенный Уэльсомъ въ своей книгѣ, нельзя не признать нуждающимся въ очень обстоятельныхъ коррективахъ. Недостатокъ его предвидѣній состоитъ прежде всего въ томъ, что имъ взята слишкомъ узкая база для созданія синтеза грядущей общественности: онъ усчитываетъ лишь «воздѣйствіе прогресса механики и науки на человѣческую жизнь и мысль»; все прочее у него остается въ тѣни. Изреченіе: «Homo homini res sacra»—не входитъ составной частью въ катехизисъ Уэльса, его будущее человѣчество довольствуется другимъ изреченіемъ: «Homo homini lupus». Несмотря, однако, на свою односторонность, «Предвидѣнія» Уэльса читаются съ большимъ интересомъ и способны сыграть роль возбудителя многихъ чрезвычайно полезныхъ и поучительныхъ мыслей. *М. Славинскій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Фер. Грегоровіусъ. „Исторія города Рима въ средніе вѣка".—*Эразмъ Ротердамскій.* „Похвала глупости".

Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка (отъ V по XVI столѣтія). Съ 4 нѣмецкаго изданія съ дополненіями по новому (1900 г.) итальянскому переводу. Перевелъ М. П. Литвиновъ. Т. I й. Съ портретомъ автора и 79 иллюстраціями. Спб. 1903. 447 стр. Ц. 2 р. 50 к. Три года тому назадъ нашъ журналъ отмѣтилъ появленіе русскаго перевода «Исторіи Аѳинъ въ средніе вѣка» того же автора (см. «М. Б.», 1900 г., апрѣль). Мы не могли не замѣтить тогда, что историческая роль Аѳинъ *въ средніе вѣка* была такъ ничтожна, что для неспеціалистовъ подробная исторія ихъ особаго интереса не можетъ представить. Совсѣмъ иное нужно сказать о средневѣковой исторіи Рима. Римъ въ средніе вѣка явился духовнымъ объединителемъ полуварварскаго, разноплеменнаго европейскаго человѣчества. Для историка европейской культуры «святы» его старые *камни* (пользуемся этимъ выраженіемъ, которое—совершенно независимо другъ отъ друга—употребляли Рескинъ и Достоевскій, одинъ примѣняя его къ Венеціи, другой—устами Версилова въ «Подросткѣ»,—вообще, къ Европѣ). Камни Рима говорятъ о многовѣковыхъ историческихъ наслоеніяхъ, о цѣлыхъ огромныхъ отдѣлахъ всемірной исторіи, — и одинъ изъ этихъ отдѣловъ обстоятельно былъ разработанъ покойнымъ нѣмецкимъ ученымъ. Первый томъ новаго русскаго перевода его знаменитаго труда лежитъ теперь предъ нами. Будетъ ли г. Литвиновъ счастливѣе перваго переводчика, В. И. Савина, не окончившаго начатаго предпріятія въ концѣ 80-хъ гг.? Въ интересахъ русскаго читающаго общества, отъ души пожелаемъ г. Литвинову благополучно перевести всѣ томы «Исторіи Рима». Переводъ г. Савина былъ имъ изданъ всего въ 500 экземплярахъ, и то за два года во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга разошлось всего «десятка два экземпляровъ» (см. «Ист. гор. Рима», переводъ В. И. Савина. Спб. 1888. Т. I, предисловіе переводчика, стр. I). Будемъ надѣяться, что теперь книга Грегоровіуса встрѣтитъ у насъ болѣе достойный ея пріемъ. Это произведеніе отличается не только художественностью изложенія, не только значительностью темы, не только всѣми достоинствами первокласснаго изслѣдованія по исторіи

культуры, но и тою особенною, *внутреннею* красотою, которая дается только искреннею любовью автора къ своему дѣтищу. Грегоровіусъ—энтузіастъ Рима и римской исторіи, для него слова «Roma caput mundi» etc.—полны глубокаго смысла. Въ частности, первый томъ посвященъ археологическому и топографическому описанію города въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ, и исторіи вторженій въ него варварскихъ племенъ вплоть до появленія въ предѣлахъ полуострова лонгобардскихъ полчищъ. Полтора столѣтія слишкомъ (отъ V в. до половины VI) крови, бѣдствій, крушеній прошлаго, мучительныхъ нарожденій чего-то новаго, неизвѣданнаго,—провалъ и смерть всемірной имперіи, молодыя варварскія государства—все это въ живомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ясномъ, незатемненномъ калейдоскопѣ проходитъ предъ читателемъ на фонѣ страданій и конвульсій «вѣчнаго города». Впрочемъ, рекомендовать Грегоровіуса совершенно излишне, — онъ въ этомъ вовсе не нуждается: онъ нуждается только въ томъ, чтобы его взяли въ руки и начали читать, — а тамъ ужъ каждая страница его будетъ говорить за себя сама.

Скажемъ только нѣсколько словъ о русскомъ изданіи книги. Оно сдѣлано, въ общемъ, хорошо,—и переводъ намъ показался литературнымъ. Но, какъ во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ, есть въ немъ и недостатки. У насъ для сличеній было подъ руками не то именно нѣмецкое изданіе, съ котораго сдѣланъ переводъ, — но все же мы усомнились въ точности кос-какихъ мѣстъ. Напр., въ нашемъ изданіи Грегоровіусъ (въ началѣ 2-й главы) говоритъ: «Waren die Tempel Rom's nur verödet und ihre Götter hinter verschlossenen Thüren in die Einsamkeit der Zellen verbannt?» А въ русскомъ переводѣ читаемъ; «Были ли храмы Рима только забыты и покинуты и ихъ боги стояли одинокими за закрытыми дверями, какъ заключенные въ тюрьму?» Слова подлинника «was Rom verschönte» (въ той же 2-ой главѣ) переведены (стр. 57) такъ: «что служило къ публичному (?) украшенію Рима». Дополнять подлинникъ тутъ вполнѣ излишне. Слова (въ 3-ей главѣ): «Seit dem Triumfzug des Diokletian und des Maximian im Jahre 303 *war die Stadt nicht von gleich grosser Freude bewegt gewesen*», переведены (стр. 107): «Со времени тріумфальнаго шествія Діоклетіана и Максиміана въ 303 году городъ *не видѣлъ ничего подобнаго*». Это очень ужъ далеко отъ точности... Въ концѣ 4-ой главы очень неточно, съ пропускомъ цѣлыхъ выраженій и словъ («verblichner Name», «mysteriöse», «heiligen») переведено очень художественное, образное мѣсто (см. 150 стр. перевода отъ словъ «послѣ перваго своего паденія» etc.). Замѣтили мы и еще 7 — 8 неточностей и пропусковъ, которыхъ не приводимъ, не желая слишкомъ расширять эту замѣтку. Можно съ положительностью сказать, что изъ двухъ главныхъ достоинствъ всякаго перевода—русскому изданію Грегоровіуса свойственна въ большей степени литературность, нежели строгая точность. Въ общемъ же, переводъ г. Литвинова лучше стараго перевода г. Савина, читается легко, и за эту легкую, изящную прозу читатели будутъ ему благодарны.

Русскій переводъ снабженъ примѣчаніями, взятыми изъ послѣдняго итальянскаго изданія Грегоровіуса. Это — пріемъ, показывающій, какъ внимательно г. Литвиновъ отнесся къ своей задачѣ: послѣ смерти Грегоровіуса археологическое и историческое разслѣдованіе Рима продолжалось непрерывно, и кое въ какихъ пунктахъ «Società editrice nazionale» весьма существенно дополнила Грегоровіуса выдержками изъ новѣйшихъ трудовъ по литературѣ предмета. Но при перенесеніи въ русскій переводъ—итальянскихъ примѣчаній тоже кое-чего слѣдовало избѣжать. Напр., почему трудъ Гризара г. Литвиновъ называетъ «Storia di Roma e dei papi etc.» (стр. 42),—когда Гризаръ писалъ на чистѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ и его книга называется «Geschichte Roms und der Päpste im Mittelalter» (изд. Freiburg im Breisgau, 1901)? Итальянцы почему-то

сослались на итальянскій переводъ Гризара, но зачѣмъ это было дѣлать русскому переводчику? Далѣе. Книга Гризара, разсчитанная на шесть томовъ, и уже начавшая выходить въ свѣтъ, является, въ уже вышедшей части, дѣйствительно, общепризнаннымъ послѣднимъ словомъ археологіи и исторіи средневѣковаго Рима; первый ея томъ (855 страницъ большого формата) охватываетъ періодъ времени только немного большій, нежели I-ый томъ Грегоровіуса, содержащій всего 484 страницы, притомъ формата почти вдвое меньшаго, нежели форматъ Гризара).

При такихъ условіяхъ, кромѣ небольшихъ отрывочныхъ примѣчаній, перенесенныхъ изъ итальянскаго изданія, не мѣшало бы дать русскому читателю общую характеристику значенія труда Гризара, а также и работъ великаго Росси, можно сказать, *создавшаго* римско-христіанскую археологію. Тогда—и только тогда,—конечно, ясно стало бы и читателю-неспеціалисту, что сдѣлали Грегоровіусъ, Росси и Гризаръ для исторіи гибели древняго Рима и первыхъ вѣковъ христіанства. Съ другой стороны, довольно много незначительныхъ примѣчаній безъ всякого ущерба можно было бы изъ итальянскаго изданія въ русское не переносить: этимъ можно было бы съэкономить гораздо больше мѣста, нежели сколько нужно для общей вводной замѣтки о Грегоровіусѣ, Росси и Гризарѣ.

Пожелаемъ же г. Литвинову успѣшно довести до конца почтенный, хорошо начатый трудъ перевода «Исторіи Рима». *Евг. Тарле.*

Эразмъ Роттердамскій. Похвала глупости. Переводъ съ предисловіями, введеніемъ и примѣчаніями П. Н. Ардашева, проф. юрьевскаго университета. Юрьевъ. 1902 г. Стр. 172. Ц. 1 р. Сатира Эразма Роттердамскаго, написанная около 400 лѣтъ тому назадъ, продолжаетъ быть интересной до сихъ поръ не только потому, что она и теперь доставляетъ большое эстетическое удовольствіе своимъ живымъ и тонкимъ остроуміемъ, но также потому, что въ ней ярко и опредѣленно отразились взгляды и настроенія общественной группы, оцѣнка которой представляетъ для настоящаго времени особый интересъ. Эта группа—свѣтская интеллигенція, только что нарождавшаяся въ эпоху Эразма, а теперь достигшая такой огромной силы, хотя, конечно, еще не сказавшая своего послѣдняго слова. Непризнанная преемница средневѣковой духовной власти, свѣтская интеллигенція унаслѣдовала свои задачи отъ своихъ предшественниковъ, которые превратились въ ея враговъ. Она продолжала ихъ учительскую дѣятельность, продолжала поучать народъ и бороться съ мірскимъ зломъ, пользуясь въ борбѣ силою внутренняго убѣжденія, въ противоположность внѣшнимъ принудительнымъ средствамъ государственной власти. Но борьба приняла у новыхъ людей новый характеръ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе у первыхъ представителей свѣтской интеллигенціи болѣе бодрый, свѣтлый, радостный тонъ. Чувствуется освобожденіе отъ суровыхъ, тяжелыхъ формулъ средневѣковья, слышится вздохъ облегченія и радостный привѣтъ живой природѣ, замѣнившей унылую тюремную атмосферу прежняго духовнаго рабства. Самое зло, съ которымъ борются новые учителя, стало менѣе страшно и безнадежно и менѣе противорѣчитъ естественному желанію жить и наслаждаться жизнью. Свѣтская интеллигенція чувствуетъ себя свободнѣе и веселѣе въ своей борьбѣ съ мірскимъ зломъ и сама относится къ нему мягче, добрѣе, гуманнѣе. Въ «Рѣчахъ Заратустры» есть слѣдующее, проникнутое глубокимъ чувствомъ гуманности наставленіе: «Врагъ» должны вы говорить, а не «злодѣй»; «больной», а не «плутъ»; «глупецъ», а не «грѣшникъ». Послѣдняя часть этого наставленія въ буквальномъ смыслѣ исполнена Эразмомъ въ сатирѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь. Все то, что средневѣковое духовенство клеймило именемъ грѣха, Эразмъ добродушно, иногда съ грустью, иногда и съ горечью, записываетъ на счетъ человѣческой глупости. Въ безконечной свитѣ и безчислен-

ныхъ поклонникахъ богини Глупости, которую Эразмъ заставляетъ говорить панегирикъ самой себѣ (вся сатира написана именно въ формѣ такого панегирика), мы можемъ узнать всѣхъ грѣшниковъ дантова Ада, но только безъ казней, безъ ужасовъ загробной жизни, а такъ, какъ мы ихъ наблюдаемъ въ здѣшней земной жизни—жалкими, бѣдными глупцами и безумцами, не вѣдающими, что творятъ. И не только въ видѣ ироніи, но иногда совершенно искренно Эразмъ защищаетъ глупцовъ противъ слишкомъ умныхъ и слишкомъ строгихъ моралистовъ. Защищая глупцовъ, онъ въ то же время защищаетъ свое право на беззаботный смѣхъ, право тѣшиться людскими слабостями и тѣшить людей изображеніемъ ихъ собственной глупости. «Похвала глупости»—это какъ бы самооправданіе смѣха, философія сатиры. Смѣхъ съ полнымъ правомъ сталъ на мѣсто грозныхъ проповѣдей, во-первыхъ, потому, что огромная масса людей страдаетъ вовсе не отъ сознательнаго нарушенія великихъ нравственныхъ законовъ, а отъ мелочности, самодовольства и привязанности къ пустымъ забавамъ будничной жизни, отъ неспособности подняться надъ областьюмелочныхъ, личныхъ утѣхъ, а во-вторыхъ, потому, что и сами проповѣдники такъ же безсильны и мелочны, какъ ихъ паства. Глупцы по своему счастливы и нарушить ихъ самодовольный сонъ болѣе способенъ сдержанный смѣхъ мудреца, мирно бесѣдующаго съ народной толпой, чѣмъ отвлеченная проповѣдь непонятнаго моралиста. То язвительно, то благодушно высмѣиваетъ Эразмъ забавное самодовольство людей всѣхъ классовъ и состояній. «Безъ моего вмѣшательства,—говоритъ Глупость,—не выносилъ бы народъ государя, господинъ не выносилъ бы раба, а служанка—госпожи; не выносили бы пріятель пріятеля, жена—мужа, домохозяинъ—квартиранта, сожитель—сожителя, товарищъ—товарища, если бы только они не заблуждались взаимно, не расточали бы взаимно лести, не потакали бы слабостямъ другъ друга, не мазали бы другъ друга по губамъ медомъ глупости...» (52) «Попробуйте обойтись безъ меня—и вы не только другъ другу омерзѣете, но самъ себѣ каждый сдѣлается противенъ, гадокъ, ненавистенъ... Съ другой стороны, питая отвращеніе къ самому себѣ, ты никогда не произведешъ чего-либо прекраснаго, изящнаго, пріятнаго... Надо, чтобы человѣкъ любовался самъ собой, и тогда только можетъ онъ разсчитывать понравиться другимъ, когда предварительно понравится себѣ самому. Наконецъ, вѣдь благополучіе состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ хочешь; а это послѣднее доставляется моей Филавтіей (самолюбіемъ). Она такъ устраивать, что человѣкъ доволенъ своей наружностю, своимъ умомъ, своимъ происхожденіемъ, своимъ положеніемъ, своею судьбой, своею родиной—до такой степени, что ирландецъ не помѣнялся бы своей жизни съ итальянцамъ, ѳракіецъ съ аѳиняниномъ, скиѳъ — съ обитателемъ блаженныхъ островозъ» (52—53). «Какое умилительное зрѣлище представляетъ собою пара муловъ, любовно почесывающихъ другъ другу спины своими мордами! Не въ этомъ ли почесываніи состоитъ главная заслуга краснорѣчія, въ еще большей степени—медицины и еще больше—поэзіи?... Словомъ, лесть это—медъ и приправа всякаго общенія между людьми...» (89).

Но облегченіе совѣсти, свобода мысли, право на смѣхъ и на забаву, на беззаботное общеніе съ простыми грѣшными людьми — это только одна сторона въ томъ переворотѣ, который созданъ былъ возникновеніемъ свѣтской интеллигенціи. Кромѣ этой свѣтлой стороны, существовала и существуетъ еще и темная. Не даромъ далось освобожденіе изъ средневѣковыхъ формъ жизни. И не одна только забава и благодушіе слышатся въ смѣхѣ Эразма. Слышится въ немъ и грусть, и тоскливое чувство безсильнаго одиночества. Вѣдь въ сознаніи новыхъ людей ко всему людскому безумію, которое изобличалось средневѣковой духовной интеллигенціей, присоединилось еще новое безуміе—безуміе самихъ обличителей. Весь міръ обратился въ сплошной

океанъ безумія, правда, жалкаго, достойнаго сожалѣнія и снисходительной улыбки, но все-таки безнадежнаго и безпросвѣтнаго безумія. И въ этомъ океанѣ снисходительные благодушные мудрецы оказались одинокими, безпомощными странниками, «лишними людьми». Самодовольная власть прежнихъ проповѣдниковъ отвергнута, какъ самообманъ. Но что же дано взамѣнъ этой власти? Исчезли мрачные образы грѣшниковъ, но вмѣстѣ съ ними исчезла и власть надъ народомъ. И остался опять мудрецъ, какъ въ древнемъ классическомъ мірѣ, одинъ-на-одинъ съ своею мудростью, окруженный непонимающей, чуждой толпой, съ которой можно вмѣстѣ смѣяться, но съ которой нельзя вмѣстѣ дѣлать серьезнаго дѣла. Въ этомъ отношеніи между гуманистами и философами греко-римскаго міра существуетъ близкое духовное родство. Въ нашей сатирѣ не только постоянныя литературныя ссылки и миѳологическія названія, которыми пеститъ каждая страница, но и самое содержаніе и настроеніе свидѣтельствуютъ о близости автора къ мудрецамъ классической древности. Вѣдь и древніе мудрецы, также какъ Эразмъ, отожествляли добродѣтель съ мудростью, а порочность—съ неразуміемъ и безуміемъ. И они чувствовали себя безсильными передъ неразумѣніемъ толпы, и они стояли въ сторонѣ отъ власти и отъ исторіи. Эразмъ смѣется надъ всѣмъ, что видитъ вокругъ себя: надъ сильными и слабыми, надъ властителями и подвластными, надъ невѣждами и учеными, надъ частной, общественной и политической жизнью. Глубокую тоску долженъ испытывать человѣкъ, взобравшійся на высокую вершину, съ которой одинаково маленькимъ кажутся и мелкое и великое, и толпа и герои, а будничная жизнь и грандіозныя историческія силы. И тоска невольно прорывается то тамъ, то здѣсь среди веселаго беззаботнаго смѣха. Конечно, Эразмъ, какъ и другіе гуманисты, могъ отчасти заимствовать отъ древнихъ философовъ и ихъ духовный аристократизмъ, ихъ равнодушіе къ мірскимъ печалямъ, ихъ способность удовлетворяться своимъ гордымъ одиночествомъ на холодныхъ вершинахъ мудрости. Но лучшіе представители новой свѣтской интеллигенціи все же не могли замѣнить этой холодной древней мудростью все то, что было пережито и выстрадано въ средніе вѣка. Распрощавшись съ средними вѣками, они взяли отъ нихъ въ вѣчное наслѣдство себѣ и своимъ будущимъ наслѣдникамъ демократическія чувства и демократическую вѣру христіанства. Были, разумѣется, люди, которые, смѣясь надъ средневѣковымъ духовенствомъ, смѣялись и надъ всякой вѣрой, смѣялись надъ всѣмъ святымъ. Но не таковы были лучшіе люди; не таковъ былъ и Эразмъ. Въ его сатирѣ есть прочувствованныя мѣста, въ которыхъ говоритъ уже не юмористъ, а возмущенный защитникъ поруганнаго идеала. Рисуя картину страшнаго суда, ради котораго заранѣе обезпечили себя глупыми, хвастливыми оправданіями разные вервеносцы, бенедиктинцы, бернардинцы и прочіе, которымъ «недостаточно ихъ имени христіанъ», нашъ авторъ говоритъ: «А какъ прерветъ Христосъ этотъ безконечный потокъ бахвальства, да какъ скажетъ: Откуда этотъ новый родъ іудеевъ? Единственный законъ признаю я истинно моимъ, но о немъ-то я до сихъ поръ ни слова не слышу. А вѣдь открыто, безъ всякой аллегоріи или притчи, обѣщалъ я въ свое время наслѣдіе Отца моего—не капюшонамъ, не молитвословіямъ, не постамъ, но дѣламъ любви. Не хочу я знать людей, которые слишкомъ хорошо знаютъ свои подвиги...» (116).

Законъ любви, полученный свѣтской интеллигенціей въ наслѣдіе отъ среднихъ вѣковъ, помѣшалъ ей «слишкимъ хорошо знать» подвиги своей мудрости, помѣшалъ ей погрузиться въ самодовольство одинокаго созерцанія человѣческой глупости. Онъ обрекъ её на тяжелую горькую долю, ибо былъ ей данъ безъ власти, безъ возможности творить дѣла любви. Власть, сила, организація остались у другихъ. Оковы, отъ которыхъ освободились новые люди, сохранили свою власть надъ умами и продолжали по своему дѣлать исторію. А интелли-

генціи оставалось только встать въ сторону и наблюдать. Конечно, и наблюденія могутъ доставить большое удовлетвореніе. Наблюдать на свободѣ все-таки лучше, чѣмъ томиться въ тюрьмѣ. Забавляться великимъ царствомъ глупости легче, чѣмъ содрогаться передъ ужасами дантова ада. Но у среднихъ вѣковъ, кромѣ подземнаго ада, были еще чистилище и небесный рай. А свѣтская интеллигенція, выйдя изъ подземелья, нашла на землѣ только блаженныхъ мучениковъ глупости, но не нашла земного рая. Въ душѣ ея сохранилась вѣра въ обѣтованную землю, но долгое время это была пустая мечта, потому что власть надъ народомъ, блуждавшимъ по пустынѣ, была въ чужихъ, враждебныхъ рукахъ. Пріятель Эразма, Томасъ Моръ, которому нашъ авторъ посвятилъ свою сатиру, предложилъ было нѣчто похожее на проектъ земного рая, но его «Утопія» такъ и сдѣлалась нарицательнымъ названіемъ для всѣхъ послѣдующихъ безпочвенныхъ мечтаній интеллигенціи. Между тѣмъ, потребность учить и управлять умами продолжала жить и въ свѣтской интеллигенціи и искала безъ устали новыхъ путей для своего удовлетворенія. Прямые пути были заказаны, оставались обходныя дорожки, косвенные способы воздѣйствія. Интеллигенція стала учиться проповѣдывать иносказаніями, исправлять забавляя. Смѣхъ сталъ любимымъ орудіемъ борьбы въ ея рукахъ. Но это уже не беззаботный смѣхъ забавляющагося мудреца, это—горькій смѣхъ обиженнаго своей безпомощностью учителя жизни. Это—средство, чтобы проводить въ жизнь свои идеи, не отпугивая суевѣрной толпы и не дразня гусей. Это—забава, омраченная горькимъ сознаніемъ, что приходится пользоваться людскими слабостями и мириться съ людской пошлостью. Это—смѣхъ страшный не только тѣмъ, кто боятся быть смѣшными, но и всѣмъ тѣмъ, у кого совѣсть не совсѣмъ чиста. Сатира Эразма не мало страха и боли и не мало пользы доставила глупцамъ и глупымъ умницамъ, ее читавшимъ. Наряду съ безпечнымъ благодушнымъ смѣхомъ въ ней нашелъ мѣсто и язвительный смѣхъ, бичующій пороки, срывающій маску съ злостныхъ лцемѣровъ. Богиня глупости незамѣтно для себя забываетъ свое природное добродушіе, когда переходитъ отъ простыхъ и прямодушныхъ дѣтей міра сего, «которыя,—какъ она выражается,—чтутъ меня попросту, безъ прикрасъ, съ откровенностью и прямотой, достойною благородныхъ людей»,—къ «неблагодарнымъ лицедѣямъ, такъ лицемѣрно замалчивающимъ мои благодѣянія къ нимъ и такъ подло разыгрывающимъ изъ себя святошъ» (122).

Сосѣдство безпечнаго смѣха съ тяжелыми мыслями о великихъ общественныхъ недугахъ коробитъ иногда читателя, желающаго соблюдать правило: дѣлу время, потѣхѣ часъ. Но вѣдь оно коробитъ и должно коробить и самого автора-сатирика. Этого не нужно забывать при оцѣнкѣ общественнаго значенія сатирическаго смѣха. Только тотъ смѣхъ можетъ быть средствомъ поученія и исправленія современниковъ, который коробитъ автора, только то вышучиванье пороковъ можетъ быть оправдано, отъ котораго горько становится самому обличителю, только тѣ сатирики полезны, которые сознаютъ всю безпомощность сатиры, которые хотѣли бы помогать людямъ прямо, безъ иносказаній, да не могутъ, которымъ зажимаютъ ротъ, когда они пробуютъ говорить неприкрашенную смѣхомъ правду. И чѣмъ больше растутъ силы свѣтской интеллигенціи, чѣмъ больше получаетъ она доступъ къ положительному дѣлу, чѣмъ болѣе осуществляется ея объединеніе и организованное властвованіе надъ умами, тѣмъ болѣе теряетъ свое значеніе горькій смѣхъ сатирика. Въ наше время грозныя проповѣди, безпощадныя прямыя обличенія имѣютъ уже больше обаянія, чѣмъ хлесткая насмѣшка. Это значитъ, что силы интеллигенціи выросли въ значительной степени, что она созрѣла для смѣлаго самостоятельнаго творчества. Какъ ни какъ, а вѣдь сатирикъ—это какъ бы придворный шутъ общественнаго мнѣнія, смѣлый и дерзкій, полезный при дворѣ, гдѣ все полно

лестью, ложью и раболѣпствомъ, но все же шутъ и все же узникъ придворной лицемѣрной жизни. Чтобы имѣть возможность сказать одну дерзкую истину, которая смутитъ жестокаго повелителя, которая стоила бы жизни всякому иному, кромѣ шута, онъ долженъ наговорить десятокъ пошлостей. Если шутъ искренно хочетъ быть полезнымъ и дѣйствительно любитъ правду, мы простимъ ему его пошлости, а тѣмъ болѣе его веселый простой смѣхъ, которымъ онъ разгоняетъ скуку окружающей жизни. Но все-таки мы пожелаемъ ему когда-нибудь снять шутовской нарядъ и смѣяться только для смѣха, а горькую правду говорить только для горькой правды.

Не скоро мы дождемся того времени, когда всѣ истины, которыя, смѣясь, говоритъ богиня глупости, будетъ возможно говорить безъ вынужденнаго содѣйствія этой вліятельной особы. Однако, Эразмъ во многомъ могъ бы позавидовать уже и нашему времени...

Переводъ (съ латинскаго) въ литературномъ отношеніи очень хорошъ, а за точность его ручается званіе и имя переводчика. *А. Рикачевъ.*

ЛОГИКА И ПСИХОЛОГІЯ.

Т. Липпсъ. „Основы логики“.—*Д. М. Балдвинъ*. „Введеніе въ психологію“.

Т. Липпсъ. Основы логики. Переводъ съ нѣмецкаго Н. О. Лосскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. Цѣна 1 руб. «Логика уже съ древнѣйшихъ временъ вышла на твердую дорогу науки; это видно изъ того, что она со времени Аристотеля не сдѣлала ни одного шага назадъ... Но замѣчательно и то, что она до сихъ поръ не могла сдѣлать ни одного шага впередъ и повидимому вполнѣ заключена и закончена». Такъ писалъ Кантъ въ своемъ предисловіи ко второму изданію «Критики чистаго разума». Однако онъ самъ, съ такою увѣренностью утверждающій полную законченность логики, болѣе вчѣмъ кто-либо изъ другихъ мыслителей, способствовалъ ея коренному преобразованію. Принципы, положенные имъ въ основу своей философіи, не замедлили оказать вліяніе и на логику и въ корнѣ расшатать ея старый фундаментъ. Въ логикѣ, такъ долго стоящей на точкѣ замерзанія, жизнь забила ключомъ. На сцену выдвинулись новые вопросы, то или другое разрѣшеніе которыхъ породило въ области логики различныя направленія, часто враждующія другъ съ другомъ. Центральный пунктъ, около котораго вращаются всѣ эти направленія, сводится къ двумъ кардинальнымъ вопросамъ: во-первыхъ, какъ относится логика къ теоріи познанія, и, во-вторыхъ, каковъ характеръ логики, должно ли познаніе быть обосновано субъективно или объективно? Тотъ или другой отвѣтъ на эти вопросы опредѣляетъ то или другое проведеніе логики.

Опредѣляя логику, какъ науку о законахъ и формахъ мышленія и допуская вмѣстѣ съ тѣмъ, что всякое знаніе есть завершеніе мышленія, авторъ вышепомѣченной книги рѣшаетъ первый изъ поставленныхъ вопросовъ въ томъ смыслѣ, что формальная логика необходимо должна быть соединена съ теоріей познанія, что послѣдняя необходимо входитъ въ составъ логики, дѣйствительно выполняющей свою задачу. Однако, представляя собою синтезъ прежней формальной логики и теоріи познанія, истинная логика, полагаетъ авторъ, въ основѣ должна сохранять тотъ же характеръ, что и формальная: она должна быть психологическою дисциплиною, ибо знаніе дается въ душѣ и мышленіе есть психологическій процессъ. Слѣдовательно, второй изъ упомянутыхъ вопросовъ Липпсъ рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что логика должна давать субъективное обоснованіе познанія. Согласно такому разрѣшенію двухъ основныхъ логическихъ вопросовъ, проведеніе логики у него въ существенныхъ чертахъ при-

ближается къ проведенію формальной логики. Такъ какъ она, подобно формальной, имѣетъ психологическій характеръ и такъ какъ ея задача также сводится къ изслѣдованію, въ какихъ формахъ знаніе является въ субъектѣ, какими субъективными законами регулируется оно, то естественно, она удерживаетъ за основныя тѣже формы и законы мышленія, что и формальная логика: объектъ ея изслѣдованія—сужденіе, понятіе и умозаключеніе. Отклоненіе же логики Липпса отъ формальной состоитъ лишь въ томъ, что при изслѣдованіи этихъ основныхъ элементовъ познанія она сообразуется отчасти съ теоретико-познавательными интересами. Въ то время какъ формальная логика намѣренно отказывается отъ всякой оцѣнки значенія сужденій, понятій и умозаключеній для познанія и имѣетъ дѣло просто съ ихъ формальною возможностью, Липпсъ, изслѣдуя изъ этихъ элементовъ знанія лишь тѣ, которые обладаютъ объективнымъ значеніемъ, вноситъ въ ученіе о нихъ оцѣнку. Благодаря этому, съ одной стороны, традиціонное дѣленіе сужденій и умозаключеній, проводимое обычно въ формальной логикѣ, у него получаетъ отчасти иной смыслъ и освѣщеніе; съ другой стороны, на ряду съ обычнымъ дѣленіемъ онъ вводитъ новыя подраздѣленія какъ въ области сужденій, такъ и умозаключеній: такъ сужденія подраздѣляются въ логикѣ Липпса на формальныя, утверждающія безусловную необходимость опредѣленной связи представленій, и матеріальныя, постулирующія объективную необходимость связи самихъ объектовъ; на субъективныя, высказывающія объективную необходимость опредѣленной связи, проистекающей изъ упорядочивающей дѣятельности нашего мышленія, и объективныя, утверждающія безусловную необходимость связи, проистекающей изъ самихъ объектовъ; на апріорныя и апостеріорныя и т. д. Не входя въ дальнѣйшія детали проведенія авторомъ его логики, разсмотримъ и критически изслѣдуемъ тѣ основныя положенія, которыя онъ полагаетъ въ ея основу.

Соглашаясь съ тѣмъ, что всякая логика должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ теоріею познанія, мы не можемъ признать, что она должна имѣть психологическій характеръ, что ея задача—дать субъективное обоснованіе знанія. Всякая попытка обосновать познаніе на спеціальной наукѣ, на психологіи, въ корнѣ уничтожаетъ логику. Логика сравнительно съ другими науками обладаетъ преимущественнымъ значеніемъ; она трактуетъ о знаніи и поэтому въ своемъ обоснованіи не можетъ зависить ни отъ какой спеціальной дисциплины: истинность законовъ всякой другой науки опредѣляется по логическимъ законамъ. Поэтому или нѣтъ совсѣмъ логики, или она въ концѣ-концовъ должна покоиться на самой себѣ. Однако субъективное обоснованіе познанія не только уничтожаетъ логику, но и вообще объективный характеръ знанія и сводитъ его къ простой иллюзіи. слѣдовательно, оно идетъ въ разрѣзъ съ притязаніями всѣхъ наукъ на объективную значимость своихъ законовъ. Самъ Липпсъ сознавалъ это. Признавая, что познаніе черпаетъ свою объективность изъ закономѣрности нашего мышленія или точнѣе, изъ закономѣрности нашего духа, онъ, однако, въ опытныхъ сужденіяхъ наряду съ этимъ источникомъ объективности допускаетъ еще другой, отъ него не зависящій: объективность воспріятій и эмпирическихъ ассоціацій онъ обосновываетъ путемъ допущенія трансцендентнаго міра вещей въ себѣ. Этотъ первый шагъ, сдѣланный ради спасенія объективности знанія, необходимо приводитъ и къ дальнѣйшему допущенію, что закономѣрность нашего мышленія и опыта есть обнаруженіе закономѣрности міра вещей въ себѣ, въ другихъ отношеніяхъ непознаваемаго. Не касаясь того, что постулированье законосообразнаго, но непознаваемаго міра вещей въ себѣ, какъ показалъ ходъ исторіи философіи, произвольно и никакимъ путемъ не можетъ быть обосновано, мы во всякомъ случаѣ должны признать его за свидѣтельство недостаточности психологической точки зрѣнія.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе вопроса объ обоснованіи знанія приводитъ насъ къ признанію, что логика въ концѣ концовъ должна покоиться на самой себѣ, должна искать обоснованіе знанія объективнымъ путемъ. т.-е. въ содержаніи знанія, а не въ его отношеніи къ субъекту. Такъ какъ содержаніе знанія состоитъ изъ опредѣленій, т.-е. понятій, то, слѣдовательно, задача логики сводится къ тому, чтобы изложить и развить систематически тѣ основныя понятія и законы, которые регулируютъ все наше познаніе и изъ которыхъ послѣднее черпаетъ свою объективность. Поэтому изъ всего содержанія формальной логики новая логика можетъ удержать лишь тѣ формы, которыя не только являются формами нашего мышленія, но и опредѣленіями самихъ объектовъ. Въ этомъ отношеніи логика Липпса, какъ изслѣдующая основные элементы знанія съ теоретико-познавательной точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, представляетъ дальнѣйшій шагъ впередъ сравнительно съ формальной логикой. Однако, удержавъ въ своей логикѣ чисто-психологическую основу, Липпсъ не съумѣлъ построить ее сообразно требованіямъ современнаго научнаго знанія. *N. N.*

Джемсъ Маркъ Бальдвинъ. Введеніе въ психологію. Переводъ съ англійскаго подъ ред. Н. Н. Спиридонова. Ц. I р. Небольшая книжка американскаго профессора Бальдвина даетъ обзоръ главныхъ отдѣловъ психологіи. Указавъ тѣ источники, откуда мы можемъ черпать свѣдѣнія о душѣ, Бальдвинъ кратко излагаетъ суть интроспективной психологіи и переходитъ затѣмъ къ тѣмъ отдѣламъ науки о душѣ, которые пользуются объективными методами. Главы, трактующія о физіологической и экспериментальной психологіи, даютъ ясное представленіе о томъ, что такое экспериментъ въ психологіи. Излагая объективные методы и результаты, добытые психологіей при ихъ помощи, авторъ, однако, недостаточно ясно подчеркнулъ тотъ фактъ, что всѣ они, въ концѣ-концовъ, опираются на методъ самонаблюденія, что о душѣ ребенка, животныхъ и т. д., мы можемъ знать только постольку, поскольку предполагаемъ у нихъ психологическую жизнь, сходную съ нашею. Какъ недостатокъ книги, слѣдуетъ указать и то, что она не знакомитъ читателя съ основными направленіями въ психологической наукѣ. Книга написана доступно, живо и интересно и можетъ быть рекомендована, какъ подспорье при чтеніи сочиненій, носящихъ болѣе теоретическій характеръ.

Переведена книга удовлетворительно, если не считать нѣкоторыхъ промаховъ въ слогѣ, напр.: «я не буду пытаться *этого* сдѣлать», «подъ руководствомъ лучшихъ *проводниковъ*» (стр. 6). *А. Ш.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Д-ръ А. К. Скребицкій. „Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ“.—*Д-ръ Ф. М. Блюменталь.* „Объ амбулаторіяхъ для легочныхъ больныхъ.—*Н. Ф. Гамалѣя* „Чума и крысы“.—*Л Мороховецъ* „Исторія и соотношенія медицинскихъ знаній“.

Докторъ А. И. Скребицкій. Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ. Обширный трудъ г. Скребицкаго задуманъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, когда автору послѣ турецкой волны пришлось, по порученію Главнаго Попечительства о семействахъ воиновъ, посѣтить различныя мѣстности Россіи для личнаго осмотра ослѣпшихъ солдатъ и непосредственно ознакомиться и съ размѣрами и съ причинами распространенности слѣпоты среди населенія. Оказалось, что изъ общаго числа осмотрѣнныхъ солдатъ не болѣе 5 проц. лишилось зрѣнія отъ вражескаго оружія; большинство же ослѣпло отъ болѣзней заразнаго свойства, вынесенныхъ съ родины. «Не турки были повинны въ слѣпотѣ солдатъ, а наши внутренніе враги: невѣжество, бѣд-

ность, врачебная безпомощность населенія». Сознаніе этой истины и было точкой отправленія послѣдующей общественной дѣятельности доктора Скребицкаго на пользу слѣпыхъ. Но опубликованіе результатовъ первыхъ наблюденій автора не встрѣтило сочувствія въ официальномъ органѣ попеченія о русскихъ слѣпыхъ и вызвало многолѣтнюю борьбу, которая, однако, подтвердила и выводы и цифры г. Скребицкаго. Изложеніе этой борьбы занимаетъ очень видное мѣсто въ разсматриваемой книгѣ. Такимъ образомъ, содержаніе труда доктора Скребицкаго распадается, собственно, на три части: положеніе слѣпыхъ въ Западной Европѣ, положеніе слѣпыхъ въ Россіи и исторія долговременной борьбы автора съ тѣми лицами, которыя упорно отстаивали старый предразсудокъ, будто у насъ все обстоитъ благополучно даже по отношенію къ состоянію зрительныхъ органовъ народа. Такое обиліе матеріала въ одной книгѣ представляется намъ весьма нежелательнымъ. Оно до крайности расширяетъ объемъ изданія и увеличиваетъ его стоимость. Немногіе будутъ въ состояніи заплатить 6 р., которые стоитъ книга г. Скребицкаго.

Между тѣмъ, авторъ ставитъ своею цѣлью, между прочимъ, ознакомить лицъ, готовящихся къ занятію должностей въ школахъ слѣпыхъ съ предстоящею имъ областью дѣятельности и дать родителямъ, которыхъ постигло несчастье имѣть въ своей семьѣ слѣпого ребенка, руководство для его воспитанія и образованія. Эта задача вполнѣ разрѣшается отдѣльными главами разсматриваемаго труда. Г. Скребицкій отчасти расплывчатъ и съ излишними подробностями, но живымъ и очень популярнымъ языкомъ съумѣлъ передать главнѣйшія свѣдѣнія физіологіи и психологіи слѣпыхъ и тѣ пріемы, которые въ настоящее время выработаны спеціалистами для того, чтобы путемъ правильно поставленнаго воспитанія и образованія несчастныхъ дать имъ возможность принимать хотя неполное участіе въ жизни общества. Обстоятельныя описанія различныхъ учрежденій Западной Европы, гдѣ положеніе слѣпыхъ уже давно привлекаетъ общественную заботливость и вниманіе, дополняетъ и объясняетъ чисто учебную часть книги. Общіе взгляды автора проникнуты искреннею любовью къ несчастнымъ и отличаются плодотворною широтою. Г. Скребицкій отвергаетъ спасительное значеніе той филантропіи, которая отдѣлывается подаяніемъ, и признаетъ обязанность общества дать возможно всестороннее развитіе каждому человѣку, даже лишенному какого-либо изъ обычныхъ качествъ и свойствъ. По отношенію же къ слѣпотѣ, г. Скребицкій указываетъ на ея характеръ бытовой болѣзни и настаиваетъ на необходимости раціонально организованной системы мѣропріятій, направленныхъ къ устраненію коренныхъ причинъ недуга. Въ Россіи, гдѣ крайній недостатокъ воздуха, скученность, сожительство съ животными, крайняя нечистоплотность, бѣдность и невѣжество составляютъ отличительныя черты быта громаднаго большинства населенія, распространенность слѣпоты объясняется, главнымъ образомъ, болѣзнетворными бытовыми условіями. Никакіе летучіе отряды, въ родѣ разсылаемыхъ попечительствомъ о слѣпыхъ, и т. п. «летучія» мѣры не могутъ принести существенныхъ результатовъ, пока деревня остается въ безпросвѣтной темнотѣ и личность крестьянина подавлена всевозможными неблагопріятными вліяніями. Народное образованіе, оздоровленіе жизненной обстановки, доступная для всѣхъ медицинская помощь — вотъ тѣ предупредительныя мѣры, которыя, по мнѣнію спеціалистовъ, должны играть первую роль въ борьбѣ съ распространеніемъ слѣпоты. Современная офталмологія располагаетъ средствами спасти громадный процентъ больныхъ отъ потери зрѣнія, и нужно стремиться, чтобы завоеванія науки не оставались достояніемъ немногочисленной группы обезпеченныхъ людей, но обращались на благо широкихъ слоевъ населенія.

Та часть книги, которая посвящена борьбѣ доктора Скребицкаго съ оффиціальными и частными поклонниками теоріи ненарушимаго всероссійскаго благо-

*

получія, какъ мы уже сказали, могла бы быть выдѣлена въ самостоятельное цѣлое. Но, являясь лишнимъ въ руководствѣ для обученія слѣпыхъ, эта часть представляетъ значительный интересъ, какъ одна изъ картинъ родной дѣйствительности. Г. Скребицкій очень убѣдительно показалъ, какія послѣдствія влечетъ бюрократизація всякаго дѣла. Дѣятельность нашего попечительства о слѣпыхъ, по словамъ автора, отличается вялостью и непроизводительностью. Призрѣніе, воспитаніе, образованіе слѣпыхъ, изданіе для нихъ книгъ находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Мы даже не имѣемъ точной статистики этихъ несчастныхъ, разбросанныхъ по всѣмъ городамъ и селамъ обширной страны. Тѣмъ не менѣе, когда г. Скребицкій сдѣлалъ на амстердамскомъ конгрессѣ 1885 г. докладъ о положеніи слѣпыхъ въ Россіи, то дѣлопроизводитель Совѣта Попечительства г. Адеркасъ ополчился на автора и счелъ возможнымъ заявить о «взлетѣ» (Aufschwung) образованія слѣпыхъ въ Россіи. Мы не приводимъ остальныхъ подробностей этой поучительной исторіи.

Резюмируя свое мнѣніе по поводу труда доктора Скребицкаго, мы должны сказать, что предпочли бы видѣть учебной матеріалъ выдѣленнымъ въ особую книгу вмѣстѣ съ описаніемъ западноевропейскихъ учрежденій для призрѣнія и воспитанія слѣпыхъ. Разсказъ же о «русскихъ дѣлахъ», при его несомнѣнномъ интересѣ, могъ также появиться самостоятельнымъ изданіемъ. При такихъ условіяхъ, полезная книга г. Скребицкаго сдѣлалась бы болѣе доступной широкой публикѣ и пріобрѣла бы практическое значеніе, которое теперь она едва-ли будетъ имѣть. *Ник. Іорданскій.*

Д-ръ Ф. М. Блюменталь. Объ амбулаторіяхъ для легочныхъ больныхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи и о значеніи ихъ въ дѣлѣ борьбы съ туберкулезомъ. С.-Петербургъ. 1902 г. (Оттискъ изъ газеты «Практическій Врачъ»). Общее признаніе того факта, что въ дѣлѣ борьбы съ туберкулезомъ, какъ съ народной болѣзнью, какъ съ большимъ соціальнымъ зломъ, однихъ врачебныхъ силъ и средствъ далеко недостаточно, что тутъ нужна совмѣстная работа и врачей, и общества—признаніе этого факта оправдываетъ появленіе въ общемъ журналѣ замѣтки по поводу такой повидимому спеціальной брошюры, какой является только впрочемъ, по заглавію брошюра д-ра Блюменталя, одного изъ лучшихъ у насъ знатоковъ того, что дѣлается въ Европѣ въ борьбѣ съ туберкулезомъ. Заслуга д-ра Блюменталя состоитъ въ томъ, что всѣ его сообщенія, брошюры, книжки и т. д. являются результатомъ личныхъ наблюденій, личнаго тщательнаго изученія дѣла на мѣстѣ.

Въ послѣдней своей работѣ д-ръ Блюменталь сообщаетъ о новомъ орудіи въ борьбѣ съ туберкулезомъ въ видѣ амбулаторій, которымъ, повидимому, предстоитъ большое будущее. Дѣло въ томъ, что наблюдавшееся до послѣдняго времени увлеченіе санаторіями начинаетъ какъ будто нѣсколько остывать, что уже замѣтно было на послѣдней международной конференціи въ Берлинѣ осенью прошлаго года. Противъ санаторій выставляется то, что онѣ дорого стоятъ и что врядъ ли получаемые результаты оправдываютъ большіе расходы на устройство и содержаніе санаторій. Такъ ли оно или нѣтъ—сказать трудно, такъ какъ статистика туберкулеза разработана всюду чрезвычайно слабо и мы не располагаемъ твердыми данными для сужденія о томъ, какъ прочно и продолжительно излеченіе въ томъ или другомъ случаѣ, при томъ или другомъ способѣ борьбы съ болѣзнью.

Какъ бы то ни было, теперь начинаютъ увлекаться амбулаторіями, которыя имѣютъ одно несомнѣнное преимущество предъ санаторіями: ихъ легче устраивать, устройство и содержаніе ихъ обходится сравнительно дешево, а польза, приносимая ими, повидимому, довольно значительна.

Въ Германіи, покрытой цѣлою сѣтью народныхъ санаторій, амбулаторіи, по выраженію проф. B. Fränkel'я, играютъ роль иррегулярныхъ войскъ, а санаторіи

представляютъ собою регулярную армію. Въ Германіи главной цѣлью амбулаторіи является возможно раннее распознаваніе заболѣванія и направленіе заболѣвшихъ въ санаторіи. Параллельно съ этой идетъ и другая цѣль амбулаторіи— воспитаніе чахоточнаго въ духѣ анти-туберкулезной профилактики.

Во Франціи, далеко отставшей отъ Германіи въ дѣлѣ развитія санаторій, горячимъ поборникомъ амбулаторій является проф. Calmette изъ Лиля, нашедшій многихъ послѣдователей и во Франціи, и въ Бельгіи, тоже небогатой санаторіями. По мысли Calmette'а, не надо ждать, пока одержимый чахоткой рабочій обратится къ врачу, а надо идти навстрѣчу къ нему и оказать ему помощь гораздо раньше, нежели онъ самъ почувствуетъ, что серьезно боленъ. Для практическаго осуществленія своего проекта Calmette создаетъ слѣдующій планъ: въ каждомъ городѣ устраивается необходимое число амбулаторій, дѣятельность которыхъ должна заключаться въ слѣдующемъ: во-первыхъ, въ томъ, чтобы вступать въ сношенія съ директорами фабрикъ и заводовъ, хозяевами и завѣдующими мастерскими и вообще со всѣми учрежденіями, въ которыхъ заняты рабочіе, во-вторыхъ чтобы при ихъ содѣйствіи освѣдомляться о подозрительныхъ въ отношеніи туберкулеза рабочихъ, привлекать ихъ въ амбулаторіи, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы поставить больного въ лучшія гигіеническія условія и предохранить отъ зароженія близкихъ ему лицъ, съ которыми онъ не желаетъ и не можетъ разстаться.

Организацію амбулаторій, по справедливому мнѣнію Calmette'а, должны взять на себя органы городского и общественнаго (земскаго) самоуправленія.

Такого рода амбулаторіи открываютъ широкое поприще для разумной общественной благотворительности, которая въ данномъ дѣлѣ можетъ проявиться крайне разнообразно: можно перемѣнить для больного плохую квартиру на лучшую, можно позаботиться объ улучшеніи его питанія, можно позаботиться о членахъ его семьи, входя съ ними въ болѣе тѣсное общеніе, изучая условія жизни городской бѣдноты. Нечего говорить о томъ, что вспомоществованіе это должно производиться въ крайне деликатной формѣ, причемъ всячески должны щадиться самолюбіе какъ самого больного, такъ и его близкихъ.

У насъ пока такихъ амбулаторій нѣтъ и открытіе ихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ было бы очень и очень желательно. *Врачъ В. И. Б—ъ.*

Н. Ф. Гамалѣя. Чума и крысы съ приложеніемъ наставленія къ истребленію крысъ. Одесса. 1902 г. Цѣна 50 коп. Съ тѣхъ поръ, какъ установлена почти съ несомнѣнностью связь между заболѣваніями чумой грызуновъ и людей, крысы стали интересовать и врачей, и публику, и не проходитъ почти дня по крайней мѣрѣ въ послѣднее, тревожное по чумѣ время, чтобы не предлагалось то или иное средство, та или иная ловушка для истребленія крысъ. Д-ръ Гамалѣя, стоявшій, между прочимъ, во главѣ дѣла крысоистребленія въ Одессѣ во время послѣдней вспышки чумной эпидеміи въ этомъ городѣ, въ своей брошюрѣ излагаетъ всѣ болѣе или менѣе вѣрные пріемы, предложенные до сихъ поръ для этой цѣли. Къ сожалѣнію, какъ извѣстно, произведенный въ Одессѣ большой опытъ массового истребленія крысъ бактеріальнымъ способомъ не увѣнчался блестящимъ успѣхомъ — слишкомъ невелико было число погибшихъ крысъ по сравненію съ затраченными на то силами и средствами. По личному опыту здѣсь, въ Петербургѣ, мы знаемъ, что борьба съ крысами чрезвычайно трудна, что, между прочимъ, объясняется большою хитростью, сообразительностью этихъ непріятныхъ животныхъ: стоитъ имъ только замѣтить, что нѣсколько ихъ сородичей въ данномъ мѣстѣ погибло, какъ они перекочевываютъ въ другое мѣсто и, во всякомъ случаѣ, стараются не попадаться на ту удочку, которая вызвала гибель ихъ менѣе осторожныхъ товарищей.

Единственное дѣйствительное средство для уменьшенія числа крысъ въ данномъ мѣстѣ это—уничтоженіе тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ жизнь ихъ удоб-

ной, и здѣсь на первомъ планѣ стоитъ соблюденіе строжайшей чистоты во всемъ обиходѣ, какъ въ помѣщеніяхъ для людей, такъ и во всякихъ амбарахъ, кладовыхъ, во дворахъ, на улицахъ и площадяхъ и т. д.

Само собой разумѣется, что при царящей у насъ повсюду грязи соблюденіе чистоты представляется очень труднымъ... Врачъ *В. И. Б—ъ.*

Левъ Мороховецъ, проф. московскаго университета. Исторія и соотношеніе медицинскихъ знаній. Съ 527 рисунками въ текстѣ и хромолитографской таблицею XVI+391. Ц. 2 р. 50 к. М. 1903 г. Съ трудомъ одолѣли мы эту большую книгу. И не потому, конечно, что предметъ ея былъ бы сухимъ и требующимъ напряженнаго вниманія; наоборотъ: исторія медицинскихъ знаній, связанная съ исторіей народовъ, измѣненіями въ ихъ бытѣ и вѣрованіяхъ, вытекающая изъ развитія философскихъ системъ и общихъ знаній, сама по себѣ завлекательно интересна, какъ и исторія мысли вообще. Но мало интересна та исторія, которая заключается въ рецензируемой нами книгѣ, загроможденной плохосвязанными одни съ другими именами и фактами, неудачно и въ плохой системѣ изложенными.

Книга раздѣлена на четыре главныхъ отдѣла: морфологія, феноменологія, врачеваніе, врачъ и общественное его положеніе; каждый изъ этихъ отдѣловъ подраздѣляется на нѣсколько еще, и почти въ каждомъ подотдѣлѣ начинается исторія сначала. И авторъ совершенно искусственно отдѣляетъ науки, вначалѣ совсѣмъ не отдѣлявшіяся одна отъ другой анатомію, гистологію, эмбріологію, физіологію, патологію, разрывая то, что было связано неразрывно. Обрывки ученій Гиппократа, Галена, Платона, да и другихъ болѣе новыхъ философовъ и медиковъ, когда знаніе уже спеціализировалось, разбросаны по всей книгѣ и это не даетъ возможности охватить воззрѣній главнѣйшихъ ученыхъ въ цѣломъ и прослѣдить эволюцію знанія, со всѣми тѣми муками, въ которыхъ родилась современная медицина. Принятая авторомъ система заставляетъ его, кромѣ того, повторяться.

Обильный фактическій матеріалъ изложенъ въ книгѣ такъ, что трудно выдѣлить главное отъ неважнаго и видѣть то мѣсто, которое занимаютъ въ исторіи различные крупнѣйшіе дѣятели и ихъ творческая мысль. Обо многомъ существенномъ упомянуто вскользь. Пирогову, напр., удѣлено всего на всего лишь двѣ, совершенно не исчерпывающія его значенія и заслугъ передъ наукою, строки (онъ «извѣстенъ не только своимъ искусствомъ и операціей на стопѣ, но и прекраснымъ атласомъ топографической анатоміи»). О Петтенкоферѣ сказано лишь, что онъ «отецъ современнаго намъ академическаго образованія», и больше ни слова. Такимъ образомъ, у автора не нашлось мѣста цѣлымъ теоріямъ и методамъ, которыми постепенно овладѣвала научная медицина. Многіе отдѣлы страдаютъ удивительной неполнотой. Почти ничего не сказано о развитіи общественной гигіены, имѣющей свою длинную исторію (взять хотя бы предписанія моисеева закона, забытыя г. Мороховцомъ); профессіональная гигіена вовсе обойдена, а она уже въ началѣ XVIII-го столѣтія имѣла своихъ представителей и обстоятельные трактаты; совсѣмъ мало говорится также о предупреждающихъ заболѣванія средствахъ и вовсе не выяснены ихъ принципы.

А между тѣмъ современному и несовременному шарлатанству отведено много страницъ и зачѣмъ то приведены портреты Каліостро, Кнейпа и тому подобныхъ обирателей невѣжественной публики. Сравнительно длинно также описаніе жизни, кутежей и дуэлей заграничнаго студенчества. Значительную часть книги, въ ущербъ ея научной сторонѣ занимаетъ фразистое и безсодержательное многословіе постоянныхъ разсужденій автора, только утомляющихъ читателя, но ничего ему не дающихъ. Вообще, изложена книга удивительно витіевато. Вотъ одинъ изъ образцовъ ея напряженнаго пафоса (приводимыя строки имѣютъ въ виду враждебное отношеніе общества къ врачамъ): «Но гдѣ та

мощная труба, которая протрубила бы общій отбой? Гдѣ тотъ мощный голосъ, который могъ бы остановить братоубійственную войну: «Стой! Смирно! Подъ знамена! Подъ знамена вашихъ лучшихъ упованій! Подайте другъ другу руку, въ единомысліи рѣшайте вопросъ, «какъ быть» и на томъ «цѣлуйте крестъ». Для своихъ напыщенныхъ образовъ г. Мороховецъ не оставляетъ въ покоѣ и художественную литературу, отъ которой онъ, повидимому, слишкомъ далекъ. Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи, устанавливая то положеніе, что болѣзни познаются по сравненію съ здоровымъ состояніемъ, онъ говоритъ: «Если и признавалъ Гоголь за болѣзненное явленіе шишку у тунисскаго бея, то только потому, что по штату не полагается быть таковой на носу у здороваго человѣка» (стр. 102). Какъ удивился бы Гоголь, если бы узналъ, какое употребленіе сдѣлано изъ заключительнаго возгласа сумасшедшаго Поприщина («А знаете ли, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка»). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 288) авторъ, не смущаясь, пишетъ: «2-го мая 1453 года грянулъ громъ турецкаго нашествія и погибла греческая культура (и тутъ, конечно, неправда: греческая культура погибла, т.-е. изжила самое себя, много раньше; но не въ этомъ дѣло. В. Х—овъ), крикнувъ въ предсмертной агоніи западу, *какъ (!?) старый Бульба* «слышишь, сыну!..» «слышу, батько», отдалось далекое эхо только что народившихся, едва брезжущихъ свѣточей западной науки и знанія...» Такъ перевираетъ г. Мороховецъ стонъ *Остапа* въ рукахъ палачей: «батько! Гдѣ ты! Слышишь ли все это», и отвѣтъ *Тараса* «слышу»...

Да и вообще въ разсматриваемой исторіи медицинскихъ знаній можно много найти мѣстъ, рискованныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. На стр. 57 мы узнаемъ, что у насъ «геніевъ оказывается слишкомъ много, они остаются не у дѣлъ». Но стр. 170 сказано, что фагоциты «грызли» слоновыя клинья... На стр. 367 сообщается, что врачъ Кене основалъ «школу экономистовъ *или* (!) физіократовъ». Разница между Платономъ и Аристотолемъ, по мнѣнію автора, «лишь относительнаго, такъ сказать, количественнаго характера, но не качественнаго» (стр. 43). Далѣе, витализмъ на стр. 86 совершенно незаконно сопоставляется съ христіанствомъ: «Почему мы должны отдавать преимущество бреднямъ виталистовъ передъ христіанскимъ ученіемъ? Тамъ безграничная фантазія, придумывающая какія угодно положенія ad hoc, драпируясь притомъ въ ученую тогу, а когда нужно и матерію готова превратить въ духъ, здѣсь же опредѣленные догматы, удерживаемые въ опредѣленныхъ предѣлахъ глубокою вѣрою, легко и съ лихвою прикрывающіе всѣ объясненія виталистовъ. Подъ ученой тогой виталистовъ сплошь и рядомъ скрывается, прячется христіанинъ...» И т. д.

Послѣднія 100 страницъ книги трактуютъ о врачѣ и его общественномъ положеніи. Но напрасно было бы искать тамъ какихъ бы то ни было отвѣтовъ на больные вопросы современности. На страницахъ этихъ авторъ, главнымъ образомъ, морализируетъ, наполняя ихъ фразистой неправдой. Напримѣръ, онъ увѣряетъ насъ, что никто изъ поступающихъ на медицинскій факультетъ не смотритъ на избранный путь, какъ на орудіе наживы. «Ели бы даже, говоритъ онъ,—кто изъ студентовъ и пошелъ на медицину ради будущихъ матеріальныхъ выгодъ, то въ круговоротѣ университетской жизни, въ томъ непрерывномъ праздникѣ науки, гдѣ мысль на каждомъ шагу поражается успѣхами знаній въ лучшихъ толкованіяхъ, въ примѣненіи къ страданіямъ человѣчества, гдѣ все посвящено благоденствію человѣчества, гдѣ и больные служатъ своею болѣзнью общему благу, гдѣ все и всѣ имѣютъ задачей служить человѣчеству, тамъ нѣтъ мѣста матеріальнымъ соображеніямъ, а если таковыя и возникаютъ, то они быстро гибнутъ въ самомъ корнѣ» (стр. 373). Однимъ словомъ нѣтъ болѣе зла благодаря безупречнымъ въ своей хрустальной чистотѣ университетамъ! О томъ, что «все и всѣ» въ университетахъ безконечно добродѣтельны, авторъ

не забываетъ, но о вліяніи ихъ черезъ нѣсколько страницъ совсѣмъ уже не такъ сладко поетъ: «Наши университеты не могутъ потушить еще не только тьму недостатковъ въ каждомъ изъ насъ, такъ легко подавляющую и закрывающую все доброе, что мы не только по окончаніи университета «возвращаемся въ первобытное состояніе», т.—е. въ то, въ которомъ состояли до университета, но даже въ университетѣ, къ крайнему прискорбію, иногда отдаемся во власть пороковъ и даже преступленій» (стр. 276). Послѣ увѣренія на стр. 273 въ чистотѣ помысловъ студенчества авторъ изображаетъ ощущенія окончившаго студента, который, «какъ послѣ волшебнаго сна», глядитъ на себя и «отчаяно кричитъ». «Да я тотъ, что и всѣ вокругъ меня, да я тотъ, что и былъ до университета... Не сонъ ли? Сонъ чудный! Нѣтъ, не сонъ!.. Вотъ у меня дипломъ, вотъ и знаніе со мною, но гдѣ та дивно чудная мечта, о которой восторженно я пѣлъ подъ пѣсенку almae matris». (Стр. 374). Но довольно уже многословнаго пустословія автора, пора кончать съ его книгой.

Представляя изъ себя плохой учебникъ для студентовъ, она тѣмъ болѣе не можетъ считаться подходящимъ изданіемъ для широкой публики. А жаль. Популярная исторія медицины, изложенная вдумчиво и научно, дѣйствительно воспроизводящая послѣдовательное развитіе медицинскихъ знаній, могла бы сдѣлать большое дѣло, во первыхъ, содѣйствуя исчезанію тѣхъ невѣжественныхъ представленій, которыя приводятъ публику къ кнейповскому леченію, гомеопатіи, электрогальваническимъ поясамъ и тому подобной ерундѣ, и, во-вторыхъ, способствуя установленію у общества правильнаго взгляда на врача и пониманію тѣхъ предѣловъ, въ какихъ можно предъявлять къ послѣднему требованія.

Отмѣтимъ въ заключеніе то цѣнное, что имѣется въ книгѣ г. Мороховца. Это обиліе рисунковъ, довольно хорошо иллюстрирующихъ исторію медицины. Но и опять-таки среди нихъ много лишняго, напримѣръ, на той страницѣ (349), гдѣ авторъ взываетъ къ цѣломудрію студенчества, помѣщенъ рисунокъ (самъ по себѣ хорошій), изображающій Іосифа, соблазнямеаго женою Пентефрія. Быть можетъ, онъ и поучителенъ для студентовъ, но какое же отношеніе все это имѣетъ къ «исторіи медицины и соотношенію медицинскихъ знаній?..»

Врачъ *В. Х—овъ*.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го января до 15-го февраля.

Соловьевъ-Несмѣловъ. Среди людей. Оч. и и разск. Т. I. Спб. Изд. Сойкина. Ц. 1 р.
То же, т. II.
А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.
П. Д. Боборыкинъ. Вѣчный городъ. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.
В. Сѣрошевскій. Въ сѣтяхъ. Мск. «Книжное Дѣло». 1903 г. Ц. 80 к.
Элиза Ожешко. Т. XII. Нѣсколько словъ о женщинахъ. Кіевъ. Изд. «Фукса». Ц. за 12 т. 5 руб.
Т. Осадчій. На службѣ обществу. Мск. «Книжное Дѣло». 1902 г. Ц. 75 к.
Луве де-Куврэ. Любовныя похожденія кавалера Фобласа. Спб. 1903 г.
Ѳ. Ѳ. Тютчевъ. Бѣглецъ. Спб. Сойкина. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
В. Короленко. Безъ языка. Спб. «Русское Богатство». 1903 г. Ц. 75 к.
А. Заринъ. Спиритъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.
А. Измайловъ. Рыбье слово. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.
А. Сизова. Ярче свѣтъ—мрачнѣе тѣни. «Б-ка Дѣтскаго Чтенія». Ц. 30 к.
Л. Андреевъ. Баргамотъ и Гараська. Мск. Б-ка «Народнаго Блага». 1903 г. Ц. 5 к.
О. Уальдъ. Баллада Ридингской тюрьмы. Спб. 1903 г. Ц. 30 к.
Г. Барманъ. Апостолъ. Драма. Мск. 1903 г. Ц. 75 к.
М. Метерлинкъ. Монна Ванна. Пьеса въ 3 дѣйств. Мск. Скирмунтъ. 1903 г. Ц. 30 к.
В. Дегтяревъ. Пѣсни юности. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.
Бенедиктъ. На жизненномъ базарѣ. Юмор. стихотв. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.
Ив. Бунинъ. Стихотворенія. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 1 р.
Его же. Разсказы. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 1 р.
Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Спб. «Знаніе». Ц. 1 р.
Н. Телешовъ. Разсказы. Т. I. «Знаніе». Спб. 1903 г. Ц. 1 р.
А. Купринъ. Разсказы. Т. I. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 1 р.
С. Юшкевичъ. Разсказы. Т. I. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 1 р.
Л. Андреевъ. Разсказы. Т. I. Спб. «Знаніе». Ц. 1 р.
А. Серафимовичъ. Разсказы. Т. I. Спб. «Знаніе». Ц. 1 р.
М. Горькій. На днѣ. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 60 к.
Его же. Разсказы. Т. I, II, III, IV и V. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. кажд. тома 1 р.
Е. Чириковъ. Пьесы. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 60 к.
Его же. Разсказы. Т. I, II и III. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. кажд. тома 1 р.
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Съ иллюстр. перев. И. Бунина. Спб. 1903 г. «Знаніе». Ц. 2 р.
Шелли. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д Бальмонта. Т. I. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 2 р.
Символистъ. Басни. Мск. «Трудъ». 1903 г. Ц. 60 к.
Н. Лейкинъ. Конецъ пришелъ. Спб. 1903 г. Ц. р. 50 к.
И. Стешенко. Степови мотивы. Кіевъ. 1902 г. Ц. 30 к.
Современные армянскіе поэты. Подъ ред. Л. Уманца и Ар. Дервишъ. Моск. 1903 г. Ц. 1 р.
А. Никитинъ. «Прощенный демонъ» и друг. стихотвор. Мск. 1903 г. Ц. 50 к.
С. Гинцбургъ. Басни. Вит. 1903 г. Ц. 20 к.
Ив. Бунинъ. Стихотворенія. Т. II. Спб. «Знаніе». 1903 г. Ц. 1 р.
Е. Свѣшникова. Кузьма Мининъ. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 9 к.
Ф. Смородскій. Новые мотивы. Стихотв. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.
М. Твэнъ. Приключенія Тома. Спб. «Всходы» 1902 г.
К. Фламмаріонъ. Маленькая астрономія. Спб. Изд. Лавровой и Поповой. 1902 г.
А. Федоровъ-Давыдовъ. Маленькія героини. Разск. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 40 к.
Его же. Чернушкина доля. Шуточн. поэма. Мск. Лидертъ. 1903 г. Ц. 60 к.
Бр. Гриммъ. Сказки и легенды. Спб. О. Н. Поповой. 1903 г. Ц. 80 к.
А. Федоровъ - Давыдовъ. Адъютантъ безъ мясца. Мск. 1903 г. Ц. 60 к.
Э. Демольдеръ. Сердце бѣдныхъ. «Б-ка для дѣтей и юношества» Горбунова-Посадова. Мск. 1903 г. Ц. 60 к.
Е. Свѣшникова. Любимая книга. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 3 к.
В. П. Острогорскій. Наталья Борисовна Долгорукая. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 6 к.
А. Сизова. Мать русскаго богатыря. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 25 к.
Ив. Ивановъ. Разсказы о старинѣ. Культ.-ист. очерки. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 25 к.
А. А. Федоровъ - Давыдовъ. Грозный царь

Иванъ Васильевичъ. Мск. «Дѣтское Чтеніе». 1903 г. Ц. 30 к.

М. Лацарусъ. Этика юдаизма. Одс. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Основныя начала христіанск. воспитанія. Сост. В. Д. Харьк. 1902 г. Ц. 90 к.

Н. Рубакинъ. Знаменитые русскіе работники. Кн. I. Симфероп. «Синани». 1903 г. Ц. 18 к.

М. Москаль. Два пути къ счастью—христіанство и соціализмъ. Мск. Карбасникова. 1903 г. Ц. 25 к.

Д-ръ Н. Шиповъ. О материнскомъ инстинктѣ. Смол. 1903 г. Ц. 90 к.

Н. Карѣевъ. Главныя обобщенія всемірной исторіи. пос. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

Н. Новомбергскій. По Сибири. Сборн. статей. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Файгингеръ. Ницше, какъ философъ. Мск. Скирмунтъ. 1903 г. Ц. 30 к.

В. Ермиловъ. Завѣты Бѣлинскаго молодому поколѣнію. Мск. 1903 г. Ц. 15 к.

Р. Эйслеръ. Основныя положенія теоріи познанія. Кіевъ. 1902 г. Ц. 50 к.

М. Князева. Природа. Мск. С. Курнинъ. 1903 г. Ц. 35 к.

Л. Богдановичъ. 5 лѣтъ въ гостяхъ у Джонъ-Буля. Т. I. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.

Эр. Роттердамскій. Похвала глупости. Юрьевъ. 1903 г. Ц. 1 р.

Т. Лубенцъ. Педагогическія бесѣды. Спб. Луковникова. 1903 г. Ц. 1 р.

В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Т. I. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

Н. Тарасовъ и С. Моравскій. Культурно-историч. картины изъ жизни Западн. Европы IV—XVIII вв. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Волжскій. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

И. Стешенко. Ив. Петр. Котляревскій. Кіевъ. 1902 г. Ц. 30 к.

Анри Мишель. Идея государства. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гр. де-Волланъ. Въ странѣ восходящаго солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. Спб. 1903 г.

Д. Янчевецкій. У стѣнъ недвижнаго Китая. Спб. 1903 г. Ц. 8 р.

Е. Марковъ. Очерки Крыма. Спб. М. Вольфъ. 1903 г. Изд. 3-е. Ц. 5 р.

В. Азанчевскій. Опытъ рѣшенія проблемы о произвольномъ вліяніи на полъ потомства. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

С. Ковнеръ. Систематизація употр. ариом. задачъ. Лодзь. 1902 г. Ц. 60 к.

Гельмгольцъ. Два изслѣдованія по гидродинамикѣ. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.

Е. Варбургъ. О кинетической теоріи газовъ. Мск. 1903 г. Ц. 15 к.

Van't Hoff. Химическое равновѣсіе. Мск 1902 г.

А. Slaby. Беспроволочный телеграфъ. Мск. 1902 г.

П. Безобразова. О среднемъ и высшемъ образованіи. Мск. 1903 г. Ц. 40 к.

А. Яблоневъ. Воздухоплаваніе. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

П. Первовъ. Жители крайняго сѣвера. Мск. 1903 г. Ц. 15 к.

Н. Комаровъ. Графическая грамотность. Спб. 1902 г. Ц. 30 к.

Л. Богдановичъ. Борьба съ торговлей женщинами. Мск. 1903 г. Ц. 50 к.

I. Литинскій. Петербургскія болѣзни. 1) Малокровіе и блѣдная немочь. Ц. 25 к. 2) Современная «чума» — чахотка. Ц. 40 к. 3) «Болѣзнь вѣка» — неврастенія. Ц. 30 к. Спб. 1903 г.

Э. Лависсъ. Основные моменты политич. исторіи Европы. Мск 1903 г.

М. Покровская. По подваламъ, чердакамъ и и угловымъ квартирамъ Петербуга. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

То же. О жертвахъ общественнаго темперамента. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Г. Эрастовъ. Искусство чтенія. Спб. Митюрникова. 1903 г. Ц. 1 р.

В. Молчанскій. Больной вопросъ. Кіевъ. 1903 г. Ц. 20 к.

Владиміръ-Красное Солнышко. Спб. Митюрникова. 1903 г.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Вып. X. Мск. П. Юргенсонъ. 1903 г.

М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. III. Мск. П. Юргенсона.

Статистическія таблицы и личные списки по Импер. юрьевскому университету. 1802—1901 г.

Е. Пѣтуховъ. Императорскій юрьевскій университетъ за 100 лѣтъ его существованія.

Иллюстрированный Сіонистскій альманахъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Біографическій словарь професс. и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго Университета. Т. I. Подъ ред. Левицкаго. Юрьевъ. 1902 г.

Крестьянскіе промыслы Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губ. Вып. I. Петроз. 1902 г.

Н. Харузинъ. Этнографія. Спб. 1903 г. Ц. I и II вып. 2 р.

Кустарные промыслы крестьянъ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губ. Петрозав. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

В. Романовскій. Очерки изъ Грузіи. Тифл. 1902 г. Ц. 3 р.

А. Скворцовъ. Основы экономики земледѣлія. Ч. II. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Международный конгрессъ по рыболовству и рыбоводству. 1902 г. Въ С.-Петербургѣ.

Н. Дружининъ. Какая нужна намъ средняя школа? 1903 г. Яросл. Ц. 35 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«A Child Mind» by R. H. Bretherton (*Iohn Lane*) *Price*: *3 s. 6 d.* (*Душа ребенка*). Интересная и оригинальная книга, въ особенности полезная для родителей и воспитателей, такъ какъ она даетъ имъ возможность проникнуть въ тайны души ребенка. (Athaeneum).

«Das Verbrechen und seine Bekämpfung». Kriminalpsychologie für Mediciner, Juristen und Sociologen von Professor D-r G. Aschaffenburg. Heidelberg (*Karl Winter*). (*Преступленіе и борьба съ нимъ*). Авторъ этой книги—старшій врачъ отдѣленія для наблюденія за психически больными преступниками, собралъ и обработалъ огромный матеріалъ, относящійся къ соціальнымъ и индивидуальнымъ причинамъ преступленій. Онъ подвергаетъ подробному анализу вліяніе временъ года, расы, религіи, соціальнаго положенія, народныхъ обычаевъ, суевѣрія, спиртныхъ напитковъ, азартныхъ игръ и т. д. на развитіе преступленій. Къ индивидуальнымъ причинамъ преступленій онъ причисляетъ происхожденіе, воспитаніе, образованіе, возрастъ, полъ и т. д. Анализируя эти причины, авторъ говоритъ, что вліяніе образованія на такъ называемую преступность до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснено. Авторъ подвергаетъ критикѣ существующую уголовную систему и говоритъ о необходимости реформы уголовнаго законодательства.

(Berliner Tageblatt).

«Vorgeschichte des Rechts — prähistorisches Recht» von Paul Wilutzki. I Band. Mann und Weib, die Eheverfassungen. Breslau (*Eduard Trewendt*). (*Первобытная исторія права — доисторическое право*). Обладающій большою эрудиціей, авторъ изслѣдуетъ происхожденіе права, первые зачатки котораго зародились въ тяжелой и ожесточенной борьбѣ, ознаменовавшей ранніе періоды существованія человѣчества. Въ этой первой части своего труда авторъ говоритъ о происхожденіи брака и брачномъ правѣ, поліандріи и полигаміи и материнскомъ правѣ. Несмотря на строго научный характеръ своихъ изслѣдованій, авторъ такъ излагаетъ свой предметъ, что онъ становится доступнымъ большому кругу образованныхъ читателей.

(Kölnische Zeitung).

«The Forests of Upper India and their inhabitants» by Thomas W. Webber (*Edward Arnold*). (*Лѣса верхней Индіи и ихъ обитатели*). Очень интересное описаніе красотъ и разнообразія лѣсовъ, покрывающихъ склоны Гималаевъ, и дикихъ обитателей, населяющихъ ихъ. Авторъ разсказываетъ свои охотничьи похожденія и приключенія въ этихъ лѣсахъ и увлекаетъ читателя своими художественными картинами природы Индіи.

(Nature).

«Nietzsche et l'Immoralisme» par Alfred Fouillée (*Librairie Alcan*) *5 fr.* (*Ницше и безнравственность*). Въ этомъ новомъ трудѣ извѣстный французскій писатель изслѣдуетъ современное философское движеніе и въ особенности тѣ его стороны, которыя стремятся поколебать основы традиціонной нровственности.

(Journal des Débats).

«André Chenier» par E. Faguet. Paris (*Librairie Hachette*). (*Андре Шенье*). Очень интересно и живо написанная біографія французскаго поэта Андре Шенье, который умеръ 28 лѣтъ на эшафотѣ во время революціи. Авторъ этой біографіи, хорошо извѣстный французскій критикъ и публицистъ, яркими чертами изобразилъ трагическую судьбу молодого поэта, талантъ котораго обѣщалъ влить новую свѣтлую струю во французскую лирическую поэзію. Но молодой поэтъ и самъ не сознавалъ силы своего таланта, такъ какъ онъ почти ничего не печаталъ и только черезъ 25 лѣтъ послѣ его смерти были изданы его стихотворенія и, такъ сказать, «былъ открытъ его талантъ». Очень хороши и полны драматическаго интереса тѣ главы его біографіи, въ которыхъ авторъ разсказываетъ о послѣднихъ дняхъ жизни поэта.

(Journal des Débats).

«The Story of the Mormons» by William Alexander Linn (*Macmillan*). *Price*: *17 s.* (*Исторія мормоновъ*). Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ поставилъ себѣ цѣлью написать безпристрастную, основанную лишь на фактахъ и послѣдовательную исторію мормоновъ, начиная отъ перваго ихъ появленія до настоящаго времени. Надо отдать справедливость автору, что онъ хорошо справился

со своею задачей, и передъ читателями дѣйствительно, возникаетъ чрезвычайно яркая и опредѣленная картина той трагикомедіи, которую описываетъ авторъ, и главныхъ ея актеровъ.

(Times).

«Henrik Ibsen» von Rudolph Solthar. Leipzig (*Seemann*). (*Генрихъ Ибсенъ*). Трудная задача, которую поставилъ себѣ авторъ— изобразить жизнь великаго норвежскаго писателя и помочь читателю разобраться въ его произведеніяхъ, разрѣшена имъ блестящимъ образомъ. Въ своемъ разборѣ произведеній Ибсена авторъ указываетъ на тѣсную духовную связь, существующую между ними, и его оригинальнымъ отношеніемъ къ жизни и искусству.

(Frankfurt. Zeitung).

«Development and Evolution» Including Psychophysical Evolution, Evolution by Orthoplasy and the Theory of Genetic Modes, by Tames Mark Baldwin. London (*Macmillan*). (*Развитіе и эволюція*). Теорія «органическаго подбора» составляетъ главный предметъ этого научнаго изслѣдованія, представляющаго попытку, примирить между собою двѣ противоположныя теоріи: наслѣдственности и эволюціи, раздѣлившія ученыхъ біологовъ на два лагеря. Врядъ ли, однако, цѣль эта достигнута авторомъ, но и помимо этого книга его представляетъ большой научный интересъ.

(Times).

«The Rise of Religions Liberty in America» by Sanford H. Cobb (*Macmillan*). *17 s.* (*Возникновеніе религіозной свободы въ Америкѣ*). Книга, по существу, распадается на двѣ части. Въ первой авторъ излагаетъ исторію религіозныхъ учрежденій англо-американскихъ колоній до и послѣ объявленія независимости и въ особенности останавливается на отношеніяхъ различныхъ правительствъ штатовъ къ религіознымъ вопросамъ. Вторую часть авторъ посвящаетъ соціальной и политической философіи и высказываетъ свои взгляды на отношенія различныхъ общинъ и сектъ къ религіи.

(Times).

«The true History of American Revolution» by Sydney George Fisher (*Lippincott*) *10 s. 6 d.* (*Истинная исторія американской революціи*). Эта исторія, написанная американцемъ, изображаетъ американскую революцію въ совершенно новомъ свѣтѣ и реабилитируетъ Англію, которая, по словамъ автора, выказывала терпѣніе, уступчивость и снисходительность по отношенію къ колоніямъ. Революція, однако, явилась непосредственнымъ результатомъ продолжительнаго и свободнаго роста колоній; она была подготовлена меньшинствомъ, но приведена въ исполненіе, главнымъ образомъ, буйною толпой. Авторъ постоянно ссылается на оригинальные документы и источники, изъ которыхъ онъ черпаетъ свѣдѣнія объ американской революціи. Онъ сообщаетъ малоизвѣстные факты и хотя съ комментаріями его можно не соглашаться, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать оригинальности его взглядовъ и выводовъ.

(Daily News).

«Am 19 Jahrhunderts Neige in Japan, China und Java» von Globetrott. Zwei Bände. Braunschweig (*George Westermann*). (*Въ Японіи, Китаѣ и Явѣ въ концѣ XIX-го вѣка*). Несмотря на то, что послѣ китайскихъ событій число литературныхъ произведеній, относящихся къ востоку Азіи, все возрастаетъ, вышеназванная книга, вслѣдствіе своей оригинальности и занимательности, должна все-таки обратить на себя вниманіе читателей. Авторъ называетъ себя туристомъ и въ качествѣ туриста онъ разсказываетъ лишь то, что видѣлъ, и передаетъ свои личныя впечатлѣнія. Но именно простота и непосредственность его разсказа составляютъ главную привлекательность его книги, такъ какъ читатель невольно увлекается его описаніями и переносится въ новый, чуждый ему, міръ, переживая вмѣстѣ съ разсказчикомъ то, что тому пришлось пережить во время его странствованій по азіатскому востоку.

(Frankfurt. Zeitung).

«Die Genesis unserer Kultur» von Stephan v. Czobel. Leipzig (*Lotus Verlag*). (*Генезисъ нашей культуры*). Въ первой части этой книги авторъ говоритъ о развитіи религіозныхъ понятій, какъ основы прогрессивной религіи. Авторъ разсматриваетъ религіозныя понятія, также какъ и соціальныя условія, съ точки зрѣнія общихъ законовъ развитія, стараясь найти доказательства, что тѣ же самые психологическіе законы, которые вызываютъ развитіе формъ внутренней культуры, религіи и искусства, автоматически производятъ также и всѣ внѣшнія формы культурной жизни, а именно: политическія и соціальныя условія. Вторую часть своего крайне интереснаго и цѣннаго изслѣдованія въ области исторіи нашей культуры, авторъ посвящаетъ изученію развитія соціальныхъ условій и высказываетъ при этомъ свои соціально-политическіе взгляды.

(Neue Freie Presse).

«Bettina von Arnim und Friedrich-Wilhelm IV» von Ludwig Geiger Frankfurt(*Rütten und Loning*) (*Беттина фонъ-Арнимъ и Фридрихъ-Вильгельмъ IV*). Названная книга заключаетъ въ себѣ много интереснаго и новаго матеріала, бросающаго любопытный свѣтъ на отношенія, существовавшія между Беттиной Арнимъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, личность котораго, въ такомъ освѣщеніи, становится болѣе понятной и болѣе симпатичной. Авторъ

книги, проводя параллель между Беттиной и королемъ, говоритъ, что Беттина обладала почти мужскимъ характеромъ и рѣшительностью, тогда какъ король представлялъ прямую противоположность, и въ характерѣ его преобладали чисто женскія черты. Онъ все болѣе и болѣе замыкался въ узкомъ кругѣ предразсудковъ своего сословія, тогда какъ она становилась все свободнѣе и независимѣе и все болѣе проникалась демократическими воззрѣніями, являясь заступницей бѣдныхъ и угнетенныхъ. Личность Беттины и эпоха, которую описываетъ авторъ, настолько интересны, что, безъ сомнѣнія, каждый читатель, взявшій эту книгу, не положитъ ее на мѣсто, пока не прочтетъ до конца.
(Berliner Tageblatt).

«Weltgeschichte seit des Völkerwanderung» von Th. Lindner. Stuttgart. Berlin. (Cottasche Buchhandlung) (*Міровая исторія со времени переселенія народовъ*). Вышелъ второй томъ этого обширнаго труда, который будетъ состоять изъ девяти томовъ. Авторъ довелъ его до паденія исламитской и византійской культуры и образованія европейскихъ государствъ. Онъ стремится объединить отдѣльные факты міровой исторіи и представить общую картину историческаго развитія, охватывающую все пространство отъ крайняго азіатскаго востока до западныхъ границъ Европы и отъ скандинавскаго сѣвера до знойныхъ степей Средней Азіи.
(Frankfurter Zeitung).

«My life in two Hemispheres» by Sir Charles Gavaon Duffy. Two Volumes (Ficher Unwin). Price: 7 s. (*Моя жизнь въ двухъ полушаріяхъ*). Это новое популярное изданіе автобіографіи выдающагося ирландскаго журналиста, который былъ членомъ «молодой Ирландіи» и бунтовщикомъ на своей родинѣ, но, переселившись въ Австралію, сдѣлался выдающимся государственнымъ дѣятелемъ, представляетъ очень интересную главу изъ исторіи ирландскаго движенія. «Это было національное движеніе чистѣйшаго типа», говоритъ авторъ. Католики и протестанты соединились вмѣстѣ въ борьбѣ за свободу, но результатъ оказался печальный: неудавшееся возмущеніе и судъ. Обманутый въ своихъ лучшихъ надеждахъ, авторъ покинулъ свою несчастную родину, которой онъ не могъ служить такъ, какъ бы этого хотѣлъ. Но въ Австраліи онъ нашелъ вторую родину, которой и посвятилъ всѣ свои силы. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ идеи австрійской федераціи.
(Daily News).

«True Tales of Mountain Adventure» by M-r Aubrey Le Blond (T. Fisher Unvin). 10 s. 4 d. (*Правдивые разсказы о приключеніяхъ въ горахъ*). Очень занимательная книга, въ особенности для тѣхъ, кто мечтаетъ о странствованіяхъ по ледникамъ и горамъ. Авторъ описываетъ образованіе и движеніе глетчеровъ и лавинъ, опустошенія, которыя производятъ эти послѣднія на своемъ пути, и разсказываетъ исторію знаменитыхъ альпійскихъ проводниковъ, чудесные случаи спасенія и т. д., а также исторію нѣсколькихъ замѣчательныхъ восхожденій.
(Daily News).

«History in Biography» by H. L. Powell. With Illustrations (A. C. Black) (*Исторія въ біографіяхъ*). Это четвертый выпускъ изданія, имѣющаго цѣлью представить исторію въ видѣ цѣлаго ряда біографій выдающихся мужчинъ и женщинъ. Авторъ обнаруживаетъ большую эрудицію и умѣнье распорядиться огромнымъ матеріаломъ, который у него находился въ рукахъ.
(Bookseller).

«Heroines of Daily Life» by Frank Mundell (Sunday School Union). (*Героини повседневной жизни*). Дешевое, популярное изданіе, доказывающее, что въ обыденной жизни и обстановкѣ героизмъ проявляется иногда съ не меньшею силой, чѣмъ въ критическіе моменты, когда даже обыкновенный человѣкъ становится героемъ. Но герои и героини обыденной жизни незамѣтны и только присмотрѣвшись къ ихъ жизни, можно бываетъ убѣдиться въ томъ, что они часто совершаютъ настоящіе подвиги.
(Daily News).

«Heroines of Travel» by Frank Mundell (Sunday School Union) (*Героини путешествій*). Интересная книга, описывающая подвиги женщинъ путешественницъ въ разныхъ частяхъ свѣта.
(Daily News).

«Human Evolution» by G. Rome Hall (Swan Sonnenschein). Price: 7 s. 6 d. (*Человѣческая эволюція*). Эта книга представляетъ попытку разрѣшить нѣкоторые изъ самыхъ жгучихъ современныхъ вопросовъ и изобразить эволюцію соціализма на научныхъ основаніяхъ. Авторъ хорошо справился со своею задачей.
(Daily News).

«The Village Problem» by G. F. Millin. Social Science Series (Swan Sonnenschein). Price: 2 s. 6 d. (*Проблема деревни*). Авторъ изучаетъ причины обезлюдѣнія деревней и стремленія сельскаго населенія переселяться въ городъ. Онъ говоритъ о попыткахъ возстановить прежнюю деревенскую жизнь и изслѣдуетъ причины, вызвавшія неудачу этихъ попытокъ, также какъ и многихъ экономическихъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью спасеніе деревни.
(Daily News).

ПИСЬМО ГЕОРГА БРАНДЕСА.

(по поводу статьи д-ра Жбанкова).

Сообщила **В. Спасская.**

Въ редакцію было доставлено г-жою В. Спасской нижеслѣдующее письмо Георга Брандеса въ отвѣтъ на приписанное ему мнѣніе о бракѣ, какъ «законномъ страхованіи для непрерывнаго полового наслажденія», которое приведено д-ромъ Жбанковымъ въ статьѣ «О врачахъ» (см. «Міръ Божій» 1902 г., № 6) со ссылкой на журналъ «Врачъ» 1899 г., № 12. Въ свою очередь во «Врачѣ» сдѣлана ссылка на книгу Нордау и на отзывъ д-ра Böing'а о взглядахъ Брандеса. Оказывается, что они переданы ошибочно. Вотъ что пишетъ извѣстный датскій критикъ, публицистъ и общественный дѣятель, г-жѣ В. Спасской въ отвѣтъ на сдѣланный ему запросъ:

«Я никогда не слыхалъ имени *Böing* и не знаю, кто это такой. Но само собою разумѣется, что я никогда не говорилъ и не писалъ *ни одной строки* изъ тѣхъ глупыхъ и гнусныхъ росказней, которыя изъ меня «цитируютъ». Онѣ взяты изъ книги Нордау «Вырожденіе» («Entartung»), гдѣ онъ разсказываетъ обо мнѣ эту ложь.

«*Можетъ быть*, началомъ этому послужило слѣдующее: когда-то, кажется въ 1885 г., когда на меня напали за то, что въ статьѣ объ Арне Гарборгѣ я высказалъ сожалѣніе по поводу аскетизма, въ которомъ заставляютъ жить незамужнихъ женщинъ высшихъ сословій, я отвѣтилъ маленькимъ изображеніемъ точки зрѣнія *Лютера* на бракъ и безбрачіе и показалъ, какого низменнаго взгляда на бракъ держался *Лютеръ*. Чтобъ я сам раздѣлялъ этотъ взглядъ, я, сочиненія котораго были всегда исполнены сильнѣйшаго идеализма въ воззрѣніи какъ на половыя отношенія, такъ и на всѣ другіе вопросы,—это такъ нелѣпо, что не заслуживаетъ обсужденія».

Не наше дѣло входить въ разборъ, почему и какъ Нордау счелъ возможнымъ приписать Георгу Брандесу взгляды, которыхъ онъ, повидимому, не только никогда самъ не высказывалъ, какъ онъ это категорически заявляетъ, но и не сочувствуетъ имъ: ограничиваемся помѣщеніемъ настоящаго разъясненія въ виду того, что д-ръ Жбанковъ, также какъ и сотрудникъ «Врача», какъ многіе другіе, читавшіе книгу Нордау, введены въ заблужденіе ошибочными свѣдѣніями, сообщаемыми нѣмецкимъ писателемъ, пріобрѣтшимъ не по заслугамъ шумную извѣстность.

Въ дополненіе къ сказанному считаемъ умѣстнымъ лишь привести, по указанію г-жи Спасской, слѣдующее мѣсто изъ инкриминируемой статьи Брандеса объ Арне Гарборгѣ: «Не велико искусство требовать цѣломудрія,—писалъ Брандесъ.—Не изъ любви къ пороку качаютъ на это головой зрѣлые люди, а потому, что они знаютъ, что шаткая добродѣтель всегда во много разъ естественнѣй и здоровѣй неестественнаго порока, а при настоящемъ уровнѣ развитія человѣчества приходится обыкновенно выбирать или то, или другое. Пусть воспитаніе, путемъ незамаскированнаго изображенія половыхъ отношеній, сдѣлаетъ свое, чтобъ удержать инстинкты въ естественныхъ предѣлахъ; но не будемъ воображать, что ихъ можно подавить или искоренить, не вызвавъ въ

человѣкѣ дефектовъ или отупѣнія. Аскетизмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ въ данную минуту практикуется почти исключительно значительнымъ большинствомъ незамужнихъ женщинъ высшихъ сословій, есть несчастье, противоестественная вещь, жертва, зачастую приносимая ничтожному предразсудку. Жизнь инстинкта есть и остается въ такой же мѣрѣ почвой для цвѣтка фантазіи и красоты, какъ и для ядовитыхъ и зловонныхъ растеній. Если духовныя преимущества покупаются порой слишкомъ дорого принесеніемъ въ жертву чистоты и невинности, то дѣйствительная чистота, не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ только кажущаяся, тоже можетъ быть куплена слишкомъ дорогой цѣной, если ведетъ за собой снѣдающую тоску и всю ограниченность умственнаго безплодія и затаенныхъ томленій» и т. д.

Указывая, вполнѣ правильно, на отрицательныя стороны аскетизма, которыхъ игнорировать нельзя, Брандесъ въ другомъ мѣстѣ («Главн. теченія въ литерат. XIX-го в.», глава о Бональдѣ) напоминаетъ, что «идеалъ, который никогда не забудется и порою все же достигается, конечно, заключается въ томъ, чтобы два человѣческихъ существа, соединившихся на всю жизнь, любили другъ друга до самой смерти,—больше того: любили другъ друга такою любовью, которая длится и за предѣлами смерти. Но этотъ идеалъ есть слѣдствіе рѣдкаго и счастливаго выбора, а не принудительныхъ мѣръ». Итакъ, счастливый бракъ, при свободномъ выборѣ, разрѣшаетъ наилучшимъ образомъ, по мнѣнію Брандеса, сложные вопросы о цѣломудріи, объ аскетизмѣ и «шаткой добродѣтели», которая пріобрѣтаетъ устойчивость при удовлетворенномъ чувствѣ. Не будучи строгимъ и педантичнымъ моралистомъ, датскій писатель считаетъ, что и Бьернсонъ слишкомъ обострилъ требованія къ мужскому цѣломудрію, предъявляемыя во имя брака, и хотя считаетъ послѣдовательную моногамію желательнымъ явленіемъ, откровенно признается, что у него нѣтъ опредѣленныхъ мнѣній относительно того, что можетъ произойти на землѣ черезъ нѣсколько тысячелѣтій. Его больше интересуетъ вопросъ о непосредственныхъ, невольныхъ жертвахъ внѣбрачныхъ отношеній, т.-е. вопросъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ: «Разумный и желательный прогрессъ,—пишетъ Брандесъ въ статьѣ о «Мартинѣ Лютерѣ, безбрачіи и бракѣ»,—я вижу въ томъ, чтобы эротически-брачный вопросъ сдѣлался совершенно частнымъ дѣломъ, и чтобы развитіе достигло въ то же время такихъ предѣловъ, чтобы никто не бросалъ своихъ дѣтей.

«Въ наши дни есть два рода рожденій и одинъ родъ смерти. Рожденія частью законны, частью незаконны; смерть всегда законна. Въ будущемъ, можетъ быть, будутъ знать одинъ родъ рожденія, какъ и одинъ родъ смерти. Въ вѣчность нашихъ учрежденій я не вѣрю, но вѣрю, что человѣчество преодолѣетъ трудности, кажущіяся намъ неразрѣшимыми на настоящей ступени нашей культуры». *Ред.*

ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ.

Въ пользу школы **В. П. Острогорскаго** въ Валдаѣ поступило въ контору редакціи съ 20-го ноября 1902 г. до 20-го февраля:

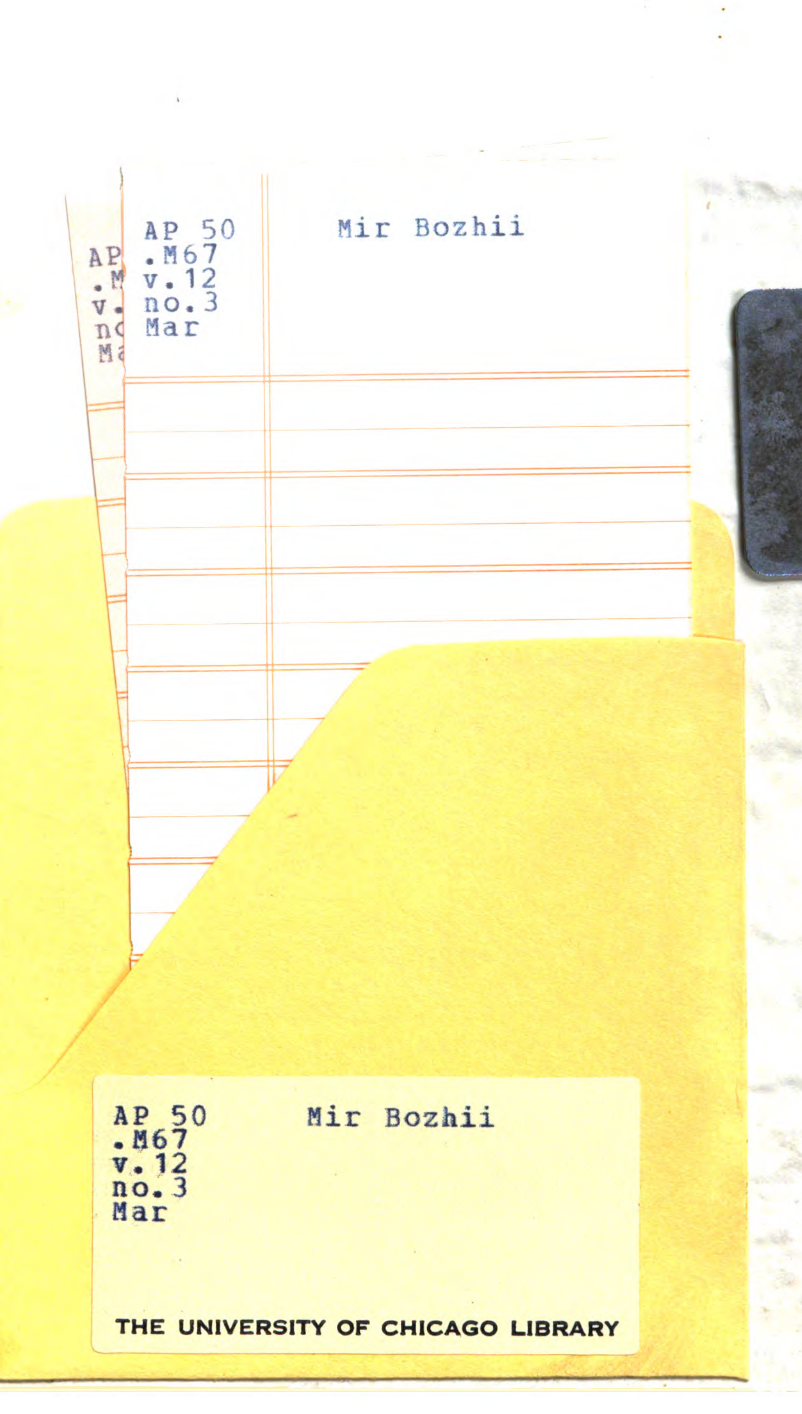
Отъ А. Д. Б.	2 р.	—	к.
» Д-ра А. А. Киселя изъ Москвы	10 »	—	»
» В. Ѳ. Лебедева	2 »	—	»
» N.	1 »	—	»
» Е. Соловьева	— »	50	»
» Тимоѳеева	1 »	—	»
» Н. Алякритскаго	— »	50	»
» В. Алякритскаго	— »	50	»
» N.	— »	50	»
» Побѣдимскаго	— »	50	»
» Сигорскаго	1 »	—	»
» Скворцова	3 »	—	»
» Побѣдимскаго	1 »	—	»
» Свящ. Г. Крутикова	1 »	—	»
» Б. Ш.	13 »	—	»
Итого	37 »	50	»
А всего съ прежде поступившими	**705** »	**91**	»

Кромѣ того поступили въ контору редакціи,

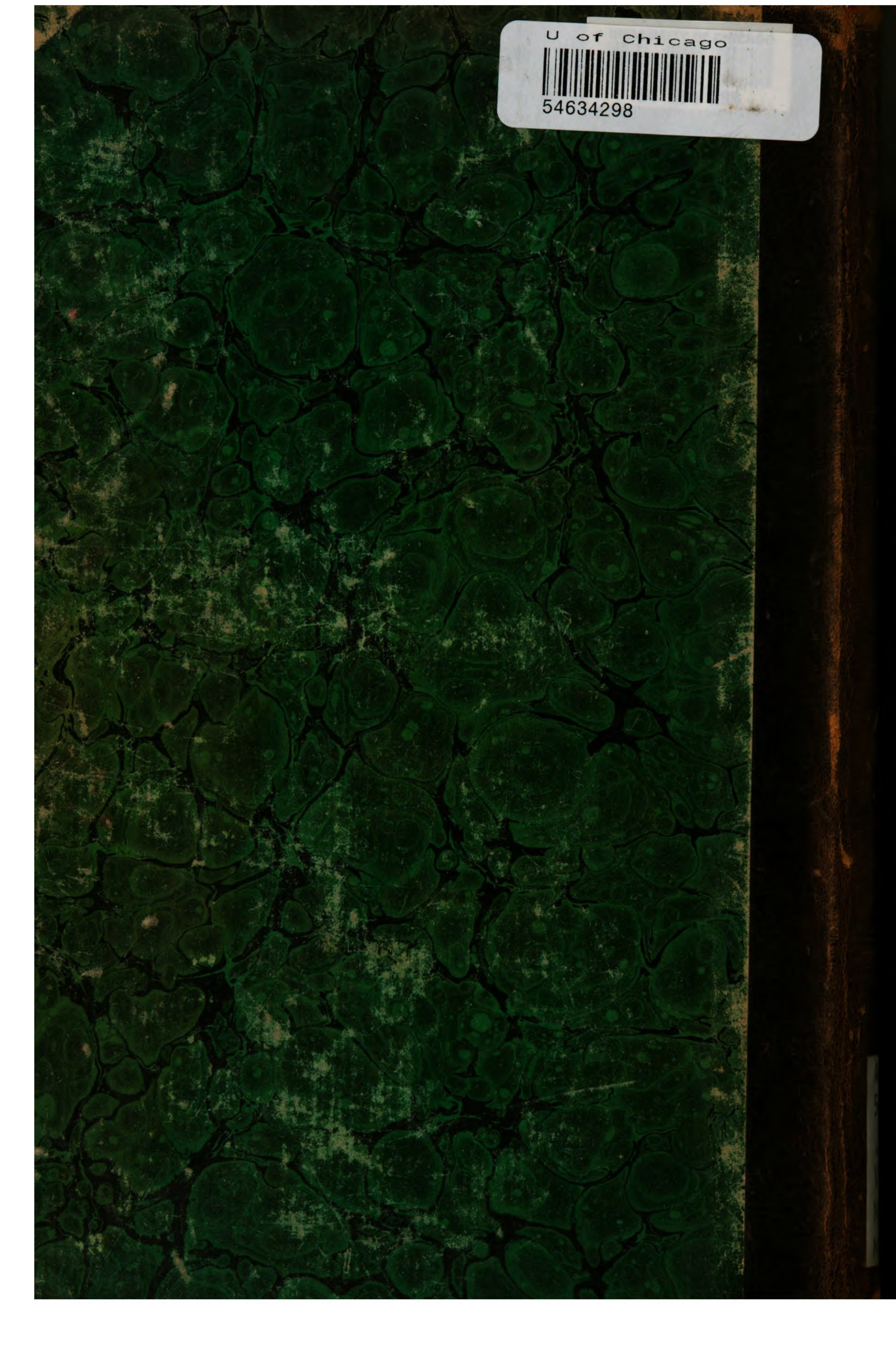
1. Отъ Ю. Е. Золотарева въ пользу школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти Н. А. Некрасова 5 »
2. Черезъ учителя И. И. Зиннера изъ Покровска Самар. губ. отъ учащихся усть-караманской земской школы и разныхъ лицъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая финляндцевъ . . . 3 » 14 »

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова**. Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ**.

6p



AP 50
.M67
v.12
no.3
Mar
Mir Bozhii


U of Chicago
54634298